ВИЛЬНЮССКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ВИКТОР ТЕРЕХОВ

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И РЕГИОНАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА: ЕВРОПЕЙСКИЙ И ЕВРАЗИЙСКИЙ АСПЕКТЫ

докторская диссертация

Социальные науки, право (01S)

Вильнюс, 2018

Диссертация подготовлена в 2013 – 2017 гг. на Юридическом факультете Вильнюсского университета

Научный руководитель:

проф. хабил. др. Витаутас Некрошюс (Вильнюсский университет, социальные науки, право – 01S).

VILNIAUS UNIVERSITETAS

Victor Terekhov

CIVILINIO PROCESO GLOBALIZACIJA IR REGIONALIZACIJA: EUROPOS IR EURAZIJOS ASPEKTAI

Daktaro disertacija

Socialiniai mokslai, teisė (01 S)

Vilnius, 2018

Disertacija rengta 2013 – 2017 metais Vilniaus universitete.

Mokslinis vadovas – prof. habil. dr. Vytautas Nekrošius (Vilniaus universitetas, socialiniai mokslai, teisė – 01 S).

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 7

I. ПОНЯТИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА, ИХ СПОСОБЫ И ФОРМЫ 26

1. Правовой подход к пониманию глобализации и регионализации гражданского процесса 26

1.1. Значение глобализации и регионализации для правовой сферы 26

1.2. Влияние глобализации и регионализации на гражданский процесс 37

2. Гармонизация и унификация как основные способы сближения гражданского процесса в условиях глобализации и регионализации 63

2.1. Понимание гармонизации и унификации права и их соотношение 63

2.2. Механизмы сближения гражданского процесса: их сильные и слабые стороны 82

II. ТЕНДЕНЦИИ СБЛИЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: «ЕВРОПЕЙСКИЙ ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС» 135

1. Европейский подход к сближению гражданского процессуального права в исторической перспективе 139

1.1. Период неупорядоченного сотрудничества (1957-1999 гг.) 142

1.2. Период коммунитаризации (1999-2007 гг.) 160

1.3. Период консолидации и конституционализации (2007 г. -) 180

2. Европейский гражданский процесс: текущий статус в правовой системе ЕС и стран-участниц 186

2.1. Понятие «европейского гражданского процесса» 186

2.2. Положительные и отрицательные черты европейского гражданского процесса 212

3. Перспективы дальнейшего сближения гражданского процессуального права в Европейском Союзе 246

III. ТЕНДЕНЦИИ СБЛИЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРЕПЯТСТВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ «ЕВРАЗИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА» 267

1. Понятие Евразийского региона и общие признаки, характеризующие его участников 269

1.1. Понятие евразийского региона 269

1.2. Общие и особенные черты ГПП стран евразийского региона .. 284

2. Способы сближения гражданского процесса в евразийском регионе 297

IV. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ И ЕВРАЗИЙСКИХ ПРОЦЕССОВ СБЛИЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА 345

1. Сходства и различия европейского и евразийского путей сближения гражданского процессуального права 347

2. Направления и способы воздействия европейских инициатив по сближению ГПП на евразийские 365

2.1. Нормативно-обязательное влияние европейских инициатив на евразийские 368

2.2. «Квазинормативное» влияние европейских инициатив на евразийские 373

2.3. Ненормативное влияние европейских инициатив на евразийские: заимствование норм и идей 380

2.4. Смешанное влияние европейских инициатив на евразийские: роль Европейской Конвенции и практики ЕСПЧ 385

3. Межрегиональное сотрудничество ЕС и ЕАЭС в сфере гражданского судопроизводства: возможности и перспективы ... 396

ВЫВОДЫ 410

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ 414

ПЕРЕЧЕНЬ ПУБЛИКАЦИЙ АВТОРА ПО ТЕМЕ РАБОТЫ 484

ПЕРЕЧЕНЬ ВЫСТУПЛЕНИЙ АВТОРА ПО ТЕМЕ РАБОТЫ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ 486

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность, научная новизна, теоретическое и практическое значение исследования. Длительное мирное сосуществование стран мира, открытость границ, развитие средств транспорта и связи вызвали к жизни явления глобализации и регионализации, объединяющие государства и их граждан в масштабе всей планеты или ее части.[1] Появившись изначально как экономические феномены, они распространились к началу XXI века на все сферы общественной жизни, в том числе на правовую. Для последней глобализация и регионализация означают сближение норм, институтов, отраслей и целых правовых систем отдельных стран. Наибольшие изменения претерпевают отрасли, связанные с «включенностью» в мировые процессы, регулирующие взаимодействие между субъектами из разных стран и способствующие поддержанию прочных хозяйственных связей. До недавних пор к таковым относились коммерческое, корпоративное, инвестиционное, трудовое и другие отрасли, относящиеся к числу материальных. Вместе с тем, отрасли процессуального права, закрепляющие порядок деятельности публичных органов по рассмотрению споров, сопротивлялись внешнему влиянию, оставаясь консервативными и самобытными.[2] Однако учитывая потребности взаимодействия частных лиц из разных стран и становление ключевых процессуальных идей (доступа к правосудию, справедливого суда, разумного срока рассмотрения дела) в качестве основополагающих принципов, закрепленных в международно-правовых документах, потребности сближения возникают и здесь. Особенно актуальна проблема сближения национальных норм гражданского процесса (ГПП) становится для стран, объединенных в определенную организацию региональной интеграции,

[1] KIM, M.; CAPORASO, J. Globalisation: Trends, Limits, and Controversies. In: *Globalisation, Multilateralism, Europe: Towards a Better Global Governance?* Ed.: M. Telò. Ashgate: Farnham, 2013, p. 16-17.

[2] *Принципы трансграничного гражданского процесса*. Москва: Инфотропик Медиа, 2011, с. XXXIV.

где существуют собственные правовые режимы, нуждающиеся в процессуальных гарантиях. Сказанное актуально в том числе для Литвы, являющейся участницей Европейского Союза (ЕС), и таких стран, как Россия, Беларусь и Казахстан, которые в данный момент осуществляют построение нового объединения – Евразийского экономического союза (ЕАЭС).

В мире существует немало инициатив, направленных на сближение национального ГПП на глобальном или региональном уровнях. К их числу следует отнести международные конвенции, принимаемые Гаагской Конференцией[3] и различными объединениями стран,[4] а также не обладающие нормативной силой Принципы трансграничного гражданского процесса или находящиеся в стадии разработки Правила европейского гражданского процесса.[5] Все это свидетельствует о пристальном внимании практиков, научного сообщества и представителей государств к проблеме сближения ГПП, о поиске ими путей и способов наилучшей организации этой деятельности.

Между тем, в науке названная проблема не была должным образом изучена. Категория «сближения» используется авторами вместе с другими понятиями («гармонизация», «унификация»), но без установления четкого соотношения между ними; не дается оценки используемым инструментам и механизмам сближения; не предлагается комплексного подхода к сближению ГПП, который бы учитывал как потребности сотрудничества, так и необходимость защиты прав человека.

---

[3] Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам, заключена в Гааге 15 ноября 1965 г. *Собрание законодательства РФ*, 2004, № 50, ст. 4951; *Конвенция о международном доступе к правосудию*, Заключена в Гааге 25 октября 1980 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 16.05.2016]. Доступ через интернет: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=28402>; *Конвенция в отношении соглашений о выборе суда*, заключена в Гааге 30 июня 2005 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 16.05.2016]. Доступ через интернет: <http://www.chinaruslaw.com/RU/International/2015930130210_656063.htm>.

[4] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. *Собрание законодательства РФ*, 1995, № 17, ст. 1472; Соглашение стран СНГ от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности». *Закон*, 1993, № 1.

[5] KRAMER, X. Towards ELI-UNIDROIT Model Rules of Civil Procedure: Basic Premises and Challenges. *Bay Area Civil Procedure Forum*, Hastings (San Francisco), 19 April 2016, p. 1-10.

Более того, в научном сообществе взгляды на перспективы сближения ГПП разнятся от достаточно оптимистических[6] до крайне скептических.[7] Без четкой теоретической проработки вопросов необходимости и потенциальных направлений изменений в национальном гражданском процессуальном праве эффективность принимаемых мер будет низкой, а потраченные на осуществление любых реформ деньги и время окажутся напрасными.

До сих пор отсутствуют самостоятельные научные исследования вопросов сближения норм ГПП под воздействием глобальных и региональных тенденций. В Литве существует несколько диссертаций, касающихся признания и исполнения зарубежных решений (одно из основных направлений сближения),[8] однако написаны они были достаточно давно и не учитывают многих тенденций последних лет. Современные же работы главным образом представлены статьями,[9] которые носят более описательный, нежели аналитический характер, либо касаются тематики сближения лишь опосредованно, ставя во главу угла иные вопросы.[10]

Гораздо большее количество публикаций посвящено не общей теории сближения ГПП, а конкретным его проявлениям в определенном регионе. Больше всего таких работ касается ЕС и написано авторами из

---

[6] FARROW, T. Globalization, International Human Rights and Civil Procedure. Alberta Law Review, 2003, Vol. 41(3), p. 687-688.

[7] МАЛЕШИН, Д.Я. Гражданская процессуальная система России. Москва: Статут, 2011, с. 114-115.

[8] PERKAUSKAS, A. *Jurisdikcijų kolizijų ir užsienio teismų sprendimų pripažinimo bei vykdymo teisinis reguliavimas: unifikavimo tendencijos* (Daktaro disertacija). Vilnius: Vilniaus universitetas, 2002, 217 p.; GUMULIAUSKIENĖ, L. *Užsienio teismų sprendimų pripažinimas ir vykdymas civiliniame procese* (Daktaro disertacija). Vilnius: Mykolo Romerio Universitetas, 2008, 216 p.

[9] BUČINSKAITĖ, R. ES integracijos galimybės piliečiams ir verslui: naujas teismų sprendimų civilinėse ir komercinėse bylose pripažinimo bei vykdymo reglamentavimas. *Tiltai*, 2015, t. 3, p. 41-64; LIUBERTAITĖ, L. Europos Sąjungos kompetencija tarptautinės privatinės teisės srityje: ribų beieškant. *Teisė*, 2011, t. 79, p. 92-106; MIKELĖNAS, V. Civilinio proceso teisės vienodinimas bei derinimas ir naujasis Lietuvos Civilinio Proceso Kodeksas. *Jurisprudencija*, 2002, t. 28(20), p. 178-183.

[10] VIENAŽINDYTĖ, J. *Bosphorus prezumpcija ir Europos Sąjungos prisijungimas prie Europos žmogaus teisių ir pagrindinių laisvių apsaugos konvencijos*. Daktaro disertacija. Vilnius, 2016, 252 p.

стран Западной Европы. Среди них есть как диссертационные исследования,[11] так и глубокие по содержанию статьи.[12] Вместе с тем, далеко не всеми из авторов поднимается проблематика сближения, глобализации и регионализации, а также предлагаются общие выводы о перспективах развития ГПП в странах-участницах ЕС (немногие авторы ограничиваются простым их перечислением). Что же касается другого затронутого данной работой региона (евразийского), то самостоятельные публикации о сближении ГПП в нем практически отсутствуют, лишь некоторое количество работ касается описания происходящих в соседнем ЕС процессов,[13] однако им не дается должной оценки и не делается вывод о возможности использования тех или иных наработок в рамках ЕАЭС. Не оценивались до сих пор также перспективы и возможные формы взаимодействия двух выделенных регионов.

В связи с вышеизложенным данная работа представляет значение как для теории, так для практики, поскольку предлагает ответы на вопросы, которые еще не нашли своего однозначного решения ни академиками, ни субъектами нормотворчества. В ходе проведенного исследования были установлены позитивные и негативные аспекты регулирования, сделаны общие выводы относительно необходимых изменений. Сформулированные выводы помогут Литве и другим странам

---

[11] KRUGER, T. *Civil Jurisdiction Rules of the European Union and Their Impact on Third States* (Doctoral thesis). Leuven: Katholieke Universiteit Leuven, 2005, 367 p.; LASSERRE, M.-C. *Le droit de la procédure civile de l'Union Européenne forme t-il un ordre procédural?* Thèse pour le doctorat en Droit. Nice: Université de Nice Sophia-Antipolis, 2013, 657 p.; VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice after the Lisbon Treaty. Perspectives for a Coherent Approach* (PhD thesis). London: University College London, 2013, 296 p.

[12] KRUGER, T. The Disorderly Infiltration of EU Law in Civil Procedure. *Netherlands International Law Review*, 2016, Vol. 63, p. 1-22; TULIBACKA. M. Europeanization of Civil Procedures: in Search of a Coherent Approach. *Common Market Law Review*, 2009, Vol. 46, p. 1527-1565; VERNADAKI, Z. Civil procedure Harmonisation in the EU: Unravelling the Policy Considerations. *Journal of Contemporary European Research*, 2013, Vol. 9(2), p. 298-312.

[13] БРАНОВИЦКИЙ, К.Л. Тенденции развития гражданского судопроизводства на Евразийском пространстве. В: *Развитие мирового правопорядка: институты и механизмы (доклады исполнительного комитета к XI сессии Европейско-Азиатского правового конгресса)*. Екатеринбург, 2017, с. 57-64; ЕРМАКОВА, Е.П.; СИТКАРЕВА, Е.В. *Право Европейского Союза: порядок разрешения частноправовых споров*. Москва: Юрлитинформ, 2016, 224 с.; НАХОВА, Е.А. Перспективы гармонизации доказательственного права в арбитражном судопроизводстве в процессуальном законодательстве стран-участниц ЕврАзЭС. *Человек и закон*, 2014, № 1, с. 36-42.

улучшить взаимодействие как в рамках собственных регионов, так и в межрегиональном масштабе. Исследование должно облегчить и работу с международными и наднациональными актами, посредством которых происходит сближение процессуального права, их более эффективную имплементацию государствами. Работа может быть полезна законодателям, работникам наднациональных и международных органов, участвующих в подготовке актов, унифицирующих и гармонизирующих национальные отрасли гражданского процесса. Главным образом речь идет об институтах ЕС и ЕАЭС, однако с необходимыми изменениями выводы исследования могут быть использованы и другими объединениями, сталкивающимися с аналогичными проблемами. Положения настоящего исследования могут также быть использованы в педагогических целях при обучении таким дисциплинам, как «Европейский гражданский процесс», «Гражданский процесс СНГ/ЕАЭС» и «Сравнительное гражданское судопроизводство». Кроме этого, работа может создать необходимые предпосылки для более широкого обсуждения и научной проработки тех тем, что были затронуты в ходе проведенного исследования.

Цель и задачи исследования. *Цель работы* – системно и всесторонне изучить особенности проявления тенденций глобализации и регионализации ГПП в таких объединениях, как Европейский Союз (европейский аспект) и Содружество Независимых Государств / Евразийский экономический союз (евразийский аспект), определить способы и механизмы их влияния на национальное процессуальное право (включая присущие им проблемы и недостатки), выявить особенности функционирования моделей сближения ГПП в каждом из регионов и сопоставить их друг с другом, а также сформулировать по результатам проведенного анализа выводы и предложения.

Для достижения указанной цели перед исследованием ставятся следующие *задачи*:

1) всесторонне проанализировать понятие глобализации и регионализации гражданского процесса;

2) определить содержание и соотношение двух способов сближения – гармонизации и унификации;

3) дать трактовку механизмам, используемым для сближения права (международному договорному, наднациональному, судебному, ненормативному и вспомогательному), оценить их сильные и слабые стороны;

4) комплексно изучить модель сближения ГПП в европейском регионе (на примере Евросоюза), обращая внимание на ее историческое развитие, текущее состояние и перспективы развития;

5) комплексно изучить модели сближения ГПП, существующие в евразийском регионе, включая определение круга стран, составляющих его, их общих и особенных черт, а также предпосылок для более тесной интеграции;

6) оценить глубину и направления влияния двух рассмотренных региональных моделей сближения ГПП друг на друга, перспективы их взаимодействия.

Объект и предмет исследования. Как следует из названия работы, ее *объектом* являются имеющие место в гражданском процессе современности тенденции глобализации и регионализации, проявляющиеся в планомерном сближении национальных отраслей ГПП, обретении ими сходных черт и качеств. Объем работы и поставленные цель и задачи не позволяют затронуть абсолютно все аспекты глобализации и регионализации в процессуальной сфере. По этой причине объект исследования имеет определенные рамки. *Во-первых*, территориально он ограничивается европейским и евразийским регионами. Причина такого решения заключается в стремлении дать оценку наиболее развитым по своей глубине процессам (которые характерны для ЕС) и сопоставить их с ближайшим соседним регионом (ЕАЭС), который имеет немало сходных черт, но в то же время в немалой

мере и отличается от Евросоюза. Выбор для исследования только этих регионов позволит детальнее изучить процессы глобализации и регионализации ГПП на конкретных примерах, получить более точные и полезные для практики выводы. Соответственно, аналогичные тенденции в других регионах (Северная и Южная Америка, Юго-Восточная Азия, арабские страны) не будут затронуты исследованием. В то же время в первом разделе работы будут рассмотрены общие концепции, которые являются актуальными для любого региона мира. *Во-вторых*, работа касается гражданского процесса, а не материального права. В этой связи не будут рассматриваться вопросы применимого права, которые хотя и связываются многими авторами с гражданским процессом (в рамках МЧП), но все же не являются его частью.[14] *В-третьих*, гражданский процесс (как отрасль, регламентирующая производство в государственных судах) отграничивается от различных форм внесудебного разбирательства: арбитража, медиации, консилиации и т.д. Последние будут лишь вкратце затронуты во втором разделе для демонстрации особенностей компетенции ЕС в процессуальной сфере. В остальном же они традиционно не считаются частью ГПП, а потому развиваются по своим собственным законам, что означает неприменимость к ним большинства выводов настоящей работы. Влияние на них глобализации и регионализации заслуживает отдельного комплексного исследования. *В-четвертых,* изучаться будут только те изменения в ГПП, которые являются прямым следствием глобализации и регионализации. С нашей точки зрения к таковым относится сближение, представленное совокупностью двух самостоятельных способов: унификацией и гармонизацией. Все прочие явления, выделяемые отдельными исследователями, либо не находятся в зависимости от глобализации и регионализации (одностороннее заимствование, рецепция, кодификация и консолидация), либо дублируют уже названные понятия (аппроксимация, конвергенция), либо не имеют существенной

[14] COLLIER, J. *Conflict of Law*s. Cambridge: CUP, 2001, p. 3-5.

научной значимости (координация, стандартизация, синхронизация, компатибилитация). *В-пятых*, изучаться будет преимущественно международный (или надгосударственный) аспект, а не процессуальные системы отдельных стран региона. Соответственно, внимание будет уделяться тому, какие инструменты используются для построения мировых (или региональных) комплексов ГПП, а не тому, как происходит имплементация единых стандартов в право какого-либо национального государства. Настоящая работа исходит из того, что последняя не имеет собственной специфики, а потому не содержит и проблематики для исследования. В то же время, государства могут сталкиваться с определенными сложностями в ходе такой имплементации, но в силу особого предмета они заслуживают самостоятельного исследования в рамках иной работы. Наконец, *в-шестых*, настоящая работа представляет собой общее исследование сближения ГПП (в целом и в представленных регионах), в связи с чем не будет детально касаться отдельных его направлений (коммерческих, семейных, трудовых, потребительских споров), а лишь затронет вопросы, характерные для них в целом.

Исходя из сказанного, *предметом* исследования следует считать деятельность институтов ЕС и ЕАЭС (и связанных с ними органов и лиц) и принимаемые ими акты, направленные на сближение (гармонизацию и унификацию) национальных отраслей ГПП.

Обзор источников по теме исследования. Специфика объекта исследования и поставленные цель и задачи требуют особого подхода к выбору источников. Все их можно разделить на 4 большие группы: (1) нормативные источники; (2) ненормативные источники; (3) специальная литература и (4) судебная практика. Именно в таком виде они представлены в перечне использованных источников в конце работы.

(1) Нормативные источники. Специфика работы предопределяет обращение к особым категориям источников, к числу которых относятся преимущественно международные договоры и наднациональные акты (но не акты какого-либо одного государства). Гражданскому процессу

посвящено не так много актов, как некоторым другим областям права, но самые основные было необходимо привести для того, чтобы продемонстрировать, как именно осуществляется воздействие на национальные отрасли, какие отношения и темы оказываются затронутыми. На общемировом уровне отмечаются прежде всего Конвенции, принятые в рамках Гаагской Конференции по международному частному праву.[15] На региональном уровне внимание уделяется преимущественно договорам о подсудности и признании и исполнении решений,[16] поскольку именно затрагиваемые ими вопросы являются приоритетными в процессе глобализации и регионализации ГПП. Особое место занимают акты наднационального характера, которые в силу их особого характера существуют только в правопорядке ЕС. Из них важнейшими являются Регламенты 1215/2012 и 2201/2003 о признании и исполнении решений, 805/2004, 1896/2006 и 861/2007 о введении автономных процедур, а также Директивы 2002/8/ЕС о правовой помощи и 2008/52/ЕС о медиации. Национальные акты (Конституции и отраслевое законодательство) затрагиваются постольку, поскольку необходимо показать специфику правового регулирования, особенности восприятия той или иной страной мировых или региональных стандартов.

(2) Ненормативные источники представлены в работе прежде всего модельными (типовыми) актами, которые рассматриваются как один из механизмов сближения ГПП. Основным таким актом на международном уровне являются Принципы трансграничного

---

[15] Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам, заключена в Гааге 15 ноября 1965 г. *Собрание законодательства РФ*, 2004, № 50, ст. 4951; *Конвенция о международном доступе к правосудию*, Заключена в Гааге 25 октября 1980 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 16.05.2016]. Доступ через интернет: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=28402>; *Конвенция в отношении соглашений о выборе суда*, заключена в Гааге 30 июня 2005 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 16.05.2016]. Доступ через интернет: <http://www.chinaruslaw.com/RU/International/2015930130210_656063.htm>.

[16] Convention on Jurisdiction and the Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters (Brussels, 1968). *Official Journal of the European Communities*, 1972, L 299, p, 32-42; Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. *Собрание законодательства РФ*, 1995, № 17, ст. 1472.

гражданского процесса ALI/UNIDROIT, детально рассмотренные в первом разделе работы. В каждом из изучаемых регионов есть собственные ненормативные акты сближения – в ЕС можно отметить Рекомендацию Комиссии о групповых исках,[17] а в СНГ – многочисленные модельные акты (о судоустройстве, медиации, исполнительном производстве).[18] В европейском регионе значимую роль играли также политические «Программы действий»,[19] содержащие декларативные нормы, в соответствии с которыми строилась правовая политика сближения ГПП в регионе на несколько лет вперед.

(3) *Специальная литература.* Как уже отмечалось выше, в Литве и за рубежом не так много самостоятельных научных исследований, посвященные проблемам глобализации и регионализации гражданского процесса. В то же время, существует определенное количество работ по отдельным аспектам рассматриваемого нами предмета. Так, в формировании собственного представления о понятии гармонизации и унификации настоящая работа опиралась на диссертацию С.В. Бахина,[20] монографию K. Boele-Woelki[21] и ряд научных статей.[22] При анализе

[17] Commission Recommendation 2013/396/EU of 11 June 2013 on common principles for injunctive and compensatory collective redress mechanisms in the Member States concerning violations of rights granted under Union Law. *Official Journal of the European Union*, 26.07.2013, L 201, p. 60-65.

[18] Постановление МПА СНГ от 3 декабря 2009 г. № 33-25 *об утверждении Модельного исполнительного кодекса для государств-участников СНГ*. [электронный ресурс. Дата доступа: 10.12.2016]. Доступ через интернет: <http://iacis.ru/upload/iblock/1d3/ass_33_22a.pdf>; Постановление МПА СНГ от 29 ноября 2013 г. № 39-14 *об утверждении модельного закона о медиации (внесудебном урегулировании споров)* [электронный ресурс. Дата доступа: 10.12.2016]. Доступ через интернет: <http://iacis.ru/upload/iblock/b4f/prilozhenie_k_postanovleniyu_39_14.pdf>; Постановление МПА СНГ от 16 мая 2011 г. № 36-12 *об утверждении Модельного Кодекса о судоустройстве и статусе судей для государств-участников СНГ* [электронный ресурс. Дата доступа: 10.12.2016]. Доступ через интернет: <http://iacis.ru/upload/iblock/a60/12a_2011.pdf>.

[19] Draft Programme of measures for implementation of the principle of mutual recognition of decisions in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Union*, 15.01.2001, C 12, p. 1-9; The Hague Programme: Strengthening Freedom, Security and Justice in the European Union. *Official Journal of the European Union*, 03.03.2005, C 53; The Stockholm Programme: an open and secure Europe serving and protecting citizens. *Official Journal of the European Union*, 04.05.2010, C 115.

[20] БАХИН, С.В. *Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем*. Диссертация доктора юридических наук, Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2003, 360 с.

[21] BOELE-WOELKI, K. *Unifying and Harmonizing Substantive Law and the Role of Conflict of Laws*. Leiden: Brill, 2010, 288 p.

«европейского гражданского процесса» использовались работы G. Bayraktaroğlu,[23] B. Hess,[24] K. Kerameus,[25] X. Kramer,[26] M. Storme,[27] M. Tulibacka,[28] Z. Vernadaki,[29] И.А. Изаровой[30] и других авторов. Немногочисленные доктринальные источники, посвященные евразийскому региону, составляют труды K. Czerewacz-Filipowicz, A. Konopelko,[31] V. Komarov,[32] Д.Я. Малешина[33] и других. Наконец, в завершающем разделе исследования использовались работы таких авторов, как F. Dutilleul, M. Niedźwiedź, P. Mostowik и Ch. Kotuby,

---

[22] BOODMAN, M. The Myth of Harmonization of Laws. *American Journal of Comparative Law*, 1991, Vol. 39(4), p. 699-724; DUTILLEUL, F. L'harmonisation internationale du droit privé, *Revue Générale de Droit*, 1993, Vol. 24, p. 227-235; КРУТИЙ, Е.А. Соотношение понятий унификации и кодификации в современном международном частном праве, *Международное публичное и частное право*, 2012, № 3, с. 7-9; БЕЗБОРОДОВ, Ю.С. Методы международно-правовой конвергенции. *Российский юридический журнал*, 2015, № 4, с. 30-32.

[23] BAYRAKTAROĞLU, G. Harmonization of Private International Law at Different Levels: Communitarization v. International Harmonization. *European Journal of Law Reform*, 2003, Vol. 5, p. 127-172.

[24] HESS, B. The Brussels I Regulation: Recent Case Law of the Court of Justice and the Commission's Proposed Recast. *Common Market Law Review*, 2012, Vol. 49, p. 1075-1112; HESS. B. The Integrating Effect of European of European Civil Procedure Law. *European Journal of Law Reform*, 2002, Vol. 4, p. 3-18.

[25] KERAMEUS, K.D. Une Procédure Civile Sans Frontières Harmonisation et Unification du Droit Procédural. *Revue Hellénique de Droit International*, 1999, Vol. 52, p. 515-534; KERAMEUS, K. Procedural Harmonization in Europe. *American Journal of Comparative Law*, 1995, Vol. 43(3), p. 401-416.

[26] KRAMER, X. *Procedure Matters: Construction and Deconstruction in European Civil Procedure*. Rotterdam: Eleven International Publishing, 2013, 30 p.

[27] STORME, M. A Single Civil Procedure for Europe: a Cathedral Builders' Dream. *Ritsumeikan Law Review*, 2005, Vol. 22, p. 87-100; STORME, M. Improving Access to Justice in Europe, *Teka Komisji Prawniczej*, 2010, Vol. 3, p. 207-217.

[28] TULIBACKA. M. Europeanization of Civil Procedures: in Search of a Coherent Approach. *Common Market Law Review*, 2009, Vol. 46, p. 1527-1565.

[29] VERNADAKI, Z. Civil procedure Harmonisation in the EU: Unravelling the Policy Considerations. *Journal of Contemporary European Research*, 2013, Vol. 9(2), p. 298-312.

[30] ИЗАРОВА, И.А. *Теоретические и практические основы гармонизации гражданского процесса Европейского Союза и Украины* (автореферат диссертации доктора юридических наук). Киев: Институт государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины, 30 с.

[31] CZEREWACZ-FILIPOWICZ, K.; KONOPELKO, A. *Regional Integration Processes in the Commonwealth of Independent States: Economic and Political Factors*. Dordrecht: Springer, 2017, 348 p.

[32] KOMAROV, V. Harmonisation of civil procedural law in Eurasia: Ukrainian Report. In: *Civil Procedure in Cross-cultural Dialogue: Eurasia Context (IAPL World Conference on Civil Procedure, September 18–21, 2012, Moscow, Russia).* Ed.: D. Maleshin. Moscow: Status, 2012, 608 p. (p. 401-412).

[33] МАЛЕШИН, Д.Я. *Гражданская процессуальная система России*. Москва: Статут, 2011, 496 с.

посвященные внешним полномочиям ЕС и межрегиональному взаимодействию.[34]

(4) Судебная практика. Немаловажную роль в работе играет судебная практика надгосударственных судов (Европейского Суда по правам человека, Суда ЕС и Суда ЕАЭС), посредством которых также происходит формирование единых стандартов гражданского правосудия. Судебная практика национальных судов не отвечает заявленным критериям (не служит инструментом сближения ГПП), а потому не составляет один из источников работы.

Все упомянутые выше и иные приводимые в исследовании источники и литература были собраны как в Литве, так и за рубежом, в ходе научных поездок в Вену, Варшаву, Люксембург, Париж и Палермо. Данные по СНГ/ЕАЭС собирались в ходе поездок в Москву, Екатеринбург, Омск (Российская Федерация), Брест, Минск и Гродно (Республика Беларусь), Киев и Харьков (Украина).

Методология исследования. Для достижения цели и решения поставленных задач в исследовании используется комплекс научных методов теоретического и эмпирического исследования: системный, логический анализ, сравнительно-правовой, исторический, телеологический, лингвистический, документарный анализ, дискуссия / интервьюирование. Преобладание теоретических методов определяется преимущественно доктринальным (а не практическим) характером предмета работы.

Системный метод применяется в первом разделе работы, чтобы суммировать все знания о таких явлениях, как «сближение», «гармонизация» и «унификация» и выстроить связи между ними. Во втором и третьем разделе он используется для характеристики

[34] DUTILLEUL, F. L'harmonisation internationale du droit privé, *Revue Générale de Droit*, 1993, p. 227-235; NIEDŹWIEDŹ, M.; MOSTOWIK, P. Implications of the ECJ 'Lugano II' Opinion for European Union's External Actions Concerning Private International Law. *Yearbook of Polish European Studies*, 2010, Vol. 13, p. 129-148; KOTUBY, Ch. External Competence of the European Community in the Hague Conference on Private International Law: Community Harmonization and Worldwide Unification. *Netherlands International Law Review*, 2001, Vol. 48, p. 1-30.

«европейского» и «евразийского» гражданского процесса не как хаотичной совокупности норм, но как упорядоченного целого, имеющего развитую внутреннюю структуру.

Метод логического анализа (*индукция*, *дедукция*, *синтез*) применяется во всех разделах работы для уяснения содержания и внутренней логики правовых норм и доктринальных позиций (их связанности и непротиворечивости), а также при формулировании промежуточных и итоговых выводов.

Сравнительно-правовой метод используется на протяжении всей работы для сопоставления между собой отдельных механизмов сближения, положений актов ЕС (принятых в разное время и на основании различных правовых «базисов»), а также инструментов гармонизации и унификации ЕС с таковыми в ЕАЭС.

Исторический метод используется во втором разделе при исследовании путей и способов зарождения, становления и последовательного развития идей о сближении процессуального права в ЕС. В третьем разделе он применяется для обоснования общности нормативной базы стран евразийского региона путем отсылки к истории их совместного существования и развития в рамках Российской Империи и СССР.

Телеологический метод используется для объяснения того, с какой целью были приняты те или иные акты ЕС, а также введены в оборот новые (специальные) принципы «взаимного признания» и «взаимного доверия». В первом разделе работы данный метод позволил установить предпосылки для сближения процессуального права, а в третьем – подтвердить их наличие в евразийском регионе.

Лингвистический (грамматический) метод применяется в работе для прояснения обычного (языкового) значения многих используемых терминов («глобализация», «регионализация», «механизм сближения», «гармонизация», «унификация», «европеизация» и т.д.), а также их отличия друг от друга.

Документарный анализ использовался при работе с основными источниками (международными, наднациональными актами и судебной практикой) для установления ключевых особенностей регулируемых ими правоотношений. Также он применялся при анализе подготовительных материалов (законопроектов), политических программ и актов «мягкого права».

Метод дискуссии / интервьюирования использовался при общении с учеными и практическими деятелями из Литвы и других стран. При этом узнавалось их мнение относительно перспектив сближения гражданского процесса, наиболее оптимальных механизмов и инструментов для этого, а также потенциальных областях отрасли, которые должны подвергаться гармонизации или унификации. В ряде случаев данный метод помогал прояснить значение неясных правовых норм и/или позиций судебных органов по тем или иным вопросам.

Положения, выносимые на защиту:

1. Проявлением глобализации и регионализации в праве является сближение правовых систем разных стран. При этом наиболее плодотворны инициативы по региональному, а не общемировому сближению, поскольку между странами одного региона присутствует большее количество общих черт.

2. Национальные отрасли гражданского процесса имеют устойчивую структуру и тесно связаны с местными традициями, культурой, а также с проявлением государственного суверенитета. Тем не менее, в современном мире возможно, и даже необходимо, сближение норм, институтов и отраслей ГПП разных стран, для чего существует немало предпосылок. Данные предпосылки условно можно свести к двум основным доводам: (1) необходимости стран мира сотрудничать друг с другом и (2) необходимости гарантировать реализацию основных прав человека (которые включают в т.ч. и процессуальные принципы).

3. Сближение права может осуществляться при помощи двух основных способов: унификации и гармонизации. При этом первая

предполагает создание единых для разных стран норм, а вторая – установление непротиворечивого регулирования. Аргументируется, что именно второй способ сближения является более подходящим для такой отрасли, как гражданский процесс, поскольку не требуется (и не представляется возможной) замена всех его положений на национальном уровне общими и приемлемыми для всех нормами.

4. Определяется, что гармонизация и унификация как виды правовой деятельности осуществляются посредством определенных нормативных методов (механизмов), к которым следует отнести международное договорное правотворчество, наднациональное правотворчество, международное судебное правотворчество, юридически необязательное (модельное) нормотворчество. Каждый из них характеризуется использованием особых инструментов (источников), а также собственным набором участников и различным итоговым результатом.

5. Устанавливается, что в рамках Европейского Союза возникло особое распределение отношений между странами-участницами и институтами ЕС в области регулирования ГПП. Если первые самостоятельно регламентируют большую часть внутренних вопросов судопроизводства, то второй вмешивается тогда, когда речь заходит о «трансграничных» отношениях между несколькими странами-участницами. Создаваемый ЕС комплекс норм обозначается как «европейский гражданский процесс», однако он не является зеркальным отображением национальных процессуальных отраслей, а имеет собственное содержание, цели и задачи. По сути, он имеет вспомогательное значение и оказывается задействован при выходе процессуального отношения за рамки одной страны-участницы. Кроме того, Евросоюзу принадлежит и право централизованной (квази-федеративной) власти, а потому в рамках европейского гражданского процесса он также принимает общие принципы и правила, которые

распространяются как на его собственные институты, так и на внутреннее право стран-участниц.

6. В евразийском регионе отчетливо наблюдается необходимость регулирования тех же отношений, что и в ЕС, однако нынешняя степень их упорядочения далека от идеала. Такое объединение, как СНГ, является слишком аморфным и неспособным к прогрессивному развитию, в связи с чем дальнейшее развитие должно происходить в рамках ЕАЭС, объединяющего меньшее количество стран, имеющих, однако, более развитые связи. Доминирующие ныне инструменты сближения (международные договоры и модельные акты) устарели и не демонстрируют достаточной эффективности. Странам необходимо использовать такие механизмы, как наднациональное и международное судебное правотворчество для достижения наилучших результатов.

7. В отношениях между ЕС и ЕАЭС последний мог бы руководствоваться опытом первого. При этом одностороннее копирование и следование слабо проработанным политическим программам не дает желаемого эффекта. Наилучшим решением является прямое межрегиональное взаимодействие двух объединений с заключением между ними юридически обязательного акта по ключевым вопросам международного гражданского процесса (подсудность, признание и исполнение решений, оказание правовой помощи).

Структура работы. Структуру работы определяют официально сформулированные требования к форме и содержанию диссертационных исследований,[35] а также выбранные объект, цель и задачи исследования. Настоящая работа состоит из 4 основных частей: (1) введения, включающего изложение актуальности и новизны, цели и задач, объекта и предмета, литературы и методологии исследования; (2) основной части, содержащей описание основных этапов и ключевых идей исследования; (3) выводов, отражающих результаты исследования; (4) перечня

[35] Lietuvos mokslo tarybos 2003 m. lapkričio 19 d. nutarimas Nr. VI-4 „Dėl Doktorantūros nuostatų 32, 38, 40, 53 ir 54 punktų reikalavimų“. *Valstybės žinios*, 2003, Nr. 113-5110.

использованных для подготовки работы источников, включающих правовые, ненормативные акты, специальную литературу (книги, монографии и пособия, диссертационные исследования, статьи и интерактивные ресурсы) и судебную практику. В конце работы также приводится перечень научных работ (основных и иных) автора и перечень конференций, в которых он принял участие.

Говоря об *основной части работы*, следует отметить, что она состоит из четырех разделов, разделенных также на части и параграфы.

В первой части *первого раздела* устанавливается понятие глобализации и регионализации в праве, их соотношение между собой. Определяется, что сущностью обоих процессов является сближение в праве (разное по своим масштабам и глубине). Далее исследуется возможность и необходимость сближения применительно к такой отрасли, как гражданский процесс. Установив их наличие, исследование обращается (во второй части раздела) к возможным способам и механизмам такого сближения, последовательно оценивая их сильные и слабые стороны.

Во *втором разделе* последовательно изучается прошлое, настоящее и будущее сближения ГПП в Европейском Союзе. Устанавливаются основные этапы становления правового регулирования отрасли в этом объединении, рассматриваются положительные и отрицательные стороны текущего правового режима и изучаются потенциальные способы его дальнейшего развития, включая определение наиболее перспективного из них.

В *третьем разделе* исследуются особенности сближения процессуального права в евразийском регионе. Дается общее понятие этого региона и определяется субъектный состав его участников. После этого устанавливаются общие признаки, позволяющие говорить о возможности объединения соответствующих государств под общим названием. Рассматриваются все существующие и потенциальные

механизмы сближения ГПП в регионе, делается вывод о том, какие из них являются наиболее перспективными.

В *последнем* (*четвертом*) *разделе* устанавливается, каким образом взаимодействуют процессуальные правопорядки европейского и евразийского регионов, как ЕС (и Совет Европы) распространяют свое влияние вовне, как может происходить сотрудничество двух регионов и какие аспекты процессуального права являются для него приоритетными.

Работа завершается *общими выводами* по теме проведенного исследования.

Апробация результатов исследования. Автором данной работы в период с 2014 по 2017 гг. был подготовлен ряд статей по теме исследования. Две из них были опубликованы в научном журнале юридического факультета Вильнюсского университета *"Teisė"*,[36] остальные – в российских и белорусских журналах (*Арбитражный и гражданский процесс*, *Вестник гражданского процесса*, *Вестник Гродненского государственного университета*), в материалах конференций и тематических сборниках. Для расширения потенциальной аудитории исследования одна публикация была сделана в польском сборнике «*Obywatel – państwo – społeczność międzynarodowa*» (Варшава, Польша),[37] а две статьи – в итальянском онлайн журнале «*Italian Science Review*».[38]

Автор неоднократно выступал с промежуточными выводами исследования на международных научных конференциях: в Гродно (2014 г.), Омске (2014 г.), Киеве (2014 г.), Вильнюсе (2014, 2015, 2016 гг.),

[36] TEREKHOV, V. The Tendencies of Globalization and Regionalization of Civil Procedural Law in the Countries Comprising the Community of Independent States. *Teisė*, 2015, t. 95, p. 168-181; TEREKHOV, V. The Model Code of Civil Litigation of the Commonwealth of Independent States as a Way of Civil Procedure Harmonization. *Teisė*, 2015, t. 96, p. 238-248.

[37] TEREKHOV, V. Transnational Movement of Judgments in Civil and Commercial Matters: Public and Private Interests. In: *Citizen – State – International Community (Collection of Studies)*. Eds.: E. Cała-Waconkiewicz, K. Flaga-Gieruszyńska, D. Wacinkiewicz. Warsaw: C.H. Beck, 2014, p. 446-453.

[38] TEREKHOV, V.V. Presentazione dottrinale di responsabilità Stato riconosca atti giudiziari stranieri. *Italian Science Review*. 2014, Vol. 1(10), p. 100-104; TEREKHOV, V.V. Argomenti a favore della necessità di armonizzazione del sistema di civile-processuale nazionale. *Italian Science Review*, 2014, Vol. 12(21), p. 54-57.

Париже (2016 г.). Кроме того, автор принял участие в TEMPUS проекте «Обучение альтернативному урегулированию споров как подходу к обеспечению прав человека», в рамках которого читал лекции и выступал с докладом в Минске (Республика Беларусь) и Харькове (Украина).

Полный список публикаций автора и тем выступлений на международных мероприятиях приводятся в конце настоящей работы.

Положения настоящего исследования учитывались и применялись автором в ходе работы со студентами ERASMUS и LL.M (программа по международному праву и праву ЕС) на лекционных и семинарских занятиях по дисциплинам «*Введение в европейский гражданский процесс*», «*Гражданский процесс ЕС*» и «*Европейское частное право*».

I. ПОНЯТИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РЕГИОНАЛИЗАЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА, ИХ СПОСОБЫ И ФОРМЫ

1. Правовой подход к пониманию глобализации и регионализации гражданского процесса

1.1. Значение глобализации и регионализации для правовой сферы

В последнее время термины «глобализация» и «регионализация» обретают огромную популярность в научной и практической литературе.[39] Рост интереса к ним наблюдается на рубеже XXI века,[40] хотя сформулированы они были еще в 1950-х годах. Оба понятия слишком прочно вошли в доктринальный оборот и укоренились в фундаментальных исследованиях, чтобы быть отброшенными как несущественные.[41]

Нас, как процессуалистов, интересуют не сами по себе эти явления, а то их воздействие, которое они оказывают на одну из основных отраслей современного права, закрепляющую порядок, способы и последовательность защиты частными лицами своих прав – *гражданское процессуальное право* (далее – ГПП). Однако углубиться в детали происходящих процессов мы сможем лишь после того, как определимся с общенаучным пониманием «глобализации» и «регионализации» и с их трактовкой применительно к правовой сфере жизни общества.

Наиболее употребительным является первый из обозначенных терминов. Вместе с тем, это не сказывается на формировании четкого понимания ее сущности и значения.[42] Словом «глобализация»

---

[39] KIM, M.; CAPORASO, J. Globalisation: Trends, Limits, and Controversies. In: *Globalisation, Multilateralism, Europe: Towards a Better Global Governance?* Ed.: M. Telò. Ashgate: Farnham, 2013, p. 16.

[40] BERGER, S. Globalization and Politics. *Annual Review of Political Science*, 2000, Vol. 3, p. 43.

[41] МИХАЙЛЕНКО, Н.М. Трансформация национальных правовых систем в условиях глобализации (проблемы теории). *Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки*, 2014, № 3-2, с. 183.

[42] HELD, D; McGREW, A. Globalization. *Global Governance*, 1999, Vol. 5(4), p. 483.

обозначается множество различных феноменов.[43] Ряд исследователей вовсе полагает, что это понятие является настолько широким, что формирование единого определения становится невозможным и бессмысленным занятием.[44] Тем не менее, можно отметить как минимум три различные трактовки глобализации.

Согласно *первой* (наиболее классической), глобализация представляет собой «макромасштабный, многоплановый процесс нарастания общего в различных сферах мировой системы отношений».[45] Помимо прочего ее можно понимать и как формирование единых базовых ценностей для всего мира за счет повсеместного распространения и диффузии информации и знаний.[46] *Второй* подход видит глобализацию как процесс интенсификации и расширения общемировых связей.[47] Его представители определяющим считают рост взаимозависимости стран и народов во всех сферах жизни общества.[48] Наконец, *третья* группа авторов полагает, что самое важное – это переориентация с локальных проблем на *глобальные*,[49] т.е. имеющие

---

[43] TERRILL, R. What does Globalization mean? *Transnational Law & Contemporary Problems*, 1999, Vol. 9(1), p. 217; ЕРЕМИН, А.Р.; ЕФРЕМОВА, А.С. Глобализация как тенденция развития современного права. *Социально-политические науки*, 2014, № 4, с. 34.

[44] ГАВРИЛОВ, В.В. Взаимодействие международной и национальной правовых систем и правосознание. *Журнал российского права*, 2006, № 2, с. 138-139.

[45] БЫКОВА, Е.В. *Современные процессы сближения и размежевания основных правовых систем*. Москва: Юрлитинформ, 2012, с. 83; ХМЕЛЕВСКИЙ, С.В. Влияние глобализации на национальную правовую систему постсоветской России: формы, методы, коллизии, *Социально-политические науки*, 2012, № 1, с. 101.

[46] BERGER, S. *Op. cit.*, p. 44; GARCIA, F. Globalization and the Theory of International Law. *Boston College Law School Research Paper*, 2005, No. 75, p. 1-2; ULRICH, S. Legal Order in a Global World – the Development of a Fragmented System of National, International, and Private Norms, *Max Planck Yearbook of United Nations Law*, 2010, Vol. 14, p. 4; МУСАЕЛЯН, Л.А. Исторический процесс и глобализация, *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 2014, № 1(17), с. 17.

[47] KIM, N-K. *Globalization and Regional Integration in Europe and Asia*. Farnham: Routledge, 2016, p. 1-2; МИХАЙЛОВА С.А. *Правовое регулирование сотрудничества судебных органов по гражданским, торговым и семейным делам в рамках Европейского Союза*: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва: Московская государственная юридическая академия, 2012, с. 2.

[48] БАХИН, С.В. *Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем*. Диссертация доктора юридических наук, Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2005, с. 18-19.

[49] SASSEN, S. State and Globalization: Denationalized Participation. *Michigan Journal of International Law*, 2004, Vol. 25, p. 1141. ФИРСОВ, В.А. Глобализация как фактор усиления традиционных и возникновения новых вызовов и угроз экономической безопасности государства, *Бизнес в законе*, 2009, № 5, с. 317.

общемировое значение и затрагивающие все народы (или значительное их число).[50]

Следует отметить, что глобализация исследуется в экономике, социологии, культурологии и других научных дисциплинах, т.е. является междисциплинарным понятием.[51] Каждый из исследователей концентрируется лишь на интересующих его аспектах глобализации, в связи с чем не удается составить целостного представления об этом феномене. Вместе с тем, все приведенные выше трактовки отражают долю истины. Принимая это во внимание и обобщая данные определения, можно выявить следующие общие черты рассматриваемого явления: (1) глобализация является процессом, а не результатом; (2) она протекает во всех сферах жизни общества, а не только в экономике; (3) она охватывает весь мир, а не отдельные страны или регионы; (4) она затрагивает не только государства, но и частных лиц, которые также становятся участниками трансграничных отношений и связей, зачастую даже не покидая государства своего проживания;[52] (5) она выражается вовне в постоянных изменениях, которые имеют центростремительный характер – усиливают целостность, интеграцию элементов, объединение отдельных частей в единое целое.[53]

Говоря о *предпосылках* возникновения этого явления, можно назвать в их числе технологическую революцию, развитие транспорта и

---

[50] ШЕВЧЕНКО, Е.Б. Вызовы глобализации и идеи федерализма. *Основы экономики, управления и права*, 2014, № 6(18), с. 21.

[51] БЕЗБОРОДОВ, Ю.С. Универсализация и локализация международно-правового регулирования в условиях глобализации. *Российский юридический журнал*, 2013, № 3, с. 26-27.

[52] БУКОВЕЦЬКА, Н.В. Визнання і виконання рішень іноземних судів у Франції. *Юридична наука*, 2011, № 2, с. 211; ТИХОНЧУК И.К. Трансформация внутренних функций государства в условиях глобализации, *Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов*, Вып. 15. Минск, БГУ, 2016, с. 56.

[53] ВОЛКОВ, Ю.Г. Современные исследования сущности глобализации: мировой и отечественный опыт, *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа*, 2011, № 4, с. 10; van RHEE, C.H. Civil Procedure in a Globalizing World. In: *Globalization and Private Law. The Way Forward*. Eds.: M. Faure, A. van der Walt. Cheltenham: Elgar, 2010, p. 344; SCHOLTE, J.A. Defining Globalisation. *The World Economy*, 2008, Vol. 31(11), p. 1471.

транспортных сетей, относительно мирное сосуществование государств во второй половине XX века.[54]

Вторым интересующим нас понятием является *«регионализация»*. Как и следует из названия, под ним понимают проявление интеграционных процессов в рамках одного региона,[55] который обособляется от остального мира по экономическим, географическим и культурно-традиционным критериям (чаще – по их совокупности).[56] В этом смысле регионализация нередко понимается как противостоящий глобализации процесс – попытка экономической и политической изоляции определенной группы стран за счет консолидации вокруг общих ценностей и совместного противостояния внешним силам.[57] Такая трактовка вполне справедлива, учитывая, что она преследует прежде всего цели поддержания конкурентоспособности национальных экономик, сохранения традиционной культуры, недопущения навязывания чуждой политической воли.[58] Если идеалом глобализации является сплоченный миропорядок, не имеющий границ,[59] то для регионализации таковым будет совокупность отдельных независимых «блоков».

Вместе с тем, регионализация не обязательно должна противопоставляться глобализации. *Во-первых*, данный процесс начался гораздо раньше, поскольку объединения стран «по интересам» известны

---

[54] KIM, M.; CAPORASO, J. *Op. cit.*, p. 17; БАХИН, С.В. *Указ. соч.,* с. 5.

[55] ХАУСТОВА, М.Г. Тенденции развития права в условиях глобализации. *Проблемы законности*, 2013, № 124, с. 1; BÖRZEL, T.; GOLTERMANN, L., *et al.* (eds.) *Roads to Regionalism. Genesis, Design and Effects of Regional Organizations.* Surrey: Ashgate, 2012, p. 255.

[56] *Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование*. Отв. ред. С.Ю. Кашкин, Москва: «Проспект», 2015, с. 2; КОСОВ, Ю.В.; ФОКИНА В.В. *Политическая регионалистика*. Санкт-Петербург: Питер, 2009, с. 25.

[57] ЛИЦАРЕВА, Е.Ю. Причины и сущность интеграционных процессов на Европейском и Азиатском континентах в конце XX века, *Вестник Томского государственного университета*, 2003, № 276, с. 124; ШЕВЧЕНКО, Е.Б. *Указ. соч.*, с. 22.

[58] ПЕТРОВ, А.В. Глобализация и социальные основы экономического суверенитета России, *Terra Humana*, 2009, № 1, с. 88.

[59] GAMBLE, A. Regional Blocks, World Order and the new Medievalism. In: *Globalisation, Multilateralism, Europe: Towards a Better Global Governance?* Ed.: M. Telò. Ashgate: Farnham, 2013, p. 21.

на протяжении столетий.[60] *Во-вторых*, именно тенденция глобализации усиливает тягу стран одного региона друг к другу: по одиночке они уже не могут решать значимые для них проблемы, а в условиях нарастания интеграционных процессов им требуются согласовывать свои подходы.[61]

Таким образом, *регионализация* существует и развивается параллельно с *глобализацией*. Она интересна прежде всего тем, что справедливо указывает на неоднородность мира, на отсутствие в нем единого центра и на наличие несходных по уровню развития и преследуемым целям государств.[62] Распространение глобальных идей среди них не представляется возможным, да и само существование общих для всего мира ценностей во многом является лишь иллюзией, в то время как единство в рамках одного региона вполне достижимо. Именно отдельные регионы (а не общемировые институты) становятся важными субъектами международных отношений.[63] При этом нередко они перехватывают инициативу по осуществлению регулятивной деятельности и у самих государств.[64] В качестве примеров успешной региональной интеграции называют Андское сообщество, Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), МЕРКОСУР, Североамериканское соглашение о свободной торговле (НАФТА), Восточноафриканское сообщество, Южноафриканский таможенный союз, Карибское сообщество, Евразийский Экономический Союз (ЕАЭС) и многие другие организации.[65] Однако самым прочным и перспективным объединением однозначно признают Европейский Союз

---

[60] JONES, A. *Glossary of the European Union*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008, p. 116-117.

[61] МУРАТОВА, О.В. Направления и пределы гармонизации частного права в условиях региональной экономической интеграции. *Журнал российского права*, 2015, № 12, с. 139-140.

[62] ПЕТРОВ, А.В. *Указ. соч.*, с. 84.

[63] ШЕВЧЕНКО, Е.Б. *Указ. соч.*, с. 22.

[64] ESTRELLA FARIA, J. Future Directions of Legal Harmonisation and Law Reform: Stormy Seas or Prosperous Voyage? *Uniform Law Review*, 2009, Vol. 14(1-2), p. 7; KU, J. The Delegation of Federal Power to International Organizations: New Problems with Old Solutions. *Minnesota Law Review*, 2000-2001, Vol. 85, p. 79.

[65] BIUKOVIĆ, L. Regional Streamlining of International Trade and International Human Rights Norms. In: *International Law in the New Age of Globalization*. Eds.: C. Michaelsen, M. Hayashi, A. Byrnes. Leiden: Brill, 2013, p. 180; WEERAMANTRY, C. *Universalizing International Law*. Leiden: Nijhoff, 2004, p. 108-109.

(ЕС),[66] применительно к процессам в котором даже был введен в оборот специальный термин – *европеизация*.[67]

Широкое распространение регионализма не следует, на наш взгляд, рассматривать как угрозу глобализации. В перспективе мир все же станет единым,[68] но достигаться это будет за счет постепенного формирования региональных блоков и их последующего взаимодействия.[69] В этом есть определенный смысл, поскольку между странами одного региона уже есть единство во взглядах, которое может быть дополнительно усилено за счет их сотрудничества, тогда как в мировом масштабе все еще сильны противоречия и несогласованность во мнениях.

Определившись с пониманием двух ключевых терминов – *глобализации* и *регионализации*, мы можем отметить, что они находят проявление во всех сферах жизни общества, включая *правовую*.[70] Совершенно очевидно, что объективные процессы интеграции мировой экономики, финансов, связи, массовой коммуникации и иных жизненных сфер не могли не оказать влияния на право, поскольку правовые системы стран мира находятся в постоянном контакте. Возрастает число таких правоотношений, элементы которых выходят за рамки одного государства и, несомненно, требуют нормативного разрешения.[71]

Само же право в условиях глобализации оказывается открытым для внешних влияний.[72] Происходят как спонтанные, так и целенаправленные

---

[66] FARRELL, M.; HETTNE, B.; van LANGENHOVE, L. *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. London: Pluto Press, 2005, p. 55.

[67] *See:* MÜLLER, W., BOVENS, M. *et al.* Legal Europeanization: Comparative Perspectives. *Public Administration*, 2010, Vol. 88, p. 75; OLSEN, J. The Many Faces of Europeanisation. *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40(5), p. 921; MILLER, L. *The Emergence of EU Contract Law: Exploring Europeanization*. Oxford: OUP, 2011, p. 4; MICHAELS, R.; JANSEN. N. Private Law Beyond the State? Europeanization, Globalization, Privatization. *Duke Law School Legal Studies Research Paper Series*, 2007, Research Paper No. 137, p. 2.

[68] GAMBLE, A. *Op. cit.*, p. 22-23.

[69] Развитие международно-правовой системы Евразийского экономического союза. *Журнал российского права*, 2013, № 10, с. 114.

[70] van RHEE, C.H. Harmonisation of Civil Procedure: An Historical and Comparative Perspective. In: *Civil Litigation in a Globalizing World*. Eds.: C.H. van Rhee, X.E. Kramer. The Hague: Asser Press, 2012, p. 43.

[71] ULRICH, S. *Op. cit.*, p. 4.

[72] *Интеграционное право в современном мире*…, с. 3-4.

заимствования норм и институтов одними государствами у других.[73] Заметно возрастает и значение *международного права*: оно начинает доминировать над национальным, направляя в одних областях и сдерживая в других. Благодаря этому происходит утрата правом многих локальных особенностей, оно становится более *универсальным*, воплощающим схожие нормы и стандарты.[74] Таким образом, сущностью глобализации и регионализации в праве следует считать *сближение* (или *конвергенцию*) правовых систем и отдельных их элементов.[75] Безусловно, сближение существовало в праве и ранее и носило преимущественно объективный характер, однако именно в условиях глобализации и регионализации оно становится особенно ощутимым и во многих случаях является уже *целенаправленным*.[76]

Однако само право до недавних пор оставалось в значительной мере инструментом в руках национальных государств.[77] Даже в случае с правом международным речь шла лишь о совокупности норм, порожденных договоренностью или совместной практикой суверенных стран.[78] В связи с этим возникает явное несоответствие между масштабом проблем и средствами, которые предлагаются для из разрешения.[79] Между тем, глобализация заметно меняет и роль национального

---

[73] БРАНОВИЦКИЙ, К.Л. Принцип взаимности в международном гражданском процессе. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2005, № 8, с. 27.

[74] GILLES, P. Skirtingų nacionalinių teisės normų vienodinimas ir derinimas remiantis civilinio proceso teisės europeizacijos pavyzdžiu. *Civilinio proceso pirmosios instancijos teisme reforma Baltijos Jūros regiono valstybėse ir Centrinėje Europoje*, 2004 m. rugsėjo 16-19 d., Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2005, p. 61; HALLIDAY, T.; OSINSKY, P. Globalization of law. *Annual Review of Sociology*, 2006, Vol. 32, p. 452-453.

[75] HALLIDAY, T.; OSINSKY, P. *Op. cit.*, p. 452; ДРОБЯЗКО, С.Г. Юридическая природа гармонизации законодательства в процессе его совершенствования [электронный ресурс. Дата доступа: 03.12.2015]. Доступ через Интернет: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/33502/1/14_Дробязко.pdf>; ЕРЕМИН, А.Р.; ЕФРЕМОВА, А.С. *Указ. соч.*, с. 34.

[76] БЫКОВА, Е.В. *Указ. соч.,* с. 1.

[77] POLACH, J. Harmonization of Laws in Western Europe. *American Journal of Comparative Law*, 1959, Vol. 8(2), p. 148.

[78] *See:* BARTON, J.; GREELY, H.; STACY, H. *International Law and the Future of Freedom*. Stanford: California, 2014, p. 9-11; MIHALACHE, C-M. National versus European versus International. *SEA - Practical Application of Science*, 2015, Vol. 3(1), p. 384.

[79] SEIDMAN, G. The New Comparative Civil Procedure In*: The Dynamism of Civil Procedure – Global Trends and Developments*. Eds.: C. Picker, G. Seidman. Dordrecht: Springer, 2016, p. 35; ЕФРЕМОВА, Н.А. Международная экономическая интеграция государств в эпоху глобализации. *Юриспруденция*, 2010, № 3, с. 34.

государства, и его статус ключевого правотворца. Государства утрачивают монопольное право на принятие актов, регулирующих ключевые отрасли национальной правовой системы.[80] Снижается их роль в управлении экономикой, социальными процессами и политикой. Нередко в последние годы высказываются даже идеи об «эрозии» такого понятия, как *государственный суверенитет*, которое длительное время считалось обязательным и важнейшим атрибутом любой страны.[81] Наиболее радикальные теории высказываются за постепенное упразднение упомянутой категории, якобы являющейся устаревшей и пребывающей в кризисе.[82] Детальное рассмотрение подобных заявлений выходит за рамки настоящей работы. Позволим себе лишь отметить, что к настоящему моменту государства продолжают существовать, а международное право не ограничивает их правосубъектность.

Вместе с тем, положение национальных государств действительно изменяется. Они сосуществуют в одном мировом пространстве и зависят друг от друга.[83] В этой связи для них становится важнее не отстаивать любыми средствами собственную самобытность и вековые традиции, а эффективно сотрудничать.[84] Все это несомненно требует уже упомянутого сближения национальных правопорядков, к которому все серьезнее становятся настроены национальные правительства.[85]

---

[80] WEERAMANTRY, C. *Op. cit.*, p. 105-106.

[81] ZICK, T. Are the States Sovereign? *Washington University Law Quarterly*, 2005, Vol. 83, p. 231; КУКУШКИНА, С.М. Государственный суверенитет в современном мире: актуальные проблемы. *Пробелы в российском законодательстве*, 2011, № 3, с. 84; КУЗЬМИН, Э.Л. О государственном суверенитете в современном мире. *Журнал российского права*, 2006, № 3, с. 84.

[82] *See:* MALANCZUK, P. *Akehurst's Modern Introduction to International Law* (7th edition). London: Routledge, 2002, p. 7; ALLAN, T. *The Sovereignty of Law. Freedom, Constitution, and Common Law*. Oxford: OUP, 2015, p. 137; TERRILL, R. *Op. cit.*, p. 218; СЕРГУНИН, А.А. Суверенитет: современные дискуссии в теории международных отношений. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*, 2010, № 19 (90), с. 231.

[83] МИНДУБАЕВ, Р.Р. Проблема имплементации международных договоров в ЕС. *Актуальные проблемы экономики и права*, 2011, № 3(19), с. 276; СЕРГУНИН, А.А. *Указ. соч.*, с. 232.

[84] COHEN, J. Sovereignty in the Context of Globalization: a Constitutional Pluralist Perspective. In: *Philosophy of International Law*. Eds.: S. Besson, J. Tasioulas. Oxford: OUP, 2010, p. 262.

[85] ESENOV, M. Globalization and the Problems of National Sovereignty. *The Caucasus and Globalization*, 2006, Vol. 1(1), p. 39; *Современное международное частное право в России и*

Важную роль в данном процессе начинают играть межгосударственные региональные и универсальные организации, негосударственные организации, научные и исследовательские центры и коллективы ученых, предлагающие собственные взгляды на перспективы объединения в той или иной сфере права.[86] Таким образом, само государство становится лишь одним из субъектов в более сложной системе отношений и вынуждено подчиняться определенным принципам и «правилам игры».[87]

Говоря об упомянутых региональных организациях, стоит отметить, что те возникли в ответ на объективную потребность государств защищать свои общие интересы и решать проблемы сообща, а не поодиночке.[88] Изначально они походили скорее на форумы, в рамках которых страны могли свободно высказывать свои позиции, делиться опытом и предлагать актуальные для принятия акты.[89] Последние преимущественно оформлялись международными договорами, субъектами которых становились непосредственно сами суверенные государства. Для целей нашего исследования справедливо будет отметить, что далеко не во всех случаях принятие международного договора означало именно сближение национального права стран-участниц организации: во многих случаях эти акты предусматривали для

Евросоюзе (кн. 1). Под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. Москва: Норма, 2013, с. 180.

[86] BYRNES, A. *et al.* Conclusion. In: In: *International Law in the New Age of Globalization*. Eds.:
C. Michaelsen, M. Hayashi, A. Byrnes. Leiden: Brill, 2013, p. 425-426; GRININ, L.E. State Sovereignty in the Age of Globalization: Will it Survive? *Globalistics and Globalization Studies*, 2012, p. 211; КОЛЬЦОВ, А.Н. О глобализации и суверенитете государств. *Вестник Чувашского университета*, 2004, № 1, с. 52.

[87] HELD, D.; McGREW, A. *Op. cit.*, p. 495; MARKS, S. Democracy and International Governance. In: *Legitimacy of International Organizations*. Eds.: J-M. Coicaud, V. Heiskanen. New York: United Nations University Press, 2001, p. 49; МИХАЙЛОВА, Е.В. О единой правовой природе гражданского, уголовного и административного судопроизводств. *Вестник Самарского государственного университета*, 2014, № 11-1, с. 203; РАФАЛЮК, Е.Е. Международная интеграция: методологические проблемы исследования. *Журнал российского права*, 2014, № 3, с. 42-52.

[88] ЛУЦЬ, Л.А. *Європейські міждержавні правові системи: загальнотеоретична характеристика*. Дисертація на здобуття наукового ступеня доктора юридичних наук. Львів: Львівський національний університет ім. Франка, 2004, с. 123.

[89] KLABBERS, J. *An Introduction to International Institutional Law*. Cambridge: CUP, 2002, p. 17.

государств обязательства фактического, а не юридического порядка (выполнить определенные действия, но не вносить изменения в национальное право).[90] Что же касается самих организаций, то они были лишь посредниками государств в их взаимодействии друг с другом, полностью зависели от них и не имели самостоятельного влияния.[91]

Лишь относительно недавно (во второй половине XX века) международные организации перестали играть роль «клубов по интересам» и стали представлять собой нечто большее: объединения, целенаправленно занимающиеся вопросами интеграции экономик, а вместе с этим и политико-правовых систем стран-участниц.[92] Подобные сообщества нового типа возникли (в разное время) практически во всех частях мира. При этом они стремятся к консолидации преимущественно тех стран, что относятся по тем или иным признакам к соответствующим регионам. Это подтверждает идею о приоритете регионализации перед глобализацией.[93] Последняя, несмотря на бесспорность своего существования, не привела к появлению действительно авторитетных и эффективных институтов, которые бы осуществляли свою деятельность в планетарном масштабе. Вполне логичным выглядит в этой связи желание соседних государств в условиях отсутствия общемировой координации экономических, политических и правовых процессов предотвращать угрозу внешнего доминирования и совместно оберегать общие ценности.[94] Там, где становятся бессильными национальные органы и отсутствуют всемирно признанные, на помощь приходят региональные институты. В науке рассматриваемые организации получили название

---

[90] MALANCZUK, P. *Op. cit.*, p. 37-38; SHAW, M. *International Law*. Cambridge: CUP, 2008, p. 93; SITARAMAN, S. *State Participation in International Treaty Regimes*. Farnham: Ashgate, 2009, p. 31-32.

[91] KLABBERS, J. The Changing Image of International Organizations. In: *Legitimacy of International Organizations*. Eds.: J-M. Coicaud, V. Heiskanen. New York: United Nations University Press, 2001, p. 224-225.

[92] KLABBERS, J. *An Introduction*…, p. 18.

[93] BASEDOW, J. Worldwide Harmonisation of Private Law and Regional Economic Integration – General Report. *Uniform Law Review*, 2003, Vol. 1(2), p. 31.

[94] JUNNE, G. International Organizations in a Period of Globalization: New (Problems of) Legitimacy. In: *Legitimacy of International Organizations*. Eds.: J-M. Coicaud, V. Heiskanen. New York: United Nations University Press, 2001, p. 214.

«интеграционных» в противовес распространенным ранее «кооперационным» (организациям сотрудничества), поскольку в предполагают передачу государствами права решать определенные вопросы непосредственно органам соответствующих организаций.[95] В связи с получением ими достаточных ресурсов и необходимого мандата от государств-участников, интеграционные организации в действительности становятся достойными субъектами сближения национального права своих участников, имея возможность разрабатывать и принимать нормативные стандарты, приемлемые для всех стран региона.

При этом национальное государство в этой новой картине мире должно остаться важным инструментом дальнейшего продвижения в жизнь на *локальном* уровне решений, выработанных в соответствующих объединениях, а в перспективе – и в мировом масштабе.[96]

Следует отметить, что сам факт наличия масштабных перемен в правовой сфере еще не свидетельствует о том, что им затронуты все без исключения отрасли национального права отдельно взятой страны. Существует немало областей, в которых государства по-прежнему сохраняют значительный объем власти. Главным образом к ним относятся те, где выработанные и стабильно функционирующие институты нечем заменить ни на глобальном, ни на региональном уровне, ни в порядке частных инициатив. К таковым относятся практически все отрасли публичного права, включая процессуальные.[97] Можно отметить, что на данный момент национальные судебные органы (деятельность которых и регулируется нормами процесса) лучше всего приспособлены

---

[95] BRABANDERE, E. The Impact of ‘Supranationalism’ on State Sovereignty from the Perspective of the Legitimacy of International Organisations. In: *Statehood and Self-Determination: Reconciling Tradition and Modernity in International Law*. Ed. by: D. French. Cambridge: CUP, 2013, p. 471; DEDMAN, M. *The Origins and Development of the European Union 1945-1995: a History of European Integration*. London: Routledge, 2006, p. 8.

[96] DRYZEK, J. Global Civil Society: the Progress of Post-Westphalian Politics. *Annual Review of Political Sciences*, 2012, Vol. 15, p. 104; СЕРГУНИН, А.А. *Указ. соч.*, с. 234; ГРИНИН, Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность*, 2005, № 1, с. 20.

[97] WERLAUFF, E. Towards a Common European Procedural Law (Part 2). *European Business Review*, 1999, Vol. 19(1/2), p. 10; ЕРЕМИН, А.Р.; ЕФРЕМОВА, А.С. *Указ. соч.*, с. 36.

для защиты прав.[98] Несмотря на стремительное развитие арбитража и других форм альтернативного разрешения споров (АРС), очевидно, что не все споры могут (и должны) рассматриваться в подобном порядке.[99] В то же время государственная юрисдикция остается универсальной формой защиты прав, а гарантии доступа к ней закреплены как на конституционном, так и на международном уровне.[100] В связи с этим немаловажно ответить на вопрос о том, может ли и в каком объеме гражданское судопроизводство (относящееся к объекту настоящей работы) испытывать на себе преобразующее воздействие процессов глобализации и регионализации.

1.2. Влияние глобализации и регионализации на гражданский процесс

Вопросы возможности и необходимости, способов и форм, а также перспектив осуществления сближения национальных отраслей гражданского процессуального права являются частным случаем общеправовых исследований сближения права.[101] В последнее время достаточно большое количество работ посвящается этой немаловажной теме, однако мало кто подвергает действительно глубокому анализу происходящие в отрасли изменения, ограничиваясь констатацией общеизвестных фактов.[102]

---

[98] BYRNES, A. et al. *Op. cit.*, p. 426.

[99] БРАНОВИЦКИЙ, К.Л. Тенденции развития гражданского судопроизводства на Евразийском пространстве. В: *Развитие мирового правопорядка: институты и механизмы* (доклады исполнительного комитета к XI сессии Европейско-Азиатского правового конгресса). Екатеринбург, 2017, с. 58; КУДЕЛИЧ, Е.А. Арбитрабельность: в поисках баланса между частной автономией и публичным порядком. *Закон*, 2014, № 4, с. 109-111; КУДЕЛИЧ, Е.А. Трансграничное исполнение судебных решений в России: в плену устоявшихся стереотипов или поступательное движение вперед? *Закон*, 2015, № 5, с. 143.

[100] *See*: Lietuvos Respublikos Konstitucija, įsigaliojo 1992 m. lapkričio 2 d. *Valstybės Žinios*, 1992, Nr. 33-1014 (30 str.); Конституция Российской Федерации, 12 декабря 1993 г. *Собрание законодательства РФ*, 2014, № 31, ст. 4398 (ст. 46); Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). *Российская газета*, 1995, № 67, ст. 8.

[101] KERAMEUS, K. Procedural Harmonization in Europe. *American Journal of Comparative Law*, 1995, Vol. 43(3), p. 401.

[102] ELMER, M. Brief Considerations on the Harmonisation of Civil Procedure in Europe and Worldwide. *Uniform Law Review*, 2003, Vol. 1(2), p. 461; JUENGER, F. Some Comments on European Procedural Harmonization. *American Journal of Comparative Law*, 1997, Vol. 45(4), p. 931-

Между тем, гражданское процессуально право (ГПП) по праву считается одной из ключевых, не уступающей по значимости материальному частному праву, отраслей.[103] Традиционно оно может быть представлено как в узком, так и в широком смысле. В первом случае ГПП представляет собой лишь набор формальных процедурных правил, которыми руководствуются суд и участники разбирательства при рассмотрении дела и вынесении решения (т.е. собственно *судопроизводство*).[104] Подобные правила определяют, каким образом может быть возбуждено производство по гражданскому делу, как уведомляются стороны и другие лица, участвующие в деле, как принимаются и исследуются доказательства, подаются и разрешаются ходатайства и заявления сторон, как проходит само рассмотрение дела с момента подготовительной стадии до вынесения итогового акта, а также на каких условиях и в каком порядке решения пересматриваются в вышестоящей инстанции (апелляция, кассация).[105] В широком смысле нормы гражданского процесса также определяют, какой суд должен рассматривать дело (подведомственность и подсудность), а также как должно осуществляться исполнение решения и контроль за ним.[106] В такой трактовке значимыми становятся не только те отношения, что имеют место в зале судебного заседания, но и те, что возникают задолго

932; СУХОВА, Н.В. Вопросы развития гражданского процесса. *Вестник Тюменского государственного университета*, 2014, № 3, С. 106.

[103] STORME, M. Introduction. The Coming Together of Procedural Laws in Europe. In: *Procedural Laws in Europe: Towards Harmonization*, ed. by M. Storme. Maklu: Antwerpen/Apeldoorn, 2003, p. 11; van RHEE, C.H. Civil Procedure: a European ius commune? *European Review of Private Law*, 2000, p. 590; МАЛЕШИН, Д.Я. *Гражданская процессуальная система России*. Москва: Статут, 2011, с. 5.

[104] LAUŽIKAS, E.; MIKELĖNAS, V.; NEKROŠIUS, V. *Civilinio proceso teisė (I tomas).* Vilnius: Justitia 2003, p. 28; von MEHREN R. International Control of Civil Procedure: Who Benefits? *Law and Contemporary Problems*, 1994, Vol. 57(3), p. 13; SEIDMAN, G. *Op. cit.*, p. 5; van RHEE, C.H.; VERKERK, R. Civil Procedure. In: *Elgar Encyclopedia of Comparative Law*, Second Edition, 2012, p. 140; ВОРОНЦОВА, И. *Нормы международного права как источник гражданского процессуального права:* диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук. Саратов: Саратовская юридическая академия, 2015, с. 32; ЛЕБЕДЕВ М.Ю. *Гражданский процесс: учебник*. Москва: Юрайт, 2010, с. 15.

[105] ЗДРОК, О.Н. *Гражданский процесс зарубежных стран*. Москва: Издательство деловой и учебной литературы, 2005, с. 13.

[106] JOLOWICZ, J.A. *On Civil Procedure*. Cambridge: CUP, 2000, p. 61; STORME, M. *Approximation of Judiciary Law in the European Union*. Dodrecht: Kluwer, 1994, p. 1; ТИХИНЯ В.Г. *Гражданский процесс: учебник*. Минск: «ТетраСистемс», 2013, с. 8.

до него, а также те, что существуют после вынесения окончательного судебного акта. Можно отнести к предмету отрасли и абстрактные отношения, касающиеся права на иск, на обращение в суд, на защиту своих прав в установленной законом форме – они существуют вне зависимости от фактической их реализации управомоченным лицом, а их содержание и порядок использования также регулируются нормами гражданского процесса. Наконец, вопросы судебной организации (*судоустройства*) если и не считаются относящимися непосредственно к процессу, то тесно соприкасаются с предметом отрасли.[107]

В отличие от уголовного процесса, который опосредует лишь применение уголовного закона к нарушившим его лицам, ГПП регламентирует своими нормами рассмотрение дел по гражданским, коммерческим, трудовым, семейным, жилищным, земельным и другим спорам. Процессуальные нормы, несомненно, существуют в каждом государстве, занимая в его структуре весьма существенное место, поскольку именно с их помощью происходит осуществление *правосудия*, защита и восстановление нарушенных прав.[108]

При этом подходы к гражданскому процессу заметно отличаются от страны к стране. *Во-первых*, по-разному толкуются сами термины «гражданский» и «процессуальный»: так, в английском праве «гражданский» является оппозицией «уголовному», т.е. к сфере ГПП относится значительная часть административных и других публичных дел[109] (чего не наблюдается в правовых системах частного права[110]). Разграничение между «материальным» и «процессуальным» правом

---

[107] TULIBACKA. M. Europeanization of Civil Procedures: in Search of a Coherent Approach. *Common Market Law Review*, 2009, Vol. 46, p. 1532.

[108] GENN, H. Judging Civil Justice. *The Hamlyn Lectures*, 2008, p. 181; ЗДРОК, О.Н. *Указ. соч.*, с. 13; МАЛЕШИН, Д.Я. *Гражданская процессуальная система России*…, с. 5; СКИТОВИЧ, В.В.; СЕДЕЛЬНИК, В.В. Гражданское право и гражданский процесс: взаимозависимость и самостоятельность. *Журнал российского права*, 2011, № 5, с. 41; ЦЫРУЛЬНИКОВА, С.А. Право на судебную защиту и его реализация в гражданском процессе. *Вестник Пензенского государственного университета*, 2015, № 3(11), с. 80.

[109] *Civil Procedure: an Overview* [interactive. Accessed on 23.08.2016]. Access via Internet: https://www.law.cornell.edu/wex/civil_procedure; WERLAUFF, E. *Civil Procedure in Denmark*. Copenhagen: Kluwer Law International, 2001, p. 12.

[110] POWELL, R. *Law Today*, London: Longman, 1994, p. 21.

также неоднородно: в английском праве определенные вопросы могут относиться к процессу, а на континенте – к материальному праву (как это имеет место, например, с институтом исковой давности) и наоборот.[111]

Во-вторых, существуют различия в распределении ролей и полномочий между участниками судебной деятельности. Исторически сложилось несколько «моделей» гражданского процесса, причем их выделение основывалось на решении вопроса о том, кто из субъектов (суд или стороны) должен совершать большую часть юридически значимых действий в ходе разбирательства (кто из них занимал более активную, а кто – пассивную роль).[112] Соответственно, сложились две ключевые модели – *инквизиционная* и *состязательная*, каждая из которых отстаивала собственную правоту. Подобное положение дел являлось, фактически, отраслевым проявлением традиционного конфликта между системами общего и частного (континентального) права.[113]

В-третьих, в разных странах неодинаково понимаются цели ГПП. Во многих государствах основной из них считается восстановление права или охраняемого законом интереса.[114] В части стран, однако, преобладающей целью считается примирение сторон, ликвидация конфликта между ними.[115] Одновременно с этим некоторые государства рассматривали задачу суда в установлении по делу объективной истины

---

[111] DUBOS, O. The Origins of the Proceduralisation of EU Law: a Grey Area of European Federalism. *Review of European Administrative Law*, 2015, Vol. 8(1), p. 8; PRECHAL, S.; CATH, K. The European Acquis of Civil Procedure: Constitutional Aspects. *Uniform Law Review*, 2014, Vol. 19(2), p. 181.

[112] NEKROŠIUS, V. *Civilinis procesas: koncentruotumo principas ir jo igyvendinimo galimybes*. Vilnius: Justitia, 2002; NEKROŠIUS, V. Francas Kleinas apie civilinio proceso tikslus ir principus bei jų įgyvendinimo metodus. *Teisė*, 1999, t. 33(1), p. 43.

[113] CAENEGEM, R. *European Law in the Past and the Future: Unity and Diversity over Two Millennia*. Cambridge: CUP, 2001, p. 51; DODSON, S. The Challenge of Comparative Civil Procedure. *Alabama Law Review*, 2008, Vol. 60(1), p. 134; LANGBEIN, J. Comparative Civil Procedure and the Style of Complex Contracts. *American Journal of Comparative Law*, 1987, Vol. 35, p. 387-388; ФИЛАТОВА, М.А. Фундаментальные гарантии сторон в гражданском процессе: способы закрепления и тенденции развития. *Журнал российского права*, 2007, № 5.

[114] *См.:* ЖИЛИН, Г.А. *Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы*. Москва: Проспект, 2010, с. 55; ТРЕУШНИКОВ, М.К. *Гражданский процесс: учебник*. Москва: Городец, 2007.

[115] VĖBRAITĖ, V. Šalių sutaikymas kaip civilinio proceso tikslas ir jo galimybės Lietuvoje. *Teisė*, 2008, t. 69, p. 116.

(т.е. максимально полной картины произошедшего), тогда как другие ориентировались лишь на формальную (процессуальную) истину, которая касалась только тех фактов, которые представляли интерес для сторон.[116]

Эти и многие другие особенности подтверждают, что не приходится говорить о единстве подходов к гражданскому процессу как отрасли права в разных странах. В то же время, значительное влияние имеют взгляды, согласно которым подобное положение дел является естественным и не нуждающимся в изменении. Традиционно все, что имеет отношение к отправлению правосудия, находится под четким контролем государства. Само по себе правосудие является видом государственной деятельности, а основные участники процесса – суды – составляют одну из ветвей публичной власти.[117] В этой связи и судоустройство, и судопроизводство тесно связаны с национальным суверенитетом и с прерогативами государства самостоятельно осуществлять правовую политику.[118] Любые же попытки достичь сходства между отраслями ГПП разных стран воспринимаются как покушение на такой суверенитет и вторжение во внутренние дела государства.

Кроме того, поскольку речь идет о публичной отрасли, то в практике всех стран достаточно давно установился принцип *lex fori*, согласно которому при рассмотрении дел (даже содержащих иностранный элемент), применению всегда подлежит процессуальное право государства суда.[119] Было бы неправомерным допущение

---

[116] VĖBRAITĖ, V. *Conciliation of Parties in Civil Procedure* (Summary of doctoral dissertation). Vilnius: Vilnius University, 2009, p. 10-11.

[117] МИХАЙЛОВА, Е.В. *Указ. соч.*, с. 203; САЕНКО, А.В. Источники международного гражданского процессуального права. *Пробелы в российском законодательстве*, 2012, № 3, с. 92.

[118] ФИЛАТОВА, М.А. О заимствованиях процессуальных институтов в современном российском праве (на примере процессуальных санкций). *Законы России: опыт, анализ, практика*, 2015, № 12, с. 72-73.

[119] EHRENZWEIG, A. The *lex fori* – Basic Rule in the Conflict of Laws. *Michigan Law Review*, 1960, Vol. 58(5), p. 637; GENN, H. ALI/UNIDROIT Principles of Transnational Civil Procedure as Global Standards for Adjudication. *Uniform Law Review*, 2004, Vol. 9(3), p. 830; MIKELĖNAS, V. Civilinio proceso teisės vienodinimas bei derinimas ir naujasis Lietuvos Civilinio

регулирования государственной (по своей сути) деятельности нормами, происходящими из иного правопорядка. Сравнительные исследования в области ГПП не пользуются большой популярностью, поскольку в идеале субъектам достаточно знать лишь процессуальное право государства суда.[120] Если же стороны спора желают применения выгодной для них процессуальной системы, они имеют возможность заключить соглашение о подсудности и выбрать компетентный юрисдикционный орган (а с ним – и определенный процессуальный правопорядок).

Помимо названной выше политической причины свою роль играют также экономические, культурные, идеологические, религиозные и иные факторы.[121] Привычный порядок осуществления процессуальной деятельности нередко уходит корнями в глубины веков. Стабильность отношений, связанных с рассмотрением дел, предопределяет определенный консерватизм всей отрасли.[122] При этом неверно было бы расценивать порядок судебного разбирательства лишь как простой набор технических правил для судьи по разрешению спора частных лиц.[123] Напротив, он относится к достоянию нации и нередко выражает ее нравственные устои и систему ценностей.[124] Именно культурологические особенности придают смысл тем ритуалам, что совершаются в судебном заседании в судах той или иной страны. В итоге правовое сознание

Proceso Kodeksas. *Jurisprudencija*, 2002, t. 28(20), p. 181; van RHEE, C.H. Civil Procedure: A European *ius commune*?, p. 598-599; ГЕТЬМАН-ПАВЛОВА, И.В. *Международное частное право*. Москва: «Эксмо», 2005, с. 397.

[120] TARUFFO, M. Harmonisation in a Global Context: the ALI/UNIDROIT Principles. In: *Civil Litigation in a Globalising World*. Eds.: X.E. Kramer, C.H. van Rhee. The Hague: Asser Press, 2012, p. 208.

[121] ПОЛЯКОВ И.Н. О цивилистическом процессе и реформе российской судебной системы (вопросы гармонизации). *Арбитражный и гражданский процесс*, 2014, № 8, с. 54-55.

[122] *Принципы трансграничного гражданского процесса*. Москва: Инфотропик Медиа, 2011, с. XXXIV.

[123] VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice after the Lisbon Treaty. Perspectives for a Coherent Approach* (PhD thesis). London: University College London, 2013, p. 220; VOET, S.; GIDI, A. Civil Procedure in Cross-Cultural Dialogue: Eurasia Context. *Russian Law Journal*, 2014, Vol. 2(1), p. 130.

[124] CHASE, O. American 'Exceptionalism' and Comparative Procedure. *American Journal of Comparative Law*, 2002, Vol. 50(2), p. 277-278; DUBOS, O. *Op. cit.*, p. 8; PICKER, C. Comparative Law as an Engine of Change for Civil Procedure. In: *The Dynamism of Civil Procedure: Global Trends and Developments*. Eds.: C. Picker, G. Seidman, Dordrecht: Springer, 2016, p. 47-48.

общества предопределяет специфику функционирования всех элементов системы гражданской юстиции.[125]

По этой причине крайне сложно перенести нормативные решения одного социума на другой.[126] Последний инстинктивно сопротивляется изменениям, считая их «чужеродными» и сохраняя верность проверенным средствам.[127] Источниками гражданского процесса, соответственно, являются преимущественно национальные нормативные акты, судебные прецеденты и даже локальные обычаи, но лишь в малой части – международные нормы. Здесь, впрочем, стоит оговориться, что многие из наиболее радикальных мнений о «закрытости» и «национальной специфике» процесса были высказаны американскими авторами, для которых в значительной мере характерен изоляционизм и вера в «исключительность» собственных правовых ценностей.[128]

Тем не менее, в течение длительного времени названные выше обстоятельства в действительности давали повод считать, что какое-либо сближение национальных отраслей, регулирующих судебную деятельность, не является возможным или целесообразным.[129] Деятельность по конвергенции отдельных национальных правопорядков считалась имеющей перспективы только в рамках отдельных отраслей материального права.[130] Однако такие скептические взгляды являются в определенной мере устаревшими и не учитывающими важных особенностей гражданского судопроизводства современности.[131]

---

[125] *Евразийский гражданский процесс: к 25-летию стран СНГ и Балтии*. Под ред. Д.Я. Малешина. Москва: Статут, 2015, с. 6.

[126] GOTTWALD, P. Comparative Civil Procedure. *Ritsumeikan Law Review*, 2005, Vol. 22, p. 24; MILTON, C. Lawyers, Globalization, and Transnational Governance Regimes. *Annual review of Social Sciences*, 2016, Vol. 12, p. 136.

[127] MIKELĖNAS, V. *Civilinio proceso teisės vienodinimas bei derinimas*..., p. 181.

[128] DODSON, S.; KLEBBA, J. Global Civil Procedure Trends in the Twenty-First Century. *Boston College International and Comparative Law Review*, 2011, Vol. 34, p. 1; MARCUS, R. Procedural Postcard from America. *Russian Law Journal*, 2013, Vol. 1(1), p. 12-13; MARCUS, R. Putting American Procedural Exceptionalism into a Globalized Context. *American Journal of Comparative Law*, 2005, Vol. 53(3), p. 710; van BOESCHOTEN, C. Hague Conference Conventions and the United States: a European View. *Law and Contemporary Problems*, 1994, Vol. 57(3), p. 48.

[129] ФИЛАТОВА, М.А. *О заимствованиях процессуальных институтов*…, с. 72-73.

[130] КОВАЛЬКОВА, Е.Ю. К вопросу о сближении и гармонизации законодательств. *Внешнеторговое право*, 2011, № 2, с. 28-29.

[131] SEIDMAN, G. *Comparative Civil Procedure…,* p. 16.

Постараемся отметить ключевые факторы, делающие необходимым осуществление деятельности по *конвергенции* ГПП в условиях глобализации и регионализации.

Начать следует с того, что в наши дни гражданский процесс перестает быть таким замкнутым, каким он был ранее. В своей классической форме он был ориентирован на обслуживание нужд тяжущихся лиц, находящихся под юрисдикцией одного государства и одних и тех же законов, но ныне меняется сама атмосфера, в которой функционирует данная отрасль.[132] Так, широкое распространение получают правовые споры, носящие *трансграничный характер*. Речь идет, разумеется, об осложненных присутствием иностранного элемента делах. Конкретно это может проявляться в нахождении стороны, предмета, доказательств, юридических фактов, правоотношений или иных элементов спора в ином государстве по отношению к рассматривающему дело суду.[133] С расширением экономических связей и либерализацией международной торговли число таких споров будет неизбежно возрастать. Но, как уже оговаривалось, процесс в силу наличия в нем иностранного элемента не становится подсудным гипотетическому «надгосударственному» суду (поскольку несмотря на многообразие форм судебной юрисдикции на мировом и региональном уровнях, ни на том, ни на другом нет органов, способных рассматривать частные споры о праве гражданском). Напротив, все дела остаются в компетенции национальных судов, которые руководствуются при их рассмотрении процессуальными нормами собственных стран. Во многих случаях государства предусматривают особые правила на случай трансграничного спора, но такие нормы устанавливаются внутренним законодательством и отличаются от страны к стране.

---

[132] FARROW T. Globalization, International Human Rights, and Civil Procedure. *Alberta Law Review*, 2003, Vol. 41(3), p. 687; von MEHREN, R. *Op. cit.*, p. 18.

[133] BAYRAKTAROĞLU, G. Harmonization of Private International Law at Different Levels: Communitarization v. International Harmonization. *European Journal of Law Reform*, 2003, Vol. 5, p. 130; KOCH H. Einführung in das europäische Zivilprozessrecht, *Juristische Schulung*, 2003, Aufl. 2, s. 105.

Подобное положение дел представляет значительную сложность для тяжущихся лиц. *Во-первых*, оно предполагает дополнительные затраты времени и денег, поскольку процессы с иностранным элементом являются более сложными и требующими совершения отдельных процессуальных действий в иных странах. Зачастую характер таких действий существенно отличается от тех, с которыми привыкли иметь дело пользователи судебных систем на национальном уровне. *Во-вторых*, предсказуемость и ясность в трансграничных процессах гораздо ниже, чем в сугубо внутреннем разбирательстве, поскольку как минимум для одной из сторон процессуальное право, которым руководствуется суд, является незнакомым.[134] Соответственно, сторона не может быть уверена в исходе дела и собственных возможностях, а также в исполнимости итогового судебного решения. *В-третьих*, зарубежное право в действительности может не содержать гарантий равного доступа к суду и для своих граждан, и для иностранцев.[135] Вместе с тем, сближение права помогло бы достижению большей справедливости и равенства в правах тяжущихся лиц, повлекло бы за собой снижение их операционных издержек, а в долгосрочной перспективе – способствовало бы дальнейшему росту деловых связей в мировом масштабе. Уверенность лиц в надлежащих гарантиях правосудия за рубежом стала бы значимым фактором при осуществлении ими своей коммерческой деятельности,[136] ведь от нее зависит стремление лиц производить и реализовывать свою продукцию в определенных странах, а также в целом желание хозяйствующих субъектов участвовать в трансграничной торговле.

---

[134] ESTRELLA FARIA, J. *Op. cit.*, p. 5; McAULEY, S. Achieving the Harmonization of Transnational Civil Procedure: Will the ALI/UNIDROIT Project succeed? *American Review of International Arbitration*, 2004, Vol. 2, p. 231.

[135] ЩУКИН, А.И. *Вопросы подсудности в международных договорах с участием России*. Москва: Проспект, 2015, с. 31.

[136] van der GRINTEN, P. Challenges for the Creation of a European Law of Civil Procedure. *Tijdschrift voor Civiele Rechtspleging*, 2007, Vol. 3, p. 65; HODGES, C. Europeanization of Civil Justice: Trends and Issues. *Civil Justice Quarterly*, 2007, Vol. 1, p. 97; МИХАЙЛОВА, С.А. *Правовое регулирование сотрудничества судебных органов по гражданским, торговым и семейным делам в рамках Европейского Союза*. Москва: Московская государственная юридическая академия, 2012, с. 3.

Признавая, что именно коммерческое судопроизводство является основным «двигателем» процесса сближения,[137] стоит отметить, что в действительности участниками международных отношений становятся и субъекты, не занимающиеся предпринимательской деятельностью (хотя также являющиеся ценными участниками экономических отношений). Такие лица могут состоять в разного рода семейных, наследственных, имущественных, трудовых, образовательных, потребительских и других связях. Они не менее профессиональных участников заинтересованы в наличии схожих процессуальных правил в любой юрисдикции, однако зачастую именно для них наиболее ощутимы неблагоприятные последствия трансграничного разбирательства, поскольку далеко не во всех странах им предоставляются надежные гарантии, учитывающие их статус «более слабой» и менее подготовленной к тяжбе стороны.[138]

Еще одно обоснование сближения связано с получающим все более широкое распространение явлением *forum shopping*, суть которого заключается в активном использовании одной из сторон (или ими совместно) возможности выбора наиболее удобной юрисдикции (форума) для подачи иска и рассмотрения спора.[139] Сама по себе договорная подсудность не является предосудительной, поскольку позволяет сторонам определиться с приемлемой с точки зрения сроков, потенциальных судебных расходов и доступных средств защиты системой. Однако в определенных случаях она может приобрести отрицательный характер.

Во-первых, возможно злоупотребление сторонами правом выбора компетентной юрисдикции и обращение к такому суду, который не имеет практически никакой связи с материальным правоотношением, лежащим в основе спора.[140] Такое происходит достаточно часто, поскольку

[137] SEIDMAN, G. *Op. cit.*, p. 34.

[138] ХАБРИЕВА, Т.Я. Международное сотрудничество в области признания и исполнения иностранных судебных решений. *Журнал российского права*, 2006, № 8, с. 4.

[139] КУНИБЕРТИ, Ж. Право, устанавливающее сроки давности в отношении арбитражных решений. *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 1, с. 174.

[140] VERNADAKI, Z. Civil procedure Harmonisation in the EU: Unravelling the Policy

стороны руководствуются лишь тактическими соображениями, а не объективными факторами.[141] Для наилучшего обеспечения законности зависимость исхода вопроса о месте рассмотрения дела от произвольного выбора сторон должна быть уменьшена.

Во-вторых, выбор юрисдикции может быть навязан (прямо или косвенно) одной из сторон, что особенно негативно сказывается на потребителях, которые не во всех случаях могут надлежащим образом защитить свои права в споре с профессиональным противником.[142]

В-третьих, существует необходимость сгладить излишнюю конкуренцию между правовыми системами, которая в современном мире является широко распространенной.[143] Когда одна страна создает лучшие условия для защиты прав в судебном порядке, она получает преимущество.[144] С одной стороны, соперничество стран способствует их прогрессивному развитию в борьбе за право стать подходящими форумами для рассмотрения споров. С другой же стороны, оно подрывает ресурсы участвующих в «гонке» стран и оставляет судебные органы проигравших простаивать без дела, не оправдывая выделяемых на них бюджетных средств. Для «победителей» же такая конкуренция чревата излишней загруженностью судебных систем делами из-за рубежа. Если же сделать правила судопроизводства похожими, у сторон будет меньше заинтересованности в поиске «наилучшего суда», поскольку сравнимый уровень гарантий будет обеспечиваться повсеместно.[145]

Значительный интерес в сближении процессуальных норм и правил имеют не только частные лица, но и публичные органы. Для них становится очевидным, что при осуществлении международной торговли

Considerations. *Journal of Contemporary European Research*, 2013, Vol. 9(2), p. 301-302.

[141] KRONKE, H. Efficiency, Fairness, Macro-Economic Functions: Challenges for the Harmonisation of Transnational Civil Procedure. *Uniform Law Review*, 2001, Vol. 6, p. 742.

[142] VERNADAKI, Z. *Civil procedure Harmonisation in the EU: Unravelling the Policy Considerations*…, p. 302.

[143] von MEHREN, A.T. *Adjudicatory Authority in Private International Law*. Leiden: Nijhoff, 2006, p. 264-265.

[144] ЯРКОВ, В.В. Развитие цивилистического процесса в России: отдельные вопросы. *Вестник гражданского процесса*, 2011, № 1, с. 24-27.

[145] WALKER, J. The Utility of the ALI/UNIDROIT Project on Principles and Rules of Transnational Civil Procedure, *Uniform Law Review*, 2001, Vol. 6(4), p. 812.

и свободном перемещении лиц через границы оно приобретает практический смысл.[146] В данных условиях государствам необходимо приспособить свои правовые системы ко взаимодействию с иными странами, поскольку их различия серьезно осложняют международный оборот и уменьшают их инвестиционную привлекательность.[147] Кроме того, сближение в таких случаях отвечает и задачам гарантирования свободы трансграничной торговли.[148] Соответственно, страны ориентируются на законодательство друг друга и стремятся обеспечить сходные условия доступа к суду, процессуального статуса и исполнения вынесенных решений.[149]

Однако все это справедливо лишь для тех государств, которые действительно активно сотрудничают друг с другом и участвуют в совместной реализации определенных проектов. В противном случае они не будут видеть для себя выгоды от участия в процессах сближения ГПП.[150] Несмотря на это, в долгосрочной перспективе на определенные уступки придется пойти и таким государствам, поскольку изоляция правопорядков и опора лишь на собственные правовые решения не приводят к успеху, а напротив, существенно снижают позиции государства на мировой арене, порождая недоверие со стороны потенциальных партнеров.[151]

---

[146] KERAMEUS, K. *Procedural Harmonization in Europe*…, p. 402; БУКОВЕЦЬКА, Н.В. *Указ. соч.*, с. 211.

[147] FOX, E. Harmonization of Law and Procedures in a Globalized World: Why, What and How?, *Antitrust Law Journal*, 1991-1992, Vol. 60, p. 593; ДРОБЯЗКО, С.Г. Юридическая природа гармонизации законодательства в процессе его совершенствования. *Национальная государственность и европейские интеграционные процессы*: сборник научных трудов (т. 1). Минск: БГУ, 2008, с. 80-81; БАХИН, С.В. *Указ. соч.*, с. 26.

[148] LEEBRON, D. Claims for Harmonization: A Theoretical Framework. *Canadian Business Law Journal*, 1996, Vol. 27(1), p. 64.

[149] ГУРБАНОВ Р.А. Глобализация, регионализация и взаимодействие органов правосудия в современном мире. *Пробелы в российском законодательстве*, 2011, № 5, с. 277; ЛЯХОВА, А.И. Тенденции развития современного российского права и законодательства, *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия Социология Право*, 2010, № 14(20), с. 262.

[150] KERAMEUS, K. *Procedural Harmonization in Europe*…, p. 402.

[151] КРОХАЛЕВ, С.В. *Категория публичного порядка в международном гражданском процессе*. Санкт-Петербург, 2006, с. 335; СИТКАРЕВА, Е.В. Общее пространство сотрудничества в области правосудия: опыт Европейского Союза и Российской Федерации. З*ащита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации*, Санкт-Петербург, 2011, с. 229.

Еще одной заметной предпосылкой конвергенции ГПП является тесная связь норм данной отрасли с нормами материального частного права (которая выражается, по словам некоторых правоведов, в «обслуживающем характере» процесса по отношению к праву материальному). Последнее на протяжении XX века систематически подвергалось сближению на разных уровнях и различными способами. Особенно заметные изменения происходили в экономических объединениях, стремящихся построить «единый рынок» и требующих в этой связи общих подходов к гражданскому, коммерческому (торговому), предпринимательскому, корпоративному праву и праву интеллектуальной собственности.[152] Вместе с тем, принятые единообразные акты подлежали применению национальными органами (в т.ч. судебными), которые руководствовались при этом собственными внутригосударственными процедурами (которые изначально реформами не были затронуты).[153] О.Г. Григорьева справедливо отмечает, что наличие одних лишь «субстантивных» норм об отношениях с иностранным элементом не способствует надлежащей защите субъективных гражданских прав в случае их нарушения (или отрицания).[154] Опора каждым из государств на собственные стандарты правосудия приведет к разному уровню эффективности в рамках объединения (в одних его частях права будут защищаться надежнее и быстрее, чем в других),[155] что в итоге выразится в разделении его на «центр и периферию» и в появлении стран-лидеров и аутсайдеров. Для борьбы с этим требуется «однородность» в стандартах процессуальной

[152] CHODOSH, H. *Global Justice Reform: a Comparative Methodology*. New York: NYU Press, 2005, p. 65.

[153] HESS, B. Harmonized Rules and Minimum Standards in the European Law of Civil Procedure [interactive. Date of access: 16.05.2015]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2016/556971/IPOL_IDA(2016)556971_EN.pdf>.

[154] ГРИГОРЬЕВА, О.Г. Становление и развитие цивилистических основ международной правовой помощи по гражданским делам в советском праве. *Вестник РУДН. Серия «Юридические науки»*, 2013, № 1, с. 8.

[155] GENN, P. Globalization and Dispute Resolution. *Civil Justice Quarterly*, 2000, Vol. 19, p. 148; SCHWARTZE, A. Enforcement of Private Law: The Missing Link in the Process of European Harmonisation. *European Review of Private Law*, 2000, Vol. 8(1), p. 135; van RHEE, C.H. *Harmonisation of Civil Procedure: an Historical and Comparative Perspective*…, p. 50.

защиты, что предполагает использование как схожих процедур, так и опору на одни и те же принципы правосудия. Обладателям прав необходимо предоставить доступ к суду и надлежащие процедуры, влекущие за собой действительную, а не декларативную защиту своих прав и их принудительную реализацию (в случае необходимости).[156] Сближение процессуального права может оказаться даже важнее сближения права материального, поскольку применительно к последнему существует возможность выбора сторонами сделки применимого права (ко всему правоотношению или его части). Что же касается процессуального права, то в силу действия уже упомянутого принципа *lex fori* стороны вынуждены иметь дело с теми нормами, что даны им изначально (а договорная подсудность доступна далеко не всегда).

Несколько отдельно от всех прочих предпосылок стоит непреложная идея необходимости обеспечения *основополагающих прав человека*. Во многом это связано с тем, что все названные выше аргументы имеют преимущественно экономическое обоснование, тогда как данная концепция относится в большей степени к социально-правовой сфере.

Права человека стали объектом пристального внимания международного сообщества после Второй мировой войны, когда была сформирована ООН и подписаны такие акты, как Всеобщая декларация права человека (1948 г.)[157] и Пакт о гражданских и политических правах (1966 г.).[158] С тех пор нормы о них получили широкое распространение, будучи закрепленными во многих региональных актах, в числе которых следует отметить Европейскую конвенцию о правах человека (1950 г.),[159]

---

[156] TULIBACKA, M. *Europeanization of Civil Procedures*…, p. 1534; KOCH, H. *Op. cit.*, s. 105; STORME, M. Procedural Law and the Reform of Justice: from Regional to Universal Harmonisation. *Uniform Law Review*, 2001, Vol. 6, p. 764.

[157] Всеобщая декларация прав человека, принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г. *Российская газета*, 1995, № 67.

[158] Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах». *Бюллетень Верховного Суда РФ*, 1994, № 12.

[159] Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS No 5), заключена в Риме 4 ноября 1950 г. *Собрание законодательства РФ*, 1998, № 20, ст. 2143.

Межамериканскую конвенция о правах человека (1969 г.),[160] Африканскую хартию прав человека и народов (1981 г.),[161] а также не столь давнюю Европейскую хартию об основных правах.[162] Кроме того, положения о правах нашли закрепление и в послевоенных конституциях большинства стран мира.[163] Права человека объявляются неотъемлемыми, становятся «основой свободы, справедливости и всеобщего мира»,[164] происходит их фундаментализация и, по словам многих ученых, обретение статуса принципов современного международного права.[165] Это означает, что они перестали быть идеалами одного конкретно взятого общества, но становятся всеобщими ценностями.[166] Одновременно с этим права и свободы становятся мощным основанием для сближения отдельных национальных систем права,[167] поскольку обладают универсальным характером и должны защищаться сходным образом вне зависимости от государства нахождения носителя таких прав.[168] Во многом соответствующие положения начинают доминировать над национальными нормами и

[160] Американская конвенция о правах человека, заключена в Сан-Хосе 22 ноября 1969 г. *Международные акты о правах человека (Сборник документов)*. Москва, «Норма», 1998, с. 720-736.

[161] Африканская хартия прав человека и народов, принята в Найроби 26 июня 1981 г. *Международные акты о правах человека (Сборник документов)*. Москва: «Норма», 1998, с. 737-747.

[162] Charter of Fundamental Rights of the European Union. *Official Journal of the European Union*, 26.10.2012, C 326, p. 405.

[163] *See*: *Lietuvos Respublikos Konstitucija* (įsig. 1992 m. lap. 2 d.), 30 str.; *Конституция Российской Федерации*, ст. 46.

[164] КАШИРКИНА, А.А.; МОРОЗОВ, А.Н. Международные рекомендательные акты в российской правовой системе: пределы и возможности использования. *Журнал российского права*, 2015, № 2, с. 137.

[165] KOMAROV, V. Harmonisation of civil procedural law in Eurasia: Ukrainian Report. In: *Civil Procedure in Cross-cultural Dialogue: Eurasia Context (IAPL World Conference on Civil Procedure, September 18–21, 2012, Moscow, Russia).* Ed.: D. Maleshin. Moscow: Status, 2012, p. 408.

[166] VARELLA, M.D. *Internationalization of Law. Globalization, International Law and Complexity*. Heidelberg: Springer, 2014, p. 12.

[167] ГУРБАНОВ, Р.А. *Указ. соч.*, с. 274.

[168] МОСКАЛЕВИЧ, Г.Н. Общие тенденции интеграции и глобализации международного гражданского процесса как составной части международного частного права. *Беларусь в современном мире (материалы X Международной конференции, посвященной 90-летию образования Белорусского государственного университета, 28 октября 2011 г.).* Ред. В.Г. Шадурский, Минск: Изд. центр БГУ, 2011, с. 112.

обязывают государства сообразовывать свои действия с их предписаниями.[169]

Среди фундаментальных прав с процессуальным содержанием находятся право на справедливое рассмотрение дела, на публичное слушание, на независимый и беспристрастный суд, на получение адекватной правовой помощи и т.д.[170] Их мы так или иначе обнаруживаем во всех перечисленных выше документах.[171]

Данные нормы выступают как отправные точки в развитии более конкретного регулирования. Они требуют того, чтобы был гарантирован одинаковый уровень защиты, чтобы существовала возможность обращаться в суд любого государства и добиваться сходных результатов, а также не испытывать затруднений при ведении самого дела, сталкиваясь со специфическими процедурными требованиями национального права.[172]

При этом стандарты прав человека не ограничиваются лишь только трансграничными делами (о необходимости сближения правил в отношении которых шла речь выше). Они имеют характер общих ценностей, а потому должны соблюдаться в любом судебном разбирательстве, вне зависимости от наличия или отсутствия в нем иностранного элемента.[173] Именно поэтому положения о правах человека, носящие характер основополагающих принципов международного права,

---

[169] WEERAMANTRY, C. *Op. cit.*, p. 112; ГРИГОРЬЕВА, О.Г. *Указ. соч.*, с. 5.

[170] KOMAROV, V. The Civil Procedure in the Global Context. *Law of Ukraine*, 2011, Vol. 9-10, p. 246; САХНОВА, Т.В. Право на судебную защиту как субстантивное процессуальное право: эффект глобализации. *Вестник гражданского процесса*, 2014, № 3, с. 11-25; ЯРКОВ, В.; МЕДВЕДЕВ, И.; ТРУШНИКОВ, С. Некоторые проблемы интернационализации цивилистического процесса и гражданских юрисдикций в России. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2006, № 1, с. 40-41.

[171] *См.: Всеобщая декларация…*, ст. 10; *Пакт о гражданских и политических правах…*, ст. 2(3), 14; *Европейская конвенция о защите прав человека…,* ст. 6(1), 13.

[172] ZAHARIA, A. Considerations on Revising the Council Regulation (EC) No 44/2001 on Jurisdiction Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters. *Acta Universitatis Danubius*, 2009, Vol. 1, p. 154; АБОЛОНИН, В.О. Судебная медиация: теория, практика, перспективы. Москва: Инфотропик Медиа, 2014, с. 20; ГРАЧЕВА, С.А.; РАФАЛЮК, Е.Е. Обеспечение прав человека в рамках европейской и межамериканской интеграции (компаративистский анализ). *Журнал российского права*, 2014, № 12, с. 107-108.

[173] МОСКАЛЕВИЧ, Г.Н. *Указ. соч.*, с. 112.

являются столь значимыми катализаторами процессуальной конвергенции.[174]

Однако их потенциал еще не исследован надлежащим образом, и нередко правам человека отказывается в праве быть основанием для сближения, поскольку они уже так или иначе закреплены в национальном праве всех государств. В то же время, схожие текстуальные формулировки еще не гарантируют единства в их понимании и в толковании национальными органами правосудия. Фундаментальные права представляют собой лишь базовые категории, которые могут наполняться различным содержанием на национальном уровне. Соответственно, нормы о правах человека требуют совместных подходов к их толкованию и применению, в противном случае есть риск того, что они останутся лишь декларативными положениями.

Наконец, в качестве финальной предпосылки к сближению следует отметить тот факт, что оно уже имеет место на практике, развиваясь объективно и в определенной мере хаотично. Гражданский процесс модернизируется в соответствии с вызовами современного общества.[175] Это нередко предполагает и распространение общих идей, заимствование апробированных институтов. Учеными и практиками отмечается, что даже традиционные различия между странами общего и частного права (и характерными для них состязательной и инквизиционной моделями судопроизводства) постепенно стираются, а соответствующие государства заимствуют подходы друг у друга.[176] Наметившиеся процессы могут быть замедлены, но едва ли остановлены или обращены

[174] ЯРКОВ, В.В. Развитие гражданского процессуального права России сквозь призму общемировых тенденций. *Предназначение современного гражданского процессуального права*, Вильнюс, 2008, с. 590.

[175] СУХОВА Н.В. Вопросы развития гражданского процесса, *Вестник Тюменского государственного университета*, 2014, № 3, с. 107.

[176] JOLOWICZ, J. Adversarial and Inquisitorial Models of Civil Procedure, *International and Comparative Law Quarterly*, 2003, Vol. 52(2), p. 281.

вспять. В результате, лучшее, что могут сделать государства – принять в них самое активное участие.[177]

Говоря же о потенциальной угрозе изменений для государственного суверенитета и возможности каждой страны самостоятельно выстраивать систему правосудия в зависимости от значимых для нее ценностей и традиций, следует отметить следующее. Государства оказываются активно вовлеченными в процесс реформирования ГПП, в связи с чем их мнение учитывается и принимается во внимание при выработке новых норм, а значит, у них есть реальный шанс влиять на содержание последних. В большинстве случаев реализация тех или иных правил является добровольным выбором государства, а значит, не происходит никакого насильственного лишения его компетенции.[178] Даже если речь идет об обязательных для государств нормах международного объединения, то мы видим, что они сами передают таковому соответствующие полномочия. Все остальные изменения, связанные с постепенным ослабеванием государственного регулирования, как раз и относятся к категории объективных, а потому не могут быть оценены как необходимые или нежелательные – с ними придется считаться в меняющемся мире.

Несмотря на приведенные достаточно убедительные предпосылки схождения процессуальных систем разных государств, до сих пор существует немалое количество скептиков, отвергающих необходимость сближения или ставящих ее под сомнение. Одним из наиболее распространенных доводов с их стороны является потенциальный подрыв конвергенцией многообразия существующих процессуальных систем, которые конкурируют между собой, обеспечивая тем самым поступательное развитие. Сведение же всех существующих систем к

[177] HAZARD, G. Civil Litigation without Frontiers: Harmonization and Unification of Procedural Law, *XI World Congress on Procedural Law*, 1999, p. 578; СУХОВА, Н.В. Проблемы развития гражданского процессуального права: тенденции и традиции. *Вестник Омского университета. Сер. «Право»*, 2014, № 3(40), с. 157.

[178] BURMESTER, H. National Sovereignty, Independence and the Impact of Treaties and International Standards. *Sydney Law Review*, 1995, Vol. 17, p. 130.

одной будет означать монополию, в условиях которой замедлится развитие и возобладают далекие от совершенства стандарты.[179] Многочисленные различия не должны восприниматься как зло, поскольку от них выигрывают все. В качестве аналогии приводится ситуация с рынками товаров и услуг, где покупатели всегда получают выгоду от конкурентного многообразия.[180]

В подобных заявлениях, безусловно, есть доля истины – совместно принятые государствами нормы и стандарты, будучи результатом согласованной воли множества участников, могут быть усредненными, а не наилучшими из всех возможных. В то же время, никто не говорит о необходимости *полной замены* всех национальных норм «сверх-национальными», значительная их часть продолжает действовать, а значит, угроза «монополизации» далека от действительности – по факту будут действовать как единые нормы, так и отличающиеся, имеющие национальную специфику. Целенаправленность процесса сближения и его проведение под руководством государств дает возможность принять во внимание те аспекты гражданского процессуального права, которые для стран-участниц являются решающими, и не распространять конвергенцию туда, где она нежелательна. Одновременно с этим сближение позволяет сгладить те противоречия, которые являются существенными для построения общих пространств.

Кроме того, нам не кажется в полной мере правильным переносить аргументы из области экономики в сферу правосудия, которая касается защиты фундаментальных прав человека. Гражданский процесс не является товаром или услугой: он представляет собой практическую реализацию государственной функции правосудия, которая в любой стране должна отвечать интересам ее потребителей. Как мы показали выше, для этого необходимо, чтобы происходил учет всех мировых

[179] PARKER, J. Comparative Civil Procedure and Transnational “Harmonization”: a Law-and-Economics Perspective. *George Mason University Law and Economics Research Paper Series*, 2009, Vol. 3, p. 30.

[180] *Id.*, p. 31.

стандартов прав человека и потребностей сотрудничества между государствами в сфере правосудия.

Если и приводить аналогию с рынком, то процесс скорее можно представить в виде *естественной монополии* – не всегда самой выгодной для предпринимательства, но несомненно важной для народного хозяйства отрасли, заботу о которой берет на себя государство, которое и должно сделать ее максимально эффективной.[181] Существование «альтернатив» традиционному судопроизводству в виде арбитража, медиации, примирительных процедур не является в полной мере подрывом этой монополии, поскольку они выполняют все же несколько иные функции и не могут в полной мере считаться «деятельностью по отправлению правосудия». В некотором смысле они могут схожую ценность для своих пользователей, но это не означает, что они являются равнозначными по статусу и по своему регулированию.

Кроме того, как мы уже указывали, одной из важнейших предпосылок сближения является *трансграничная кооперация* между государствами и частными лицами. В этой связи экономический анализ едва ли может объяснить, по каким причинам в рамках однородного режима лицо должно иметь доступ к разным по своим стандартам процессуальным системам (отличия заключаются в сроках, правах участвующих лиц, порядке представления и работы с доказательствами, последствиях и пределах действия итоговых решений, а также порядке их обжалования). Принятие же схожих правил для описанных действий будет способствовать дальнейшему сотрудничеству государств и развитию международного обмена, а значит не только не подрывает конкуренцию, но и напротив, позволяет проводить действенную экономическую интеграцию в еще больших масштабах. Отсутствие

[181] БУРКЕЕВА, Р.Г. Природа и функции естественных монополий. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2010, № 8(114), с. 13; ЖУЧКОВ, А.Ю. Роль естественных монополий в национальной экономике. *Социально-экономические явления и процессы*, 2013, № 9, с. 42; РАДЮКОВА, Я.Ю. Естественные монополии в системе экономических отношений национального хозяйства. *Социально-экономические явления и процессы*, 2013, № 2, с. 96-97.

необходимости для тяжущихся лиц знакомиться в каждом случае с особенностями иной процессуальной системы и подстраиваться под нее положительно скажется на их финансовом состоянии и будет находить поддержку как у крупных транснациональных компаний, так и у простых индивидов, вовлеченных в правоотношения с иностранным элементом.

Стоит вместе с тем отметить, что из приведенных дискуссий наглядно видно, что сближение гражданского процессуального права не является самоцелью. Оно призвано служить объективно существующим в обществе потребностям и должно иметь свои пределы. Совершенно закономерно, что не идет речи о полном отказе от национальной специфики – скорее требуется принятие конкретных мер в наиболее «проблемных» областях.

Большинство высказанных выше аргументов главным образом подтверждают необходимость внесения изменений в те части национального ГПП, которые регулируют вопросы *международного гражданского процесса,* но не всего судопроизводства в целом. В этой связи необходимость в сближении существует применительно к таким институтам, которые бы помогали странам скоординировано определять компетентный суд (подсудность дела), разрешать споры о параллельных исках (*lis pendens*), оказывать друг другу правовую помощь, а также признавать и исполнять в рамках единых процедур судебные решения.[182] Акцент именно на этих институтах не является случайным. Так, говоря о подсудности, стоит отметить, что между странами нередко возникают противоречия по ее поводу, в рамках которых несколько государств одновременно признают свои суды компетентными рассматривать спор, либо, напротив, отклоняют свою компетенцию и оставляют заявителя без должной судебной защиты.

[182] COSTACHE, M. Aspects Regarding the Judicial Cooperation in Civil and Commercial Matters. *EIRP Proceedings,* 2009, Vol. 4, p. 473; ВИКУТ, М.А.; ИСАЕНКОВА, О.В. *Исполнительное производство*. Москва: Юрист, 2001, с. 187; ПАПИНА, М.А. Международные договоры РФ по правовой помощи: проблемы применения. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2014, № 4(60), с. 266; ЄМЕЦЬ, І.О. Природа там міжнародно-правова сутність міжнародної правової допомоги у цивільних справах. *Проблеми законності*, 2015, № 128, с. 231-232.

Другая проблема состоит в признании зарубежных решений. Поскольку они являются продуктом зарубежной юстиции, по умолчанию государства имеют право полностью их игнорировать.[183] Однако в современных условиях эта тактика не является наилучшей, поскольку в таком случае собственные решения данного государства также не будут исполняться за рубежом. В итоге страны намереваются через сближение отдельных процессуальных институтов добиться усиления продуктивности сотрудничества в процессуальной сфере.[184]

Стоит отметить, что и сами нормы о международной подсудности (юрисдикции) и признании решений по своему характеру являются международными, т.е. не приспособленными к закреплению в индивидуальном порядке на национальном уровне.[185] Напротив, они заведомо касаются вопросов, где соприкасаются правопорядки нескольких стран.[186] Поскольку они напрямую относятся к проявлению глобализационных тенденций в праве, именно про них можно сказать, что такие отношения лучше решать государствам на совместной основе.[187]

Из других открытых для сближения институтов трансграничного ГПП следовало бы отметить получение доказательств за рубежом, вручение извещений, обеспечение иска, предоставление иностранцам равного с гражданами соответствующего государства доступа к суду и т.д. Установление единых стандартов в этих областях существенно бы облегчило и ускорило реализацию данных правоотношений, а также повысило бы доверие стран к правопорядкам друг друга.

---

[183] ЗАЙЦЕВ, Р.В. *Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов*. Автореферат диссертации кандидата юридических наук, Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2005, с. 11; БРАНОВИЦКИЙ, К.Л. Принцип взаимности в международном гражданском процессе. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2005, № 8, с. 27.

[184] WELLER, M. *The ELI-UNIDROIT Project: From Transnational Principles to European Rules of Civil Procedure – First Exploratory Workshop* [interactive. Date of access: 20.04.2015]. Access via Internet: <http://conflictoflaws.net/2013/the-eli-unidroit-project-from-transnational-principles-to-european-rules-of-civil-procedure-1st-exploratory-workshop>.

[185] KRONKE, H. *Op. cit.*, p. 744.

[186] von MEHREN, A.T. *Op. cit.*, p. 355.

[187] KERAMEUS, K. *Procedural Harmonization in Europe…*, p. 402-403.

Отдельные авторы отмечают, что улучшить доступ к правосудию также позволило бы введение общих минимальных стандартов и принципов трансграничного правосудия.[188] На наш взгляд, такие положения могли бы содержаться в отдельном акте, который бы носил общий характер и теми или иными способами был бы обязателен к применению каждым из государств. Особенно актуально принятие подобного акта в свете аргумента о необходимости обеспечить единое понимание основополагающих прав человека в процессуальной сфере.

Сказанное выше относилось к *предметным пределам* сближения ГПП. Однако существуют и *пространственные пределы*, связанные с усилением уже упомянутых нами тенденций регионализма. Дело в том, что для правовой сферы в целом на данном этапе развития цивилизации нехарактерно массовое сближение именно на универсальном (общемировом) уровне. Далеко не все из приведенных выше предпосылок актуальны в масштабах всей планеты. Между странами на разных континентах все еще есть существенные различия и противоречия, а главное – поставленные цели. В этой связи мы не видим перспектив в обозримом будущем для таких проектов как «общемировой гражданский процессуальный кодекс» или «правила гражданского судопроизводства для всего мира». Совершенно непредсказуемо, как именно будет осуществляться имплементация таких гипотетических актов, их толкование и применение на практике. Кроме того, столь смелые начинания не учитывают того обстоятельства, что существенное влияние на понимание сути норм и порядка их использования накладывает доктрина, которая пока что далека от единства в разных регионах мира. Так, если англо-американскую теорию волнуют групповые иски и обоснованность взыскания штрафных убытков (*punitive damages*), а европейскую – продолжительность судопроизводства и эффективный доступ к правосудию, то в странах постсоветского

[188] STORME, M. Improving Access to Justice in Europe, *Teka Komisji Prawniczej*, 2010, Vol. 3, p. 210.

пространства важными темами являются споры о роли прокурора в судебном заседании и о наилучшем построении системы пересмотра судебных актов, а равно о перспективах объединения двух самостоятельных процессуальных отраслей (гражданского и арбитражного) в рамках единого кодекса.[189]

На международном уровне пока что нет институтов, которые бы взяли на себя ответственность за осуществление масштабной работы по сближению не только норм, но и доктрины. Однако и сближение первых представляется затруднительным процессом, поскольку на мировом уровне мы имеем дело с противоречиями не только между континентальным и общим правом, но и различными семьями традиционного и религиозного права, подход которых к решению процессуальных вопросов зачастую вызывает недоумение у юристов из стран Европы или Америки. Здесь потребности конвергенции еще не осознаются в должной мере, а потому преждевременной является и постановка вопроса о ней.[190]

По этой причине для гражданского процесса справедлив тезис о большей эффективности сотрудничества именно на региональном, а не на общемировом уровне.[191] Близким по духу государствам легче понять общие потребности и добиться единства. Их сотрудничество в этом направлении могло бы осуществляться в рамках интеграционных объединений, уже проводящих схожую работу по другим направлениям. Право этих государств изначально имеет немало сходных черт, и необходимо усиливать эту близость.[192] Более того, изначальная предрасположенность стран региона к совместной работе и

---

[189] ЛАТЫЕВ, А.Н. Конвенция единого Гражданского процессуального кодекса России: взгляд с другой стороны. *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 1, с. 69-70; ПОТАПЕНКО, С.В. От концепции единой науки процессуального права до создания нового «единого» гражданского процессуального кодекса. *Российская юстиция*, 2014, № 9, с. 2-5.

[190] TARUFFO, M. *Op. cit.*, p. 217.

[191] KERAMEUS, K.D. Une Procédure Civile Sans Frontières Harmonisation et Unification du Droit Procédural. *Revue Hellénique de Droit International*, 1999, Vol. 52, p. 518; МАЛЕШИН, Д.Я. Методология гражданского процессуального права. Москва: Статут, 2010, с. 128; ЩУКИН, А.И. *Указ. соч.*, с. 36.

[192] KERAMEUS, K. *Procedural Harmonization in Europe*…, p. 402; PROKHORENKO, V. Some Aspects of Unification of Civil Procedure Law. *Uniform Law Review*, 2003, Vol. 1(2), p. 497.

взаимодействию позволяет проводить реформы с большей вероятностью успеха.[193] Гражданский процесс не должен быть изолированной сферой («правом юристов» того или иного государства), но должен активно вовлекаться в процессы региональной правовой трансформации, где ему уготована роль средства разрешения противоречий между субъектами правовой системы, вступающими между собой во всевозможные отношения частноправового характера.

Говоря о практических способах сближения, следует отметить, что оно может иметь различные градации и степени интенсивности, осуществляться разными способами. Все существенные особенности отрасли ГПП говорят в пользу того, чтобы выбрать наименее разрушительную и радикальную методику преобразования. В качестве определяющего принципа нам представляется сформулировать следующую идею: *многообразие правовых форм, существующих в разных государствах, не является само по себе негативным явлением*. Не всегда требуется полная замена всех имеющихся норм едиными общими положениями, поскольку сам по себе тот факт, что право разных государств имеет отличия, не означает, что существует ситуация конфликта. Как пишет М.А. Пшеничнов, сближение следует проводить избирательно и только в отношении *дисгармонирующих* правовых актов.[194] Сохранение национальной специфики должно, по умолчанию, допускаться и даже поощряться (поскольку в ином случае любые сравнительные исследования становятся бессмысленными, а также утрачиваются источники «вдохновения» для новых позитивных преобразований). В то же время, сближение будет требоваться там, где оно позволяет достичь большей эффективности или справедливости.

[193] STORME, M. *Procedural Law and the Reform of Justice*…, p. 767; БАХИН, С.В. *Указ. соч.*, с. 105.

[194] ПШЕНИЧНОВ, М.А. К вопросу об аргументации гармонизации законодательства. *Юридическая техника*, 2013, № 7-1, с. 304.

Государству нет нужды отказываться от регулирования тех отношений, которые оно способно регламентировать самостоятельно.[195] Ни международные организации, ни профессиональные сообщества не смогут полноценно упорядочить такую комплексную отрасль как гражданское судопроизводство. Они могут лишь помочь выявить существующие проблемы и препятствия к надлежащему функционированию системы, но воплощать в жизнь подобные предписания все равно придется государству, поскольку именно оно отвечает за функционирование судебной системы. Неизвестно, как будет обстоять дело в обозримом будущем, но в настоящее время ни на региональном, ни на мировом уровне не сформированы действенные институты, которые могли бы вершить правосудие по гражданским делам (так, как это делают государственные суды).[196] Можно признать, что вносить изменения в нормы о судопроизводстве легче, чем в таковые о судоустройстве, поскольку последние, определяющие наименование, иерархию и совокупность полномочий судебных органов, действительно входят в исключительную компетенцию государства и касаются его суверенитета.[197]

Следует также согласиться с позицией Т. Крюгер, которая полагает, что введение любых единых или единообразных правил ГПП должно сообразовываться с принципами разумности и эффективности: то, что лучше всего урегулировать на национальном уровне, лучше не переносить на региональный или общемировой.[198] Мы всегда должны обращать внимание и на то, правильно ли избрана форма сближения: достигается ли нужная нам цель за счет тех средств, что мы используем,

---

[195] ГРИБОВА, С.Н. Глобализация и регионализация: детерминанты мирового экономического развития. *Экономический журнал*, 2005, № 9, с. 13; БАХИН, С.В., *Указ. соч*., с. 86.

[196] ШИНКОВСКИЙ, М.Ю. Глобализация как предмет научного исследования. *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*, 2007, № 4, с. 70.

[197] ЯРКОВ, В.В. *Развитие гражданского процессуального права России сквозь призму общемировых тенденций*…, с. 596-597.

[198] KRUGER, T. The Disorderly Infiltration of EU Law in Civil Procedure. *Netherlands International Law Review,* 2016, Vol. 63, p. 2.

или, напротив, применяются слишком «жесткие» меры для решения сравнительно простой задачи?[199]

Обобщая все вышесказанное, можно констатировать, что в области ГПП важно умелое сочетание деятельности по правовой конвергенции с сохранением традиционного государственного регулирования.[200] Сближаться должны те нормы, которые отвечают потребностям сотрудничества государств и частных лиц в трансграничном масштабе, а также те, что выражают фундаментальные идеи прав человека.

Определившись с этими вопросами, мы можем перейти к рассмотрению *способов сближения*, т.е. тех тактических приемов, которые используются управомоченными субъектами для достижения целей и решения задач, которые стоят перед гражданским процессом на современном этапе.

2. Гармонизация и унификация как основные способы сближения гражданского процесса в условиях глобализации и регионализации

2.1. Понимание гармонизации и унификации права и их соотношение

Как уже было продемонстрировано выше, главным проявлением глобализации и регионализации в правовой сфере жизни общества является постепенное сближение норм, институтов, отраслей и национальных правовых систем в целом.

Для описания процессов сближения права научные труды приводят множество различных терминов: «аппроксимация», «гармонизация», «унификация», «координация», «интеграция», «компатибилитация», «стандартизация», «синхронизация», «ассимлиляция», «инкорпорация», «консолидация», «кодификация» и другие. При этом отсутствует единство относительно их содержания и соотношения между собой.[201] На

[199] LEEBRON, D. *Op. cit.*, p. 65-66.

[200] TARUFFO, M. *Op. cit.*, p. 217.

[201] КРЫМСКИЙ, Д.И. Гармонизация гражданского судопроизводства в странах Европейского Союза: достигнутые результаты и перспективы развития, *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2008-2009, № 7, с. 220-221; БАХИН, С.В. *Указ. соч.*,

наш взгляд, необходимо внести ясность в терминологию, поскольку дальнейшее исследование будет посвящено именно сближению ГПП, а, следовательно, важно понять, какие из названных понятий имеют научную и практическую значимость и отражают те тенденции, что имеют место в праве в условиях глобализации и регионализации.

Некоторые термины («*кодификация*», «*консолидация*» и «*инкорпорация*»[202]) уже достаточно давно известны науке, при этом они рассматриваются как формы не сближения, а систематизации права (при этом, чаще всего именно позитивного права и законодательства).[203] Так, кодификация состоит в разработке на основе имеющихся актов единого комплексного документа (кодекса) с возможным изменением структуры и содержания объединяемых актов и с обязательной последующей утратой ими силы. Два других термина означают менее строгие и формальные объединения норм, зачастую сопряженные с продолжением существования объединяемых актов. Систематизация осуществляется в целях упорядочения нормативного материала, повышения удобства пользования им,[204] а сближение – для более эффективного взаимодействия между нормами и институтами. *Систематизация* – это прежде всего техника работы с нормами, внутреннее их изменение, тогда как сближение касается права в целом и приводит к единству не только (и не столько) содержания, сколько к единству подходов к определенной правовой проблеме.[205] При этом приемы систематизации могут использоваться и в целях сближения (переработка изначально данного материала с формированием на его основе единого акта – кодекса,

---

с. 48; ПОПКОВА, Е.А. Понятие гармонизации гражданского процесса. *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 4, с. 31.

[202] КРУТИЙ, Е.А. Соотношение понятий унификации и кодификации в современном международном частном праве, *Международное публичное и частное право*, 2012, № 3, с. 7-9; БЕЗБОРОДОВ, Ю.С. Методы международно-правовой конвергенции. *Российский юридический журнал*, 2015, № 4, с. 30-32.

[203] БОШНО, С.В. Система права и система законодательства. *Право и современные государства*, 2013, № 5; РЕУТОВ, В.П. К вопросу о консолидации как форме систематизации законодательства. *Право и современное государство*, 2013, № 3, с. 16.

[204] ИВАННИКОВА, О.И. Систематизация отечественного законодательства. *Правовая информатика*, 2012, № 1, с. 36.

[205] КРУТИЙ, Е.А. *Указ. соч.*, с. 7-9.

модельного закона или международного договора), предназначенного для уменьшения различий между правом разных стран. В то же время сближение может выражаться и в *декодификации* – принятии новых актов, не укладывающихся в существующую систему того или иного государства и даже подрывающих ее внутреннюю логику.

Оставшиеся термины в целом имеют отношение к процессу сближения права, однако исследователями они используются зачастую бессистемно, вне соотношения друг с другом, порой в качестве синонимов, а порой в качестве форм и видов друг друга.[206] Наиболее употребительными (наряду, собственно, с понятием «сближения») являются термины «аппроксимация», «унификация» и «гармонизация».[207] Первое из них является по сути английским аналогом слова «сближение» - *approximation*, не имея, таким образом видимых отличий от него.

Что же касается *унификации* и *гармонизации*, то, на наш взгляд, не является оправданным построение иерархических отношений между ними, поскольку в сущности они представляют собой две стороны одного процесса,[208] который и обозначается как «сближение», «аппроксимация» или «конвергенция». Все они так или иначе обозначают *схождение* правопорядков, усиление их взаимодействия, переплетение и взаимопроникновение.[209] Термин «сближение» является более общим, чем «гармонизация» или «унификация», поскольку он максимально абстрагируется от степени и глубины реального единения. В то же время и унификация, и гармонизация с неизбежностью указывают на разное по

---

[206] КРЫМСКИЙ, Д.И. *Гармонизация гражданского судопроизводства в странах Европейского Союза*…, с. 220-221.

[207] GUSEINOV, A. Some Trends in Developments in the Field of Law in Post-Industrial Societies. *Law and Modern States*, 2013, Vol. 4, p. 25; КОВАЛЬКОВА, Е.Ю. *Указ. соч.*, с. 28-29.

[208] *Современное международное частное право в России и Евросоюзе* (книга 1). Под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. Москва: Норма, 2013; МЕНГЛИЕВ, Ш.М. Объективная необходимость гармонизации правовых систем стран СНГ. *Вестник международного коммерческого арбитража*, 2012, № 2, с. 157; МУРАТОВА, О.В. *Указ. соч.*, с. 139-149.

[209] БЕЗБОРОДОВ, Ю.С. *Методы международно-правовой конвергенции*…, с. 30-31; КОВАЛЬКОВА, Е.Ю. *Указ. соч.*, с. 28-31.

степени интенсивности сближение,[210] а потому представляют собой его самостоятельные способы.[211] Они протекают в разных формах, характеризуются несходной тактикой и приводят к неодинаковому результату.[212]

Начиная более подробное рассмотрение двух способов сближения с *унификации*, отметим, что термин происходит от латинских корней «*uni*» и «*facere*» и дословно означает «делать единым».[213] Унификация предполагает деятельность управомоченных субъектов по формированию и внедрению единых (т.е. не отличающихся друг от друга, универсальных) правовых предписаний.[214] При ее успешной реализации ранее существовавшие нормы и другие правовые конструкции (различные по своему содержанию) заменяются на общие для всех участников процесса.[215] Таким образом, унификация представляет собой жесткую форму сближения, исключающую возможность отклонения от императивно сформулированных предписаний.

Если применить сказанное об этом способе сближения к гражданскому процессу, то, как уже отмечалось выше, однозначной конвергенции заслуживают институты международной подсудности, признания и исполнения зарубежных решений, а также стандартов уведомления сторон и общего понимания справедливого судебного разбирательства. Это связано с тем, что в данных отношениях важна правовая определенность, которую может дать только четкость и недвусмысленность используемых правил.

---

[210] ЯРКОВ, В.В. *Развитие цивилистического процесса в России: отдельные вопросы*…, с. 17-53; БЕЗБОРОДОВ, Ю.С. *Методы международно-правовой конвергенции*…, с. 31.

[211] YARKOV, V. Harmonization of Civil Procedural Law in Eurasia (General Report). In: *Civil Procedure in Cross-cultural Dialogue: Eurasia Context* (ed. D. Maleshin). Moscow: Statut, 2012, p. 336; БАХИН, С.В. *Указ. соч.*, с. 61; БЕЗБОРОДОВ, Ю.С. *Методы международно-правовой конвергенции*…, с. 31.

[212] ЛУЦЬ, Л.А. *Указ. соч.*, с. 167.

[213] *Современное международное частное право в России и Евросоюзе* (книга 1). Под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка). Москва: Норма, 2013.

[214] *Международное частное право: учебник*. Под ред. Г.К. Дмитриевой. Москва: Проспект, 2004, с. 101; ХАУСТОВА, М.Г. Тенденція універсалізації та унифікації права як один із напрямів впливу глобалізації на національну правову систему, *Теорія і практика правознавства*, 2013, № 2(4), с. 8.

[215] ЛУЦЬ, Л.А. *Указ. соч.*, с. 166.

Вторая разновидность сближения, наиболее часто упоминаемая в научной литературе, именуется «гармонизацией». Данное понятие происходит от слова «*гармония*», которым в музыке обозначается соразмерность и слаженность звучания нот, а также комбинация одновременно звучащих инструментов, производящих приятный эффект на окружающих.[216] Соответственно, гармонизация является деятельностью по достижению слаженности и непротиворечивости. Применительно к праву, она выражается в попытке сделать нормативное регулирование или правовую политику разных субъектов более схожей.[217] Эта задача несходна с таковой для унификации (установление единого правового регулирования), поскольку гармонизация не требует одинакового правового регулирования[218] и не стремится к нему.[219] В связи с этим, при гармонизации создаются не идентичные нормы, а похожие (*единообразные*). Для избранных норм указывается общее направление регулирования, но не формулируется конкретное их наполнение.[220] Это побудило ряд авторов заявить, что гармонизация представляет собой «сближение на основе общих принципов».[221]

Стоит отметить, что последняя позиция верна лишь отчасти. Принципы представляют собой лишь общие и руководящие идеи, базовые понятия некого процесса или явления,[222] и в этой связи их далеко не всегда достаточно даже для такого сближения, которое не требует полного единства. Зачастую назначение гармонизации является достаточно функциональным и прикладным – требуется добиться

---

[216] ОЖЕГОВ, С.И., ШВЕДОВА, Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. Москва, 1993.

[217] LEEBRON, D. *Op. cit.*, p. 66.

[218] TULIBACKA, M. *Europeanization of Civil Procedures: in Search of a Coherent Approach*…, p. 1534; ДОРОНИНА, Н.Г. Гармонизация права как альтернатива наднациональности в правовом регулировании экономических отношений. *Журнал российского права*, 2013, № 10, с. 136.

[219] BOODMAN, M. The Myth of Harmonization of Laws. *American Journal of Comparative Law*, 1991, Vol. 39(4), p. 701.

[220] БЕЗБОРОДОВ, Ю.С. *Методы международно-правовой конвергенции*…, с. 31.

[221] ДОРОНИНА, Н.Г. *Указ. соч.*, с. 136.

[222] ГАСАНОВА, А.Н. Принципы права: современные подходы. *Вестник Поволжского института управления*, 2014, № 5, с. 41; СМИРНОВ, Д.А. О понятии принципов права. *Общество и право*, 2012, № 4(41), с. 36. ВОПЛЕНКО, Н.Н.; РУДКОВСКИЙ, В.А. Понятие и классификация принципов права. *Ленинградский юридический журнал*, 2014, № 4(38), с. 35-36.

единства в одних вопросах и оставить на усмотрение субъектов другие. Именно поэтому не только общие принципы, но и рядовые нормы могут становиться объектом гармонизации. Многие из них будут диспозитивными, часть будет предусматривать альтернативные действия, а некоторые будут отсылать к праву тех субъектов, что участвуют в сближении. Однако так или иначе они не будут иметь статуса принципов, поскольку их назначение будет более конкретным.

В определенных случаях гармонизация и вовсе фокусируется не на создании новых норм, а на устранении противоречий между уже существующими и на координации линии поведения.[223] Из этого мы можем сделать вывод о том, что под гармонизацией в науке понимается целый комплекс достаточно различных по своей сути мероприятий, которые объединяет лишь то, что они не подпадают под понятие «унификации». Если унификация является сближением с «нулевой степенью различия», но в случае с гармонизацией этот показатель будет отличен от нуля – пределы достигаемого единства имеют свои границы.[224]

Благодаря присущей ей гибкости гармонизации удается учесть различия в социальной, культурной и внешнеэкономической политике субъектов сближения, их традициях, обычаях и правовых ценностях.[225] Именно поэтому ее и характеризуют как «единство в многообразии».[226]

Несмотря на то, что на первый взгляд по своей глубине и интенсивности гармонизация является не таким сложным начинанием, как унификация, на практике она становится гораздо более комплексным, многомерным, трудоемким и длительным процессом, поскольку предполагает тщательное балансирование интересов. Далеко не всегда

---

[223] JONES, A. *Op. cit.*, p. 86; ДОРОНИНА, Н.Г. *Указ. соч.*, с. 137-138.

[224] LEEBRON, D. *Op. cit.*, p. 72.

[225] MAK, V. A Shift in Focus: Systematization in European Private Law through EU Law. *European Law Journal*, 2011, Vol. 17(3), p. 403.

[226] САХНОВА, Т.В. Континентальный процесс: итоги и перспективы. *Teisė*, 2011, t. 79, p. 202; САЛОМАТИН, А.Ю. Интернационализация права в условиях глобализации (на примере трудового права). *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*, 2007, № 2, с. 87.

удается успешно достичь консенсуса, а гибкость выбранного механизма сближения оборачивается расплывчатостью и нечеткостью формируемых правил. В итоге не для всех участников процесса сближения будет очевидно то, какие именно обязанности возлагаются на них.

Именно это приводит многих авторов к выводу о том, что гармонизация может сплотить право только в ограниченных пределах,[227] и что она является лишь промежуточной стадией на пути к унификации (*подлинному сближению*). На самом же деле гармонизация может иметь и самостоятельное значение[228] и активно использоваться там и тогда, где полное единство не требуется или политически сложно достижимо. Как мы увидим ниже, ситуация с большей частью норм и институтов гражданского процесса полностью подпадает под это описание. Здесь не будет нужды в полной замене устоявшихся и успешно работающих национальных механизмов вновь созданными на универсальном или региональном уровне, а скорее координация, обеспечение их слаженного функционирования.[229]

Несмотря на выявленные различия, унификация и гармонизация не являются полностью чуждыми друг другу явлениями, представляя собой разновидности сближения и имея множество общих черт:

Во-первых, и унификация, и гармонизация возможны на различных уровнях: в рамках одного государства[230] (сближается право отдельных его регионов) и в отношениях нескольких государств, в том числе большого их круга[231] (целого региона или всей планеты). Первое крайне распространено в сложносоставных и федеративных государствах и может заключаться в необходимости сведения воедино отдельных

---

[227] BUSSANI, M.; MATTEI, U. Common Core Approach to European Private Law. *Columbia Journal of European Law*, 1996, Vol. 3, P. 349.

[228] TULIBACKA, M. *Europeanization of Civil Procedures: in Search of a Coherent Approach*…, p. 1534; КРЫМСКИЙ, Д.И. *Гармонизация гражданского судопроизводства в странах Европейского Союза*…, с. 220.

[229] BOODMAN, M. *Op. cit.*, p. 701.

[230] БАРКОВ, А.В. Проблемы гармонизации в Евразийском экономическом сообществе, *Журнал российского права*, 2003, № 8, с. 137-138.

[231] ЛУЦЬ, Л.А. *Указ. соч.*, с. 163; САЕНКО, А.В. *Принципы международного гражданского процесса*: автореферат дисс. кандидата юридических наук. Москва: РУДН, 2013, с. 24.

обычаев, прецедентов или даже законов, которые до этого регулировали правоотношения в разных сферах или на разной территории. Наиболее известным примером такой деятельности в области гражданского судопроизводства является принятия единого ГПК Швейцарии, заменившего собой действующие акты отдельных кантонов.[232]

В настоящей работе акцент делается на международный аспект аппроксимации, поскольку именно он является прямым следствием глобальных и региональных процессов – только в современных условиях возможность и необходимость правового сближения преодолела национальные границы. В связи с этим основной научный интерес имеет исследование унификации и гармонизации в масштабе более чем одного государства.

Во-вторых, оба способа сближения не сводятся к формальным изменениям в праве. Ученые справедливо отмечают, что унификация/гармонизация в обязательном порядке должны предполагать не только создание одинаковых или схожих норм, но и установление общих подходов к правопониманию, правоприменению, толкованию права, формирование близких правовой доктрины и идеологии – в противном же случае можно говорить только об *универсализации*, *униформизации*, т.е. о внешнем, а не внутреннем единстве.[233]

В-третьих, и гармонизация, и унификация являются процессами (деятельностью), а не результатом. Результатом же будет реализовавшееся на практике *единство* или *схожесть* правопорядков. Подчеркивая вышесказанное, следует признать, что создание единой (или единообразной в случае гармонизации) нормы является только одним из

[232] WALLERMAN, A. Harmonization of Civil Procedure: Can the European Union Learn from Swiss Experiences? *European Review of Private Law*, 2016, Vol. 5, p. 855; КРЫМСКИЙ, Д. И. Разработка нового ГПК Швейцарии: сохранение национальных традиций и ответ на вызовы времени. *Законодательство*, 2010, № 10, с. 80-87.

[233] BENACCHIO, G.-A.; PASA, B. *Common Law for Europe*. Budapest: CEU Press, 2005, p. 26; БАХИН, С.В. *Указ. соч.*, с. 57.

этапов на пути сближения – *формированием стандарта*.[234] Данный этап крайне важен, поскольку для его надлежащей реализации необходимо проанализировать множество имеющихся источников, установить проблемы в функционировании права, найти различия и понять их значимость. Затем наступает второй этап, на котором происходит принятие стандарта субъектами сближения.[235]

Большой вклад в понимание сути этого процесса внесли исследователи упомянутого в первом параграфе настоящей главы явления *европеизации*. Сам данный термин получил широкое распространение с усилением влияния Европейского Союза на национальную политику и право и предполагал рассмотрение способов, посредством которых оно происходит на практике.[236] Авторами было установлено, что европеизация является единством двух процессов, которые можно обозначить как восходящие (*bottom-up*) и нисходящие (*top-down*). В первом случае речь шла о построении группой стран общих (сверхгосударственных) стандартов, а во втором – «диффузии» (распространении) уже выработанных стандартов между ними.[237] При этом нисходящие процессы демонстрируют, что право является

---

[234] GENN, H. *Op. cit.*, p. 832; ЛУЦЬ, Л.А. *Указ. соч.*, с. 174; СТЕПИН, А.Б. Место и роль международных стандартов в современной системе российского законодательства. *Современное право*, 2016, № 9, с. 59-63.

[235] GUTTERIDGE, H. *Comparative Law*. Cambridge: CUP, 1949, p. 173-175.

[236] *See*: LADRECH, R. Europeanization of Domestic Policies and Institutions: the Case of France. *Journal of Common Market Studies*, 1994, Vol. 32(1), p. 69; STONE SWEET, A. *The Judicial Construction of Europe*, Oxford: OUP, 2004, p. 240; NYLUND, A. European Integration and Nordic Civil Procedure. In: *The Future of Civil Litigation. Access to Courts and Court-annexed Mediation in the Nordic Countries*. Eds.: L. Ervo, A. Nylund. Heidelberg: Springer, 2014, p. 32; CARTER, C., SCOTT, A. Legitimacy and Governance Beyond the European Nation State: Conceptualizing Governance in the European Union. *European Journal of International Law*, 1998, Vol. 4, p. 437; GOETZ K. National Governance and European Integration: Intergovernmental Relations in Germany. *Journal of Common Market Studies*, 1995, Vol. 33(1), p. 92; HARTLEY, T. Unnecessary Europeanisation under the Brussels Jurisdiction and Judgments Convention: the case of the dissatisfied sub-purchaser. *European Law Review*, 1993, Vol. 18(6), p. 506.

[237] BÖRZEL, T., RISSE T. When Europe Hits Home: Europeanization and Domestic Change, *European Integration Online Papers*, 2000, Vol. 4(15) [interactive. Accessed on 13.06.2016]. Access via Internet: <http://eiop.or.at/eiop/texte/2000-015a.htm>; KNILL, C., LEHMKUHL, D. The National Impact of European Union Regulatory Policy: Three Europeanization Mechanisms, *European Journal of Political Research*, 2002, Vol. 41(2), p. 255; MOUMOUTZIS, K. Still Fashionable Yet Useless? Addressing Problems with Research on the Europeanization of Foreign Policy, *Journal of Common Market Studies*, 2011, Vol. 49(3), p. 607; ASPINWALL, M. NAFTA-ization: Regionalization and Domestic Political Adjustment in the North American Economic Area, *Journal of Common Market Studies*, 2009, Vol. 47(1), p. 3.

элементом международной (или надгосударственной) политики и используется для донесения централизованной воли до отдельных субъектов на нижних этажах «вертикали власти». В то же время восходящие процессы являются отражением национальной культуры и традиций, в связи с чем построение общего права можно рассматривать как попытку перенести на более высокий уровень и закрепить на нем те ценности, что объективно сложились в тех или иных странах.[238] В целом вся деятельность по сближению может быть представлена как единство восходящих (выработка стандартов) и нисходящих (их имплементация) процессов.[239]

Несмотря на то, что выводы исследователей касались лишь европейской модели интеграции, они имеют универсальное значение и применимы к любым начинаниям в области сближения права.

Необходимо отметить, что в ряде случаев сближение может носить усеченный характер: стандарт не обязательно вырабатывается теми же субъектами, что участвуют в его имплементации. Особенно характерно это для случаев использования модельных актов или академических проектов, которые могут быть созданы международными организациями, исследовательскими центрами, а воплощаться в жизнь теми или иными государствами. Кроме того, в качестве стандарта может использоваться право третьего (авторитетного) государства, которое само в процессе сближения не участвует.

В иных случаях, напротив, все заканчивается на стадии формирования итогового стандарта. Такая ситуация имеет место в случае принятия международных договоров прямого действия (не требующих национального акта имплементации)[240] или такого относительно нового феномена как «наднациональное право», при котором происходит принятие интеграционным объединением общеобязательного для его

[238] BUSSANI, M.; MATTEI, U. *Op. cit.*, p. 350.

[239] de BÚRCA, G.; CRAIG, P. *EU Law: Text, Cases and Materials*. Oxford: OUP, 2011, p. 605-606.

[240] BAYRAKTAROĞLU, G. *Op. cit.*, p. 153.

участников акта, который действует напрямую (как национальный закон). С точки зрения некоторых исследователей, в данном случае нельзя говорить об унификации или гармонизации, поскольку никаких изменений во внутреннем праве государств не происходит. Стандарт сближения же должен лишь указывать, как должно осуществлять регулирование на национальном уровне, а не превращаться сам в непосредственный регулятор.[241]

На наш же взгляд значение следует придавать не тому факту, что стандарт в обязательном порядке *инкорпорируется* в национальное право, а тому, что он становится *обязательным* за счет отсылки к нему всеми участвующими в процессе сближения государствами. Он может и не включаться непосредственно во внутреннее законодательство государства, но признаваться одним из его источников. Более того, свое согласие на обязательность стандарта государство не обязательно должно высказывать уже *после* его провозглашения, но может сделать это заранее для неограниченного числа случаев.

В-четвертых, несмотря на различие в задачах унификации и гармонизации, можно признать, что в итоге они служат одной цели – достижению известного единообразия в праве разных стран. Некоторые ученые полагают также, что сближение преследует цель повышения качества правовых норм, при котором из множества существующих норм выбираются наиболее оптимальные и совершенные.[242] На наш взгляд, такой вывод страдает известной долей идеализма, поскольку получаемый стандарт сближения далеко не всегда является наилучшим из возможных. В реальности участники процесса аппроксимации стремятся к достижению *сходства* отдельных частей своего права, при этом нет гарантии, что оно будет обеспечено за счет максимально качественной нормы. Итоговый результат должен быть действительно общим и эффективным для взаимного сотрудничества субъектов, но далеко не

[241] GENN, H. *Op. cit.*, p. 829.

[242] *See:* KERAMEUS, K. Some Reflections on Procedural Harmonisation: Reasons and Scope. *Uniform Law Review*, 2003, Vol. 8, p. 444-445.

всегда идеальным. Более того, учитывая, что он является итогом согласованной воли нескольких субъектов, такой стандарт с огромной вероятностью будет иметь усредненный (компромиссный) характер.[243] В этой связи в настоящей работе мы будем придерживаться «практического», а не «идеалистического» понимания сближения.[244]

В практике аппроксимационной деятельности выработались представления о различных видах сближения, которые можно выделить по тем или иным основаниям:

1) в зависимости от цели можно выделить *позитивное* и *негативное* сближение. Если первое направлено на создание норм, определенным образом регулирующих правоотношения, то второе устраняет барьеры, изначально существовавшие в праве государств.[245] Чаще всего последний вид сближения связывают с деятельностью судебных органов (например, наднациональных Судов в Европе), которые могут отменять применение некоторых правил гражданского судопроизводства в результате действия норм о запрете дискриминации.[246] Позитивные же гармонизация и унификация касаются принятия конкретных норм, имеющих большую или меньшую обязывающую силу, но предписывающих государствам определенным образом изменить свое право.

2) в зависимости от вводимых норм: *субстантивное* и *коллизионное* сближение. В первом случае в действие вводятся предписания, предусматривающие общие конкретные правила поведения. Во втором речь идет о создании единых или схожих норм, которые лишь определяют порядок определения применимого права, отсылая к тому или иному правопорядку. Нет нужды говорить, что первый тип сближения позволяет достичь куда большего единства, меняя по сути те нормы, что непосредственно регулируют соответствующие отношения в

[243] MIKELĖNAS, V. *Civilinio proceso teisės vienodinimas bei derinimas*..., p. 183.
[244] *See:* WALLERMAN, A. *Op. cit.*, p. 873.
[245] de BÚRCA, G.; CRAIG, P. *Op. cit.*, p. 605-606.
[246] SCHWARTZE, A. *Op. cit.*, p. 142.

национальном праве. Однако необходимость проведения серьезных сравнительно-правовых исследований и разработки норм зачастую не позволяет осуществить столь масштабных проектов, в связи с чем многие страны на первом этапе осуществляют именно сближение своего коллизионного права (в некоторых случаях им же и заканчивается все сотрудничество). Особенно данный вывод справедлив применительно к гражданскому процессу, в котором первое из оснований сближения (потребности трансграничного сотрудничества) зачастую вовсе не требует каких-либо иных норм помимо тех, что разграничивают компетенцию национальных судебных органов.

3) по объему обязательных норм: *слабое* и *сильное* сближение. Под «слабым» сближением понимается ситуация, когда государства-участники имеют возможность по своему усмотрению не реализовывать некоторые из предписаний аппроксимационного стандарта, а сами его положения даны расплывчато и требуют их определения самими странами в своем законодательстве.[247] «Сильный» же режим ограничивает возможность государств-участников выходить за рамки положений стандарта, очень строго определяет терминологию и технические термины, а в крайнем случае может даже ввести в действие централизованный режим регулирования. С точки зрения М. Хамфери-Дженнер, слабая форма гармонизации с большей вероятностью достигает цели и влечет за собой сближение благодаря ее *гибкости*, позволяющей судам и национальным законодателям адаптировать право к меняющимся обстоятельствам.[248]

Нельзя сказать, что деление сближения на сильную и слабую формы является во всех случаях оправданным. Эти критерии представляют собой скорее градации, нежели четко выделяемые группы. В каждом конкретном случае стандарт сближения и форма его выражения

[247] HUMPHERY-JENNER, M. The Desirability of 'Weak' Form Legal Harmonization: Perspectives from Statutory Interpretation and Legal Coherence, *German Law Journal*, 2012, Vol. 13, p. 807.

[248] *Id.*, p. 809.

имеют и сильные, и слабые стороны. Неверным было бы предположение о том, что *унификация* всегда является сильным, а *гармонизация* – слабым способом сближения. Если последняя устанавливает общие принципы или минимальные гарантии, то они являются общеобязательными для имплементации (сильный аспект). Напротив, унификация может быть лишь частичной и для прояснения многих сопутствующих моментов отсылать нас к национальному праву (слабый аспект). В связи с этим, в каждом конкретном случае нужно проводить индивидуальную оценку того, является ли сближение сильным или слабым.

4) по характеру явления: *целенаправленное* и *стихийное* сближение. С.В. Бахин отмечает, что сближение может выступать не только как результат целенаправленного сотрудничества, когда государства ставят перед собой специальную задачу по приведению своего законодательства к единообразию, но и стихийным, при котором схожий результат достигается без четко поставленных задач, в ходе совокупности не связанных друг с другом действий. Стихийное сближение С.В. Бахин именует «интернационализацией».[249] В реальности же полностью стихийного сближения права не происходит. Право всегда развивается за счет действий определенных субъектов (законодателя, суда, ученых-теоретиков), которые опираются на зарубежные или международные стандарты. Можно сказать, что есть случаи, когда такие субъекты не в полной мере осознают факт своего участия в процессе сближения (и не провозглашают, что занимаются именно им), но это не делает их действия спонтанными и непродуманными. В то же время нельзя не отметить, что интенсивность и эффективность сближения в последнем случае будет ниже, чем если бы она осуществлялась координировано.

[249] БАХИН, С.В. *Указ. соч.*, с. 61; *см. также*: DUTILLEUL, F. L'harmonisation internationale du droit privé, *Revue Générale de Droit*, 1993, Vol. 24, p. 232-234; КОВАЛЬКОВА, Е.Ю. *Указ. соч.*, с. 29; ЛУКАШУК, И.И. *Международное право в судах государств*. Санкт-Петербург: Нева, 1993, с. 255.

Перед тем, как двигаться дальше, рассмотрим два ошибочных, на наш взгляд, представления об унификации/гармонизации, распространенные в научной литературе.

Первое из них заключается в выделении рядом авторов в зависимости от количества участвующих субъектов *многостороннего* и *одностороннего* сближения как его самостоятельных видов. При этом они признают, что речь должна идти именно о гармонизации как форме сближения, поскольку она не требует, в отличие от унификации, строго определенных действий от всех участвующих субъектов, а потому может достигаться за счет заимствования (адаптации) и рецепции права одного государства другим на полностью самостоятельной основе.[250] Нам не представляется в должной мере обоснованным то, что для одной формы сближения (унификации) всегда требуется несколько участников, тогда как для другой (отличающейся лишь меньшей интенсивностью и формальностью предписаний) достаточно и одного. В этой связи мы согласимся с теми исследователями, которые считают необходимым участие в деятельности как минимум двух субъектов для того, чтобы ее можно было охарактеризовать как сближение (унификацию или гармонизацию).[251] Такой вывод следует и из самой этимологии слова «сближение», которое означает «сокращение расстояния, различия между чем-либо», «приближение [объектов] друг к другу»,[252] что с обязательностью предполагает наличие нескольких таких объектов.

То, что исследователи именуют «односторонней гармонизацией» в сущности является совершенно самостоятельным процессом модификации права, не относящимся к разновидностям сближения и не

---

[250] *Международное частное право: учебник*. Под ред. Г.К. Дмитриевой, с. 113; ПОПКОВА, Е.А. *Указ. соч.*, с. 38; ЛУЦЬ, Л.А., *Указ. соч.*, с. 163.

[251] CARBONARA, E.; PARISI, F. The Paradox of Legal Harmonization. *Public Choice*, 2007, Vol. 132, p. 368; LEEBRON, D. *Op. cit.*, p. 67; КУДРЯВЦЕВА, Е.В. Гармонизация и унификация гражданского процессуального права в европейских странах. *Реформа гражданского процесса в суде первой инстанции в государствах Балтийского моря и Центральной Европы*, 16-19 сентября 2004 г., Вильнюс, 2005, с. 246.

[252] ЕФРЕМОВА, Т.Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык, 2000 [интерактивный ресурс. Дата доступа: 24.08.2016]. Доступ через Интернет: <http://www.efremova.info/>.

преследующим характерных для последней целей. Иногда в качестве способов этого процесса называют *адаптацию*, *трансплантацию* и *рецепцию*.[253] Подобная деятельность направлена на поиск и заимствование наилучшей нормы (являющейся таковой для государства-реципиента), осуществляется она для улучшения собственного законодательства и права, а не для успешного взаимодействия с «государством-донором». Также к осуществлению такого заимствования государство может побудить стремление повысить международный авторитет или попадание в зависимость от другой страны.[254] Впрочем, нельзя исключать, что государство стремится провести реформы и для наилучшего взаимодействия со своими соседями.

Однако под вопросом оказывается сама возможность «гармонизации» путем деятельности лишь единственного субъекта. Заимствование государством определенных норм вовсе не означает *постижения* им в полной мере порядка их применения, действия в связке с другими нормами государства происхождения, а также их толкования. Более того, использование в одностороннем порядке одним государством правовых положений другого государства (в качестве стандарта[255]) не налагает на последнее обязательств сохранять последнее в неизменном виде. Напротив, такое государство может изменить свое право до неузнаваемости, чем сведет на нет попытки первого «гармонизировать» два правопорядка.[256] Справедливо в этой связи отмечает С.В. Бахин, что нельзя понимать под сближением такие процессы, при которых обязанности одного государства изменить свое законодательство не корреспондирует встречная обязанность другого государства.[257] От себя добавим, что не обязательно, чтобы два государства несли *равные*

---

[253] WATSON, A. *Legal Transplants: an Approach to Comparative Law*, Athens: University of Georgia Press, 1993, p. 22; CARBONARA, E.; PARISI, F. *Op. cit.*, p. 375.

[254] ТКАЧЕНКО, С.В. Идеологический компонент рецепции права. *Юридические записки*, 2014, № 2, с. 20-27.

[255] *Там же*, с. 23.

[256] РЫБАКОВ, В.А. Рецепция и правотворчество. *Вестник Омского университета. Сер. «Право»*, 2012, № 2, с. 16.

[257] БАХИН, С.В. *Указ. соч.*, с. 55.

обязанности по изменению своего права. Иногда право одного государства уже в достаточной мере соответствует стандарту, иногда необходимы лишь внешние изменения. Однако в любом случае необходимо четко и недвусмысленно обозначить, что государство участвует в деятельности по сближению наравне с другими субъектами и вводит в действие тот или иной стандарт.[258] Поэтому на всех участников процесса гармонизации возлагается обязанность по соотнесению своего права с единым стандартом, тогда как в случае с односторонним заимствованием это делает лишь одно государство (и при этом нет гарантии того, что это в действительности получится, поскольку оно не может отвечать за действия другого государства). Что же касается заимствования, то оно может во многих случаях послужить качественному улучшению собственного права государства (так, в частности случилось в Российской Империи при принятии в 1864 г. первого самостоятельного кодифицированного акта в сфере ГПП – *Устава гражданского судопроизводства*, в ходе которого происходила опора на современные нормы права Франции, Англии и других европейских стран[259]), но едва ли гармонизации и унификации (которые, как мы указали выше, совсем не обязательно предполагают совершенствование качества правовых норм.

Второе заблуждение (тесно связанное с первым) состоит в обозначении термином «сближение» взаимодействия национального права с международным или общеевропейским (правом, созданным на уровне Европейского Союза и Совета Европы).[260] Авторы утверждают,

---

[258] Court of Justice of the European Union. Judgment C-144/99 *Commission of the European Communities v. Kingdom of the Netherlands* of 10 May 2001 [interactive. Accessed on 2016-08-23]. Access via Internet: <http://curia.europa.eu/juris/showPdf.jsf;jsessionid=9ea7d2dc30d59d2a14c4c6c1410aa50cce40661bf0c8.e34KaxiLc3qMb40Rch0SaxuTch50?text=&docid=46355&pageIndex=0&doclang=EN&mode=lst&dir=&occ=first&part=1&cid=334515>.

[259] ЗОЛОТОВА, О.И. Либеральный тип состязательной модели гражданского судопроизводства по Уставу гражданского судопроизводства 1864 года. *Auditorium*, 2014, № 2, с. 7-8; ЗАХАРОВ, В.В. Суд и исполнение судебных решений в дореволюционной России (1864-1917 гг.). *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*, 2008, № 66, с. 187.

[260] БАРАНОВ, В.М.; ПШЕНИЧНОВ М.А. Гармонизация законодательства как общеправовой феномен. *Журнал российского права*, 2009, № 6, с. 45.

что в подобных случаях имеет место конвергенция соответствующих положений международного и национального права.

В данном случае имеет место подмена понятий, поскольку международное и европейское право в приведенных примерах являются лишь стандартами, на основе которых происходят изменения в национальном праве (субъектами сближения же будут отдельные национальные государства).[261] Государство в одностороннем порядке выполняет взятые на себя международно-правовые обязательства, имплементируя соответствующий стандарт.[262] Впрочем, такой стандарт обычно адресуется не одному, а целому ряду государств. Имплементируя его, они достигают схожести своего права, но в таком случае мы говорим уже о сближении нескольких национальных правопорядков между собой, а не национального и международного права. Само же международное право не испытывает на себе прямого воздействия национального права и тем более не обязано как-то изменяться. По сути дела, международное и национальное право не являются однопорядковыми величинами – это самостоятельные правовые порядки, содержание, назначение и принципы функционирования которых различаются.[263] Если международное право закрепляет основные принципы некоторых отраслей права, то задача национального права – предусмотреть их комплексное регулирование. Например, исследуемая нами отрасль – *гражданский процесс* – на национальном уровне включает в себя принципы, нормы о подготовке и проведении судебного заседания, о работе с доказательствами, об обжаловании решений и их исполнении. Вместе с тем на международном уровне мы встречаем лишь базовые принципы судопроизводства, тогда как остальные части отрасли отсутствуют. Соответственно, гармонию мы

[261] БЕЗБОРОДОВ, Ю.С. Международно-правовая интеграция. В: *Развитие мирового правопорядка: институты и механизмы* (доклады исполнительного комитета к XI сессии Европейско-Азиатского правового конгресса). Екатеринбург, 2017, с. 102-103.

[262] БАХИН, С.В. *Указ. соч.*, с. 54-55; МАКОГОН Б.В. Способы интернационализационного национального права в условиях глобализации, *Общество и право*, 2012, № 2, с. 39; ТИУНОВ, О.И.; КАШИРКИНА, А.А.; МОРОЗОВ, А.Н. Влияние норм международного права на развитие национального законодательства. *Журнал российского права*, 2010, № 6, с. 37.

[263] MALANCZUK, P. *Op. cit.,* p. 6.

могли бы усмотреть лишь в соответствии национальных принципов и норм международным, однако, как уже было показано, имплементация международных норм будет представлять собой лишь одностороннее влияние, а не взаимное сближение.

Из сказанного не следует, что национальное право вообще не имеет никакого влияния на международное. Оно активно участвует в процессе формирования стандартов на международном и на наднациональном уровнях, однако этот процесс происходит за счет совокупных усилий нескольких государств, а в определенных случаях и негосударственных участников, а не во взаимодействии лишь одного (отдельно взятого) национального порядка с международным.

О сближении национального и международного права можно говорить только в том смысле, что они воплощают одинаковые идеи, подчинены общим целям, но вовсе не в том смысле, который мы вкладываем в этот термин в настоящей работе – как подлинное обретение правопорядками различных государств единых признаков.

Однако в литературе справедливо указывается, что деятельность государств-участников международных объединений по адаптации своего законодательства и права к стандартам таких объединений (например, в рамках Европейского Союза) также называется унификацией или гармонизацией. Так, например, важнейшие Регламенты ЕС в процессуальной сфере – «Брюссель I» и «Брюссель II-бис» были приняты до 2004 г. (в котором произошло значительное увеличение числа стран-участниц за счет государств Восточной Европы). Страны, вступившие в ЕС в этом году (таких государств было 10) должны были реализовать предписания данных актов несмотря на отсутствие какого-либо влияния на подготовку и принятие их текстов. Не стоит ли в этой связи рассматривать их деятельность как одностороннюю имплементацию стандарта, а не унификацию/гармонизацию? На наш взгляд, этот процесс все же стоит считать сближением, поскольку, *во-первых*, 10 вступивших государств одновременно меняли свое

законодательство с опорой на общий стандарт, а *во-вторых*, остальные государства-участники уже провели такое сближение ранее. Таким образом, совпадение во времени деятельности государств по внедрению стандарта вовсе не является сущностным качеством сближения. Значение имеет только то, что в итоге при помощи такого стандарта достигается некая однородность в правовом регулировании соответствующих общественных отношений.

Обобщая все вышеизложенное можно сформулировать общий вывод. Сближение права в современном мире обусловлено нарастающими процессами глобализации и регионализации. Существует две принципиальные разновидности сближения: *унификация* и *гармонизация*, которые полностью охватывают весь спектр возможных мер по достижению единообразия в праве. Несмотря на отсутствие четкого понимания каждой из них, государства активно участвуют в процессе сближения и меняют свои правовые системы для достижения наилучших перспектив во все более едином миропорядке.

2.2. Механизмы сближения гражданского процесса: их сильные и слабые стороны

Признав, что необходимость сближения норм и институтов национального гражданского процесса объективно существует в государствах, находящихся друг с другом в тесном и постоянном контакте, мы должны раскрыть, как именно оно осуществляется на практике. Как уже было установлено, сближение имеет два принципиальных способа – унификацию и гармонизацию, при этом соответствующая деятельность в самом общем виде может быть описана как создание стандарта и его последующее распространение. В этом сложном процессе участвует множество различных субъектов: национальные государства, международные и наднациональные объединения, рабочие группы и исследовательские центры (частные субъекты) и другие органы и лица. Однако не менее важный вопрос

состоит в том, какие *механизмы*, т.е. последовательности действий и состояний[264] используются для достижения поставленных целей.

В числе таковых авторами называются международно-правовые договоры, модельные акты, примерные (типовые) договоры, международные обычаи, решения межгосударственных судебных органов и т.д.[265] С нашей точки зрения, правильнее было бы охарактеризовать перечисленные категории как источники гармонизации и унификации[266] или, другими словами, внешние формы ее выражения.[267] Кроме того, на наш взгляд, не все из возможных источников нашли отражение в трудах ученых: некоторые остаются за рамками их внимания.

Поскольку мы говорим о сближении права разных стран, то, исходя из анализа практики такой деятельности, к механизмам следует отнести: (1) международное договорное правотворчество, суть которого состоит в заключении на международном уровне юридически обязательных соглашений с их последующей имплементацией в национальное право; (2) наднациональное правотворчество, состоящее в принятии особым объединением, наделенным необходимой компетенцией, определенного акта, имеющего непосредственное действие в отношении участников этого объединения и становящегося для них своего рода «законом»; (3) принятие надгосударственными судами постановлений, имеющих прецедентный характер и содержащих толкование определенных норм, которые при этом становятся обязательными для всех последующих случаев и в отношении всех, на кого распространяется юрисдикция таких судов; (4) разработка и принятие теми или иными органами не имеющих принудительной силы актов, нацеленных на воплощение их предписаний

---

[264] *Толковый словарь русского языка*. Под ред. Д.Н. Ушакова. Москва: Гос. ин-т "Сов. энцикл.", 1940.

[265] АМОНОВ, А.Д. Роль унификации и гармонизации законодательства в осуществлении экономических интеграционных процессов. *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Сер. гуманитарных наук*, 2010, № 4, с. 24-25; ДОРОНИНА, Н.Г. *Указ. соч.*, с. 136-137; ЛУЦЬ, Л.А. *Указ. соч.*, с. 167.

[266] ГУРБАНОВ Р.А. *Указ. соч.*, с. 277.

[267] ИЗАКСОН, Р.А. Актуальные проблемы источников права. *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*, 2014, № 3(70), с. 13.

в национальном праве и добровольно реализуемых государствами (*модельное нормотворчество*); (5) неформальный обмен мнениями, идеями, осуществляемый за рамками перечисленной деятельности, но приводящий к усвоению единых ценностей (*вспомогательное сближение*).

С нашей точки зрения, некоторые из механизмов могут быть использованы лишь для целей гармонизации, тогда как другие – и для нее, и для унификации. В любом случае, выбор конкретного механизма будет обусловлен поставленной задачей – желанием достижения полного единства или лишь частичной схожести определенных правоотношений.[268] Кроме того, на выбор оказывают влияние и такие факторы, как политическая ситуация, объем полномочий соответствующих субъектов, культурно-исторические предпосылки, изначальное нормативное различие объектов сближения. В каждом конкретном случае выбор способа будет оправдываться и целесообразностью его использования, потенциальными затратами и получаемой выгодой.

Попробуем последовательно проанализировать названные механизмы и возможность их использования для гармонизации и унификации гражданского процессуального права, а также определим, в чем состоят их сильные и слабые стороны.

(1) Международное договорное правотворчество. Под международным договором, который в данном случае выступает источником сближения понимается соглашение, заключенное между государствами в письменной форме и регулируемое международным правом, независимо от того, содержится ли такое соглашение в одном документе, в двух или нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования.[269]

---

[268] БОШНО, С.В. *Способы и методы правового регулирования*…, с. 53-54.

[269] Венская конвенция о праве международных договоров, принята 23 мая 1969 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 21.09.2015]. Доступ через интернет:

Длительное время договор являлся классической и наиболее распространенной формой унификации и гармонизации норм любой отрасли, в том числе и гражданского процесса.[270] В этом нет ничего удивительного, учитывая, что традиционное международное право не знало иных способов разрешения спорных вопросов, возникающих между равными и независимыми субъектами.[271] Поскольку глобализация права не привела к формированию законотворческих органов на мировом уровне, страны имеют полное право самостоятельно решать, в какой мере их внутреннее право должно быть подвергнуто аппроксимации. [272]

Договоры могут иметь разное количество участников (от двух до всех стран мира) и потенциально затрагивать любые вопросы. При этом двусторонние договоры останутся в значительной степени вне нашего внимания. Они действительно позволяют в определенной мере сплотить правовые положения двух государств, однако их продуктивность снижается в условиях, когда сотрудничество должно осуществляться между большим количеством стран. Заключение в каждом случае двусторонних соглашений было бы напрасной тратой ресурсов, а главное – приводило бы к различиям в правовом регулировании в более широких масштабах.

Ранее мы говорили о том, что многие договоры заключаются в рамках объединений государств. При этом далеко не во всех случаях принятие международного договора приводит к сближению

<http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml>, ст. 2(1)(a); *See also:* SHAW, M. *Op. cit.*, p. 93.

[270] БАЛЬХАЕВА, С.Б. Вступление международных договоров в силу в результате присоединения. *Журнал российского права*, 2015, № 7, с. 131; ДАНИЛОВ, Н.А. Проблемы гармонизации национальных законодательств государств-участников Евразийского экономического сообщества. *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*, 2011, № 1(4), с. 113; ЩУКИН, А.И. *Вопросы подсудности в международных договорах с участием России*. Москва: Проспект, 2015, с. 31.

[271] GOODE, R.; KRONKE, H. *et al. Transnational Commercial Law: Text, Cases and Materials.* Oxford: OUP, 2015, p. 184-185; КУРАШВИЛИ, А.Ю. *Заключение и имплементация международных договоров по Венской конвенции о праве международных договоров и законодательству государств-участников СНГ: сравнительно-правовой анализ*: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук, Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007, с. 16.

[272] ВОРОНЦОВА, И.В. *Указ. соч.*, с. 363.

национального права стран-участниц: достаточно часто такие акты предусматривают лишь обязательства фактического, а не юридического характера (выполнить определенные действия, но не вносить изменений в национальное право).[273] Что же касается самих организаций, то они были лишь посредниками государств в их взаимодействии друг с другом, полностью от них зависели и не имели самостоятельного влияния.[274]

Вместе с тем современные государства и их объединения заключают более существенные по содержанию договоры, поскольку подходят со всей серьезностью к необходимости кооперации. Для них становится очевидным, что благодаря международным договорам могут быть разрешены публично-правовые коллизии, возникающие при отправлении правосудия по делам, выходящим за пределы одного государства.[275]

Преимуществом договорной формы сближения является широта потенциального предмета регулирования: государства по умолчанию не ограничены в своих правах (т.е. имеют полную правоспособность) и могут договариваться по любому интересующему их вопросу. Договоры позволяют учесть мнения всех участвующих в их подготовке стран и прийти к компромиссу относительно их содержания.[276]

Однако гораздо больше в контексте международных договоров можно выделить негативных аспектов. *Во-первых*, в большинстве из них имманентно присутствует возможность сторон делать оговорки, под которыми понимаются односторонние заявления участвующих в принятии договора государств, посредством которых они намереваются исключить или изменить в отношении себя юридическое действие

[273] MALANCZUK, P. *Op. cit.*, p. 37-38; SHAW, M. *Op. cit.*, p. 93; SITARAMAN, S. *Op. cit.*, p. 31-32.

[274] KLABBERS, J. *The Changing Image of International Organizations*…, p. 224-225.

[275] САЕНКО, А.В. *Источники международного гражданского процессуального права*…, с. 92.

[276] ОСМИНИН, Б.И. *Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право*. Москва: Инфотропик Медиа, 2010, с. 5-6.

определенных положений такого договора.[277] Кроме того государства могут ограничивать, изменять или отменять действие отдельных из включенных в них положений, а также заявлять об особом порядке применения конвенционных установлений.[278]

Во-вторых, международным договорам требуется значительный промежуток времени, чтобы их положения вступили в силу. Так, знаменитая в Европе Конвенция о подсудности и признании решений 1968 г. вступила в силу только в 1973 г. (через 5 лет после подписания), а Римская Конвенция 1980 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам – в 1991 г. (через 11 лет). Еще более проблемной видится процедура внесения изменений и дополнений в тексты уже принятых договоров. Они закрепляются протоколами, которые должны приниматься всеми участниками первоначального акта и могут (при отсутствии заинтересованности последних) вовсе не вступить в силу, либо действовать между ограниченным кругом участников, оставляя для всех прочих в силе старую версию акта и приводя к дисгармонии.

В-третьих, негативным аспектом является проблема толкования текстов данных актов. Даже если изначальный текст акта неплох и содержит передовые унифицированные нормы, а последние эффективно имплементируются участвующими в процессе сближения права государствами, нет никакой гарантии того, что они будут применяться ими одинаковым образом, поскольку толкование будет в большинстве случаев возлагаться на национальные судебные органы.[279] При этом каждый из национальных судов будет руководствоваться прежде всего собственным правом (конституционным и ординарным), а также

---

[277] *Венская Конвенция*, ст. 2(1)(d); *See also:* GRANT, J. *International Law Essentials*. Dundee: DUP, 2010; СИМНОВА, Н.С. Оговорки в механизме обеспечения выполнения международных договорных обязательств: контекст добросовестности. *Юридический мир*, 2015, № 2, с. 40-44.

[278] БАХИН, С.В. *Указ. соч.*, с. 96.

[279] BAYRAKTAROĞLU, G. *Op. cit.*, p. 154; del DUCA, L. Developing Global Transnational Harmonization Procedures for the Twenty-First Century: The Accelerating Pace of Common and Civil Law Convergence. *Texas International Law Journal*, 2007, Vol. 42, p. 640.

национальным правосознанием и доктриной права. В результате эффект сближения может быть сведен на нет. Решить обозначенную проблему могло бы возложение обязанности по толкованию международного акта на особый орган, наделенный судебными или квази-судебными полномочиями, который бы создавался для определенного договора или ряда соглашений между определенными государствами. Подобный орган должен обладать независимостью от национальных правительств и иметь пропорциональное представительство. Проблема заключается в его финансировании, а также во многих других формальных моментах, связанных с порядком его формирования и деятельности. Фактически, преодолеть данное препятствие можно в рамках международного интеграционного объединения, имеющего заявленные выше судебные или квази-судебные органы, на которые можно было бы возложить обязанность по толкованию всех или наиболее важных из вновь принимаемых международных договоров. Подобного преимущества лишены, однако, конвенции, принимаемые на универсальном уровне.[280]

Наконец, существенным обвинением в адрес международных договоров является отсутствие у большинства из них каких-либо гармонизирующих или унифицирующих начал. Так, Дж. Джастис полагает, что не может рассматриваться как инструмент сближения принятая в рамках ЕЭС в 1968 г. Брюссельская Конвенция, поскольку она содержит лишь нормы о подсудности и о признании решений, но не включает в себя непосредственно правил *судебного разбирательства*. Высказанная критика может быть применена и к большинству других региональных или общемировых актов, поскольку все они посвящены лишь вопросам определения компетентного суда, получения доказательств, вручения документов и признания зарубежных решений. По этой причине автор предлагает именовать их не гармонизирующими/унифицирующими, а «распределяющими

[280] von MEHREN, A.T. *Adjudicatory Authority in Private International Law*. Leiden: Nijhoff, 2006, p. 358; CONFORTI, B.; LABELLA, A. *An Introduction to International Law*. Leiden/Boston: Nijhoff, 2012, p. 61-62.

инструментами».[281] В подобном подходе есть доля истины, поскольку страны действительно крайне редко заключают договоры, глубоко затрагивающие национальные процессуальные институты. Они ограничиваются лишь вопросами с иностранным элементом, требующими немедленной регламентации для эффективного сотрудничества. Но регламентируя их, они вместе с тем сближают соответствующие положения национальных отраслей, поскольку предусматривают единые или сходные режимы совершения соответствующих процессуальных действий.

Говоря о конкретных примерах международных актов, способствующих унификации или гармонизации национального ГПП, необходимо отметить следующее. Отмеченные выше ключевые предпосылки его сближения (потребности сотрудничества государств и потребности эффективной защиты прав человека) проявляют себя разным образом в процессе международного правотворчества. В первом случае заключаются конкретные соглашения об установлении определенного режима правоотношений между их участниками. Такие акты состоят преимущественно из процессуальных норм (за исключением некоторых технических и процедурных положений). Во втором же случае (с правами человека), речь чаще всего идет об актах комплексного характера, которые закрепляют большой массив важнейших прав, среди которых есть и материальные, и процессуальные. При этом они редко вдаются в детальное разъяснение содержания того или иного положения, предоставляя это компетентным национальным органам.[282]

Рассматривая акты первого типа, невозможно обойти вниманием деятельность Гаагской Конференции по международному частному праву, которая является старейшей и одной из самых известных на

[281] JUSTICE, J. Towards a European Civil Procedural Code. *Law Teacher*, 1998, Vol. 32, p. 128.

[282] САФАРОВ, Б.А. Всеобщая декларация прав человека как основополагающий документ международной стандартизации прав человека. *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Сер. гуманитарных наук*, 2013, № 2, с. 13-14.

мировом уровне организаций в области сближения норм частного и процессуального права. Свою работу она начала еще в 1893 г. и за годы существования способствовала принятию немалого количества универсальных международных актов.[283] С момента создания она ставила перед собой задачу быть платформой для встреч и дискуссий представителей государств и экспертов в области международного частного права, а также для принятия ими мер, направленных на развитие права в данной области.[284] В связи с этим она брала на себя задачу по выработке текстов нормативно обязательных документов (конвенций) для их принятия заинтересованными странами. Важным моментом была универсальная ориентированность, что говорило о стремлении участников Конференции сближать право не в рамках какого-то одного региона, а в мировом масштабе.[285] Сама Конференция была достаточно авторитетным институтом в своей сфере деятельности, поскольку объединяла значительное число ведущих академических работников.

Самая первая Конвенция была принята еще в 1905 г. и касалась таких вопросов трансграничного правосудия как вручение документов, направление судебных поручений, доступ к суду и т.д. На тот момент это был действительно значимый и крайне необходимый в практике международных отношений акт.

Из других значимых договоров, составленных Гаагской конференцией по международному частному праву, можно отметить Конвенцию по вопросам гражданского процесса от 1 марта 1954 г.,[286]

---

[283] DROZ, G. A Comment on the Role of The Hague Conference on Private International Law. *Law and Contemporary Problems*, 1994, Vol. 57(3), p. 3; *Проблемы унификации международного частного права*. Отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова, Москва: Юриспруденция, 2012, с. 48; ХАПУГИНА, Л.В. История становления международного гражданского процесса: международный и российский пути – поиски частного и общего. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 2015, № 10-1, с. 222.

[284] VLAS, P. On the Development of Private International Law in the Netherlands: from Asser's Days to the Codification of Dutch Private international law (1910-2010). *Netherlands International Law Review*, 2010, Vol 57(2), p.168.

[285] CERQUEIRA, G. La Conférence de La Haye de droit international privé. Une nouvelle voie pour le développement du droit international privé des organisations régionales d'intégration économique. *Uniform Law Review*, 2007, Vol. 12(4), p. 763-767.

[286] Конвенция по вопросам гражданского процесса, заключена в Гааге 1 марта 1954 г. *Собрание постановлений Правительства СССР*, 196, № 20, ст. 145.

Конвенцию о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам от 15 ноября 1965 г.,[287] Конвенцию о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам от 18 марта 1970 г.,[288] Конвенцию о признании и исполнении зарубежных решений по гражданским и коммерческим делам от 1 февраля 1971 г.,[289] Конвенцию о международном доступе к правосудию от 25 октября 1980 г.[290] и многие другие. Кроме того, Гаагская Конференция одной из первых предусмотрела необходимость унифицированных процессуальных норм не только в общегражданской и торговой (коммерческой) сфере, но и в сфере семейных отношений, которые также могут быть осложнены иностранным элементом. В этой связи были приняты: Конвенция о праве, применимом к алиментным обязательствам в отношении детей от 24 октября 1956 г., Конвенция о признании и исполнении решений, относящихся к алиментным обязательствам в отношении детей от 15 апреля 1958 г., Конвенция о подсудности, применимом праве и признании актов, относящихся к усыновлениям от 15 ноября 1965 г., Конвенция о признании разводов и правового разлучения от 1 июня 1970 г., Конвенция о признании и исполнении решений, относящихся к алиментным обязательствам от 2 октября 1973 г., Конвенция о подсудности, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительских обязанностей и мер по защите детей от 19 октября 1006 г., а также Конвенция о международном взыскания алиментов на детей и других формах содержания семьи от 23 ноября 2007 г.

---

[287] Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам, заключена в Гааге 15 ноября 1965 г. *Собрание законодательства РФ*, 2004, № 50, ст. 4951.

[288] Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам, Заключена в Гааге 18 марта 1970 г., *Международное частное право (сборник документов)*. Москва: БЕК, 1997, с. 737-744.

[289] *Конвенция о признании и исполнении зарубежных решений по гражданским и коммерческим делам*, заключена в Гааге 1 февраля 1971 г.

[290] *Конвенция о международном доступе к правосудию*, Заключена в Гааге 25 октября 1980 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 16.05.2016]. Доступ через интернет: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=28402>.

Многие из этих актов сыграли значимую роль в развитии сотрудничества государств по гражданским делам, и число их участников достаточно велико.[291] Разработчики конвенций стремились обеспечить их приемлемость для стран с разными правовыми системами и традициями в области правосудия. Интересно, что большинством из этих источников государства пользовались в течение многих лет, осуществляя сотрудничество. При этом они не задумывались о том, что их деятельность укладывается в парадигму унификации/гармонизации, поскольку теория и методология процесса сближения права не была достаточно разработана. Важным моментом является совершенствование текстов Конвенций – так, по ряду вопросов на замену уже устаревшим текстам были приняты новые акты.

Конвенции действительно носили прогрессивный по своим временам характер. Так, упомянутые Конвенции 1965 г., 1970 г. и 1980 г. устанавливали упрощенный механизм сотрудничества между компетентными органами разных стран, допуская использование не только дипломатических или консульских каналов, но и передачу документов через специально предусмотренные Центральные органы.[292] Более того, закрепление особого механизма сотрудничества в области получения доказательств и вручения извещений повышает степень доверия стран друг к другу и делает возможным в большем числе случаев осуществление признания и исполнения решений за рубежом.[293] Суть в том, что уведомления сторон в трансграничных спорах играют крайне важную роль – сообщения стороне о процессе, а сотрудничество в получении доказательств настолько важно из-за того, что без показаний свидетелей и иных источников установление действительных обстоятельств дела было бы затруднительным.

[291] MIKELĖNAS, V. *Civilinio proceso teisės vienodinimas bei derinimas*..., p. 183.
[292] DROZ, G. *Op. cit.*, p. 4-5; von MEHREN, R. *Op. cit.*, p. 13-14.
[293] DROZ, G. *Op. cit.*, p. 10; NADELMANN, K. Status of Hague Conventions on Private International Law. *American Journal of Comparative Law*, 1971, Vol. 19(3), p. 587-592.

Конвенции, безусловно, являются актами унификации, поскольку содержат исчерпывающие наборы процедур, посредством которых могут получаться доказательства за рубежом или происходить вручение.[294]

В то же время, как мы видим, все принимаемые акты затрагивают только специфические, достаточно узкие по объему отношения (такие как легализация документов, получение доказательств, вручение извещений, получение справедливой правовой помощи и т.д.), не всегда представляющие большую важность для национального гражданского процесса. Если мы сравним ситуацию с материальным частным правом, то увидим, что в последнем в ходе сближения принимаются как акты «коллизионного» типа (регулирующие выбор применимого права), так и «субстантивного» (содержащие нормы, непосредственно регулирующие определенные отношения). В числе последних на международном уровне можно прежде всего отметить Венскую Конвенцию о договорах международной купли-продажи товаров,[295] которая установила ряд норм прямого действия (об обязательствах сторон, переходе риска, ответственности и т.д.). Никакого подобного акта в сфере процессуального права на мировом уровне просто не существует: все, чего удалось добиться за вековую историю – это принятия нескольких актов в сфере конфликта юрисдикции (подсудности) и признания решений. Ни один из международных актов не устанавливает «процедурных норм», т.е. таких, которые бы напрямую регламентировали деятельность национального суда при рассмотрении спора по гражданскому делу.

Кроме того, для Конвенций типично включать большое число отсылок к национальному праву. Так, например, Гаагская конвенция 1954 г. по вопросам гражданского процесса устанавливает, что вручение

---

[294] The Hague Convention on the Taking of Evidence Abroad in Civil or Commercial Matters: the Exclusive and Mandatory Procedures for Discovery Abroad. *University of Pennsylvania Law Review*, 1984, Vol. 132(6), p. 1475; van BOESCHOTEN, C. *Op. cit.*, p. 48-49.

[295] Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров, заключена в Вене 11 апреля 1980 г. *Международные коммерческие транзакции*, Москва: Инфотропик Медиа, 2011.

документов производится при посредничестве властей, компетентных по законодательству запрашиваемого государства. Т.е. сама конвенция не устанавливает, какие органы являются компетентными, а отсылает к национальному законодательству. Эта же конвенция устанавливает, что орган судебной власти, исполняющий судебное поручение, применяет в том, что касается подлежащих соблюдению формальностей, законодательство своей страны. Иными словами, Конвенция устанавливает порядок сотрудничества, но при этом в само законодательство участвующих государств вносится минимальное количество изменений.

Значимой проблемой является возможное игнорирование принятых прогрессивных актов теми или иными странами. Особенно часто отказ в участии в тех или иных Конвенциях демонстрируют США. В определенных случаях участникам Конференции и вовсе не удается осуществить задуманное. В ряде случаев Конвенции не вступают в силу из-за неподписания их достаточным количеством государств, либо из-за затягивания процедур ратификации на национальном уровне. Однако может случиться и так, что перспективные проекты оказываются нереализованными уже на стадии подготовки их текстов. Так, с 1992 г. началась работа над созданием масштабной Конвенции по гражданскому процессу. Она должна была стать «двойной», т.е. регламентировать тесно зависящие друг от друга вопросы подсудности и признания решений. При этом, в случае успеха, это был бы первый универсальный международный акт в данной области. Несомненно, важным было и изъявление желания принять участие в проекте со стороны США, которые обычно держатся в стороне от подобных форм сотрудничества.[296]

[296] NIELSEN, P. The Hague Judgments Convention. *Nordic Journal of International Law*, 2011, Vol. 80, p. 96.

Однако к началу 2000-х переговоры зашли в тупик. Странам не удалось урегулировать разногласия по ряду принципиальных вопросов.[297] Вместо «большой» Конвенции был согласован текст более узкого по предмету акта – *Конвенции о соглашениях о выборе суда*,[298] который лишь затрагивал соответствующие вопросы в одной конкретно взятой ситуации – при заключении сторонами трансграничных сделок соглашений об исключительном выборе суда.[299] Более того, Конвенция фактически применяется только в деловых отношениях, поскольку внушительный список исключений из сферы ее ведения содержит и потребительские, и трудовые, и семейные отношения.[300] Все это может означать большее внимание создателей этого и других договоров к интересам крупного бизнеса, а не простых граждан.[301] Несмотря на это, Конвенции все же удалось сформулировать единые правила в отношениях, связанных с выбором суда. Данные нормы являются императивными, что выражается, в частности, в невозможности судов участвующих в Конвенции стран использовать правило *forum non conveniens* в тех случаях, когда это противоречило бы соглашению о выборе суда. Для судов также устанавливается обязанность отказывать в рассмотрении спора, если в соответствующем соглашении указан суд иного государства.[302]

Все это свидетельствует, что при заключении международных договоров странам всегда требуется достижение компромисса,

---

[297] CERQUEIRA, G. *Op. cit.*, p. 769.

[298] *Конвенция в отношении соглашений о выборе суда*, заключена в Гааге 30 июня 2005 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 16.05.2016]. Доступ через интернет: < http://www.chinaruslaw.com/RU/International/2015930130210_656063.htm>.

[299] Hague Conference Approves Uniform Rules of Enforcement for International Forum Selection Clauses. *Harvard Law Review*, 2006, Vol. 119(3), p. 933; O'BRIEN, W. The Hague Convention on Jurisdiction and Judgments: the Way Forward. *Modern Law Review*, 2003, Vol. 66(4), p. 491; TEITZ, L. The Hague Choice of Court Convention: Validating Party Autonomy and Providing an Alternative to Arbitration. *American Journal of Comparative Law*, 2005, Vol. 53(3), p. 543-544.

[300] *Конвенция в отношении соглашений о выборе суда*, ст. 2(1); ПОПОВ, Е.В. Гаагская конвенция о соглашениях по выбору суда от 30 июня 2005 года. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2015, № 9, с. 20.

[301] Hague Conference Approves Uniform Rules of Enforcement for International Forum Selection Clauses. *Harvard Law Review*, 2006, Vol. 119(3), p. 931-938.

[302] ПОПОВ, Е.В. *Указ. соч.*, с. 21.

практически невозможное во многих случаях.[303] Интересы стран слишком различаются, чтобы позволить сформулировать общие для всех правовых систем процессуальные нормы в наиболее важных сферах. Чем выше уровень согласования текста международного акта, тем больше противоречивых мнений приходится сводить воедино.

Следует отметить, что в рамках Гаагской конференции в 2011 г. была продолжена работа над масштабной конвенцией о признании решений и юрисдикции. В феврале 2017 г. рабочей группой был представлен предварительный проект Конвенции, который был положительно принят Советом. В настоящее время работа над проектом продолжается, а в будущем итоговый текст акта может быть вынесен на дипломатическую конференцию. Тем не менее, перспективы его принятия странами-участницами Конференции, а равно столь длительный срок, ушедший на разработку и утверждение содержания проекта (учитывая, что работа до сих пор не завершена), свидетельствует не в пользу эффективности сближения ГПП при помощи универсальных международных договоров.

На наш взгляд, необходимо уделить больше внимания идущим процессам региональной интеграции. Относительная близость стран региона друг к другу и общность поставленных задач может позволить добиться большего успеха в принятии новых соглашений. Так, Организацией Американских Государств было согласовано немало региональных инструментов в сфере международного частного права, из которых наиболее успешные касались именно вопросов судебного сотрудничества.[304] Несомненно, перспективы сближения процессуальных норм на региональной основе есть и в таких объединениях как Европейский Союз и Содружество Независимых Государств (и в его преемнике – Евразийском Экономическом Союзе). Их роль могла бы

[303] von MEHREN, A. Drafting a Convention on International Jurisdiction and the Effects of Foreign Judgments Acceptable World-Wide: Can The Hague Conference Project Succeed? *American Journal of Comparative Law*, 2001, Vol. 49(2), p. 201.

[304] GOODE, R.; KRONKE, H. *et al. Op. cit.*, p. 185.

выражаться в адаптации существующих (и оставшихся не полностью реализованными) инициатив на мировом уровне для функционирования в своей культурно и нормативно однородной среде.

Обращаясь к другому основанию сближения, связанному с необходимостью обеспечения действенности норм о процессуальных правах человека, следует отметить, что договоры, содержащие положения о них существуют во многих регионах мира. В качестве примера можно привести ст. 8 и ст. 25 Американской Конвенции о правах человека от 22 ноября 1969 г.,[305] ст. 7 и ст. 26 Африканской Хартии прав человека и народов от 26 июня 1981 г.[306] и ст. 47 Хартии Евросоюза об основных правах.[307]

Безусловно, говоря об их потенциале для гармонизации или унификации, можно подвергнуть критике присущие им краткость и схематичный подход.[308] Документы не раскрывают закрепляемых ими терминов «справедливого и публичного разбирательства», «разумного срока» рассмотрения дела, а также «независимого и беспристрастного суда». Мы не согласимся, однако, с теми авторами, что утверждают об отсутствии у таких актов гармонизирующего эффекта по причине наличия сходных норм в законодательстве большинства современных государств. Следует отметить, что тексты большинства рассматриваемых договоров были приняты сравнительно давно и в свое время носили достаточно прогрессивный характер. Причина наличия всех упомянутых норм в национальном конституционном и отраслевом законодательстве как раз и заключается в реализации ими данного международно-правового стандарта. Вместе с тем, справедливо, что в современном мире объединительный потенциал подобных норм практически исчерпан. Не

---

[305] Американская Конвенция о правах человека, заключена в Сан-Хосе 22 ноября 1969 г. *Международные акты о правах человека (сборник документов)*, Москва: Норма-ИНФРА-М, 2002, с. 867-886.

[306] Африканская Хартия прав человека и народов, принята в Найроби 26 июня 1981 г. *Международные акты о правах человека (сборник документов)*, Москва: Норма-ИНФРА-М, 2002, с. 887-899.

[307] *Хартия Европейского Союза об основных правах*, 2007/С 303/02, принята в Страсбурге 12 декабря 2007 г.

[308] SCHWARTZE, A. *Op. cit.*, p. 141.

существует государств, которые бы не провозглашали в качестве ценностей «справедливый и независимый суд» и не гарантировали бы (хотя бы на бумаге) право на доступ к нему в качестве фундаментальной ценности в рамках своей правовой системы.

По сути, нормы о правах человека являются базовыми принципами, носящими достаточно абстрактный и общий характер.[309] Гораздо важнее их конкретное наполнение смыслом, которое может отличаться от одного государства к другому. Для достижения правового сближения становится недостаточным простая ссылка на тексты международных актов и сходные положения национальных конституций. Активное участие в наполнении смыслом соответствующих положений принимают созданные государствами международные судебные органы, такие как *Европейский Суд по правам человека* и *Суд Европейского Союза*. Первый из них прямо установил, что подведомственный ему акт – Конвенцию о правах человека (ЕКПЧ) – следует трактовать как «живой инструмент», который должен толковаться в контексте современных условий.[310] Тем самым Суд взял на себя ответственность за деятельность по дальнейшей гармонизации и унификации положений о правах человека в условиях современного, быстро меняющегося мира и сделал их актуальными для текущего периода.[311]

Все это приводит нас к значимому выводу в рамках анализа механизмов сближения: зачастую для гарантии успеха недостаточно использования лишь одного способа – может потребоваться их разумное сочетание.

---

[309] *Id.*, p. 141.

[310] *Tyrer v. the United Kingdom*, 25 April 1978, no. 5856/72, para 31; *Marckx v. Belgium*, 13 June 1979, no. 6833/74, para. 41; *Airey v. Ireland*, 9 October 1979, no. 6289/73, para. 26; *Loizidou v. Turkey*, 18 December 1996, no. 15318/89, para. 71; *См. также*: ЛУЦЕНКО, С.И. Расстановка приоритетов в соотношении норм федерального конституционного законодательства и международного права. *Современное право*, 2016, № 10, с. 28-31; ШАДАРОВА, А.Н. Развитие концепции мотивированности судебных решений в практике Европейского суда по правам человека. *Прецеденты Европейского суда по правам человека*, 2016, № 5, с. 3.

[311] АЛЕКСЕЕВСКАЯ, В.И. Новый кодекс гражданского судопроизводства: каким ему быть? *Право (журнал Высшей школы экономики)*, 2015, № 2, с. 8; АЛИСИЕВИЧ, Е.С. Система правовых стандартов Европейского суда по правам человека. *Юрист-международник*, 2006, № 4, с. 30-31.

(2) Наднациональное правотворчество. Появление всевозможных «надгосударственных» органов стало характерным признаком именно регионализации, а не глобализации.[312] Сам характер отношений между странами одного региона отличается большей предсказуемостью, наличием неформальных каналов обмена мнениями, а потому способствует повышенной сплоченности. Под *наднациональным объединением* понимается сообщество суверенных государств, которое получает от своих участников полномочия по принятию решений, общеобязательных не только для государств, но и для частных лиц, находящихся под их юрисдикцией.[313] Тем самым оно может осуществлять прямое регулирование, становясь, по сути, на ступень выше национального государства.[314] Сами же государства вынуждены подчиняться наднациональным решениям, даже если не согласны с ними.[315] Характерной особенностью является и наличие в составе такого объединения развитых органов, которые напоминают традиционные государственные законодательные, исполнительные и судебные учреждения.[316] Хотя в мире ведутся споры относительно квалифицирующих признаков наднациональной организации и возможности отнесения к числу таковых тех или иных международных сообществ, однозначно признанным считается, что наднациональные механизмы сложились к данному моменту в рамках *Европейского Союза*.

В названном объединении используется ряд актов, которые можно было бы отнести к числу «наднациональных», но нормативным

---

[312] ГУРБАНОВ Р.А. *Указ. соч.*, с. 275.

[313] БИДА, Д.А. Концепция наднациональной верховной власти: формирование и правовое оформление в процессе европейской интеграции в 50-е годы XX века. *История государства и права*, 2015, № 16, с. 43; СТРАШУН, Б.А. Суверенитет государства в современном национальном, международном и наднациональном праве. *Lex russica*, 2016, № 7, с. 169-170.

[314] ПАВЛОВА, Н.В. Наднациональное регулирование таможенных отношений и национальное правосудие. *Судья*, 2016, № 1, с. 18-19.

[315] ФЕДОСЕНКО, В.А. О явлении наднационального права и правотворчества. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2010, № 1, с. 162.

[316] ДАРГЕЛЬ, В.В. Соотношение наднационального и межнационального начал в Евросоюзе. *Власть*, 2011, № 10, с. 146-147; МЫСЛИВСКИЙ, П.Г. Признаки и определения понятия «наднациональная международная организация». *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 2015, № 6-1, с. 366.

потенциалом обладают только два их вида – *Регламенты* и *Директивы*. Первые представляют собой своего рода «наднациональные законы», т.е. акты прямого действия, не нуждающиеся ни в каком одобрении или подтверждении для своего действия.[317] Вторые же лишь закрепляют определенную цель, которой необходимо добиться государствам, оставляя за ними свободу в выборе способов и средств.[318] При такой форме нормотворчества вначале происходит принятие органами Союза актов, устанавливающих стандарты для правовых систем стран-участниц, а затем (на второй стадии) адаптация странами-участницами своих систем в соответствии со стандартами, заданными Директивой.[319]

Вместе с тем на практике существуют и такие Регламенты, что не слишком полно раскрывают свои предметы и содержат многочисленные отсылки к национальному праву, а также Директивы, которые настолько подробно углубляются в свой предмет, что по факту не оставляют государствам возможности отклонения от предусмотренной модели.[320]

По сравнению с международными договорами Регламенты и Директивы имеют ряд несомненных преимуществ. Они подлежат применению во всех государствах-членах,[321] не оставляя возможности отказаться участвовать в них или заявить какие-либо оговорки или возражения.[322] Особенно перспективными являются Регламенты, поскольку они представляют собой уже готовый и императивный стандарт, который должен соблюдаться на национальном уровне под угрозой применения санкций. Меняется и механизм внесения изменений в такие акты: он становится более похожим на тот, что используют

---

[317] ЧУДИНОВСКИХ, К.А. Новый Регламент Совета Европейского Сообщества о юрисдикции, признании и принудительном исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам (краткий комментарий). *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2002-2003, № 2, с. 578.

[318] JASON-LLOYD, L.; BAJWA, S. *The Legal Framework of the European Union*. London: Frank Cass, 1997, p. 41-50.

[319] HESS, B. Procedural Harmonisation in a European Context. In: *Civil Litigation in a Globalising World.* Eds.: X.E. Kramer, C.H. van Rhee, The Hague: Asser Press, 2012, p. 160.

[320] WOUTERS, J. *et al.* The European Union: a Federation in All but Name. In: *Federalism and Legal Unification*. Eds.: D. Halberstam, M. Reimann. Dordrecht: Springer, 2014, p. 211.

[321] Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union. *Official Journal of the European Union*, 26.10.2012, C 326, p. 171 (Art. 288).

[322] ЛИТВИНСКИЙ, Д.В. *Указ. соч.*, с. 350.

государства в рамках своей внутренней правовой системы, а значит для всех стран-участниц ЕС обновленные версии наднациональных актов будут вступать в силу одновременно и действовать в пространстве всего Союза.[323] Таким образом, данные акты наднационального характера являются наиболее императивными и действенными формами сближения.

В то же время, редко какое интеграционное объединение передает большой объем полномочий на наднациональный уровень, особенно в столь деликатных и сложных вопросах как гражданское судопроизводство (предпочитая, по-прежнему осуществлять регулирование при помощи международных договоров). Любая наднациональная компетенция соответствующей организации является ограниченной ее учредительными документами и, как правило, обусловленной принципами *субсидиарности* (добавочности) и *пропорциональности*.[324] Первый из них говорит о том, что компетенция наднационального образования может быть реализована только в случае невозможности адекватного решения проблемы на национальном уровне. Второй же подчеркивает, что внегосударственное нормативное вмешательство не должно идти дальше, чем это необходимо для достижения поставленной цели (иными словами, для достижения конкретной цели должны использоваться строго определенные средства).

Европейский Союз представляет собой заметное исключение в ряду прочих наднациональных сообществ: право на принятие актов с процессуальным содержанием прямо следует из Договора о функционировании ЕС, где оно помещено в рамках отдельной главы «Судебное сотрудничество по гражданским делам».[325] Впрочем, и здесь приведенный перечень допустимых областей носит исчерпывающий характер, при этом ни одна из них не затрагивает сути самого

---

[323] ЧУДИНОВСКИХ, К.А. *Указ. соч.*, с. 578; KRUGER, T. The South African Litigant and European Union Rules of Civil Procedure. *Comparative and International Law Journal of South Africa*, 2005, Vol. 38, p. 79.

[324] BENACCHIO, G-A.; PASA, B. *Op. cit.*, p. 164; БИДА, Д.А. *Указ. соч.*, с. 43-44.

[325] Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union. *Official Journal of the European Union*, 26.10.2012, C 326, p. 73, 78-79 (art. 81).

национального ГПП, а их применение возможно только в ситуациях с «трансграничным элементом». Несмотря на возможность расширительного толкования положений Договора, поиска иных правовых оснований для гармонизации и унификации, а также использования доктрины «подразумеваемых полномочий», очевидно желание стран-участниц предоставить ЕС ограниченную, обусловленную их согласием и контролем компетенцию, а не общие правомочия в сфере процессуального нормотворчества. Это подтверждается и непременной ссылкой европейского законодателя (Совета и Парламента) на принципы субсидиарности и пропорциональности в преамбулах вновь принимаемых актов в сфере гражданского процесса.[326] Более того, Суд ЕС подтвердил, что не собирается допускать излишне расширительного толкования закрепленной в Договорах компетенции, признавая в ряде случаев принятые Советом и Парламентом акты превышающими данные им полномочия.[327]

Подробнее об использовании наднационального права для целей сближения в Евросоюзе, а также о преодолении существующих в учредительных актах ограничений речь пойдет в следующем разделе.

Здесь же хотелось бы оговорить еще один момент касательно статуса наднационального акта как источника (формы) сближения права. Как уже отмечалось выше, не все исследователи признают за подобными актами гармонизационный или унификационный потенциал. Причиной этому является их относительная новизна и особенность механизма правового действия: они регулируют отношения на национальном уровне, но при этом не меняют самого внутреннего права, действуя непосредственно. В этой связи само национальное право остается

[326] *See:* Regulation (EC) No 1896/2006 of 12 December 2006 creating a European order for payment procedure. *Official Journal of the European Union*, 30.12.2006, L 399, p. 2 (para. 29 Preamble); Regulation (EU) No 1215/2012 of 12 December 2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Union*, 20.12.2012, L 351, p. 5 (para. 39 Preamble).

[327] *See e.g.*: Court of Justice of the European Communities. Judgment C-376/98 Federal Republic of Germany v. European Parliament and Council of the European Union (Action for annulment) of 5 October 2000. *European Court Reports*, 2000, p. 8419, paras. 111-116.

прежним (неупорядоченным), а данные акты занимаются формированием некого «третьего правопорядка», дополняющего национальный и международный.[328] В случае с ЕС подобная критика обращена главным образом против Регламентов, поскольку Директивы (по общему правилу) не имеют прямого действия и должны быть имплементированы в национальное право, что делает их практически идеальным примером рассмотренной нами ранее конструкции правового сближения.

На наш взгляд, не стоит противопоставлять национальное и наднациональное право, поскольку интеграционное объединение, подобное ЕС, эффективно «внедряет в национальные законодательства единообразные правовые стандарты почти по всем отраслям права».[329] Таким образом, наднациональная норма также составляет часть действующего для того или иного государства правового порядка. Сближение же в данном случае (как уже заявлялось выше) носит усеченный характер: для его завершения требуется лишь выработка стандарта, тогда как его имплементация во внутреннее право происходит автоматически, без необходимости принятия со стороны государств дополнительных действий по провозглашению его императивного действия.

Сказанное здесь с определенной долей условности может быть применимо и к другим наднациональным сообществам (существующим или будущим). Важно понимать, что наднациональный акт является мощным инструментом воздействия на внутреннее законодательство государств, но для того, чтобы он появился в числе возможных к принятию в определенном сообществе, и чтобы государства-участники согласились передать на урегулирование такими путями в том числе и вопросов гражданского процесса, должно совпасть значительное число факторов.

---

[328] БАХИН, С.В. *Указ. соч.*, с. 207.

[329] ПИМЕНОВА, О.И. Наднациональная правовая интеграция на евразийском пространстве: анализ реалий и оценка возможностей использования опыта Европейского Союза. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2014, № 5, с. 26-27.

(3) Международное судебное правотворчество. Суды в современных условиях также становятся активными участниками правотворческого процесса, принимая юридически обязательные акты, толкующие те или иные положения национальных и международных инструментов. Разумеется, не любой суд может расцениваться как надлежащий субъект процесса сближения национального права. Так, внутринациональные органы правосудия не будут являться помощниками в деле *аппроксимации*. Они имеют ограниченное влияние и призваны применять и толковать прежде всего национальное право. Кроме того, обязательная сила их постановлений ограничена территорией соответствующего государства: они являются локальными акторами, а потому не могут иметь решающего влияния на международном (или наднациональном) уровне. Напротив, такие суды нередко вносят диссонанс в нормативные проекты гармонизации и унификации, поскольку формируемая ими практика применения текстуально идентичных нормативных актов несхожа в разных странах.[330] Речь должна идти, таким образом, только о *международном суде*, таком, юрисдикция которого будет распространяться на несколько стран одновременно.

А.Ю. Саломатин и А.Ф. Мещерякова вводят в этой связи понятие «интеграционных судов», к числу которых они относят органы, созданные при межгосударственных объединениях и способствующие реализации их задач в своей деятельности.[331] Разрешая споры и вынося заключения по обращениям уполномоченных лиц такие суды вносят свой вклад в формирование единообразного права соответствующего объединения.[332] Следует отметить, что подобные органы ныне

---

[330] СУХОВА, Н.В. *Вопросы развития гражданского процесса*…, с. 106.

[331] САЛОМАТИН, А.Ю.; МЕЩЕРЯКОВА, А.Ф. Социально-правовой мониторинг интеграционного правосудия и задачи его развития в эпоху глобализации. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*, 2015, № 4(36), с. 85.

[332] ЗАДОРИНА, А.М. Трансграничные (глобальные) партнерства и сотрудничество евразийских государств с латиноамериканскими интеграционными сообществами. *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*, 2016, № 1, с. 33; КОЖЕУРОВ, Я.С. Перспективы взаимоотношений Европейского суда по правам

присутствуют в целом ряде региональных сообществ, однако наибольшую известность получили европейские их образцы. В упомянутом регионе существует два подобных трибунала – *Европейский Суд Справедливости* (*Суд ЕС*) в Люксембурге и *Европейский Суд по правам человека* (*ЕСПЧ*) в Страсбурге. Их отличие заключается не только в том, что компетенция первого затрагивает 28 стран ЕС, а другого – помимо них также и другие страны Совета Европы (всего 47 государств), и в том, что они действуют в рамках различных международных объединений, но также в полномочиях каждого из них, в круге вопросов, которые они компетентны рассматривать.

Так, задача Суда ЕС состоит в обеспечении соблюдения права в ходе толкования и применения актов первичного и вторичного права ЕС,[333] для чего он наделен широкой компетенцией, позволяющей рассматривать его как международный, конституционный, административный и отчасти арбитражный трибунал.[334] По мнению ряда исследователей, он активно способствует укреплению европейского правопорядка, усилению его самостоятельности от права государств-участников и, соответственно, возможности более активного влияния на последнее.[335] Что же касается Европейского Суда по правам человека, то данный орган был образован для обеспечения соблюдения обязательств, принятых на себя странами-участницами ЕКПЧ. В его ведении находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней, которые передаются на его рассмотрение в установленном порядке.[336] Очевидно, что Суды руководствуются в своей деятельности разной логикой: если для Суда ЕС – это приоритет

человека и Евразийского экономического союза. *Актуальные проблемы российского права*, 2015, № 11, с. 183.

[333] *See:* Consolidated Version of the Treaty on European Union. *Official Journal of European Union*, 26.10.2012, C 325, p. 27 (Art. 19(1)).

[334] КОМАРОВА, Т.В. Суд ЕС и единство судебной практики. *Современное право*, 2013, № 11, с. 143-144.

[335] ИСПОЛИНОВ, А.С. Судебный активизм и судебное нормотворчество Суда Европейского Союза. *Международное правосудие*, 2016, № 1, с. 81-94; НОСОВА, Е.С. Влияние решений Суда ЕС на становление права Европейского Союза. *Международное право и международные организации*, 2016, № 1, с. 50-59.

[336] *Конвенция о защите прав человека и основных свобод…*, ст. 19, 32.

экономической (а также политической) интеграции стран Союза, то для ЕСПЧ – это стремление обеспечить на национальном уровне эффективную реализацию всех положений о правах человека, содержащихся в Конвенции. Как мы уже установили, и то, и другое относится к числу важнейших предпосылок в том числе для сближения норм ГПП.

Но чем могут поспособствовать аппроксимации органы, функции которых состоят, главным образом, в правоприменении? Безусловно, механизм, которым обеспечивается судебная гармонизация, существенно отличается от того, который применяется в деятельности законодательной власти, и главным образом реализуется через рассмотрение индивидуальных обращений и толкование положений релевантных актов.[337] Специфика судебной власти не позволяет создавать нормы на пустом месте. Иное могло бы скомпрометировать международные судебные органы в глазах государств, которые опасаются посягательств на свой суверенитет. Кроме того, суды принимают решения лишь при обращении к ним управомоченных субъектов и после надлежащего принятия дела к своему рассмотрению, тогда как органы, принимающие договоры и наднациональные акты, могут заниматься нормотворческой деятельностью и по собственной инициативе, получив достаточно оснований считать, что требуется правовое вмешательство.[338] В случае с судебным органом лишь нарушение права или спор о нем могут повлечь за собой принятие им каких-либо мер.

Более того, перед судом не стоит непосредственной задачи по гармонизации или унификации права, и при прочих равных

---

[337] MIKELĖNAS, V. Civil Procedure as a Legal Form of Judicial Law-Making. In: *Purpose of Modern Civil Procedural Law*. Vilnius: VĮ Registrų Centras, 2008, p. 190.

[338] HARMATHY, A. The Impact of the Practice of the European Court of Justice on the Civil and Commercial Law of the Member States of the European Union. *European Review of Private Law*, 2010, Vol. 3, p. 433-434; MAŃKO, R. *Europeanisation of Civil Procedure: towards Common Minimum Standards*? [interactive. Accessed on 15.09.2015]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/559499/EPRS_IDA(2015)559499_EN.pdf>, p. 4.

обстоятельствах его стремление заняться именно ей, а не доскональным изучением оснований поданного заявления, может поставить под вопрос как беспристрастность, так и компетентность такого органа. Отсутствует, как правило, цель осуществлять сближение и у заявителей, будь то граждане, юридические лица или государственные органы. Они защищают собственные интересы, а не выступают от лица всего сообщества. В большинстве случаев данные лица даже не отдают себе отчета, что при их непосредственном участии происходит сближение права.[339] Таким образом, аппроксимация (если она и происходит) носит в случае с деятельностью судов опосредованный характер.

Наибольшее внимание в литературе уделяется деятельности ЕСПЧ. По мнению ряда авторов, Европейская конвенция осталась бы общим каталогом пожеланий, если бы Суду по правам человека не удалось утвердить свой авторитет.[340] Общепризнанным является то, что практика Суда имеет «гармонизирующий» эффект. Суд приводит единообразную трактовку основных прав и позволяет лицам получать одинаковый уровень защиты.[341] Безусловно, для целей сближения представляет интерес не постановление ЕСПЧ как таковое, а главным образом те правовые позиции, что содержатся в его мотивировочной части.[342] Именно в ней можно обнаружить выводы, имеющие значение для всех участников Конвенции, и именно их следует считать *стандартами сближения*, а не простыми мнениями Суда по тем или иным вопросам.[343]

---

[339] LETSAS, G. The Truth in Autonomous Concepts: How to Interpret the ECHR? *European Journal of International Law*, 2004, Vol. 15(2), p. 287-288.

[340] ТЕРЕХИН, В.А. Реформа Европейского суда по правам человека как фактор повышения эффективности судебной защиты. *История государства и права*, 2010, № 8, с. 23-24.

[341] TRYKHLIB, K. The Doctrine of the "Margin of Appreciation" in the Case-Law of the European Court of Human Rights. In: *Interdisciplinary Approach to Law in Modern Social Context (4th International Conference of PhD Students and Young Researchers Conference Materials).* Vilnius, 21-22 April 2016, p. 346.

[342] ОРДИНА, О.Н. Решения Европейского суда по правам человека. *Российский судья*, 2013, № 7, с. 45-46.

[343] АЛИСИЕВИЧ, Е.С. *Указ. соч.*, с. 33-34; ДЕГТЯРЕВ, К.И.; О'МАРА, Н. «Консультативные заключения 2»: реформирование компетенции Европейского суда по правам человека по вынесению консультативных заключений. *Международное правосудие*, 2014, № 2, с. 77.

Другие же части постановления (о размере компенсации и о мерах индивидуального характера, которые необходимо предпринять для восстановления прав заявителя) затрагивают только государство-ответчика и являются преимущественно мерами фактического, а не правового порядка.

Более того, в ряде государств сложилось представление о том, что постановления Суда, вынесенные в отношении третьих стран, в принципе не имеют для них никакой нормативной силы, а содержащиеся в них выводы носят лишь рекомендательный характер.[344] С нашей точки зрения такой подход не является верным: хотя формально на Суд не распространяется доктрина прецедента, а сам он не считается связанным собственными предшествующими решениями, он целенаправленно повторяет их ключевые выводы в своих новых делах, допуская в необходимых случаях определенные уточнения.[345] Соответственно, учет одним государством правовых позиций Суда, выраженных в постановлениях, принятых в отношении другого государства сделает его поведение правомерным с точки зрения ЕСПЧ и не даст повода к возбуждению против него производства по схожим основаниям.[346] Если же выводам Суда будут следовать все страны-участницы Конвенции, это повлечет за собой сближение их права в соответствующих областях.

Во многих делах ЕСЧП делал выводы именно о процессуальных нормах и институтах стран-участниц Конвенции, чем побуждал их осуществлять реформы своего внутреннего права. Так, он не раз высказывался относительно равенства прав участников процесса,[347] права на доступ к правосудию (которое является следствием «права на

---

[344] РЕХТИНА, И.В. Процедура применения постановлений Европейского Суда по правам человека в гражданском судопроизводстве судьями Российской Федерации. *Российский судья*, 2014, № 9, с. 37.

[345] ИСПОЛИНОВ, А.С. Прецедент в практике Суда Европейского союза. *Международное правосудие*, 2016, № 3, с. 64.

[346] ВОРОНЦОВА, И.В. Об обязательности постановлений Европейского суда. *Российский судья*, 2009, № 6.

[347] *Kress v. France*, 7 June 2001, no. 594/98, para. 72; *Nideröst-Huber v. Switzerland*, 18 February 1997, no. 18990/91, para. 23.

справедливый суд»),[348] права на исполнение судебного решения, вынесенного *любым* судом (которое должно рассматриваться как неотъемлемая часть «судебного разбирательства»).[349] Также ЕСПЧ самостоятельно «сконструировал» отсутствующие в Конвенции понятия «правовой определенности» и «*res judicata*».[350] Кроме того, была выработана автономная интерпретация и разработан собственный подход к таким понятиям как «гражданские права и свободы», «трибунал» или «свидетель».[351] Как отмечает В.В. Блажеев, Суд преуспел в том, чтобы расширительно толковать достаточно абстрактные формулировки Конвенции и находить новые смыслы и значения за пределами ее текста.[352]

Следует отметить, что ЕСПЧ во многом подвергает самоограничению вторжение в национальное право, чем существенно подрывает свой потенциал субъекта сближения. Согласно доминирующей точке зрения (нашедшей закрепление и в Протоколе № 15),[353] основная задача по толкованию и применению Конвенции возлагается на национальные органы. Предусмотренный ЕКПЧ механизм является *субсидиарным*, т.е. дополнительным по отношению к существующему на национальном уровне.[354] Европейский Суд не ставит себе цели подменить национальные суды. Более того, чтобы дело все же попало в ЕСПЧ, необходимо полностью исчерпать все доступные

---

[348] *Golder v. the United Kingdom*, 21 February 1975, no. 4451/70, para. 35.

[349] *Hornsby v. Greece*, 19 March 1997, no. 18357/91, para. 40; *Burdov v. Russia*, 7 May 2002, no. 59498/00, para. 34.

[350] *See: Brumărescu v. Romania*, 28 October 1999, no. 28342/95, para. 61; *Ryabykh v. Russia*, 24 July 2003, no. 52854/99, para. 51; *Kehaya et al. v. Bulgaria*, 14 June 2007, nos. 47797/99 and 68698/01, para. 61.

[351] *See: König v. Germany*, 28 June 1978, no. 6232/73, paras. 88-89; *Baraona v. Portugal*, 8 July 1987, no. 10092/82, para. 42; *Ferrazzini v. Italy*, 12 July 2001, no. 44759/98, para. 24.

[352] БЛАЖЕЕВ, В.В. О механизме гармонизации практики Европейского Суда по правам человека и российского гражданского процессуального права. *Российская юстиция*, 2010, № 12, с. 25.

[353] *Протокол № 15, вносящий изменения в Конвенцию о защите прав человека и основных свобод*. Страсбург, 24 июня 2013 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 21.02.2017]. Доступ через Интернет: <http://www.threefold.ru/ru/protokol-№-15-k-konventsii-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh-svobod-ne-vstupil-v-silu>.

[354] САГДЕЕВА, Л.В. Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российской действительности. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 2010, № 4, с. 146.

средства внутригосударственной защиты,[355] что уже делает Суд не столь доступным актором в сфере гармонизации и унификации права.

Но даже в том случае, если дело попадает в Суд, нет никакой уверенности в том, что оно завершится предписанием по изменению национального права. В реальности ЕСПЧ будет давать толкование Конвенции, которое является обязательным для государства, в отношении которого оно выносится.[356] Решение суда может содержать как меры индивидуального (в отношении конкретного заявителя и, как правило, заключающиеся в необходимости совершить определенные фактические, а не правовые действия), так и общего характера. Последние могут, в принципе, содержать в себе призыв определенным образом изменить законодательство и, поскольку Суд ориентирует страны на единообразное понимание ЕКПЧ, данное им толкование может способствовать гармонизации и унификации права данного государства и всех остальных стран-участниц Конвенции.

Однако вынесение решения в отношении конкретного государства не отражается существенным образом на осведомленности иных стран о наличии проблемы. Не все решения оперативно публикуются и переводятся на языки членов ЕКПЧ, а ознакомление с их текстом национального юридического сообщества вовсе не тождественно прямому предписанию обладающим властными полномочиями органам поступить определенным образом.

Более того, чаще всего Суд и не включает в свои финальные постановления позитивных предписаний, а выступает в роли «негативного законодателя», говоря о том, что те или иные национальные практики не соответствуют духу и смыслу Конвенции. Вся деятельность по сближению будет заключаться, в лучшем случае, в том, что идея о

---

[355] CADIET, L. Sources and Destiny of French Civil Procedure in a Globalized World In: *The Dynamism of Civil Procedure – Global Trends and Developments*. Eds.: C. Picker, G. Seidman. Dordrecht: Springer, 2016, p. 74; ЖИЛИН, Г.А. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников гражданского и арбитражного процессуального права. *Журнал конституционного правосудия*, 2009, № 1, с. 25.

[356] *Конвенция о защите прав человека и основных свобод…*, ст. 46.

ранее доминировавшем неверном понимании Конвенции найдет воплощение в национальных законах и правоприменительной практике.

Для достижения большей эффективности Суд может объединять однотипные дела в одно производство, а также выносить особые «пилотные постановления» против государств, для которых характерны системные проблемы и частые нарушения Конвенции.[357] Тем самым реализуется корректирующая функция, и Суд возвращает то или иное государство к необходимости следовать определенным курсом в понимании ЕКПЧ.[358] В пилотных постановлениях Суд наравне с рассмотрением индивидуального обращения дает предписания государству-нарушителю по приведению внутреннего законодательства в соответствие с Конвенцией. Так, в итоговом акте по делу *Бурдов против России* ЕСПЧ оценил эффективность существовавшей системы компенсации за неисполнение или несвоевременное исполнение судебных решений и привел общие ориентиры по ее совершенствованию.[359] Преимуществом данной процедуры является возможность указания конкретных мер, которые должно предусмотреть государство-участник, а не оставление решения за ним самим (поскольку уже была продемонстрирована неспособность последнего адекватно решить проблему).[360] Таким образом, пилотные постановления содержат большее количество норм общего, а не индивидуального характера и имеют более отчетливый нормотворческий потенциал.

Впрочем, полезность таких мер в контексте гармонизации/унификации не является очевидной, поскольку решение все же адресуется конкретному государству и касается имеющейся именно в нем проблемы. В других же государствах может существовать своя специфика, а потому для них такие выводы не будут иметь

[357] КОВЛЕР, А.И. Герасимов и другие против России - новое «пилотное постановление» Европейского Суда. *Международное правосудие*, 2014, № 3, с. 3-4.

[358] ФИЛАТОВА, В. Пилотные постановления ЕСПЧ: проблемы исполнения. *ЭЖ-Юрист*, 2016, № 23, с. 6-7.

[359] *Burdov v. Russia (N 2)*, 15 January 2009, no. 33509/04.

[360] BUYSE, A. The Pilot Judgment Procedure at the European Court of Human Rights: Possibilities and Challenges. *Greek Law Journal*, 2009, Vol 57(8), p. 1913.

практического значения. Кроме того, предписания ЕСПЧ нередко носят достаточно абстрактный характер: Суд устанавливает лишь ориентиры, а не конкретные нормативные предписания.

В то же время, отмечается, что в последнее время становится актуальной идея о переориентации Суда с рассмотрения больших объемов индивидуальных жалоб на решение более общих и комплексных проблем, которые характерны сразу для нескольких участников Конвенции.[361] Одним из способов достижения таких целей может стать расширение возможности ЕСПЧ выносить консультативные заключения путем наделения правом на обращение за ними национальных судов.[362] Тем самым ЕСПЧ еще больше утвердился бы в роли субъекта сближения национального права, а не суда «четвертой инстанции», каким он является в преставлении многих заявителей, ищущих в нем справедливости, в которой им было отказано на национальном уровне.

По мнению ряда авторов, существенным препятствием на пути признания Суда активным субъектом сближения является применяемая им при рассмотрении дел доктрина «свободы усмотрения» (*margin of appreciation*). Первоначально доктрина была сформулирована самим Судом в деле *Handyside v. The United Kingdom*,[363] а в последующем была неоднократно повторена им в более поздних решениях и стала общепризнанной.[364] Ее суть состоит в том, что ЕСПЧ отдает предпочтение государству в вопросах оценки фактов, действий и ситуаций, а равно любых других событий, которые имеют место в рамках территории последнего. Все это является следствием уже упомянутой субсидиарной роли Суда и наличием приоритета у национальных органов в толковании собственного права (а также в целом их лучшей

[361] ТЕРЕХИН, В.А. *Указ. соч.*, с. 25.
[362] ДЕГТЯРЕВ, К.И.; O'MARA, N. *Указ. соч.*, с. 71-85.
[363] *Handyside v. the United Kingdom*, 7 December 1976, no. 5493/72, paras. 47-57.
[364] TRYKHLIB, K. *Op. cit.*, p. 339.

приспособленностью для разрешения споров).[365] Задача же Суда сводится к тому, чтобы определить, является ли национальная трактовка прав совместимой с Конвенцией.[366] Свобода усмотрения используется Судом и в сфере действия ст. 6 о праве на справедливый суд, которое не является абсолютным и может быть определенным образом ограничено по решению национальных органов.[367] В одном из дел суд также указал, что ограничению может быть подвергнуто и право на исполнение судебных актов (являющееся аспектом права на доступ к суду).[368] С точки зрения идеи сближения права это означает, что Суд поощряет многообразие трактовок одних и тех же положений на национальном уровне и допускает существование различных (неунифицированных) стандартов.[369]

Когда же Суд заводит речь о единых стандартах, он активно использует механизм «консенсуса». В этом случае он отмечает, что при наличии общего мнения стран-участниц по некому вопросу, свобода усмотрения национального правоприменителя сужается, и он должен поступать в соответствии со сложившейся общей трактовкой положений Конвенции. Отсутствие же консенсуса демонстрирует неразрешенность конфликта ценностей или достаточную подвижность и изменчивость политики государств, а также то, что вопрос затрагивает деликатные вопросы морали или этики.[370] В этом случае Суд склонен оставить

[365] ÇAKMAK, C. The Problem Relating to the Margin of Appreciation Doctrine under the European Doctrine under the European Convention of Human Rights. *Usak Yearbook*, 2008, Vol. 1, p. 94; TRYKHLIB, K. *Op. cit.*, p. 339.

[366] TRYKHLIB, K. *Op. cit.*, p. 341.

[367] *Ashingdane v. The United Kingdom*, 28 May 1985, no 8225/78, para 57; *Petkoski and Others v. Macedonia*, 8 January 2009, no 27736/03, para. 41; *Brunet-Lecomte and Others v. France*, 5 February 2009, no 42117/04, para. 55; *Ferenc Rózsa and István Rózsa v. Hungary*, 28 April 2009, no 30789/05, para. 20.

[368] *Belev and Others v. Bulgaria*, 2 April 2009, no 16354/02, para. 57.

[369] MIRATE, S. The ECtHR Case Law as a Tool for Harmonization of Domestic Administrative Laws in Europe. *Review of European Administrative Law*, 2012, Vol. 5(2), p. 53; BENVENISI, E. Margin of Appreciation, Consensus, and Universal Standards. *New York University Journal of International Law and Politics*, 1998, Vol. 31, p. 845; ÇAKMAK, C. *Op. cit.*, p. 89.

[370] ГРАЧЕВА, С.А.; РАФАЛЮК, Е.Е. *Указ. соч.*, с. 107-108; *Evans v. the United Kingdom*, 10 April 2007, no. 6339/05, para. 77.

большую свободу усмотрения за национальными органами.[371] По мнению некоторых авторов, подобная стратегия Суда свидетельствует о его нежелании углубляться в процесс гармонизации и становиться непосредственно ответственным за принятие нового «стандарта» (по крайней мере до тех пор, пока он не будет апробирован практикой на национальном уровне).[372] Когда стандарт уже будет выработан, Суд лишь констатирует его возникновение,[373] самостоятельно не принимая никакого деятельного участия в его формировании. Таким образом, унификация и гармонизация будут происходить вне рамок Суда и его контроля.[374]

Вместе с тем, ЕСПЧ все же является судебным органом, и основная его работа, как уже было показано, состоит не в правотворчестве и не в сближении права. Важно отметить, что он проводит значимую аналитическую работу по выявлению вновь появившихся стандартов и по их «популяризации» через свои решения. Он стремится делать это наименее назойливым способом, оставляя государствам пространство для развития и самостоятельной модернизации собственного права.[375] В то же время он неизменно наблюдает за действиями и решениями национальных органов, проверяя их не только на соблюдение норм ЕКПЧ, но и стандартов, выявленных им в ходе анализа практики государств или самостоятельно сконструированных на основе конвенционных норм. ЕСПЧ может помочь тем странам, которые не следуют «общей линии» в трактовке определенного права, отыскать истинный смысл нормы. В ряде случаев он не будет базироваться на уже сложившемся консенсусе между странами, но устанавливать, что по тем

[371] BRAUCH, J. The Margin of Appreciation and the Jurisprudence of the European Court of Human Rights: Threat to the Rule of Law. *Columbia Journal of European Law*, 2005, Vol. 11, p. 128.

[372] TRYKHLIB, K. *Op. cit.*, p. 346.

[373] *Dudgeon v. the United Kingdom*, 24 February 1983, no. 7525/76, para. 60.

[374] BUSCH, C.; SCHULTE-NÖLKE, H.; ZOLL, A. *EU Compendium – Fundamental Rights and Private Law*. Eds.: C. Busch *et al.* Munich: Sellier, 2010, p. 23-24.

[375] GREER, S. The Interpretation of the European Convention of Human Rights: Universal Principle or Margin of Appreciation. *UCL Human Rights Review*, 2010, Vol. 3, p. 6.

или иным причинам положениям Конвенции должно быть дано иное толкование.[376]

Важно также понимать, что приведенные в Конвенции права являются минимальными гарантиями правосудия, и государства-участники вправе устанавливать собственное регулирование, если оно не противоречит положениям Конвенции в том виде, в котором они трактуются Судом.[377]

Применительно же к праву на справедливый суд ЕСПЧ все же не допускает предоставления странам слишком большой свободы усмотрения. Во многом это связано с необходимостью тщательно оберегать столь хрупкую конструкцию, что предусмотрена ст. 6.[378] Так, Судом было отмечено, что, хотя право на доступ к правосудию и не является абсолютным, вводимые государством ограничения не могут затрагивать саму сущность права, должны преследовать легитимную цель и соблюдать надлежащий баланс между целью и средством.[379]

Другим значимым наднациональным юрисдикционным органом в европейском регионе является Суд ЕС. Его деятельность крайне важна, поскольку он помогает в построении права ЕС и закрывает очевидные пробелы в нем путем вынесения собственных конструктивных решений. Безусловно, во многом он является движущей силой европейской интеграции.[380] Многое из сказанного относительно ЕСПЧ (сложность обращения, отсутствие автоматической ориентации на сближение права, необходимость соблюдать баланс с органами государств-участниц) справедливо и в отношении данного органа. В то же время многими признается, что данный Суд является более активным проводником

[376] LETSAS, G. *Op. cit.*, p. 300-301.

[377] MIRATE, S. *Op. cit.*, p. 53.

[378] KRATOCHVIL, J. The Inflation of the Margin of Appreciation by the European Court of Human Rights. *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 2011, Vol. 29(3), p. 334.

[379] *Golder v. the United Kingdom*, 21 February 1975, no 4451/70, paras. 36-40; *Bellet v. France*, 4 December 1995, no 23805/94, paras. 31-38.

[380] ОРЛОВА, Ю.М. Суд ЕС и правовая интеграция государств-членов Европейского Союза. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 2014, № 6, с. 142.

интеграции, сознательно разрабатывающим многие концепции, приводящие к усилению роли ЕС.[381]

Несомненно, главным инструментом сближения является существующая в праве ЕС процедура преюдициального запроса в Суд ЕС. Ее отличие от обычного обращения в ЕСПЧ или от планируемого к введению в будущем «консультативного заключения» состоит в том, что принятое по итогам рассмотрения дела решение является юридически обязательным, причем не только для направившего запрос суда государства-участника, но и (в равной мере) для всех остальных государств-участников (*erga omnes*).[382]

Суд ЕС сделал немало для сферы гражданского процесса, где он, в частности, определил сферу действия оговорки о публичном порядке в деле *Krombach,*[383] а также установил, что трансграничные судебные запреты на подачу иска противоречат праву ЕС в делах *West Tankers*[384] и *Turner v. Grovit.*[385] Немало сделал Суд и для установления соотношения судебного и арбитражного производства, установив, в частности, в деле *Gazprom*, что признание и исполнение судом государства-участника зарубежного арбитражного решения (которым устанавливается запрет на обращение в суд) не противоречит предписаниям правовых актов ЕС (поскольку последние исключают все вопросы арбитража из предмета своего ведения).[386]

Можно признать, что он использует более жесткую (по сравнению с ЕСПЧ) аргументацию и чаще указывает на необходимость трактовки

---

[381] von LUTTICHAU, A.M. What is the Meaning and Effect of the Principle of "Margin of Appreciation" within the Jurisprudence of the European Convention on Human Rights? Is This Principle Compatible with the Concept of Effective Protection of Rights? *Bracton Law Journal*, 1994, Vol. 26, p. 103; ИСПОЛИНОВ, А.С. *Судебный активизм и судебное нормотворчество Суда Европейского Союза…*, с. 86-87.

[382] MIRATE, S. *Op. cit.*, p. 53-54.

[383] *Dieter Krombach v. André Bamberski*, Case C7/98 [2000] ECR I-01935.

[384] *Allianz SpA and Generali Assicurazioni Generali SpA v. West Tankers Inc.*, Case C-185/07 [2009] ECR I-00663.

[385] Judgment of the European Court of Justice of 27 April 2004, case no. C-159/02 *Gregory Paul Turner v. Felix Fareed Ismail Grovit, Harada Ltd and Changepoint SA*. *European Court Reports*, 2004, p. I-03565, para. 31.

[386] Judgment of the European Court of Justice of 13 May 2015, case no. C-536/13 "*Gazprom" OAO v. Lietuvos Respublika*. *European Court Reports*, 2015, p. 316, para. 44.

права ЕС в *его* понимании, а не в том, что сложилось у национальных органов. Там, где ЕСПЧ готов был бы предоставить странам свободу усмотрения, Суд ЕС возьмет ситуацию под свой контроль и примет пусть и не всегда ожидаемое и одобряемое общественностью, но достаточно самобытное решение.

Подводя итоги, следует отметить, что деятельность Судов оказывает значительное влияние на сближение права стран, находящихся под их юрисдикцией. Справедливо, впрочем, то, что для реального осуществления ими сближения должно совпасть достаточно много факторов. Само по себе принятие Судами тех или иных решений не порождает немедленного эффекта аппроксимации. Для этого необходима и реакция со стороны национальных органов власти, которые посредством доступных им средств воплотят содержание выработанного на наднациональном уровне стандарта во внутреннем праве.

Таким образом, судебное сближение не является предсказуем и предопределенным. В то же время Суды прекрасно дополняют обычные нормотворческие органы, развивая и дополняя принятые теми положения и снимая многие из спорных вопросов. Именно по этой причине мы полагаем, что в гораздо лучшем положении находятся те международные объединения, в которых были созданы постоянно действующие судебные органы, нежели те, где такие органы отсутствуют или имеют слишком узкий объем полномочий.

(4) Ненормативное сближение. Рассмотренные ранее механизмы касались нормативных, т.е. принудительно обязательных для субъектов предписаний, исходящих от уполномоченных на принятие такого акта (договора, наднационального акта или судебного решения) органа. В настоящем же случае речь идет об актах, которые в силу определенных обстоятельств лишены обязательной силы (что не позволяет в строгом смысле слова рассматривать их как источники права), но которые так или иначе способствуют гармонизации или унификации национального права

(а потому могут рассматриваться как надлежащие *источники сближения права*).

Иногда их называют «мягким правом» (*soft law*), т.е. таким, которое носит юридически необязательный характер, но вырабатывается заслуживающим доверия и уважения органом, а потому зачастую к нему обращаются как к источнику для вдохновения.[387] Применительно к подобным актам С.В. Бахин использует термин «субправо».[388] Несмотря на существующие споры относительно наименования, природы и видов подобных актов, нельзя отрицать того, что они имеют определенное воздействие на правоотношения и значительный регулятивный потенциал.[389] Чтобы избежать любых противоречий, в дальнейшем сближение права с использованием актов данного вида будет характеризоваться как *меры ненормативного воздействия*. Это позволит рассматривать в его рамках самые различные инициативы: от использования официальными органами власти в своей деятельности менее формальных предписаний (резолюций, рекомендаций), до применения в процессе аппроксимации источников, не исходящих от наделенных властью субъектов (академических проектов, частных кодификаций).

Наибольший интерес для целей сближения представляет такой формат, как *модельный*, или *типовой* акт. Подобные документы принимаются совместно рядом государств или специально образованными органами с целью последующего перенесения их содержания (полностью или частично) в национальное законодательство заинтересованных сторон. Такие акты обладают, как правило, всеми

---

[387] SNYDER, F. Soft Law and Institutional Practice in the European Community. *EUI Working Paper (Law)*, 1993, no. 93/5, p. 1-36; ЕРМАКОВА, Е.П. Унификация правил о порядке рассмотрения гражданских споров в Европейском Союзе и США и ее влияние на эволюцию принципов гражданского судопроизводства в странах Латинской Америки. *Вестник РУДН. Сер. Юридические науки*, 2009, № 5, с. 140.

[388] БАХИН, С.В. *Указ. соч.*, с. 210.

[389] SHAFFER, G.; POLLACK, M. Hard vs. Soft Law: Alternatives, Complements, and Antagonists in International Governance. *Minnesota Law Review*, 2010, Vol. 94, p. 712; ZERILLI, F. Non-binding Coercions: Ethnographic Perspectives on Soft Law. *Focaal—Journal of Global and Historical Anthropology*, 2010, Vol. 56, p. 8-9.

внешними признаками нормативного акта, включая структуру, нормы и связи между ними.[390] Единственное, чего они лишены – общеобязательной силы: они не могут непосредственно применяться судами или иными органами и нуждаются в санкционировании на национальном уровне.[391] В этом смысле они отчасти напоминают международные договоры, которые требуют имплементации. Отличие, однако, проявляется в том факте, что модельный акт призван лишь служить образцом, примером и рекомендацией (а не строго императивным предписанием), а значит, государство может по своему усмотрению использовать его полностью или частично при реформировании собственного законодательства, а может и вовсе проигнорировать.[392] Международный же договор (за исключением отдельных допустимых оговорок) государство должно полностью перенести в свое законодательство в том виде, в котором тот был согласован.

Стоит отметить, что не любой рекомендательный акт является модельным. Последний с неизбежностью предполагает наличие конкретной *модели*, предписанной для адресата. При этом модельные акты могут носить различные наименования: «типовой закон», «принципы и правила [регулирования определенных отношений]», «модельные (рамочные) кодексы», «основы законодательства» и т.д. Конкретное название не является столь значимым, гораздо важнее то, что они отвечают приведенным выше признакам модельного акта и служат одной цели – обеспечению единства (или единообразия) права тех стран, что пожелают использовать их в качестве стандартов.

Отличие рекомендательных актов от модельных состоит в том, что первые могут просто указывать на желательность определенного

---

[390] МЕНГЛИЕВ, Ш.М. *Указ. соч.*, с. 160.

[391] БАХИН, С.В. *Указ. соч.*, с. 163.

[392] ZVEREV, A. Afterword: EBRD Support for CIS Model Laws. *Review of Central and East European Law*, 2011, Vol. 36, p. 501; БОШНО, С.В. Свойства права. *Право и современные государства*, 2014, № 2, с. 47.

поведения, не конкретизируя, какие именно нормы должны для этого применяться.[393]

Модельное законотворчество известно в большинстве стран и регионов мира.[394] Разработкой модельных актов занимаются различные органы и организации как на национальном, так и на международном уровне. Это могут быть органы государственной власти, межгосударственные и межправительственные организации, некоммерческие организации, а также профессиональные объединения, исследовательские центры и коллективы ученых (в исключительных случаях – даже отдельные индивиды).

На первый взгляд использование подобных актов может показаться неэффективным, поскольку не гарантируется их имплементация всеми (и даже каким-либо одним государством).[395] Совершенно обоснованно ставится вопрос о том, каким именно образом и за счет чего происходит распространение стандарта, заложенного в модельном инструменте, между странами, которым он адресован. Государства сами определяют объем учитываемого материала, формы имплементирующих актов и сроки их принятия, при этом нет возможности принудить их к соблюдению каких-либо единых стандартов в этом плане.[396] Кроме того, за отступление от положений модельных актов не следует никакой ответственности.[397]

Значимой проблемой является и интерпретация положений модельных актов, которая затруднена без единого органа, имеющего компетенцию по обеспечению единства правоприменения. Эта проблема характерна и для большинства международных договоров, но в случае с

---

[393] БРИЗКУН, К.А. О видах рекомендательных актов международных организаций и формах их влияния на национальное законодательство. *Журнал российского права*, 2010, № 8, с. 116.

[394] MARQUES, C. Procédure civile internationale et MERCOSUR: pour un dialogue des règles universelles et régionales. *Uniform Law Review*, 2003, Vol. 8(1-2), p. 467.

[395] БРИЗКУН, К.А. *Указ. соч.*, с. 112.

[396] VERNADAKI, Z. EU Civil Procedure and Access to Justice after the Lisbon Treaty: Perspectives for a Coherent Approach, *Doctoral thesis*, London: University College London, 2013, p. 215.

[397] БРИЗКУН, К.А. *Указ. соч.*, с. 115.

модельными актами еще более ощутима в силу того, что после принятия окончательной версии такого акта, его создатели утрачивают контроль за его реализацией.[398] Если нормативный акт опирается на «аппарат принуждения», обеспечивающий безусловное и точное соблюдение его положений, а главное, имеет орган, определяющий, что именно составляет «точное соблюдение», то модельный акт всего этого лишен. Законодательный акт всегда является чем-то большим, чем его текст – он составляет некую систему. Модельный же акт лишен такой системности, он остается «застывшим» в том виде, в котором был принят, невозможно его эволюционное развитие, в том числе внесение в него поправок, уточнений и дополнений. Вместе с тем и государства, однажды приняв положения модельного акта, вовсе не обязаны оставлять свое право неизменным. Они могут всегда отменить или изменить свои законы, не советуясь и не консультируясь при этом с теми органами, которые отвечали за выработку модельного акта.[399] Обеспечение того, чтобы такой акт действительно воспринимался в качестве стандарта, будет иметь место лишь при дальнейшей согласованной деятельности государств, а возможно и при заключении ими дополнительных соглашений.

Преимущества модельных актов состоят в том, что к их разработке нередко привлекаются ведущие специалисты в области права, академические и практические работники, что обеспечивает принятие действительно качественных по содержанию и достаточно авторитетных документов, представляющих собой обобщение наиболее передовой практики.[400] Чем больше участников привлекается к работе над проектом и чем разнообразнее география присутствующих правовых систем, тем больше вероятность того, что выработанный ими стандарт будет

[398] KÖTZ, H. Contract Law in Europe and the United States: Legal Unification in the Civil Law and Common Law. *Tulane European & Civil Law Forum*, 2012, Vol. 27, p. 2.

[399] БАХИН, С.В. *Указ. соч.*, с. 104.

[400] DRAGNEVA, R. The Reality of Models: Reflections on the CIS Model Law on the Limited Liability Company. *Review of Central and East European Law*, 2001, Vol. 27(1), p. 113; ZVEREV, A. *Afterword: EBRD Support for CIS Model Laws*…, p. 501.

учитывать позиции широкого круга лиц, а не являться точкой зрения какого-либо «закрытого клуба». Нередко заимствовать выработанный стандарт могут не только непосредственные адресаты, но и другие субъекты, убедившись в полезности предложенной модели.

Залог успешной реализации модельных актов коренится не в их природе, а в наличии политической воли использовать и применять такие акты, в проработанности их текстов, своевременности принятия, их необходимости для той или иной сферы общественных отношений, экономической, политической и социальной обстановки в государствах-участниках и ряде других условий.[401] Хорошо проработанная модель имеет влияние в силу своей убедительности, а не принудительности.[402]

Модельные законы становятся более подходящим средством для сближения национального права в тех случаях, когда есть сомнения в желании государств иметь дело с более «жесткими» предписаниями, заложенными в международных договорах или актах наднациональных органов, а также там, где ранее предпринятые попытки сблизить право подобным образом потерпели неудачу.[403] Таких случаев достаточно много, учитывая то, что для многих государств все еще остается болезненным вопрос внешнего «вторжения» в их суверенные прерогативы. Модельное законотворчество становится наименее жестким способом принесения во внутреннее право единых и единообразных норм.[404]

Также модельные акты могут быть уместны в тех областях, где не требуется полная унификация правового регулирования.[405] Гибкость содержания позволяет принимать национальные акты на основе единого

---

[401] КАШИРКИНА, А.А.; МОРОЗОВ, А.Н. Правовые аспекты интеграции на постсоветском пространстве в рамках ЕврАзЭС: проблемы и перспективы. *Журнал российского права*, 2010, № 2, с. 95.

[402] WERLAUFF, E. *Op. cit.*, p. 11.

[403] БРИЗКУН, К.А. *Указ. соч.*, с. 112.

[404] ANDERSON, K. Testing the Model Soft Law Approach to International Harmonisation: a Case-Study Examining the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency. *Australian Year Book of International Law*, 2004, Vol. 23, p. 1-4.

[405] ESTRELLA FARIA, J. *Op. cit.*, p. 12.

образца, принимая во внимание национальную специфику.[406] Это особенно актуально, когда необходимо внести изменения в те отрасли, что тесно связаны с национальными традициями и воздействие на которые извне может рассматриваться странами как нежелательное и неприемлемое.[407]

Как мы уже отмечали выше, оба высказанных тезиса справедливы для сферы гражданского правосудия, что делает необходимым как минимум рассмотрение их потенциальной пользы.

Отсутствие обязательности позволяет легче и быстрее договариваться относительно содержания модельных актов.[408] В итоге такие акты имеют возможность оказывать даже большее влияние на национальное право, чем конвенции и наднациональные законы.[409]

Модельный акт может быть куда более обширным по своему содержанию, а также четким и сбалансированным, чем договор или акт наднационального права.[410] Его статус примера (образца) означает, что государство совсем не обязательно будет реализовывать все его положения в своем национальном праве. В связи с этим нет нужды в поиске компромисса: государство само решит, какие из представленных в акте норм являются приемлемыми и оптимальными, а какие не следует переносить в национальное право. Кроме того, при создании текстов модельных актов обычно нет строгих временных ограничений, которые бы подталкивали субъектов модельного правотворчества скорее завершить свою работу, пусть и ценой ее полноты и качества.

Если нормативные акты и договоры затрагивают как правило одну и достаточно небольшую сферу регулирования (в случае с ГПП это главным образом вопросы МЧП/МГП), то модельные законы лишены подобных стеснений и могут всецело посвятить себя той или иной

---

[406] ДЕМИН, А.В. Феномен «мягкого права»: pro et contra. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*, 2014, № 4(41), с. 6-10; КАШИРКИНА, А.А.; МОРОЗОВ, А.Н. *Международные рекомендательные акты в российской правовой системе*…, с. 136-137.

[407] van RHEE, C. *Civil Procedure: A European ius commune*…, p. 598-599.

[408] ESTRELLA FARIA, J. *Op. cit.*, p. 12; SHAFFER, G.; POLLACK, M. *Op. cit.*, p. 719.

[409] БРИЗКУН, К.А. *Указ. соч.*, с. 112.

[410] БАХИН, С.В. *Указ. соч.*, с. 160.

отрасли права «от и до». Их смысл заключается в даче национальным законодателям «совета» по надлежащему регулированию той или иной области, а потому они могут потенциально касаться любого вопроса – в том числе такого, что выходит за рамки полномочий органов, уполномоченных на принятие наднациональных актов. Применительно к сфере гражданского процесса они могут урегулировать правила подсудности, внутреннюю инстанционную систему государства, порядок проведения слушаний, вынесения решения и его обжалования, а также исполнения. Поскольку они не являются нормативно обязательными, со стороны государств будет поступать меньше возражений о вторжении в столь «сакральную» область, каковой является гражданский процесс и «навязывании» им «чужеродных стандартов». Вместе с тем, если нормы действительно будут качественными и современными, государство может пожелать реализовать их в собственном праве, не видя угрозы в добровольном восприятии полезного образца.[411]

В случае несогласия государства-реципиента с теми или иными положениями, оно может вовсе не использовать их, либо заменить на свои собственные. В идеальном же случае страна будет заинтересована в имплементации модельного акта «как есть», поскольку тот представляет собой готовое решение существующей проблемы и облегчает задачу, делая ненужными затраты на разработку собственных актов в этой связи. При этом реализация всего акта целиком будет более обоснованной, чем его отдельных положений, поскольку он имеет определенные внутренние связи между отдельными частями, и они могут быть нарушены при попытке государства «изъять» определенные нормы из его содержания или заменить на свои собственные.

Побочным эффектом имплементации модельного акта каждым из государств-адресатов будет сближение их права. Крайне распространено мнение, согласно которому модельный акт не может служить целям

[411] КАШИРКИНА, А.А.; МОРОЗОВ, А.Н. *Международные рекомендательные акты в российской правовой системе*…, с. 137.

унификации, а в лучшем случае позволяет достичь гармонизации правового регулирования тех или иных отношений.[412] Стоит согласиться с тем, что у государств есть все возможности для отклонения от первоначального текста, в связи с чем в подавляющем большинстве случаев не будет достигаться такого уровня единства как при использовании юридически обязательных текстов.[413] Вместе с тем, потенциально модельный акт направлен именно на установление единых (т.е. *унифицированных*) норм, предполагая, что каждое государство добросовестно воплотит его содержание в своем праве. На практике же одной лишь убедительности модельного акта оказывается недостаточно, чтобы полностью претворить эти замыслы в жизнь, в связи с чем обеспечивается лишь приблизительная похожесть, но не единство. В этой связи важно отметить, что не только сам текст акта, но и осознание государствами его важности и необходимости вкупе с добровольными действиями по имплементации обеспечивают успех модельного нормотворчества.[414]

Как уже отмечалось, модельное законотворчество распространено в различных регионах мира и на международном уровне. В качестве примеров наиболее успешных актов такого типа можно привести Федеральные правила гражданского процесса США или модельные Иберо-американские гражданский процессуальный кодекс и кодекс по рассмотрению коллективных (групповых) исков. Оба эти акта играли важную роль в развитии процессуального права в соответствующих странах.[415] Так, на основе первого из них были проведены национальные реформы, выразившиеся в успешном усвоении странами Латинской Америки ряда общих принципов.[416]

---

[412] BOELE-WOELKI, K. *Unifying and Harmonizing Substantive Law and the Role of Conflict of Laws*. Leiden: Brill, 2010, p. 32-36; БАХИН, С.В. *Указ. соч.*, с. 160.

[413] BAYRAKTAROĞLU, G. *Op. cit.*, p. 156.

[414] *См.* ДОРОНИНА, Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции. *Журнал российского права*, 1998, № 6, с. 54.

[415] ЕРМАКОВА, Е.П. *Указ. соч.*, с. 140.

[416] КОМАРОВ, В. Гражданский процесс в глобальном контексте. *Право Украины*, 2011, № 9-10, с. 294-295.

Модельными по своему характеру являются также принципы и правила трансграничного гражданского процесса, выработанные совместным трудом двух организаций – Американским институтом права (*American Law Institute, ALI*) и Международным институтом унификации частного права – УНИДРУА (*Institut international pour l'unification du droit privé, UNIDROIT*).[417]

Работа над данными актами началась в 1997 г. группой исследователей под руководством профессоров Дж. Хазарда (США) и М. Таруффо (Италия).[418] Первый из названных документов, Принципы трансграничного гражданского процесса (далее – Принципы ALI/UNIDROIT) был принят в 2004 г. и опубликован в 2006 г.[419] Второй же акт (Правила) рассматривался как пример включения Принципов в национальное законодательство и получил меньшую известность.[420]

Для чего двум авторитетным организациям понадобилась разработка подобного документа? По заявлениям авторов проекта, ими двигало стремление уменьшить противоречия, которые характерны для национальных правопорядков, а также выработать свод положений, которые бы учитывали специфику именно трансграничных споров. Создатели отметили, что существуют большие различия между подходами стран общего и частного права к правосудию вообще и к трансграничному судопроизводству в частности, в связи с чем решили предложить свой способ сведения воедино наиболее передовых и перспективных норм обеих систем, чтобы в итоге получить документ, который был бы в равной степени понятен и близок и континентальному, и англо-американскому юристу.[421] Иными словами, была поставлена немыслимая до того момента задача по поиску компромисса между

[417] GIDI, A. Notes on Criticizing the Proposed ALI/UNIDROIT Principles and Rules of Transnational Civil Procedure. *Uniform Law Review*, 2001, Vol. 4, p. 826.

[418] GOLDSTEIN, S. Proposed ALI/UNIDROIT Principles and Rules of Transnational Civil Procedure: the Utility of Such a Harmonization Project. *Uniform Law Review*, 2001, Vol. 6(4), p. 789.

[419] MARCUS, R. *Procedural Postcard from America*…, p. 10.

[420] *Принципы трансграничного гражданского процесса*…, с. XVII-XVIII.

[421] SEIDMAN, G. *The New Comparative Civil Procedure…,* p. 36.

подходами общего и частного права.[422] Авторы хотели добиться повышения доступности правосудия путем совершенствования судопроизводства в странах, независимо от того, к какой правовой системе они относятся.

Авторы проекта хотели создать универсальный инструмент, свод правил, который подходил бы как для целей унификации (в случае непосредственного применения этого акта для регулирования судебного разбирательства в определенной стране), так и гармонизации (в случае реализации государствами его положений в национальном праве). В связи с этим можно говорить о том, что акт не носил исключительно модельного характера, но претендовал на нечто большее. Таким образом, это была, по сути, первая попытка на общемировом уровне создать столь глубокий по содержанию (и по вариантам применения) акт.

Создателям проекта их труд не казался непосильным, поскольку они полагали, что сближение правил судопроизводства в мировом масштабе уже происходит объективно (и могло быть дополнительно ускорено за счет подобных инициатив).[423]

Для достижения цели они решили прежде всего использовать нейтральную терминологию, структуру построения документа и концепции, понятные в равной степени процессуалистам с любых континентов. Сами нормы, которые они включили в содержание Принципов ALI/UNIDROIT являются (за некоторыми исключениями) универсальными для всех правовых систем.[424]

Существенно помочь в достижении поставленной цели должно было и то, что участвовавшая в подготовке «Принципов» Рабочая группа включала представителей из стран, представляющих различные правовые

[422] FERRAND, F. The ALI/UNIDROIT Civil Procedure Principles for Transnational Disputes in Commercial Matters. *International Business Law Journal*, 2006, Vol. 1, p. 22.

[423] MARCUS, R. *Op. cit.*, p. 10.

[424] *Принципы трансграничного гражданского процесса…*, с. XVII.

культуры и подходы к решению правовых проблем, в связи с чем документ несомненно имел значительный вес и авторитет.[425]

Всего «Принципы» насчитывают 31 статью. Кроме того, каждая из них в полном варианте документа снабжена необходимыми комментариями. Нельзя сказать, чтобы само название «Принципы» достаточно корректно отражало содержание документа. В сущности, речь идет не о принципах (под которыми обычно понимаются некие руководящие и направляющие идеи), а скорее об общих началах, основных правилах регулирования гражданского процесса как особого вида деятельности. Данные положения намного более конкретны, чем то, что мы обычно привыкли называть «принципами», и являются нормами, относящимися к соответствующим институтам классического гражданского процесса – стадиям, доказательствам, решению суда и т.д.[426]

Несомненным достижением является то, что Принципы регулируют «субстантивную» часть гражданского процесса (обращение в суд, извещения, права и обязанности сторон и суда, обеспечительные меры, процессуальные санкции, работу с доказательствами, вынесение решение и его обжалование), а не ограничиваются лишь коллизионными нормами, как это делают рассмотренные выше международные договоры и акты наднационального права.[427]

Некоторыми исследователями данный документ условно обозначается как *«модельный кодекс гражданского судопроизводства»*.[428] С этим, однако, нельзя в полной мере согласиться, поскольку многие положения Принципов не содержат собственного подхода, вместо этого отсылая нас к применимому праву страны суда.[429] Так делает, например, Принцип 27 для определения условий, на которых

[425] MIKĖLENAS, V. The Proposed ALI/UNIDROIT Principles and Rules of Transnational Civil Procedure and the New Code of Civil Procedure in Lithuania. *Uniform Law Review*, 2001, Vol. 6(4), p. 982.

[426] ЕРМАКОВА, Е.П. *Указ. соч.*, с. 142; *см. также*: БАХИН, С.В. *Указ. соч.*, с. 214-215.

[427] *Принципы трансграничного гражданского процесса*…, с. XXXVI.

[428] GOLDSTEIN, S. *Op. cit.*, p. 795.

[429] FERRAND, F. *Op. cit.*, p. 28-29.

возможно принесение апелляционной жалобы.[430] Принцип 5 (надлежащее извещение) содержит крайне абстрактные характеристики такого извещения (*произведенное способами, которые разумно можно считать эффективными*). Принцип 7 говорит о «разумном сроке» отправления правосудия, но не устанавливает даже ориентиров, позволяющих его определить. Наконец, Принцип 8 говорит о временных обеспечительных мерах, но не конкретизирует их.

Некоторые положения (*amicus curiae*, раскрытие доказательств) не являются типичными для всех правовых систем, а потому не могут применяться частью государств без дополнительных пояснений, источником которых должен быть дополнительный по отношению к «Принципам» акт.

Это значит, что Принципы не регулируют весь гражданский процесс «от и до», а представляют собой достаточно схематичный документ. Они, несомненно, являются чем-то большим, чем просто *принципы*, но не заслуживают в полной мере статуса «кодифицированного акта».

В преамбуле документа отмечается, что Принципы подлежат применению при разрешении трансграничных споров, но также могут использоваться и при рассмотрении любых других дел. Кроме этого, они могут выступать в качестве образца для национального законодателя.[431] С нашей точки зрения последний из вариантов использования является наиболее вероятным.

Едва ли какое-то государство будет целенаправленно использовать «Принципы» в качестве источника непосредственного регулирования судебной деятельности (заменив ими существующие нормы либо дополнив их) или даже допустит санкционирование такого применения в силу отсылочной нормы. Здесь фактически идет речь о

[430] *See:* HAZARD, G. Some Preliminary Observations on the Proposed ELI/UNIDROIT Civil Procedure Project in the Light of the Experience of the ALI/UNIDROIT Project. *Uniform Law Review*, 2014, Vol. 19, p. 178.

[431] *Проблемы унификации международного частного права*. Под ред. А.Л. Маковского, И.О. Хлестовой. Москва: Юриспруденция, 2012.

«контрактуализации» процесса, т.е. о предоставлении сторонам права выбирать самим применимое процессуальное право. Если подобное допустимо в случае с арбитражем, то для суда, который является органом государственной власти, недопустимо руководствоваться подобными нормами, если они не были должным образом имплементированы. До недавнего времени суды всегда руководствовались при вынесении решений лишь правилом *lex fori*, и нет внятных причин, по которым они добровольно подчинились бы пусть и авторитетной, но не имеющей юридической силы системе. Более того, это едва ли будет способствовать и правовой определенности, поскольку наряду с Принципами ALI/UNIDROIT в будущем могут появиться схожие проекты от других институтов, что в итоге приведет к их конкуренции и неразберихе в правовом регулировании. Также стоит отметить, что идея замены множества разрозненных систем рассмотрения споров одной единой (методически выверенной и качественно апробированной) является заманчивой, но утопичной, учитывая текущий уровень развития права.

Действительно, Принципы могут использоваться как ориентиры при реформировании национальных правил гражданского судопроизводства.[432] Именно в таком контексте их название становится более уместным, поскольку государства, несомненно, будут воплощать именно руководящие идеи, а не конкретные нормы данного акта.

Говоря об ограничениях Принципов, стоит отметить, что они предназначены главным образом для споров, являющихся (a) коммерческими и (b) трансграничными.[433] Не совсем практично, с нашей точки зрения, использовать два набора процессуальных правил (одни – для коммерческих споров, а другие – для всех остальных (общегражданских)). Кроме того, и «трансграничный» элемент в деле заслуживает отдельных норм, описывающих специфику споров с ним, но

[432] GOLDSTEIN, S. *Op. cit.*, p. 796; САЕНКО, А.В. *Принципы международного гражданского процесса*: автореферат дисс. кандидата юридических наук. Москва: РУДН, 2013, с. 24; ФИЛАТОВА, М.А. Принципы трансграничного гражданского процесса ALI/UNIDROIT: путь к гармонизации. *Ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2006, № 5, с. 386.

[433] *Принципы трансграничного гражданского процесса*…, с. XVI.

не полностью отдельного регулирования. Иное означало бы дискриминацию тяжущихся лиц.[434]

Хотя авторами и указывается на возможность распространения положений Принципов по аналогии на любые другие типы споров, рассматриваемых национальными судами (в т.ч. простые гражданские дела, не имеющие иностранного элемента),[435] сложно уйти от самой природы данных норм, которые явно создавались с прицелом на определенный тип правоотношений. Сама структура проекта и содержание норм разработаны соответствующим образом.[436]

На практике многие страны действительно восприняли идеи Принципов и реформировали свои законы. Но главным образом мы можем найти ссылки на Принципы и Правила не в нормативных актах, принятых на национальном уровне, а в научных трудах (особенно в сфере сравнительного правоведения), где отсылка к работе ALI/UNIDROIT уже давно стала признаком хорошего тона, осведомленности и компетентности автора.[437]

В связи с вышеизложенным представляется, что сами по себе Принципы являются качественным документом и глубоким обобщением традиций двух главнейших правовых семей, но для практического влияния ими был выбран слишком глобальный уровень.

Многие проекты в области модельного нормотворчества реализуются на региональном уровне. Так, уже в 1988 г. возник проект М. Сторма, направленный на гармонизацию ключевых положений национального гражданского процесса, имеющих значение для формируемого Европейскими Сообществами внутреннего рынка.[438] Несмотря на то, что удалось собрать комиссию и даже представить в 1994 г. определенные выводы, они не породили за собой никаких

---

[434] GOLDSTEIN, S. *Op. cit.*, p. 795; *Принципы трансграничного гражданского процесса*…, с. XXXVII.

[435] FERRAND, F. *Op. cit.*, p. 23.

[436] KRONKE, H. *Op. cit.*, p. 742.

[437] *См.: Принципы трансграничного гражданского процесса*…, с. XXI.

[438] STORME, M. *Approximation of Judiciary Law in the European Union*. Dodrecht: Kluwer, 1994, p. 60.

практических шагов ни со стороны национальных парламентов, ни общеевропейского законодателя. Впрочем, позднее многие из положений доклада Сторма были учтены институтами ЕС и использованы при разработке актов нового поколения (так, например, произошло при создании акта о Европейском приказном производстве в 2002 г.[439]). В странах Латинской Америки большую известность получил уже упомянутый Иберо-американский кодекс, положения которого использовали для реформ национального права Уругвай и другие страны региона.[440]

Необходимость именно регионального подхода к модельным актам обусловила и дальнейшую инициативу по трансформации Принципов ALI/UNIDROIT для использования в европейском правовом поле. Инициативу по выработке новых «Европейских правил гражданского процесса» взял на себя образованный в 2013 г. Европейский институт права (*European Law Institute, ELI*), который объединился с уже упоминавшимся УНИДРУА и начал работу над проектом.[441] Два учреждения будут стремиться адаптировать существующий текст с учетом региональной правовой культуры. Важность данного начинания подчеркивает участие в нем широкого круга ученых из стран ЕС и извне, а также в частичном финансировании его институтами Европейского Союза. Речь идет не о сугубо академической затее, направленной на решение теоретических задач, а о реально существующей потребности стран одного региона получить четкие и единые основы, в соответствии с которыми они будут осуществлять деятельность в рамках все более усиливающейся интеграции.[442]

---

[439] STORME, M. Improving Access to Justice in Europe. *Teka Komisji Prawniczej*, 2010, Vol. 3, p. 210.

[440] ЕРМАКОВА, Е.П. *Указ. соч.*, с. 145-146.

[441] IZAROVA, I.A. The European Regional Rules of Civil Procedure and Deepening Economic Relations between Ukraine and the European Union. *European Journal of Law and Political Sciences*, 2015, Vol. 2, p. 14.

[442] KRAMER, X. Towards ELI-UNIDROIT Model Rules of Civil Procedure: Basic Premises and Challenges. *Bay Area Civil Procedure Forum*, Hastings (San Francisco), 19 April 2016, p. 1.

(5) Вспомогательные механизмы. Подсобным средством сближения права будут являться регулярные научные и студенческие обмены, конференции, семинары и круглые столы. На подобных мероприятиях происходит обмен идеями, ознакомление со способами решения тех или иных проблем в разных странах и регионах мира, а также выработка неформальных моделей построения тех или иных институтов отрасли (в нашем случае – гражданского процесса).[443]

Важным представляется понять, что преодолеть культурные, традиционные различия невозможно исключительно правовыми средствами. Большое значение имеет то, что известный процессуалист Л. Кадье называет «культурной адаптацией» или «взаимной аккультурацией».[444] Неформальным обменам мнениями не мешают предрассудки, основанные на национальном суверенитете и необходимости следовать тем или иным политическим курсом.

Благодаря международному характеру упомянутых встреч информация распространяется в более широком масштабе и нередко доходит до органов, ответственных за принятие решений. Немалое значение имеет и публикация для всеобщего сведения результатов таких встреч, обеспечение беспрепятственного доступа для всех заинтересованных лиц через библиотеки, информационные центры и сеть «Интернет». Не случайно ЕС придает большое значение проведению «информационных кампаний» и распространению «правовых памяток» для граждан: подобные инициативы оказывают заметное влияние на правосознание и понимание процессов, происходящих в правовой сфере.[445]

---

[443] ФИЛАТОВА, М.А. О заимствованиях процессуальных институтов в современном российском праве (на примере процессуальных санкций). *Законы России: опыт, анализ, практика*, 2015, № 12, с. 71-81.

[444] CADIET, L. Sources and Destiny of French Civil Procedure in a Globalized World In: *The Dynamism of Civil Procedure – Global Trends and Developments*. Eds.: C. Picker, G. Seidman. Dordrecht: Springer, 2016, p. 71, 76.

[445] *Presidency Conclusions, Tampere European Council*, 15-16 October 1999 [interactive. Accessed on 24.12.2016]. Access via Internet: <http://www.refworld.org/docid/3ef2d2264.html>, para. 29.

Разумеется, подобная деятельность не является гармонизацией (и тем более – унификацией) сама по себе, но вполне может пониматься как вспомогательное условие для нее и как фактор, существенно облегчающий и ускоряющий процессы сближения.

II. ТЕНДЕНЦИИ СБЛИЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В РАМКАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: «ЕВРОПЕЙСКИЙ ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС»

В предыдущем разделе отмечалось, что постепенно инициативы по сближению внутреннего права отдельных государств переходят к формируемым этими государствами международным объединениям.[446] Все большее распространение получают организации «интеграционного», а не «кооперационного» типа, в задачу которых входит построение общих экономических, а вместе с ними и правовых пространств.[447] Подобные объединения сформировались практически во всех уголках мира и действуют на региональной основе.[448]

Значительное число исследований подобной интеграции посвящено такому объединению как Европейский Союз (ЕС),[449] деятельность которого нередко рассматривается как попытка формирования общеевропейской идентичности, хотя он и не является универсальным для всей Европы актором.[450] Выбор исследователями именно ЕС и осуществляемых в его рамках проектов сближения в качестве объектов для изучения и сравнения с аналогичными процессами в собственных государствах и региональных объединениях является

---

[446] KU, J. The Delegation of Federal Power to International Organizations: New Problems with Old Solutions. *Minnesota Law Review*, 2000-2001, Vol. 85, p. 79.

[447] KLABBERS, J. *An Introduction to International Institutional Law*. Cambridge: CUP, 2002, p. 18.

[448] JUNNE, G. International Organizations in a Period of Globalization: New (Problems of) Legitimacy. In: *Legitimacy of International Organizations*. Eds.: J-M. Coicaud, V. Heiskanen. New York: United Nations University Press, 2001, p. 214.

[449] GILLES, P. Civil Justice Systems and Civil Procedures in a Changing World: Main Problems, Fundamental Reforms and Perspectives – A European View. *Russian Law Journal*, 2014, Vol. 2(1), p. 52; ЯРКОВ, В.В. Развитие цивилистического процесса в России: отдельные вопросы. *Вестник гражданского процесса*, 2011, № 1, с. 17-18.

[450] КОНЕВ, Д.В. Вынесение решения по гражданским и торговым делам как предпосылка для признания и приведения в исполнение судебных решений: анализ практики суда Европейских сообществ. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2008, № 2, с. 36; ГУРЕЕВ, В.А. Признание и принудительное исполнение иностранных судебных решений: российское законодательство и европейский опыт. *Современное право*, 2010, № 4, с. 132; САХНОВА, Т.В. *Actio-litis contestatio-res iudicata-jus*: современный контекст. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2011, № 4, с. 41-46.

абсолютно оправданным, в том числе и применительно к такой отрасли, как гражданский процесс.[451]

Во-первых, рассматриваемое объединение обладает наибольшим опытом, поскольку интеграционные процессы здесь начались более полувека назад. В других же регионах подобные проекты стали реализовываться относительно недавно, причем в большинстве случаев происходило заимствование опыта ЕС. В этой связи изучать предпочтительнее оригинал, а не его копии.[452]

Во-вторых, именно в недрах ЕС были разработаны актуальные для сближения и интеграции доктрины, такие как прямое действие норм правопорядка ЕС,[453] возможность их принудительной реализации частными лицами против государства,[454] приоритет (верховенство) в своей сфере действия и т.д.[455] Здесь впервые было установлено, что принимаемые нормы формируют часть правовой системы интеграционного объединения (а не государств-участников),[456] а их единообразное толкование обеспечивает единый орган в лице *Суда ЕС*.

В-третьих, опыт ЕС является уникальным, нетипичным для простой международной организации, поскольку до него ни одно политико-экономическое объединение не проводило столь масштабных

---

[451] GOLDMANN, K. *Transforming the European Nation-State: Dynamics of Internationalization*. London: SAGE Publications, 2001, p. 3.

[452] *Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование*. Отв. ред. С.Ю. Кашкин, Москва: Проспект, 2015, с. 31.

[453] *See*: Judgment of the European Court of Justice of 5 February 1963, case no. 26/62 *NV Algemene Transporten Expeditie Onderneming van Gend & Loos v. Netherlands Inland Revenue Administration* (Reference for a preliminary ruling: Tariefcommissie - Pays-Bas). *European Court Reports*, 1963, p. 1; Judgment of the European Court of Justice of 19 November 1991, cases nos. 6/90, 9/90 *A. Francovich et al. v. Italian Republic* (References for a preliminary ruling: Pretura di Vicenza and Pretura di Bassano del Grappa, Italy). *European Court Reports*, 1991, Vol. I, p. 5357; GOLDMANN, K. *Op. cit.*, p. 85; KU, J. *Op. cit.*, p. 87; POLAKIEWICZ, J. The Implementation of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the Field of Private Law. *Tel Aviv University Studies in Law*, 1994, Vol. 12, p. 183.

[454] TANGNEY, P. The New Internationalism: The Cession of Sovereign Competences to Supranational Organizations and Constitutional Change in the United States and Germany. *Yale Journal of International Law*, 1996, Vol. 21, p. 399.

[455] Judgment of the European Court of Justice of 15 July 1964, case no. 6/64 *Flaminio Costa v. E.N.E.L.* (Reference for a preliminary ruling: Giudice conciliatore di Milano, Italy). *European Court Reports*, 1964, p. 1141.

[456] Judgment of the European Court of Justice of 19 November 1991, cases nos. 6/90, 9/90 *A. Francovich et al. v. Italian Republic* (References for a preliminary ruling: Pretura di Vicenza and Pretura di Bassano del Grappa, Italy). *European Court Reports*, 1991, Vol. I, p. 5357.

проектов по воздействию на национальное право.[457] В то время как другие организации фокусировались преимущественно на экономической интеграции, сфера интересов ЕС затрагивала широкий круг норм внутригосударственного права, включая налоговое, таможенное, коммерческое, корпоративное и даже процессуальное право.[458] Право ЕС настолько глубоко внедрялось в вопросы, традиционно считавшиеся сугубо национальными, что с точки зрения некоторых авторов даже влекло за собой эрозию национального суверенитета.

В-четвертых, входящие в Союз 28 стран имеют различные правовые системы (и даже относятся к разным правовым семьям), находятся на разном уровне экономического развития, имеют несходные доктрины права, а потому сближение в рамках столь большого и неоднородного объединения является в особенности сложным и противоречивым процессом. Тем не менее, оно активно продолжается и принимает со временем более глубокие и продуманные формы.[459]

Именно уникальность ЕС потребовала введения в научный оборот таких терминов как «наднациональная организация»,[460] «наднациональное право» и «европеизация», к которым мы уже обращались в первой части. Здесь лишь напомним, что под *европеизацией*

---

[457] JOERGES, C. Europeanization as Process: Thoughts on the Europeanization of Private Law. *Duke University School of Law Center for International & Comparative Law Occasional Papers*, 2009, Vol. 1, p. 36; CHALMERS, D.; TOMKINS A. *European Union Public Law*. Cambridge: CUP, 2007, p. 3; POLLACK, M. Theorizing the European Union: International Organization, Domestic Polity, or Experiment in New Governance? *Annual Review of Political Science*, 2005, Vol. 8, p. 358; МИНДУБАЕВ, Р.Р. Проблема имплементации международных договоров в ЕС. *Актуальные проблемы экономики и права*, 2011, № 3(19), с. 276; СУЛТАНОВ, И.Р. Роль международных интеграционных объединений в сближении международного и национального права. *Вестник Южно-Уральского государственного университета*, 2009, № 40(173), с. 101.

[458] GILLES, P. *Op. cit.*, p. 52; МАКОВСКАЯ, А.А. Унификация международного частного права в рамках Европейского сообщества: автореферат диссертации кандидата юридических наук. Москва: Институт государства и права РАН, 1992, с. 2; ГРИГОРЯН, С.А., ГРИГОРЯН, А.С. Европейский опыт экономической интеграции и возможность его применения в рамках ЕврАзЭС. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 2011, № 8(14), с. 10-11.

[459] КЛОЧКОВА, Ю.А. Проблемы правового статуса Европейского Союза: между федерацией и международной организацией. *Известия Южного федерального университета. Технические науки*, 2005, № 6(50), с. 207.

[460] BRABANDERE, E. The Impact of ‘Supranationalism’ on State Sovereignty from the Perspective of the Legitimacy of International Organisations. In: *Statehood and Self-Determination: Reconciling Tradition and Modernity in International Law*. Ed.: D. French. Cambridge: CUP, 2013, p. 469.

понимается создание общеобязательных и рекомендательных нормативных стандартов и их последующая имплементация в праве таких государств (иными словами – сближение права). Процессы европеизации с неизбежностью затрагивают и область гражданского процесса – они являются необходимым шагом в процессе построения надлежащим образом функционирующей правовой системы в рамках ЕС.[461] Значительное количество актов вторичного права (Регламентов и Директив) посвящено вопросам судебного сотрудничества, трансграничному судебному взысканию долгов и исполнению по бесспорным требованиям, предоставлению правовой помощи, медиации, альтернативному разрешению споров с участием потребителей и т.д. Можно констатировать, что по числу направлений регулирования данной отрасли ЕС также выделяется среди прочих объединений. По сути дела, подлинное сближение процессуального права (в значении формирования общеобязательных для государств-участников стандартов) началось именно здесь, тогда как другие сообщества и организации не выходили за рамки простого судебного сотрудничества, не требующего существенных изменений в национальном праве.

Из всего этого следует, что наработки ЕС в области сближения гражданского процессуального права могут (и должны) изучаться как представителями региона, так и учеными из третьих стран, в которых возникают схожие проблемы и которые вполне могли бы использовать (с необходимыми адаптациями) европейские решения.[462]

В связи с этим данная глава полностью посвящается анализу прошлого, настоящего и будущего представлений о сближении гражданского процессуального права в ЕС и обращается последовательно к его истории (§ 1), текущему положению и сущности так называемого

[461] TULIBACKA. M. Europeanization of Civil Procedures: in Search of a Coherent Approach. *Common Market Law Review*, 2009, Vol. 46, p. 1527.

[462] BAAMONDE, X.; GARCÍA, N. La armonización del derecho procesal civil en Europa. *Justicia. Revista de derecho procesal*, 2010, No. 3-4, p. 146; КЛОЧКОВА, Ю.А. *Указ. соч.*, с. 207.

«европейского гражданского процесса» (§ 2) и, наконец, перспективам дальнейшего развития этой области права (§ 3).

1. Европейский подход к сближению гражданского процессуального права в исторической перспективе

Для того, чтобы нагляднее понять особенности гражданско-процессуальных норм, предлагаемых институтами ЕС, и причины столь глубокого их развития, а также для того, чтобы оценить их позитивные и негативные стороны, представляется необходимым посмотреть на развитие правовой политики в области сближения ГПП в ЕС в исторической перспективе.

Процесс формирования и развития норм ГПП в рамках ЕС достаточно хорошо освещен в научной литературе. В разное время к нему обращались такие авторы как Г. Байрактароглу, З. Вернадаки, П. Готтвальд, А. Фиорини, И.А. Изарова, Кс. Крамер, Т. Крюгер, К.Х. ван Рее, М. Салма, Э. Сильвестри, Е. Сторскрубб, С.А. Михайлова и другие.[463] Однако зачастую авторы акцентировали внимание на изучении политико-правовых аспектов планомерного развития компетенции Евросоюза в рассматриваемом вопросе, а не на изменениях в самом процессуальном праве. Далеко не все авторы поднимали и проблематику сближения права. По этой причине нам представляется необходимым сформировать собственный подход к развитию процесса сближения ГПП в ЕС, показав, с чего он начался, и как достиг того, что мы можем наблюдать в настоящее время.

В науке верно отмечается, что происходящие в регионе процессы были постепенными и осторожными. Вместе с тем, формирование процессуального права было не хаотичным, а подчиненным определенной логике. В разные периоды времени эта область меняла свои

[463] *See e.g.*: KRAMER, X. Harmonisation of Civil Procedure and the Interaction with Private International Law. In: *Civil Litigation in a Globalising World*. Eds.: X.E. Kramer, C.H. van Rhee. The Hague: Asser Press, 2012, p. 121-139.

качественные характеристики, в связи с чем каждый из авторов предлагал собственную периодизацию развития ГПП в ЕС, выделяя от двух до четырех этапов.

Так, согласно А. Фиорини, всю историю можно представить в качестве последовательной смены двух фаз: *международного* и *коммунитарного* сотрудничества по гражданским делам.[464] Главное отличие между ними автор видит в порядке принятия новых процессуальных норм, т.е. в используемом механизме сближения.

Другие исследователи связывали каждый очередной этап с принятием соответствующего Договора о реформе ЕС. Вместе с тем, далеко не все акты приносили изменения в процессуальную отрасль, в связи с чем периодизация строилась лишь на выделении следующих договоров: Римского (1957), Маастрихтского (1992), Амстердамского (1997)[465] и Лиссабонского (2007).

П.А. Калиниченко и С.А. Михайлова называли три фазы развития ГПП в ЕС: (1) международно-правовую (1968-2000 гг.); (2) коммунитарную (2001-2009 гг.) и (3) современную (2009-).[466] Как и для А. Фиорини, для данных авторов ведущую роль играет «правовой инструментарий», т.е. те источники, что лежат в основе преобразований. Отмечается, что каждый из этапов характеризовался оригинальностью закрепления компетенции ЕС и специфическим набором правовых актов для ее реализации. На наш взгляд, авторами совершенно правомерно подчеркивается важность данных признаков: действительно, на первом из выделенных ими этапов использовались исключительно международно-

[464] FIORINI, A. The Evolution of European Private International Law. *International and Comparative Law Quarterly*, 2008, Vol. 57(4), p. 970-977.

[465] BAYRAKTAROĞLU, G. Harmonization of Private International Law at Different Levels: Communitarization v. International Harmonization. *European Journal of Law Reform*, 2003, Vol. 5, p. 127-172.

[466] КАЛИНИЧЕНКО, П.А.; МИХАЙЛОВА, С.А. Эволюция норм и стандартов ЕС в сфере признания и исполнения решений по гражданским делам, *Актуальные проблемы российского права*, 2014, № 1, с. 125-136; *см. также:* МИХАЙЛОВА, С.А. *Правовое регулирование сотрудничества судебных органов по гражданским, торговым и семейным делам в рамках Европейского Союза*: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва: Московская государственная юридическая академия, 2012, с. 15.

правовые инструменты гармонизации и унификации (*Брюссельская Конвенция* 1968 г., *Луганская Конвенция* 1988 г. и т.д.), тогда как на втором им на смену пришли акты наднационального типа (Регламенты и Директивы). Вместе с тем, разница между вторым и третьим периодами была уже не столь ощутима: в 2009 г. не произошло никакого изменения в источниках сближения ГПП (ими по-прежнему остались наднациональные акты Союза), а равно в определении компетенции ЕС учредительными договорами (новая ст. 81 Договора о функционировании ЕС в значительной степени повторяла прежнюю ст. 65 Договора о Европейском Сообществе и не расширяла существенным образом полномочий данного объединения).[467]

По этой причине нам не представлялось возможным делать основной акцент на механизмах сближения и на их ключевых источниках (т.е. последовательно обращаться к каждому из их видов, выделенных в предыдущем разделе), поскольку это не дало бы полного понимания происходящих в европейском регионе процессов. Отдельные источники и механизмы сосуществуют в один и тот же временной период, а смена периодов предопределяется переосмыслением целей и задач, а не только используемых для их достижения инструментов (договоров, наднациональных актов, судебных прецедентов или юридически необязательных актов).

В этой связи следует признать, что приведенные выше периодизации, в целом верно определяющие «переломные моменты» истории процессуального права в ЕС, уделяют внимание преимущественно внешним сторонам происходящих в ЕС процессов, а не тем глубинным идеям, что обосновывают смену одной стадии на другую. Для цели же настоящего исследования представляется важным выделить те или иные периоды в зависимости от доминировавших в разное время подходов к необходимости унификации/гармонизации определенных

[467] FIORINI, A. *Op. cit.*, p. 976-977; TULIBACKA, M. *Europeanization of Civil Procedures*…, p. 1562.

сфер гражданского процесса, а также к соотношению объема и характера национального и наднационального (европейского) регулирования. В этой связи мы развиваем и частично переосмысливаем ранее упомянутые авторские периодизации, полагая целесообразным выделить три самостоятельные периода в развитии процессуального права в ЕС: (1) период неупорядоченного (бессистемного) сотрудничества (1957-1999 гг.); (2) период коммунитаризации (1999-2009 гг.); (3) период консолидации и конституционализации (2007 г. -). Каждый из них может быть разделен на относительно автономные этапы, поскольку сближение права никогда не было однородным и линейным процессом и всегда сталкивалось не только с правовыми, но и с политическими проблемами. Попробуем дать характеристику ключевых особенностей каждого из выделенных нами периодов.

1.1. Период неупорядоченного сотрудничества (1957-1999 гг.)

Первый этап. Большинство авторов признает, что отправной точкой в истории сближения ГПП в ЕС должен служить 1957 г., когда был принят договор, учредивший Европейское Экономическое Сообщество (ЕЭС), известный также как «Римский договор».[468] Разумеется, названный акт преимущественно был посвящен хозяйственным и административным аспектам взаимодействия стран-участниц в ходе построения единого рынка.[469] К задачам вновь образованного Сообщества относилось установление режима свободного передвижения и устранение барьеров для торговли между странами-участницами, в связи с чем было принято немало гармонизирующих и

[468] NEKROŠIUS, V. Europos Sąjungos sumariniai procesai - ar esame kelyje į bendrą Europos Sąjungos civilinį procesą? In: *Teisė besikeičiančioje Europoje. Liber Amicorum Pranas Kūris*. Vilnius: Mykolo Romerio universitetas, 2008, p. 787; МИХАЙЛОВА, С.А. *Указ. соч.*, с. 2.

[469] BAYRAKTAROĞLU, G. *Op. cit.*, p. 133; ГРИГОРЯН, С.А.; ГРИГОРЯН А.С. *Указ. соч.*, с. 11; ФОЛКЕР, Б. Унифицированное и гармонизированное европейское право и его влияние на третьи государства, *Балтийский регион*, 2011, № 3, с. 13.

унифицирующих стандартов, но большая их часть касалась материального, а не процессуального права.[470]

Уже в те годы страны-участницы ЕЭС не могли не признать, что различия в культуре правотворчества и правоприменения между ними были достаточно значительными.[471] В процессуальной сфере это проявлялось наиболее наглядно, поскольку в каждой стране существовали собственные давние традиции и обычаи.[472] Длительное время процессуальное право вообще не рассматривалось как потенциальный объект для сближения, поскольку и надобность в нем отсутствовала. Для стран-участниц ЕС было в целом немыслимо, что какие-либо вопросы судоустройства и судопроизводства будут решаться не непосредственно ими, а совместно и с участием институтов и органов ЕС.[473] Каждая из процессуальных систем стран Европы была независимой и автономной, самостоятельно определяющей как свою внутреннюю компетенцию, так и порядок взаимодействия с другими государствами по вопросам гражданского процесса.[474]

Однако основа для будущего процессуального сближения была заложена именно в конце 1950-х годов, поскольку формировавшийся в те годы единый рынок должен был иметь и сходные стандарты правовой защиты. Обеспечивать же ее надлежало национальным судебным органам в соответствии с собственным процессуальным правом. Еще не пришло осознание того, что потребуется гармонизация и унификация этого права для нормального функционирования механизмов единого рынка.

---

[470] BAYRAKTAROĞLU, G. *Op. cit.*, p. 133; POLACH, J. Harmonization of Laws in Western Europe, *American Journal of Comparative Law*, 1959, Vol. 8(2), p. 164; SCHWARTZE, A. Enforcement of Private Law: the Missing Link in the Process of European Harmonization. European Review of Private Law, 2000, Vol. 1, p. 135.

[471] МАЛЕШИН, Д.Я. Методологические аспекты реформы гражданского судопроизводства в России. *Реформа гражданского процесса в суде первой инстанции в государствах Балтийского моря и Центральной Европы*, 16-19 сентября 2004 г., Вильнюс, 2005, с. 206.

[472] HODGES, C. Europeanization of Civil Justice: Trends and Issues. *Civil Justice Quarterly*, 2007, Vol. 1, p. 109.

[473] ЛИТВИНСКИЙ, Д.В. Новый «формат» Брюссельских правил, регулирующих признание и исполнение судебных решений между государствами ЕС. *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2004, № 3, с. 343.

[474] TULIBACKA, M. *Europeanization of Civil Procedures*…, p. 1529.

Фактически, страны были лишь заинтересованы в углублении сотрудничества между собой (и готовы были в этой связи принять на себя отдельные обязательства, не слишком ограничивающие их суверенитет.

Правовой базой сотрудничества (и единственной нормой с процессуальным содержанием) стала ст. 220 Римского договора, в которой помимо прочего говорилось о том, что страны ЕЭС могут вступать в переговоры друг с другом для облегчения жизни своих граждан посредством упрощения формальностей, регулирующих взаимное признание судебных и арбитражных решений.[475]

Данная формулировка статьи означала следующее: (1) архитекторы Сообщества осознавали уже на данном этапе, что четыре провозглашенные «свободы движения» (товаров, услуг, работников и капитала) потребуют и свободного движения правоустанавливающих и правоподтверждающих актов (судебных и арбитражных решений);[476] (2) само Сообщество не наделялось какой-либо компетенцией по нормотворчеству в процессуальной сфере, поскольку ст. 220 обращалась напрямую к государствам-участникам.[477] Соответственно, они могли решать все вопросы лишь сообща, используя такой источник, как *международные договоры* (о преимуществах и недостатках которых уже шла речь в первом разделе); (3) статья не создавала для государств-участников никакой дополнительной компетенции, поскольку они и так обладали ей в силу сохранения полного контроля над ГПП. Фактически, они были вправе заключить соглашение по любому вопросу, в т.ч. и не названному прямо в Договоре.[478] По этой причине ст. 220 может быть

[475] Treaty Establishing the European Economic Community (Rome, 25 March 1957). *Treaty establishing the European Economic Community and connected documents*, Luxembourg: Publishing Services of the European Communities, 378 p., Art. 220, para. 5.

[476] PELLIS, L. All Roads Lead to Brussels: towards a Uniform European Civil Procedure. *Netherlands International Law Review*, 1990, Vol. 37(3), p. 373.

[477] LIUBERTAITĖ, L. Europos Sąjungos kompetencija tarptautinės privatinės teisės srityje: ribų beieškant. *Teisė*, 2011, t. 79, p. 94; СЕМУШКИНА, Н.И. К вопросу о кодификации норм европейского международного частного права. *Вопросы экономики и права*, 2016, № 4, с. 62-64.

[478] МАКОВСКАЯ, А.А. *Унификация международного частного права в рамках Европейского сообщества*: автореферат диссертации к.ю.н. Москва, 1992, с. 10; СИЛЬВЕСТРИ, Э. По направлению к европейскому гражданскому процессуальному кодексу? Последние

понята как некая «декларация о намерениях», а не императивное предписание государствам действовать строго определенным образом; (4) статья закрепляла конкретные меры в сфере процесса, а точнее – *трансграничного сотрудничества*, которые считались первоочередными. К ним относились «признание и исполнение судебных и арбитражных решений».[479] Из этого мы видим, что приоритет отдавался судебному сотрудничеству по гражданским и коммерческим делам, которое позволяло обеспечить беспрепятственное движение судебных актов, устанавливающих или подтверждающих определенные права, и которое тем самым еще более объединяло страны-участницы.

Положения рассматриваемой статьи отчасти были реализованы на практике с принятием Конвенции о подсудности и исполнении решений по гражданским и коммерческим делам 1968 г. (известной также как Брюссельская конвенция).[480] Данный акт именовался «двойным»,[481] поскольку затронул сразу два ключевых блока вопросов международного гражданского процесса: с одной стороны – *международную подсудность* (*юрисдикцию*), т.е. набор норм, позволявших определить, суд какого из государств-участников компетентен рассматривать гражданский или коммерческий спор, а с другой стороны – правила о *признании* и *приведении в исполнение* зарубежных решений (которые уже были вынесены зарубежным судом по его национальным правилам гражданского судопроизводства).

Предмет Конвенции, с одной стороны, был шире заявленного в ст. 220, поскольку о необходимости первого блока норм та умалчивала. Безусловно, страны-участницы ЕЭС имели полное право заключать

инициативы по разработке европейских правил гражданского судопроизводства. *Вестник гражданского процесса*, 2016, № 1, с. 162-163.

[479] ТРУНК, А. Проблемы интеграции правовой системы в Европейское Сообщество: международный гражданский процесс. *Международное сотрудничество в нотариальной и судебной сфере*. Под ред. В.В. Яркова, И.Г. Медведева. Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006, с. 128.

[480] Brussels Convention on jurisdiction and the enforcement of judgments in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Communities*, 1972, L 299, p, 32-42.

[481] KOCH, H. Einführung in das europäische Zivilprozessrecht. *Juristische Schulung*, 2003, Aufl. 2, s. 106.

конвенции с любым содержанием, не будучи ограниченными в своем суверенитете. Однако реальная необходимость включения положений о подсудности объяснялась тем, что правильное определение государства, суд которого должен рассмотреть дело, являлось во многих случаях определяющим для последующего признания и исполнения решения за рубежом (поскольку вело к прекращению споров о том, было ли дело разрешено «легитимным судебным органом»).[482] С другой стороны, предмет Брюссельской Конвенции был более узким, поскольку не касался арбитражных решений, а также иных споров, помимо гражданских и коммерческих.

Таким образом, основная задача Брюссельской Конвенции заключалась в обеспечении более простого и действенного обращения судебных решений. Для этой цели она предусматривала исчерпывающий перечень оснований подсудности (общей, специальной, альтернативной, исключительной, договорной) и единый упрощенный порядок признания решений между странами-участницами (с закрытым перечнем оснований для отказа в признании).[483] Если ранее каждое из государств имело собственные нормы в этих двух областях, что существенно тормозило усиление хозяйственных связей между ними, влекло за собой неразбериху в правовом регулировании и вытекающее из нее отсутствие доверия и правовой определенности, то с принятием Конвенции данные нормы стали едиными.

Безусловно, часть авторов придерживалась уже рассмотренной в предыдущем разделе позиции об отсутствии унифицирующего потенциала у Конвенции. С их точки зрения данный акт предполагал не устранение противоречий, а их преодоление, поскольку им не

---

[482] GEIMER, R. The Brussels Convention – Successful Model and Old-timer. *European Journal of Law Reform*, 2002, Vol. 4(1), p. 30; GOTTWALD, P. The European Law of Civil Procedure. *Ritsumeikan Law Review*, 2005, Vol. 22, p. 37-38; АНСЕЛЬ, Ж.-П.; АБАССИ, М. Исполнение иностранных судебных решений. *Журнал российского права*, 2006, № 8, с. 35.

[483] ЖОФФРУА, К. Новый Регламент ЕС о подсудности, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам – шаг к окончательной отмене экзекватуры в Европе. *Закон*, 2013, № 11, с. 131; МИХАЙЛОВА, С.А. *Правовое регулирование сотрудничества судебных органов (автореферат)…,* с. 10.

создавалось норм, регулирующих рассмотрение дела по существу.[484] Кроме того, отмечалось и то, что Конвенция создавала права и обязанности для судебных (а не законодательных) органов, а потому не предполагала никакой нормотворческой деятельности на национальном уровне.[485] С нашей же точки зрения предлагаемый актом способ сближения являлся унификацией (а не гармонизацией), ограниченной по предмету,[486] но никак не по глубине воздействия. За рамками оставались конфликты подсудности с участием третьих стран (не входящих в Сообщество) и порядок исполнения их решений, а также те виды частных отношений между сторонами из стран ЕЭС, которые прямо исключались в ст. 1 Конвенции из ее предмета.[487] Тем не менее, в тех областях, что все же были затронуты (процессуальные отношения стран-участниц между собой), Конвенция действительно вводила не единообразные, а единые положения, заменявшие собой ранее существовавшее национальное регулирование.[488]

Следует отметить, что в своей сфере действия Конвенция действительно стала крайне авторитетным и успешным документом, который на практике привел к тому, что страны ЕЭС перестали рассматривать зарубежные судебные акты как нечто чуждое своему правопорядку. Напротив, в большинстве случаев они без труда признавали и исполняли решения друг друга.[489] В связи с этим можно сказать, что цель, заложенная еще в ст. 220 Римского договора, была

---

[484] O'NEILL, M. The Brussels Convention: a Still Born Child? *Northern Ireland Legal Quarterly*, 1999, Vol. 50, p. 251.

[485] ДОРОНИНА, Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции. *Журнал российского права*, 1998, № 6, с. 54-55.

[486] GOTTWALD, P. *The European Law of Civil Procedure*..., p. 38; KRUGER, T. The Disorderly Infiltration of EU Law in Civil Procedure. *Netherlands International Law Review*, 2016, Vol. 63, p. 1; ПОСТНИКОВА, Е.В.; ЭЙМАНН, Ж. Федерализм в международном частном праве Европейского Союза. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 2015, № 4, с. 157.

[487] GEIMER, R. *Op. cit.*, p. 20.

[488] *See*: Judgment of the European Court of Justice of 15 May 1990, case no. C-365/88 *Kongress Agentur Hagen GmbH v. Zeehaghe BV* (Reference for a preliminary ruling: Hoge Raad – Netherlands). *European Court Reports*, 1990, I-01845, paras. 20-22; Opinion of Advocate General Wahl delivered on 16 May 2013, case no C‑157/12 *Salzgitter Mannesmann Handel GmbH v. SC Laminorul SA* (Request for a preliminary ruling from the Bundesgerichtshof, Germany), para. 35.

[489] ЖОФФРУА, К. *Указ. соч.*, с. 131.

достигнута. Более того, интерес к предложенным Брюссельской Конвенцией механизмам определения подсудности и признания решений возник и у стран, не входящих в ЕС. Однако распространить на них ее действие было нельзя в силу их несвязанности ст. 220 и другими обязательствами в рамках ЕЭС. В результате между ЕС и такими странами (входящими в другое интеграционное образование – Европейскую ассоциацию свободной торговли – ЕАСТ) был заключен отдельный акт, аналогичный по содержанию – Луганская Конвенция 1988 г.,[490] который допускал участие более широкого круга государств (но с согласия уже присоединившихся стран).

Как видим, основным инструментом сближения процессуального права в рассматриваемый нами начальный период служили международные договоры. Об их ограничениях уже говорилось ранее. Здесь стоит лишь отметить, что Брюссельской Конвенции удалось преодолеть один из главных недостатков, связанный с отсутствием единства в интерпретации норм.[491] Специальным Протоколом от 3 июня 1971 г. эксклюзивное право толковать этот акт было возложено на Суд ЕС.[492] На наш взгляд, это свидетельствовало о том, что исследуемый акт был не просто очередным международным соглашением, а особым механизмом в рамках интеграционной организации (ЕЭС), подчиненным конкретной цели (обеспечению свободного движения судебных актов между странами-участницами) и имевшим собственную логику функционирования.[493]

Однако по своему статусу и остальным ключевым чертам Конвенция все же оставалась классическим международным договором, а

---

[490] Convention on Jurisdiction and the Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters (Lugano, 1988). *International Law Materials*, 1989, Vol. 28, p. 620.

[491] КАПУСТИН, А.Я. Международно-правовые основы институционной системы евразийской интеграции. *Журнал российского права*, 2013, № 10, с. 118.

[492] Protocol of 3 June 1971 on the interpretation by the Court of Justice of the Convention of 27 September 1968 on jurisdiction and the enforcement of judgments in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Communities*, 1975, L 204, p. 28-31.

[493] STADLER, A. From the Brussels Convention to Regulation 44/2001: Cornerstones of a European Law of Civil Procedure. *Common Market Law Review*, 2005, Vol. 42, p. 1637; ГЕРАСИМЧУК, Э.И. К вопросу о присоединении РФ к Луганской Конвенции. *Московский журнал международного права*, 2006, № 2, с. 170.

не частью собственного права Сообщества.[494] По этой причине другие существующие недостатки подобных актов (длительность согласования, трудность внесения изменений) никуда не исчезли.[495] Показательным в этой связи является тот факт, что в рассматриваемый период были подготовлены и другие международные договоры – Конвенция об упразднении легализации документов в странах ЕС от 25 мая 1987 г. и Конвенция об упрощении процедур возврата алиментных платежей от 6 ноября 1990 г. Данные акты так и не были ратифицированы, хотя отчасти это может быть объяснено тем, что по указанным вопросам уже существовали иные (более широкие по числу участников) международные договоры.[496] Таким образом, в то время еще не было очевидным то, что европейское сближение ГПП должно быть более приоритетным по сравнению со сближением в рамках иных международных сообществ.

В то же время, следует вернуться к деятельности уже упомянутого Суда ЕС, который активно принимал участие в сближении права стран-участниц по широкому кругу вопросов с самого начала своего существования. Безусловно, его функция заключалась главным образом в толковании действующего позитивного права, а в области гражданского процесса предметом такого толкования мог быть лишь единственный акт (Брюссельская Конвенция). Тем не менее, его деятельность оказалась крайне полезной: он сумел дать толкование понятию «гражданских и коммерческих дел»,[497] разъяснил значение некоторых юрисдикционных привязок[498] и внес свой вклад в содержание концепции «публичного

---

[494] BOELE-WOELKI, K. Unification and Harmonization of Private International Law in Europe. In: *Private Law in the International Arena: Liber Amicorum Kurt Siehr*. Ed.: J. Basedow. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2000, p. 67; O'NEILL, M. *Op.cit.*, p. 243.

[495] ŠÍNOVÁ, R.; VALENTOVÁ, L. *Handbook of European Civil Procedure Law*. Olomouc, 2012, p. 13.

[496] BAYRAKTAROĞLU, G. *Op. cit.*, p. 143-144.

[497] *See e.g. LTU Lufttransportunternehmen GmbH & Co. KG v. Eurocontrol*, Judgment of the court, Case 29/76, 1976. *European Court Reports*, p. 1552-1553; *Volker Sonntag v. Hans Waidmann and Others*. Judgment of the Court, 21 April 1993, Case C-172/91. *European Court Reports*, 1993, I-01963, para. 29.

[498] *See e.g. Marinari v. Lloyd's Bank.* Judgment of the Court, Case C-364/93, 1995, *European Court Reports*, 1995, I-02719, para. 21.

порядка».[499] Но воздействие Суда на национальный гражданский процесс можно было бы признать незначительным, если бы интерпретация Конвенции оставалась единственной сферой его активности в этой области.

В действительности же Суду нередко приходилось давать оценку тем или иным национальным мерам, направленным на реализацию норм материального права ЕС. Данные нормы принимались по широкому кругу вопросов и затрагивали повседневную жизнь граждан и компаний в государствах-участниках ЕС. Безусловно, в ряде случаев они сопровождались и средствами правовой защиты (*remedies*), закреплявшимися в тех же инструментах, что и «субстантивные» положения. Так обстояло дело с государственными закупками, доступом в суд в соответствии с Директивами об экологическом праве и т.д.[500] Однако таких норм было крайне мало, кроме того они находились в актах, действие которых было ограничено по предмету определенной сферой отношений, а, следовательно, они не способствовали действительно широкомасштабному изменению ГПП на национальном уровне.

Большая же часть норм материального права ЕС не была снабжена собственными средствами процессуальной защиты; не было предусмотрено и судебных институтов, которые были бы способны такую защиту осуществить. Учрежденный в рамках Сообществ Суд ЕС нельзя было охарактеризовать как орган по рассмотрению частноправовых споров. В действительности это был конституционный, административный, верховный, а отчасти и международный суд, но не

[499] *See e.g. Dieter Krombach v. André Bamberski*. Judgment of the Court, 28 March 2000, Case C-7/98. *European Court Reports*, 2000, I-01935, para. 44.

[500] PRECHAL, S.; CATH, K. The European acquis of Civil Procedure: Constitutional Aspects. *Uniform Law Review*, 2014, Vol. 19, p. 180; JAREMBA, U. *National Judges as EU Law Judges: the Polish Civil Law System*. Leiden: Nijhoff, 2014, p. 82.

тот орган, который систематически занимался правоприменением в спорах частных лиц между собой.[501]

В итоге, реализация норм права ЕС практически полностью возлагалась на национальные суды, которые для этой цели руководствовались собственным процессуальным правом (*lex fori*), значительно отличающимся от страны к стране.[502] Как уже было указано выше, за государствами-участниками признавалось наличие процессуальной автономии. Впрочем, сам термин «автономия» был достаточно противоречивым, поскольку мог означать не только полную «неприкосновенность» национальных норм, но и их независимое существование до тех пор, пока европейский законодатель не введет в действие «единые» правила. Такое, как мы могли видеть, происходило в отдельных сферах отношений, но широкомасштабного вмешательства в национальный гражданский процесс законодательные органы Сообщества избегали по причине отсутствия у них необходимой компетенции. Однако ситуация, при которой нормы материального права подвергаются гармонизации, но за этим не следует сближение норм процессуальных, является в некотором роде искусственной (как уже было показано нами в первом разделе[503]) и приводящей на практике к тому, что реализация права Сообщества отличается большим своеобразием в каждом из государств-участников, а в отдельных случаях и вовсе становится невозможной. По этой причине введение в действие соответствующего регулирования со стороны ЕС было лишь вопросом времени.

---

[501] ШПАКОВИЧ, О.М. Роль суду Європейського Союзу в становленні та розвитку європейського права. *Порівняльноправові дослідження*, 2009, № 1, с. 62.

[502] di MARIO, A. The Principle of Procedural Autonomy and the Principle of Effectiveness of the Judicial Protection in the Recent ECJ Case-Law: the Issue of Jurisdictional Rules. *King's Student Law Review*, 2011-2012, Vol. 3, p. 235; KRANS, B. EU Law and National Civil Procedure Law: An Invisible Pillar. *European Review of Private Law*, 2015, Vol. 4, p. 572; FLYNN, L. Taking Remedies Too Seriously? National Procedural Autonomy in the European Court of Justice. *Irish Jurist*, 1996, Vol. 31, p. 110.

[503] *See* STORME, M. Procedural Law and the Reform of Justice: from Regional to Universal Harmonisation. *Uniform Law Review*, 2001, Vol. 6, p. 764.

Поскольку законодательные органы Сообщества не принимали никаких мер, инициативу взял на себя Суд ЕС, который уже был известен как активный создатель норм и принципов наднационального права.[504] Для сферы ГПП особое значение имеют его выводы, сделанные в делах *Rewe* и *Comet*.[505] В них Суд подтвердил наличие у национальных органов «процессуальной автономии», но отметил, что последняя не является абсолютной, а ограничена определенными рамками и, прежде всего, принципами «эквивалентности» и «эффективности». Содержание данных принципов было раскрыто самим Судом. Так, первый из них требовал, чтобы условия для защиты прав ЕС во внутреннем правопорядке были не менее благоприятными, чем таковые для защиты национальных прав (иными словами, речь шла о запрете дискриминации).[506] Второй же означал, что национальная мера не может быть применена, если она сделает невозможной или существенно затруднительной реализацию прав, которые были даны субъекту правопорядком ЕС.[507] В своих последующих решениях Суд не раз оценивал национальные правила о подсчете сроков, причинной связи, распределении судебных издержек, доступе к документам в отдельных видах судопроизводств и другие на предмет их соответствия сформулированным принципам.[508]

Безусловно, подобная судебная гармонизация сопровождалась многочисленными ограничениями. *Во-первых*, вся деятельность в сфере процесса все равно оставалась в компетенции национальных судов, а Суд ЕС лишь формулировал для нее необходимые ориентиры. Кроме того, «правотворчество» Суда носило негативный характер, поскольку главным образом он указывал на то, какая практика идет в разрез с

---

[504] PRECHAL, S.; CATH, K. *Op. cit.*, p. 179.

[505] *Rewe-Zentralfinanz eG and Rewe-Zentral AG v. Landwirtschaftskammer für das Saarland*. Judgment of the Court, 16 December 1976, Case 33/76. *European Court Reports*, 1976, 01989; *Comet BV v. Produktschap voor Siergewassen*. Judgment of thy Court, 16 December 1976, Case 45/76. *European Court Reports*, 1976, p. 02043.

[506] JAREMBA, U. *Op. cit.*, p. 83.

[507] SCHEBESTA, H. Procedural Theory in EU Law. In: *Varieties of European Economic Regulation*. Eds.: K. Purnhagen, P. Rott. Springer: New York, 2014, p. 855; KRANS, B. *Op. cit.*, p. 572.

[508] PRECHAL, S.; CATH, K. *Op. cit.*, p. 197.

требованиями эквивалентности и эффективности и подлежит отмене. Впрочем, со временем Суд пошел намного дальше и в условиях полного отсутствия в национальном праве необходимых мер для реализации права ЕС начал предписывать создание соответствующих средств защиты (*позитивная гармонизация*). Особенно актуально это было для дел, в которых он говорил об «эффективной судебной защите», т.е. о возможности лиц требовать надлежащей реализации своих прав, дарованных им правом ЕС, в национальных судах.[509] Последнюю немалое количество авторов считает самостоятельным принципом, сформулированным Судом, а не частью обычной «эффективности».[510] Впрочем, настолько глубокое вмешательство в национальные правопорядки имело место в исключительных случаях.[511]

Во-вторых, принципы не гарантировали подлинного равенства. Принцип эквивалентности лишь предписывал национальным органам трактовать европейскую меру аналогично национальной, т.е. не дискриминировать ее по признаку происхождения. При этом не шло речи о прогрессивном развитии самого национального права, которое могло быть неэффективным и в случаях применения внутреннего права (а также значительно отличающимся от права другой страны ЕС).[512] Помочь справиться с такими ситуациями мог бы принцип эффективности, но последний продвигался Судом именно для целей надлежащей реализации норм права ЕС. Суд требовал, чтобы национальные меры были «эффективными» при претворении в жизнь наднационального правила, но игнорировал потенциальную неэффективность норм при работе судов

[509] *Marguerite Johnston v. Chief Constable of the Royal Ulster Constabulary*. Judgment of the Court, 15 May 1986, Case C-222/84. *European Court Reports*, 1986, p. 1651.

[510] PRECHAL, S.; CATH, K. *Op. cit.*, p. 193-194.

[511] GALETTA, D-U. *Procedural Autonomy of EU Member States: Paradise Lost?* Berlin: Springer, 2010, p. 120; TULIBACKA, M. *Common minimum standards of civil procedure: European Added Value Assessment* [interactive. Accessed on: 03.01.2017]. Access via Internet: <https://polcms.secure.europarl.europa.eu/cmsdata/upload/2acbea7f-82ef-433b-9723-8e5140a20db7/EPRS_CIVIL_PROCEDURE.pdf>, p. 28.

[512] KRANS, B. *Op. cit.*, p. 593.

государств-участников с положениями внутреннего права.[513] Тем самым формировался некоторый дуализм в средствах правовой защиты. Впрочем, многими авторами отмечается, что изменение процедур и средств защиты по предписанию Суда ЕС для случаев применения права ЕС косвенно оказывало влияние и на содержание национального права (используемого для реализации сугубо национальных норм материального права).[514] Однако считать столь опосредованное влияние эффективным едва ли возможно, особенно принимая во внимание неосведомленность большей части национальных судов (не обращавшихся непосредственно к Суду ЕС в преюдициальном порядке) о сложившейся практике.

В-третьих, многие аспекты, которых касался суд, оставались публично-правовыми: таможенные, налоговые и административные, но не частноправовые споры. Суд предоставлял необходимые средства защиты в споре частного лица с государством о реализации норм права ЕС, но не в споре таких лиц между собой. Несмотря на это, немалое количество его выводов по аналогии можно было распространить на любую процессуальную отрасль (в т.ч. и ГПП), поэтому они все же обладали существенной значимостью.

Обобщая сказанное, следует отметить, что рассматриваемый этап подарил странам-участницам крайне активный Суд, который принимал множество решений, недвусмысленно расширявших компетенцию ЕС. Проблема заключалась в том, что свое толкование он давал лишь от случая к случаю,[515] а его инициативы не находили широкой поддержки у государств-участников и не приводили к созданию юридически обязательных норм процессуального права на уровне ЕС.

---

[513] ELIANTONIO, M. The Future of National Procedural Law in Europe: Harmonisation vs. Judge-made Standards in the Field of Administrative Justice. *Electronic Journal of Comparative Law*, 2009, Vol. 13(3) [interactive. Date of access: 15.01.2017]. Access via Internet: <https://www.ejcl.org//133/art133-4.pdf>.

[514] FLYNN, L. *Op. cit.*, p. 130.

[515] HEUKELS, T.; TIB, J. Towards Homogeneity in the Field of Legal Remedies: Convergence and Divergence. In: *New Directions in European Public Law*. Eds.: J. Beatson, T. Tridimas, London: Hart Publishing, 1998, p. 128.

Второй этап. Определенные модернизацию и прогресс идеи процессуального сближения получили со вступлением в силу Маастрихтского договора о реформе.[516] Данный документ внес немало значимых изменений в план европейской интеграции, учредив Европейский Союз (ЕС), введя институт европейского гражданства и систему «трех опор» нового Союза – Европейских сообществ, общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ) и полицейского и судебного сотрудничества в сфере правосудия и внутренних дел. По сути дела, происходил переход от чисто экономического объединения к прото-федеративному, имеющему более широкий профиль интересов (в их числе – политические и социальные).[517]

В области гражданского процесса главное изменение, по сути, заключалось в том, что *судебное сотрудничество по гражданским делам* было признано сферой общего интереса для достижения конкретной задачи ЕС – свободного движения лиц (т.е. носило прикладной характер по отношению к ней). В ст. К.1(6) главы VI Договора судебное сотрудничество было отнесено к третьей опоре ЕС (правосудие и политика внутренних дел).[518] Формально это означало, что любые правовые инициативы могли носить только характер межгосударственных договоренностей, а не централизованного европейского законотворчества.[519] Выбранный механизм предполагал неизбежность в каждом конкретном случае достижения единогласия между странами-участницами. Иными словами, в статусе принимаемых актов мало что поменялось. Значимым отличием было то, что ЕС впервые всерьез обратил внимание на сферу гражданского правосудия и признал,

---

[516] Treaty on European Union (Consolidated Version) (Maastricht, 7 February 1992). *Official Journal of the European Communities*, 24.12.2002, C 325/5.

[517] LASSERRE, M.-C. *Le droit de la procédure civile de l'Union Européenne forme t-il un ordre procédural?* Thèse pour le doctorat en Droit, Nice: Université de Nice Sophia-Antipolis, 2013, p. 538-539; КЛОЧКОВА, Ю.А. *Указ. соч.*, с. 208.

[518] *Treaty on European Union* (Consolidated Version) (Maastricht, 7 February 1992); KRUGER, T. The South African Litigant and European Union Rules of Civil Procedure. *Comparative and International Law Journal of South Africa*, 2005, Vol. 38, p. 76.

[519] STORSKRUBB, E. *Civil Procedure and EU Law: a Policy Area Uncovered*. Oxford: OUP, 2008, p. 38.

что в этой области было возможным и необходимым дальнейшее правотворчество. От межправительственного сотрудничества по единственному направлению (которое к тому же могло быть в любое время обращено вспять) страны-участницы переходили к обязательству сотрудничать на постоянной основе.[520] Можно сказать, что был дан импульс дальнейшему развитию европейской процессуальной интеграции.[521]

В то же время основная логика сотрудничества продолжала оставаться экономической:[522] строительство внутреннего рынка продолжалось, и ему требовались надлежащие процессуальные гарантии. Помимо вопросов подсудности и признания решений актуальность представляли: получение за границей доказательств, надлежащее трансграничное уведомление сторон, а также обеспечение равного доступа к правосудию в любой стране-участнице ЕС.[523] По указанным предметам регулирования были разработаны и приняты Конвенции о процедурах банкротства от 23 ноября 1995 г., о вручении судебных и внесудебных документов от 26 мая 1997 г., а также о подсудности и признании и исполнении решений по семейным делам («Брюссель II») от 28 мая 1998 г.[524] Долгие процедуры принятия и ратификации, а также отсутствие взаимопонимания у их участников так и не позволили им вступить в силу.[525] Это не было удивительным, учитывая увеличившееся число участников Союза (теперь их было 15) и вытекающую из этого сложность достижения консенсуса. Таким образом, Брюссельская Конвенция оставалась на протяжении всего первого периода

---

[520] БИРЮКОВ, М.М. *Европейское право: до и после Лиссабонского договора*. Москва: Статут, 2016, с. 26.

[521] ROTH, C. Le Règlement 805/2004 portant création d'un Titre Exécutoire Européen: un pas décisif vers la création d'un «code européen de procédure civile» [electronic. Date of access: 10.07.2016]. Access via Internet: <http://www.creda.ccip.fr>.

[522] DEDMAN, M. *The Origins and Development of the European Union 1945-1995: a History of European Integration*. London: Routledge, 2006, p. 13.

[523] KOCH, H. *Op. cit.*, p. 105.

[524] BAYRAKTAROĞLU, G. *Op. cit.*, p. 135.

[525] PINDER, J.; USHERWOOD, S. *European Union*. Oxford: OUP, 2007, p. 106.

единственным юридически обязательным актом в сфере гражданского процесса, направленным на сближение права стран ЕС.[526]

Впрочем, интерес представляют не только нормативные (юридически обязательные) инициативы, исходящие от ЕС или его стран-участниц. Большое значение имеют и работы коллективов ученых-процессуалистов, наиболее заметным из которых является «Комиссия Сторма» (названная по имени ее председателя и идейного вдохновителя – бельгийского профессора Марселя Сторма). В рамках последней впервые была высказана идея о возможности и необходимости сближения процессуального права стран ЕС и о потенциальном принятии «европейского гражданского процессуального кодекса».[527] По сравнению с официальной практикой той эпохи это была настоящая революция в процессуальном правосознании.

Профессор Сторм отмечал, что не следует абсолютизировать политические и культурные различия между странами ЕС, поскольку все они являются современными демократическими государствами с рыночной экономикой и руководствуются схожими принципами права. Нельзя не поддержать данную мысль: подготовительная почва для гармонизации была в значительной мере достигнута в ЕС уже к 1990-м годам (за счет совместного участия в Европейской Конвенции о правах человека, регулярного обмена передовым опытом, субрегиональных соглашений и т.д.). Однако речь шла преимущественно о сближении на уровне общих принципов. Странам же требовались более конкретные нормы, регулирующие порядок выполнения определенных процессуальных действий, а также формирование сходного понимания наиболее часто используемых процессуальных понятий («судебный орган», «доказательства», «судебный приказ», «*astreinte*»,

[526] KRAMER, X. Enhancing Enforcement in the European Union. The European Order for Payment Procedure and Its Implementation in the Member States, Particularly in Germany, the Netherlands, and England. In: *Enforcement and Enforceability. Tradition and Reform*. Eds.: C.H. van Rhee, A. Uzelac. Antwerp: Intersentia, 2010, p. 18.

[527] STORME, M. Improving Access to Justice in Europe. *Teka Komisji Prawniczej*, 2010, Vol. 3, p. 208.

«альтернативное разрешение споров» и т.д.). Сам М. Сторм полагал, что предметом гармонизации вполне могут стать такие институты ГПП как подсудность, доказывание, признание и исполнение решений. В то же время он отмечал, что судоустройство и внутригосударственная компетенция судов (подведомственность и подсудность), будучи вопросами, представляющими большую важность для национальных государств, следует оставить в исключительном ведении последних.[528]

К сожалению, для Комиссии Сторма было характерно то же, что и для официальных органов ЕС и государств-участников в те годы: партикуляризм и отсутствие целостного взгляда на гражданский процесс. Членами Комиссии были предложены отдельные изменения, которые должны были быть утверждены в виде Директивы ЕС (акта наднационального права), которую в последующем следовало имплементировать государствам-участникам.[529] Однако не было в достаточной мере проработано основание принятия такого акта, а ограниченность компетенции ЕС не позволила реализовать столь смелые начинания. Отказ же от «кодекса» в пользу Директивы означал потерю целостного видения гражданского процесса в ЕС и переориентацию на наиболее злободневные проблемы.

Выводы группы Сторма были «учтены» и «приняты к сведению» Европейской Комиссией, но никакой практической реализации в те годы не получили (отчасти из-за обозначенных выше недостатков проекта, отчасти по финансовым и политическим соображениям).[530] Следует отметить и явный контраст с аналогичными инициативами в области материального частного права, где единственная Резолюция Европейской Комиссии 1989 г. повлекла за собой незамедлительную реакцию в виде создания нескольких исследовательских групп, занявшихся подготовкой

[528] STORME, M. General Introductory Report (MS/EURPROC) [interactive. Accessed on: 31.07.2016]. Access via Internet: <https://www.law.kuleuven.be/web/mstorme/Eu.Harmonis.Proced.intro.pdf>.

[529] *See*: STORME, M. *Approximation of Judiciary Law in the European Union*. Dodrecht: Kluwer, 1994, 225 p.; ІЗАРОВА, І. *Науково-практичний коментар до цивільного процесуального законодавства Європейського Союзу (Частина 1)*. Київ: ВД «Дакор», 2016, с. 261.

[530] STORME, M. *Improving Access to Justice in Europe*…, p. 209-210.

проектов «общеевропейского гражданского кодекса». В случае же с ГПП инициатива Сторма не была основана на формальном поручении институтов ЕС, а потому не вписалась в существовавшую систему распределения полномочий и политических предпочтений.[531] Сама идея о процессуальной гармонизации в значительной мере опередила свое время и не могла быть в должной мере осмыслена в рассматриваемый нами первый период истории сближения процессуального права в ЕС. Сформулированные рабочей группой Сторма выводы стали актуальными лишь намного позднее, во второй период, о котором пойдет речь ниже.

Обобщая значение первого периода стоит обратить внимание на позицию М. О'Нил, высказанную в отношении Брюссельской Конвенции, согласно которой этот акт предназначен для разрешения конкретной проблемы на конкретном историческом этапе развития ЕС.[532] То же самое справедливо и в отношении других актов, принимавшихся до 1999 г. Все они были направлены на решение собственных узкоспециальных задач, главной из которых было *устранение препятствий на пути свободного трансграничного движения судебных актов*. Эти цели не требовали вторжения в национальное процессуальное право, подрыв его основ или смену устоев. Все, что было необходимо – создать единый режим международного гражданского процесса (причем единым он должен был стать для внутрикоммунитарного пользования, а не для взаимоотношений стран-участниц ЕС с остальным миром). В целом, в рамках данного периода было достигнуто не так уж мало. В Европейском Сообществе появился действенный механизм, упростивший движение судебных актов через границы и имевший опору на единый Судебный орган для толкования его проблемных моментов. Более того, именно последний переломил традицию государств-участников настаивать на абсолютной

[531] БРАНОВИЦКИЙ, К.Л. Тенденции развития гражданского судопроизводства на Евразийском пространстве. В: *Развитие мирового правопорядка: институты и механизмы* (доклады исполнительного комитета к XI сессии Европейско-Азиатского правового конгресса). Екатеринбург, 2017, с. 59.

[532] *See*: O'NEILL, M. *Op. cit.*, p. 251; BAYRAKTAROĞLU, G. *Op. cit.*, p. 136-137; FIORINI, A. *Op. cit.*, p. 972-973; LIUBERTAITĖ, L. *Op. cit.*, p. 93.

«процессуальной автономии» и сумел «внедрить» в национальное право собственное понимание отдельных процессуальных положений. Свой вклад внесли и представители доктрины, которые дали собственное видение будущего гармонизированного процессуального правопорядка ЕС задолго до того, как тот стал реальностью. В целом, данный период можно оценить как эпоху активного поиска ориентиров, робких попыток очертить пределы будущего правового поля и способов возможной аппроксимации.

1.2. Период коммунитаризации (1999-2007 гг.)

Большинство авторов сходится во мнении, что для истории ГПП в ЕС переломным моментом является принятие в 1997 г. Амстердамского договора (либо его вступление в силу спустя два года).[533] Следует согласиться с тем, что этот акт действительно радикально изменил расстановку сил в гражданско-процессуальной сфере, однако не только этим объясняется необходимость отделения второго периода от первого. Помимо названного Договора в рассматриваемый временной промежуток было опубликовано несколько политико-программных документов институтов ЕС, в которых наглядно прослеживались идеи, цели и ценности развивающегося Союза. Соответственно, на наш взгляд можно выделить три ключевых события, которые наиболее наглядно характеризуют рассматриваемый период: (1) перенесение компетенции по принятию актов в «сфере судебного сотрудничества по гражданским делам» из третьей опоры ЕС в первую; (2) провозглашение формирования «пространства свободы, безопасности и правосудия» (в котором гражданский процесс должен был играть далеко не последнюю роль) и, наконец, (3) распространение принципа «взаимного признания» на судебные акты, перемещающиеся между государствами-участниками, и формулирование принципа «взаимного доверия», который бы сделал

[533] Treaty of Amsterdam Amending the Treaty on European Union (Amsterdam, 1997). *Official Journal of the European Communities*, 10.11.1997, C 340/1.

возможным такое их движение. Рассмотрим подробно каждое из этих событий.

(1) Перенесение компетенции в первую опору. Наиболее наглядным изменением, внесенным Амстердамским договором, стала передача компетенции по нормотворчеству в сфере гражданского процесса от стран-участниц к институтам Союза. Это нововведение не было простой формальностью, а означало существенное преобразование характера регулирования.[534] Вместо международных договоров основным инструментом сближения права в интересующей нас области становились акты наднационального права – Регламенты и Директивы ЕС (а также иные источники вторичного права), о преимуществах которых уже шла речь в первой главе.[535] Переход к наднациональному законодательству должен был позволить легче достигать согласия относительно содержания разрабатываемых актов в сфере ГПП и в итоге более оперативно принимать их.[536]

Кроме того, в первичном праве впервые (в ст. 65 Договора о ЕС) был очерчен круг вопросов, законодательствовать по которым мог непосредственно ЕС. К ним относились: (a) улучшение и упрощение: системы трансграничного вручения судебных и внесудебных документов; сотрудничества в сфере получения доказательств; признания и исполнения решений по гражданским и коммерческим делам, включая решения по внесудебным делам; (b) содействие сближению норм, применяемых в государствах-участниках для разрешения коллизии законов и юрисдикции; (c) устранение препятствий для правильного функционирования гражданского судопроизводства, если необходимо, путем содействия совместимости норм в сфере гражданского процесса,

[534] STADLER, A. *Op. cit.*, p. 1637-1638; БИРЮКОВ, М.М. *Указ. соч.*, с. 28; ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ, А.Г. *Тенденции развития международного гражданского процесса*. Диссертация доктора юридических наук. Москва: Российская академия наук, 2002, с. 155.

[535] BAYRAKTAROĞLU, G. *Op. cit.*, p. 137.

[536] KENNET, W. The Treaty of Amsterdam. *International and Comparative Law Quarterly*, 1999, Vol. 48(2), p. 465.

применяемых в государствах-участниках.[537] Названные меры в обязательном порядке должны были касаться такого судебного сотрудничества по гражданским делам, которое имело *трансграничные последствия* и было необходимо для *надлежащего функционирования внутреннего рынка*.

Стоит отметить, что на практике смена формата регулирования действительно привела к небывалому росту законотворчества. С 1999 по 2007 гг. (когда был подписан последний на данный момент договор о реформе – Лиссабонский) были приняты следующие акты: Регламенты 1346/2000 от 29.05.2000 г. по делам о несостоятельности (банкротстве); 44/2001 от 22.12.2000 г. о подсудности и признании и исполнении решений по гражданским и коммерческим делам («Брюссель I»); 1206/2001 от 28.05.2001 г. о сотрудничестве судов в области получения доказательств по гражданским и коммерческим делам; 2201/2003 от 27.11.2003 г. о подсудности и признании и исполнении решений по семейным делам и делам о родительской ответственности («Брюссель II-бис»); 805/2004 от 21.04.2004 г., вводящий в действие европейский исполнительный лист по бесспорным требованиям, 1896/2006 о европейском приказном производстве, 861/2007 о производстве по искам с небольшой суммой, а также Директивы 2002/8/ЕС от 27.01.2003 г. об улучшении доступа к правосудию в трансграничных спорах путем установления минимальных общих норм о предоставлении правовой помощи в таких спорах и 2008/52/ЕС от 21.05.2008 о некоторых аспектах медиации по гражданским и коммерческим делам.[538]

Как и раньше, фундаментальная роль отводилась акту о подсудности и признании решений – Регламенту «Брюссель I» (пришедшему на смену Брюссельской Конвенции): он содержал наиболее

---

[537] *Treaty of Amsterdam*, Art. 73m (Art. 65 of the Consolidated version).

[538] HESS, B. The Brussels I Regulation: Recent Case Law of the Court of Justice and the Commission's Proposed Recast. *Common Market Law Review*, 2012, Vol. 49, p. 1075; FREUDENTHAL, M. The Future of European Civil Procedure. *Electronic Journal of Comparative Law*, 2003, Vol. 7.5 [interactive. Accessed on: 26.01.2014]. Access via Internet: <http://www.ejcl.org/ejcl/75/art75-6.html>.

важные для трансграничных отношений нормы. Вместе с тем, мы можем наглядно видеть, что и другие аспекты внутрикоммунитарного процессуального взаимодействия стали волновать ЕС и страны-участницы: получение доказательств, вручение документов, предоставление правовой помощи тяжущимся лицам и т.д.

Стоит отметить, что помимо ст. 65, являвшейся нормативной базой для принятия актов в процессуальной сфере, с аналогичной целью могла использоваться и другая статья Договора – ст. 95, дающая возможность ЕС в целом осуществлять гармонизацию национального права в той мере, в которой оно затрагивает функционирование внутреннего рынка. Она могла рассматриваться как общая норма по отношению к ст. 65. В то же время она имела гораздо более широкую сферу действия, не будучи ограниченной требованием «трансграничных последствий» в тех правоотношениях, что подвергались изменениям.[539] Хотя сама норма была известна еще со времен Римского договора (ст. 100), именно в рассматриваемый период возросло ее значение для процессуальной сферы и была принята как минимум одна Директива – о принудительном осуществлении прав в сфере интеллектуальной собственности (2004/48/ЕС). Хотя в самой преамбуле этого акта говорилось о том, что Директива не имеет цели устанавливать гармонизированные нормы в сфере судебного сотрудничества, подсудности и исполнения решений по гражданским и коммерческим делам,[540] фактически ею регламентировался порядок работы с доказательствами, получения через суд необходимой информации, вынесения предварительных и обеспечительных мер, т.е. по сути она занималась именно *гармонизацией* права стран-участниц (одновременно материального и процессуального). При этом Директива шла намного дальше упомянутых выше

[539] MAŃKO, R. *Europeanisation of Civil Procedure: towards Common Minimum Standards*? [interactive. Accessed on 15.09.2015]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/559499/EPRS_IDA(2015)559499_EN.pdf>, p. 15, 20.

[540] Directive 2004/48/EC of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the enforcement of intellectual property rights. *Official Journal of the European Union*, 02.06.2004, L 195, p. 17 (Preamble, para. 11).

«традиционных инструментов» (принятых на основе ст. 65) не только в силу распространения на сугубо национальные дела, но и в силу большего вторжения в «ключевые сферы» гражданского процесса (данный документ непосредственно говорил о полномочиях суда в ходе судебного разбирательства), тогда как иные акты затрагивали «пограничные» аспекты отправления правосудия, имеющие место до судебного разбирательства (определение компетенции, уведомление сторон) или после него (признание и исполнение решений). Несмотря на то, что Директива № 2004/48/ЕС длительное время являлась единственным примером нормативного акта ЕС, основанного на ст. 95, ничто не мешало использовать данную статью для принятия иных инструментов, более глубоко вторгающихся в национальный гражданский процесс стран-участниц.[541]

Оценивая в целом переход к наднациональным механизмам, можно признать, что они представляют собой значимую эволюцию тех идей, что декларировались еще в Маастрихтском договоре и академических проектах, подобных группе Сторма. От простого взаимного признания решений ЕС перешел к целостной политике судебного сотрудничества по заданным направлениям, целью которой было гарантировать свободное движение лиц.[542] В компетенцию ЕС передавались наиболее значимые в плане процессуального взаимодействия стран-участниц общественные отношения. Однако появление у Союза такой компетенции по сути выражалось лишь в технических и бюрократических улучшениях. Что же касается содержания принимаемых актов, но большая их часть представляла собой лишь переосмысление существовавших ранее международных договоров (принятых, либо подготовленных к принятию). Не менялся и подход к статусу гражданского процесса в ЕС, который по-прежнему должен был служить целям единого рынка, ориентироваться на трансграничные дела и только в том, что было

[541] KRAMER, X. *Harmonisation of Civil Procedure and the Interaction with Private International Law*…, p. 127.

[542] *Treaty of Amsterdam*, Art. B (Art. 2 of the Consolidated version).

необходимо для действенного доступа к правосудию при передвижении лиц. Иными словами, процессуальная аппроксимация носила прикладной характер и была ограничена по объему.[543]

(2) Формирование «пространства свободы, безопасности и правосудия». Как мы отметили выше, не только в смене формата правового регулирования состоит суть выделения «амстердамского периода». Многими авторами заслуженно обращается внимание на ст. 61 Договора, которая впервые поставила перед Сообществом задачу по последовательному установлению и поддержанию «пространства свободы, безопасности и правосудия».[544] Речь шла поистине о провозглашении новых политико-правовых приоритетов для ЕС. Дальнейшая европейская интеграция, с точки зрения ее архитекторов, могла осуществляться только при условии, если ранее провозглашенные экономические свободы беспрепятственного передвижения для граждан будут подкреплены необходимыми материальными и процессуальными мерами.[545] Для нас, как исследователей процессуальных аспектов права ЕС, представляет значение лишь та часть упомянутого пространства, которая посвящена *правосудию*.

К задачам «пространства правосудия» относилось обеспечение во всем ЕС равной возможности для доступа граждан к правосудию в трансграничных делах, а также установление эффективного судебного

---

[543] KRAMER, X. Current Gaps and Future Perspectives in European Private International Law: towards a Code on Private International Law? *DG for Internal Policies Policy Department C: Citizens' Rights and Constitutional Affairs* [interactive. Date of access: 12.04.2015]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2012/462476/IPOL-JURI_NT%282012%29462476_EN.pdf>; VERNADAKI, Z. Civil Procedure Harmonization in the EU: Unravelling the Policy Considerations. *Journal of Contemporary European Research*, 2013, Vol. 9(2), p. 300; WAGNER, G. Harmonization of Civil Procedure: Policy Perspectives. In: *Civil Litigation in a Globalising World*. Eds.: X.E. Kramer, C.H. van Rhee. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2012, p. 93-94.

[544] BOLT, J. *Review Essay* – Procedural Laws in Europe. Towards Harmonisation (Marcel Storme ed. 2003). *German Law Journal*, 2005, Vol. 6(4), p. 819.

[545] *Presidency Conclusions, Tampere European Council*, 15-16 October 1999 [interactive. Accessed on 24.12.2016]. Access via Internet: <http://www.refworld.org/docid/3ef2d2264.html>, para. 2; HESS. B. The Integrating Effect of European of European Civil Procedure Law. *European Journal of Law Reform*, 2002, Vol. 4, p. 5.

сотрудничества между странами-участницами.[546] Если последнее было известно и ранее (во время действия Римского и Маастрихтского договоров) и лишь стало больше по числу направлений, то упоминание «доступа граждан к правосудию» действительно означало смену вектора развития: обращение внимания на индивида, а не только на потребности публичных субъектов (государств). Новые политические реалии требовали предоставления гражданам ЕС действенных средств правовой защиты (*remedies*) и возможности более уверенно чувствовать себя на просторах расширяющегося Союза.[547] Речь шла о превращении европейской интеграции в нечто большее, чем просто «единый рынок». Права человека, демократические институты и идея верховенства права должны были играть все более значимую роль.[548] Предполагалось, что проводимые реформы позволят ЕС стать ближе к населению:[549] сделать его не только экономическим, но и политическим, социальным, а значит – и правовым объединением. Во многом в подобных мерах чувствовалось и стремление к нормативному закреплению озвученных ранее Судом ЕС идей о необходимости обеспечения «эффективной судебной защиты» в рамках единого европейского правопорядка.[550]

Предполагалось, что построение упомянутого «пространства» не будет одномоментным, а займет определенное время.[551] Речь шла о последовательной реализации мер, прямо обозначаемых в принимаемых на определенный срок политических программах в качестве

---

[546] Action Plan of the Council and the Commission on how best to implement the provisions of the Treaty of Amsterdam on an area of freedom, security and justice. *Official Journal of the European Communities*, 23.01.1999, C 019, p. 1-15, para. 15.

[547] ŠÍNOVÁ, R.; VALENTOVÁ, L. *Op. cit.*, p. 12; KRUGER, T. *Civil Jurisdiction Rules of the European Union and Their Impact on Third States* (doctoral thesis). Leuven: Katholieke Universiteit Leuven, 2005, p. 9.

[548] Tampere: Kick-start to the EU's policy for justice and home affairs. *European Commission Fact Sheet # 3.1* [interactive. Accessed on: 04.10.2016]. Access via Internet: <http://ec.europa.eu/councils/bx20040617/tampere_09_2002_en.pdf>.

[549] *Action Plan of the Council and the Commission on how best to implement the provisions of the Treaty of Amsterdam*…, para. 3.

[550] PRECHAL, S.; CATH, K. *Op. cit.*, p. 197-198.

[551] HARTNELL, H. *A Bird's Eye View of the EU's Civil Justice Policy Field: Discursive and Institutional Dimensions* [interactive. Accessed on: 25.09.2016]. Access via Internet: <https://eustudies.org/conference/papers/download/86>.

приоритетных. Так, в Итоговом акте (Заключении) заседания Европейского Совета в Тампере (Финляндия) 15-16 октября 1999 г. было предложено установить минимальные стандарты правовой помощи в трансграничных делах, а также особые процедуры для упрощенных дел и ускоренного разбирательства по небольшим потребительским и коммерческим спорам, а также по делам об алиментах и по бесспорным требованиям. Кроме того, содержалось указание на необходимость развивать альтернативные и внесудебные процедуры.[552]

Таким образом, ключевой смысл «общего пространства» состоял в том, что на всю территорию ЕС должны распространиться единые правовые режимы отправления правосудия. Тот факт, что эта территория состоит из совокупности территорий суверенных образований (государств-участников) уже не должен иметь решающего значения. Это был поистине значительный шаг вперед в направлении регионализации, немыслимый в эпоху господства концепции неограниченного государственного суверенитета.

И вместе с тем, несмотря на выдвижение столь смелых задач и обращение внимания на гражданина как основного пользователя судебной системы, компетенция ЕС все еще была тесно привязана к идеям построения внутреннего рынка, а необходимость в европейском вмешательстве в частноправовые процедуры существовала тогда, когда такой гражданин реализовывал свои «рыночные свободы», но не в том случае, если он оставался в рамках одного государства и не вовлекался в коммунитарные дела.[553] Единое пространство правосудия понималось узко – как набор гарантий, обеспечивающих индивидам и юридическим лицам равные возможности доступа к трансграничному правосудию,[554]

---

[552] *Presidency Conclusions, Tampere European Council,* 15-16 October 1999 [interactive. Accessed on 24.12.2016]. Access via Internet: <http://www.refworld.org/docid/3ef2d2264.html>.

[553] КОХ, Х.; МАГНУС, У. и др. *Международное частное право и сравнительное правоведение*. Москва: Международные отношения, 2003, с. 333.

[554] STORSKRUBB, E. Civil Justice – a Newcomer and an Unstoppable Wave. In: *The Evolution of EU Law*. Eds.: G. de Búrca, P. Craig. Oxford: OUP, 2011, p. 301.

но вовсе не как действительно единый комплекс процессуальных норм для ЕС и каждого из государств-участников.

(3) Провозглашение и развитие принципов «взаимного признания» и «взаимного доверия». Первый из названных принципов изначально был общеправовым, а не специфически процессуальным, и мог по праву считаться одной из фундаментальных основ правопорядка ЕС. Он появился одновременно с образованием Европейских Сообществ и был крайне важен для формировавшегося внутреннего рынка. Как мы помним, страны ЕЭС/ЕС провозгласили свободное движение применительно к четырем объектам: товарам, услугам, капиталу и рабочей силе. Однако, чтобы такое свободное движение стало реальностью, потребовалось длительное время.

Значимым событием на этом пути можно признать решение Суда ЕС по делу *Cassis de Dijon*, в котором было разработано нормативное понимание «взаимного признания». Согласно выводам Суда, при отсутствии единых правил на уровне ЕС каждое из государств-участников само регулирует вопросы, которые касаются производства и продажи товаров и оказания услуг на их территории. Если же некий продукт (товар или услуга) был произведен в одном из государств-участников ЕС и выпущен в нем на рынок, он должен быть принят на рынке другого государства-участника, и лишь в строго оговоренных случаях были возможны изъятия из этого правила.[555] В дальнейшем правило «взаимного признания» было признано Европейской Комиссией, подчеркнувшей, что продукты, правомерно произведенные и выпущенные на рынок в одном из европейских государств, могут свободно продаваться в ином государстве-участнике, даже если они были изготовлены в соответствии с техническими или качественными требованиями, отличающимися от тех, что такое государство устанавливает для продуктов собственных производителей.

[555] Judgment of the European Court of Justice of 20 February 1979, case no. C-120/78 *Rewe-Zentral AG v. Bundesmonopolverwaltung für Branntwein* (Reference for a preliminary ruling: Hessisches Finanzgericht, Germany). *European Court Reports*, 1979, p. 664 (para. 14).

Импортирующее государство должно по сути «признавать» в качестве адекватных и достаточных требования, предъявляемые к продукту в стране происхождения, отказываясь от повторной проверки.[556] Таким образом, в рамках правопорядка ЕС взаимное признание сформировалось в качестве особого принципа, который становится жизненно необходимым там, где люди, товары и услуги свободно перемещаются через границы.

Что же касается процессуальной сферы, то там «взаимное признание» было известно с момента принятия Римского договора в 1957 г., где о нем говорилось в ст. 220 применительно к судебным и арбитражным решениям стран-участниц. Со временем та трактовка «взаимного признания», что была установлена в практике Суда ЕС, распространяется и на гражданско-процессуальные отношения. Популярной становится идея о том, что «свободное движение судебных актов» является пятой «свободой», дополняющей изначально закрепленные четыре.[557] Это было вполне оправдано: опосредовать свободное движение объектов должно такое же свободное движение прав, подтверждающих их (т.е. судебных и внесудебных актов).[558]

В итоге, взятая на вооружение идея получила следующую формулу: судебные решения одного государства ЕС должны беспрепятственно признаваться и исполняться на территории другого (как если бы такие решения были их собственными).[559] Это позволяло добиться ускорения трансграничного правосудия, что влекло за собой большую правовую определенность и укрепляло сотрудничество между государствами.[560]

---

[556] LELIEUR, J. *Approche critique du vocabulaire juridique européen: la reconnaissance mutuelle à l'épreuve de la coopération judiciaire* [interactive. Accessed on: 17.10.2016]. Access via Internet: <http://cejec.u-paris10.fr/wp-content/uploads/2009/11/wp-2009_6-j-lelieur-l-sinopoli-rce-mutuelle.pdf>.

[557] АНСЕЛЬ, Ж.-П., АБАССИ, М. *Указ. соч.*, с. 39.

[558] BRAND, R. European Union's New Role in International Private Litigation. *Loyola University Chicago International Law Review*, 2005, Vol. 2, p. 281.

[559] АНСЕЛЬ, Ж.-П.; АБАССИ, М. *Указ. соч.*, с. 39.

[560] SPREEUW, M. Do as I Say, not as I Do. The Application of Mutual Recognition and Mutual Trust. *Croatian Yearbook of European Law and Policy*, 2012, Vol. 8, p. 505.

Окончательно «взаимное признание» утвердилось в Заключительном акте Тампере как развитие идей Амстердамского договора. В акте оно было названо «краеугольным камнем» провозглашенного пространства свободы, безопасности и правосудия.[561] Данное пространство было несовместимо со все еще сохранявшейся в праве государств-участников практикой предварительной проверки зарубежных судебных актов на предмет соответствия формальным предписаниям национального правопорядка (процедурой *экзекватуры*).[562] Данная процедура во-первых требовала дополнительного времени и денежных затрат для участников спора, а во-вторых, создавала напряжение в отношениях между странами-участницами.[563]

На момент принятия Амстердамского договора и Заключения в Тампере в пространстве ЕС был только один акт в сфере признания решений (Брюссельская Конвенция 1968 г.), сфера его применения была ограничена гражданскими и коммерческими делами (за некоторыми исключениями), при этом он вовсе не отменял, а лишь *облегчал* процедуру экзекватуры. На встрече в Тампере было решено, что принцип взаимного признания требует от стран-участниц ЕС (в большинстве случаев) признавать и исполнять судебные решения друг друга. Идеалом же «общеевропейского пространства правосудия» будет такой правовой режим, при котором все акты будут свободно перемещаться через границы, как если бы речь шла о пространстве одного государства.[564] В значительной мере планируемая отмена экзекватуры была политическим

[561] *Presidency Conclusions, Tampere European Council*, 15-16 October 1999 [interactive. Accessed on: 24.12.2016]. Access via Internet: <http://www.refworld.org/docid/3ef2d2264.html>, para. 33; Judgment of the European Court of Justice of 19 November 2015, case no. 455/15 *P v. Q* (Request for a preliminary ruling from the Varbergs tingsrätt, Sweden). *European Court Reports*, 2015, para. 95.

[562] ARENAS, R. Abolition of Exequatur: Problems and Solutions. Mutual recognition, mutual trust and recognition of foreign documents: too many words in the sea. *Yearbook of Private International Law*, 2010, Vol. 12, p. 355-356; TIMMER, L. Abolition of exequatur under the Brussels I Regulation: Ill Conceived and Premature? *Journal of Private International Law*, 2013, Vol. 9(1), p. 129.

[563] BEAUMONT, P.; JOHNSTON, E. Can exequatur Be Abolished in Brussels I whilst Retaining a Public Policy Defence. *Journal of Private International Law*, 2010, Vol. 6(2), p. 252.

[564] *Presidency Conclusions, Tampere European Council*, para. 34.

жестом, который был призван показать, что Союз является «подлинно единым пространством общего рынка», в котором нет границ не только для товаров и услуг, но и для актов правоприменения.

Было решено, что отмена экзекватуры и утверждение взаимного признания должны осуществляться постепенно, затрагивая отдельные категории споров, а не весь гражданский процесс сразу. Это вполне объяснимо, поскольку сразу достичь столь смелой задачи было невозможно из-за значительных противоречий в праве стран-участниц.[565] Начать предлагалось с небольших потребительских и коммерческих споров и некоторых решений в сфере семейного права (об алиментах и правах на доступ к ребенку). Они должны были автоматически признаваться во всем ЕС без каких-либо промежуточных мер или оснований для отказа в признании. Данные меры могли сопровождаться установлением минимальных стандартов по определенным аспектам гражданского процессуального права.[566]

Стоит отметить, что как в своем общем, так и в специфически процессуальном значении принцип взаимного признания не имел ничего общего со «сближением права», представляя собой альтернативную тактику.[567] Если последнее предполагает существенную работу по преобразованию правовых норм и формированию общих стандартов, то в случае с первым происходит лишь констатация того, что, несмотря на имеющиеся различия, субъекты будут уважительно относиться друг к другу. По сути, государства лишь оговаривают условия, на которых будет происходить признание (и только их и можно считать *унифицированными*). Признавая решения или действия другого государства, мы, по сути, придаем им статус, аналогичный решениям или

---

[565] Draft Programme of measures for implementation of the principle of mutual recognition of decisions in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Union*, 15.01.2001, C 12, p. 1-9.

[566] *Ibid*.

[567] BACA, W.M.K. *The Principle of Mutual Recognition of Judicial Decisions in EU Law in the Light of the 'Full Faith and Credit' Clause of the US Constitution* [interactive. Accessed on: 21.12.2015]. Access via Internet: <http://www.comunidadandina.org/BDA/docs/CAN-INT-0061.pdf>, p. 11; PAGE, S. *Regionalism among Developing Countries*. London: Palgrave Macmillan, 2000, p. 223.

действиям национальных органов. Подобное понимание «взаимного признания» напрямую следует из выводов суда по делу *Cassis*, где речь шла не об установлении идентичных стандартов, а о признании эквивалентными *различных* по своей сути стандартов.[568]

В сфере ГПП страны ЕС длительное время руководствовались именно этой логикой: правосудие осуществлялось национальными судами, а разработка собственных европейских правил судопроизводства была излишней. Вполне достаточно было качественной процедуры признания решений одного государства на территории другого. Однако со временем страны пришли к выводу, что дальнейшая либерализация механизма взаимного признания судебных актов (предусмотренная политическими программами) становится невозможной без предварительного установления *взаимного доверия*, которое государства имели бы к процессуальным правопорядкам друг друга.[569] Если для взаимного признания гармонизация не требовалась, то для взаимного доверия становилась первостепенной необходимостью.

Принцип взаимного доверия интересен тем, что не упоминался в первичном праве (учредительных договорах ЕС), однако многочисленные отсылки к нему содержались во вторичном праве, в политико-программных документах и в практике Суда ЕС.[570] Первые отсылки к «взаимному доверию» можно отыскать в преамбулах ранних Регламентов, основанных на ст. 65.[571] Эти акты указывали, что признание

---

[568] JONES, A. *Glossary of the European Union*. Edinburgh: EUP, 2008, p. 82; PINDER J.; USHERWOOD, S. *European Union*. Oxford: OUP, 2007, p. 109.

[569] HUANG, J. Interregional Recognition and Enforcement of Civil and Commercial Judgments: Lessons for China from US and EU Laws. *Journal of Private International Law*, 2010, Vol. 6(1), p. 147.

[570] *See e.g.* Judgment of the European Court of Justice of 9 October 2014, case no. C‑376/14 *C. v. M.* (Request for a Preliminary Ruling: Supreme Court, Ireland). *European Court Reports*, 2014, p. 2268, para 66*;* Judgment of the European Court of Justice of 11 July 2008, case no. C‑195/08 *Inga Rinau* (Reference for a Preliminary Ruling: Lietuvos Aukščiausiasis Teismas, Lithuania). *European Court Reports*, 2008, Vol. I-05271, para. 50.

[571] *See*: Council Regulation (EC) No 1346/2000 of 29 May 2000 on insolvency proceedings. *Official Journal of the European Communities*, 30.06.2000, L 160, p. 3 (para. 22 Preamble); Council Regulation (EC) No 1347/2000 of 29 May 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in matrimonial matters and in matters of parental responsibility for children of both spouses. *Official Journal of the European Communities*, 30.06.2000, L 160, p. 20 (para. 16 Preamble); Council Regulation (EC) No 44/2001 of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and

решений должно базироваться на «принципе взаимного доверия», в связи с которым соответствующая процедура должна быть автоматической (либо существенно упрощенной), а число оснований для отказа в признании следует свести к минимуму. В дальнейшем, во всех случаях, когда очередной новый Регламент вводил в действие облегченный режим трансграничного признания судебных актов, в его преамбуле указывалось, что это обосновывается именно принципом «взаимного доверия». Таким образом, речь шла о своего рода «презумпции» уважительного отношения к актам других государств-участников,[572] но в то же время и о сохранении действенных элементов контроля за ситуацией в виде «оснований для непризнания».

Несмотря на столь частое упоминание принципа, свою наиболее существенную политико-правовую базу он впервые получил лишь в Гаагской программе (2004 г.). Там говорилось, что под ним следует понимать обоюдную уверенность стран ЕС в правовых и судебных системах друг друга, которая порождает позитивное, благожелательное отношение.[573]

На первых порах между принципами *признания* и *доверия* не было существенного разграничения: и тот и другой сводились к требованию свободного движения судебных актов в правовом поле ЕС.[574] Однако достаточно быстро стало очевидно, что они имеют различное содержание.[575] Дело в том, что «взаимное доверие» не могло и не должно было пониматься как нормативно установленная обязанность государств по отношению друг к другу (*обязанность доверять*). Истинное его значение состояло в требовании к государствам-участникам достигать

---

enforcement of judgments in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Communities*, 16.01.2001, L 012, p. 2 (para. 16 Preamble).

[572] MAGNUS, U.; MANKOWSKI, P. (eds.). *Brussels I Regulation*. Munich: Sellier, 2007, p. 7.

[573] KRAMER, X. Cross-Border Enforcement in the EU: Mutual Trust Versus Fair Trial? Towards Principles of European Civil Procedure. *International Journal of Procedural Law*, 2011, Vol. 2, p. 218; СЕМУШКИНА, Н.И. Роль принципа взаимного доверия в развитии общего пространства правосудия в Европейском Союзе. *Вопросы экономики и права*, 2016, № 3, с. 55.

[574] ARENAS, R. *Op. cit.*, p. 375.

[575] *Id.*, p. 360.

реального (*материального*) доверия, что было решительно невозможно при сохранении различий в праве отдельных стран.[576]

Именно о последовательном утверждении «реального доверия» в отношениях между странами-участницами, а не о его одномоментном утверждении в качестве ничем не подкрепленного обязательства шла речь в Гаагской программе. В ней подчеркивалось, что судебное сотрудничество по гражданским делам должно последовательно и прогрессивно развиваться посредством усиления взаимного доверия и формирования особой европейской судебной культуры, основанной на разнообразии правовых систем стран-участниц и их единстве посредством норм европейского права. Взаимное доверие должно основываться на уверенности в том, что европейские граждане имеют доступ к судебной системе, отвечающей одинаково высоким стандартам качества. Окончательная же отмена экзекватуры (о необходимости которой говорилось и ранее) должна сопровождаться рядом гарантий, среди которых могли быть как процессуальные, так и коллизионные меры.[577] По сути дела, это был манифест гармонизации процессуального права в ЕС.[578] Все выделенные нами необходимые составные части этого процесса находили свое отражение в формулируемых для ЕС задачах. Речь шла не только о нормативном сближении, но и о вспомогательном, поскольку формирование единой правовой культуры должно было происходить во многом посредством академического взаимодействия, обмена идеями и мнениями.

Из всего этого мы можем сделать вывод, что взаимное доверие (как реально существующая уверенность государств друг в друге) должно стать предпосылкой и необходимым условием взаимного признания

---

[576] ŁAZOWSKI, A. From EU with Trust: the Potential and Limits of the Mutual Recognition in the Third Pillar from the Polish Perspective. In: *The Future of Mutual Recognition in Criminal Matters in the European Union*. Eds.: G. Vernimmen-Van Tiggelen, L. Surano, A. Weyembergh. Brusells: Editions de l'Université de Bruxelles, 2009, p. 419-444.

[577] The Hague Programme: Strengthening Freedom, Security and Justice in the European Union. *Official Journal of the European Union*, 03.03.2005, C 53, p. 11.

[578] LASSERRE, M.-C. *Op. cit.*, p. 508; ZILINSKY, M. Mutual Trust and Cross-Border Enforcement of Judgments in Civil Matters in the EU: Does the Step-by-Step Approach Work? *Netherlands International Law Review*, 2017, Vol. 64(1), p. 115-118.

судебных решений в формируемом пространстве правосудия.[579] Если взаимное признание говорит нам, *что* делать (стремиться к отмене всех промежуточных препятствий на пути свободного движения судебных актов), то взаимное доверие отвечает на вопросы, *как* и *почему* это должно происходить. Перед странами ЕС действительно стояла непростая задача по идеологическому обоснованию столь далеко идущих планов. Опора стран на общие принципы Европейской конвенции или Хартии основополагающих прав была необходимой, но явно недостаточной мерой, не приводящей к должному уровню единства.[580] Для практической реализации принципа были необходимы конкретные и более детализированные меры. Важно было и то, чтобы происходящее сближение права с неизбежностью приводило к усвоению государствами ЕС общих целей и ценностей, а не только единых норм.

С момента осознания этих истин законодатель ЕС стал использовать новую тактику, которая заключалась в постепенном наращивании доверия в отдельно взятых процедурах.[581] Впервые такие усилия позволили привести к отмене экзекватуры по делам о доступе к ребенку и по его возврату в Регламенте «Брюссель II-бис» (2201/2003). Устанавливалось, что решения в таких делах подлежали исполнению без необходимости получения декларации исполнимости и без возможности оспорить признание. Условием «автоматической исполнимости» стало то, что судебное решение должно было быть сертифицировано в государстве

[579] ARENAS, R. *Op. cit.*, p. 25, 27; SULIMA, A. The Normativity of the Principle of Mutual Trust between EU Member States within the Emerging European Criminal Area. *Wroclaw Review of Law, Administration & Economics*, 2013, Vol. 3(1), p. 74.

[580] MAŃKO, R. *Op. cit.*, p. 4; MARCHADIER, F. La suppression de l'exequatur affaiblit-elle la protection des droits fondamentaux dans l'espace judiciaire européen? *Journal européen des droits de l'homme*, 2013, No. 3, p. 380; SEIDMAN, G.I. The New Comparative Civil Procedure. In: *The Dynamism of Civil Procedure – Global Trends and Developments*. Eds.: C. Picker, G. Seidman. Dordrecht: Springer, 2016, p. 40.

[581] HRADILOVÁ, V. The Free Movement of Judgments within the European Union: Process of Recognition and Enforcement of Foreign Judgments [interactive. Accessed on: 10.03.2016]. Access via Internet: <http://www.law.muni.cz/sborniky/dp08/files/pdf/mezinaro/hradilova.pdf>.

происхождения в соответствии с положениями Регламента, едиными для всех стран-участниц.[582]

Дальнейшая отмена экзекватуры осуществлялась за счет установления на европейском уровне самостоятельных (автономных и альтернативных) процедур. Их принятие было предусмотрено еще политическими программами, принятыми во исполнение положений Амстердамского договора, однако практическую реализацию они получили лишь спустя 7 лет, когда был принят текст первого из Регламентов о таких процедурах (о европейском производстве по бесспорным требованиям).[583]

Несколько позднее появились Регламенты о производстве по искам с небольшой суммой[584] и об ордере по обеспечению банковских счетов.[585] Помимо этого, к числу «общеевропейских» Регламентов можно отнести ранее принятый Регламент о европейском исполнительном листе[586] и о процедурах по делам о наследовании[587] (в той части, где последний устанавливает автономный европейский сертификат о наследовании).

Во всех случаях они позволяли в ходе самостоятельной («европейской») процедуры рассмотреть дело в суде одного из государств-участников и вынести решение, которое автоматически

---

[582] Council Regulation (EC) No 2201/2003 of 27 November 2003 concerning jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in matrimonial matters and the matters of parental responsibility, repealing Regulation (EC) No 1347/2000. *Official Journal of the European Union*, 23.12.2003, L 338, p. 3 (para. 23).

[583] Regulation (EC) No 1896/2006 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 creating a European order for payment procedure. *Official Journal of the European Union*, 30.12.2006, L 399, p. 1-32.

[584] Regulation (EC) No 861/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 establishing a European Small Claims Procedure. *Official Journal of the European Union*, 31.07.2007, L 199, p. 1-22.

[585] Regulation (EU) No 655/2014 of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 establishing a European Account Preservation Order procedure to facilitate cross-border debt recovery in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Union*, 27.06.2014, L 189, p. 59-92.

[586] Regulation (EC) No 805/2004 of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 creating a European Enforcement Order for uncontested claims. *Official Journal of the European Union*, 30.04.2004, L 143, p. 15-39.

[587] Regulation (EU) No 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession. *Official Journal of the European Union*, 27.07.2012, L 201, p. 107-134.

действовало на территории всего Союза без необходимости испрашивать разрешение на его признание и исполнение (и без возможности обжаловать признание, в т.ч. на основании незыблемой ранее оговорки о публичном порядке).[588] Любое оспаривание решения было возможно лишь в суде государства происхождения, что можно считать целесообразным, поскольку разумнее было избегать нарушений справедливого судебного разбирательства на стадии вынесения, а не компенсировать его изначальное отсутствие в ходе исполнения.[589]

Акцентирование внимания изначально не на общем исковом производстве, а на специальных процедурах, представляющих собой исключение из него, вполне объяснимо. В рамках таких (упрощенных по своей сути) процедур намного меньше нюансов, которые необходимо учесть при сближении, меньше различий в праве отдельных стран. Их усеченность, краткость, использование более простой формы позволяют с большими шансами на успех провести гармонизацию, не нарушив ни прерогатив государств, ни прав какой-либо из сторон спора.[590]

Так, успех гармонизации объяснялся тем, что каждая из процедур характеризовалась возможностью облегченной отмены вынесенного решения, чем уравновешивались возможности ответчика с таковыми у истца (последнему достаточно просто было добиться вынесения первоначального решения). Кроме того, Регламенты включали наборы «минимальных стандартов», которые необходимо соблюсти суду государства-участника при вынесении решения для того, чтобы оно могло свободно исполняться за рубежом. Данные стандарты относились к соблюдению фундаментальных процессуальных прав в государстве вынесения решения.[591] Они касались надлежащего уведомления ответчика, предоставления ему информации и возможности пересмотра

[588] *See*: *Regulation (EC) 861/2007*, p. 7 (art. 20(1)); *Regulation (EC) 1896/2006*, p. 1-32 (art. 19).

[589] KRAMER, X. *Cross-Border Enforcement in the EU: Mutual Trust versus Fair Trial*…, p. 222.

[590] KRAMER, X.; KAKIUCHI, S. Austerity in Civil Procedure and the Role of Simplified Procedures. *Erasmus Law Review*, 2015, Vol. 8(4), p. 139.

[591] MARCHADIER, F. *Op. cit.*, p. 384.

дела в исключительных случаях. На наш взгляд, именно эти положения и обеспечивали высокий уровень итогового доверия, который позволяет добиться автоматического действия решений (т.е. реализовать потенциал принципа взаимного признания).

В случае с Регламентами о европейском исполнительном листе и о наследственном сертификате речи о формировании единой процедуры рассмотрения дела не шло – вместо этого предусматривалась только унифицированная процедура вынесения «сертификата», который служил «европейским судебным паспортом», позволяя «европеизировать» последствия акта, изначально вынесенного судом (или другим органом конкретного государства) на территории всего Союза.[592]

По сути, с переходом к изданию подобных Регламентов не изменилось целевое назначение европейских норм в сфере ГПП. Они по-прежнему служили обеспечению свободного движения судебных актов. Новые Регламенты лишь использовали для этого иную тактику – стремились к достижению более прочного взаимного доверия за счет использования единых процедурно-процессуальных норм (что гарантировало беспристрастность и нейтральность) и обязательного соблюдения ими же установленных минимальных стандартов, которые были важны как *sine qua non* для любого национального гражданского процесса (и при необеспечении которых на практике исполнение решения нарушало бы права должника).[593]

Ранее существовавшая экзекватура была необходима по той причине, что процессуальные нормы стран-участниц еще не были в должной мере гармонизированы. По этой причине в каждом случае происходила проверка зарубежного решения с возможностью отказа в признании/исполнении (как гарантия сохранения государствами *status*

[592] ZILINSKY, M. Abolishing Exequatur in the European Union: the European Enforcement Order. *Netherlands International Law Review*, 2006, Vol. 53(3), p. 472.

[593] Draft Programme of measures for implementation of the principle of mutual recognition of decisions in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Union*, 15.01.2001, C 12, p. 5-6.

quo за надлежащим отправлением правосудия).[594] Последовательное же проведение гармонизации процессуального (а вместе с ним и в определенной степени частного) права с неизбежностью приводило к отмене вторичного контроля в государствах исполнения, поскольку этот контроль уже был пройден решением в стране его вынесения. Таким образом, необходимость решения проблем всего лишь одного института процессуального права (признания решений) привела к невиданному по масштабам сближению права в ЕС и к постепенному формированию единого пространства правосудия, а не просто сферы сотрудничества стран-участниц.[595] Сближение при этом шло от «частного» к «общему» (от специальных процедур к общеисковой), что может наглядно продемонстрировать следующий из выделенных нами периодов.

Подводя же итоги только что рассмотренного периода, стоит отметить, что он является поистине обширным и многогранным. Каждая из высказанных и реализованных в его рамках идей заслуживает, в принципе, выделения ее в отдельный период развития, если бы не одновременное их существование на практике и не столь тесная взаимосвязь и взаимозависимость, что одну невозможно воплотить в жизнь без других. Особенно важно подчеркнуть, что политические программы (начиная с Тампере) ставили перед собой сразу две важнейшие задачи: (1) обеспечить более эффективный доступ к правосудию и (2) установить систему взаимного признания судебных актов.[596] Первая из них соответствует установленному нами в первой главе *доводу о правах человека* в пользу необходимости сближения, а второй – *доводу о сотрудничестве государств*. Весьма высоко следует оценить в этой связи идеи авторов таких программ, поскольку они не отдавали явного приоритета ни одной из этих задач, а стремились обеспечить их равнозначную реализацию в процессе построения общего пространства правосудия.

---

[594] HESS. B. *The Integrating Effect of European of European Civil Procedure Law*…, p. 8.
[595] SPREEUW, M. *Op. cit.*, p. 505.
[596] *Presidency Conclusions, Tampere European Council,* paras 29-37.

1.3. Период консолидации и конституционализации (2007 г. -)

Зачастую последний (действующий и в настоящий момент) период исследователями связывается с принятием очередного договора о реформе ЕС (Лиссабонский договор 2007 г.). С нашей точки зрения, новый Договор лишь отчасти оправдывает выделение нового периода. В действительности, те изменения, которые он внес в ст. 65 (ныне – ст. 81) были отражением идей, ранее сформулированных в политических программах и в принятых актах вторичного права, а не принципиально новыми открытиями.[597] Не меньшее значение принадлежало новым политическим программам, а также теоретическим наработкам ученых. Поскольку затруднительно установить точный момент времени, когда второй период сменился третьим, мы будем ориентироваться на 2007 г., как на отправную точку. На практике же многие из мер, предусмотренных им, начали свое развитие намного позже, а некоторые до сих пор остаются декларативными.

Все изменения данного временного промежутка можно разделить на две группы: *нормативные* и *вненормативные* (юридически необязательные). К числу первых следует отнести прежде всего официальное закрепление (в ст. 67 и ст. 81 Договора о функционировании ЕС, ДФЕС) принципа «взаимного признания»[598] (но не «взаимного доверия»), который отныне должен был обеспечить должный доступ лицам к правосудию и стать основой всех законодательных норм в сфере судебного сотрудничества по гражданским делам. Можно с полной уверенностью утверждать, что *взаимное признание* стало конституционным принципом, который служит фундаментом для пространства правосудия.

Другой особенностью данного периода стало то, что гражданский процесс, формируемый институтами ЕС, избавился от своей зависимости от внутреннего рынка, перестав быть обслуживающей его совокупностью

[597] LIUBERTAITĖ, L. *Op. cit.*, p. 101-102; SEIDMAN, G.I. *Op. cit.*, p. 42.

[598] Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union. *Official Journal of the European Union*, 26.10.2012, C 326, p.73, 78-79 (arts. 67, 81).

норм. Это наглядно может быть продемонстрировано на примере названной выше ст. 81 ДФЕС, которая сообщает, что ЕС имеет право принимать законодательные меры «*в частности*, когда это необходимо для надлежащего функционирования внутреннего рынка».[599] Подобная формулировка означала, что новые акты с процессуальным содержанием могут издаваться и в тех случаях, когда они никак не связаны с реализацией рыночных свобод ЕС. [600]

Наконец, последним событием стало провозглашение юридически обязательной силы за Хартией основополагающих прав ЕС.[601] Данный документ является «европейским биллем о правах», одна из статей которого (ст. 47) закрепляет базовые процессуальные принципы (должной правовой защиты, справедливого и публичного разбирательства, разумного срока рассмотрения дела, возможности иметь представителя и получения правовой помощи).[602] Их нормативное закрепление повышает статус ЕС как объединения, гарантирующего реализацию этих прав и являющегося уже не рыночной организацией, а государственно-подобным образованием с собственными ценностями и принципами. Более того, как отмечает З. Вернадаки, эта норма является конституционной основой для дальнейшей гармонизации процессуального права в ЕС, кодифицируя в европейском масштабе право на доступ к правосудию.[603] Именно по этой причине (обретение частью норм гражданского процесса столь высокого статуса) мы и характеризуем эту ступень развития как период «конституционализации».

Не следует забывать и о дальнейшем развитии идей взаимного признания и доверия: в 2012 г. была принята новая редакция Регламента

---

[599] *Id.*, p. 78 (art. 81(2)).

[600] KUIPERS, J.-J. *EU Law and Private International Law: the Interrelationship in Contractual Obligations*. Leiden: Brill, 2012, p. 16; TULIBACKA. M. *Europeanization of Civil Procedures…*, p. 1535.

[601] BACA, W.M.K. *Op. cit.*, p. 6.

[602] Charter of Fundamental Rights of the European Union. *Official Journal of the European Union*, 26.10.2012, C 326, p. 405 (art. 47).

[603] VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice after the Lisbon Treaty: Perspectives for a Coherent Approach*…, p. 221.

«Брюссель I», которая отменяла экзекватуру для широкого круга частноправовых споров. Стоит отметить, что несмотря на кажущееся революционным преобразование, проверка формальностей не исчезла полностью, а была заменена «обратной экзекватурой», которая инициировалась по ходатайству заинтересованной стороны, полагающей, что ее право нарушено признанным и приведенным в исполнение решением. В отсутствие заявления от такой стороны, зарубежное решение следует исполнять автоматически и без дополнительных формальностей.[604] Таким образом, изменения в Регламенте 1215/2012 не являются столь уж радикальными. По сути дела, они направлены лишь на упрощение и ускорение процедуры, но оставляют все возможности контроля, что существовали ранее, в т.ч. и оговорку о публичном порядке.[605] Отсюда следует, что уровень доверия стран ЕС к судебным актам друг друга все еще не позволяет полностью уравнять в статусе зарубежные и национальные решения.

Последовательное развитие взаимного признания/доверия предусматривалось и *вненормативными* мерами этого периода, к которым прежде всего следует отнести Стокгольмскую программу (пришедшую на смену Гаагской). Она высказывалась за дальнейшее расширение тех областей, в которых действует облегченный режим свободного движения судебных и внесудебных актов,[606] относя к их числу, в частности, дела о наследовании и о режимах совместной собственности супругов и партнеров. При этом предписывалось принимать во внимание существующие правовые системы стран-участниц, в т.ч. их публичный порядок и национальные традиции. Впрочем, все это было лишь продолжением политики «постепенной

[604] Regulation (EU) No 1215/2012 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters (recast). *Official Journal of the European Union*, 20.12.2012, L 351, p. 14-16 (Arts. 39, 45-47).

[605] BUČINSKAITĖ, R. ES integracijos galimybės piliečiams ir verslui: naujas teismų sprendimų civilinėse ir komercinėse bylose pripažinimo bei vykdymo reglamentavimas. *Tiltai*, 2015, t. 3, p. 64.

[606] The Stockholm Programme: an open and secure Europe serving and protecting citizens. *Official Journal of the European Union*, 04.05.2010, C 115, p. 12.

(пошаговой) гармонизации», преобладавшей и ранее. К настоящим же «открытиям» этой эпохи относится признание того, что развитие европейского пространства правосудия должно быть консолидировано с тем, чтобы предотвратить существующую в нем фрагментацию.[607] Это поистине важнейшая цель, поскольку системного подхода и согласованности в праве ЕС, регулирующем гражданско-процессуальные отношения, явно не доставало до этого. Стокгольмская программа предусматривает, что названная цель должна достигаться при помощи упорядочения существующих инструментов. В результате будет гарантироваться их эффективное и единообразное применение.[608]

Консолидация оказалась необходимой и для идеи «взаимного признания/доверия». Дело в том, что в уже существующих Регламентах доверие обеспечивается установлением специальной процедуры и минимальных стандартов (гарантирующих справедливый суд).[609] Достигнутое доверие, впрочем, существует лишь в рамках соответствующей процедуры и не распространяется на весь гражданский процесс. Безусловно, это не до конца соответствует идеалам «единого пространства правосудия». Возможным выходом из положения может стать принятие «минимальных стандартов правосудия» (в форме «европейских принципов гражданского процесса») с более широким охватом.[610] Это бы еще больше сблизило национальные отрасли ГПП и увеличило бы область действия «взаимного доверия», позволив отменить экзекватуру по более широкому кругу дел. Такое станет возможным только в том случае, если единые стандарты будут касаться обеспечения справедливого правосудия и надлежащей защиты процессуальных прав сторон, т.е. тех вопросов, которые являются наиболее проблемными при межгосударственном взаимодействии по судебным делам.

---

[607] *Id.*, p. 4.

[608] *Id.*, p. 13.

[609] KRAMER, X. *Cross-Border Enforcement in the EU? Mutual Trust versus Fair Trial? Towards Principles of European Civil Procedure*…, p. 207.

[610] *Id.*

В настоящее время работа над подобным проектом уже была начата Европейским институтом права (*European Law Institute, ELI*) совместно с УНИДРУА (*UNIDROIT*).[611] Не стоит забывать и о том, что для утверждения доверия имеют значение не только гармонизированные стандарты, но и различные вненормативные меры, такие как подготовка кадров и интенсификация коммуникации заинтересованных лиц. В этой связи совершенно правомерно в ст. 81 ДФЕС в качестве направления законотворческой работы Союза было добавлено «судебное обучение». Поскольку многие вновь принимаемые процессуальные акты еще неизвестны или редко используются в тех или иных государствах-участниках, обучение судей очень важно и должно быть одним из главных факторов повышения взаимного доверия.

Обобщая сказанное, заметим, что на первый взгляд может сложиться мнение, что для третьего периода характерна такая же хаотичность мышления, как и для предшествовавшего ему. Однако за всеми инструментами и идеями этой поры все же можно проследить главную мысль – необходимость консолидации во имя построения подлинного европейского пространства правосудия.[612] Происходит переход от роли ЕС как посредника для стран-участниц в их взаимодействии друг с другом по процессуальным вопросам к его роли общеевропейского регулятора, имеющего и право, и возможность устанавливать общеотраслевые стандарты ГПП для всех входящих в него стран. Таким образом, «европейское пространство правосудия» все больше становится не особым направлением политики ЕС, а наименованием реально существующей системы защиты прав граждан и юридических лиц (единой для всей территории этого объединения).

---

[611] SILVESTRI, E. *Towards a European Code of Civil Procedure? Recent Initiatives for the Drafting of European Rules of Civil Procedure* [interactive. Accessed on: 21.06.2016]. Access via Internet: <https://www.academia.edu/18086809/Towards_a_European_Code_of_Civil_Procedure>.

[612] HARTNELL, H. *A Bird's Eye View of the EU's Civil Justice Policy Field: Discursive and Institutional Dimensions* [interactive. Accessed on: 25.09.2016]. Access via Internet: <https://eustudies.org/conference/papers/download/86>.

Подводя итоги данной части, отметим, что во многом любая периодизация (как приведенная нами, так и предложенная другими авторами) является условной. В один и тот же временной отрезок могли существовать различные взгляды на природу, сущность и назначение гражданского процесса в ЕС, а также на наиболее оптимальные способы сближения национальных отраслей процессуального права. Зачатки каждого последующего этапа мы можем находить в предшествующих: так, идея «взаимного признания» не нова и находила отражение еще в ст. 220 Римского договора,[613] но полноценную реализацию в качестве фундаментального принципа она получила только после вступления в силу Амстердамского договора. Требование отмены экзекватуры было сформулировано во втором из выделенных нами периодов, но на большую часть гражданских и коммерческих споров было распространено только спустя много лет, со вступлением в силу Регламента «Брюссель I-а». В то же время о необходимости консолидации и обобщения существующего законодательства говорится в Стокгольмской программе 2010 г., но и по сей день эта важнейшая задача окончательно не реализована. Несмотря на то, что ЕС оперировал схожими категориями из области гражданского процесса с момента принятия самых первых актов в этой области, их понимание со временем менялось. Если в начале «признание судебных актов» рассматривалось лишь как установление единых требований к экзекватуре, то впоследствии оно стало трактоваться как необходимость ее полной отмены и переход к свободному движению актов в пространстве единой Европы.

В завершение отметим, что ЕС удалось совершить гигантские усилия по переходу от простого сотрудничества к единому процессуальному правопорядку, существующему наравне с национальными, а зачастую и доминирующего над ними. Все это

[613] KRAMER, X. Cross-border Enforcement and the Brussels I-bis Regulation (Towards a new balance between Mutual Trust and National Control over Fundamental Rights. *Netherlands International Law Review*, 2013, Vol. 60(3), p. 347.

оказалось возможным отчасти под воздействием внешних факторов, а отчасти из-за естественного стремления стран региона развиваться в направлении конвергенции, а не разобщения и индивидуальной идентичности. На вопрос о том, как следует охарактеризовать то, к чему удалось прийти странам ЕС и каков текущий статус европейского «пространства правосудия» мы постараемся ответить в следующем параграфе.

2. Европейский гражданский процесс: текущий статус в правовой системе ЕС и стран-участниц

2.1. Понятие «европейского гражданского процесса»

Говоря о европейском пространстве правосудия и в целом о сотрудничестве стран-участниц друг с другом в сфере гражданского судопроизводства, необходимо отметить, что все чаще и активнее исследователями используется термин *«европейский гражданский процесс»*. Упоминания о нем можно найти в западной научной литературе с момента принятия и вступления в силу Брюссельской конвенции 1968 г.[614] Вначале им обозначалась формируемая данным актом система подсудности и признания решений, а позднее – совокупность всех инициатив ЕЭС/ЕС и стран-участниц, имеющих процессуально-правовое содержание.[615] Сам термин является не полностью корректным и в известной мере условным по двум причинам. *Во-первых*, он допускает неоправданную монополизацию «европейского дискурса» за инициативами Европейского Союза, хотя данным объединением «Европа» не ограничивается ни в географическом, ни в политическом, ни в социальном, ни в культурном, ни, тем более, в

[614] *See* e.g.: FREUDENTHAL, M. *Op. cit.*; KRAMER, X.E. *Cross-border Enforcement in the EU: Mutual Trust versus Fair Trial…,* p. 202-230; MAŃKO, R. *Op. cit.*, p. 25; ŠÍNOVÁ, R.; VALENTOVÁ, L. *Op. cit.*, p. 12.

[615] *See:* JUENGER, F. Some Comments on European Procedural Harmonization. *American Journal of Comparative Law*, 1997, Vol. 45(4), p. 932; van der GRINTEN, P. Challenges for the Creation of a European Law of Civil Procedure. *Civil Justice Review*, 2007, Vol. 3, p. 65-66.

правовом смысле.[616] *Во-вторых*, данный термин не используется органами и институтами самого ЕС, а равно его странами-участницами. Официально та сфера, в которой принимаются процессуальные инструменты именуется «судебным сотрудничеством по гражданским делам» или «европейским пространством правосудия».[617] Словосочетание же «европейский гражданский процесс» распространено преимущественно в академической среде. Тем не менее, оно достаточно прочно вошло в оборот, не вызывает затруднений у его пользователей, а потому представляется вполне допустимым. В дальнейшем мы будем использовать словосочетания «европейский гражданский процесс» (далее также – ЕГП) и «гражданский процесс ЕС» (ГПП ЕС) как синонимы.

Однако если в методических целях и для удобства преподавания подобная совокупность норм может быть обособлена под отдельным названием, то существование ее как самостоятельного и целостного правового комплекса наталкивается на ряд трудностей. Что представляет собой «европейский гражданский процесс», каковы его предназначение, статус, структура? На эти и другие вопросы мы постараемся ответить ниже.

Наименьшее количество споров вызывают источники этого нормативного образования: к ним относят соответствующие положения учредительных договоров и Хартии основных прав ЕС (а также Конвенции о правах человека) и вторичного права ЕС (о части которых уже шла речь в предыдущем разделе).[618] Кроме того, к числу источников вполне правомерно было бы отнести прецедентные решения Суда ЕС и ЕСПЧ. Выделение иных, помимо чисто коммунитарных, источников на наш взгляд совершенно оправдано, поскольку даже с принятием Амстердамского и Лиссабонского договоров наднациональное правотворчество не стало единственной формой сближения (хотя и приобрело решающее значение). По-прежнему остались в силе

[616] STORSKRUBB, E. *Civil Procedure and EU Law…*, p. 10.
[617] ŠÍNOVÁ, R.; VALENTOVÁ, L. *Op. cit.*, p. 12-13.
[618] TULIBACKA, M. *Common Minimum Standards of Civil Procedure*…, p. 27.

Брюссельская и Луганская (реформированная) конвенции; кроме того, ЕС активно участвует в работе Гаагской конференции по международному частному праву.[619] Из этого мы наглядно видим, что наднациональное право ЕС так и не вытеснило окончательно другие механизмы сближения процессуального права, действующие в регионе.

Что же касается сущности гражданского процесса ЕС, то здесь не все так однозначно. По сути, все многообразие взглядов на европейский гражданский процесс можно свести к рассмотрению его как: (1) средства реализации норм материального права ЕС; (2) особого (коммунитарного) режима международного частного права (или международного гражданского процесса); (3) средства сближения национальных норм ГПП; (4) специальной системы признания решений; (5) самостоятельной отрасли наднационального права (в противовес существующим национальным); (6) совокупности всех или части из вышеприведенных качеств. Попробуем раскрыть последовательно ключевые положения каждого из подходов.

(1) ЕГП как средство реализации норм материального права ЕС. Как уже отмечалось выше, ЕС с самого начала своего существования принимал немалое количество норм материального права, сближавших национальное право в целом ряде областей. Нормы права ЕС отличались тем, что имели прямое действие и в соответствующих сферах обладали верховенством над национальным правом. Но и они нуждались в эффективной реализации посредством процессуальных норм. Таким образом, первый подход исходит из вполне логичной посылки о том, что правопорядок ЕС (отдаленно напоминающий национальный) должен подразделять все свои нормы на материальные и процессуальные. Именно последние и составляют содержание того, что мы называем «европейским гражданским процессом» – средства принудительной

[619] *See e.g. Convention on the International Recovery of Child Support and Other Forms of Family Maintenance* (Hague, 23 November 2007) [interactive. Accessed on 12.05.2016]. Access via Internet: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=131>.

реализации гражданами и юридическими лицами их прав в правопорядке ЕС.[620]

Однако уже было показано, что сам правопорядок ЕС является весьма особым образованием. Судебная защита в нем носит децентрализованный характер и возлагается, главным образом, на национальные органы, которые применяют собственное процессуальное право.[621] Здесь, впрочем, можно вновь вспомнить о значимой роли Суда ЕС, который и в более поздние периоды развития ГПП в ЕС не перестал толковать национальные процессуальные меры на предмет соответствия принципам эквивалентности, эффективности и эффективной судебной защиты. Но в такой трактовке оказывается, что ЕГП представляет собой лишь совокупность казуистичных стандартов Суда, выработанных им по отдельным делам (от административных до гражданских), а также небольшое количество разрозненных процессуальных положений, которые содержатся в отдельных Директивах и Регламентах.[622] Иными словами, это не позволяет подвести общую черту под всеми названными мерами и охарактеризовать их как единое целое.

Интересно и то, что в такой схеме не остается места рассмотренным ранее актам о подсудности и признании решений, работе с доказательствами, альтернативных процедурах и т.д. Все они были приняты на основании нормы о «судебном сотрудничестве» и не зависят напрямую от того, опирается ли рассматриваемое в национальном суде дело на европейскую или национальную норму. Единственным требованием для их применения является *трансграничность* спора, т.е. его связанность с правопорядком более чем одного государства-

---

[620] *See*: ELIANTONIO, M. *Op. cit.*

[621] VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice after the Lisbon Treaty…*, p. 3; KRANS, B. *Op. cit.*, p. 572.

[622] See e.g. Directive 93/13/EEC of 5 April 1993 on unfair terms in consumer contracts. *Official Journal of the European Communities*, 21.04.1993, L 95, p. 29; Regulation 2016/679 of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC. *Official Journal of the European Union*, 04.05.2016, L 119, p. 1.

участника. Требование трансграничности само по себе никак не касается каких-либо материальных норм права ЕС, а потому можно констатировать, что процессуальное регулирование ЕС носит автономный и независимый характер от его же собственного *субстантивного* права.

Процессуальное право ЕС уже заняло достойное место в конституционной структуре данного наднационального образования: оно применяется для обеспечения эффективного доступа к правосудию и взаимного признания решений во всем едином пространстве правосудия. Ранее еще могла идти речь о косвенной привязке ГПП ЕС к внутреннему рынку и тем фундаментальным свободам, что его формируют. Однако с обретением в третий период своего развития независимости от рыночной политики, процесс обрел собственную значимость, получил свои цели и задачи, не касающиеся с неизбежностью обслуживания материально-правовых установок Союза. С нашей точки зрения, следует оценивать такой процесс положительно, поскольку тем самым снимается дуализм национальных и «европейских» средств защиты, которые не были обязаны соответствовать друг другу.

Положения гражданского процесса ЕС будут применяться к спорам, основанным как на национальной, так и на европейской норме материального права, однако лишь в тех случаях, когда сама ситуация входит в наднациональную «сферу ведения», т.е. является трансграничной. Подразделение дел на «трансграничные» (т.е. отражающие общий интерес и заслуживающие централизованного регулирования) и «национальные» (т.е. внутренние, относящиеся к области процессуальной свободы каждого из государств-участников) уже основывается на процессуальном критерии и отражает характерные особенности соответствующих правоотношений, наличие или отсутствие необходимости совершать в их рамках те или иные процессуальные действия, а поэтому является более оправданным.

В то же время, нельзя не признать, что часть материальных норм права ЕС действительно имеет собственные процессуальные механизмы реализации. Хотя большая их часть носит разрозненный характер и тесно переплетается с национальным регулированием, вполне возможно на практике существование и автономных комплексов. В качестве примера можно привести регулирование деятельности Единого Патентного Суда, который по замыслу его создателей должен быть общим судом для всех стран-участниц (и частью их судебной системы).[623] Он должен иметь исключительную компетенцию по рассмотрению споров, касающихся европейских патентов и в то же время не иметь полномочий принимать решения относительно национальных патентов. Здесь мы наглядно видим детальное урегулирование конкретной сферы правоотношений (интеллектуальная собственность в области патентов) «от и до» европейским правом (и даже с участием европейских судебных органов). Подобным образом в будущем могут быть урегулированы и иные правоотношения, представляющие существенное значение для ЕС. Преимущество заключается в комплексном регулировании отношений на одном уровне. Проблема же будет состоять в их «оторванности» от гражданского процесса стран-участниц, отсутствии связующих их воедино общих принципов и стандартов, а также в разной логике функционирования систем ГПП. В итоге, данный подход оказывается не в состоянии указать, что же именно должно пониматься под «европейским гражданским процессом» и как связать воедино все те «процессуальные» инициативы, что принимаются органами и институтами ЕС.

(2) ЕГП как международное частное право и/или международный гражданский процесс. Крайне распространенным является рассмотрение ЕГП в качестве особого режима общего

[623] Agreement on a Unified Patent Court. *Official Journal of the European Union*, 20.06.2013, C 175/1.

(коммунитарного) международного частного права.[624] При этом само международное частное право (МЧП) в доктрине понимается как набор правил, вступающий в действие в том случае, когда правоотношение (в нашем случае – процессуальное) осложнено иностранным элементом. МЧП определяет, на каких условиях суд государства может принять к рассмотрению спор из такого правоотношения (подсудность, юрисдикция), какая система внутригосударственного права применима к правоотношению (применимое право) и на каких условиях, и в каком порядке может быть признано и исполнено решение зарубежного суда.[625] Такой подход к содержанию МЧП распространен в западном правоведении,[626] где термин имеет значение, сходное с английским «коллизионным правом» (*conflict of laws*).[627] При этом первый и третий из названных выше вопросов (подсудность и признание решений) иногда рассматривают отдельно как «международный гражданский процесс» (МГП).[628] В восточноевропейской (евразийской) правовой традиции предмет МГП понимается шире и включает в себя процессуальное положение иностранных граждан и государств, исполнение судебных поручений зарубежных судов, процессуальные аспекты установления содержания иностранного права – словом, любые процессуальные нормы, которые регулируют отношения с иностранным элементом.[629] В этой

---

[624] HESS. B. *The Integrating Effect of European of European Civil Procedure Law*…, p. 6; NEKROŠIUS, V. *Europos Sąjungos civilinio proceso teisė (pirma dalis)*. Vilnius: Justitia, 2009, p. 18; ГРЕБЕНЦОВ, А.М. Унификация правил подсудности гражданских дел международного характера в странах Европы. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2003, № 1, с. 34.

[625] STEWART, D. Private International Law: a Dynamic and Developing Field. *University of Pennsylvania Journal of International Law*, 2009, Vol. 30(4), p. 1121-1122; KONTRAUSKAS, R. Tarptautinis civilinis procesas: samprata ir vieta nacionalinės teisės sistemoje. *Jurisprudencija*, 2008, n. 7(109), p. 76.

[626] BAYRAKTAROĞLU, G. *Op. cit.*, p. 131; BOGDAN, M. *Private International Law as Component of the Law of the Forum: General Course*. The Hague: Hague Academy of International Law, 2012, p. 20-21; STEWART, D. *Op. cit.*, p. 1121-1122.

[627] AUST, A. *Handbook of International Law*. Cambridge: CUP, 2010, p. 1; COLLIER, J. *Conflict of Laws*. Cambridge: CUP, 2001, p. 3-5; MICHAELS, R. Global Legal Pluralism. *Annual Review of Law and Social Sciences*, 2009, Vol. 5, p. 248.

[628] ЖАРКО, А.Л. *Признание и исполнение иностранных судебных решений в Англии*: диссертация кандидата юридических наук. Москва: Российский университет дружбы народов, 2006, с. 11.

[629] БОГУСЛАВСКИЙ, М.М. *Международное частное право: учебник*. Москва: Юрист, 2005, с. 352; САЕНКО, А.В. Источники международного гражданского процессуального права. *Пробелы в российском законодательстве*, 2012, № 3, с. 92.

связи и ЕГП понимается соответствующими исследователями как порядок разрешения любых гражданско-правовых споров трансграничного характера.[630]

На наш взгляд, вне зависимости от подхода к сущности МЧП/МГП (широкого или узкого), ГПП ЕС не может рассматриваться как его часть, поскольку однозначно выходит за его рамки.

Во-первых, несмотря на свое название МЧП/МГП является частью национального правопорядка (а не международного), находя закрепление преимущественно в процессуальных кодексах или отдельных законах и формируя отдельный институт права. Европейский же гражданский процесс является результатом законотворческой деятельности ЕС в процессуальной сфере.[631] Некоторые авторы уже из одного этого факта делают вывод об особом характере европейского регулирования, не позволяющем отнести его к предмету МЧП/МГП.[632] С нашей точки зрения, специфика источников сама по себе не свидетельствует об особом статусе ЕГП, поскольку и в классическом МЧП/МГП они многообразны – не только национальные нормы, но и международные соглашения. Однако правовое положение ЕС действительно значительно влияет на статус принимаемых им норм. Если для МЧП/МГП характерен «восходящий взгляд»: национальными (или имплементированными международными) нормами регулируются отношения, выходящие за рамки соответствующего правопорядка, то нормами ЕГП (которые принимаются на наднациональном уровне), напротив, регулируются отношения, складывающиеся «на уровень ниже» (в национальном праве стран-участниц), т.е. речь идет о «нисходящем взгляде». Данный подход существенно отражается на философии принимаемых норм: в случае с европейским правом они были изначально предназначены для

[630] ИЗАРОВА, И.А. *Теоретические и практические основы гармонизации гражданского процесса Европейского Союза и Украины*: автореферат диссертации доктора юридических наук. Киев: Институт государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины, с. 12.

[631] JUENGER, F. *Op. cit.*, p. 932; van der GRINTEN, P. *Op.cit.*, p. 65-66.

[632] САЛИМА, М. О еволуцији концепта европског грађанског процесног права. *Зборник радова Правног факултета у Новом Саду*, 2007, № 1-2, с. 197.

регулирования отношений в качественно однородной среде «единого рынка» (а ныне – уже в подлинно европейском пространстве правосудия). Такие отношения с большой условностью можно назвать «отношениями с иностранным элементом», поскольку самой сутью «единого пространства» является стирание границ, провозглашение всего ЕС однородной в правовом отношении территорией, где лицо или правоотношение в другом государстве-участнике не является «чуждым», а просто подпадает под одновременное регулирование европейских и национальных норм (в рамках единого процессуального правопорядка).[633] В связи с этим данные отношения можно охарактеризовать как «внутрикоммунитарные» (*intra-Community*),[634] а не «отношения с иностранным элементом».

Во-вторых, часть актов современного ЕГП не может быть *предметно* отнесена к МЧП/МГП.[635] В период действия Брюссельской конвенции (и даже в первые годы существования «коммунитарного» режима) между этими понятиями еще можно было поставить знак равенства, поскольку в те времена круг регулируемых вопросов действительно не выходил за рамки норм о конфликте законов. Однако появившиеся позднее акты уже не вписывались в классическую триаду вопросов МЧП. Так, например, Директива 2008/52/ЕС о медиации, относящаяся к смежной с гражданским процессом отрасли (альтернативному разрешению споров), устанавливает понятия «медиатора» и «медиации», стандарты проведения медиативной процедуры, ее конфиденциальности и исполнимости итоговых соглашений (а не традиционные для международного гражданского процесса нормы о разграничении компетенции и признании актов).[636] Еще более заметным будет отличие от МЧП/МГП в ситуации с

[633] STORSKRUBB, E. *Civil Justice – a Newcommer and an Unstoppable Wave*…, p. 309.

[634] ИЗАРОВА, И.А. Принцип приоритетности гражданского процесса ЕС и особенности его реализации. *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 5, с. 214-215.

[635] STORSKRUBB, E. *Civil Justice – a Newcommer and an Unstoppable Wave*…, p. 330.

[636] Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Union*, 24.05.2008, L 136, p. 6-7.

упомянутыми выше Регламентами об автономных процедурах (актами «второго поколения»).

Как мы помним, подобные акты вводят собственные правила судопроизводства и минимальные требования к национальным процессуальным правилам, тем самым обеспечивая высокое взаимное доверие. Эти Регламенты не содержат норм о подсудности или применимом праве, вместо этого самостоятельно регулируя отношения сторон и суда.[637] Вводимый ими режим представляет собой *собственное процессуальное право Союза*, а не набор отсылок к праву его стран-участниц.[638] Другой особенностью является их «альтернативность» (опциональность): они применяются не *вместо* национальных процедур, а *наряду* с ними, обеспечивая заявителю возможность выбора. При этом, если традиционно МЧП позволяет осуществить выбор в пользу одной из национальных правовых систем, то европейские нормы допускают обращение и к «наднациональному» праву ЕС как системе регулятивного, а не коллизионного права.[639] Именно эта особенность ЕГП и позволяет провести его отграничение от МГП, частью которого оно не является. При этом со временем европейский законодатель может увеличить количество «европейских процедур» (используя тактику «последовательного сближения»),[640] что еще больше отдалит ЕГП от МГП в его классическом понимании.

Многие авторы отмечают, что именно с принятием отмеченных выше актов становится возможным говорить о возникновении «подлинно

---

[637] GIELEN, P. Guide pratique de la procédure européenne d'injonction de payer. *Journal des tribunaux*, 2009, Vol. 35 (128), p. 662; KRAMER, X. *Harmonizing of Civil Procedure and the Interaction with Private International Law*…, p. 124-125.

[638] BOELE-WOELKI, K. *Unifying and Harmonizing Substantive Law and the Role of Conflict of Laws*. Leiden: Brill, 2010, p. 31; KRAMER, X. Towards ELI-UNIDROIT Model Rules of Civil Procedure: Basic Premises and Challenges. *Bay Area Civil Procedure Forum*, Hastings (San Francisco), 19 April 2016, p. 1; КРЫМСКИЙ, Д.И. *Упрощенные производства в гражданском процессе зарубежных стран*: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва: Московский государственный университет, 2011, с. 20.

[639] BOELE-WOELKI, K. *Unifying and Harmonizing Substantive Law and the Role of Conflict of Laws*..., p. 31.

[640] KRAMER, X. The Structure of Civil Proceedings and Why it Matters: Exploratory Observations on Future ELI-UNIDROIT European Rules of Civil Procedure. *Uniform Law Review*, 2014, Vol. 19(2), p. 223-224.

европейского гражданского процесса».[641] Действительно, эти акты впервые создали автономные общеевропейские средства правовой защиты (*remedies*), а значит, были адресованы непосредственно участникам спора, а не государствам. Ранее действовавшие Регламенты (Брюссель I, Брюссель II-бис, о доказательствах и т.д.) все же преимущественно содержали инструкции для государств: как определить подсудность дел своим судам, получить по запросу другого суда доказательство и т.д. Новые же акты устанавливали права и обязанности участников разбирательства, причем как для истца, так и для ответчика, в связи с чем создали «с нуля» немалое количество норм.

Вместе с тем, если придерживаться широкой трактовки предмета МЧП/МГП (любые отношения с иностранным элементом), то может оказаться, что «автономные» Регламенты все же остаются в рамках его предмета (поскольку действуют только в «трансграничных спорах»). Однако здесь стоит отметить, что ограничение их сферы функционирования, по сути, зависело сугубо от воли европейского законодателя. На стадии подготовки законопроектов об автономных процедурах со стороны Комиссии поступали предложения о применении данных процедур также и к национальным делам (путем расширительного толкования требования «трансграничности» в ст. 65/81 Договора).[642] Данные идеи были отклонены Советом и Парламентом, в результате чего Регламенты остались применимыми только в делах с «непосредственными» трансграничными последствиями, когда необходимая ситуация существует на момент подачи заявления в суд. В то же время, если дело впоследствии утратит такой характер, оно все равно может (и должно) быть рассмотрено в «общеевропейской»

---

[641] GUINCHARD, E. L'Europe, la procédure civile et le créancier: l'injonction de payer européenne et la procédure européenne de règlement des petits litiges. *Revue trimestrielle de droit commercial et de droit économique*, 2008, p. 465; KRAMER, X. *Enhancing Enforcement in the European Union*…, p. 18; КРЫМСКИЙ, Д.И. *Упрощенные производства в гражданском процессе зарубежных стран*..., с. 20.

[642] *See*: *Explanatory Memorandum to the Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a European Small Claims Procedure* (presented by the Commission). Brussels, 15.03.2005, COM(2005) 87 final, 2005/0020, p. 5-6 (para. 2.2.1).

процедуре. Отсюда мы наглядно видим, что существующее требование «трансграничности» и его форма отражают баланс политических интересов в ЕС, а вовсе не являются сущностными качествами процедур. Потенциально они могут быть использованы для урегулирования любых отношений, в том числе и сугубо национальных.

В то же время, нельзя не отметить, что главной задачей рассматриваемых актов было именно обеспечение *признания и исполнения решений* в отношениях между странами-участницами,[643] а потому их отнесение к области МЧП/МГП не является столь уж неверным. Можно признать, что все процедуры и минимальные стандарты, которые устанавливаются ими, носят лишь прикладной характер по отношению к основной цели (гарантированию свободного трансграничного движения решений). Однако Регламенты второго поколения решают эту чисто «международную» проблему с использованием оригинального метода, не имеющего ничего общего с классическими коллизионными приемами.[644]

Стоит также заметить, что в составе ЕГП есть и такие акты, которые вовсе не требуют «трансграничного элемента» для своего применения. Речь идет о Директивах, принятых на основании ст. 114 ДФЕС (ранее – ст. 95), которые касаются в целом гармонизации национального права и подвергают сближению в том числе и нормы исключительно внутригосударственного действия.[645] Нами уже упоминалась в числе подобных актов Директива о принудительном осуществлении прав в сфере интеллектуальной собственности. С момента ее принятия ст. 95/114 использовалась для создания и других актов, таких как Директива 2009/22/ЕС от 23.04.2009 г. о судебных запретах в целях

[643] NEKROŠIUS, V. Europos Sąjungos sumariniai procesai - ar esame kelyje į bendrą Europos Sąjungos civilinį procesą? In: *Teisė besikeičiančioje Europoje. Liber Amicorum Pranas Kūris*. Vilnius: Mykolo Romerio universitetas, 2008, p. 791.

[644] BOELE-WOELKI, K. *Unifying and Harmonizing Substantive Law*…., p. 31.

[645] KRAMER, X. *Procedure Matters: Construction and Deconstruction in European Civil Procedure*. Rotterdam: Eleven International Publishing, 2013, p. 12-19.

защиты интересов потребителей,[646] 2013/11/EU от 21.05.2013 об альтернативном разрешении споров с участием потребителей,[647] а также 2014/104/EU от 26.11.2014 об определенных правилах, регулирующих рассмотрение в соответствии с национальным правом споров о возмещении вреда за нарушение законодательства стран-участниц и ЕС о конкуренции.[648] При этом перечень вопросов, по которым могут быть приняты новые акты подобного типа, не является закрытым как в случае со ст. 81 ДФЕС (он ограничен лишь требованием связи с единым рынком), а потому новые Директивы со столь же широким территориальным действием могут быть приняты в любое время.[649] Безусловно, подход таких актов не имеет ничего общего с МЧП/МГП, поскольку последнее применяется только к делам с иностранным элементом, тогда как Директивы действуют повсеместно.

Итак, европейский гражданский процесс не может быть понят как составная часть или как особый режим в рамках МГП. Напротив, он включает в свой состав комплекс норм международного гражданского процесса (о юрисдикции, признании решений, вручении документов и получении доказательств), но не ограничивается ими, регулируя и другие аспекты гражданского судопроизводства.

(3) ЕГП как средство сближения национальных норм ГПП. Подобный подход отвергает самостоятельное значение наднациональных норм ЕС в сфере ГПП и рассматривает его исключительно как инструмент для выполнения прикладной задачи – гармонизации и унификации норм национального права стран-участниц.[650] Как мы уже

---

[646] Directive 2009/22/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on injunctions for the protection of consumers' interests. *Official Journal of the European Union*, 01.05.2009, L 110, p. 30-36.

[647] Directive 2013/11/EU of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 on alternative dispute resolution for consumer disputes and amending Regulation (EC) No 2006/2004 and Directive 2009/22/EC. *Official Journal of the European Union*, 18.06.2013, L 165, p. 63-79.

[648] Directive 2014/104/EU of the European Parliament and of the Council of 26 November 2014 on certain rules governing actions for damages under national law for infringements of the competition law provisions of the Member States and of the European Union. *Official Journal of the European Union*, 05.12.2014, L 349, p. 1-19.

[649] TULIBACKA, M. *Europeanization of Civil Procedures*…, p. 1547.

[650] van der GRINTEN, P. *Op. cit.*, p. 67.

указывали в предыдущем параграфе, на каждом этапе перед ЕГП ставились задачи по гармонизации разных по объему и характеру норм национального права. Менялись подходы идеологов европейской интеграции, а также инструменты (источники), которые содержали нормы, но неизменным оставалась их направленность на сближение национального права. В настоящее время перед ЕС стоит особо трудная задача по формированию комплексной и непротиворечивой системы правосудия на наднациональном уровне, которая бы обеспечила гражданам и юридическим лицам, живущим в ЕС, сходные стандарты судебной защиты.

В этой связи в науке возникли определенные сомнения в том, что деятельность ЕС в сфере ГПП в принципе представляет собой сближение.[651] Особый повод для них дают альтернативные и автономные европейские процедуры. Действительно, «коммунитаризация» права, т.е. активное построение собственных норм права ЕС начинает противопоставляться гармонизации национальных норм, т.е. разработке стандартов для их внедрения в национальное право государств-участников. Вместо последовательного внесения изменений во внутреннее право каждого из государств-участников ЕС происходит формирование автономного и все более самостоятельного нормативного массива *наднационального права*. Это может привести нас к выводу о том, что используемая ЕС тактика наднационального правотворчества не влечет никакого сближения, поскольку национальное право не остается затронутым – принимаемые нормы остаются на общеевропейском уровне и действуют там подобно законам.

Сказанное в большей мере справедливо для Регламентов, поскольку Директивы все же имплементируются в национальное право и требуют от государств-участников принятия собственных актов, вводящих в действие европейские предписания и при необходимости конкретизирующих их. Однако в области гражданского процесса

[651] TULIBACKA. M. *Europeanization of Civil Procedures…*, p. 1540.

абсолютный перевес по числу принятых актов оказывается на стороне Регламентов (актов прямого действия).

Особенно актуальна данная проблема для факультативных инструментов, поскольку они существуют параллельно с национальными актами и не требуют внесения в последние каких-либо изменений.[652] Важно и то, что некоторые из вновь принимаемых общеевропейских процедур не имели аналогов в национальном праве и стали известны ему лишь со вступлением в силу соответствующих Регламентов – таким образом, на момент их принятия отсутствовал объект для сближения.

На наш взгляд, вышеизложенные аргументы не могут использоваться для выводов об отсутствии сближения процессуального права в ЕС. Даже если мы возьмем для анализа только общеевропейские автономные процедуры, то увидим, что учреждающие их Регламенты являются факультативными для *истца* (*заявителя*).[653] Он волен использовать одну из доступных в его деле наднациональных процедур, либо обратиться к тем, что существуют в праве государства суда (*lex fori*). В то же время у государства нет подобной свободы усмотрения – если лицо желает, чтобы его дело было рассмотрено в соответствии, скажем, с процедурой по небольшим искам, и формальные требования удовлетворены, у судов государства-участника нет итого выбора, кроме как рассмотреть дело в рамках такой процедуры. В этом смысле предписания Регламентов «второго поколения» являются для государств в той же мере обязательными, что и положения любого другого наднационального акта в сфере ГПП. Государства (за исключением Дании, Великобритании и Ирландии, для которых действует особый политико-правовой режим участия в «пространстве правосудия») не вправе отказаться от обязательности для них данных Регламентов или оговорить свое участие в них какими-либо условиями. Такие акты действуют одновременно во всех странах, формируя сходное правовое

[652] MAŃKO, R. *Op. cit.*, p. 14.

[653] *See*: *Regulation (EC) No 1896/2006*, p. 3 (Art. 1(2)); *Regulation (EC) No 861/2007*, p. 4 (Art. 1).

регулирование, а потому речь идет именно о сближении. Данное сближение наглядно проявляется как в установлении единых процессуальных правил ведения процедуры, так и минимальных стандартов, гарантирующих соблюдение прав сторон.

Упомянутая ситуация – регулирование общественных отношений только наднациональным актом без его имплементации в праве государств-участников характерна для любого Регламента и следует из самой сути данного акта («наднациональный закон» прямого действия).[654] Более того, и Директивы также получают «прямое действие» в результате нарушения государствами сроков по их имплементации,[655] а также при четкости установленных ими норм, позволяющих положиться на них напрямую.[656] В таких условиях они, по сути, будут действовать аналогично Регламентам.

Основные акты ЕС в сфере гражданского процесса – Регламенты о подсудности и признании решений, о доказательствах и вручении документов также действуют непосредственно, а не за счет принятия на их основе национальных мер (хотя отсылка к этим актам в праве государств-участников и допускается). Вместе с тем, они являются унифицирующими и гармонизирующими инструментами, поскольку создают сходные правовые режимы и порядки регулирования процессуальных отношений для всех стран-участниц. То же самое справедливо и по отношению к Регламентам об «автономных процедурах». Различие проявляется лишь в том, что с их принятием не исчезли национальные процедуры разбирательства аналогичных категорий дел (бесспорных требований, исков с небольшой суммой и

---

[654] *See*: Treaty on the Functioning of the European Union (Consolidated version). *Official Journal of the European Union*, 26.10.2012, C 326, p. 171 (Art. 288).

[655] *See*: Judgment of the European Court of Justice of 5 April 1979, case no. 148/78 *Criminal proceedings against Tullio Ratti* (Reference for a preliminary ruling: Pretura di Milano, Italy). *European Court Reports*, 1979, p. 1641-1642, paras. 20-24; Judgment of the European Court of Justice of 19 November 1991, cases nos. 6/90, 9/90 *A. Francovich et al. v. Italian Republic* (References for a preliminary ruling: Pretura di Vicenza and Pretura di Bassano del Grappa, Italy). *European Court Reports*, 1991, Vol. I, p. 5357, para. 11.

[656] Judgment of the European Court of Justice of 6 October 1970, case no. 9/70 *Franz Grad v. Finanzamt Traunstein* (Reference for a preliminary ruling: Finanzgericht München, Germany). *European Court Reports*, 1970, p. 838, para. 10; p. 841.

т.д.). Однако мы можем полагать, что формируемые на европейском уровне процедуры и не были задуманы как замена национальным, а призваны были вобрать все самое лучшее из них и создать *новые порядки рассмотрения трансграничных исков*. При этом сохранение на национальном уровне собственных способов рассмотрения споров и возможность их использования в равной мере для дел с иностранным элементом (например, достаточно популярный немецкий *Mahnverfahren* может составить действительную конкуренцию европейскому судебному приказу[657]) является лишь расширением числа способов защиты истцом своих прав, а вовсе не «отсутствием необходимой гармонизации» данных правоотношений.

В конечном итоге страны все же получают одинаковое (или сходное) регулирование. Тот факт, что источниками этого регулирования будут не нормы внутреннего права, а положения, существующие на наднациональном уровне, не должен иметь определяющего значения, поскольку это лишь иной способ сближения, не влияющий на саму сущность данного процесса, а в большинстве случаев даже являющийся более эффективным, чем традиционные механизмы. Как мы уже указывали в первой главе, сближение вполне может носить «усеченный» характер и заканчиваться созданием общих норм, имеющих непосредственное действие. В этой связи нельзя не отметить позицию Л. Кадье, который полагал, что лишь с появлением Регламентов «второго поколения» и стало возможным говорить о «подлинных» гармонизации и унификации национального процессуального права в странах ЕС.[658]

(4) ЕГП как специальная система признания и исполнения решений. Многими авторами заслуженно обращается внимание на то, что у ЕС самостоятельная, но достаточно ограниченная роль в сфере ГПП.[659] Союз не может осуществлять повсеместного сближения процессуальных

[657] KRAMER, X.E. *Enhancing Enforcement in the European Union*…, p. 30-31.

[658] *Droit processuel civil de l'Union Européenne*. Eds.: L. Cadiet, E. Jeuland et S. Amrani-Mekki. Paris: Lexis Nexis, 2011, p. XIX.

[659] BASEDOW, J. The Communitarisation of Private International Law – Introduction. *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht*, 2009, Vol. 73, p. 457.

норм, оставаясь обязанным руководствоваться тем правовым базисом, что установлен в Договоре. Ныне действующий ДФЕС устанавливает, что к задачам ЕС относится развитие судебного сотрудничества по трансграничным делам на основе *принципа взаимного признания*. Последний определяет статус гражданского процесса в ЕС с самого момента его зарождения в ст. 220 Римского договора. Как тогда, так и сейчас ключевая проблема состояла в признании судебных и внесудебных решений одного государства на территории другого. Со временем государствам потребовалось расширить предмет «признания»: помимо решений по существу спора объектами признания в тех или иных инструментах смогли стать предварительные и обеспечительные меры, мировые и медиативные соглашения, нотариальные акты и иные аутентичные документы.

Таким образом, на первом месте стоят вовсе не гармонизация или унификация, а «взаимное признание» (которое, напомним, является иной тактикой).[660] Сближение же носит прикладной характер и осуществляется там, где без него невозможно добиться эффективного признания (т.е. там, где требуется повышенное взаимное доверие государств).[661] Те акты, которые на первый взгляд не посвящены «напрямую» взаимному признанию (о доступе к правосудию, вручении документов, получении доказательств за рубежом) в конечном итоге также косвенно служат его целям, поскольку делают такое признание возможным. Даже правила о подсудности, которые были частью ЕГП с момента принятия Брюссельской Конвенции, были включены в ее состав не с какой-либо самостоятельной целью, а для того, чтобы обеспечить возможность

[660] KRUGER, T. *The Disorderly Infiltration of EU Law in Civil Procedure*..., p. 13; STORME, M. A Single Civil Procedure for Europe: a Cathedral Builders' Dream. *Ritsumeikan Law Review*, 2005, Vol. 22, p. 89; МИХАЙЛОВА, С.А. *Правовое регулирование сотрудничества судебных органов по гражданским, торговым и семейным делам в рамках Европейского Союза*: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Москва: Московская государственная юридическая академия, 2012, с. 9-10.

[661] КАПУСТИН А.Я. *Указ. соч.*, с. 121.

наилучшего признания решений (с опорой на понятные и единые юрисдикционные правила).[662]

Нами уже было указано в предыдущем параграфе, что тандем принципов «признание/доверие» открыл путь широкомасштабной гармонизации процессуального права в ЕС. Однако и для нее есть свои пределы: европейский законодатель не может произвольно вторгаться в национальные процессуальные системы, если это никаким образом не способствует развитию «взаимного признания».[663] Из всего этого делается вывод о том, что именно установление слаженно функционирующей системы взаимного признания и составляет сущность ЕГП.

Нельзя не согласиться с тем, что взаимное признание важно и что долгие годы именно вокруг него строился весь процессуальный правопорядок ЕС. Однако с провозглашением «единого пространства правосудия» и с осуществлением первых мер по его построению значимость приобретают и другие положения. Достаточно обратиться к предыдущему пункту, чтобы заметить наличие процессуальных норм, никак не связанных с взаимным признанием (в особенности тех, что закреплены в Директивах, принятых на основе ст. 114). Это приводит нас к мысли о том, что признание является «стержнем», ключевой, но не единственной частью европейского гражданского процесса.

(5) ЕГП как «трансграничное процессуальное право». В отличие от двух предыдущих точек зрения, настоящая рассматривает ЕГП в качестве самостоятельного нормативного образования, с присущими ему целями, задачами, принципами и системой источников – т.е. отдельной отраслью права. Впрочем, эта отрасль не включается в состав ни одной из национальных (внутренних) отраслей, а существует на наднациональном уровне. Именно поэтому для ее обозначения и был выбран термин

---

[662] KRUGER, T. *Civil Jurisdiction Rules of the European Union…*, p. 19.

[663] VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice after the Lisbon Treaty…*, p. 36.

«трансграничное процессуальное право».[664] Есть и такие авторы, которые полагают, что в настоящее время ЕГП еще не достиг подобного статуса, но в бдущем ничто не препятствует его преобразованию в целостную систему гражданского судопроизводства для всей территории ЕС.[665]

Безусловно, настоящая теория не была принята теми, кто полагал невозможным формирование отраслей права в рамках ЕС как международного объединения (а не национального государства).[666] С другой же стороны, правопорядок ЕС занимает промежуточное положение между национальным и международным правом, а потому обладает чертами каждого из них.[667] В этой связи нет препятствий для того, чтобы признать возможным наличие в праве ЕС самостоятельных отраслей. В то же время, это не означает, что именно *гражданский процесс* обрел подобный статус.

Как мы знаем, отрасль права является совокупностью однопорядковых и качественно обособленных норм, регулирующих определенный род общественных отношений.[668] Любой совокупности норм для приобретения статуса отрасли необходимо как качественно отличаться от остального нормативного массива, так и иметь нечто общее, позволяющее говорить о ней как о едином целом. Но является ли ЕГП в должной мере «упорядоченным» и «обособленным»?

На наш взгляд, это зависит от того, как именно мы понимаем его назначение. Если мы хотим приравнять его к существующим национальным отраслям ГПП, то увидим, что круг вопросов, которые он регулирует, является достаточно узким: для него характерно наличие

---

[664] HESS. B. *The Integrating Effect of European of European Civil Procedure Law*…, p. 5.

[665] LOREDO, M. ¿Hacia un Derecho procesal europeo? *InDret*, 2006, Vol. 1, p. 4.

[666] *Droit processuel civil de l'Union Européenne*..., p. XVII.

[667] ЧЕВИЧАЛОВА, Ж.В. Уніфікація колізійних норм у праві Європейського Союзу. *Теорія і практика правознавства*, 2013, № 2(4), с. 3; *Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека*. Под ред. Л.М. Энтина, Москва: Эксмо, 2007, с. 44-45.

[668] НЕРСЕСЯНЦ, В.С. *Общая теория права и государства*. Москва: Норма, 2001, с. 430; ЛАЗАРЕВ, В.В. (ред.) *Общая теория права и государства: учебник*. Москва: Юрист, 2002, с. 212.

большого числа пробелов и отсылок к национальному праву.[669] Тех норм, что содержит ЕГП, не хватит для надлежащего проведения на их основе судебного заседания, вынесения решения и его исполнения. В этом смысле ЕГП намного уступает по полноте и целостности любой национальной отрасли, а сам не может пониматься в сходном качестве.[670] Но если взять за основу мысль о том, что ЕГП никогда не задумывался как замена национальным отраслям, а скорее был призван служить выполнению описанных выше задач (гармонизация права, взаимное признание судебных актов и т.д.), то проблема будет решена. ЕГП сможет претендовать на отраслевой статус (при соблюдении прочих формальных требований к нему), но это будет особая отрасль наднационального права со своими целями и задачами, а не «зеркальное отображение» внутригосударственного права.

(6) Комплексное понимание сущности ЕГП. На наш взгляд, многообразие подходов к ЕГП существенно вредит как теоретикам, так и практикам, поскольку первых оно разобщает между собой и препятствует плодотворному обмену мнениями, а вторым оказывается неспособным предложить действенных норм. Поскольку в упомянутых выше взглядах есть как истинные, так и ошибочные суждения, наиболее плодотворной будет, на наш взгляд, комплексная характеристика той совокупности норм, что именуется *европейским гражданским процессом*.

Выше мы уже говорили о том, что сам Евросоюз имеет нетипичный для большинства международных объединений статус. Достаточно распространенным в научной литературе является его сравнение с существующими национальными федеративными правопорядками.[671] Различные авторы трактуют ЕС как особое федеративное государство (уже существующее или находящееся в

[669] LOREDO, M. *Op. cit.*, p. 4.
[670] van der GRINTEN, P. *Op. cit.*, p. 68.
[671] *See e.g.* UZELAC, A. Harmonised Civil Procedure in a World of Structural Divergences? Lessons Learned from the CEPEJ Evaluation. In: *Civil Litigation in a Globalising World*. Eds. X.E. Kramer, C.H. van Rhee. The Hague: Asser Press, 2012, p. 176.

процессе формирования),[672] федерацию государств, конфедерацию, образование особого рода (*sui generis*)[673] и т.д.[674] Определение истинной сущности данного образования не относится к предмету настоящей работы. Вместе с тем, нельзя не отметить, что выдвинутые сторонниками «федеративной» или «квази-федеративной»[675] природы ЕС идеи могут в значительной мере прояснить феномен «европейского права», в том числе и процессуального.[676]

Речь идет о том, что в регионе, как и в национальной федерации, происходит вертикальное перераспределение полномочий между центром (Европейским Союзом) и составными частями (государствами-участниками) с последующим поддержанием баланса между ними, в связи с чем и становится правомерным сопоставление данной системы с федерацией.[677] При этом сам ЕС вполне закономерно оказывается «центром» – звеном, объединяющим отдельные субъекты (страны-участницы) в единую систему. Как у Союза, так и у его членов есть собственная исключительная компетенция, однако все большее число вопросов относится к области *совместных полномочий*.[678] Соответственно, для многих областей права становится характерным наличие двухуровневого регулирования: национального и

---

[672] DOSENRODE, S. *Approaching the European Federation?* London: Routledge, 2007, p. 11; SCUTARU, M.S. Globalization and Interregionalism. *Research and Science Today*, 2014, Vol. 7(1), p. 84; ПОСТНИКОВА, Е.В.; ЭЙМАНН, Ж. *Указ. соч.*, 2015, № 4, с. 152.

[673] WOLINETZ, S. Comparing the Incomparable: Treating the EU in Comparative Context. In: *The EU and Federalism: Polities and Policies Compared*. Ed.: F. Laursen. Farnham: Ashgate, 2011, p. 30; TÖMMEL, I. The European Union – a Federation *sui generis*? In: *The EU and Federalism: Polities and Policies Compared*. Ed.: F. Laursen. Farnham: Ashgate, 2011, p. 47; ПОСТНИКОВА, Е.В. *Указ. соч.*, с. 148.

[674] MORAVCSIK, A. Federalism in the European Union: Rhetoric and Reality. In: *The Federal Vision: Legitimacy and Levels of Governance in the United States and the European Union*. Ed. by: K. Nicolaidis, R. Howse. Oxford: OUP, 2001, p. 163–164; SCHMITTER, P. Examining the Present Euro-Polity with the Help of Past Theories. In: *Governance in the European Union*. Eds.: G. Marks, F.W. Scharpf *et al*. London: SAGE Publications, 1996, p. 14; TÖMMEL, I. *Op. cit.*, p. 53.

[675] JUENGER, F. *Some Comments of European Procedural Harmonization*…, p. 931.

[676] BRAND, R. *The European Union's New Role in International Private Litigation*…, p. 277.

[677] GLENCROSS, A. *Politics of European Integration*. Chichester: Wiley, 2014, p. 138-140; WALLERMAN, A. Harmonization of Civil Procedure: Can the European Union Learn from Swiss Experiences? *European Review of Private Law*, 2016, Vol. 5, p. 872.

[678] KELMEN, R. Build to Last? The Durability of EU Federalism? In: *Making History: State of the European Union*. Eds.: S. Meunier, K. McNamara. Oxford: OUP, 2007, p. 52.

«наднационального» (пространство права ЕС). Не является исключением и гражданский процесс.

Действующее разграничение полномочий заключается в том, что сугубо национальные аспекты этой отрасли (практически все, что касается судебного разбирательства и исполнения итогового решения) остаются на первом из обозначенных уровней, а второй уровень оказывается задействован, когда возникает правоотношение, затрагивающее юрисдикцию более одного государства («трансграничное дело»).

Таким образом, то, что мы называем «европейским гражданским процессом», по сути дела является частью единого ГПП, которая необходима для решения проблем, общих для стран-участниц.[679] Он не является в полной мере самостоятельным для конкуренции или замены собой национального гражданского процесса. Напротив, в силу своего положения на наднациональном (или, говоря иначе, «квазифедеральном») уровне у ЕГП имеются собственные задачи, с которыми он справляется в рамках закрепленной за ЕС компетенции.[680]

Похожая ситуация является характерной для отдельных федеративных государств, например, США и Канады, а до недавнего времени была актуальной и для Швейцарии.[681] В данных государствах каждый из штатов (субъектов федерации), а также федерация в целом имеют собственные системы ГПП.[682] Так, в США суды штатов рассматривают подавляющее большинство дел, а федеральные оказываются задействованы, когда необходимо применение федерального законодательства (дела, выходящие за рамки юрисдикции одного штата и те, что федеральный законодатель специально отнес

---

[679] ФОЛКЕР, Б. Унифицированное и гармонизированное европейское право и его влияние на третьи государства. *Балтийский регион*, 2011, № 3, с. 13-15.

[680] STURNER, R. Principles of European Civil Procedure or a European Model Code: Some Considerations on the Joint ELI-UNIDROIT Project. *Uniform Law Review*, 2014, Vol. 19(2), p. 325.

[681] BACA, W.M.K. *Op. cit.*, p. 7; MIKELĖNAS, V. Civilinio proceso teisės vienodinimas bei derinimas ir naujasis Lietuvos Civilinio Proceso Kodeksas. *Jurisprudencija*, 2002, t. 28(20), p. 182; *Принципы трансграничного гражданского процесса*. Москва: «Инфотропик Медиа», с. XXXIV.

[682] ГЕТЬМАН-ПАВЛОВА, И.В. *Международное частное право: учебник*. Москва: Эксмо, 2005, с. 412.

предметно к федеральной компетенции). Что же касается взаимодействия между собой судебных систем штатов, то для них в американском праве была разработана доктрина "*full faith and credit*", имеющая явные параллели с европейскими принципами «взаимного признания» / «взаимного доверия» и равным образом опосредующая реализацию штатами решений друг друга.[683]

В то же время, нельзя не увидеть и фундаментальных различий. В ЕС есть «национальное» и «наднациональное» (представленное процессуальными Регламентами и Директивами) процессуальное право, но нет специальных судов для применения последнего. В итоге, суды государств-участников одновременно выполняют роль и национальных, и европейских («квазифедеральных») органов правосудия.[684] В этой связи неизбежно возникает потребность в добавочном принципе «взаимного доверия», который в большинстве государств-федераций не используется для ситуаций, в которых идет речь о взаимодействии разных уровней системы. В подобных случаях отношения строятся на императивных началах, а федеральная власть в силу субординации выносит решения, не подвергающиеся сомнению. В ЕС же все суды, принимающие решения по частным делам, находятся на национальном уровне, взаимодействие между ними не носит иерархического характера. Именно поэтому и оказываются необходимыми гарантии того, что суд государства-участника будет применять норму именно «европейского», а не внутреннего правопорядка.[685] Это становится возможным при помощи принципа взаимного доверия, который позволяет легитимировать национальный суд в качестве суда общеевропейского и подчинить его

[683] BACA, W.M.K., *Op. cit.*, p. 4.

[684] GORYWODA, L.; HATZIMIHAIL, N.; NUYTS, A. Introduction: Market Regulation, Judicial Cooperation and Collective Redress. In: *Cross-Border Class Actions: The European Way*. Eds.: A. Nuyts, N. Hatzimihail. Munich: Sellier European Law Publishers, 2013, p. 24; VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice after the Lisbon Treaty…*, p. 23-24.

[685] WISCHMEYER, Th. Generating Trust Through Law? Judicial Cooperation in the European Union and the "Principle of Mutual Trust". *German Law Journal*, 2016, Vol. 17(3), p. 363.

деятельность «федеральным» стандартам ЕС (заранее установленным в тех или иных инструментах).[686]

Другое отличие между ЕС и США состоит в том, что в последних в каждом конкретном случае применяется или право штатов, или федеральное, но не то и другое сразу. В ЕС же, даже если ситуация относится к «европейской», многие из наднациональных норм содержат отсылки к внутреннему праву государств-участников. С нашей точки зрения это свидетельствует о несколько ином распределении компетенции, в частности об отнесении большинства вопросов судопроизводства и исполнения к ведению национального права. Это вполне объяснимо тем фактом, что в ЕС собственные наднациональные суды частного права отсутствуют, а национальным проще и эффективнее действовать в соответствии с уже имеющимися процедурами, полагаясь при этом на унифицированные на европейском уровне нормы только в тех случаях, когда того требует ситуация.

Итак, ЕГП представляет собой централизованное («*квазифедеральное*») гражданское процессуальное право ЕС, которое существует наравне с национальными отраслями и касается (в силу распределения учредительными Договорами компетенции) вполне конкретных вопросов.[687] Отсюда возникает вопрос: каково же пространство действия такого общеевропейского ГПП?

Прежде всего, оно регулирует отношения, выходящие за рамки одного государства-участника, но не ЕС в целом. Отношения между странами-участницами и третьими государствами по-прежнему преимущественно остаются вне союзного ведения. В четвертом разделе настоящего исследования мы вернемся к данной проблеме, чтобы проследить, является ли необходимым «европейское вмешательство» в данную сферу отношений. Из всех «трансграничных» отношений ЕС регулирует лишь те, которые поименованы в ст. 81 ДФЕС, хотя ее

[686] МИХАЙЛОВА, С.А. *Указ. соч.*, с. 9.

[687] WOUTERS, J. *et al.* The European Union: a Federation in All but Name. In: *Federalism and Legal Unification*. Eds.: D. Halberstam, M. Reimann. Dordrecht: Springer, 2014, p. 205.

творческое толкование (в особенности п. «f» ч. 2, повествующего об «устранении препятствий для надлежащего функционирования гражданского судопроизводства») позволяет расширять предметную сферу принимаемых мер до внушительных пределов. В сущности, большая часть трансграничных взаимодействий судебных органов в настоящее время так или иначе опосредуется нормами права ЕС.

Однако нельзя забывать и о том, что в случае с федеративными государствами (с которыми мы и сравниваем ЕС), их центр наделен полномочиями не только по введению в действие единых процедур, но и по утверждению для всех уровней нормативной системы *общеобязательных стандартов*. Право федеративного *государства* осуществлять подобную деятельность не вызывает вопросов в силу верховенства его власти. В наднациональном по своей природе Евросоюзе применение принципа верховенства носит ограниченный характер, и далеко не очевидно, что к его компетенции относится формулирование общих норм ГПП. Во многом это обусловлено и тем, что стандарты, о которых идет речь, включают в себя основные принципы правосудия, а ЕС едва ли может быть понят как надлежащий субъект для их императивного установления хотя бы в силу присущего ему «дефицита демократии».[688] Тем не менее, наличие разных стандартов отправления правосудия (28 национальных и одного наднационального) отрицательно сказывается на единстве «пространства правосудия», делая его иллюзорным. Если мы на деле хотим равного уровня гарантий судебной защиты в каждой из стран-участниц, совершенно очевидно, что требуется «процессуальный билль о правах», который может быть утвержден только на «верхнем уровне» системы. Поскольку компетенция ЕС в этом вопросе не определена *непосредственно*, он ищет другие способы утвердить свой приоритет: Директивы, использующие в качестве

[688] FOLLESDAL, A.; HIX, S. Why There is a Democratic Deficit in the EU: A Response to Majone and Moravcsik. *Journal of Common Market Studies*, 2006, Vol. 44(3), p. 556-557; JANO, D. Understanding the "EU Democratic Deficit". A Two Dimension Concept on a Three Level-of-analysis. *Politikon: The IAPSS Journal of Political Science*, 2008, Vol. 14(1), p. 61.

нормативной базы упомянутую ст. 114, судебную гармонизацию, инструменты «мягкого права» (например, Рекомендации, как в случае с коллективными исками[689] или общие «принципы» или «правила» судопроизводства, из которых наиболее известным и перспективным примером является уже упоминавшийся совместный проект Европейского института права и УНИДРУА.[690]

Суммируя вышесказанное, мы можем установить, что ЕГП имеет двойственную природу. В собственном (узком) смысле слова это *наднациональное («квазифедеральное») процессуальное право ЕС*, применимое в силу характера распределения компетенции к трансграничным отношениям внутрикоммунитарного характера и содержащее готовые решения конфликтов, возникающих при взаимодействии нескольких стран-участниц друг с другом. В более широком значении это также совокупность тех правил, норм и принципов отправления правосудия, которые ЕС как наднациональный интегратор принимает как для общеевропейского, так и национального уровней судебной системы с тем, чтобы обеспечить единство пространства правосудия. В идеале названное «пространство» должно быть целостной, единой и внутренне непротиворечивой системой. Реальность, тем не менее, далека от этого, поскольку существует немало проблем как правового, так и политического характера, препятствующих воплощению в жизнь поставленных целей и задач.

2.2. Положительные и отрицательные черты европейского гражданского процесса

Невозможно отрицать того, что Евросоюз стал первым объединением, достигшим столь глубокого уровня сближения гражданского процессуального права своих стран-участниц и

[689] Commission Recommendation 2013/396/EU of 11 June 2013 on common principles for injunctive and compensatory collective redress mechanisms in the Member States concerning violations of rights granted under Union Law. *Official Journal of the European Union*, 26.07.2013, L 201, p. 60-65.

[690] MAŃKO, R. *Op. cit.*, p. 25.

породившим совершенно новый феномен общерегионального, «квазифедерального» процесса, функционирующего и взаимодействующего с национальными отраслями ГПП в соответствии с собственной логикой. К положительным чертам сложившейся системы следует отнести ее стабильность, невозможность повернуть вспять те изменения, что были принесены в существующие правопорядки. ЕС может по праву гордиться и усилением взаимного доверия, которое позволило отменить экзекватуру по широкому кругу дел и повлекло за собой невиданную по масштабам гармонизацию.[691] Несмотря на то, что принимаемые меры были разрозненными, можно сказать, что они заложили надежную основу, в соответствии с которой в будущем могут быть приняты новые меры, представляющие интерес для стран-участниц, в том числе касающиеся признания разного рода предварительных и обеспечительных мер, отдельных процессуальных действий, совершенных за рубежом, а также итоговых решений различных внесудебных юрисдикционных органов.

Безусловно, позитивным моментом является использование именно наднационального законодательства, а также верное сочетание его с неюридическими мерами, которые оказывают морально-ориентирующее воздействие там, где бессилен закон. Несомненно, важными являются и попытки развития единых форм для процессуальных документов и для оформления юридически значимых действий,[692] придание большого значения использованию современных технологий в процессе.[693]

Однако несмотря на весь свой прогрессивный потенциал и наличие значительного числа норм (как по предмету, так и по глубине регулирования), сближение ГПП в ЕС всегда имело немало ограничений,

---

[691] REDING, V. *Op. cit.*, p. 3.

[692] СИТКАРЕВА, Е.В. Общее пространство сотрудничества в области правосудия: опыт Европейского Союза и Российской Федерации. *Защита прав в России и других странах Совета Европы. Современное состояние и проблемы гармонизации* (сборник научных статей). Краснодар: Юридический центр Пресс, 2011, с. 229-230.

[693] GASCÓN, F. Electronic Service of Documents National and International Aspects. In: *Electronic Technology and Civil Procedure*. Eds.: M. Kengyel, Z. Nemessányi. Dordrecht: Springer, 2012, p. 171-177.

проблем и недостатков. Постараемся выделить наиболее существенные из них и дать им адекватное объяснение.

(1) Незавершенность внутренней структуры. Если национальный ГПП любого отдельно взятого государства комплексно регулирует отношения, складывающиеся в момент обращения в суд, при подготовке дела к разбирательству, в ходе самого судебного процесса и по его завершении (в т.ч. в ходе исполнительного производства), то европейский гражданский процесс лишен таких характеристик. На уровне ЕС отсутствует правовое регулирование таких вопросов, как управление делом (*case management*), проведение судебного заседания, вынесение решений и их обжалование, представление *amicus curiae*, а также большей части обеспечительных мер и процессуально-правовых санкций.[694] Вопросы трансграничного сбора доказательств затронуты лишь самым общим образом (по сути дела регулированию подвергается сотрудничество судов разных стран-участниц в вопросах получения доказательств, а не сама работа с ними), а такой институт процесса как групповые иски до сих пор затронут лишь Рекомендацией[695] (не носящим юридически обязательного характера документом), а не полноценным Регламентом. Кроме того, весь процесс принудительного исполнения регулируется именно национальным, а не европейским правом.[696] Наконец, в отличие от многих национальных процессуальных актов, в гражданском процессе ЕС отсутствует какой-либо акт, который бы перечислял цели и задачи, принципы и источники этой области права.[697]

Отправление правосудия в ЕС остается прерогативой национальных судов, которые делают это от имени своего государства, а

---

[694] WAGNER, G. Harmonization of Civil Procedure: Policy Perspectives. In: *Civil Litigation in a Globalizing World*. Eds.: X.E. Kramer, C.H. van Rhee. The Hague: Asser Press, 2012, p. 118; TULIBACKA, M. *Common minimum standards of civil procedure: European Added Value Assessment*…, p. 51.

[695] *See:* Commission Recommendation of 11 June 2013 on common principles for injunctive and compensatory collective redress mechanisms in the Member States concerning violations of rights granted under Union Law. *Official Journal of the European Union*, 2013, L 201, p. 60-65.

[696] STORSKRUBB. E. *Civil Justice – a Newcomer and an Unstoppable Wave*…, p. 266; CUNIBERTI, G. The First Stage of the Abolition of the Exequatur in the European Union. *Columbia Journal of European Law*, 2007-2008, Vol. 14, p. 376.

[697] BOLT, J. *Op. cit.*, p. 818.

не Европейского Союза, даже если руководствуются при разбирательстве нормами права ЕС. Именно поэтому гражданский процесс ЕС не формирует собой целостной системы по рассмотрению и разрешению споров даже между государствами-участниками. Вместо этого он акцентирует внимание на отдельно взятых процессуальных отношениях и полностью игнорируя любые другие. Те же вопросы, которые все же подвергаются сближению на европейском уровне, – подсудность, признание решений, вручение документов и получение доказательств – далеки от «ядра» отрасли (положений о судебном разбирательстве дела, оценке доказательств и вынесении судебного решения). Нормы права ЕС главным образом касаются судебного сотрудничества между судами (и иными органами) различных государств, а также процесса обращения в такие органы, но не самой процедуры в них. Акты «второго поколения» также затрагивают лишь весьма специфические процедуры, являющиеся своего рода «изъятием», исключением из общего искового производства по форме и/или по предмету. В то же время «основная» европейская процедура, которая бы регулировала рассмотрение большинства частноправовых споров, отсутствует. На практике это означает необходимость иметь дело с процессуальными правилами и порядками каждого из государств-участников ЕС, отличающимися известным своеобразием.

Даже если обратиться к процедурам, позиционирующимся как «автономные» и полностью подчиненные праву ЕС, мы увидим, что в них широко распространены отсылки к внутреннему праву государств-участников (в том, что касается процедур сбора и получения доказательств, разбирательства дела в суде, процесса вынесения итогового решения по делу и его обжалования, а также исполнительного производства). Так, например, в Регламенте об исках с небольшой суммой прямо устанавливается, что с учетом его положений соответствующая процедура регулируется процессуальным правом того

государства, где рассматривается дело.[698] Регламент о приказном производстве закрепляет, что все прямо не затронутые им вопросы подлежат разрешению в соответствии с национальным правом.[699] Еще большее количество подобных отсылок мы сможем обнаружить в актах «первого поколения»: так, Регламент «Брюссель I-а» устанавливает, что домицилий физических лиц должен определяться в соответствии с правом государства-участника.[700] Таким образом, без постоянной «помощи» норм национального права ЕГП едва ли смог бы существовать и надлежащим образом функционировать.[701] В то же время, обилие отсылок к нему негативно сказывается на целостности ЕГП.[702]

На наш взгляд, наличие отсылок и отсутствие тех или иных норм не является фатальной проблемой. Учитывая предназначение ЕГП, выявленное выше, ему нет нужды полностью копировать все нормы и институты процессуального права, существующие на национальном уровне, для надлежащего выполнения возложенных на него задач.[703] Так, Т. Крюгер отмечает, что сам факт незавершенности гармонизации не должен являться проблемой, поскольку в государствах-участниках есть действующие и эффективные системы гражданского судопроизводства.[704]

Сформировать целостное ГПП на наднациональном уровне невозможно еще и потому, что у ЕС отсутствует общая компетенция, позволяющая ему принимать акты по любым вопросам.[705] Союз действует лишь в рамках предоставленных ему полномочий[706] и руководствуясь принципами «субсидиарности» и

---

[698] *Regulation (EC) No 861/2007*, p. 7 (Art. 19).
[699] *Regulation (EC) No 1896/2006*, p. 9 (Art. 26).
[700] *Regulation (EC) No 1215/2012*, p. 18 (Art. 62(1)).
[701] БИРЮКОВ, М.М. *Указ. соч.*, с. 77; ГУРЕЕВ, В.А. Признание и принудительное исполнение иностранных судебных решений: российское законодательство и европейский опыт. *Современное право*, 2010, № 4, с. 135.
[702] ИЗАРОВА, И.А. *Принцип приоритетности гражданского процесса ЕС*…, с. 223-224.
[703] LASSERRE, M.-C. *Op. cit.*, p. 546.
[704] KRUGER, T. *The Disorderly Infiltration of EU Law in Civil Procedure*…, p. 19.
[705] KRAMER, X. *Towards ELI-UNIDROIT Model Rules of Civil Procedure*…, p. 4.
[706] STORSRUBB, E. *Civil Procedure and EU Law*…, p. 33.

«пропорциональности».[707] Из них первый означает, что в сфере совместного ведения ЕС должен действовать только тогда, когда поставленные цели могут быть наилучшим образом достигнуты не государствами-участниками, а централизованным образом (на уровне Союза), а второй – что содержание и форма принимаемых ЕС мер не должны выходить за рамки того, что необходимо для достижения целей.[708] В соответствии с принятой практикой, каждый законопроект должен указывать, каким именно образом он соотносится с вышеназванными принципами. Позднее отсылки к ним становятся неотъемлемой частью преамбул.[709] Значимым моментом является и отсутствие энтузиазма у стран-участниц проводить масштабные реформы собственного законодательства и тратить силы на разработку устраивающих их стандартов на наднациональном уровне.[710]

Таким образом, ЕГП имеет во многом добавочное значение:[711] он не существует отдельно от национальных процессуальных систем, но дополняет и развивает их. Подобное положения не должно означать принижение его статуса, поскольку он изначально разрабатывался для поддержки сотрудничества стран между собой по гражданским делам. Позднее, когда страны перешли к формированию «подлинного европейского пространства правосудия», они использовали для этого разные тактики (включая взаимное признание, унификацию и гармонизацию), однако ни одна из них не требовала формирования целостной отрасли на европейском уровне, в связи с чем странам было достаточно принимать акты в нужное время и по интересующим их вопросам. Как результат, современный ЕГП напоминает не целостную

---

[707] KRUGER, T. *The Disorderly Infiltration of EU Law in Civil Procedure…,* p. 18.

[708] *Treaty on European Union (Consolidated version)*, Art. 5; ХАЛИЕВ, К.Р. Нормативная сила «Директив» ЕС. *Актуальные проблемы экономики и права*, 2008, № 3(7), с. 163.

[709] *See e.g. Regulation 1215/2012*, Preamble, para. 39; *Regulation 1896/2006*, Preamble, para. 29.

[710] KRAMER, X. *Towards ELI-UNIDROIT Model Rules of Civil Procedure*..., p. 4.

[711] HESS, B. *The Integrating Effect of European Civil Procedure Law*..., p. 5; STURNER, R. Principles of European Civil Procedure or a European Model Code: Some Considerations on the Joint ELI-UNIDROIT Project. *Uniform Law Review*, 2014, Vol. 19(2), p. 325.

отрасль права, а скорее набор «расширений» для повышения эффективности национального процессуального права.

(2) Несогласованность норм, отсутствие системности. Второй крупной проблемой, выделяемой исследователями ЕГП, является хаотичность, неупорядоченность регулирования, слабая связанность актов между собой. Авторами отмечается отсутствие общих основ для построения ЕГП как отрасли права (единых принципов, правил, ориентиров),[712] а также казуистичность в принятии новых инструментов: они принимаются по отдельным аспектам гражданского судопроизводства, а объединяет их лишь та общая сфера правоотношений, в рамках которой они существуют.[713] Кроме того, они существуют наряду с внутригосударственным правом – как отдельные «острова» унифицированного права в общем «море» национального регулирования. Рассматриваемый нами комплекс норм нередко получал и другие похожие оценки: «бессистемный комплекс»,[714] «мозаика из различных частей»,[715] а также «правовой деконструктивизм».[716] Из этого делался общий вывод о том, что деятельность ЕС в области гражданского процесса в итоге не упорядочивает должным образом национальное право, а лишь вносит в него диссонанс.[717]

Поскольку развитие ЕГП шло путем принятия самостоятельных актов по соответствующим вопросам, это позволяло решить сиюминутные проблемы и добиться успеха в краткосрочной перспективе. Однако со временем число таких актов возрастало, что влекло за собой неизбежный риск несоответствий между ними, а порой и излишнее

---

[712] STURNER, R. *Principles of European Civil Procedure or a European Model Code...*, p. 324.

[713] BAUMGARTNER, S. The External Dimensions of the European Law of Civil Procedure – a Transatlantic Perspective [interactive. Accessed on: 01.12.2016]. Access via Internet: <https://ssrn.com/abstract=2742330>; ІЗАРОВА, І.О. *Теоретичні засади цивільного процесу Європейського Союзу*. Київ: Дакор, 2015, с. 26.

[714] van der GRINTEN, P. *Op. cit.*, p. 68.

[715] VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice after the Lisbon Treaty*…, p. 22-23.

[716] KRAMER, X. *Procedure Matters: Construction and Deconstructivism in European Civil Procedure*…, p. 23.

[717] KRUGER, T. *The Disorderly Infiltration of EU Law in Civil Procedure…,* p. 20.

дублирование положений.[718] Вместе с тем, отсутствовал единый системообразующий акт, который бы закрепил общие основы построения ГПП ЕС. Те же акты, которые действовали в его рамках, были слабо связаны между собой: каждый из них существовал в собственном пространстве и распространялся на конкретную (порой достаточно узкую) группу правоотношений.

С точки зрения ряда авторов, преодолеть несогласованность возможно за счет принятия общеевропейского гражданского процессуального кодекса (ГПК ЕС), который объединил бы текущий массив норм во всестороннюю, понятную и связанную систему.[719] Несмотря на очевидные преимущества Кодекса перед отдельными законами, у этой идеи есть и немало противников. Так, П. Легран пишет, что наличие в Европе разных правовых традиций, различных способов решать юридические проблемы является весомым аргументом против кодификации.[720] Фактически, кодекс является удобным лишь с формальной стороны (одним актом удобнее пользоваться, чем их совокупностью), но не учитывает различий в правовой культуре и юридической технике разных стран, а потому ведет к неоправданной генерализации тех норм, что эффективно функционировали и по отдельности.

Что же касается ЕГП, то он не имеет необходимой целостности для его упорядочения в рамках кодифицированного акта. *Во-первых* (как уже было указано выше), в нем отсутствуют многие традиционные для национальных ГПК части (о правовом положении сторон, работе с

---

[718] KRAMER, X. Current Gaps and Future Perspectives in European Private International Law: towards a Code on Private International Law? DG for Internal Policies Policy Department C: Citizens' Rights and Constitutional Affairs, 2012 [electronic. Date of access: 10.05.2016]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2012/462476/IPOL-JURI_NT%282012%29462476_EN.pdf>.

[719] GILLES, P. Skirtingų nacionalinių teisės normų vienodinimas ir derinimas remiantis civilinio proceso teisės europeizacijos pavyzdžiu. *Civilinio proceso pirmosios instancijos teisme reforma Baltijos Jūros regiono valstybėse ir Centrinėje Europoje*, 2004 m. rugsėjo 16-19 d., Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2005, p. 73; СЕМУШКИНА, Н.И. *К вопросу о кодификации норм европейского международного частного права…*, с. 38.

[720] LEGRAND, P. Against a European Civil Code. *Modern Law Review*, 1997, Vol. 1, p. 44-63.

доказательствами, о судебном заседании), что означает необходимость либо разработки их «с нуля», либо ориентации на «функциональную кодификацию», т.е. на объединение норм по тем институтам, которые уже представлены в действующем ЕГП. В последнем случае кодекс не будет достигать той цели, которую перед ним ставят его сторонники: создания подобия национальной отрасли гражданского процесса на европейском уровне. Кроме того, на национальном уровне любой кодекс функционирует в системной связи с другими актами, судебными прецедентами и неформальными договоренностями, воссоздать которые на европейском уровне будет проблематично.

Во-вторых, принятие кодекса может затормозить дальнейшее развитие. Дело в том, что традиционно принятием кодекса заканчивается формирование соответствующей отрасли. В случае же с ЕГП эволюция этого правового комплекса постоянно продолжается, в связи с чем любая кодификация является преждевременной.[721]

В-третьих, многие авторы, выступающие за принятие кодекса, хотят объединения в его рамках не только процессуальных вопросов, но и норм международного частного права. Таким образом, речь идет именно о кодексе МЧП/МГП, а не акте из сферы процессуального права как такового. За рамками останутся те наработки, которые выше были обозначены в качестве «не входящих» в состав МЧП. Если же это все же будет сугубо «процессуальный» акт, то мы не должны забывать о двойственности задач ЕГП: сформировать «общефедеральное» ГПП и установить единые стандарты для всей системы. Едва ли и те, и другие можно будет решить в рамках одного нормативного акта.

Наконец, у ЕС просто нет необходимой компетенции для осуществления столь масштабного проекта, а если попытаться

[721] HARTNELL, H. EUstitia: Institutionalizing Justice in the European Union. *Northwestern Journal of International Law and Business*, 2002-2003, Vol. 23, p. 126. WAGNER, G. *Harmonization of Civil Procedure: Policy Perspectives…*, p. 94-95; KRAMER, X. *Towards ELI-UNIDROIT Model Rules of Civil Procedure…*, p. 1.

реализовать эту инициативу в рамках уже имеющихся полномочий, то итоговый результат может быть назван «кодексом» весьма условно.

В то же время, идея *консолидации* (т.е. объединения уже существующих норм в рамках более общих по предмету нормативных актов) была официально провозглашена с принятием Стокгольмской программы. Для достижения подобного сплочения уже было сделано немало: многие вновь принятые акты содержат взаимные отсылки. Так, Регламент 2015/2421 о внесении изменений в Регламенты 861/2007 (о небольших исках) и 1896/2006 (о приказном производстве) предусматривает возможность перехода от одной процедуры к другой.[722] ЕГП постепенно перестает быть областью, где каждый акт существует обособленно, «не соприкасаясь» к иными инструментами, принятыми на том же уровне. Сейчас они функционируют более слаженно, начиная формировать некое подобие системы. Кроме того, отдельные взаимные отсылки европейские акты содержали и ранее. Так, для определения домицилия Регламент 861/2007 отсылает нас к ст. 59 и 60 Регламента «Брюссель I» (ст. 62 и 63 реформированного Регламента). Аналогичным образом Регламент 1896/2006 (относящийся к числу «автономных») не содержит собственных норм о подсудности, но отсылает нас к «иным применимым нормам права Сообщества» и в первую очередь – к Регламенту «Брюссель I».[723]

В то же время, работа по консолидации актов не должна завершаться на достигнутом. Уже сейчас неоправданным кажется большое количество повторов, например, упоминание в каждом очередном процессуальном акте о распространении его на «гражданские и коммерческие дела» с трансграничными последствиями, о порядке исполнения актов (с отсылкой к национальному праву), а также о правовом представительстве, переводе необходимых документов и т.д.

[722] Regulation (EU) 2015/2421 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2015 amending Regulation (EC) No 861/2007 establishing a European Small Claims Procedure and Regulation (EC) No 1896/2006 creating a European order for payment procedure. *Official Journal of the European Union*, 21.12.2015, L 341, p. 1-13.

[723] *Regulation 1896/2006,* Art. 6(1).

Некоторые акты содержат различное понимание сходных терминов (например, надлежащего вручения документов), устанавливают неодинаковые основания отказа в признании и исполнении зарубежных актов (и вовсе различным образом регламентируют процесс экзекватуры – от его полной отмены до частичного сохранения в «усеченном» формате). Это обстоятельство – разные режимы для одного правового действия (приведения в исполнение) – является негативной стороной существующего ЕГП, хотя и может быть оправдано тем, что законодатель следовал концепции «постепенного сближения». Отрицательно можно оценить и ситуацию, при которой подсудность, являющаяся внутренне однородным институтом процессуального права, регулируется рядом самостоятельных Регламентов, что осложняет жизнь как тяжущимся лицам, так и судам. Даже в настоящий момент нормы о подсудности («международной юрисдикции») помимо широко известных Регламентов «Брюссель Ia» и «Брюссель II-бис» содержат Регламенты об алиментных платежах, о наследственных спорах и о режимах совместной собственности супругов и зарегистрированных партнерств.

Устранить все обозначенные проблемы возможно не только за счет Кодекса, но и путем принятия более специальных актов. Так, Р. Вагнер предлагал в отношении инструментов коллизионного права (о применимом праве) издать специальный Регламент «Рим 0», который бы включил в себя все положения, общие для других «Римских Регламентов» – о публичном порядке, обратной отсылке, превалирующих императивных нормах и т.д.[724] Нечто подобное можно было бы сделать и в отношении процессуального права, где аналогичным образом мог бы быть издан Регламент «Брюссель 0», призванный унифицировать терминологию, сферу деятельности и понимание наиболее существенных правовых конструкций гражданского процесса. Сюда можно было бы также включать положения о *lis pendens*, уведомлениях, используемых

[724] WAGNER, R. Do We Need a Rome 0 Regulation? *Netherlands International Law Review*, 2014, Vol. 61(2), p. 226.

языках, которые не различаются от Регламента к Регламенту. В итоге, подобный акт мог бы претендовать на роль «общей части» европейского гражданского процесса.

Кроме того, целесообразно объединить акты по сходному предмету регулирования (подсудность, признание решений, получение доказательств) в рамках единых (комплексных) Регламентов и Директив и предусмотреть их взаимные отсылки (в той мере, в которой они отсутствуют в настоящее время).[725] Работа в этом направлении уже началась, в связи с чем остается лишь надеяться на успех подобных начинаний.

Говоря о системе и систематизации, не лишним будет отметить, что они интересуют нас не только с нормативной стороны. Приведение норм в порядок важно и для академических работников для удобства совместной работы над текстами законопроектов, проведения исследований и формулирования научных выводов. Создание «общей правовой культуры» для всего ЕС также является значимым фактором сближения, а значит, нуждается в четком определении предмета изучения. В этом плане в науке был достигнут гораздо больший прогресс, чем на практике. Различные авторы предлагали собственные варианты систематизации ЕГП. Так, Д. Видеманн полагает, что все акты ЕС в сфере гражданского процесса можно подразделить на 4 группы: «старые» координационные (подсудность, признание, исполнение), о сотрудничестве в сфере отправления правосудия (доказательства, вручение документов), собственно гражданский процесс (общеевропейские процедуры), международное частное право («Римские» регламенты о применимом праве).[726]

Еще более детальная классификация предложена профессором Кс. Крамер, с точки зрения которой структура гражданского процесса в ЕС

[725] FRĄCKOWIAK-ADAMSKA, A. Time for a European “Full Faith and Credit Clause”. *Common Market Law Review*, 2015, Vol. 52, p. 193-194.

[726] WIEDEMANN, D. Convergence and Divergence in the EU’s Judicial Cooperation in Civil Matters: Pleading for a Consolidation through a Uniform European Conflict’s Codification. *Católica Graduate Legal Research Conference 2014 – Conference Proceedings*, p. 175-198.

подобна зданию, в котором есть два этажа и чердак. В «фундамент» здания заложены базовые принципы гражданского процесса (справедливого суда, доступа к правосудию, права быть услышанным, а также взаимного доверия). На «первом этаже» размещаются акты, с которых началось сотрудничество по гражданским делам в ЕС: Регламенты 1346/2000 о процедурах банкротства, 44/2001 о юрисдикции и признании решений (точнее, его преемник – Регламент 1215/2014), 2201/2003 о юрисдикции и признании решений по семейным делам, 1206/2001 о получении доказательств по гражданским и коммерческим делам и 1393/2007 о вручении процессуальных документов.[727] Иными словами, здесь находятся практически все акты «первого поколения», которые по своему содержанию действительно относятся к классическому международному гражданскому процессу. При этом они активно используют традиционный метод разрешения противоречий – нормы о конфликте законов и подсудности.[728]

«Второй этаж» занимают акты, учреждающие автономные «европейские» процедуры рассмотрения трансграничных споров, такие как Регламент 1896/2006 о судебном приказе, 861/2007 о производстве по делам с небольшой суммой иска, а также 655/2014 об аресте банковских счетов.[729] Их отличие от первой группы актов уже было продемонстрировано выше.[730]

Есть в гипотетическом «доме» и своеобразный «чердак», на котором размещены Директивы, посвященные «околопроцессуальным» вопросам. Подобное раздельное размещение автором Регламентов (формирующих «квазифедеральный» уровень регулирования) и Директив (посвященных введению единых стандартов) полностью соотносится с нашей идеей о двойственности задач ЕГП.

---

[727] KRAMER, X. *Procedure Matters*…, p. 19.

[728] STORSKRUBB, E. *Civil Justice – a Newcomer and an Unstoppable Wave*…, p. 309.

[729] Regulation (EU) No. 655/2014 of 15 May 2014 establishing a European Account Preservation Order procedure to facilitate cross-border debt recovery in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Union*, 27.06.2014, L 189, p. 59-92.

[730] *Droit processuel civil de l'Union Européenne*…, p. XIX; STORSKRUBB, E. *Civil Justice – a Newcomer and an Unstoppable Wave*…, p. 309-311.

(3) Ограничение сферы действия трансграничными делами. Ныне действующая ст. 81 ДФЕС (как и ранее существовавшая ст. 65 ДЕС) допускает принятие новых актов в сфере ГПП только если речь идет о делах с «трансграничными последствиями». В большинстве Регламентов к таковым относят процессуальные правоотношения, в которых одна из сторон домицилирована или проживает,[731] либо какой-нибудь из элементов спора (доказательство, которое необходимо получить,[732] банковский счет, на который требуется наложить обеспечение[733]) находится в другом государстве-участнике, нежели то, суд которого рассматривает дело.

Таким образом, распространение получило узкое понимание «трансграничных последствий» как *непосредственной* (на момент рассмотрения дела) ситуации, которая затрагивает более, чем одну страну-участницу ЕС. Следствием этого является то, что ЕС не имеет компетенции по принятию актов, гармонизирующих внутригосударственное судопроизводство стран-участниц, если речь идет о сугубо национальных делах.[734]

Практически все авторы критически относятся к сложившейся ситуации.[735] Они отмечают, что разделение всех споров на «трансграничные» и «национальные» влечет за собой дискриминацию последних, поскольку наиболее прогрессивные нормы процессуального права, вырабатываемые коллективными усилиями стран-участниц на европейском уровне, оказываются неприменимыми в тех спорах, где тяжущиеся лица или объект спора находятся в одной стране.[736] Более того, они справедливо отмечают, что критерии, по которым дела относятся к каждой из групп, являются весьма условными и

---

[731] *See*: *Regulation (EC) No 1896/2006*, Art. 3(1); *Regulation (EC) No 861/2007*, Art. 3(1).
[732] *See: Regulation (EC) No 1206/2001*, Art. 1(1).
[733] *See: Regulation (EU) No 655/2014*, Art. 3(1).
[734] NORKUS, R. Nauji teisiniai instrumentai civilinio proceso srityje: ar bus sukurtas Europos Sąjungos civilinis procesas? *Teisė ir teisminę gynybą ir jos realizavimo praktiniai aspektai*, Vilnius, 2006, p. 139.
[735] *See*: TULIBACKA, M. *Europeanization of Civil Procedures*…, p. 1544-1545.
[736] STORME, M. *Improving Access to Justice in Europe*…, p. 214.

произвольными, поскольку отсылают нас к фактическому пребыванию лица или объекта в определенной стране. Однако их местонахождение может измениться уже в процессе спора или на стадии исполнения, в связи с чем дело может стать *de facto* трансграничным или, напротив, утратить такое качество, но все равно будет подлежать рассмотрению в том порядке, в котором было начато.[737] Применительно к «общеевропейским» Регламентам может возникнуть и такая ситуация, при которой на национальном уровне нет аналога той или иной «единой» процедуры (например, споров на небольшие суммы или судебных приказов), в связи с чем все преимущества последней будет невозможно использовать в сугубо внутреннем споре,[738] сторона которого будет поставлена в менее выгодные условия по сравнению с той, что вовлечена в «трансграничное судопроизводство». В результате формируются две параллельные системы, два различных набора процедур и две категории тяжущихся лиц с разным объемом прав и обязанностей.

В качестве решения проблемы некоторые авторы указывают на практику отдельных стран-участниц вовсе не обращать внимания на требование «трансграничности».[739] Однако это напрямую противоречит смыслу ст. 81 Договора, куда соответствующее ограничение было намеренно включено при ее принятии и отражало характер договоренностей, достигнутых странами-участницами.

Другие авторы в качестве выхода из положения предлагают использовать более широкую трактовку понятия «трансграничности», данного в ст. 81 ДФЕС. Так, М. Сторм заявляет, что любой спор в ЕС является потенциально «трансграничным»: на определенной стадии рассмотрения дела или исполнения итогового акта может потребоваться выход за рамки права того государства, суд которого рассматривал его.[740] Более того, различия в процессуальном праве отдельных государств

---

[737] *Id.*, p. 211; STROSKRUBB, E. *Civil Procedure and EU Law*…, p. 206.

[738] FASCHING, H. *Kommentar zu den Zivilprozeßgesetzen*. Wien: MANZ, 2010, p. 615; STORME, M. *Improving Access to Justice in Europe*…, p. 213.

[739] van der GRINTEN, P. *Op. cit.*, p. 67-68.

[740] *See*: STORME M. *Improving Access to Justice in Europe*…, p. 210-211.

негативно сказываются на единстве «внутреннего рынка», если в одном из них действуют более совершенные нормы, чем в другом.[741] В результате, речь должна идти не только о «непосредственной», но и о «потенциальной» трансграничности. Аналогичную позицию разделяет Э. Радев: с его точки зрения понятие «трансграничные последствия» (о которых говорится в ДФЕС) шире, чем «трансграничные судебные дела» настолько, что первые могут включать в себя практически любые сугубо национальные споры с достаточно косвенными «внешними связями».[742] З. Вернадаки предлагает толковать ст. 81(2)(e) ДФЕС (о доступе к правосудию) в системном единстве со ст. 47 ныне юридически обязательной Хартии основных прав. По ее мнению, к трансграничным делам следует отнести не только те, что напрямую затрагивают несколько государств ЕС, но и те, что связаны с применением материального права ЕС.[743]

Интересно, что «широкого» толкования придерживалась и Комиссия ЕС, которая полагала, что любое внутригосударственное дело в силу самой своей природы содержит трансграничный элемент, поскольку судебное решение имеет потенциал быть исполненным в других государствах-участниках.[744] Однако такая трактовка не нашла поддержки у законодательных органов и у стран-участниц (последние вовсе не стремились к тому, чтобы европейские нормы затрагивали сугубо национальные дела[745]). В итоге все официальные акты вторичного права продолжают придерживаться «узкого» понимания «трансграничности».[746]

---

[741] *Id.*, p. 214; BACA, W.M.K. *Op. cit.*, p. 10.

[742] RADEV, E. *Working Document on establishing common minimum standards for civil procedure in the European Union – the legal basis*. European Parliament, Committee on Legal Affairs, 21.12.2015. [interactive. Accessed on: 15.02.2017]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=COMPARL&reference=PE-572.853&format=PDF&language=EN&secondRef=01>.

[743] VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice*…, p. 238.

[744] *Explanatory Memorandum to the Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a European Small Claims Procedure* (presented by the Commission). Brussels, 15.03.2005, COM(2005) 87 final, 2005/0020, p. 5-6 (para. 2.2.1).

[745] KRAMER, X. *Enhancing Enforcement in the European Union*…, p. 22.

[746] van der GRINTEN, P. *Op. cit.*, p. 68.

Есть и те авторы, что соглашаются с тем, что ныне в ЕС бытует ограниченное понимание «трансграничности», но полагают, что разрешить проблему возможно за счет законодательной реформы, которая бы расширила полномочия ЕС в сфере «пространства правосудия» за счет признания за ним права гармонизировать нормы гражданского процесса и в тех делах, что носят сугубо внутригосударственный характер. Они предлагают принятие в будущем акта, который бы вводил в действие единые минимальные стандарты для всех категорий дел (как национальных, так и трансграничных).[747] Эта позиция кажется уже более обоснованной, поскольку высказанные предыдущей группой авторов позиции о «широком понимании трансграничности» находятся в прямом противоречии с ее толкованием в инструментах вторичного права, большинство из которых включает в свой состав норму, раскрывающую понятие «трансграничного спора», и такая норма неизменно содержит «узкую» трактовку термина.

Однако с нашей точки зрения ни одна из высказанных выше позиций не является полностью обоснованной и актуальной. Как мы видим, авторы предлагают отказаться от деления споров на «трансграничные» и «национальные», поскольку это подрывает единство «пространства правосудия» в ЕС. Однако из приведенного нами выше анализа системы и структуры ЕГП становится очевидно, что большая часть его норм касается МЧП/МГП (международной подсудности, признания и исполнения решений, получения доказательств за рубежом), т.е. уже в силу самой сути регулируемых правоотношений может применяться только в трансграничных делах.[748] Основным объектом для критики, соответственно, должны стать Регламенты «второго поколения»: они предусматривают собственные процедуры, применение которых в чисто национальных делах, на первый взгляд, столь же

[747] KRAMER, X. *Towards ELI-UNIDROIT Model Rules of Civil Procedure*…, p. 9.

[748] CADIET, L. Sources and Destiny of French Civil Procedure in a Globalized World In: *The Dynamism of Civil Procedure – Global Trends and Developments*. Eds.: C. Picker, G. Seidman. Dordrecht: Springer, 2016, p. 65; KRUGER, T. *The Disorderly Infiltration of EU Law in Civil Procedure*…., p. 8.

необходимо, как и в трансграничных. Их ограниченность выглядит искусственной, поскольку существенно сужает сферу их применения и практическую значимость.[749] Тот же факт, что они являются автономными и не заменяют собой внутригосударственных процедур, означает возникновение параллелизма в правовом регулировании, что многим авторам представляется ненужной конкуренцией.[750]

С нашей точки зрения, не следует считать «узкое» понимание трансграничности неоправданным ограничением. По сути, указанное требование является лишь фиксацией сферы действия европейского наднационального права (которое мы с оговорками признали похожим на «федеральное») в его соотношении с национальным. Распределение компетенции происходит таким образом, что ЕС достаются лишь трансграничные дела. Официальное название компетенции – *судебное сотрудничество по гражданским делам* – только подчеркивает, что ЕС интересуют лишь те правоотношения, что предполагают взаимодействие нескольких стран-участниц между собой в процессуальной сфере.[751]

Сужение сферы предопределено всей историей и логикой развития европейского законодательства о гражданском процессе. Оно зародилось как область права, необходимая для гарантирования идей единого рынка, а потому касалась лишь таких ситуаций, которые имели отношение к «свободам движения». Европейские нормы ГПП вступали в действие лишь там, где имела место «общеевропейская» проблема (затрагивающая более одного государства) и совершенно не интересовались сугубо национальным судебным разбирательством. Именно по этой причине было очевидным, что ГПП ЕС может быть только трансграничным – он вступает в действие там, где имеет место упомянутая общеевропейская

[749] STORME M., *Improving Access to Justice in Europe*…, p. 211; STROSKRUBB, E. *Op. cit.*, P. 206.

[750] WAGNER, G. *Harmonization of Civil Procedure: Policy Perspectives*…, p. 99-100.

[751] LENAERTS, K. The Contribution of the European Court of Justice to the Area of Freedom, Security and Justice. *International and Comparative Law Quarterly*, 2010, Vol. 59(2), p. 256.

проблема, но не касается тех норм национального права, которые опосредуют внутреннее разбирательство.[752]

Что же касается автономных европейских процедур, то они специально смоделированы таким образом, чтобы влечь за собой удобное трансграничное исполнение по отдельным (специальным) категориям споров.[753] В связи с этим их применение во внутригосударственных делах не будет иметь столь большой ценности, поскольку в них исполнение собственных внутренних решений и так осуществляется безо всяких проблем.

В то же время слово «трансграничный», на наш взгляд, действительно уже не соответствует текущим реалиям европейского «пространства правосудия». Сама логика этого образования говорит об избавлении от любых внутренних границ. Те дела, что затрагивают два и боле государства-участника, правомернее было бы именовать «относящимися к европейскому ведению», а те, что касаются лишь одного государства – «относящимися к национальному ведению». При таком подходе не должно возникать никаких возражений в том, что право ЕС действует лишь на первом из названных уровней.

Вместе с этим, для второй составляющей понятия ЕГП (создание общих стандартов) действительно неуместным выглядит ограничение сферы ее применения. Сама суть деятельности ЕС в этой сфере состоит в утверждении правовых основ и принципов, которые должны быть едиными как для европейского (*«квазифедерального»*), так и для «национального» правосудия. В этой связи аргумент о том, что степень правовой защиты в ЕС не должна различаться в зависимости от статуса дела,[754] является абсолютно истинным. Однако он не должен пониматься как неоправданное расширение пространства действия норм,

---

[752] *См.:* ИЗАРОВА, И.А. *Теоретические и практические основы гармонизации гражданского процесса Европейского Союза и Украины*: автореферат диссертации доктора юридических наук. Киев: Институт государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины, с. 18.

[753] FRĄCKOWIAK-ADAMSKA, A. *Op. cit.*, p. 198.

[754] VERNADAKI, Z. *Civil Procedure Harmonization in the EU…*, p. 10.

смоделированных для применения лишь на «верхнем» уровне. Нет никаких проблем с тем, что ЕГП регулирует лишь отношения с участием более одного государства, если и он, и каждая из национальных отраслей ГПП подчиняются сходным стандартам, разработанным и утвержденным ЕС. При этом в «сугубо трансграничных» делах у ЕС должна быть компетенция по построению действенных механизмов взаимодействия (прежде всего норм МГП, но также и собственных процедур), тогда как для общего регулирования обоих уровней системы за ним должны быть признаны лишь полномочия по утверждению общих начал и принципов, но не таких детализированных норм, что характерны для национального процессуального законодательства.

(4) Преимущественная ориентация на внутрикоммунитарную перспективу. Рассмотренное нами требование трансграничности означает, что нормы ЕГП не будут иметь действия не только в сугубо национальных («внутренних») делах, но и в таких, которые касаются взаимодействия страны ЕС с третьим государством (а не с другим государством-участником).[755] В своих отношениях с третьими странами государства-участники руководствуются собственными нормами МЧП/МГП, но не актами из области европейского пространства правосудия.[756]

По сути, только те гражданские и коммерческие дела, что имеют связь с различными государствами-участниками, становятся предметом регулирования норм права ЕС.[757] Таким образом, европейский проект процессуальной унификации противопоставляется остальному миру. Здесь речь идет не только о связях с третьими странами, но и о соотношении европейского регионального права с общемировыми

---

[755] ТРУНК, А. *Проблемы интеграции правовой системы в Европейское Сообщество*…, с. 136; ПОСТНИКОВА, Е.В.; ЭЙМАНН, Ж. *Указ. соч.*, с. 156-157.

[756] KRUGER, *The Disorderly Infiltration of EU Law in Civil Procedure*…, p. 7.

[757] DYRDA, Ł. Jurisdiction in Civil and Commercial Matters under the Regulation no. 1215/2012: between Common Grounds on Jurisdiction and Divergent National Rules. In: *The Interaction of National Legal Systems: Convergence or Divergence?* Vilnius, 2013, p. 88-89; STAUDINGER, A.; LEIBLE, S. Article 65 of the EC Treaty in the EC System of Competencies. *The European Legal Forum*, 2000, Vol. 4(1), p. 229.

усилиями по унификации и гармонизации процессуального права. Если смотреть с международной перспективы, то европейский режим характеризуется региональным центризмом и оторванностью от взаимодействия с другими акторами.[758] На практике это приводит к множественности процессуальных режимов, трудности для тяжущихся реализовать свои права, а для судов – необходимости работать с большим количеством норм.

С другой стороны, названная «интроспективность» и ориентация на «внутрикоммунитарное пользование»[759] вполне объяснимы логикой формирования и развития ЕГП. Этот комплекс норм всегда носил внутриорганизационное значение. С принятием Амстердамского договора и заключения в Тампере «внутренний» аспект лишь усилился, поскольку речь стала идти о построении «общего пространства правосудия», которое с одной стороны консолидировало страны региона, а с другой– обособляло их от «чужих», не относящихся к нему государств.[760] В этом плане гармонизация и унификация одной группы стран неизбежно вела к дисгармонии в отношениях с иными странами.

Еще больше обособленность увеличилась с формулировкой принципа «взаимного доверия», который был актуален только для тех стран, которые он связывал своим действием (т.е. для стран-участниц). Как уже указывалось выше, взаимное доверие основывалось на сложной системе и минимальных стандартах, обязательность которых могла гарантироваться в отношениях между странами-участницами как посредством нормативных мер, так и мер из области «мягкого права». Однако если речь шла о третьих странах, то подобную систему реализовать в их отношении было невозможно (с ними можно было выстроить отношения только на международно-правовых началах, чего

[758] HESS. B. *The Integrating Effect of European of European Civil Procedure Law*…, p. 14; KRUGER, T. *The South African Litigant and European Union Rules of Civil Procedure*…, p. 75.

[759] DYRDA, Ł. *Op. cit.*, p. 88-89.

[760] ГУРБАНОВ, Р.А. Взаимодействие судебных органов на европейском пространстве: вопросы теории и практики (автореферат диссертации доктора юридических наук). Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2016, с. 5.

явно было недостаточно для гарантирования такого глубокого доверия, которое уже было достигнуто в ЕС).[761] Нахождение таких стран за рамками «европейского пространства правосудия», основанного на взаимном доверии, делало невозможным и распространение на них европейских норм в сфере ГПП.[762] Говоря проще, такие страны не были членами «европейской федерации» и их никак нельзя было нормативно обязать соблюдать предписания «федерального» права ЕС. Таким образом, данные страны закономерно были оставлены «за рамками» европейской процессуальной интеграции.

Нельзя сказать, чтобы ГПП ЕС вообще не имело в виду субъектов из третьих стран как потенциальных участников регулируемых им правоотношений. Так, новая редакция Регламента «Брюссель I» допускает заключение соглашения о подсудности сторонами спора, ни одна из которых не домицилирована в ЕС.[763] Однако речь идет только о таком соглашении, которым в качестве места рассмотрения дела выбирается суд одного из государств-участников. Кроме того, в том же Регламенте содержатся нормы, дозволяющие более слабой стороне отдельных видов договоров (трудовых и потребительских) подавать иск по месту своего жительства (в ЕС), несмотря на то, что ответчик домицилирован в третьем государстве. В практике Суда ЕС также есть дело, в котором была признана применимость европейского режима к ситуации, в которой дело имело связь лишь с одним государством ЕС и третьей страной.[764] Несмотря на то, что в этом случае вопрос выходил за рамки «внутреннего» пространства, Суд признал применимыми правила о подсудности, содержащиеся в Брюссельской Конвенции. Впрочем, это было сделано им для обоснования компетенции судебного органа на

---

[761] GAUDEMET-TALLON, H. Les frontières extérieures de l'espace judiciaire européen: quelques repères. In: *E Pluribus unum. Liber Amicorum G. Droz*. Eds.: A Borrás et al. The Hague: Nijhoff, 1996, p 94.

[762] *See*: GUMULIAUSKIENĖ, L. *Užsienio teismų sprendimų pripažinimas ir vykdymas civiliniame procese* (Daktaro disertacija). Vilnius: Mykolo Romerio Universitetas, 2008, p. 100.

[763] *Regulation 1215/2012*, p. 11 (Art. 25).

[764] *Andrew Owusu v. N. B. Jackson*. Judgment of the Court, 1 March 2005, Case C-281/02. *European Court Reports*, 2005, I-01383, paras. 24-35.

территории страны-участницы, т.е. в итоге спор все же рассматривался в рамках европейского пространства правосудия.[765]

Из всего этого мы наглядно видим, что перечисленные исключения составляют необходимый минимум, который отражает желание ЕС защищать собственную, все более консолидирующуюся юрисдикцию, а не обращение по-настоящему значительного внимания на взаимодействие с третьими странами. Косвенно подтверждает это и отсутствие каких-либо предварительных переговоров с этими странами по вопросу включения подобных норм.

Вместе с тем, мы можем наглядно видеть, что в правопорядке ЕС «гражданство» (или «подданство») перестает быть значимым критерием для доступа к судебной системе. Значение приобретают такие более динамичные понятия как «домицилий» или «обычное место жительства», подчеркивающие повышенную мобильность современного общества. Соответственно, важнейшим критерием становится пребывание лица в правовом пространстве ЕС, а вовсе не привязанность его какими-либо (проистекающими из национального права) узами к определенному государству-участнику.[766]

В принципе, замкнутость права ЕС не является отрицательным моментом сама по себе.[767] Напротив, доступность ГПП ЕС только для стран-участниц повышает престиж участия в этом объединении, побуждает страны-кандидаты проводить необходимые реформы, чтобы приблизиться к обозначенным стандартам,[768] а также защищает уже имеющиеся страны от правосудия, не соответствующего по качеству общеевропейскому эталону. Проблемой это может стать лишь при необходимости стран региона осуществлять активное сотрудничество с

---

[765] KUIPERS, J-J. The Exclusive External Competence of the Community under Article 81 TFEU: Lugano Re-opened? In: *External Dimension of the European Union's Area of Freedom, Security and Justice*. Eds.: J. Monar, S. Poli. Brussels: P.I.E. Peter Lang, 2011, p. 291.

[766] Council Directive 2002/8/EC of 27 January 2003 to improve access to justice in cross-border disputes by establishing minimum common rules relating to legal aid for such disputes. *Official Journal of the European Union*, 31.01.2003, L 26, p. 43-44 (Arts. 2, 4).

[767] МАКОВСКАЯ, А.А. *Указ. соч.*, с. 11.

[768] KOMAROV, V. *The Civil Procedure in the Global Context*…, p. 149-150; ІЗАРОВА, І.О. *Теоретичні засади цивільного процесу Європейського Союзу*. Київ: ВД Дакор, 2015, с. 64-73.

другими странами. В такой ситуации они вынуждены будут делать это на основе либо собственных норм, либо двусторонних и многосторонних договоров, заключенных вне ЕС. Это приведет к не всегда обоснованному увеличению числа процессуальных режимов и усложнению порядка совершения простейших процессуальных действий.

На наш взгляд, в будущем ЕС будет обращать больше внимания на третьи страны, поскольку «общее пространство правосудия» постепенно приобретает завершенные, окончательные формы. Пока оно находилось в стадии формирования, совершенно очевидной была ориентация на «внутрисоюзные» проблемы: распределение компетенции, взаимодействие национальных и европейских органов, наиболее оптимальные формы регулирования отношений на просторах внутреннего рынка. В настоящее же время, с решением части таких вопросов и формированием путей и сроков разрешения оставшихся, представляется необходимым переориентироваться на внешнюю перспективу. При этом речь должна идти именно о взаимодействии «европейского пространства правосудия» с аналогичными структурами в других региональных объединениях, либо о взаимодействии один-на-один с отдельными крупными государствами (такими как США или КНР).

(5) Изъятия из общего режима для отдельных участников. Несмотря на отмеченное в первой главе преимущество наднационального регулирования перед международно-правовым, заключающееся в немедленной обязательности принимаемых норм в равной мере для всех стран-участниц, на практике из этого правила есть некоторые исключения. Проявляются они в том, что ряд государств либо вообще не участвует в судебном сотрудничестве по гражданским делам (Дания), либо делает это с оговорками, имея право по своему усмотрению присоединиться или уклониться от участия в тех или иных инструментах

(Великобритания и Ирландия).[769] Данное положение было зафиксировано в соответствующих декларациях названных государств, сделанных во время принятия Амстердамского договора и сохраняющих актуальность до сих пор.[770] Хотя перечень таких государств является закрытым и ни одно вновь вступающее в ЕС государство не может потребовать для себя подобного статуса, данная ситуация все же подрывает единство «подлинного пространства правосудия». Особенно актуально это в свете того, что ЕГП не кодифицирован, а значит для каждого отдельного Регламента (и Директивы) необходимо всякий раз определять порядок его действия в отношении той или иной страны.

Во многом соответствующий статус играет против не участвующих в тех или иных инструментах государств. Так, Регламент 655/2014, предусматривающий возможность вынесения ордера по обеспечению банковских счетов, не распространяется на Великобританию, что означает невозможность вынесения его в отношении находящихся в этой стране активов и по заявлению домицилированных в ней лиц.[771] Однако нет препятствий для вынесения ордера судом любого другого государства-участника в отношении активов подданных Соединенного Королевства, находящихся где-либо еще, помимо Великобритании. Тем самым создается неравенство в доступе к упомянутой процессуальной мере.

Остается и немало спорных вопросов: может ли государство, решившее не принимать участия в определенном акте, участвовать тем не менее в его разработке и принятии; может ли государство, решившее принять участие в Регламенте или Директиве отозвать впоследствии свое согласие; может ли повлиять на статус уже данного согласия

---

[769] KRAMER, X. *Towards ELI-UNIDROIT Model Rules of Civil Procedure*…, p. 4.

[770] Protocol (No 21) on the Position of the United Kingdom and Ireland in Respect of the Area of Freedom, Security and Justice. *Official Journal of the European Union*, 07.06.2016, C 202, p. 295-297; Protocol (No 22) on the position of Denmark. *Official Journal of the European Union*, 26.10.2012, C 326, p. 299-303.

[771] CARTY, H. European Account Preservation Orders: Must Try Harder [interactive. Accessed on: 26.10.2016]. Access via Internet: <https://www.cliffordchance.com/briefings/2014/09/european_accountpreservationordersmusttr.html>.

существенное изменение содержания принимаемого инструмента или сферы его действия; могут ли Великобритания и Ирландия отказаться участвовать в Регламенте или Директиве, которые реформируют ранее действовавшие акты, на участие в которых эти страны уже согласились?[772]

Второе исключение из единообразного действия принятых актов во всех странах ЕС касается механизма «углубленного сотрудничества», который может быть запущен при отсутствии согласия всех стран-участниц в тех случаях, где обязательно единогласие (в случае с гражданским процессом речь идет о мерах в области семейного права). На практике этот механизм был впервые применен в 2016 г., когда Совет ЕС дал согласие на его использование в отношении 18 государств в сфере подсудности, применимого права и признания и исполнения решений по делам о режимах совместной собственности супругов (Регламент 2016/1103)[773] и зарегистрированных партнерств (Регламент 2016/1104),[774] оба из которых будут применяться с 26 января 2019 г.

Ситуация, при которой отдельные акты, относящиеся к одной предметной сфере, имеют различное действие по субъектному составу, вредит целостности и эффективности ЕГП гораздо больше, чем отсутствие кодификации или пробельность в правовом регулировании. В будущем ЕС необходимо будет гарантировать присоединение всех стран-участниц к уже принятым актам и невозможность произвольного выхода из действующих инструментов с тем, чтобы обеспечить подлинное равенство стран-участниц и субъектов, находящихся под их юрисдикцией.

---

[772] FIORINI, A. *The Evolution of European Private International Law*…, p. 979-980.

[773] Council Regulation (EU) 2016/1103 of 24 June 2016 implementing enhanced cooperation in the area of jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of matrimonial property regimes. *Official Journal of the European Union*, 08.07.2016, L 183, p. 1-29.

[774] Council Regulation (EU) 2016/1104 of 24 June 2016 implementing enhanced cooperation in the area of jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of the property consequences of registered partnerships. *Official Journal of the European Union*, 08.07.2016, L 183, p. 30-56.

(6) Отсутствие единого правового основания для принятия процессуальных норм. Как известно, компетенция Европейского Союза ограничена принципами субсидиарности и пропорциональности, что делает возможным принятие только таких правовых актов, которые имеют четко установленный правовой «базис» в учредительных договорах. Применительно к гражданскому процессу длительное время считалось, что единственным таким «базисом» является ст. 65 Договора (позднее – ст. 81). Именно она перечисляла, какие меры может принимать Союз для гармонизации и унификации права своих стран-участниц. Сама статья не предусматривала конкретной формы, в которой должны приниматься соответствующие акты, что означало на практике возможность использования любой из них (Регламентов, Директив, Решений, Рекомендаций). Большая часть актов принята в форме Регламентов, поскольку страны-участницы изначально стремились установить единые режимы сотрудничества в сфере правосудия. Директивы оставались допустимым, но редко используемым инструментом, необходимым в тех случаях, когда страны собирались утвердить некие гармонизированные стандарты для отдельных трансграничных ситуаций. В числе таких актов можно отметить лишь Директивы о медиации[775] и о правовой помощи.[776]

Однако на практике этими актами не исчерпывается тот массив норм, что предметно относится к гражданскому процессу. Дело в том, что было и другое основание для принятия актов – уже упоминавшаяся ст. 114 ДФЕС (ранее – ст. 95), которая посвящена гармонизации национального права для нужд внутреннего рынка. В последнее время Союз нередко использует данное правовое основание: выше уже говорилось о том, что в соответствии с этой статьей были приняты как минимум четыре Директивы, содержащие нормы гражданско-

[775] Council Directive 2008/52/EC of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Union*, 24.05.2008, L 136, p. 3-8.

[776] Council Directive 2002/8/EC of 27 January 2003 to improve access to justice in cross-border disputes by establishing minimum common rules relating to legal aid for such disputes. *Official Journal of the European Communities*, 31.01.2003, L 26, p. 41-47.

процессуального характера.[777] Данный «базис» сближения права нередко трактуется авторами как дополнительная «невидимая опора» процессуального порядка ЕС.[778]

Отличительной особенностью принятых на основе ст. 114 актов является их распространение не только на трансграничные дела, но и на сугубо национальные (поскольку логика «судебного сотрудничества» не действует в отношении подобных инструментов). Это не нарушает высказанной в предыдущем параграфе идеи о статусе ГПП ЕС, поскольку фактически упомянутые Директивы не считаются даже частями общего процессуального права ЕС и содержат процессуальные нормы лишь в качестве необходимого дополнения к материально-правовому сближению. Тем не менее, их процессуальный потенциал поистине огромен. Так, в «антимонопольной Директиве» есть положения о получении доказательств и о разрешении споров по взаимному согласию.[779] Директива «о судебных запретах» требует введения в национальное право возможности выдачи судами соответствующих запретов (*injunctions*),[780] которые, по сути, являются процессуальными мерами. Но наиболее «процессуальной» из всех является Директива «об интеллектуальной собственности»: в ней мы можем найти и положения об обеспечении доказательств, и о получении через суд информации, и о предварительных и обеспечительных мерах, и о распределении судебных издержек.[781]

Другая особенность таких Директив заключается в их действии в рамках строго определенного направления правовой политики ЕС (антимонопольное регулирование, защита прав потребителей, интеллектуальная собственность и т.д.), в связи с чем их называют также «отраслевыми» или «секторальными» (в противовес «горизонтальным»

---

[777] TULIBACKA, M. *Europeanization of Civil Procedures*…, p. 1547; VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice*…, p. 15.

[778] KRANS, B. *Op. cit.*, p. 581.

[779] *Directive 2014/104/EU*, p. 12-14, 17-18.

[780] *Directive 2009/22/EC*, p. 31-32.

[781] *Directive 2004/48/EC*, p. 45-86.

Директивам, основанным на ст. 81). Предписания подобных актов являются актуальными только в пределах соответствующей сферы регулирования, но не носят всеобщего характера. Вместе с тем, в рамках такой сферы они могут касаться достаточно широкого круга процессуальных мер. В отличие от этого традиционные «горизонтальные» Директивы действуют во всех направлениях правовой политики ЕС, но посвящены, как правило, какому-либо одному предмету (оказанию правовой помощи, ведению процедуры медиации и т.д.).[782]

Обе отмеченные особенности негативно сказываются на единстве ЕГП. *Отраслевая ограниченность* Директив, принятых на основании ст. 114, приводит к дифференциации правового регулирования (и стандартов судебной защиты) в зависимости от того, о каком направлении правовой политики мы говорим.[783] Более того, результатом будет и то, что в каких-то из них мы будем иметь те инструменты и механизмы защиты, что отсутствуют в других. С одной стороны, подобное развитие можно сопоставить с последовательным формированием гражданского процесса через автономные Регламенты, которое происходило путем «проб и ошибок», последовательно продвигаясь к цели.[784] С другой же стороны, гарантии правовой защиты и доступные средства не должны варьироваться в зависимости от того, из какой области материального права проистекает предмет спора. Вне зависимости от того, идет ли речь о реализации антимонопольного права или права интеллектуальной собственности, граждане и юридические лица должны иметь доступ ко всему спектру процессуальных мер, позволяющих отстоять их права. Иное будет являться уже не гармонизацией, а обратным ей явлением – внесением хаоса и неопределенности в правовое регулирование. Если и подходить к проблеме «секторально», то в качестве самостоятельного сектора следует назвать «формирование пространства правосудия»,

[782] MAŃKO, R. *Op. cit.*, p. 4.
[783] VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice*…, p. 141.
[784] WAGNER, G. *Harmonization of Civil Procedure: Policy Perspectives*…, p. 118.

действие которого будет ожидаемо распространяться на любые дела, возникающие из материальных частноправовых отношений.

Что же касается отличной от ст. 81 сферы действия, то данная особенность доставляет немало проблем правоприменителям, государствам и частным лицам. Они должны учитывать не только «собственно процессуальное право ЕС», но и разрозненные и бессистемные акты, которые, кроме того, принимаются иными рабочими группами и не учитывают сложившиеся в ЕГП распределение полномочий, цели и ценности.[785] Не основываются они и на общих процессуальных принципах, которые на наш взгляд должны быть положены с основу будущих «минимальных стандартов». В связи с этим их отнесение к гражданскому процессу возможно только по предмету, но не по их общему «духу» и логике функционирования.

Для европейского же законодателя большой проблемой становится выбор между ст. 81 и 114. Если ранее первая могла пониматься как специальная норма по отношению ко второй, то с отменой ее привязки ко «внутреннему рынку» она становится самостоятельным базисом для принятия норм. Если речь идет исключительно о гармонизации гражданского процесса, то должна использоваться ст. 81, если же задачей является гармонизация норм, регулирующих внутренний рынок – ст. 114.[786] В то же время две статьи частично дублируют друг друга в тех случаях, когда речь идет о гармонизации и процесса, и внутреннего рынка, а потому могут использоваться в качестве «двойного правового базиса».[787]

Обобщая сказанное, стоит отметить, что наличие сразу двух правовых основ хорошо бы вписывалось в нашу концепцию «двойственной задачи» ЕГП. В то время как ст. 81 могла бы использоваться для принятия мер в «федеральной» сфере ведения, ст. 114 могла бы служить повсеместной вертикальной гармонизации. К нашему

[785] van der GRINTEN, P. *Op. cit.*, p. 68.
[786] MAŃKO, R. *Op. cit.*, p. 13.
[787] *Id.*, p. 14.

сожалению, едва ли данная статья подходит на роль подобной правовой основы. *Во-первых*, задействовать ее можно лишь при связанности принимаемых мер с функционированием внутреннего рынка. Однако пространство правосудия намного шире рыночных отношений и потенциально включает в себя семейные, социальные и другие дела, которые никак не влияют на реализацию четырех экономических свобод, но от этого не являются менее важными как объекты для сближения права.[788] Использование ст. 114 как правового базиса было бы шагом назад по сравнению с уже достигнутым прогрессом в деле построения «единого пространства правосудия», которое базируется далеко не только на экономических соображениях. *Во-вторых*, до сих пор ст. 114 использовалась для относительно конкретных мер, которые она предписывала ввести в действие в странах-участницах и не была приспособлена для принятия норм более общего характера, тем более в сфере гражданского процесса, который все же существенно отличается от материального права (которое преимущественно и подвергалось гармонизации при помощи этой статьи). *Наконец*, особый характер этой нормы означает ее безусловное распространение на такие страны как Великобритания, Ирландия и Дания (обладающие иммунитетом в сфере действия ст. 81). На практике это может повлечь негативную реакцию этих стран на разработку новых актов на основании ст. 114 с преобладающей процессуальной составляющей, а институты Союза, напротив, вынудить злоупотреблять своей компетенцией, чтобы «вовлечь» названные страны в орбиту процессуального сотрудничества через подобный «черный ход».

В итоге, Союзу требуется переоценка своей компетенции с тем, чтобы дать ответ на вопрос: какое же правовое основание может быть им использовано для выполнения своей функции «федерального» нормоутверждающего центра?

[788] VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice*…, p. 237.

(7) Альтернативность части норм. Действующие Регламенты об общеевропейских процедурах не только являются автономными, но и альтернативными (опциональными), что означает предоставление заявителю права выбора, в каком из порядков будет рассматриваться его дело: общеевропейском или национальном.[789] Предполагается, что истец сможет взвесить все возможные нюансы, преимущества и недостатки той или иной процедуры и выбрать наиболее подходящую для него при прочих равных условиях. Разумеется, европейская процедура предпочтительнее, если речь идет о последующем исполнении в третьем государстве. В то же время, воспользоваться национальной процедурой истец из-за рубежа может, если знает, что она ничем не уступает европейской, не влечет для него дополнительных затрат, дает необходимую защиту с учетом его иностранного статуса и позволяет быстро и беспристрастно рассмотреть дело. Поскольку для многих стран ЕС характерна развитая процессуальная культура и ориентация на современные принципы отправления правосудия, а их суды имеют отличную репутацию, выбор той или иной процедуры не всегда очевиден.

У истца, безусловно, появляется больше способов защитить свои права. Но с другой стороны, появляется и ненужный параллелизм в существующих системах производства и неравные стандарты защиты. Кроме того, есть и опасность для рядового субъекта запутаться в многообразии предоставленных средств защиты.[790] Негативно это может сказаться и на судах, которые будут вынуждены осуществлять выбор между одной из двух систем процессуальных норм: национальной и европейской. В итоге они будут тратить свои силы и ограниченные ресурсы на поиск применимого права, а не на рассмотрение дела по существу.[791] Сомнения в практической пользе принуждения

[789] БРАНОВИЦКИЙ, К.Л.; КОТЕЛЬНИКОВ, А.Г.; РЕШЕТНИКОВА, И.В. *Гражданское судопроизводство за рубежом*. Москва: Инфотропик Медиа, 2013, с. 143-144.

[790] KRUGER, T. *Op. cit.*, p. 81.

[791] ЛЮБЧЕНКО, М.Я. К вопросу о принципах взаимодействия Европейского суда по правам человека и национальных юрисдикций (в контексте гармонизации гражданского процесса). *Проблемы гражданского судопроизводства в трудах и деятельности М.С.*

национальных судов действовать одновременно по двум различным системам правил (транснациональным и внутригосударственным) высказывает и Е.В. Кудрявцева. По ее мнению, разработчики транснациональных правил должны находить такой механизм, который бы признавался всеми странами в целях использования для регулирования рассмотрения трансграничных споров (и применялся бы на «безальтернативных» началах).[792] Иными словами, предложения авторов сводятся к установлению объективных и прозрачных критериев для разграничения сферы действия «европейских» и «национальных» процедур.

В принципе, альтернативность названных Регламентов является не случайно возникшим дефектом, а скорее следствием специально выбранной законодателем правовой политики. Речь идет о «добавочном характере» норм ЕГП по отношению к национальному праву. Несмотря на то, что европейские процедуры именуются «автономными» (т.е. полностью самостоятельными), в реальности они не являются таковыми. Они направлены на то, чтобы облегчить истцу подачу иска (а ответчику – отзыва на него), установить максимальные сроки разбирательства, а также закрепить некоторые дополнительные права суда и сторон. Всего этого недостаточно, чтобы говорить о действительно самостоятельном «европейском» процессе и о роли единых процедур в качестве его основы[793] – скорее речь идет о «надстройке» над национальными системами отправления правосудия, которые позволяют эффективно признавать решения суда одного государства на территории другого за счет принятия заложенных в Регламенте стандартов.

Шакарян. Материалы международной научно-практической конференции, Москва: Университет им. О.Е. Кутафина, 2014, с. 143.

[792] КУДРЯВЦЕВА, Е.В. Гармонизация и унификация гражданского процессуального права в европейских странах. *Реформа гражданского процесса в суде первой инстанции в государствах Балтийского моря и Центральной Европы*, 16-19 сентября 2004 г. Вильнюс, 2005, с. 249; *См. также*: ван РЕЕ, К.Х. Гармонизация гражданского процесса в глобальном масштабе. *Европейский гражданский процесс и исполнительное производство*. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 25 марта 2011 г.

[793] ИЗАРОВА, И.А. *Теоретические и практические основы гармонизации гражданского процесса Европейского Союза и Украины*…, с. 7-8.

Должен ли ЕС предложить безальтернативные варианты процедур, которые будут применяться *ipso facto* при трансграничном характере спора? На наш взгляд для этого ЕГП недостаточно целостности: он в любом случае сильно полагается на национальное право, не знает многих процедур, а самое главное – не имеет собственной «главной» процедуры по исковым делам. Постепенное введение всех названных процедур возможно в теории, но на практике потребует существенных материальных затрат и модификации сложившейся системы распределения компетенции между «федеральным центром» и странами-участницами за счет передачи первому в исключительное ведение вопросов рассмотрения любых трансграничных споров. Между тем, именно такое решение повлечет за собой разрыв между «национальными» и «федеральными» делами, тогда как до сих пор его удавалось избегать за счет отнесения подавляющего большинства вопросов в сфере судопроизводства к ведению государств-участников и оставлению на «федеральном» уровне лишь аспектов движения судебных актов из одного государства в другое.

В качестве общего вывода данного параграфа отметим, что страны ЕС во многом находятся в начале пути и процесс дальнейшего сближения гражданского процессуального права может затянуться на долгие годы.[794] Государствам-участникам требуется преодолеть политические разногласия, несхожесть в подходах к правовому регулированию, неодинаковость взглядов на место ГПП в системе права и на саму структуру данной отрасли. Несмотря на все отмеченные в данной главе проблемы, развитие исследуемого комплекса норм продолжается и открывает перед жителями ЕС новые горизонты.

[794] ELMER, M. Brief Considerations on the Harmonisation of Civil Procedure in Europe and Worldwide. *Uniform Law Review*, 2003, Vol. 8, p. 461.

3. Перспективы дальнейшего сближения гражданского процессуального права в Европейском Союзе

В связи с достижением Европейским Союзом больших успехов в сближении права своих государств-участников и продолжением дальнейшей «федерализации» этого сообщества, исследователям крайне интересно, каким образом будет происходить дальнейшее развитие отдельных его отраслей и институтов. Значительное внимание уделяется гражданскому процессу, поскольку число пользователей судебных систем стран-участниц постоянно возрастает, а в получении качественного правосудия заинтересован каждый. Европейское нормативное вмешательство в гражданский процесс стало предметом изучения и за пределами ЕС, поскольку в других странах реформаторам и теоретикам также интересно, каким образом удается развивать соответствующие нормы.[795]

Вместе с тем, отмеченные выше недостатки и пробелы в правовом регулировании ГПП в ЕС не позволяют останавливаться на достигнутом и требуют дальнейшего развития. Современный ЕС подошел к рубежному моменту, когда потенциал прежних способов сближения уже был исчерпан, и требуется переосмысление самого места гражданского процесса в европейском правопорядке, соотношения объема национального и наднационального регулирования. Без этого любые дальнейшие реформы будут бессистемными и нелогичными, приводя лишь к напрасной трате времени и денег.

Как мы помним, сам процесс развития гражданского процесса в ЕС всегда являлся эволюционным: в нем не прослеживалось стремлений одномоментно внедрять новые правовые нормы и заменять ими существующее национальное право. Тем не менее, с 1957 по 2017 год ГПП в ЕС приобрел важное значение, став областью права, обеспечивающей защиту базовых прав и свобод. Ныне этот комплекс

[795] CLERMONT, K. Integrating Transnational Perspectives into Civil Procedure: What not to Teach. *Journal of Legal Education*, 2006, Vol. 56(4), p. 525.

норм предназначен для предоставления тяжущимся лицам в ЕС единого режима, который был бы достаточно качественным, чтобы можно было говорить о соблюдении общепризнанных во всем мире стандартов судопроизводства.[796] Провозглашенное «пространство правосудия» перестало быть пустой декларацией, превратившись в объективно существующую необходимость.

Перспективам дальнейшего улучшения ситуации посвящено немало работ таких авторов как Кс. Крамер, Х. Хартнелл, М. Тулибацка, Р. Манько, Э. Радев и других.[797] Каждый из них рассматривает возможные варианты и выбирает из них наиболее оптимальный. При этом практически все авторы сходятся на том, что пришло время для более систематизированного и целостного подхода к проблемам сближения процессуального права в ЕС.[798]

Р. Манько в качестве возможных двигателей прогресса называет «секторальные» Директивы, гармонизирующие сразу несколько процессуальных институтов, «горизонтальные» Директивы, сближающие лишь определенные (избранные) сферы ГПП, а также гипотетическую Директиву, гармонизирующую общие принципы (а не отдельные нормы) с использованием «горизонтального» метода.[799] При этом автор явно отдает приоритет последнему способу. З. Вернадаки в качестве «способов развития» ЕГП выделяет: (1) рекомендательное (модельное) правотворчество; (2) минимальную гармонизацию (принятие общих стандартов); (3) «полную гармонизацию» (под которой, очевидно, понимается масштабная унификация процессуального права); (4)

---

[796] HARTNELL, H. 'Judicial Cooperation in Civil Matters' (EUstitia): the Politics of Civil Justice under the EU's Area of Freedom, Security and Justice (AFSJ) [interactive. Accessed on: 16.08.2016]. Access via Internet: <https://eustudies.org/conference/papers/download/194>, p. 51.

[797] *See*: KRAMER, X. European Private International Law: the Way Forward. *Workshop on Upcoming Issues of EU Law: Compilation of In-Depth Analyses*. Brussels: European Parliament, 2014, p. 77-105; MAŃKO, R. *Op. cit.*, p. 1-29; RADEV, E. *Working Document on establishing common minimum standards for civil procedure in the European Union – the legal basis*. European Parliament, Committee on Legal Affairs, 21.12.2015 [interactive. Accessed on: 01.11.2016]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=COMPARL&reference=PE-572.853&format=PDF&language=EN&secondRef=01>.

[798] VERNADAKI, Z. *Civil Procedure Harmonization in the EU*…, p. 16.

[799] MAŃKO, R. *Op. cit.*, p. 25-26.

утверждение альтернативного («опционального») 29-го режима, который бы существовал параллельно с национальным правом.[800]

На наш взгляд, не нужно смешивать *варианты* дальнейшего развития ЕГП с его *формами* (нормативными и ненормативными инструментами). Поскольку развитие этого комплекса норм осуществляется в направлении интеграции, а не дезинтеграции, мы имеем полное право говорить о том, что оно представляет собой дальнейшее *сближение* гражданского процессуального права стран-участниц. Соответственно, использоваться для этого будут такие традиционные механизмы как международно-правовое и наднациональное нормотворчество, принятие модельных актов, вынесение судами прецедентных решений и вспомогательный обмен опытом. Намного важнее для нас то, каково будет содержание принимаемых актов, а также порядок их действия (каким образом они будут перераспределять компетенцию между федеральным европейским центром и его странами-участницами).

В этой связи мы можем выделить 5 исчерпывающих вариантов развития ЕГП: (1) продолжение уже сформировавшейся политики «постепенного сближения» за счет принятия отдельных Регламентов и Директив; (2) замена всех действующих национальных отраслей ГПП единой европейской моделью; (3) четкое разграничение компетенции между национальным и европейским ГПП с тем, чтобы каждое из них действовало в собственной сфере ведения (и не пересекалось с другим); (4) введение добавочной (в дополнение к 28 существующим национальным) системы европейского процессуального права (29-й), которая будет действовать как в трансграничных, так и в сугубо национальных делах, но доступна будет лишь «опционально», т.е. по выбору заинтересованных лиц; (5) опора существующих национальной и европейской системы на единый перечень стандартов, утвержденный на «федеральном» уровне и обязательный для любых процедур. Иными

[800] VERNADAKI, Z. *Civil Procedure Harmonization in the EU*…, p. 13-15.

словами, дискуссия идет относительно того, нужен ли Европе 1 (единственный) режим, 2 режима или 29 режимов отправления правосудия.[801]

(1) Продолжение текущей политики. В данном случае предлагается оставить все как есть, осуществляя дальнейшую гармонизацию/унификацию на основании ст. 81 и 114. Этого подхода пока что придерживается на практике и сам ЕС.[802] В сущности, он не является столь уж плохим. У институтов ЕС уже сформировался опыт принятия и внесения изменений в процессуальные акты, они прекрасно представляют себе, какими должны быть сфера действия, круг участников, а также примерное содержание того или иного инструмента. Более того, этот способ полностью соотносится с «добавочной компетенцией» ЕС, в соответствии с которой акты на федеральном уровне принимаются по ограниченному числу правовых оснований, прямо поименованных в ДФЕС. В принципе, несмотря на то, что по большинству данных оснований уже были приняты соответствующие инструменты, пространство для законотворчества все еще сохраняется. Особенно это касается п. (e) и (f) ч. 2 ст. 81, из которых первый говорит об «эффективном доступе к правосудию», а второй об «устранении всех препятствий для надлежащего функционирования гражданского судопроизводства, если необходимо, посредством обеспечения совместимости норм гражданского процессуального права, применимых в государствах-участниках».[803] Данные формулировки могут трактоваться достаточно широко и послужить основой различного рода мер. Нельзя забывать и о возможности преобразования в юридически обязательные

[801] RÜHL, G. The common European Sales Law: 28-th regime, 2-nd regime or 1-st regime? *Maastricht Journal of European and Comparative Law*, 2012, Vol. 19(1), p. 148.

[802] *Assises de la Justice. Discussion Paper 1: EU Civil Law* [interactive. Accessed on: 31.10.2016]. Access via Internet: <http://ec.europa.eu/justice/events/assises-justice-2013/files/civil_law_en.pdf>.

[803] VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice after the Lisbon Treaty…*, p. 48-49.

документы некоторых из ныне имеющих статус рекомендательных актов, например, Рекомендации о коллективных исках.[804]

Безусловно, рассматриваемый подход не препятствует консолидации имеющихся и вновь принимаемых актов в рамках укрупненных инструментов (которые можно обозначить как «мегарегламенты»): например, объединению всех Регламентов о подсудности и признании решений в один документ, содержащий «общую часть» с едиными для всех видов производств нормами и «специальную часть», где будут находиться особые положения, вводимые в зависимости от предметной специфики разбирательства (гражданские, семейные, наследственные споры и т.д.).

(2) Полная замена национального права наднациональным. Данный подход, именуемый также «полной гармонизацией» (правильнее, с нашей точки зрения, было бы именовать его «предельной унификацией») предполагает отказ от национальных отраслей ГПП в пользу единой (общеевропейской).[805]

Многими авторами он связывается с обязательным принятием европейского ГПК,[806] хотя строгой необходимости в таком акте этот вариант и не предполагает. На практике речь может идти и о регулировании отрасли серией Регламентов, единственное требование к которым состоит в том, чтобы они комплексно регулировали все отношения в рамках гражданского процесса.

Отсюда уже вырисовывается первая существенная проблема: ЕГП в текущем виде не является целостным образованием, предназначенным для подобной задачи.[807] Он не содержит в себе необходимых механизмов, институтов и норм, чтобы стать полноценной заменой национальному праву. Сама логика его развития подчинялась «федеральной» идее, где

[804] Commission Recommendation of 11 June 2013 on common principles for injunctive and compensatory collective redress mechanisms in the Member States concerning violations of rights granted under Union Law. *Official Journal of the European Union*, 26.07.2013, L 201, p. 60-65.

[805] VERNADAKI, Z. *Civil Procedure Harmonization in the EU*…, p. 34.

[806] *See*: GILLES, P. *Op. cit.*, p. 73

[807] *See*: van der GRINTEN, P. *Op. cit.*, p. 68; VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice after the Lisbon Treaty*…, p. 22-23.

компетенция в сфере процесса разграничивалась между центром и государствами-участниками. Данный же подход настаивает на «унитарной» модели, которая чужда пространству правосудия ЕС. Для реализации столь смелого проекта требуются огромные ресурсы и масштабная подготовительная работа при непредсказуемости результатов.

Другой проблемой является угроза этого варианта развития национальному культурному своеобразию стран ЕС и здоровой правовой конкуренции между правопорядками. С точки зрения И. Изаровой, национальный гражданский процесс развивался столетиями, а потому заменить каждую из отраслей единым европейским регулированием будет не так легко.[808] Кроме того, не все качественные черты существующих национальных систем ГПП заслуживают того, чтобы быть преданными забвению.

С политической стороны нельзя забывать о том, что замена 28 национальных систем правосудия на единую общеевропейскую будет означать упрощение *правового лоббизма*, большую легкость для различного рода групп влияния менять содержание действующего права. Более того, в результате предполагаемой унификации (как и всегда при сближении) может возобладать не наиболее совершенный, а усредненный (компромиссный) стандарт. Такой исход явно будет неприемлемым для тех государств, которые уже руководствуются более совершенными нормами.

Наконец, не стоит забывать и о том, что процесс сближения не является исключительно нормативным начинанием. Помимо формирования такого комплекса норм необходимо будет его эффективно применять, кроме того необходима будет единая *процессуальная культура*. Иначе унифицированные нормы будут пониматься национальными судами по-своему, в соответствии с их традиционной

[808] ІЗАРОВА, І.О. Європейські правила цивільного судочинства в світлі інтеграції України до ЄС. *Журнал східноєвропейського права*, 2015, № 19, с. 51.

логикой функционирования. Именно поэтому во многих политических программах становление подлинно европейской культуры судопроизводства и называется в качестве основополагающей и предшествующей нормативному сближению стадии.[809]

В связи с вышеизложенным, согласимся с теми авторами, что считают подобный путь развития ЕГП полностью нереалистичным.[810]

(3) Разграничение компетенции между «европейским» и «национальным» ГПП, их одновременное существование в собственных сферах ведения. Это предложение заключается в том, чтобы оставить в силе и европейскую, и национальные системы, но четко отграничить пространство их применения с тем, чтобы избежать пересечений и дублирования функций. В принципе, как сторонников «федерального» характера ЕГП, нас это должно устраивать: европейские правила будут носить исключительный характер для трансграничных споров (применение национального права в них будет полностью исключаться), а национальное право продолжит регулировать споры, не имеющие никаких внешних связей. Это приблизит европейский механизм к таковым, существующим в других федеральных образованиях (США, Канада и Швейцария). Несмотря на логичность такого разграничения, оно имеет те же проблемы, что и предыдущий вариант: это потребует значительных реформ, чтобы «внедрить» в «федеральное» право ЕС нормы, которые бы позволили ему не опираться на национальный процесс, а использовать свои собственные механизмы. Это значительным образом изменило бы и его назначение: из «добавочного» по отношению к национальному праву оно стало бы самостоятельной отраслью, действующей в строго очерченном для нее пространстве (*трансграничные дела*).

3. Вернадаки предлагала еще более смелый вариант: включить в понятие трансграничных дел любые споры, вытекающие из

[809] *The Hague Programme*, p. 11; *The Stockholm Programme*, p. 6, 11.
[810] STORME, M. *Improving Access to Justice in Europe*…, p. 215.

материального права Союза. Таким образом, ГПП ЕС сохранял бы свой международный характер, будучи привязанным к функционированию данного надгосударственного правопорядка.[811] С нашей точки зрения, подобный взгляд на проблему является достаточно логичным и последовательным: наднациональное процессуальное право обслуживало бы наднациональное же материальное право, способствуя своими процедурами реализации предусмотренных последним прав. Национальное же процессуальное право проделывало бы то же самое для соответствующих отраслей внутреннего материального права. Однако данная позиция, какой бы привлекательной она ни была, не отвечает сложившемуся положению дел в праве ЕС (что уже было продемонстрировано нами ранее). Текущие акты в сфере ГПП, принятые ЕС, вовсе не обязательно связаны с реализацией материального права этого наднационального образования. Многие из них говорят и о трансграничных последствиях применения сугубо внутреннего материального права, а потому гражданский процесс ЕС не имеет строго прикладного по отношению к материальному праву ЕС значения.

Все это говорит о том, что противопоставление национального и европейского права искусственно. Они изначально созданы для совместной работы и для применения национальными судами. Последним было бы намного сложнее ориентироваться в двух полностью автономных системах, чем в одной целостной и одной добавочной.

Но как быть, если на повестке дня будет стоять создание ЕС собственных судов по гражданским (и, в особенности, коммерческим) делам на «федеральном» уровне?[812] Будут ли им необходимы полностью самостоятельные процедуры? И нужны ли в принципе такие судебные органы? В структуре ЕС уже достаточно давно существует Европейский Суд правосудия (Суд ЕС), являющийся независимым судебным органом с

[811] VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice after the Lisbon Treaty*…, p. 238.

[812] JUENGER, F. *Some Comments on European Procedural Harmonization*…, p.934; SCHWARTZE, A. *Enforcement of Private Law: the Missing Link in the Process of European Harmonisation*…, p. 145-146.

собственными задачами. Однако он не является судом по гражданским делам.[813] Не является он и вышестоящей (апелляционной или кассационной) инстанцией по отношению к национальным судебным органам.

Создавать общефедеральные суды по частным спорам на уровне ЕС нецелесообразно по многим причинам, основной из которых является финансовая. Неясным остается и вопрос с местом их размещения, порядком формирования и отбора для них судей, принципами построения и функционирования, а равно определением подсудности. В теории речь могла бы идти о всего лишь одном суде, рассматривающем апелляции на национальные решения, но в таком случае существенным образом будет подорвана автономия стран-участниц, поскольку им необходимо будет настолько ограничить свой суверенитет, чтобы непосредственно подчинить свои суды наднациональному юрисдикционному органу.

Намного более убедительным представляется нам предложение о создании собственных судов ЕС по особым направлениям деятельности (интеллектуальная собственность, антимонопольное разбирательство, отдельные коммерческие споры). Такие суды будут нужны для применения права ЕС в отдельных областях, что с неизбежностью должно будет происходить на основе самостоятельных процедур.[814] Тем самым будут сведены на нет языковые барьеры и другие формы неравенства между сторонами. Учреждение подобных органов (в числе которых можно, в частности, назвать упоминавшийся ранее Единый Патентный Суд) не представляется нам нарушением идеи о «федеральном» характере права ЕС, поскольку создание и поддержание деятельности таких органов будет относиться к «федеральной компетенции», которую придется соответствующим образом изменить и

[813] ШПАКОВИЧ, О.М. Роль суду Європейського Союзу в становленні та розвитку європейського права. *Порівняльноправові дослідження*, 2009, № 1, с. 62.

[814] HESS, B. *Harmonized Rules and Minimum Standards in the European Law of Civil Procedure* [interactive. Accessed on: 16.04.2016]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2016/556971/IPOL_IDA(2016)556971_EN.pdf>.

расширить. Существование подобных судов на европейском уровне будет исключением из осуществления всего гражданского правосудия только национальными судами и будет в достаточной мере обосновываться важностью и сложностью тех дел, что будут им поручены.

(4) Принятие «опционального» (29-го) режима, применимого как в трансграничных, так и в национальных делах по выбору. С точки зрения некоторых авторов, данный подход является альтернативой сближению права (поскольку не влечет за собой изменений в национальном праве).[815] На самом деле определенное сближение все же будет происходить (будет создана единая для всех стран система, пусть и применимая автономно), но автоматического совершенствования национальных отраслей права на ее основе действительно не будет происходить.

Сторонники данного варианта ссылаются на аналогичные возможности для сторон в частном праве, где уже достаточно давно признается возможность лиц выбрать право конкретного государства для регулирования их правоотношений (а во многих случаях – и негосударственное право – *lex mercatoria*).[816] Однако не все особенности материального частного права можно распространить на гражданский процесс. Последний является отраслью публичного права, и возможность сторон менять своим соглашением содержание каких-либо его норм существенно ограничена. До сих пор европейскому праву не была известна возможность выбора применимого процессуального права сторонами спора (если речь не шла об арбитражном, негосударственном разбирательстве).

Проблема заключается и в том, что граждане могут не знать, какой из режимов для них является более благоприятным. Возможность выбора применимого права активно используется в материальном частном праве,

[815] LYUBCHENKO, M.Y. Mechanism of the Procedural Law Globalization or 29-th Regime of Procedural Law in European Community. *Teisė*, 2014, t. 92, p. 180.

[816] STRONG, S. Limits of Procedural Choice of Law. *Brooklyn Journal of International Law*, 2014, Vol. 39(3), p. 1028-1029.

где основные субъекты – коммерческие компании и индивидуальные предприниматели, хорошо знакомые с правовым регулированием рыночной деятельности. Вместе с тем, гражданский процесс помимо коммерческих включает также семейные, жилищные и иные социальные споры, в которых сторонам не так легко сделать обдуманный выбор, и где его многообразие лишь создает иллюзию большей защищенности. Немаловажно и то, что и в коммерческих спорах наличие подобного «выбора» может повлечь за собой злоупотребление экономически более сильной стороны над более слабой.[817]

Кроме того, выбрать в пользу «европейской системы» можно будет далеко не во всех делах. Нормы о подсудности, признании решений, стандартах вручения документов и получения доказательств за рубежом (составляющие значительный массив ЕГП) являются императивными, т.е. применяются вне зависимости от выбора сторонами того или иного права. Они вступают в действие там, где есть соответствующее правоотношение. Таким образом, пространство действия потенциальной «автономной системы», по сути, будет ограничено европейскими процедурами, к которым в настоящий момент относят судебный приказ, производство по небольшим спорам, европейский исполнительный лист и ордер по обеспечению счетов. В будущем их может дополнить и общеисковая процедура.

Здесь и скрывается главная проблема данного варианта развития: в настоящий момент ЕГП не является настолько целостной системой, чтобы его можно было «выбрать» как право, исключительным образом (от и до) регулирующее рассмотрение конкретного спора (в отличие от того же *lex mercatoria*). Соответственно, как и в случае с предыдущими вариантами, законодателю ЕС вначале требуется создать с нуля многие из норм, которые бы позволили ЕГП функционировать автономно, независимо от национального права.

[817] LYUBCHENKO, M.Y. *Op. cit.*, p. 181.

Если же обратиться к существующим «общеевропейским процедурам» (которыми сторонники «29-го режима», очевидно, вдохновлялись), то в случае с ними речь не идет (на наш взгляд) о выборе применимого права. Когда лицо оказывается в ситуации, подпадающей под определение «трансграничной», оно вправе воспользоваться теми средствами защиты, что доступны на «федеральном» уровне (автономными процедурами ЕС), сохраняя при этом возможность использования и национальных процедур. Это объясняется добавочным характером норм ЕС. Обе системы (национальная и европейская) уже «выбраны» самим фактом наличия соответствующей ситуации. Как европейские, так и национальные нормы потенциально применимы к спору. Лицу остается лишь определиться с той процедурой, которой он хочет воспользоваться. При этом его выбор между национальной и европейской процедурой не будет ничем отличаться от аналогичного выбора в рамках исключительно внутригосударственной ситуации (когда в соответствии с нормами национального права оно может использовать обычную или упрощенную процедуру рассмотрения дела).

Таким образом, европейское процессуальное право не нужно рассматривать как отдельную, обособленную от национального права и тем более противостоящую последнему систему.[818] Более правильным было бы сказать, что в единстве они образуют единую сложносоставную систему европейского правосудия. Наши выводы подтверждаются и следующими обстоятельствами: (1) при выборе европейского права не перестают применяться национальные нормы, отсылок к которым в Регламентах (и особенно – в Директивах) крайне много; (2) выбор осуществляется здесь истцом (заявителем), а не соглашением сторон. Иными словами, вторая сторона спора не имеет никакого влияния на определение порядка рассмотрения спора, что нехарактерно для

[818] ПИМЕНОВА, О.И. Наднациональная правовая интеграция на евразийском пространстве: анализ реалий и оценка возможностей использования опыта Европейского союза. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2014, № 5, с. 26.

ситуации, в которой происходит выбор применимого права.[819] Все этого говорит о том, что существующие «автономные европейские процедуры» едва ли могут стать фундаментом для предлагаемого «29-го режима» судопроизводства, который представляет собой нечто совершенно новое, до сих пор не известное европейскому гражданскому процессу.

Противники рассматриваемого варианта развития высказывались против опциональной системы еще и по той причине, что она ведет к излишнему дублированию одних и тех же функций.[820] Бок о бок будут существовать две системы с собственными стандартами и с разным уровнем гарантий. Впрочем, именно в этом и состояла задумка авторов «29-го режима»: за счет конкуренции между европейским и национальным режимами каждый из них будет заимствовать от другого наиболее прогрессивные нормы.[821] На наш же взгляд, более вероятно то, что развитие «европейского пространства правосудия» в этом случае будет пущено на самотек. На практике вполне вероятна ситуация, в которой обе системы будут функционировать изолированно, не оказывая заметного влияния друг на друга. В одних странах так и будет применяться собственное («более совершенное», чем европейское) право, а в других (имеющих не столь развитые национальные нормы) – лишь право ЕС, тогда как национальное будет предано забвению. Более того, каждая из двух систем будет функционировать на основе собственных принципов и фундаментальных идей, не имея никаких общих основ.

(5) Опора на единые стандарты правосудия. Как мы уже отмечали выше, пространство правосудия ЕС представляет собой сложную систему процессуальных норм, основанную на принципах взаимного признания и доверия, а также доступа к правосудию, а потому вышеизложенные варианты развития не слишком отвечают его сущности. Если не ставить перед собой задачи развития всего ЕГП заново и в

[819] RÜHL, G. *Op. cit.*, p. 148.
[820] WAGNER, G. *Op. cit.*, p. 99-100.
[821] VERNADAKI, Z. *Civil Procedure Harmonisation in the EU*…, p. 16.

соответствии с новой логикой, ни один из них не является применимым для изменения текущего положения дел.

Наиболее адекватным предложением, на наш взгляд, является сохранение текущего *status quo* в гражданском процессе с постепенной передачей ЕС большего количества полномочий в трансграничных внутрикоммунитарных делах, но с оставлением функции отправления правосудия за национальными судами. Что же касается дуализма процессуального права, то его следует разрешить за счет принятия на европейском уровне «общих процессуальных стандартов», которые бы действовали как во внутреннем, так и в «федеральном» праве и которые бы отражали наиболее важные идеи и ценности стран ЕС и Союза в целом.

В последние годы за введение подобных стандартов высказывается все большее число авторов.[822] Сама их идея, впрочем, не нова. Как мы помним, впервые использование «минимальных стандартов» началось с Регламентов «второго поколения», а необходимы они были для гарантии большего взаимного доверия.[823] Разумеется, это начинание могло бы поддерживаться и в дальнейшем: при принятии каждого очередного процессуального инструмента ЕС в нем можно было бы отводить место под соответствующие стандарты. Однако это грозило бы неизбежными противоречиями и разным уровнем стандартов для различных процедур. Более того, наличие стандартов только для отдельных процедур существенно сужает сферу «взаимного доверия», не позволяя распространить ее на другие процедуры и способы отправления правосудия и совершения отдельных процессуальных действий.[824] Единственным возможным выходом является создание общих стандартов для всех настоящих и будущих процедур, позволивших бы действительно собрать ЕГП воедино.

---

[822] HAZELHORST, M. *Free Movement of Civil Judgments in the European Union and the Right to a Fair Trial*. Dordrecht: Springer, 2017, p. 422.

[823] *See*: *Regulation 805/2004*, Preamble, paras. (12)-(13), (17)-(19); *Regulation 1896/2006*, Preamble, paras. (19), (27); *Regulation 861/2007*, Preamble, para. (31).

[824] TULIBACKA, M. *Common minimum standards of civil procedure…,* p. 17.

Часть авторов полагает, что такие стандарты должны быть едиными только для трансграничных споров, т.е. касаться лишь «европейского» уровня системы правосудия. Безусловно, ими верно отмечается тот факт, что в настоящее время даже на «федеральном» уровне нет подобных единых норм (есть лишь собственные стандарты для каждой из процедур),[825] и их принятие было бы заметным шагом вперед. Вместе с тем, имеет смысл, чтобы одни и те же основы применялись и для национальных, и для трансграничных споров (что не мешает в то же время существованию различных правил, принятых во их исполнение). Это бы повысило степень значимости подобных стандартов и поспособствовало бы согласованности национального и европейского права.[826]

Говоря о содержании «стандартов», многие авторы увязывают их с основополагающими принципами правосудия. Так, М. Любченко полагает, что в качестве отправной точки можно использовать принципы ЕКПЧ (ее ст. 6(1)).[827] Аналогичным образом З. Вернадаки и М. Тулибацка отзываются о ст. 47 Хартии основных прав ЕС.[828] Л. Кадье заявляет, что наибольшая необходимость существует в «принципах», а не детальных «правилах».[829] И.А. Изарова полагает, что речь должна идти о наиболее общих идеях, которые лежат в основе общеевропейского регулирования трансграничных гражданских процессуальных отношений и обеспечивающих единые процедуры рассмотрения дел, усложненных трансграничным элементом. [830]

Как мы уже отмечали, и Конвенция, и Хартия закрепляют лишь наиболее важные процессуальные принципы, которые, безусловно, должны лежать в основе каждого из правопорядков стран-участниц и ЕС,

---

[825] STORME, M. *Improving Access to Justice in Europe*…, p. 210.

[826] KRAMER, X. *Towards ELI-UNIDROIT Model Rules of Civil Procedure*…, p. 9.

[827] LYUBCHENKO, M.Y. *Op. cit.*, p. 181.

[828] TULIBACKA, M. *Common minimum standards of civil procedure…,* p. 5; VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice after the Lisbon Treaty…*, p. 30-31.

[829] CADIET, L. The ALI–UNIDROIT project: from transnational principles to European rules of civil procedure. *Uniform Law Review*, 2014, Vol. 19, p. 294.

[830] ИЗАРОВА, И.А. Принцип приоритетности гражданского процесса ЕС и особенности его реализации. *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 5, с. 215-216.

но которых явно недостаточно для построения слаженной и непротиворечивой системы. Фундаментальные права, к которым относится в том числе право на судебную защиту, на справедливый суд, право быть выслушанным и другие, уже достаточно длительное время являются частью национальных правовых систем каждого из европейских государств.[831] В этой связи немногое изменится, если упомянутые принципы будут еще раз текстуально повторены в очередном акте. Безусловно, они являются важнейшей отправной точкой, но европейскому пространству правосудия все же требуются более детальные и развернутые нормы.[832] Говоря же о принципах, следует отметить, что в основу европейского пространства правосудия необходимо положить и некоторые такие, которые не известны ни Конвенции, ни Хартии. Речь идет, прежде всего, о принципах взаимного признания и доверия, детально разобранных выше.

Унификации должна подвергнуться в первую очередь используемая терминология (глоссарий) отрасли.[833] Вместо отсылок к национальному праву или констатации «автономного» характера того или иного определения, предполагаемые общие стандарты должны дать собственное толкование того или иного термина («суда», «подлинного документа», «судебного соглашения», «доказательства», «третьего лица» и т.д.). Необходимы также общие правила для каждого из институтов ГПП: определения подсудности дела, предварительных и обеспечительных мер, работы с доказательствами, вручения документов, прав и обязанностей сторон и третьих лиц в судебном заседании, вынесения решения и его вступления в силу, обжалования решений и их

---

[831] BIAVATI, P. Judicial Cooperation in Europe: Is Exequatur Still Necessary? *International Journal of Procedural Law*, 2011, Vol. 1(2), p. 418.

[832] GUINCHARD, E. Interview with MEP Emil Radev on civil procedure in the EU (26 February 2016) [interactive. Accessed on: 22.09.2016]. Access via Internet: <https://europeanciviljustice.wordpress.com/2016/02/26/interview-with-mep-emil-radev-on-civil-procedure-in-the-eu>; ЛИТВИНСКИЙ, Д.В. Регламент Европейского Парламента и Совета ЕС № 805/2004 от 21 апреля 2004 г., устанавливающий Европейский исполнительный лист для бесспорных требований. *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2005, № 4, с. 619.

[833] TULIBACKA, M. *Common minimum standards of civil procedure…,* p. 17.

исполнения. В каждом из случаев вводимые в действие «стандарты» должны занимать промежуточное положение между «общими принципами» (расплывчатыми и неконкретными нормами) и детальным регулированием.[834] Вовсе не обязательно унифицировать все составные части процесса, но их ключевые элементы вполне можно было бы сделать *схожими*.

Наиболее проблемным вопросом является способ нормативного закрепления рассматриваемых стандартов. Одни авторы высказываются за введение их в действие Директивой, имеющей «горизонтальное» действие.[835] Однако ни ст. 81, ни ст. 114 не подходят в полной мере для соответствующих замыслов – первая по причине ограниченности своего предмета и сферы применения (только «трансграничные» дела), а вторая – из-за «секторального» подхода и привязанности к нуждам внутреннего рынка (отношениями в рамках которого далеко не исчерпываются все возможные случаи применения стандартов). В качестве возможного выхода из положения некоторые авторы предлагают отойти от использования нормативно обязательных актов вторичного права и обратиться к инструментам «мягкого права», разработав и издав некие «принципы европейского гражданского процесса» (ПЕГП) – необязательный документ, который мог бы использоваться в качестве модели законодателями государств-участников для реформирования их национальных отраслей ГПП. В перспективе такой акт мог бы превратиться и в юридически обязательный документ (с обретением ЕС необходимой компетенции или «нахождением» необходимых полномочий среди уже имеющихся оснований).[836]

Необходимость принятия стандартов не остается лишь простой декларацией – на практике работа над ними идет по ряду направлений.

---

[834] MAŃKO, R. *Op. cit.*, p. 28; БАЗЕДОВ, Ю. Европейский Суд и частное право: неопределенность, общие принципы и архитектура европейской судебной системы. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 2012, № 3, с.133-134.

[835] MAŃKO, R. *Op. cit.*, p. 25-26.

[836] MAŃKO, R. *Op. cit.*, p. 25; ІЗАРОВА, І.О. Європейські правила цивільного судочинства в світлі інтеграції України до ЄС. *Журнал східноєвропейського права*, 2015, № 19, с. 51.

Так, в начале 2017 г. на рассмотрение Европейского Парламента докладчиком Э. Радевым был представлен наиболее современный из проектов таких стандартов, основанный на обобщении имевшихся ранее работ, докладов и предложений. Предусматривается утверждение стандартов в форме «горизонтальной» Директивы, основанной на ст. 81 ДФЕС.[837] Как результат, проект будет применяться лишь к трансграничным делам. Последние он, впрочем, толкует расширительно и относит к ним также любые ситуации, в которых предмет спора входит в сферу действия права ЕС.[838] Однако он не идет настолько далеко, чтобы признать возможным воздействие европейских («квазифедеральных») стандартов и на национальные процессуальные нормы, не имеющие отношения к делам с иностранным элементом или не связанные с применением материального права ЕС. В этом может быть усмотрено значительное ограничение сферы действия (и значимости) проекта. Сам по себе проект сводит воедино ключевые положения существующих Регламентов, практики Суда ЕС и таких актов как Хартия основных прав / Европейская конвенция о правах человека. Есть здесь, впрочем, и самостоятельно выведенные из общего массива норм положения: об устности разбирательства, предварительных и обеспечительных мерах, о необходимости национальных судов выносить мотивированные решения и о возможности оспаривать их, о руководстве со стороны суда процессом (т.е. о его активной роли в судопроизводстве), об участии в разбирательстве экспертов, о финансировании процесса третьими лицами и т.д. К положительным моментам стоит отнести ссылки на иные акты ЕС (Регламенты и Директивы), которые при вступлении в силу проекта будут действовать с ним в системной взаимосвязи. Общий объем документа составляет 27 статей (из которых последние 4 носят скорее технический характер), что вполне соответствует той цели, которой они призваны

[837] *Draft Report with recommendations to the Commission on common minimum standards of civil procedure in the EU* (2015/2084(INL) [interactive. Accessed on: 16.05.2017]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+COMPARL+PE-593.974+01+DOC+PDF+V0//EN&language=EN>, p. 10.

[838] *Id.*, p. 17.

служить: установить более развернутые, чем принципы, стандарты, но не углубляться в детали и не подменять собой национальное регулирование. Безусловно, проект заслуживает дальнейшего внимания и доработки, включения в него всех норм, которые могут послужить сближению подходов стран-участниц к ключевым элементам отрасли.

Иным проектом, не связанным напрямую с органами ЕС, являются разрабатываемые с 2013 г. совместно Европейским правовым институтом (ELI) и УНИДРУА (UNIDROIT) *Европейские правила гражданского процесса*. Данный ненормативный документ должен закрепить общие основы процесса, которые бы позволили странам более доверительно относиться к правовым система друг друга.[839] Как уже отмечалось выше, в целом эта инициатива будет походить на существующие Принципы трансграничного гражданского процесса ALI/UNIDROIT, которые были созданы для того, чтобы применяться в любой системе, в любом регионе мира для разрешения споров, вытекающих из отношений международной торговли, с участием иностранного элемента.[840] Однако для принципов характерен глобальный аспект, который пока что является преждевременным. На данный момент можно говорить лишь о регионализации подходов к отправлению правосудия, и пространство Европейского Союза, безусловно, является регионом, где такие общие взгляды достигли наибольшей консолидации.[841] В этой связи проект ELI/UNIDROIT имеет все шансы на успех, а потому должен быть тщательно оценен и проработан с участием всех заинтересованных лиц: теоретиков и практиков как европейского, так и национального уровня каждого из государств-участников.

Безусловным плюсом проекта является опора не только на нормы права ЕС, но и на более широкий европейский *acquis*, а также

[839] ELI-UNIDROIT workshop on civil procedure held in Vienna [interactive. Accessed on: 22.04.2015]. Access via Internet: <http://www.europeanlawinstitute.eu/news-events/news-contd/article/eli-unidroit-workshop-on-civil-procedure-held-in-vienna>.

[840] ФИЛАТОВА, М.А. Принципы транснационального гражданского процесса ALI/UNIDROIT: путь к гармонизации. *Ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2006, № 5, с. 375-376.

[841] RADEV, E. *Op. cit.*

доктринальные наработки (например, выводы комиссии Сторма) и, разумеется, Принципы ALI/UNIDROIT. Тем самым гарантируется преемственность этих нормативных и неформальных источников и учет уже существующих достижений. Европейские правила в идеале должны опираться на всю совокупность разделяемых всеми странами ЕС норм и установок, вне зависимости от того, являются ли они следствием предшествующей гармонизации на наднациональном уровне, заимствований и рецепции, последствием «позитивной» конкуренции процессуальных систем или объективных причин.[842] На базе регионального проекта ELI/UNIDROIT в дальнейшем может быть принят юридически обязательный инструмент, хотя и как акт мягко права они могут оказать несомненно сильное воздействие на национальное право. Несмотря на отсутствие непосредственной юридической силы, такой документ будет способствовать распространению знаний и представлений о ЕГП, его ключевых особенностях и целевых установках. Как отмечает Р. Штурнер, столь гибкая форма аппроксимации позволит избежать впечатления бюрократического давления на государства-участники.[843] При успешном завершении проекта (что должно произойти ранее финализации работ над проектом Э. Радева) он станет первым актом, систематически касающимся общих основ гражданского процесса, а не отдельных его институтов.

Подводя итоги, следует признать, что развитие ЕГП шло от частных моментов к более общим. Начиная с прикладных аспектов межгосударственного сотрудничества эта область права постепенно наполнялась новым содержанием. При этом такое развитие не всегда шло последовательно и скоординировано, что затрудняло практикам и научным деятелям ознакомление с системой ЕГП. Такие лица неизбежно

[842] BUX, U. The European Law Institute/UNIDROIT Civil Procedure Projects as a Soft Law Tool to Resolve Conflicts of Law [interactive. Accessed on 12.01.2017]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/556972/IPOL_IDA(2017)556972_EN.pdf>, p. 5.

[843] STURNER, R. Principles of European Civil Procedure or a European Model Code: Some Considerations on the Joint ELI-UNIDROIT Project. *Uniform Law Review*, 2014, Vol. 19(2), p. 324.

сталкивались с вопросами о том, что представляет собой эта область права, каково ее содержательное наполнение, в какой иерархии находятся между собой отдельные акты и как они соотносятся с национальным правом. Сами же нормы ЕГП в большинстве своем содержались во вторичном праве (Регламенты и Директивы), но также находили закрепление в судебных прецедентах и актах необязательного характера. Все это неизбежно приводило к мысли о необходимости упорядочения, внесения порядка в существующий хаос.[844] Подобная деятельность заслуживает полной поддержки и одобрения. Однако она непременно должна принимать во внимание объективно существующую двойственность в правовой природе ЕГП: с одной стороны, это комплекс мер, упрощающий и совершенствующий трансграничное сотрудничество стран ЕС между собой (вначале в рамках «единого рынка», а затем и «единого пространства правосудия») и называемый нами «квазифедеральным правом», а с другой стороны – это совокупность предписаний ЕС как «центра» по отношению к своей собственной и ко всем национальным правовым системам (нормоутверждающие стандарты). Если в первом своем значении ЕГП нуждается в консолидации, устранении повторов и противоречий, развитии взаимных отсылок между своими нормами и определении четкой линии разграничения с национальным правом, то во втором – в первоначальном нормативном оформлении. Деятельность ЕС в этой второй сфере преимущественно состоит в выработке принципов и общих основ, однако пока что она протекала без должного целеполагания. Остается надеяться, что будущие Правила ELI/UNIDROIT и Директива об общих минимальных стандартах гражданского процесса в ЕС смогут стать первыми серьезными шагами в этой области и серьезной заявкой ЕС на свое право (и обязанность) быть важным регулятором гражданского процессуального права.

[844] KRUGER, T. *The Disorderly Infiltration of EU Law in Civil Procedure…,* p. 1-22.

III. ТЕНДЕНЦИИ СБЛИЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА В СТРАНАХ ЕВРАЗИЙСКОГО РЕГИОНА: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПРЕПЯТСТВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ «ЕВРАЗИЙСКОГО ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССА»

Завершив рассмотрение проблем сближения гражданского процессуального права в Европейском Союзе, нам представляется необходимым изучить наличие и интенсивность схожих тенденций в других регионах мира. Хотя европейская интеграция по праву привлекает наибольшее внимание ученых, она не является уникальным явлением.[845] Региональные объединения ныне существуют на всех континентах[846] и с разной степенью успеха проводят политику гармонизации и унификации права своих участников. Объем настоящего исследования не позволяет обратиться к процессам сближения ГПП в каждом из существующих уголков мира, в связи с чем представляется необходимым выбрать для анализа один из них, наиболее заслуживающий внимания. Таким является, на наш взгляд, пространство, расположенное к Востоку от Европейского Союза, которое мы здесь и далее будем характеризовать как *«евразийский регион».*[847] Основными его представителями являются бывшие союзные республики СССР, ставшие суверенными государствами. До недавних пор происходящие здесь процессы находились вне поля зрения исследователей. Немногие публикации были посвящены экономическим и политическим вопросам, но лишь малая их часть подходила к перспективам интеграции в регионе с правовой стороны. Кроме того, исследования велись с позиции интересов определенного государства (России, Украины, Беларуси, Казахстана и т.д.), и мало кто рассуждал об общих для всех стран целях и задачах.

[845] HETTNE, B. Regionalism and World Order. In: *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. Eds.: M. Farrell. B. Hettne and L. Van Langenhove. London: Pluto Press, 2005, p. 277.

[846] CZEREWACZ-FILIPOWICZ, K.; KONOPELKO, A. *Regional Integration Processes in the Commonwealth of Independent States: Economic and Political Factors*. Dordrecht: Springer, 2017, p. 1-2.

[847] *See e.g.* LAGUTINA, M. A Global Eurasian Region in a "Regiopolar" World-Order. *Russian Analytical Digest*, 2015, Issue 170, p. 5-6.

Между тем, в регионе ведутся активные попытки построения собственной региональной идентичности, заключаются новые договоры и происходит сближение по ряду направлений.

Все это представляет интерес для Европейского Союза, который является ближайшим соседом и основным торговым партнером для данных стран[848] и заинтересован в стабильности и предсказуемости их правовых систем. Для исследователей же из евразийского региона, напротив, интересен опыт ЕС по сближению национального права своих стран-участниц, построению общих правовых пространств и особенностям соотношения национального и наднационального регулирования. Необходимо отметить и то, что страны региона имеют существенные отличия от европейских государств, предопределяемые их длительным развитием в условиях совершенно иных политических и экономических реалий.[849] В этой связи евразийский регион представляет собой весьма удачный объект для сравнения – отличный от ЕС, но сталкивающийся с аналогичными проблемами и преследующий похожие цели.

Интересующие нас в рамках данного раздела вопросы состоят в том, могут ли к странам этого региона применяться сходные с европейскими, критерии: идет ли в них сближение процессуального права, заинтересованы ли они в формировании «общего пространства правосудия», возможно ли говорить о становлении в будущем общерегионального «евразийского» гражданского процесса, либо в данном регионе сложится собственный путь, отличный от европейского и имеющий иные приоритеты?

[848] KHITAKHUNOV, A.; MUKHAMEDIYEV, B.; POMFRET, R. Eurasian Economic Union: Present and Future Perspectives. *Economic Change and Restructuring*, 2016, Vol. 49, p. 59-60.

[849] KRYGIER, M. The Fall of European Communism: 20 Years After. *Hague Journal on the Rule of Law*, 2009, Vol. 1, p. 196.

1. Понятие Евразийского региона и общие признаки, характеризующие его участников

1.1. Понятие евразийского региона

Для того, чтобы определиться с необходимостью сближения ГПП в рамках заданного региона, необходимо прежде всего дать его четкое определение: установить его границы, точный состав участников, полный перечень объединяющих их черт, а также (что весьма немаловажно) – самого наименования их потенциальной и фактической общности. Используемый нами термин «евразийский регион» является достаточно новым и не устоялся в должной мере в литературе. Безусловно, говоря о нем, мы имеем в виду совокупность стран, для которых характерны сходные традиции и обычаи, история, цели и ценности, развитые экономические связи и, главное – совместное планирование своего будущего.

Многие исследователи, говоря об интересующих нас странах, используют термин «постсоветские государства»,[850] в число которых автоматически попадают все страны бывшего Союза ССР, которые после 1991 г. стали суверенными государствами (за исключением Латвии, Литвы и Эстонии, которые известны как «Прибалтийские страны»). С нашей точки зрения, термин «постсоветский» не является в настоящее время достаточно уместным, поскольку он использовался для характеристики переходного периода, начавшегося непосредственно после распада социалистической государственности,[851] когда наравне с ним использовалось и понятие «новые независимые государства». Но со временем выделение группы стран лишь на основании общего политического прошлого потеряло смысл, поскольку оно способно

[850] *See*: MENDELSKI, M. The EU's Rule of Law Promotion in Post-Soviet Europe: What Explains the Divergence between Baltic States and EaP countries? *Eastern Journal of European Studies*, 2016, Vol. 7(2), p. 115-116; АВЕРЬЯНОВ, М.Л. Фрагментация постсоветского пространства: пути, формы и перспективы реструктуризации региона. *Общество: политика, экономика, право*, 2016, № 7, с. 5-6.

[851] ИВАНОВА, Е.М. Евразийская интеграция: путь от СНГ к ЕАЭС. *Российский внешнеэкономический вестник*, 2015, № 6, с. 112.

продемонстрировать лишь то, *чем* они были ранее, а не то, *что* представляют из себя в настоящий момент и *к чему* стремятся в будущем.[852] К тому же, прошло уже достаточно времени для того, чтобы говорить о качественной перестройке политических и правовых систем этих государств.[853]

Другое распространенное обобщенное наименование государств региона – *страны СНГ*. При этом имеется в виду *Содружество Независимых Государств* – международное объединение, образованное одновременно с распадом СССР. Оно в действительности было самым первым по времени создания и самым масштабным (т.к. включало большую часть бывших союзных республик).[854] Кроме того, оно носило универсальный характер, а не замыкалось лишь на отдельных задачах. Из Устава Содружества прямо следует, что к его целям относилось сотрудничество в различных сферах (в т.ч. в правовой), межгосударственная кооперация и интеграция, обеспечение прав и основных свобод человека (в т.ч. процессуальных прав), содействие гражданам государств-членов в свободном общении, контактах и передвижении в Содружестве, а также взаимная правовая помощь и сотрудничество в других сферах правоотношений.[855]

В связи с названными обстоятельствами многие исследователи характеризовали СНГ как ключевой субъект интеграции на постсоветском пространстве.[856] В действительности, ожидания в

---

[852] SIMONS, T. *Eurasia's New Frontiers: Young States, Old Societies, Open Futures*. London: Cornell University Press, 2008, p. 7.

[853] КУДРЯВЦЕВ, И.С. Постсоветское пространство как отдельный регион: интеграционные перспективы. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 2011, № 130, с. 260.

[854] *See*: KHODAKOV, A. The Commonwealth of Independent States as a Legal Phenomenon. *Emory International Law Review*, 1993, Vol. 7, p. 13; ШУМИЛОВ, В.М.; БОКЛАН, Д.С.; ЛИФШИЦ, И.М. Правовые новеллы Договора о Евразийском экономическом союзе. *Российский внешнеэкономический вестник*, 2015, № 4, с. 88-89.

[855] Устав Содружества Независимых Государств. *Российская газета*, 12.02.1993 г., № 29, ст. 2.

[856] *See e.g.:* LIPPOTT, J. The Commonwealth of Independent States as an Economic and Legal Community. *German Yearbook of International Law*, 1996, Vol. 39, p. 338-339; БИРЮКОВА, О. Содружество Независимых Государств: поиск оптимальной модели интеграции. *Власть*, 2008, № 8, с. 89.

отношении этого объединения оказались существенно завышенными: на практике оно имело ряд принципиальных недостатков, не позволивших ему стать евразийским аналогом Евросоюза.

Во-первых, в рамках Содружества отсутствовали уполномоченные органы и надлежащие механизмы контроля за реализацией государствами-участниками принятых договоренностей.[857] Отсутствовали и какие-либо меры принуждения к исполнению принятых на себя обязательств.[858] Все это было объяснимо трудностями переходного периода, однако за более чем 20-летний срок существования организации в ее институциональную структуру и компетенцию не было внесено никаких существенных изменений.[859]

Во-вторых, несмотря на первенство по времени, СНГ достаточно быстро потеряло абсолютный авторитет на постсоветском пространстве, в результате чего те или иные государства региона начали предпринимать попытки формирования самостоятельных блоков, имевших различную целевую направленность, состав участников, правоспособность и компетенцию.[860] В их числе можно назвать Союзное государство России и Беларуси,[861] Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС), Центрально-Азиатское экономическое сообщество (ЦАЭС), Организацию за демократию и экономическое развитие (ГУ(У)АМ), Организацию

[857] JACKSON, G.; SZIKLAI, P. Russia and the Commonwealth of Independent States. *Journal of International Law and Practice*, 1993, Vol. 2, p. 173-174; KUBICEK, P. End of the Line for the Commonwealth of Independent States. *Problems of Post-Communism*, 1999, Vol. 46(2), p. 16; ЛЕЖЕ, Р. *Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход*. Москва: Волтерс Клувер, 2009, с. 231.

[858] СУЛТАНОВ, И.Р. К вопросу о воздействии международных интеграционных организаций на внутреннее право государств. *Вестник Башкирского университета*, 2011, № 3(16), с. 865.

[859] ЧЕРНЯВСКИЙ, С.И. СНГ: от истории к будущему. *Вестник МГИМО(У)*, 2011, № 6, с. 31.

[860] YESDAULETOVA, A.; YESDAULETOV, A. The Eurasian Union: Dynamics and Difficulties of the Post-Soviet Integration. *TRAMES: A Journal of the Humanities & Social Sciences*, 2014, Vol. 18, p. 3.

[861] Договор между РФ и Республикой Беларусь от 08 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства». *Бюллетень международных договоров РФ*, 2000, № 3.

черноморского сотрудничества, а также ряд других менее формальных и стабильных объединений.[862]

Подобное многообразие форм мы могли видеть и в Европе, где какое-то время наравне с Европейским Союзом существовали Европейские Сообщества, а также (в разные исторические эпохи) такие объединения как Западноевропейский Союз (1948-2011), Европейская Ассоциация свободной торговли (1960), Европейская экономическая зона (1994), а также Совет Европы (1949). Все это не помешало утвердиться в качестве центрального субъекта интеграции именно Евросоюзу. В то же время в европейском регионе существующие интеграционные объединения не ставили преград друг для друга, а напротив, активно сотрудничали и состояли в различных формальных и неформальных связях. Совсем иначе обстояло дело в Евразии, где названные сообщества являлись друг для друга прямыми конкурентами.[863] Некоторые из них прямо ставили перед собой цели формирования «единой правовой системы», что должно было достигаться за счет включения одних стран и исключения других. В случае с некоторыми государствами их участие сразу в нескольких объединениях могло быть расценено как неуверенность в перспективах выбранных направлений развития, как стремление не упустить лучшие возможности. Не для всех из них была очевидна необходимость осуществлять сотрудничество в рамках одного единственного объединения.

В-третьих, за все время существования СНГ к нему не присоединилось ни одно новое государство. Несмотря на то, что учредительные акты самого Содружества объявляли его открытым для любого государства, разделяющего его цели и принципы,[864] на практике все внешние наблюдатели рассматривали данную организацию как

[862] МИХАЛЕВА, Т.Н. О целевых установках в контексте формирования интеграционного права. *Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сборник научных трудов*. Выпуск 5, Минск: БГУ, 2013, с. 232.

[863] PODAREVA RIVERA, P.; GARASHCHUK, A. The Eurasian Economic Union: Prospective Regional Integration in the Post-Soviet Space or Just Geopolitical Project? *Eastern Journal of European Studies*, 2016, Vol. 7(2), p. 93.

[864] *Устав СНГ*, ст. 7.

закрытую, ориентированную лишь на сотрудничество стран бывшего Союза между собой, а не с остальным миром. Таким образом, потенциал расширения был с самого начала существенно ограничен. Стоит также отметить, что Содружество по политическим мотивам в 2009 г. покинула Грузия, а в 2014 г. подготовку к выходу начала Украина.[865]

Наконец, проблемным был и правовой статус СНГ. В Алма-Атинской декларации 1993 г. подчеркивалось, что оно не является «ни государством, ни надгосударственным образованием».[866] Не могло оно быть охарактеризовано и как федерация/конфедерация, а также как наднациональное объединение, поскольку здесь отсутствовали органы с соответствующей компетенцией и должным образом проработанное разделение полномочий между центром и периферией.

Устав СНГ предусматривал, что сотрудничество должно было строиться на основе ряда международных договоров, которые, впрочем, принимались по отдельным вопросам (в отсутствие общего плана) и не формировали системы. В связи с этим расхождения и противоречия в них были неизбежны, а достижение единства в какой-либо области, представлявшей общественный интерес (такой как гражданское судопроизводство) весьма сомнительным. Фактически, в организации не было собственного правового пространства и такого явления как «интеграционное право».[867] Немалая часть заключенных договоров была открыта для подписания и третьими странами, а сами члены СНГ могли не участвовать в них или делать оговорки и резервации.[868] Это означало, что любая инициатива могла быть заблокирована путем ее игнорирования

---

[865] KHODAKOV, A. *Op. cit.*, p. 14; MAN, S-E. Globalization in Facts: the Union of South American Nations and the Eurasian Union. Political Parallels to the European Example. *Research and Science Today*, 2014, Vol. 2(8), p. 107.

[866] *Алма-Атинская декларация*, 21 декабря 1991 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 10.01.2017]. Доступ через интернет: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/theme/details/2880>.

[867] БАХЛОВА, О.В. Политическое измерение интеграционных систем: опыт Европейского Союза и Содружества Независимых Государств. *Вестник Мордовского университета*, 2010, № 3, с. 103.

[868] ПИВОВАР, Е.И.; ГУЩИН, А.В.; ЛЕВЧЕНКОВ, А.С. Интеграция на постсоветском пространстве: новый век – новые горизонты изучения. *Новый исторический вестник*, 2013, № 36, с. 48.

странами, которые совершенно нельзя было принудить к совместной деятельности в той или иной области.

Названные обстоятельства делают сближение права в рамках данного объединения крайне сложным делом. СНГ оставалось скорее *координационным*, а не *интеграционным* объединением, фактически представляя из себя платформу для обсуждения общих вопросов[869] (в чем оно в определенной мере походило на Британское Содружество Наций, которое также было лишь церемониальной организацией для стран, имевших общую историю и традиции[870]).

В числе причин подобного неуспеха следует назвать прежде всего отсутствие у стран стремления тесно сближаться по политическим причинам. Если у государств ЕС присутствовал «федеральный импульс» и уже с конца XIX века заметно стремление к «более тесному единению», то страны СНГ и так достаточно длительное время пребывали в составе единого, достаточно централизованного образования. На территории этих государств к моменту распада СССР действовали практически одинаковые законы и существовала единая доктрина права. Однако во многом это единство было основано на принуждении, а не на подлинном стремлении стран совместно сосуществовать. Это обусловило две уникальные для региона тенденции: (1) страны крайне дорожили вновь обретенной независимостью и были не готовы к таким концепциям, как *наднациональное объединение*, *общее правовое пространство* и т.д., поскольку для них это было равнозначно отказу от суверенитета (значимость которого нередко абсолютизировалась);[871] (2) страны не предполагали, что придется проводить масштабную работу по сближению права, поскольку между их правовыми и законодательными

[869] KHODAKOV, A. *Op. cit.*, p. 31.

[870] BERMAN, F. Treaty-Making within the British Commonwealth. *Melbourne University Law Review*, 2014, Vol. 38(3), p. 924-925.

[871] PETROV, R. Regional Integration in the Post-USSR Area: Legal and Institutional Aspects. *Law and Business Review of the Americas*, 2004, Vol. 10(3), p. 632-633; SAKWA, R.; WEBBER, M. The Commonwealth of Independent States, 1991-1998: Stagnation and Survival. *Europe-Asia Studies*, 1999, Vol. 51(3), p. 390; ВОРОБЬЕВ, В.В. Этапы формирования Содружества Независимых Государств в 1990-е годы. *Вестник Челябинского государственного университета*, 2011, № 34, с. 90.

системами не было существенных различий. Задача СНГ виделась не в создании новых норм, а в попытке сохранить существовавшее единство (которое условно можно назвать *acquis soviétique*), не допускать дальнейшей дезинтеграции.[872] Применительно к этому феномену А. Либманом и Е. Винокуровым даже было введено специальное понятие – «удерживающая интеграция».[873]

Странам предстояло научиться не столько сближать собственное законодательство, сколько выстроить саму систему взаимоотношений между собой заново, теперь уже на международно-правовых началах.[874] Но и здесь мы можем видеть несовпадение интересов стран-участниц, поскольку для некоторых даже эта (более скромная) задача была излишней – они полагали, что роль Содружества сводится к эффективному расформированию структур СССР, разрешению возникающих при этом конфликтов и переходу к полностью автономному существованию.[875]

При этом представителями государств СНГ отмечалась их фактическая неравноправность в любых потенциальных интеграционных проектах.[876] Существовал реальный перевес возможностей в пользу России, при этом он был абсолютным – другие страны не могли участвовать на равных в политических процессах и вынуждены были бы стать государствами периферии и вечно следовать за лидером. Именно эту проблему и стремились преодолеть государства региона, создавая

---

[872] CZEREWACZ-FILIPOWICZ, K.; KONOPELKO, A. *Regional Integration Processes in the Commonwealth of Independent States*. Dordrecht: Springer, 2017, p. 28; ТКАЧЕНКО, С.Л.; ГУЛЯЕВА, К.В. Реформирование СНГ и перспективы его развития. *Власть*, 2009, № 7, с. 103; СОРОКИНА, С.С. Особенности признания и приведения в исполнение рашений, вынесенных судами в государствах-участниках Содружества Независимых Государств. *Вестник Мордовского университета*, 2004, № 1-2(14), с. 30.

[873] LIBMAN, A.; VINOKUROV, E. *Holding-Together Regionalism: Twenty Years of the Post-Soviet Integration*. London: Palgrave Macmillan, 2012, p. 37-38.

[874] *The Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family and Criminal Matters* Information Document submitted by the Delegation of the Russian Federation. [electronic. Date of access: 14.11.2016]. Access via Internet: <http://nbe.gov.ge/files/documents/MINSKI.pdf>.

[875] КАШКИН, С.Ю. *Интеграционное право в современном мире. Сравнительно-правовое исследование*. Москва: «Проспект», 2015, 416 с.

[876] ЯТМАНОВА, В.В. Содружество Независимых Государств: проблемы интеграции и дезинтеграции. *Вестник СПбГУ. Сер. 7*, 2005, № 3, с. 132.

между собой меньшие по числу участников объединения, а нередко ориентируясь на присоединение к уже существующим мировым организациям – либо ЕС (в случае Украины,[877] Грузии и Молдовы), либо к Восточным блокам (Казахстан, Киргизия).[878]

В результате, итоги деятельности СНГ были весьма скромными. Странами-участницами было заключено множество международных договоров, в том числе несколько с преимущественно гражданско-процессуальным содержанием (Киевское Соглашение 1992 г., Минская Конвенция 1993 г. и другие). Однако сделано это было скорее по причине того, что без данных актов невозможно было обойтись в принципе, чем из-за осознания необходимости дальнейшего прогрессивного развития. Принятые акты содержали преимущественно коллизионные нормы (нормы МЧП), а потому их принятие было вполне объяснимым и разумным шагом для пресечения возникновения правового вакуума. В то же время едва ли было правомерно ожидать более глубокой стадии интеграции, которая бы выразилась в установлении «единого пространства правосудия» с присущими ему принципами *взаимного признания* и *взаимного доверия*.

Резюмируя сказанное, следует признать, что правовая (как и политическая) интеграция в рамках СНГ не имеет будущего.[879] Было бы неверным приписывать этому объединению те характеристики, что присущи европейской интеграции. Причина этому заключается в том, что

[877] ХАУСТОВА, М.Г. Проблемы организационно-правового обеспечения гармонизации законодательства Украины с законодательством Европейского Союза. *Проблемы законности*, 2012, № 121; МУНТИЯН, В.И. Риски от интеграции Украины с Европейским Союзом. *Проблемы современной экономики*, 2013, № 4(48), с. 32.

[878] DELCOUR, L. Between the Eastern Partnership and Eurasian Integration. Explaining Post-Soviet Countries' Engagement in (Competing) Region-Building Projects. *Problems of Post-Communism*, 2015, Vol. 62, p. 317.

[879] *Евразийская интеграция: роль Суда*. Под ред. Т.Н. Нешатаевой. Москва: Статут, 2015, с. 15; СОКОЛОВА, Н.В. К дискуссии об интеграционных ресурсах развития Содружества Независимых Государств. *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*, 2010, № 1, с. 183; *Современное международное частное право в России и Евросоюзе* (кн. 1). Под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицина-Светланова, А. Трунка. Москва: Норма, 2013, с. 82.

СНГ изначально создавалось с другими целями и задачами.[880] При этом они вполне были достигнуты, а потому дальнейшее сотрудничество странам предстоит осуществлять в иных форматах.[881]

Разумным является вопрос о реальной необходимости какого-либо дальнейшего сближения в области ГПП в условиях, когда государства региона сами не имеют в этом никакого видимого интереса. На наш взгляд, отказ от сближения учитывал бы лишь позицию руководства и политических элит данных стран, но не их граждан и юридических лиц. На практике нарушение существовавших экономических и правовых связей между республиками бывшего СССР крайне негативно отразилось на их взаимной торговле, промышленности и инновационном развитии.[882] Там, где ранее все решалось в административно-правовом порядке, теперь действовали рыночные правила, однако соответствующее материальное и процессуальное законодательство было еще очень неразвитым и нуждалось в совершенствовании. В том числе это касалось и процессуальных правил о рассмотрении споров хозяйственных организаций и индивидуальных предпринимателей из разных стран СНГ.[883] Нельзя забывать и о социальной составляющей: на момент распада СССР многие граждане состояли в имущественных, трудовых, семейно-правовых, наследственных и иные правоотношениях, которые с установлением новых границ превращались из межреспубликанских в международные (и нуждались в определенном регулировании, в том числе учитывающем возможность возникновения тех или иных споров).[884]

---

[880] KUBICEK, P. *Op. cit.*, p. 15-24; МАЛЬКО, А.В.; ЕЛИСТРАТОВА, В.В. Об использовании правового опыта межгосударственной интеграции при создании Евразийского Экономического Союза. *Евразийский юридический журнал*, 2014, № 2, с. 40-43.

[881] БИРЮКОВА, О.А. *Указ. соч.*, с. 92.

[882] ДОРОНИНА, Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции. *Журнал российского права*, 1998, № 6, с. 53-54; ИВАНОВА, Е.М. *Указ. соч.*, с. 113.

[883] KUBICEK, P. *Op. cit.*, p. 23; KUX, S. Confederalism and Stability in the Commonwealth of Independent States. *New Europe Law Review*, 1993, Vol. 1(2), p. 404-405; РОМАНОВА, О.Н. Некоторые вопросы международного гражданского процесса Республики Беларусь. *Вестник гражданского процесса*, 2012, № 2, с. 186-189.

[884] LIPPOTT, J. *Op. cit.*, p. 357; ЛЫСАК, В.И.; РЫЖОВ, К.Б. Осуществление правовой помощи по гражданским и уголовным делам (обзор отношений Российской Федерации с

Именно поэтому страны, заинтересованные в продолжении и расширении сотрудничества, искали для этого новые формы. Одной из наиболее заметных инициатив последних лет является объединение стран в рамках т.н. *евразийских проектов*. Используемый термин «Евразия» используется в географии для характеристики совокупности двух континентов. С политико-правовой же стороны речь идет об отдельном регионе, который выделяется по историческим, культурным и нормативным признакам.[885] Он включает в себя как европейские, так и азиатские государства, а также те, что находятся посередине, «на стыке» цивилизаций. Ключевая мысль идеологов евразийства заключается в том, что за длительное время совместного сосуществования у стран и народов региона выработались общие обычаи, стереотипы поведения, духовные и культурные ценности.[886] Предложение о претворении евразийской интеграции в жизнь было впервые озвучено президентом Казахстана Н.А. Назарбаевым в 1994 г. и касалось необходимости сближения тех стран, что образовались после распада СССР.[887] Впрочем, в широком смысле оно могло распространяться и на те страны, которые никогда не входили в состав этого государства, но были близкими по духу ныне независимым республикам и готовыми пойти на дальнейшее сближение. В наиболее же распространенной (узкой) трактовке речь шла только о таких странах бывшего Союза, как Россия, Беларусь и Казахстан.[888]

государствами СНГ и ЕС). *Закон*, 2012, № 8, с. 28-32; ГОЛОВИНА, С.Ю.; ЛЮТОВ, Н.Л. Трудовые споры в государствах ЕАЭС: понятийный аппарат и классификация. *Российский юридический журнал*, 2016, № 6, с. 122-123.

[885] GILLES, P. Some Reflections on the Keywords of the General Topic. In: *Civil Procedure in Cross-cultural Context (IAPL 2012 Conference Book)*. Ed.: D. Maleshin. Moscow: Statut, 2012, p. 33.

[886] ВАЛОВАЯ, М.Д. Тернистый путь Евразии: от скифского союза к единому экономическому пространству. *Пространство и время*, 2010, № 1, с. 19.

[887] VINOKUROV, E. Eurasian Economic Union: Current State and Preliminary Results. *Russian Journal of Economics*, 2017, Vol. 3, p. 56; НАЗАРБАЕВ, Н.А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего [электронный ресурс. Дата доступа: 10.02.2014]. Доступ через Интернет: <http://izvestia.ru/news/504908>; ЧЕРНЯВСКИЙ, С.И. *Указ. соч.*, с. 33.

[888] МИХАЛЕВА, Т.Н. *Указ. соч.*, с. 232; КОРКОТАШВИЛИ, Н.Н. ЕврАзЭС как политический институт реинтеграции постсоветского пространства. *Вестник ПАГС*, 2013, № 5, с. 113.

Названные идеи стали реализовываться на практике с принятием в начале 2000 годов серии договоров: о Таможенном Союзе и о Едином Экономическом Пространстве (1999),[889] о Евразийском Экономическом Сообществе (2000)[890] и наиболее последнем по времени акте – о Евразийском Экономическом Союзе (в силе с 1 января 2015 г.).[891] Этими актами последовательно утверждалась новая форма регионального единства.

Можно отметить, что в отличие от СНГ ныне действующее объединение (ЕАЭС) ставит перед собой более четкие и последовательные цели и является более стабильным.[892] *Во-первых*, оно имеет развитую институциональную структуру, включающую в себя Высший Совет, Межправительственный Совет, Евразийскую Экономическую Комиссию и Суд ЕАЭС, которые имеют, помимо прочего, компетенцию по принятию актов наднационального характера.[893] Речь идет о прямо предусмотренных Договором о ЕАЭС «решениях и распоряжениях» высших органов Союза (ст. 6(1)). *Во-вторых*, страны формируют Таможенный Союз и Единое Экономическое Пространство, в рамках которых обеспечивается свободное движение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.[894] Таким образом, страны-участницы в значительной мере копируют модель интеграции в рамках Евросоюза.[895]

---

[889] Договор о Таможенном Союзе и Едином Экономическом Пространстве от 26 февраля 1999 г. *Собрание законодательства РФ*, 15.10.2001, № 42, ст. 3983.

[890] Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. *Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества*, 2013, № 1, ст. 8.

[891] Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) от 29 мая 2014 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 05.07.2016]. Доступ через Интернет: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014>.

[892] PODAREVA RIVERA, P.; GARASHCHUK, A. *Op. cit.*, p. 92; КАШИРКИНА, А.А.; МОРОЗОВ, А.Н. *Указ. соч.*, с. 93; УЛТАНБАЕВ, Р. Евразийское экономическое сообщество в новых условиях интеграции. *Центральная Азия и Кавказ*, 2006, № 4(46), с. 39; ШУМИЛОВ, В.М.; БОКЛАН, Д.С.; ЛИФШИЧ, И.М. *Указ. соч.*, с. 88.

[893] MAN, S-E. *Op. cit.*, p. 108; ИВАНОВА, Е.М., *Указ. соч.*, с. 118.

[894] KANSIKAS, S. The Eurasian Economic Union, Russia's Integration Policy and the EU Challenge. *Journal of Baltic Security*, 2015, Vol. 1(1), p. 109.

[895] DUCHÂTEL, M.; GODEMENT, F. *et al*. *Eurasian Integration: Caught between Russian and China* [interactive. Accessed on: 07.01.2017]. Access via Internet: <http://www.ecfr.eu/article/essay_eurasian>.

Не все авторы согласны с тем, что ЕАЭС является подходящим субъектом сближения национального права своих участников в каких-либо иных, помимо сугубо экономических, областях (в том числе это касается и вопросов правосудия и защиты прав человека).[896] Интересующие нас полномочия отсутствуют в определении правосубъектности этого объединения (ст. 1(2)), а также в числе его целей (ст. 4) Можно даже предполагать, что залогом участия некоторых стран в этом объединении стало ограничение предметов его ведения.

Тем не менее, сравнив ситуацию с ЕС, мы увидим, что и в последнем изначально предполагалось только экономическое сотрудничество, что не помешало принимать отдельные акты в сфере гражданского процесса (такие, как Брюссельская Конвенция). В европейском регионе такие акты справедливо рассматривались как важное условие функционирования внутреннего рынка,[897] который формируется и в ЕАЭС.[898] Таким образом, экономическая интеграция государств вполне может повлечь за собой и необходимость унификации и гармонизации правил в области судопроизводства.[899] Здесь уместно вспомнить о так называемом «эффекте переливания» (*spill-over effect*), суть которого заключается в постепенном распространении интеграции, начавшейся в какой-либо одной области (чаще всего – в экономике), на другие области, в которых изначально никаких изменений не планировалось.[900]

---

[896] ГРЕБЕНИЧЕНКО, С.Ф.; САГИНДИКОВ, Р.Е. Евразийская идея Н.А. Назарбаева в условиях Содружества Независимых Государств. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Всеобщая история*, 2015, № 1, с. 67, 70; ШУМИЛОВ, В.М.; БОКЛАН, Д.С.; ЛИФШИЧ, И.М. *Указ. соч.*, с. 88.

[897] COLLINS, H. European Private Law and the Cultural Identity of States. *European Review of Private Law*, 1995, Vol. 3, p. 353.

[898] АБДИШЕВ, Б.Т. Таможенный Союз трех стран как фактор формирования и развития международной экономической региональной интеграции. *Российский внешнеэкономический вестник*, 2011, № 3, с. 62.

[899] ДОРОНИНА, Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции. *Журнал российского права*, № 6, 1998, с. 134; АМОНОВ, А.Д. *Указ. соч.*, с. 23; *Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере зоны свободной торговли и Таможенного союза ЕврАзЭС*. Под ред. В.Ю. Лукьяновой, Москва: Анкил, 2012, с. 32.

[900] KARALIUK, M. The Eurasian Economic Union: an EU-like Legal Order in the Post-Soviet Space? *Basic Research Program Working Papers. Series: Law*, WP BRP 53/LAW/2015, p. 5;

Кроме того, многие цели и задачи организации сами по себе свидетельствуют в пользу такой необходимости.[901] Здесь можно упомянуть и заявленное стремление ЕАЭС осуществлять деятельность в области охраны и защиты прав на объекты интеллектуальной собственности (ст. 89 Договора), регулирования трудовой миграции (ст. 96-97 Договора), а также защите прав потребителей (ст. 61 Договора). Данные группы правоотношений едва ли смогут прогрессивно развиваться в пространстве нового Союза, если обладателям соответствующих прав (владельцам прав ИС, потребителям, наемным работникам) не будут гарантированы процессуальные гарантии в трансграничных ситуациях (доступ к суду, получение и вручение документов, признание решений, прозрачные правила подсудности). Защита нужна не только данным лицам, но и профессиональным участникам торговой деятельности, поскольку последним немаловажно, как именно будут разрешаться их споры в едином экономическом пространстве ЕАЭС. Упрощенность экономических операций с открытием границ может быть подорвана из-за отсутствия надлежащих процессуальных гарантий защиты прав.[902] В качестве примера сферы, требующей регулирования, авторами называется, в частности, доказательственное право.[903]

В настоящее время ЕАЭС объединяет Россию, Беларусь, Казахстан, Киргизию и Армению.[904] Таким образом, эта организация включает в себя гораздо меньшее число стран, но вместе с тем степень близости между ними существенно выше. Это не является удивительным,

---

КЕМБАЕВ, Ж.М. 25 лет Единому европейскому акту: причины принятия, основные положения и значение для европейской интеграции. *Международное публичное и частное право*, 2011, № 5, с. 4.

[901] КЕМБАЕВ, Ж.М. Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы. *Российский юридический журнал*, 2016, № 2, с. 36.

[902] HODGES, C. Europeanization of Civil Justice: Trends and Issues. *Civil Justice Quarterly*, 2007, Vol. 1, p. 97; ХААС, У. Единое европейское правовое пространство по делам о наследстве. *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2002-2003, № 2, с. 505.

[903] НАХОВА, Е.А. Перспективы гармонизации доказательственного права в арбитражном судопроизводстве в процессуальном законодательстве стран-участниц ЕврАзЭС. *Человек и закон*, 2014, № 1, с. 36-37.

[904] KARALIUK, M. *Op. cit.*, p. 3.

учитывая их близкое географическое положение и ориентацию в экономике друг на друга. При этом мы не видим проблем в меньшем, по сравнению с СНГ, количеством участников.[905] Здесь важно обратить внимание на теорию «разноскоростной интеграции»,[906] суть которой состоит в том, что каждый из этапов сближения (формирование зоны свободной торговли, Таможенного Союза и т.д.) первоначально охватывает лишь несколько наиболее подготовленных стран, а постепенно распространяется и на другие государства. Нечто похожее мы уже могли видеть в рамках ЕС («особая позиция» трех государств по вопросу участия в судебном сотрудничестве, а также теория и практика «интенсивного сотрудничества»,[907] при которой в случае недостижения единогласия по вопросу принятия нового акта вторичного права, согласиться на его обязательность могла группа стран ЕС, которые заинтересованы в установлении соответствующего режима между собой, в то время как для неприсоединившихся стран он не являлся бы обязательным).

Что же касается определения границ любого региона, то здесь всегда присутствует некоторая доля условности – в него объединяют те страны, которые взаимодействуют друг с другом больше, чем с остальным миром.[908] Приоритет остается за объективными факторами, такими как территориальное расположение, развитые экономически

---

[905] *Наднациональное и национальное регулирование в Таможенном союзе ЕврАзЭС: на примере таможенной пошлины*. Под ред. А.Н. Козырина, Москва: Институт публично-правовых исследований, 2014, с. 14; КОВАЛЕВ, А.А. *Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности*. Москва: Научная книга, 2007, с. 326.

[906] AVBELJ, M. Differentiated Integration – Farewell to the EU-27? *German Law Journal*, 2013, Vol. 14, p. 192-193; O'KEEFEE, D. Current Issues in European Integration. *Pace International Law Review*, 1995, Vol. 7, p. 37-39.

[907] KROLL, D.; LEUFFEN, D. Enhanced Cooperation in Practice: an Analysis of Differentiated Integration in EU Secondary Law. *Journal of European Public Policy*, 2015, Vol. 22(3), p. 353-354; БАБЫНИНА, Л.О. Применение продвинутого сотрудничества – новый тренд развития Европейского Союза. *Вестник МГИМО(У)*, 2014, № 4(37), с. 149; БУТОРИНА, О.В. Европейский Союз после кризиса: упадок или возрождение? *Вестник МГИМО(У)*, 2013, № 3(31), с. 74.

[908] КУДРЯВЦЕВ, И.С. Постсоветское пространство как отдельный регион: интеграционные перспективы. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 2011, № 130, с. 260-261.

связи, сходство в культуре, быте и традициях и т.д. Однако немаловажную роль играет и субъективное отнесение тем или иным государством себя к определенной группе. Так, ничто не препятствует Армении (не имеющей общей границы с другими странами ЕАЭС и некоторое время развивавшуюся изолированно) достигать большей интеграции с этим объединением. В то же время такие страны как Украина и Молдова, традиционно близкие к России и Беларуси, в последнее время демонстрируют явный «европейский» вектор развития, активно модифицируя в последние годы свое законодательство с тем, чтобы достичь большего соответствия с *acquis communautaire* ЕС.[909] Таким образом, во многих случаях выбор направления развития диктуется политическими мотивами. В любом случае соответствующему государству предстоит существенная работа по изменению собственного законодательства и гармонизации его с таковым остальных стран-участниц выбранного регионального объединения.[910]

Обобщая сказанное, можно сделать вывод, что механизм интеграции в ЕАЭС является более продуманным, осторожным, а, следовательно, и жизнеспособным.[911] Можно наблюдать отчетливое стремление участников осуществлять правовое сближение, формировать единое правовое пространство, а не просто сотрудничать по определенным направлениям.[912]

---

[909] *См. напр.* БРАГИНА, Е.В. Европейская политика соседства и Украина: процесс европеизации. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 2012, № 32, с. 192; ХАУСТОВА, М.Г. Проблемы организационно-правового обеспечения гармонизации законодательства Украины с законодательством Европейского союза. *Проблемы законности*, 2012, № 121.

[910] КАШКИН, С.Ю. *Указ. соч.*, с. 3.

[911] МАРЫШЕВ, А.А. Основные итоги и уроки интеграционных преобразований постсоветских государств. *Проблемы современной экономики*, 2012, № 1, с. 329; ПИВОВАР, Е.И.; ГУЩИН, А.В.; ЛЕВЧЕНКОВ, А.С. *Указ. соч.*, с. 43-45.

[912] ИВАНОВА, Е.М. *Указ. соч.*, с. 118; ЗЫБАЙЛО, А.И. Источники права ЕврАзЭС и способы их имплементации в законодательство государства-членов. *Труды факультета международных отношений: научный сборник (вып. 4)*. Минск: изд-во БГУ, 2013, с. 47.

1.2. Общие и особенные черты ГПП стран евразийского региона

Определившись с персональным составом евразийского региона и необходимостью сближения права в нем, следует обратить внимание на стартовые предпосылки такой интеграции. Вопреки представлениям об обратном, они не являются слабыми и в некоторых аспектах даже превосходят таковые у нынешних стран ЕС. Во-первых, для государств региона характерны схожесть законодательства и доктрины права, общность исторических и культурных его основ.[913] В отличие от европейских стран, где с XIX века наблюдается «правовой национализм», выразившийся в формировании полностью автономных систем права, здесь эти годы, напротив, были периодом единства и консолидации. Кроме того, все страны принадлежат к одной и той же правовой семье (статус которой, впрочем, является вопросом дискуссионным).[914] Наконец, с цивилизационной стороны эти страны едины, что обуславливает восприятие ими инициатив друг друга.

Длительное время территории рассматриваемых стран составляли одно государство – вначале Российскую империю, а позднее – Советский Союз, в связи с чем их правовые и процессуальные системы развивались на единых началах.[915] Источники права были общими, а локальные акты строго координировались «сверху».[916]

Если говорить об эпохе Российской империи, то для гражданского процесса наибольшее значение имело принятие Устава гражданского судопроизводства 1864 г., которым впервые были созданы единые для

---

[913] MALESHIN, D. The Russian Style of Civil Procedure. *Purpose of Modern Civil Procedural Law: the material of the International Scientific Conference (5-6 June 2008)*, Vilnius: VĮ Registrų centras, 2008, p. 500; КУДРЯВЦЕВ, И.С. *Указ. соч.*, с. 261.

[914] РАССКАЗОВ, Л.П. К вопросу о месте Российской правовой системы в юридической географии мира. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*, 2014, № 95, с. 7.

[915] МАЛЕШИН, Д.Я. Наследие судебной реформы 1864 г. *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 6, с. 10-11; *См. также:* КУРАШВИЛИ, А.Ю. *Заключение и имплементация международных договоров по Венской конвенции о праве международных договоров и законодательству государств-участников СНГ: сравнительно-правовой анализ* (автореферат диссертации кандидата юридических наук), Санкт-Петербург, 2007, с. 4.

[916] TELÒ M.; SHAW T. *European Union and New Regionalism*. Farnham: Ashgate, 2014, p. 270.

всей страны правила гражданского процесса.[917] Именно этот акт ввел принципы состязательности, равенства сторон, гласности, устности и диспозитивности, приблизил судопроизводство к наиболее передовым образцам того времени.[918] Он также впервые закрепил нормы международного гражданского процесса (об участии иностранных лиц в судопроизводстве).[919] Этот документ носил и системообразующий характер, поскольку отделил на практике гражданский процесс от уголовного и административного, а в академическом плане дал начало самостоятельной науке о гражданском судопроизводстве.[920] Несмотря на то, что первоначально Устав не действовал на всей территории империи, со временем он распространился на самые отдаленные ее уголки, а в отдельных частях сохранял силу и после революции 1917 г.[921] Таким образом, этот акт несомненно представлял собой инструмент сближения права. Использованный им механизм нормативного воздействия был императивным по своей сути и мог быть применен только в централизованном государстве с авторитарным режимом управления. Впрочем, даже это не привело к полному единообразию, поскольку на местах отдельные положения Устава толковались неодинаково. И все же, этот акт сыграл формирующую роль, поскольку на основе его положений

[917] MAN, S-E. *Op. Cit.*, p. 109; КУРАС, Т.Л. Рассмотрение гражданских дел судебными палатами России (1864-1917 гг.). *Власть*, 2009, № 7, с. 120-121; ЭНГЕЛЬМАН, И.Е. *Курс русского гражданского судопроизводства*. Юрьев, 1912, с. 50-51.

[918] KHODYKIN, R. Interaction between Russia and England in Civil Procedure. *European Business Law Review*, 2014, Vol. 25(4), p. 499; ТАРАСОВ, В.Н. Преемственность и традиции принципов русского гражданского процесса. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 2015, № 2(30), с. 196.

[919] БОЧАРОВА, Н. Международный гражданский процесс в нормах Устава гражданского судопроизводства 1864 г. In: *Судебные Уставы Российской Империи 1864 года: влияние на современное законодательство Литвы, Польши, России, Украины, Финляндии (к 150-летию Судебной Реформы. 20 ноября 1864 г. - 20 ноября 2014 г.)*. Ред.: Д.Я. Малешин, Москва: Статут, 2014, с. 68.

[920] RESHETNIKOVA, I. Judicial Reforms in Russia: 1864 to 2014. *Russian Law Journal*, 2015, Vol. 3(2), p. 109; БОННЕР, А.Т.; ФУРСОВ, Д.А. История развития отечественной гражданской процессуальной мысли. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2012, № 3, с. 43-44; РАССКАЗОВ, О.Л.; МАНТУЛ, Г.А. Институт судебного рассмотрения торговых (хозяйственных) споров в пореформенный период. *Общество и право*, 2012, № 1(38), с. 22; САХНОВА, Т.В. О концепте единого Гражданского процессуального кодекса России (заметки по поводу). *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 1, с. 10.

[921] БОЧАРОВА, Н. *Указ. соч.*, с. 55; НАЗАРОВА, Н.А. Реформирование российского гражданского судопроизводства в пореформенный период. *Известия высших учебных регионов. Поволжский регион*, 2007, № 2, с. 106-107.

возникли собственные отрасли ГПП каждой из стран СНГ/ЕАЭС.[922] Важно отметить и то, что несмотря на многочисленные заимствования положений западного права, судебная реформа основывалась на историческом опыте российского государства и учитывала культурные особенности нации, в связи с чем формируемые правовые институты и их содержание были вполне самобытными.[923]

С приходом советской власти территории стран СНГ/ЕАЭС вновь были объединены под властью одного государства, которое хотя и было федеративным, но придерживалось не менее жесткого административно-командного стиля управления, чем его исторический предшественник. Как и Российская Империя, СССР был склонен к позитивистской трактовке права и стремился урегулировать наиболее важные общественные отношения в рамках комплексных кодифицированных актов, что было характерно в том числе для судоустройства и судопроизводства. При этом Союз отнес эти и некоторые другие области права к ведению союзных республик,[924] что означало необходимость разработки и принятия именно ими соответствующих Кодексов. За собой же федеральный центр оставил право утверждения особых актов, закрепляющих важнейшие идеи, принципы, институты и модели правовых отношений в той или иной отрасли, которые получили названия «Основ законодательства». Такие акты обладали большей юридической силой, чем Кодексы, принятые на республиканском уровне и предопределяли их содержание.

---

[922] *См.: Судебные Уставы Российской Империи 1864 года: влияние на современное законодательство Литвы, Польши, России, Украины, Финляндии (к 150-летию Судебной Реформы. 20 ноября 1864 г. - 20 ноября 2014 г.)*. Ред.: Д.Я. Малешин, Москва: Статут, 2014, с. 8-9.

[923] MALESHIN, D. Overview of Russian Civil Justice. *BRICS Law Journal*, 2016, Vol. 3(4), p. 42; ГАЛКИН, А.Г. Судебная реформа 1864 г. и формирование нового правового поля России: исторический опыт имперской модернизации. *Научные проблемы гуманитарных исследований*, 2011, № 6, с. 16-17.

[924] Закон СССР от 11 февраля 1957 г. «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов». *Ведомости Верховного Совета СССР*, 1957, № 4, ст. 63.

В случае с гражданским процессом соответствующий акт (*Основы гражданского судопроизводства*) был принят 8 декабря 1961 г.[925] Основы насчитывали 64 статьи, объединенные в 6 разделов (среди которых общие положения, нормы о лицах, участвующих в деле, о производстве в первой и последующих инстанциях, об исполнении судебных актов и о международном гражданском процессе). Данные нормы конкретизировались и развивалась на республиканском уровне, где через несколько лет после принятия Основ были введены собственные Кодексы: в 1963 г. в Казахстане, в 1964 г. – в Армении, Беларуси, Киргизии и России. Кодексы развивали и детализировали идеи Основ, существенно отличаясь от них по объему: так ГПК РСФСР насчитывал 438 статей, а БССР – 398. Для данных актов была характерна весьма высокая законодательная техника: они были логично выстроены и подробно регламентировали все вопросы судопроизводства.

На Основы не следовало смотреть как на набор общих принципов, поскольку они содержали достаточно конкретные нормы (пусть и в «сжатом виде»),[926] подробно описывающие права и обязанности участников судопроизводства, порядок принятия дела к производству и его завершения, полномочия судов вышестоящих инстанций и возможность обращения к соответствующим процедурам и т.д. В содержательном плане это сближает Основы с таким рассмотренным ранее актом как *Принципы ALI/UNIDROIT*. Однако ОГС не были модельным актом, поскольку имели прямую нормативную силу, а в иерархии источников ГПП стояли несомненно выше любого иного акта (как на федеральном, так и на республиканском уровне), и им должны были соответствовать кодексы всех республик.[927]

---

[925] Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 2964 г. *Свод законов СССР*, 1990, т. 10, с. 133.

[926] ПЕТРОВ, А.А. Основы законодательства СССР и союзных республик в контексте развития идеи формального приоритета кодифицированных актов. *Ленинградский юридический журнал*, 2016, № 2(44), с. 20.

[927] *См. напр.:* Гражданский процессуальный кодекс Казахской ССР от 28 декабря 1963 г. *Свод законов Казахской ССР*, 1964, т. 11, с. 178 (ст. 1); Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. *Ведомости Верховного Совета РСФСР*, 1964, № 24, ст. 407 (ст. 1).

Что же касается *степени* соответствия между ОГС и республиканскими кодексами, то здесь мнения ученых расходятся. Одни полагали, что последние имели собственное своеобразие, отличались как друг от друга, так и от Основ, а республиканским законодателям была предоставлена определенная автономия в определении их содержания.[928] Другие указывали на то, что самостоятельность республик была лишь формальной: в реальности охватывающие практически все виды процессуальных отношений Основы не оставляли возможности отклониться от «генеральной линии». Кроме того, при принятии Кодексов проводились совместные консультационные работы, встречи и обмены информацией,[929] что влекло за собой предсказуемую близость их структуры и ключевых положений.

Таким образом, Основы все же можно признать формой унификации, а не гармонизации ГПП в пространстве СССР, но с той оговоркой, что свое *аппроксимационное* воздействие они оказывали не сами по себе, а в совокупности с другими приемами и мерами, среди которых немалое значение имели внеправовые, идеологические способы. В результате, даже при отдельных текстуальных отличиях между республиканскими кодексами, «дух права» в них несомненно был един. Кодексы предусматривали одни и те же процедуры и механизмы совершения процессуальных действий. По этой причине не следует проводить параллелей между Основами и Директивами ЕС, последние из которых дают государствам возможность выбора форм и методов достижения цели.[930] Основы же действовали непосредственно и прямо указывали на форму (Кодекс) и содержание актов, которые надлежало принять странам Союза. В итоге, мы имеем дело с еще одним примером «жесткой» унификации, которая имела место внутри государственных

[928] LAUŽIKAS, E.; MIKELĖNAS, V.; NEKROŠIUS, V. *Civilinio proceso teisė: vadovėlis (I tomas).* Vilnius: Justitia, 2004, p. 126; MIKELĖNAS, V. Civilinio proceso teisės vienodinimas bei derinimas ir naujasis Lietuvos Civilinio Proceso Kodeksas. *Jurisprudencija*, 2002, t. 28(20), p. 182.

[929] ПЕТРОВ, А.А. *Указ. соч.*, с. 21.

[930] МИНДУБАЕВ, Р.Р. Проблема имплементации международных договоров в ЕС. *Актуальные проблемы права и экономики*, 2011, № 3(19), с. 277; ХАЛИЕВ, К.Р. Нормативная сила «Директив» ЕС. *Актуальные проблемы экономики и права*, 2008, № 3(7), с. 164.

границ.[931] В значительной мере (несмотря на декларированную децентрализацию управления) она была даже более эффективной, чем имперский Устав. Этому в немалой степени поспособствовал контроль государственных органов за надлежащей имплементацией соответствующих положений Основ в республиканском законодательстве.

Помимо унифицированного нормативного регулирования, советский период характеризовался и общностью доктринальных взглядов, схожестью в подходах к праву в каждой из республик. Инакомыслие и вольнодумство не поощрялись властью, а потому как в науке, так и на практике устоявшимися считались одни и те же подходы к целям, задачам и принципам судебной власти.[932]

Среди главных отличительных особенностей гражданского процесса советского времени, общих для всех входивших в его состав республик, можно назвать следующие:

(1) Статус прокурора. В Основах и Кодексах прямо указывалось, что прокурор осуществляет надзор за законностью в суде, в том числе со стороны суда.[933] Таким образом, независимость последнего определенным образом ограничивалась. Несмотря на то, что в гражданском процессе преобладает частный, а не публичный интерес, прокурор обладал весьма обширными полномочиями по вмешательству в спор о гражданском праве.[934] Хотя он и не был стороной в деле, но мог самостоятельно подавать исковые заявления, участвовать в судебном разбирательстве и обжаловать вынесенные постановления и контролировать их исполнение, а также вступать в дело на любой стадии

---

[931] ДОРОНИНА, Н.Г. *Указ. соч.*, с. 136; ПЕТРОВ, А.А. *Указ. соч.*, с. 22.

[932] ИВАНОВ, Р.Л. Круглый стол «Советское государство и право: вопросы теории и истории». *Вестник Омского университета. Серия «Право»*, 2014, № 1(38), с. 243-245.; МАРИНОВА, С.Ш.; ЯВОРСКАЯ, С.А. Становление системы права и правосознания в советский период времени. *Социально-политические науки*, 2012, № 1, с. 116.

[933] АНДРЕЕВА, О.А.; ЯНОВСКИЙ, Е.С. Институт участия прокурора в гражданском процессе Российского государства и права. *История государства и права*, 2012, № 21, с. 39; ЛЕЖЕ, Р. *Указ. соч.*, с. 225.

[934] ТЕРЕХОВА, Л.А. Прокурор в гражданском процессе. *Вестник Омского государственного университета (Серия «Право»)*, 2011, № 2, с. 124.

для дачи заключения.[935] Тем самым, стороны переставали быть полноправными «хозяевами» процессуальных отношений.[936]

(2) Доминирование принципа объективной истины. Задачей и важнейшей обязанностью суда был поиск объективной истины по делу. Объективной считалась только такая истина, которая полностью (во всех деталях) и достоверно раскрывала особенности произошедшего события.[937] Несмотря на то, что стороны в классическом гражданском деле (в отличие от уголовного) ведут процесс по своей инициативе, на основе принципа диспозитивности, в советской системе их воля фактически подавлялась Судом, который сам определял, что представляет значение для реализации упомянутой задачи.[938]

(3) Высокая активность суда. Для исполнения своей обязанности по поиску объективной истины советскому суду были предоставлены беспрецедентные полномочия.[939] Суд мог побуждать стороны представлять дополнительные доказательства, а при необходимости собирать их по собственной инициативе, превращаясь, по сути, в орган следствия, а не правосудия.[940] Положение о столь активном суде было даже возведено в ранг принципа. Следует отметить и то, что советский суд должен был не просто рассматривать гражданские дела, но и

---

[935] CAPPELLETTI, M. Social and Political Aspects of Civil Procedure: Reforms and Trends in Western and Eastern Europe. *Michigan Law Review*, 1971, Vol. 69(5), p. 876; *Основы гражданского судопроизводства*..., ст. 6(2).

[936] HAZARD, J. Soviet Law: an Introduction. *Columbia Law Journal*, 1936, Vol. 36, p. 1263; ЖИГУЛЬСКИХ, А.Н. Прокурор в гражданском процессе: позиция Европейского суда по правам человека. *Административное и муниципальное право*, 2012, № 7, с. 7-8; ИСАКОВА, Д.С. Модель советского гражданского процесса. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2016, № 3, с. 60.

[937] БОНДАРЕНКО, Т.А. Генезис принципа «объективной истины» в гражданском процессе. *Вестник Поволжского института управления*, 2015, № 5, с. 51.

[938] RESHETNIKOVA, I. *Op. cit.*, p. 110.

[939] CAPPELLETTI, M. *Op. cit.*, p. 877.

[940] GSOVSKI, V.; GRZYBOWSKI, K. Civil Procedure. *Government Law and Courts in the Soviet Union and Europe*, 1960, Vol. 1, p. 887; *Tarybinė civilinio proceso teisė*. Ats. red. A. Žeruolis. Vilnius: Mintis, 1983, p. 18; МАЛЕШИН, Д.Я. *Методология гражданского процессуального права*. Москва: Статут, 2010, с. 102.

проводить в жизнь официальную государственную политику, будучи мощным идеологическим органом.[941]

(4) Аномальная открытость итоговых судебных актов для пересмотра. В советском гражданском процессе присутствовала возможность обращения в надзорную инстанцию.[942] Даже вступившие в силу решения могли пересматриваться в ревизионном порядке, причем по инициативе судей высших судов и прокуроров, а не сторон дела и третьих лиц.[943] Таким образом, стадия надзора была открыта далеко не для всех.[944] При этом гражданское дело могло рассматриваться несколькими надзорными инстанциями, а сроки принесения надзорных протестов не были ограничены по времени. В самой же инстанции происходила полная проверка предыдущих постановлений по делу (как их законности, так и обоснованности).

Названные и другие особенности (чрезмерный формализм и догматизм; узкое понимание принципа гласности; включение административных споров и дел особого производства в ГПК; участие «народных заседателей» в отправлении правосудия; кассация как форма первичного обжалования актов первой инстанции; регулирование вопросов контроля за исполнительным производством) выражали уникальный и самобытный характер советского гражданского процесса. Некоторые авторы полагали, что он не может быть однозначно отнесен ни к состязательному, ни к инквизиционному типу судопроизводства, являясь полностью самостоятельным. Если два названных варианта отправления правосудия предполагали проявление наибольшей активности сторонами (в первом случае), либо судом (во втором), то в советской системе общий контроль однозначно принадлежал

---

[941] GSOVSKI, V. The Soviet Concept of Law. *Current Legal Thought*, 1937-1938, Vol. 4(6), p. 349; QUIGLEY, J. Socialist Law and the Civil Law Tradition. *American Journal of Comparative Law*, 1989, Vol. 37, p. 792.

[942] КОМАРОВ, В. Актуальные проблемы реформы гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства Украины. В: *СНГ: реформа гражданского процессуального права*, Москва: Городец, 2002, с. 85-86.

[943] GSOVSKI, V.; GRZYBOWSKI, K. *Op. cit.*, p. 887.

[944] ТЕРЕХОВА, Л.А. *Надзорное производство в гражданском процессе: проблемы развития и совершенствования*. Москва: Волтерс Клувер, 2009, с. 14-20.

государственным органам, которые открыто защищали публичный интерес, порой не имеющий ничего общего с намерениями тяжущихся. В этой связи он был еще строже и дальше от современных идеалов «состязательности», чем классический инквизиционный (следственный) тип гражданского процесса, известный истории.[945] Оставляя в стороне подобные дискуссии, нельзя не признать, что ГПП СССР действительно, с одной стороны, отличалось качественным своеобразием от других стран мира, а с другой – было единым для входивших в его состав субъектов.[946]

Резюмируя сказанное, следует отметить, что в Российской Империи и СССР действительно удалось добиться подлинной унификации ГПП. В отличие от стран ЕС, которые оставались суверенными и держащими под контролем собственные отрасли гражданского судопроизводства, страны СНГ/ЕАЭС в предшествующие исторические периоды были либо полностью (во времена Российской империи), либо в значительной мере (в период господства социалистической системы) лишены самостоятельности, а потому вынуждены были следовать централизованной политике единого государства.[947] Таким образом, достижение ими «единого пространства правосудия» достигалось слишком дорогой ценой. По этой причине соответствующий опыт не может быть взят на вооружение как Европейским Союзом (являющимся более децентрализованным образованием), так и современными СНГ/ЕАЭС, в которых выработалось стойкое неприятие «силового сближения». В последних на первое место

[945] *См. напр.* ЯРКОВ, В.В. Развитие гражданского процессуального права России сквозь призму общемировых тенденций. В: *Предназначение современного гражданского процессуального права*. Вильнюс, 2008, с. 588.

[946] MAGGS, P. Unification of Law in Eastern Europe. *American Journal of Comparative Law*, 1968, Vol. 16, p. 107; МАЛЕШИН, Д.Я. Самобытность российского гражданского процесса. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 2010, № 1, с. 12-13.

[947] БРАНОВИЦКИЙ, К.Л.; КОТЕЛЬНИКОВ, А.Г.; РЕШЕТНИКОВА, И.В. *Гражданское судопроизводство за рубежом*. Москва: Инфотропик Медиа, 2013, с. 27.

вышло суверенное равенство государств региона и необходимость поиска компромиссов для осуществления дальнейшей интеграции.[948]

В то же время, заложенные прежними актами идеи не исчезли с началом самостоятельного существования стран евразийского региона, но стали сущностными особенностями их правовых и процессуальных систем. Прежние республиканские Кодексы не были моментально отменены, а продолжали действовать (с определенными изменениями) достаточно продолжительное время, в течение которого государства проводили необходимые реформы. Новые основополагающие акты в сфере ГПП страны ЕАЭС приняли лишь в конце 1990-х – начале 2000-х годов,[949] при этом ни одна из них не отказалась от кодификации как основы отрасли, что свидетельствует, как минимум, о преемственности в юридической технике и доктрине.[950] Это подтверждает и структура подобных актов, которая предусматривала деление текста на общую и особенную части, текстуальное закрепление принципов с раскрытием их значения (при этом сами принципы по большей части остались прежними), хорошо знакомую инстанционную систему, а также включение вопросов международного гражданского процесса в завершающие главы Кодексов.[951]

Помимо этого, страны сохраняли и другие объединяющие их черты: широкое использование русского языка в научной и практической

---

[948] ЯРКОВ, В.В.; НЕЗНАМОВ, А.В. Современное состояние гражданского и административного судопроизводства на постсоветском пространстве. *Право, политика и экономика в современном мире: вызовы XXI века* (доклады исполнительного комитета к X сессии Европейско-азиатского правового конгресса). Екатеринбург: УрГЮА, 2016, с. 65.

[949] KRYGIER, M.; CZARNOTA, A. After Postcommunism: the Next Phase. *Annual Review of Law and Social Sciences*, 2006, Vol. 2, p. 302-303.

[950] UZELAC, A. Survival of the Third Legal Tradition? *Supreme Court Law Review*, 2010, Vol. 49(2), p. 388-393; БАТЛЕР, У.Э.; ЕРПЫЛЕВА, Н.Ю.; МАКСИМОВ, Д.М. Производство по делам с участием иностранных лиц в международном процессуальном праве России, Казахстана и Узбекистана. *Законодательство и экономика*, 2016, № 11, с. 68-69; СУХОВА, Н.В. Проблемы развития гражданского процессуального права: тенденции и традиции. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*, 2014, № 3(40), с. 154; ЧИРКИН, В.Е. Постсоциалистическое государство XXI века. *Журнал российского права*, 2008, № 5(137), с. 7.

[951] БРАНОВИЦКИЙ, К.Л. Тенденции развития гражданского судопроизводства на Евразийском пространстве. В: *Развитие мирового правопорядка: институты и механизмы (доклады исполнительного комитета к XI сессии Европейско-Азиатского правового конгресса)*. Екатеринбург, 2017, с. 62.

жизни, единые исторические и культурные основы,[952] схожее правосознание.[953] В особенности сильны были взаимосвязи между тремя странами, составляющими ныне «ядро» ЕАЭС – Россией, Беларусью и Казахстаном.[954]

Однако не любую близость во взглядах следует оценивать положительно. Многие положения «старого» гражданского процесса были не только недемократичными, но и несовременными, не отвечавшими потребностям нового экономического и политического строя постсоветских государств.

Что же касается решения странами этих и других проблем, то чаще всего это происходило индивидуально, роль СНГ и других межгосударственных объединений в этом вопросе была незначительной.[955] Страны самостоятельно определялись со сроками разработки, содержанием новых актов, а также в целом с теми основами, на которых должна строиться судебная власть. Чем более существенные реформы проводили государства региона, тем больше они отдалялись друг от друга.[956]

В результате, не было удивительным то, что новые Кодексы в значительной мере отличались друг от друга.[957] Происходил отказ от старых догм и убеждений. Так, новый ГПК Армении был крайне небольшим по объему (249 статей), исключив из своего состава положения об особом производстве и контроле за исполнительным

---

[952] MALESHIN, D. The Russian Style of Civil Procedure. *Purpose of Modern Civil Procedural Law: the material of the International Scientific Conference (5-6 June 2008)*, Vilnius: VĮ Registrų centras, 2008, p. 500.

[953] VOET, S., GIDI, A. Civil Procedure in Cross-cultural Dialogue: Eurasia Context. *Russian Law Journal*, 2014, Vol. 2(1), p. 132, p. 125-135.

[954] МИХАЛЕНКО, К.Е. *Межгосударственное регулирование оказания правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам (на примере стран СНГ)*: автореферат диссертации кандидата юридических наук. Москва: Российский университет дружбы народов, 2003, с. 2.

[955] CZEREWACZ-FILIPOWICZ, K.; KONOPELKO, A. *Op. cit.*, p. 19.

[956] KORABLEVA, M. A Comparative Study of the Protection of Civil Rights: the Civil Codes of CIS Countries. *Review of Central and East European Law*, 2002-2003, Vol. 28(2), p. 167.

[957] КОРОЛЕВ, А.А.; МУХАМЕДЖАНОВ, М.М. Содружество Независимых Государств: история создания, проблемы, перспективы развития. *Знание. Понимание. Умение*, 2012, № 4, с. 108.

производством. Само законодательство страны перешло к состязательной модели,[958] а воздействие исполнительной власти на судебную было значительно уменьшено.[959] Также в этой стране наиболее радикально из всех остальных государств СНГ/ЕАЭС был реформирован институт участия прокуратуры: за ее должностными лицами оставили право подавать в суд заявления лишь о защите государственных интересов.

Другие же страны (Беларусь, Казахстан) постарались сохранили определенную преемственность с прежним законодательным регулированием, а влияние советских традиций здесь пересилило стремление к инновациям. Это выражалось и в оставлении за прокурором его обширных полномочий (в т.ч. и по надзору за судом),[960] и в минимальном изменении положений о надзорном производстве.

Промежуточное положение занимает Россия, где большая часть изменений носила половинчатый характер и могла быть в любое время обращена вспять. Так, здесь хотя и были ограничены прерогативы прокуратуры,[961] но со временем часть полномочий была возвращена.[962] При этом далеко не все авторы изначально поддерживали уменьшение роли прокурора в процессе.[963] Несоответствия наблюдались и в других областях: построении системы обжалования, принудительного исполнения и, что немаловажно, в сфере международного гражданского процесса.

---

[958] ДАЛЛАКЯН, В. Развитие гражданского процесса в Республике Армения с 1990 г. *Евразийский гражданский процесс: к 25-летию стран СНГ и Балтии*. Под ред. Д.Я. Малешина, Москва: Статут, 2015, с. 14.

[959] *Там же*, с. 12.

[960] *См. напр.* Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V. *Казахстанская правда*, 2015, № 210(28086), ст. 54(1).

[961] РЕШЕТНИКОВА, И.В. Эволюция гражданского судопроизводства в России. *Российская юстиция*, 2013, № 1, с. 37-38.

[962] *См.* Федеральный закон РФ от 5 апреля 2009 г. «О внесении изменений в статьи 45 и 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». *Собрание законодательства РФ*, 2009, № 14, ст. 1578.

[963] АНДРЕЕВА, О.А.; ЯНОВСКИЙ, Е.С. *Указ. соч.*, с. 40; ВЛАСОВ, А.А. Катаракта на «око государево». *Российская юстиция*, 2001, № 8, с. 35; РОЖКОВ, А.Ю. Необходимость и целесообразность участия прокурора в гражданском и арбитражном процессе. *Вестник Воронежского института МВД России*, 2014, № 2, с. 60; ТОМИЛОВ, А.Ю. К вопросу о роли прокурора в гражданском процессе. *Вестник Челябинского государственного университета*, 2011, № 4, с. 43-44.

Другой значимой для стран ЕАЭС проблемой являлась обнаружившаяся *дисгармония на национальном уровне*. Говоря о перспективах сближения отдельных национальных отраслей ГПП, не следует забывать, что в ряде государств не было последовательности и во внутригосударственном регулировании отрасли. Так, в России и Беларуси существует определенный дуализм: гражданский процесс как общая отрасль о судебном рассмотрении частноправовых споров соседствует с отдельной отраслью по рассмотрению споров хозяйствующих субъектов (индивидуальных предпринимателей и юридических лиц) – арбитражным (хозяйственным) процессом.[964] При этом каждая из отраслей регулируется самостоятельным кодексом, а до недавних пор и сама судебная система была разделенной. Все это приводит к тому, что уровень гарантий, порядок совершения процессуальных действий, доступные средства правовой защиты и сроки рассмотрения дел различаются, причем в зависимости от субъективного, а не объективного факторов.[965] Наиболее прогрессивным является именно «экономическое» правосудие, доступное только для лиц, занимающихся коммерческой деятельностью, тогда как простые граждане вынуждены иметь дело с менее эффективной судебной системой.[966]

В последние годы намечается тенденция к постепенному объединению гражданского и арбитражного (хозяйственного) процессов, идет подготовка к принятию единых ГПК.[967] Кроме того, в Беларуси уже были объединены обе системы судов,[968] а в России пока лишь Высшие суды. Большинство специалистов считает, что наиболее оптимальным

---

[964] СВИРИН, Ю.А. Некоторые размышления о концепции единого Гражданского процессуального кодекса России. *Актуальные проблемы российского права*, 2015, № 4(53), с. 161.

[965] ВИЗИРЕНКО, Е.В. Некоторые проблемные акценты в слиянии гражданского и арбитражного процессов в рамках судебной реформы Российской Федерации. *Царскосельские чтения*, 2014, № 18(3), с. 14.

[966] АЛЕКСЕЕВСКАЯ, Е.И. *Указ. соч.*, с. 5.

[967] ФИЛАТОВА, М.А. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: о целях судопроизводства и его модернизации. *Законы России: опыт, анализ, практика*, 2015, № 3, с. 35-36.

[968] СКОБЕЛЕВ, В.П. Единый ГПК Республики Беларусь: быть или не быть? В: *Актуальные проблемы гражданского процессуального права* (сборник материалов международной научно-практической конференции). Москва: Проспект, 2017, с. 158-159.

было бы в перспективе сформировать единую систему правосудия по гражданским делам.[969]

Описанные выше качества постсоветской юстиции влекут за собой необходимость реформирования в направлении модернизации, воплощении во вновь принимаемых актов общепризнанных принципов правосудия. Если перед европейскими странами стояла задача по недопущению ухудшения стандартов правосудия на наднациональном уровне по сравнению с теми, что существовали в наиболее развитых странах-участницах, то в случае с ЕАЭС каждое из государств-участников само по себе имело проблемы с системой правосудия (сроки рассмотрения дел, отсутствие независимого суда, необеспечение действия принципа диспозитивности, задержка с исполнением судебных решений и т.д.). Поэтому помимо собственно сближения национального права необходим был и «рывок» по направлению к улучшению гражданского судопроизводства. Его же было практически невозможно осуществить с использованием одних лишь внутренних ресурсов, поскольку ни одно из государств не могло стать надлежащим «эталоном» качественного правосудия.

Таким образом, странам региона требовалась совместная работа по поиску и адаптации наиболее перспективных зарубежных стандартов, что возможно только при сильной степени сплоченности и эффективном сотрудничестве в сфере ГПП.

2. Способы сближения гражданского процесса в евразийском регионе

Различные инициативы по сближению гражданского процессуального права начали реализовываться еще в первые годы самостоятельного существования бывших советских республик. Они либо носили двусторонний характер, либо имели место в СНГ – основной

[969] НОСЕНКО, Л.И.; ЛЕВИНА, Л.К. Некоторые размышления об унификации процессуального законодательства. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2015, № 3, с. 127.

региональной организации того времени. При этом именно в рамках Содружества страны региона (в т.ч. и рассматриваемые нами Армения, Беларусь, Казахстан, Киргизия и Россия) достигли наибольшего прогресса, тогда как в ЕАЭС тематика судебного сотрудничества и построения общего пространства правосудия пока что остается невостребованной в силу недостаточной развитости интеграционных структур.[970] Именно поэтому, а также принимая во внимание, что все страны ЕАЭС являются членами СНГ (и активно ссылаются на заключенные в его рамках договоренности как на основу многих из их обязательств в рамках нового объединения), мы полагаем возможным и необходимым рассмотреть в этом разделе также и те способы сближения, что сложились в последнем.[971]

Так, в Уставе СНГ (1993 г.) среди его целей называются: экономическое и социальное развитие государств-членов, межгосударственная кооперация и интеграция, обеспечение прав и свобод человека, содействие гражданам государств-членов в свободном общении, контактах и передвижении в Содружестве, взаимная правовая помощь и сотрудничество в других сферах правовых отношений.[972] Безусловно, такие формулировки являются достаточно широкими и не содержат прямого указания на гражданский процесс, но и не отрицают возможности сотрудничества в этом направлении. Что же касается ныне действующего Договора о ЕАЭС (2014 г.), то он также ничего не говорит непосредственно о гражданском судопроизводстве, но указывает среди своих целей всестороннюю модернизацию и кооперацию, а также повышение конкурентоспособности национальных экономик, формирование единого рынка и создание стабильных условий для

[970] *Оптимизация гражданского правосудия в России*. Под ред. В.В. Яркова, Москва: Волтерс Клувер, 2007, с. 153; БОРОДАЕВ, В.Е.; ЖУМАБАЕВА, М.Е. О признании и исполнении решений иностранных судов в рамках Евразийского экономического сообщества. *Вестник Института законодательства и правовых исследований Республики Казахстан*, 2014, № 3, с. 138-139.

[971] БАТЛЕР, У.Э.; ЕРПЫЛЕВА, Н.Ю.; МАКСИМОВ, Д.М. *Указ. соч.*, с. 68.

[972] Устав Содружества Независимых Государств. *Российская газета*, 12.02.1993 г., № 29, ст. 2.

развития экономик стран-участниц.[973] Как мы помним, примерно с этого начиналось сближение и в Европейском Союзе, основой для которого стала деятельность стран еще в формате прежнего ЕЭС (1957 г.).[974]

Нам представляется, что все выделенные в Разделе I способы и формы сотрудничества доступны и для государств евразийского региона, однако характер их применения имеет определенную специфику, что делает необходимым рассмотреть существующие модели сотрудничества последовательно, выделяя их преимущества и недостатки и приводя по результатам такого исследования выводы о перспективах дальнейшей кооперации в регионе СНГ/ЕАЭС.

(1) Международно-договорное сотрудничество. Как и в случае с другими региональными и общемировыми объединениями, международные договоры в евразийском регионе являются наиболее очевидной формой сближения процессуального права.[975] Это вполне объяснимо, учитывая упомянутое выше стремление стран СНГ/ЕАЭС сохранить наибольший объем полномочий за собой, не передавая их интеграционным структурам.[976]

Как мы уже упоминали, Устав СНГ повествует о возможности сотрудничества стран-участниц по правовым вопросам. Данное положение раскрывается более подробно в ст. 20, где говорится, что «государства-члены осуществляют сотрудничество в области права, в частности, путем заключения многосторонних и двусторонних договоров об оказании правовой помощи и способствуют сближению национального законодательства». Из этого следует, что, *во-первых*, предметом таких договоров может быть «правовая помощь», *во-вторых*, что такие договоры могут быть как многосторонними, так и

---

[973] *Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС)* от 29 мая 2014 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 05.07.2016]. Доступ через Интернет: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014>, с. 4.

[974] ФОЛКЕР, Б. Унифицированное и гармонизированное европейское право и его влияние на третьи государства, *Балтийский регион*, 2011, № 3, с. 13.

[975] САМАТОВ, О.Ж. Современная правовая помощь и иные формы правового сотрудничества стран СНГ. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2006, № 3, с. 145.

[976] PETROV, R. *Op. cit.*, p. 632-633.

двусторонними, а *в-третьих*, прямо допускается направленность принимаемых мер на сближение национального законодательства.[977]

Из всего сказанного наибольшее затруднение вызывает понятие «правовой помощи». Под ним понимается последовательность действий, которые органы одного государства осуществляют по запросу другого с целью оказания последнему содействия в осуществлении правосудия, а также совершения некоторых внесудебных действий.[978] Практика заключения соглашений о правовой помощи сложилась еще во времена СССР и продолжает оставаться основной формой сотрудничества и поныне.[979] Получившие независимость республики распространили на свое сотрудничество те же постулаты, что лежали в основе взаимодействия СССР с «буржуазными и социалистическими странами мира». С тех пор доминирует широкий взгляд на содержание правовой помощи, который предусматривает, что в ее состав включается пересылка документов, сбор доказательств и проведение других процессуальных действий за рубежом, признание и исполнение зарубежных решений.[980]

Таким образом, правовая помощь могла быть понята *mutatis mutandis* как «евразийский» аналог положения о судебном сотрудничестве, т.к. касалась преимущественно заключения соглашений с процессуальным содержанием. При этом понятие «правовая помощь» отлично характеризует степень глубины желаемого сближения. Страны региона были намерены лишь оказывать содействие в совершении определенных процессуальных действий, сотрудничать по мере необходимости, а не на постоянной основе. В любом случае, они не задавались целью строить «общие пространства правосудия» и формулировать в этой связи единые принципы и правила отрасли для

---

[977] *Современное международное частное право в России и Евросоюзе (книга I).* Под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицина-Светланова и А. Трунка. Москва: Норма, 2013, с. 75.

[978] ГРИГОРЬЕВА, О.Г. Понятие международной правовой помощи по гражданским делам в юридической науке советского государства. *Бизнес в законе*, 2013, № 6, с. 19.

[979] MAGGS, P. *Op. cit.*, p. 123; САМАТОВ, О.Ж. *Указ. соч.*, с. 145.

[980] ГРИГОРЬЕВА, О.Г. *Указ. соч.*, с. 20-21; ДОРОТЕНКО, Е.В. Порядок взаимодействия компетентных органов иностранных государств при оказании правовой помощи по гражданским и семейным делам. *Российская юстиция*, 2012, № 1, с. 68.

всех стран региона. Нет нужды добавлять, что все принимаемые здесь меры относились к сфере МЧП/МГП и не предполагали значимых изменений во внутреннем праве стран-членов Содружества.[981]

Страны СНГ/ЕАЭС связаны целым рядом двусторонних и многосторонних договоров о правовой помощи и правовых отношениях.[982] В числе первых можно назвать таковые между Россией и Киргизией,[983] Киргизией и Казахстаном[984] и т.д. Данные акты регулировали порядок сотрудничества, оформления, пересылки и вручения соответствующих документов, компетенции судов, а также признания и исполнения решений. Нельзя при этом сказать, что они вводили в действие слишком прогрессивные или либеральные нормы: так, взаимодействовать компетентным органам предписывалось в-основном через министерства и ведомства высшего уровня (а не напрямую), а решения исполнялись только при прохождении процедуры экзекватуры.[985] Для нас же намного важнее то, что двустороннее регулирование не могло обеспечить сближения в рамках всего региона, поскольку предусматривало разную глубину и степень сотрудничества и не учитывало всеобщих интересов. Кроме того, не отличалось такое сотрудничество и продуманностью, было лишено перспектив трансформации в нечто большее по прошествии времени.

Иначе обстоит дело с многосторонними договорами, в числе которых следует назвать Соглашение о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20 марта

---

[981] МАКОВСКАЯ, А.А. *Унификация международного частного права в рамках Европейского сообщества*: автореферат диссертации кандидата юридических наук. Москва: Институт государства и права Российской академии наук, 1992, с. 7; СОРОКИНА, С.С. *Указ. соч.*, с. 30.

[982] САМАТОВ, О.Ж. *Указ. соч.*, с. 150.

[983] Договор между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 14 сентября 1992 г. *Бюллетень международных договоров*, 1995, № 3.

[984] Договор между Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой об оказании взаимной правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 26 августа 1996 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 22.11.2016]. Доступ через интернет: <http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemsl/dok_pegyuz.htm>.

[985] *См. напр.* Договор между РФ и Кыргызстаном от 14 сентября 1992 г., ст. 4, 51.

1992 г. (далее – Киевское Соглашение),[986] Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. (далее – Минская Конвенция)[987] и Протокол к ней от 28 марта 1997 г. (далее – Московский Протокол),[988] Соглашение о порядке взаимного исполнения решений арбитражных, хозяйственных и экономических судов на территориях государств-участников Содружества от 6 марта 1998 г. (далее – Московское Соглашение)[989] и Конвенцию о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. (далее – Кишиневская Конвенция).[990] Из названных актов первые два признаются исследователями в качестве основных источников сближения процессуального права в рамках СНГ.[991] Кроме всех перечисленных соглашений в пространстве СНГ были заключены и иные договоры, имеющие отношение к гражданскому процессу, например, Соглашение о размере государственной пошлины и о порядке ее взыскания при рассмотрении хозяйственных споров между субъектами хозяйствования разных государств от 24 декабря 1993 г.[992] и два Протокола к нему.[993]

---

[986] Соглашение стран СНГ от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности». *Закон*, 1993, № 1.

[987] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. *Собрание законодательства РФ*, 1995, № 17, ст. 1472.

[988] Протокол от 28 марта 1997 г. к Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. *Собрание законодательства РФ*, 2008, № 4, ст. 224.

[989] Соглашение Правительств государств-участников СНГ «О порядке взаимного исполнения решений арбитражных, хозяйственных и экономических судов на территориях государств-участников Содружества» от 6 марта 1998 г. *Содружество*, 1998, № 1, с. 38-45.

[990] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. *Содружество*, 2002, № 2(41), с. 82-130.

[991] MIKELĖNAS, V. Civilinio proceso teisės vienodinimas bei derinimas ir naujasis Lietuvos Civilinio Proceso Kodeksas. *Jurisprudencija*, 2002, t. 28(20), p. 185.

[992] Соглашение стран СНГ «О размере государственной пошлины и о порядке ее взыскания при рассмотрении хозяйственных споров между субъектами хозяйствования разных государств» от 24 декабря 1993 г. *Бюллетень Международных договоров*, 1994, № 7.

[993] Протокол от 1 июня 2001 г. к Соглашению о размере государственной пошлины и порядке ее взыскания при рассмотрении хозяйственных споров между субъектами хозяйствования разных государств от 24 декабря 1993 г. *Собрание законодательства РФ*, 2003, № 4, с. 268; Протокол от 10 декабря 2010 г. о внесении изменений в Соглашение о размере государственной пошлины и порядке ее взыскания при рассмотрении хозяйственных споров между субъектами хозяйствования разных государств от 24 декабря 1993 г. *Собрание законодательства РФ*, 2014, № 25, ст. 3146.

Из всех названных выше актов наибольшее значение имеет *Минская Конвенция*, в рамках которой впервые был выработан общий подход стран СНГ ко многим вопросам международного гражданского процесса.[994] Данный акт отличается как обширностью содержания,[995] так и числом участников (его подписали и ратифицировали все государства СНГ). В определенном смысле этот акт можно сопоставить с Брюссельской Конвенцией 1968 г., которая положила начало процессуальному сотрудничеству в Евросоюзе.

Конвенция включает в себя 5 разделов и 87 статей. Она содержит нормы о применимом праве (к личному статусу, в семейных делах, имущественных правоотношениях, делах о наследовании и т.д.), международной подсудности и *lis pendens*, признании и исполнении решений.

В некотором смысле этот акт схож по содержанию с такими инструментами ЕС как Регламенты 4/2009 (об алиментах) и 650/2012 (о наследовании), поскольку последние также включают в себя все три основные блока норм МЧП (применимое право, подсудность и признание) в своих сферах действия. Однако область применения Минской Конвенции является куда более обширной, поскольку включает в себя нормы МЧП практически по всем основным направлениям (гражданское, торговое, семейное, наследственное право), тогда как соответствующие группы правоотношений в ЕС, как правило, становились предметом регулирования самостоятельных актов.[996] Самое же заметное отличие заключалось в том, что Конвенция включала и немалое количество норм, посвященных сотрудничеству по уголовным делам (25 статей из 87), что явно было нехарактерно для европейской законодательной техники.

---

[994] ПАПИНА, М.А. *Указ. соч.*, с. 266.

[995] МИХАЙЛЕНКО, К.Е. *Указ. соч.*, с. 186.

[996] СОЛИЕВ, И.М. О предпосылках зарождения и развития доктрины международного частного права. *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук*, 2009, № 4, с. 39.

На наш взгляд, следует положительно оценить тот факт, что, что Конвенция объединяет в своем составе нормы о сотрудничестве как по гражданским, так и по семейным делам, поскольку последнее из названных направлений имеет особую значимость для стран СНГ.[997] К моменту распада единого государства возникло немало тесных связей между частными лицами, и все чаще возникали споры о взыскании алиментов, о порядке осуществления родительских прав и т.д.[998] В этой связи совершенно оправдано включение соответствующих норм в один из первых актов по правовому сотрудничеству, принятый в рамках новой организации.

В то же время представляется неоправданным, с нашей точки зрения, объединение в рамках одного акта вопросов и гражданского/семейного (т.е. частного), и уголовного права. Они предусматривают разные механизмы сотрудничества, набор процессуальных действий и круг участников, а, следовательно, заслуживают отдельного комплексного регулирования. Объединение подобных норм воедино могло бы быть объяснено существовавшей необходимостью скорейшего принятия действующего акта в обеих сферах ведения, а также меньшими затратами по согласованию одного, а не двух договоров. В то же время, все многообразие гражданско-правового сотрудничества в сфере правосудия, безусловно, заслуживает отдельного акта, который бы касался только правосудия «по частным делам».

В числе отличительных особенностей Минской Конвенции (как и некоторых других из вышеназванных соглашений) следует назвать ее *открытость*. Членство в СНГ не является существенным условием для

[997] НИКОГОСЯН, С.А. Коллизионное регулирование семейно-брачных отношений с участием иностранных лиц и лиц без гражданства. *Актуальные проблемы экономики и права*, 2011, № 2(18), с. 192; ХАБРИЕВА, Т.Я. Международное сотрудничество в области признания и исполнения иностранных судебных решений. *Журнал российского права*, 2006, № 8(116), с. 4.

[998] ГРОМОЗДИН, С.А.; ГРОМОЗДИНА, М.В. Правовые основания для отказа в признании и исполнении решений иностранных судов по семейным делам на территории России. *Инновационная наука*, 2016, № 8-3, с. 89.

участия в ней.[999] Так, Грузия даже после выхода из СНГ продолжает участвовать в Конвенции. С одной стороны, это расширяет круг ее потенциальных участников, но с другой – нивелирует ее качество инструмента регионального сближения. Если в момент заключения она объединяла уже в значительной мере близкие друг к другу государства, то в дальнейшем к ней будут иметь возможность присоединиться и весьма далекие страны. Все это может существенно подорвать формирующийся евразийский *acquis* и не дать сформироваться единообразию. Частично проблема компенсируется требованием обязательного согласия всех участвующих стран на вступление нового участника, но такая процедура будет длительной и невыгодной как для существующих, так и для потенциальных участников. Следует отметить, что открытыми являются далеко не все международные договоры в рамках СНГ.

Говоря о содержании Минской Конвенции, следует отметить, что она предоставила равную правовую защиту всем лицам, проживающим на территории стран СНГ. Именно ей были установлены основные принципы обращения граждан и юридических лиц одной договаривающейся стороны в суды на территории другой договаривающейся стороны.[1000] Она закрепила традиционное правило о подаче исков по месту жительства ответчиков (и несколько особых норм о подсудности),[1001] а также правила о взаимосвязи судебных процессов и о подаче встречных исков. Механизм трансграничного действия решений был упрощенным, поскольку само признание осуществлялось автоматически. Вместе с тем, для принудительного исполнения была необходима процедура экзекватуры, которая запускалась через подачу

[999] *Минская Конвенция*, ст. 86.

[1000] ЕРПЫЛЕВА, Н.Ю.; КЛЕВЧЕНКОВА, М.Н. Унификация норм о международной судебной юрисдикции в международном процессуальном праве. *Международное право и международные организации*, 2013, № 3, с. 343-344.

[1001] *Минская Конвенция*, ст. 20.

соответствующего ходатайства.[1002] Само же принудительное исполнение (как и в странах ЕС) оставалось полностью в компетенции стран-участниц.

Еще одной особенностью Конвенции было то, что взаимодействие между компетентными субъектами сотрудничества должно было осуществляться через центральные органы (а не напрямую),[1003] что со времен Гаагской Конвенции 1965 г. уже было несколько устаревшим. Впрочем, это положение удалось позднее модернизировать при заключении *Московского Протокола*. Последний внес изменения в текст Конвенции, упростив процесс передачи документов и сделав возможным взаимодействие стран друг с другом не только через центральные, но и через территориальные органы.[1004] Это существенно сократило сроки движения документов и исполнения поручений в целом. В то же время в Протоколе не принимает участия Киргизия,[1005] что не позволяет говорить о его универсальности.

Принятая в 2002 г. *Кишиневская Конвенция* является обновленной версией Минской и заменяет ее собой.[1006] Главным образом этот договор обновлял сферу уголовной юстиции,[1007] в сфере же гражданского процесса он повторял положения Московского Протокола, но не привносил ничего нового в систему признания и исполнения решений,

---

[1002] *Минская Конвенция*, ст. 52; ЗАЦЕПИНА, Т.Н.; НАГОРНАЯ, Э.Н. О некоторых проблемных вопросах исполнения иностранных судебных актов в государствах - участниках СНГ (на примерах правоприменительной практики Экономического суда СНГ). *Международное право и международные организации*, 2015, № 3, с. 315.

[1003] *Минская Конвенция*, ст. 5; КАЛАШНИКОВ, С.В. *Применение общепризнанных принципов и норм в сфере защиты прав человека в России: вопросы теории и практики*. Москва: ДМК Пресс, 2010, с. 41; ПЕТРОВА, М.М. Тенденции развития правового регулирования в сфере оказания международной правовой помощи по сбору и получению доказательств, находящихся на территории иностранных государств, по гражданским делам. *Адвокат*, 2011, № 11, с. 75.

[1004] ЛЫСАК, В.И.; РЫЖОВ, К.Б. *Указ. соч.,* с. 28-29; ЧЕМЫХИНА, Ю.В. Признание и исполнение судебных решений в рамках Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. *Исполнительное право*, 2011, № 3, с. 17-18.

[1005] *См. Решение Экономического Суда СНГ от 21 февраля 2007 г.* No 01–1/2–06, п. 1, с. 2.

[1006] *Кишиневская Конвенция*, ст. 120(3).

[1007] БЫКОВА, Е.В. О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. *Российский судья*, 2013, № 9, с. 39; ЩУКИН, А.И. *Указ. соч.*, с. 36-37.

более того, даже расширил перечень оснований для отказа в исполнении (с 6 до 8), включив в их число вынесение решения с нарушением положений Конвенции и противоречие публичному порядку запрашиваемого государства.[1008] Кишиневская Конвенция распространяется далеко не на все государства СНГ: заметным ее недостатком является отсутствие ее обязательной силы в отношении России (последняя подписала, но не ратифицировала Конвенцию).[1009] Соответственно, для последней сохраняют силу прежняя Минская Конвенция и Протокол к ней.[1010]

Вторым по значимости из актов о правовой помощи является *Киевское Соглашение*. Этот инструмент является более компактным по сравнению с Минской Конвенцией и насчитывает всего 13 статей. Заметно уже и его сфера действия: оно касается лишь дел, вытекающих из коммерческих отношений между предпринимателями и юридическими лицами.[1011] Кроме того, Соглашение охватывает не все страны СНГ (впрочем, все государства ЕАЭС участвуют в нем).

В числе предметов регулирования следует назвать: подсудность, вручение документов, помощь в получении доказательств, отмену легализации определенных документов, применимое право, принудительное исполнение решений. Из наиболее значимых отличий следует отметить, *во-первых*, установленное правило, согласно которому при оказании правовой помощи соответствующие органы взаимодействуют между собой непосредственно (без помощи дипломатических и консульских представительств или учреждений юстиции),[1012] а *во-вторых*, значительную либерализацию процесса исполнения зарубежных актов. Применительно к ним Соглашение не предусматривало подачу специального ходатайства о разрешении

[1008] *Кишиневская Конвенция*, ст. 59.

[1009] ГРИГОРЬЕВА, О. Развитие правовых основ международной помощи по гражданским делам в рамках Союза Независимых Государств. *Право и экономика*, 2011, № 1, с. 73.

[1010] *См. Кишиневская Конвенция*, п. 3 и 4 ст. 120.

[1011] *Киевское Соглашение*, ст. 1-2.

[1012] *Там же*, ст. 5.

исполнения,[1013] т.е. признание и исполнение должны были происходить без экзекватуры. Ходатайство взыскателя было аналогично заявлению о возбуждении исполнительного производства.[1014] Впрочем, последнее положение не было самоочевидным, в связи с чем потребовалось обращение в Экономический Суд СНГ. Последний подтвердил, что Соглашение устанавливает упрощенный порядок взаимоотношений компетентных судов государств-участников, что означает, прежде всего, оперативное рассмотрение дел по хозяйственным спорам и исполнение вступивших в силу иностранных решений. Заинтересованная сторона направляет ходатайство непосредственно органу, уполномоченному осуществлять исполнение.[1015]

Для еще большей конкретизации упомянутых положений был заключен дополнительный акт – *Московское Соглашение* (1998 г.), в котором разъяснялся порядок взаимного исполнения решений судов по хозяйственным спорам и устанавливалось, что он является бесспорным и национальным (аналогичным порядку исполнения решений собственных судов договаривающихся сторон).[1016] По сути дела, данное Соглашение снимало спорные вопросы относительно исполнения решений по Киевскому Соглашению.[1017]

Интересно то, что подобный либеральный режим был даже более совершенным, чем тот, что установился в ЕС после реформы Регламента «Брюссель I» (в частности, из-за отсутствия в Соглашении возможности обжаловать признание по причине его противоречия публичному порядку). Это может быть объяснено тем, что страны региона находились в очень близком положении и между ними существовало большое доверие. Следует отметить, что Соглашение имело более прогрессивные

[1013] *Там же*, ст. 7.

[1014] БАТЛЕР, У.Э.; ЕРПЫЛЕВА, Н.Ю. Производство по делам с участием иностранных лиц в международном процессуальном праве России и Белоруссии. *Цивилист*, 2013, № 3, с. 87-96.

[1015] *Решение Экономического Суда СНГ от 21 февраля 2007 г.* No 01–1/2–06, п. 1, с. 3.

[1016] *Московское Соглашение*, ст. 3-4; СОРОКИНА, С.С. *Указ. соч.*, с. 33.

[1017] БАТЛЕР, У.Э.; ЕРПЫЛЕВА, Н.Ю. *Указ. соч.*, с. 90-91.

нормы и в соотношении с Минской Конвенцией, которая была принята на год позже, в связи с чем встает вопрос о соотношении двух этих актов.

Здесь следует отметить, что несмотря на схожее назначение (оказание правовой помощи в ее широком понимании), данные договоры имеют определенные расхождения по предмету. Киевское Соглашение касается только актов, вынесенных по результатам рассмотрения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности, а Минская Конвенция таких ограничений не содержит. Таким образом, предмет Соглашения уже такового в Конвенции, а само оно представляет собой акт специального характера (хотя и было принято ранее по времени).[1018] Оно полностью заменяет собой Конвенцию в тех ситуациях, когда речь идет о признании решений по хозяйственным спорам, но при этом не касается иных гражданских дел (не подпадающих под понятие хозяйственных). По сути, основанием для такого толкования является норма Минской Конвенции, согласно которой данный акт не затрагивает положений других международных договоров, участниками которых являются договаривающиеся стороны.[1019] Кроме того, не все страны СНГ участвуют в Соглашении, соответственно для не ратифицировавших его стран основой сотрудничества даже по хозяйственным делам будет Минская Конвенция.[1020]

Итак, Соглашение устанавливало упрощенный порядок признания и исполнения решений по хозяйственным (коммерческим) спорам, максимально приближенный к режиму исполнения странами-участницами собственных судебных решений и одновременно отличный от такового, действующего в отношениях с третьими странами.[1021] Однако при этом для всех остальных решений по гражданским делам

[1018] ЛЫСАК, В.И.; РЫЖОВ, К.Б. *Указ. соч.*, с. 29; ПАНФЕРОВА, Л.А.; КОРОЧКИН, А.Ю. Оказание правовой помощи по гражданским делам в Содружестве Независимых Государств: международно-правовой аспект. *Проблемы гражданского права и процесса: сборник научных статей*, Гродно: ГрГУ, 2013, с. 295.

[1019] *Минская Конвенция*, ст. 82.

[1020] *Решение Экономического Суда СНГ от 21 февраля 2007 г.* No 01–1/2–06, с. 6.

[1021] *Консультативное Заключение Экономического Суда СНГ о толковании пункта г) статьи 9 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности*, от 20 марта 1992 года от 26 апреля 2014 г. № 01-1/4-13, с. 3.

сохранялся более сложный механизм Минской Конвенции. В этом наглядно проявлялся «евразийский дуализм» и уже упомянутое отсутствие единства в национальном праве стран-участниц, часть из которых разделяла отрасль гражданского процесса на две самостоятельные части (собственно гражданское судопроизводство и судопроизводство по экономическим делам). Последнее развивалось намного быстрее и регулировалось более совершенными нормами, что стало очевидным и при межгосударственном взаимодействии. На наш взгляд, сближение процессуального права должно неизбежно идти в направлении устранения подобного неравенства и любой дискриминации в зависимости от вида судопроизводства. Если на национальном уровне это означает принятие единых процессуальных кодексов, то на международном – заключение одного международного договора, который бы не проводил различий в предоставлении правовой помощи или признании решений в зависимости лишь от субъектов спора (предприниматели или обычные граждане). Это не должно означать, в то же время, невозможности в составе такого единого акта установить определенные различия, которые предопределяются спецификой спора.

Помимо названных договоров сотрудничество стран в процессуальной сфере продолжало осуществляться и на двусторонних началах. Одним из наиболее прогрессивных форм его проявления следует признать заключенное 17 января 2001 г. между Россией и Республикой Беларусь Соглашение о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов РФ и хозяйственных судов РБ.[1022] Данным актом был введен в действие национальный режим исполнения в отношении судебных решений, принятых на их территории.[1023] Акт устанавливал даже более простой порядок исполнения, чем в ранее упомянутых

[1022] Соглашение о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь, заключено в Москве 17 января 2001 г. *Собрание законодательства РФ*, 2003, № 7, ст. 550.

[1023] СОРОКИНА, С.С. *Указ. соч.*, с. 33.

договорах.[1024] Фактически, он основывался на Киевском Соглашении и еще больше развивал его положения. Его недостаток, как и в случае с Киевским Соглашением, состоял в том, что сфера применения была ограничена решениями по хозяйственным делам, более того, принятым только специальными органами – арбитражными (хозяйственными) судами стран-участниц.

Проблемой является и то, что данный двусторонний режим никак не затрагивал остальные государства ЕАЭС (и тем более – остальные страны СНГ), а значит не способствовал сближению и совершенствованию их процессуального законодательства в сфере взаимного признания решений. Двусторонний договор, устанавливающий определенные правила, безусловно, унифицирует отношения между двумя государствами. Однако если речь идет о сотрудничестве с другими странами, то он скорее представляет собой элемент дезинтеграции, поскольку его положения могут вступить в противоречие с нормами иных двусторонних и многосторонних актов, а также противоречить общей логике интеграции.

Говоря о недостатках сложившегося режима международно-договорного сотрудничества в рамках СНГ/ЕАЭС, необходимо отметить, что таковых накопилось немало.

Во-первых, здесь отчетливо проявляются присущие всем международным договорам как форме сближения дефекты. Речь идет о возможности стран заявлять оговорки к соглашениям,[1025] а также в принципе игнорировать необходимость присоединения к ним. Ни в СНГ, ни в ЕАЭС не предусмотрена обязанность участия в тех или иных договорах, в связи с чем страны добровольно берут на себя соответствующие обязательства.[1026]

[1024] МОРЩАКОВА, Т. Новый порядок взаимного исполнения Россией и Беларусью судебных актов по хозяйственным спорам. *Российская юстиция*, 2002, № 12, с. 12.

[1025] САМАТОВ, О.Ж. *Указ. соч.*, с. 150.

[1026] DRAGNEVA, R., KORT, J. The Legal Regime for Free Trade in the Commonwealth of Independent States. *International and Comparative Law Quarterly*, 2007. Vol. 56(2), p. 243.

Кроме того, проблематичным видится внесение в акты поправок, необходимых для совершенствования предусмотренных ими механизмов. Как показал опыт Московского Протокола и Кишиневской Конвенции, далеко не все страны готовы подписывать и ратифицировать измененные версии соглашений.[1027] Отсутствовал в регионе и должный механизм контроля за исполнением государствами заключенных договоров.[1028] Кроме того, в последние годы реформы соглашений о правовой помощи практически сошли на нет: последние изменения предлагались и обсуждались лишь в начале 2000-х годов.[1029]

Некоторые проблемы международного договорного сближения были, впрочем, решены в регионе. Так, в СНГ был создан самостоятельный судебный орган, призванный обеспечивать единообразное применение заключенных в рамках объединения соглашений – *Экономический Суд СНГ*.[1030] Впрочем, как следует из его названия, подведомственны ему были лишь вопросы, касающиеся экономики,[1031] чем существенно снижалось его значение органа «интеграционного правосудия».[1032] Несмотря на это, Суд смог использовать свою компетенцию в более широком объеме, в частности для толкования не только Киевского Соглашения (о *хозяйственных* спорах), но и Минской Конвенции (по общим *гражданским* делам).[1033] При этом часть решений Суда действительно развивала положения заключенных соглашений и снимала противоречия. В любом случае,

---

[1027] ЛИТВИНСКИЙ, Д.В. Новый «формат» Брюссельских правил, регулирующих признание и исполнение судебных решений между государствами ЕС. *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2004, № 3, с. 350.

[1028] *Современное международное частное право в России и Евросоюзе (монография, книга I)*. Под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицина-Светланова и А. Трунка. Москва: Норма, 2013, с. 77-78.

[1029] БЫКОВА, Е.В. *Указ. соч.*, с. 40.

[1030] *Устав СНГ*, ст. 32; Положение об Экономическом Суде СНГ от 6 июля 1992 г. *Бюллетень международных договоров*, 1993, № 9.

[1031] Положение об Экономическом Суде СНГ от 6 июля 1992 г. *Бюллетень международных договоров*, 1994, № 9.

[1032] КАШИРКИНА, А.А.; МОРОЗОВ, А.Н. *Россия, Евразийский экономический Союз и Всемирная торговая организация*. Москва: Инфра-М, 2014, с. 114.

[1033] *Интеграционное правосудие: сущность и перспективы*. Отв. ред. С.Ю. Кашкин, Москва: Норма, 2014, с. 24; ШИНКАРЕЦКАЯ, Г.Г. Суд СНГ – не судебной учреждение? *ЭЖ-Юрист*, 2005, № 42.

обращаться с заявлением о толковании соответствующих положений могли лишь государства, органы и институты СНГ, но не частные заявители. Не была доступна и процедура косвенного обращения, сходная с преюдициальными запросами в судебной системе ЕС.

Во-вторых, принятые в регионе акты по своему содержанию касались лишь вопросов МЧП/МГП (т.е. той стадии процессуального сотрудничества, которую страны ЕС проходили еще в 1968-1999 гг.). Хотя мы и указывали в предшествующих главах о том, что такие акты также следует считать относящимися к инструментам унификации и гармонизации национального права, нельзя не согласиться с тем, что их потенциал заметно меньше, чем у актов с «субстантивным» содержанием. Последние могли бы заметно поспособствовать странам СНГ в проведении необходимых реформ на первых этапах независимости и не позволили бы им стать слишком противоречивыми. Более того, в условиях не столь большого по числу участников и однородного по правовым механизмам сообщества достичь сближения в области любых институтов гражданского процесса было бы намного проще. Речь могла идти, в частности, о работе с доказательствами, о регламентации прав сторон, о предоставлении доступа к суду, об электронном правосудии, трансграничных обеспечительных мерах и других значимых проблемах.

Более того, потенциал подобных соглашений был низок еще и потому, что они повторяли достаточно общие и самоочевидные нормы. Они были основаны на старых соглашениях СССР и содержали те же нормы, что и последние. Проблема была и в том, что отсутствовала какая-либо региональная специфика. Аналогичные по содержанию двусторонние договоры заключались и с третьими странами – Прибалтийскими странами, Польшей и пр. Кроме того, многие акты были «открытыми» и вступать в них могли и третьи страны. Это означало, что страны СНГ не придавали большого значения членству в этой организации и не формировали никакого льготного режима. Отчасти

такой режим был сформулирован в Киевском Соглашении, но сфера его применения носила ограниченный характер.

В-третьих, часть актов (Минская, Кишиневская Конвенции) допускает заключение и других соглашений (в т.ч. двусторонних) по аналогичному предмету. В них прямо устанавливается, что их положения не затрагивают прав и обязательств из других международных договоров, участниками которых они являлись или могут стать.[1034] Фактически допускается и даже поощряется заключение иных соглашений на их базе. На практике же это подрывает все возможное единство, а к нормам упомянутых Конвенций заставляет относиться как к диспозитивным, достаточно неубедительным предписаниям, которые в любой момент могут быть преодолены иным актом.

Тесно связана с этим еще одна проблема: обилие актов по одним и тем же вопросам. И Минская, и Кишиневская Конвенции, и Киевское Соглашение касаются порядка совершения одних и тех же процессуальных действий, однако отличаются по содержанию (а также по кругу участников).[1035] Поскольку все они так или иначе сохраняют силу, заинтересованные лица рискуют потеряться в обилии действующих многосторонних и двусторонних актов, которые должны регулировать их правоотношение.

В-четвертых, многие соглашения имеют пробелы, требуют для своего эффективного функционирования детализации или дополнения другими нормами. Так, ни Минская Конвенция, ни Киевское Соглашение не разъясняют, в каком порядке должно происходить извещение сторон в трансграничных делах.[1036] Вместе с тем в Евросоюзе аналогичному вопросу было посвящено целых два принятых в разное время Регламента. Данный вопрос является крайне важным, поскольку все акты признают огромное значение надлежащего извещения стороны о начатом судебном

[1034] *Кишиневская Конвенция*, ст. 118(3).

[1035] *Современное международное частное право в России и Евросоюзе* (книга I). Под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицина-Светланова и А. Трунка. Москва: Норма, 2013, с. 76.

[1036] ЗАЦЕПИНА, Т.Н.; НАГОРНАЯ, Э.Н. *О некоторых проблемных вопросах исполнения иностранных судебных актов в государствах - участниках СНГ*…, с. 313-330.

разбирательстве для защиты ею своих прав.[1037] Даже Экономический Суд СНГ был вынужден высказаться в пользу необходимости принятия специального акта по данному вопросу.[1038] Речь идет о таком извещении, которое бы обеспечивало реальную возможность участия в процессе и защиты своих прав.

Отсутствуют в соглашениях и другие полезные нормы, которые бы существенно облегчили жизнь лицам, вовлеченным в трансграничное правосудие. Так, речь может идти о специальных нормах подсудности, которые бы защищали интересы более слабой стороны в некоторых видах правоотношений (потребительских, трудовых и т.д.), о более детальной проработанности института *lis pendens*, а также о введении специальных правил, касающихся признания и исполнения актов о предварительных и обеспечительных мерах. Последние в настоящее время остаются за рамками Минской Конвенции и Киевского Соглашения, хотя перечень действий, осуществляемых в рамках правовой помощи и был заявлен в них как открытый. В то же время, о возможности признания таких мер говорится в Кишиневской Конвенции,[1039] не устанавливающей, впрочем, никаких специальных норм на данный счет. Не стоит забывать и того, что в этом договоре не принимают участия крупнейшие страны региона. Попытка же дать расширительное толкование всем прочим актам была пресечена Экономическим Судом, установившим, что исполнение обеспечительных мер не является одним из направлений оказания правовой помощи.[1040] В связи с этим представляется возможным и необходимым разработать самостоятельный акт по упомянутому вопросу, либо включить положения по нему в более комплексный акт в сфере правовой помощи.

[1037] *Там же*, с. 316.

[1038] НАГОРНАЯ, Э.Н.; ЗАЦЕПИНА, Т.Н. Значение соотношения соглашений государств-участников СНГ и национального законодательства при исполнении. *Вестник института законодательства Республики Казахстан*, 2015, № 3(38), с. 89.

[1039] *См.: Кишиневская Конвенция*, ст. 54(1)

[1040] *Консультативное Заключение Экономического суда Содружества Независимых Государств о толковании части второй статьи 5 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20 марта 1992 года* от 14 апреля 2014 г. № 01-1/3-13, С. 7-8.

Значимой проблемой остается отсутствие положений о порядке исполнения актов, принятых в порядке упрощенного производства. Речь идет о различных производствах, в ходе которых на основании представленных стороной материалов (зачастую носящих бесспорный характер) суд оперативно и без проведения устного слушания выносит соответствующее решение. В упомянутых договорах ничего не говорится о возможности трансграничного признания и исполнения данных актов. Между тем, в ряде государств введено прямое ограничение на рассмотрение требований в приказном порядке в отношении тех должников, место жительства которых находится за пределами государства суда. Отсутствие возможности признания актов, вынесенных по результатам упрощенных процедур, было официально признано Экономическим Судом СНГ, который указал, что Киевское Соглашение в силу установленных им особенностей предоставления доказательств извещения другой стороны и документов с ходатайством о принудительном исполнении может иметь в виду лишь признание судебных решений, но не иных видов актов (таких как судебный приказ).[1041] Тем самым, приходится констатировать, что в СНГ/ЕАЭС отсутствует как вид трансграничное упрощенное производство, а многие решения (в особенности, по крупным коммерческим спорам) оказываются действительными только в границах одного государства. Между тем, такому объединению как ЕАЭС необходимы процедуры, гарантирующие быстрое и эффективное взыскание, учитывающие при этом права обеих сторон по делу. Нам представляется возможным согласиться с Экономическим Судом в том, что установленные Киевским Соглашением (а равно любым иным договором о правовой помощи СНГ) процедуры не могут решить эти задачи. Для должного признания и исполнения судебных приказов и иных актов, принятых в упрощенном порядке, необходим новый документ, который бы детально

[1041] НАГОРНАЯ, Э.Н. Правовая природа судебного приказа в арбитражном процессе (на основании решения Экономического Суда СНГ от 17 июня 2016 года). *Вестник арбитражной практики*, 2016, № 3, с. 15-18.

регламентировал соответствующую процедуру, а главное – установил бы минимальные стандарты, гарантирующие баланс интересов сторон. Безусловно, наиболее заинтересованы в таком акте должны быть страны ЕАЭС, для которых он является логическим развитием рыночных свобод.

Значительным препятствием на пути к национальному режиму исполнения является и отсутствие унифицированного исполнительного листа, который бы содержал единые реквизиты и имел стандартизированную форму. Как мы знаем, в ЕС к соответствующим Регламентам прилагаются стандартизированные формы предусмотренных ими процессуальных документов (ходатайств, форм ответа, сертификатов итоговых решений и т.д.). Ничего подобного не устанавливается договорами в рамках СНГ.

В-пятых, немало затруднений вызывает ситуация с *публичным порядком*. Совершенно очевидно, что ключевой сферой, вокруг которой строится весь комплекс отношений в сфере трансграничного ГПП, является признание и исполнение зарубежных решений. При этом несмотря на существенную либерализацию соответствующих режимов в ряде инструментов, принятых в тех или иных рамках, практически каждый из них сохраняет определенные нормы, которые говорят, в каких случаях в признании или исполнении может быть отказано.

Среди них наиболее часто встречаются ненадлежащее извещение ответчика, конфликт с другим (уже вступившим в силу) решением, несоблюдение правил о подсудности (в т.ч. об исключительной). Однако самым известным и классическим основанием является противоречие публичному порядку (*ordre public*) государства признания. Данная категория понимается как совокупность основополагающих норм, которые закрепляют устои правопорядка, прописанные в конституциях стран.[1042] Публичный порядок всегда выступает как некий защитный механизм национальной правовой системы и по умолчанию действует

[1042] *Определение Верховного Суда РФ* от 19.08.2008 № 91-Г08-6.

всегда.[1043] Для государств достаточно трудно отказаться от использования подобной оговорки, что не означает фактической невозможности этого. Подобный отказ будет возможен вместе со сближением национальных правовых систем (как в сфере материального, так и процессуального права), которое сделает ненужным обращение к этому защитному механизму.[1044] При этом степень риска для соответствующих систем национального права должна быть крайне незначительной. Как пишет Т. Морщакова, неприемлемо принесение в жертву эффективному сотрудничеству соблюдения фундаментальных норм. Не следует признавать решения, которые потенциально угрожают безопасности и суверенитету государства,[1045] а также грубо нарушают основополагающие права тяжущихся лиц.

Большинство упомянутых соглашений не предусматривает возможности отказа в признании и исполнении на основании оговорки о публичном порядке. В то же время она закреплена в национальном законодательстве всех стран-участниц СНГ. Неясность в вопросе о возможности ее использования в контексте процессуального сотрудничества в рамках Киевского Соглашения послужила поводом обращения с запросом о толковании последнего в Экономический Суд СНГ. Заявитель стремился узнать, носит ли перечень оснований к отказу в приведении исполнения в этом акте (ст. 9) исчерпывающий характер, и возможен ли отказ по иным основаниям, прямо в нем не предусмотренным.

Суд отметил, что Соглашением 1992 г. и последующим Московским Соглашением 1998 г. (а также рядом двусторонних

[1043] DICKSON, A. The Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters (Recast) ("Brussels I bis" Regulation). *Legal Studies Research Paper*, No. 11/58, September 2011, p. 6; КРОХАЛЕВ, С.В. Современная доктрина публичного порядка. *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, № 2, 2002-2003, с. 289.

[1044] КРОХАЛЕВ, С.В. Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. Санкт-Петербург, 2006, с. 53; КРОХАЛЕВ, С.В. *Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. Сравнительное исследование на основе правовых систем России и Франции* (автореферат диссертации кандидата юридических наук), Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2005, с. 9.

[1045] МОРЩАКОВА, Т. *Указ. соч.*, с. 12-13.

договоров) был установлен упрощенный порядок приведения в исполнение судебных решений, что стало возможным благодаря близости правовых систем и стремлению государств к еще более высокому уровню интеграции в сфере экономического судопроизводства.[1046] Суд признал, что перечень оснований к отказу изложен императивным образом, а потому субсидиарное обращение к национальному законодательству невозможно.[1047] Тем самым он не допустил возможности отказа в исполнении зарубежного решения по причине противоречия публичному порядку в системе правоотношений, установленных Киевским Соглашением. Для использования подобного основания Суд посчитал необходимой реформу существующего договора и внесение в него необходимых изменений.

Вместе с тем, выводы Суда не распространялись автоматически на иные акты о сотрудничестве, в частности, на Минскую Конвенцию. Более того, многие из умозаключений, которые использовал Суд (императивный характер перечня оснований к отказу в исполнении, упрощенность режима признания) было и невозможно распространить на нее, поскольку ее нормы заметно отличались от Киевского Соглашения.[1048] Косвенно отсутствие оговорки о публичном порядке подтверждает то, что в тексте Кишиневской Конвенции (являющейся ревизией Минской) ее авторы сочли необходимым специально закрепить ее. Хотя такое включение и может свидетельствовать о начале его действия только с момента вступления в силу Кишиневской Конвенции, полной уверенности в этом быть не может.

Намного важнее то, что далеко не всеми авторами отказ от оговорки оценивается положительным образом. Дело в том, что в СНГ отсутствует собственный правовой *acquis* (общее достояние в области

[1046] *Консультативное заключение Экономического Суда Содружества Независимых Государств «О толковании ст. 9 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20 марта 1992 года»* от 20 июня 2011 года № 01-1/3-10, с. 4.

[1047] *Там же*, с. 7.

[1048] БЕЛОВ, А.П. Исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам. *Право и экономика*, 2002, № 3.

права). Нет здесь и собственного «публичного порядка», который бы составлял общие принципы, на которых основаны правовые системы стран-участниц. Последние ничем, кроме названных выше международных договоров, не унифицируются, а потому говорить о возможности отказа от такого эффективного механизма контроля как проверка зарубежных актов на соответствие собственному публичному порядку пока что преждевременно.[1049] Такой отказ станет возможным только при высокой степени сближения и общности правовых систем стран региона как в сфере материального, так и процессуального права.[1050]

Безусловно, странам необходимо работать в направлении либерализации своего законодательства о взаимном признании решений. Законодательство и правовая политика России и Беларуси может быть близкой, но нет никаких гарантий того, что они останутся таковыми и в дальнейшем. Страны не связывает на данный момент никакой набор общих принципов гражданского судопроизводства, более того, он не существует и в доктринальной области. Все это свидетельствует о том, что странам предстоит еще много работать над построением эффективной системы сотрудничества в сфере ГПП.

В-шестых, нельзя упускать из вида и тот факт, что помимо чисто экономических соображений, странам региона необходимо руководствоваться *логикой прав человека*. В ЕС существует собственная Хартия основополагающих прав – подобный акт необходим и в ЕАЭС.

Впрочем, в 1995 г. в Минске рядом стран СНГ уже был подписан договор, который потенциально мог бы претендовать на роль «билля о правах» для евразийского региона. Речь идет о региональной Конвенции о правах человека и основных свободах (далее – Конвенция СНГ). Процессуальные положения не были забыты ее составителями и представлены, в частности, следующими гарантиями: равенство всех

[1049] СОРОКИНА, С.С. *Указ. соч.*, с. 33-34.
[1050] МОРЩАКОВА, Т. *Указ. соч.*, с. 13.

перед судом, право на справедливое и публичное разбирательство в течение разумного срока независимым и беспристрастным судом, публичное провозглашение решения суда,[1051] а также право на «эффективное восстановление в правах и свободах» в случае их нарушения.[1052]

Наблюдение за выполнением Конвенции было возложено на специальную Комиссию по правам человека СНГ (КПЧ СНГ),[1053] которая не является судебным органом (ни по порядку формирования, ни по характеру деятельности),[1054] а, следовательно, не гарантирует столь же действенных процедур защиты, как ЕСПЧ. Компетенция Комиссии носит ограниченный характер и от нее едва ли можно ожидать столь продуктивного участия в сближении права, как это имело место с ЕСПЧ.

Кроме того, многими исследователями данный акт оценивается как менее удачный (в сравнении с ЕКПЧ), поскольку большая часть его норм устанавливает не столь совершенный стандарт защиты. Так, право на гласность судебного разбирательства по Европейской Конвенции может быть ограничено в интересах национальной безопасности в демократическом обществе, тогда как Конвенция СНГ в качестве подобного основания использует термин «государственная тайна», который является менее определенным и полностью зависящим от усмотрения стран-участниц.

В-седьмых, главным недостатком для ЕАЭС остается то, что рассмотренные выше инструменты являются актами другой организации (СНГ), а потому не учитывают особенностей и потребностей нового объединения. Действующие международные договоры являются актами другой временной эпохи и иного целевого назначения. Совершенно очевидно, что структура и содержание договоров о судебном

[1051] Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека от 26 мая 1995 г. *Собрание законодательства РФ*, 1999, № 13, ст, 1489 (ст. 6(1)).

[1052] *Там же*, ст. 19.

[1053] *Там же*, ст. 34.

[1054] ЗЕНИН, А.А. Консультативные заключения Европейского Суда по правам человека и Протокол № 16 к Конвенции (к истории вопроса). *Российский ежегодник конвенции по правам человека*, 2015, вып. 1, Москва: Статут, с. 398.

сотрудничестве в рамках ЕАЭС должна отличаться от той, что была представлена в СНГ.

В то же время в нынешнем ЕАЭС (как и в его предшественнике – ЕврАзЭС) не было принято никаких собственных договоров о правовой помощи или о других аспектах гражданского процесса и не было заявлено никаких намерений на этот счет.[1055]

Ситуация в регионе еще менее стабильна и предсказуема, чем в СНГ. На страны не возлагается никаких обязательств по сотрудничеству в процессуальной сфере. Фактически, они могут прекратить свое участие в существующих договорах о правовой помощи, не принимать их обновленных версий и не участвовать в их разработке, при этом не существует никаких способов влияния на их позицию. Это контрастирует с ситуацией в ЕС, где существует сложившееся *acquis communautaire*, к которому относилась в том числе, и Брюссельская Конвенция и которое было обязательно для каждого вновь вступающего в Союз государства.[1056] Нечто подобное требуется и в рамках ЕАЭС.

Данной организации необходим собственный международный договор, который бы стал «специальным соглашением» в значении, предусмотренном Минской Конвенцией.[1057] При этом Минская и Кишиневская Конвенции продолжат действовать в их отношениях с третьими странами (в т.ч. с государствами-членами СНГ, не вступившими в ЕАЭС). Такой отдельный договор необходим по ряду причин. *Во-первых*, необходимо постепенное совершенствование норм. Те, что имеются сейчас, были приняты десятилетия назад и в совершенно иных политических, экономических и правовых условиях. *Во-вторых*, странам ЕАЭС действительно необходим собственный подход к институтам подсудности и признания решений, который учитывал бы

[1055] КОШЕЛЬ, А. Политические детерминанты евразийской интеграции. *Международная жизнь*, 2014, № 11, с. 42.

[1056] MILLER, V. *The EU's acquis communautaire* [interactive. Accessed on: 14.03.2016]. Access via Internet: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN05944/SN05944.pdf>; БОКЕРИЯ, С.А. Институциональное развитие Европейского Союза. *Вестник РУДН. Сер. Международные отношения*, 2008, № 3, с. 61.

[1057] *Минская Конвенция*, ст. 82.

особенности формируемых Единого Экономического Пространства и Таможенного Союза. В этой связи необходимы отдельные специальные нормы, которые не могли найти закрепления в Минском договоре. Речь идет, например, об урегулировании в документе вопросов подсудности в делах с участием потребителей, в трудовых спорах[1058] и способов защиты прав в сфере интеллектуальной собственности на пространстве Союза. *В-третьих*, требуется проработка более действенных порядков совершения многих процессуальных действий, уже частично отраженных в Соглашении между Россией и Беларусью. Модель упомянутого договора представляется возможным распространить и на другие страны ЕАЭС. *В-четвертых*, объединение не должно забывать и о необходимости гарантирования прав человека и обеспечения действия всех современных принципов правосудия. В этой связи вполне могут быть приняты отдельные акты и даже (по аналогии с ЕС) – Хартия основополагающих прав ЕАЭС, включающая в себя и процессуальные права.

Все это должно привести к тому, что ЕАЭС из бюрократизированной интеграционной структуры станет больше походить на подлинный наднациональный союз, в котором субъектам (в т.ч. из третьих стран) гарантируются прозрачные, современные и справедливые нормы в области судопроизводства.

При этом нет нужды говорить об отсутствии у ЕАЭС специально закрепленной компетенции по принятию договоров в сфере судебного сотрудничества, поскольку она, безусловно, принадлежит его странам-участницам (сохраняющим полный суверенитет в этом вопросе), а ее реализация зависит от их добросовестности и осознания перспектив подобного инструмента.[1059]

Что же касается «стареющего» Содружества, то и этому объединению нужны свежие акты в сфере судебного сотрудничества. Поскольку акты о правовой помощи здесь достаточно распространены и

[1058] ГОЛОВИНА, С.Ю.; ЛЮТОВ, Н.Л. *Указ. соч.*, с. 122-123.

[1059] БРАНОВИЦКИЙ, К.Л. *Тенденции развития гражданского судопроизводства на Евразийском пространстве*…, с. 62.

известны, то новый акт вполне мог бы продолжить традицию. Было бы оптимальным, если бы он взял все лучшее от Минской и Кишиневской Конвенций, а также учел позитивный опыт Киевского и Московского Соглашений. В итоге это был бы единый акт о правовой помощи по всем частноправовым спорам, как хозяйственным, так и сугубо гражданским. Подобный акт мог бы стать евразийским аналогом *Луганской Конвенции* в том смысле, что он бы касался взаимодействия стран ЕАЭС с другими странами-членами СНГ, тогда как для внутрикоммунитарных целей первые могли бы предусмотреть более либеральные режимы.

(2) Наднациональное правотворчество. По сравнению с предыдущим механизмом сближения наднациональное правотворчество играет весьма незначительную роль в евразийском регионе. Начать следовало бы с того, что в СНГ оно не было известно в принципе: объединение строилось на началах «суверенного равенства всех его членов», которые оставались самостоятельными субъектами международного права. Чтобы и после этого ни у кого не оставалось сомнений относительного его статуса, в Уставе особо оговаривалось, что «Содружество не является государством и не обладает наднациональными полномочиями».[1060] Соответственно, все принимаемые решения оформлялись либо международными соглашениями, либо неформальными декларациями.

К моменту формирования ЕАЭС представители региона уже имели представление о «наднациональности» (главным образом за счет изучения права ЕС), однако никакого единства относительно ее трактовки или необходимости применения в новом объединении достигнуто не было.[1061] Первоначально органы, имеющие возможность принимать обязательные для государств решения, появились в ЕврАзЭС

[1060] *Устав СНГ*, ст. 1.

[1061] *См.* МЫСЛИВСКИЙ, П.П. Признаки и определение понятия «наднациональная международная организация». *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 2015, № 6(1), с. 364-365; ДОРСКАЯ, А.А.; ДОРСКИЙ, А.А. Международные интеграционные организации и проблема формирования наднационального права. *Юридическая наука*, 2016, № 4, с. 106.

(предшественнике ЕАЭС), но сфера их компетенции ограничивалась вопросами таможенного и внешнеторгового права, а также защитой промышленного производства.[1062]

В нынешнем Договоре о ЕАЭС прямо указывается, что право Союза формируют не только международные договоры, но и акты, принимаемые его институтами – Высшим Евразийским экономическим советом, Евразийским межправительственным советом и Евразийской экономической комиссией.[1063] Такие акты принимаются в форме решений и распоряжений, но нормативными являются только первые из них. При этом они подлежат исполнению в порядке, который устанавливается национальным законодательством стран-участниц.

Несмотря на явный прогресс по сравнению с предшествующим периодом интеграции, наглядно видно, что наднациональное законодательство в настоящий момент не может стать действенным инструментом сближения процессуального права. *Во-первых*, само положение наднациональных актов еще не является в должной мере устоявшимся в национальных правовых системах. Недостаточно развиты доктрины *верховенства* и *прямого действия*: так, большинство национальных конституций не устанавливает приоритета наднациональных актов перед внутренними.[1064] Это приводит к отсутствию определенности относительно их статуса[1065] и не гарантирует безусловного приоритета.[1066]

[1062] КОПИНА, А.А. О перспективах наднационального регулирования налоговых отношений в Евразийском экономическом союзе. *Налоги*, 2016, № 24, с. 15-17; НЕШАТАЕВА, Т.Н. Интеграция и наднационализм. *Вестник Пермского университета (юридические науки)*, 2014, № 2, с. 245.

[1063] *Договор о ЕАЭС*, ст. 6.

[1064] KARALIUK, M. Russian Legal Order and the Legal Order of the Eurasian Economic Union: an Uneasy Relationship. Russian Law Journal, 2017, Vol. 5(2), p. 12; ДАНИЛОВ, Н.А. Проблемы гармонизации национальных законодательств государств-участников Евразийского экономического сообщества. *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*, 2011, № 1(4), с. 110-111.

[1065] ПИМЕНОВА, О.И. Наднациональная правовая интеграция на евразийском пространстве: анализ реалий и оценка возможностей использования опыта Европейского союза. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2014, № 5, с. 24.

[1066] ДАНИЛОВ, Н.А. *Проблемы гармонизации национальных законодательств*..., с. 116.

Во-вторых, органы самого ЕАЭС не в достаточной мере обособлены от соответствующих государств, чтобы признать их подлинно «наднациональными». Главный орган Союза (Высший Совет) состоит из лидеров соответствующих государств. При этом небольшое количество участвующих стран (на данный момент их 5) не позволяет говорить о действительной автономности этого института – на практике члены Высшего Совета преследуют интересы собственных стран, а их взаимодействие не отличается от традиционного международного сотрудничества. Представительный же орган (подобный Европейскому Парламенту) в ЕАЭС отсутствует, что ведет к недемократичности принимаемых решений и оторванности их от интересов частных лиц. Кроме того, в ЕАЭС отсутствует и институт гражданства этого объединения, что лишает его политической и социальной составляющей, ставя во главу угла лишь экономическое сотрудничество (что наглядно следует и из его названия).

В-третьих, у стран региона по-прежнему сохраняются предубеждения относительно «более тесной интеграции» в таких областях как гражданское судопроизводство. [1067] Несмотря на то, что ст. 5 Договора предусматривает возможность распределения компетенции между ЕАЭС и его странами-членами, ни в ней самой, ни в других соглашениях не предусматривается каких-либо полномочий в области гражданского судопроизводства, подлежащих осуществлению органами ЕАЭС или совместно странами-участницами.[1068] Безусловно, полномочия могут быть не только прямо закрепленными, но и *подразумеваемыми*. Так, многие из направлений правовой политики Союза (конкуренция, трудовая миграция, право интеллектуальной собственности, защита прав потребителей), имеющие процессуальную составляющую, могли бы эффективно регулироваться наднациональными актами. В настоящее

[1067] КОЗЫРИН, А.Н. Пределы наднационального регулирования в Едином экономическом пространстве ЕврАзЭС. *Реформы и право*, 2013, № 3, с. 6-7; ПИМЕНОВА, О.И. *Указ. соч.*, с. 23-24.

[1068] КОТОВА, Н.Е. Евразийский экономический союз: совершенствование нормативно-правовой базы. *Вестник Финансового университета*, 2016, № 5(95), с. 131.

время отдельные нормы содержатся в самом Договоре (например, о национальном режиме доступа в суд для всех потребителей[1069]), либо отнесены к сфере «сотрудничества государств-членов», что свидетельствует о сознательном отказе от регулирования их актами Союза. Любое потенциальное расширение ЕАЭС собственной компетенции может повлечь негативную реакцию со стороны участников объединения.[1070] Кроме того, использование отдельных, слабо связанных друг с другом «базисов» для принятия процессуальных актов будет приводить к той же проблеме, что в ЕС связана с применением ст. 114 – к отсутствию системности и к слабой связанности таких актов между собой.

В этой связи единственным верным шагом представляется реформирование первичного права ЕАЭС с наделением органов объединения правом принимать наднациональные акты в сфере судебного сотрудничества по гражданским делам. Это будет особенно актуально в случае расширения числа участников объединения, когда наиболее сложные и актуальные вопросы уже нельзя будет эффективно решать за столом межгосударственных переговоров. В настоящее же время феномен наднационального регулирования в Союзе находится в стадии становления: требуется как принятие его возможности всеми странами-участницами, так и включение в первичное право нормотворческой компетенции в столь важных областях, как ГПП.

(3) Судебное правотворчество. Как уже указывалось нами в первом разделе, существенную роль в сближении права в рамках той или иной организации играют особые «интеграционные суды», которые имеют полномочия не только разрешать дела по индивидуальным обращениям, но и становиться активными творцами права, что особенно актуально при лаконичности формулировок учредительных договоров и

[1069] *Договор о ЕАЭС*, ст. 60(2).
[1070] КОЗЫРИН, А.Н. *Указ. соч.*, с. 8.

невозможности создателей организации предусмотреть варианты регулирования на все случаи жизни.[1071]

Собственные судебные органы были созданы как в СНГ, так и в ЕАЭС. В случае с первым объединением это *Экономический Суд СНГ*, образованный на основании Устава[1072] как для рассмотрения споров между государствами-участниками, так и для обеспечения единообразия права данного объединения.[1073] Мы уже отмечали, что его компетенция была ограничена хозяйственными спорами,[1074] несмотря на то, что само СНГ занималось не только вопросами экономической интеграции. К другим негативным особенностям следует отнести ограниченный круг лиц, которые могли стать субъектами обращения в Суд. К ним относились высшие органы власти и управления государств, институты самого СНГ, а также верховные суды (разрешающие в государствах-участниках экономические споры), но не частные лица.[1075] Кроме того, Суду не была известна и конструкция преюдициального запроса (при помощи которой в ЕС в значительной мере и происходило судебное правотворчество).[1076] Суд мог выносить лишь «консультативные заключения», которые не носили обязательного характера. К недостаткам стоит отнести и неопределенность со статусом судебных актов. В СНГ отсутствовал механизм исполнения итоговых решений Суда, что

[1071] GALIAKBEROV, A.; ABDULLIN, A. Theory and practice of regional integration based on the EurAsEC model (Russian point of view). *Journal of Eurasian Studies*, 2014, Vol. 5, p. 117; КОЖЕУРОВ, Я.С. Перспективы взаимоотношений Европейского суда по правам человека и Евразийского экономического союза. *Актуальные проблемы российского права*, 2015, № 11, с. 190; БЕЗБАХ, В.В., БЕЛИКОВА, К.М. Европейский Суд Правосудия: общая характеристика и значение принципов, закрепляемых им в области правового регулирования отношений в сфере гражданского и торгового оборота. *Адвокат*, 2012, № 2, с. 71-72.

[1072] *Устав СНГ*, ст. 32.

[1073] Соглашение о статусе Экономического суда СНГ. Заключено в г. Москве 06 июля 1992 г. *Бюллетень международных договоров*, 1994, № 9, п. 1; МАЛАШКО, А.П. К вопросу о компетенции Экономического Суда СНГ в условиях реализации положений Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. *Евразийский юридический журнал*, 2014, № 2, с. 37.

[1074] Положение об Экономическом Суде СНГ от 6 июля 1992 г. *Бюллетень международных договоров*, 1994, № 9.

[1075] Регламент Экономического Суда СНГ. Утвержден 5 июля 1994 г. Постановлением Пленума Экономического Суда СНГ. *Закон*, 1994, № 11 (п. 13.1); ИСПОЛИНОВ, А.С. Первое решение Суда ЕАЭС: ревизия наследства и испытание искушением. *Российский юридический журнал*, 2016, № 4, с. 85.

[1076] KARALIUK, M. The Limits of the Judiciary within the Eurasian Integration Process. *Basic Research Programme Working Papers, Series: Law*, WP BRP 69/LAW/2016, p. 5.

означало фактическую возможность государств игнорировать те из них, которые не отвечали их интересам.[1077]

Всевозможные предложения о расширении компетенции Экономического Суда, в том числе связанные с отнесением к его ведению дел, затрагивающих частных лиц, и с возможным преобразованием его в «Суд Справедливости СНГ»[1078] не находят поддержки у государств-участников этого объединения (часть из которых даже не ратифицировала само Положение о Суде).

Несмотря на отмеченные недостатки, Экономический Суд действительно стал авторитетным органом СНГ. Он не был столь активен, как Суд ЕС, но смог расширительно истолковать свою ограниченную компетенцию, признав, в частности, интерпретационную юрисдикцию не только над Киевским Соглашением (по хозяйственным спорам), но и над Минской Конвенцией (которая была «общегражданской»). Выше мы уже отмечали важнейшие дела Суда, в которых он смог устранить пробелы в действующих процессуальных соглашениях СНГ. Так, он прояснил порядок исполнения зарубежных решений по Киевскому Соглашению, извещения ответчика в трансграничном споре, вопрос о возможности признания и исполнения обеспечительных мер и судебных приказов и т.д.[1079] Авторами отмечается, что в целом около 7% всех запросов в Экономический Суд касались именно вопросов процессуального сотрудничества государств,[1080] что можно считать достаточно высоким показателем для такого многогранного объединения как СНГ. При этом толкования, сделанные в разное время Экономическим Судом, учитывались как

[1077] LIPPOTT, J. *Op. cit.*, p. 345; PETROV, R. *Op. cit.*, p. 635.

[1078] DANILENKO, G. The Economic Court of the Commonwealth of Independent States. *New York University Journal of International Law and Politics*, 1998-1999, Vol. 31, p. 914-915.

[1079] См. *Решение Экономического Суда СНГ от 21 февраля 2007 г.* No 01–1/2–06; *Консультативное Заключение Экономического суда Содружества Независимых Государств о толковании части второй статьи 5 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20 марта 1992 года* от 14 апреля 2014 г. № 01-1/3-13; *Решение Экономического Суда СНГ от 17 июня 2016 г.* № 01–1/1–16.

[1080] КАМЕНКОВА, Л.Э. Экономический Суд СНГ как гарант обеспечения принципа доступности международного правосудия на пространстве Содружества. *Международное правосудие в XXI веке*. Под ред. Т.Н. Михалевой, Минск: Бизнесофсет, 2016, с. 173.

органами СНГ, так и государствами-участниками. Известны случаи, когда их принимали во внимание и высшие судебные органы государств-участников.[1081]

В ЕАЭС собственный Суд начал деятельность в 2015 г. Его задача также состоит в обеспечении единообразного применения права Союза. Данный Суд отличает возможность доступа к нему и со стороны непубличных субъектов, однако к таковым относятся только «хозяйствующие субъекты», т.е. юридические лица и индивидуальные предприниматели. При этом обращаться они могут лишь по делам, затрагивающим их интересы. Возможность обращения с преюдициальным запросом в объединении также отсутствует.[1082] Вместе с тем, конструкция преюдициального запроса была известна в ЕврАзЭС, хотя и не пользовалась большой популярностью, будучи задействованной лишь однажды.

Полномочия Суда ограничиваются и иным образом. Так, в его Статуте прямо указывается на то, что Суд не имеет права создавать новые полномочия для институтов ЕАЭС вдобавок к тем, что уже предоставлены тем учредительными договорами.[1083] В этой связи крайне сложно представить, чтобы Суд смог «отыскать» в общих нормах положения, дающие Союзу компетенцию принимать акты, гармонизирующие или унифицирующие национальные отрасли ГПП.[1084] Маловероятно и то, что сам Суд будет продвигать идеи сближения в этой сфере, как это имело место в ЕС, где Судом использовались доктрины «эффективности» и «эквивалентности». Из этих обстоятельств, а также из общего анализа компетенции Суда ЕАЭС следует, что это главным образом административный, а не конституционный трибунал, призванный решать конкретные конфликты между субъектами

[1081] *Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере зоны свободной торговли и Таможенного союза ЕврАзЭС).* Под ред. В.Ю. Лукьяновой, Москва: Анкил, 2012, с. 198.

[1082] КОЖЕУРОВ, Я.С. *Перспективы взаимоотношений Европейского суда по правам человека и Евразийского экономического союза*..., с. 189-190.

[1083] *Статут Суда ЕАЭС*, п. 42.

[1084] KARALIUK, M. *Op. cit.*, p. 17.

интеграции, а не формулировать общие правила. Его развитие будет идти параллельно с эволюцией самого ЕАЭС и, несомненно, будет требовать расширения компетенции путем внесения необходимых изменений в учредительные акты организации.

(4) Ненормативное сближение. В отсутствие на пространстве СНГ/ЕАЭС полноценного наднационального регулирования и неразвитости судебного нормотворчества вторым по значимости и распространенности способом правового сближения является разработка и принятие модельных актов, которые иногда в евразийской доктрине называют также «рекомендательными актами» или «типовыми законами».[1085] Данный способ сближения несомненно следует отнести к категории *ненормативных*. Специфика региона проявляется в том, что принятие таких актов относится здесь к компетенции специально созданных институтов. В Содружестве к таковым относится Межпарламентская Ассамблея (МПА), образованная в 1992 г. и являющаяся, согласно Уставу СНГ, одним из основных органов этого объединения.[1086] Кроме того, аналогичный по составу орган был в составе ЕврАзЭС до его преобразования в ЕАЭС. В ныне существующем объединении подобного органа не предусматривается, что, несомненно, следует считать большим упущением его создателей.

Статус обоих органов определялся специально принятыми актами об их деятельности – Конвенцией о Межпарламентской Ассамблее СНГ 1995 г.[1087] и Положением о Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС.[1088] Рассмотрим более детально первый из упомянутых органов, поскольку

[1085] Протокол Консультативного Совещания Председателей Верховных Советов (Парламентов) Содружества Независимых Государств от 27 марта 1992 года «О подготовке рекомендательных законодательных актов (модельных) государств - участников Содружества независимых государств». *Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ*, 1992, № 1, с. 76.

[1086] *Устав СНГ*, ст. 36-37; DRAGNEVA, R. Is Soft Beautiful – Another Perspective on Law, Institutions, and Integration in the CIS. *Review of Central and East European Law*, 2004, Vol. 29(3), p. 300.

[1087] Конвенция о Межпарламентской Ассамблее государств-участников СНГ от 26 мая 1995 г. *Собрание законодательства РФ*, 1996, № 50, ст. 5611.

[1088] *Положение о Межпарламентской Ассамблее Евразийского экономического сообщества* от 13 мая 2002 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 21.07.2016]. Доступ через Интернет: <http://www.evrazes.com/docs/view/15>.

его заслуги в области модельного процессуального законотворчества более очевидны и наглядны.

МПА СНГ представляет собой консультативный совет, предназначенный для обсуждения вопросов и рассмотрения проектов документов, имеющих общий интерес. В числе ее полномочий – принятие рекомендаций по сближению законодательств государств-участников и типовых (модельных) законодательных актов, а также рекомендаций по синхронизации процедур ратификации парламентами стран СНГ соглашений, заключенных в рамках Содружества, содействие обмену правовой информацией между государствами СНГ.[1089] Модельные законы и рекомендации МПА адресуются высшим законодательным органам стран-участниц. Их статус определяется специальным Положением о разработке модельных законодательных актов и рекомендаций МПА от 14 апреля 2005 г. Такие акты, не являясь нормативно обязательными, представляют собой результат обобщения наиболее передового опыта, и призваны стать авторитетным источником и информационным ресурсом.[1090] Это представляется возможным, поскольку в их разработке и принятии участвуют высококвалифицированные специалисты и научные работники из разных стран СНГ, а также приглашенные зарубежные специалисты.

Благодаря данным полномочиям у МПА имеется возможность устранять противоречия между актами, которые принимаются в СНГ, и национальным законодательством. Именно развитие модельных законов является, по мнению некоторых авторов, способом реальной интеграции в рамках СНГ. Вместе с тем, процедура принятия модельных актов в МПА достаточно сложна и далеко не каждый проект, зарождающийся в

[1089] Конвенция о Межпарламентской Ассамблее государств-участников СНГ от 26 мая 1995 г. *Собрание законодательства РФ*, 1996, № 50, ст. 5611 (ст. 4).

[1090] ZVEREV, A. *Op. cit.*, p. 501.

ее недрах, имеет шанс пройти все этапы и быть принятым в окончательном виде.[1091]

Ассамблея принимает разные по содержанию и объему акты. Среди ее проектов есть немало таких, которые носят кодифицированный характер. Как отмечает Ю.А. Тихомиров, использование кодексов является оправданным, поскольку они «отражают концентрированный опыт лучших образцов регулирования и правоприменения в тех или иных странах».[1092] Вместе с тем, МПА принимает и немало обычных отраслевых модельных законов.

Деятельность Ассамблеи, принявшей за годы своего существования более 200 модельных законов и 20 рекомендаций, в целом оценивается положительно.[1093] Отмечается, что многие из принятых ей актов стали основой соответствующих национальных законов (как, в частности, случалось с Модельным гражданским кодексом).[1094] Не будучи обязательным сам по себе, он существенно повлиял на структуру и содержание частного права постсоветских государств.[1095]

Поскольку модельные акты зачастую оказываются эффективнее там, где не справляются нормативно-обязательные инструменты, целесообразно рассмотреть потенциал сближения ГПП стран-участниц СНГ/ЕАЭС при помощи актов, разработанных и принятых Ассамблеей.

Гражданскому процессу практически не уделялось внимания в первые годы деятельности Ассамблеи. Лишь в конце 1999 г. была озвучена идея о необходимости начала работы над *Модельным Кодексом гражданского судопроизводства*.[1096] При этом было учтено стремление

[1091] КРАСУХИНА, Ю.Б. Государственная Дума РФ и модельные акты Межпарламентской Ассамблеи СНГ. *Знание. Понимание. Умение*, 2006, № 3, с. 212; ТИУНОВ, О.И. Об особенностях развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве. *Журнал российского права*, 2012, № 8, с. 93.

[1092] ТИХОМИРОВ, Ю.А. Новые векторы регулирования – «другое» право? *Журнал российского права*, 2016, № 4, с. 10-11.

[1093] КРАСУХИНА, Ю.Б. *Указ. соч.*, с. 210.

[1094] БОГУСТОВ, А.А. Проблемы взаимодействия модельного и национального гражданского законодательства стран СНГ. *Российская юстиция*, 2012, № 3, с. 21.

[1095] *Современное международное частное право в России и Евросоюзе*…, с. 110.

[1096] Постановление МПА СНГ «О Концепции и Структуре модельного Кодекса гражданского судопроизводства для государств-участников СНГ» от 16 июня 2003 г. № 21-6

законодательных и судебных органов, научных юридических учреждений привести объединенными усилиями национальные законы в соответствие с современными социально-экономическими реалиями, процессуальной доктриной, коллизионным правом и практикой международных судов. В качестве цели будущего акта была заявлена адаптация к современным социально-экономическим отношениям, процессуальной доктрине и новым международным стандартам демократизации правосудия.[1097] Модельный Кодекс призван был решить сразу две задачи: сохранить ту схожесть в подходах к регулированию процесса, что уже существовала между странами СНГ, и не допустить новых расхождений, а уже во вторую очередь ввести в действие новые нормы и институты.

На практике дело ограничилось лишь проведением нескольких научных конференций и подготовкой двух документов: *Концепции* и *Структуры* запланированного акта.[1098] Первая касалась истории вопроса, раскрывала текущее положение дел и обосновывала необходимость соответствующих изменений. Концепция была достаточно значимой по объему и детально поясняла те положения, что подлежали включению в состав будущего Кодекса, в связи с чем ее можно признать примером масштабной доктринальной работы. В ней содержались важные и ценные идеи: о необходимости доступного правосудия, о возможности обжалования решений, о гарантировании исполнения судебных актов для того, чтобы обеспечить законность и правопорядок в каждом из государств Содружества. Она предлагала решить вопросы с бесплатной юридической помощью, с определением целей и функций судопроизводства, а также нормативно закрепить множество новых принципов. Вместе с тем, она не содержала конкретных норм, которыми

[электронный ресурс. Дата доступа: 09.12.2016]. Доступ через Интернет: <http://docs.cntd.ru/document/901883015>.

[1097] САЕНКО, А.В. *Принципы международного гражданского процесса*: автореферат диссертации кандидата юридических наук. Москва: РУДН, 2013, с. 25.

[1098] Концептуальный проект структуры модельного кодекса гражданского судопроизводства для стран СНГ. В: *СНГ: реформа гражданского процессуального права*. Москва: Городец, 2002, с. 213-248.

могли бы воспользоваться страны-участницы для имплементации их в собственное законодательство.

Более детального внимания заслуживает Структура. Она предусматривала включение в будущий Кодекс 10 разделов, 71 главы и в общей сложности 1131 статьи,[1099] что авторы проекта рассматривали как несомненное достижение. По их мнению, только такой объем мог бы позволить детально урегулировать все основные положения отрасли – от целей, задач и общих принципов до исполнения решений.[1100] Безусловно, столь тщательное регулирование в идеале существенно облегчало для стран СНГ разработку собственных кодексов и процессуальных норм. Но мы не должны забывать, что «модельный» статус акта означает отсутствие у него какой-либо принудительной силы. Государства вправе перенести его содержание полностью или в части в свое национальное законодательство, а могут полностью его проигнорировать. Является очевидным, что чем больше в акте нормативного материала, тем выше вероятность того, что страны не будут реализовывать его в полном объеме, допуская различные отступления. Мы уже отмечали в первом разделе, что модельное нормотворчество в силу своей специфики позволяет принимать большие по объему акты. Однако такая возможность не должна пониматься как обязательная необходимость модельного акта быть комплексным по содержанию. Если мы сравним проект Модельного кодекса с инструментом сближения иного временного периода – Основами гражданского судопроизводства СССР 1961 г., то увидим, что последний был куда меньше по объему, включая лишь самые ключевые положения (но применительно ко всем институтам отрасли). При этом Основы, хотя и были нормативно обязательным документом, могли позволить себе и больший объем, благодаря наличию у советского государства ресурсов и механизмов понуждения к их реализации. Вместе с тем их создатели все же высказались в пользу

[1099] *См.* МАЛЕШИН, Д.Я. *Наследие Судебной реформы 1864 г.* …, с. 16.

[1100] ЛАПИН, Б.Н. О проблемах реформирования гражданского судопроизводства в странах Содружества Независимых Государств. *Правоведение*, 2000, № 4, с. 144-145.

лаконичности, что явно нехарактерно применительно к рассматриваемому проекту.

Положительно следует оценить то, что в Модельном кодексе предлагалось установить глоссарий (общее значение используемых правовых терминов) и перечень принципов судопроизводства (с раскрытием их значения).[1101] Применительно к первому следует отметить, что он является весьма важной частью акта, направленного на гармонизацию национального права, поскольку без единого подхода к терминологии будет сложно достичь единства и в других областях. При этом значение терминов должно быть определенным, понятным и кратким, без лишних отсылок к иным актам. Хотя государства могут и проигнорировать определения, содержащиеся в Кодексе, смысла в этом не будет при положительном решении о его принятии в целом, поскольку отступление от используемой терминологии будет подрывать его системной единство. Что же касается принципов судопроизводства, то на наш взгляд, речь должна идти о «нейтральных» (неидеологизированных) принципах, которые характерны для большинства развитых демократических государств и нашли закрепление в таких авторитетных источниках как Европейская Конвенция о правах человека.[1102]

Вопросы международной подсудности и общие правила о работе с доказательствами, о представительстве (особенно в контексте стандартов предоставления доступа к правосудию) также вполне правомерно нашли свое место в числе предлагаемых статей. Их включение позволило бы «мягким» путем ввести в право стран СНГ весь тот комплекс норм, что в Евросоюзе был закреплен посредством действующих в настоящее время Регламентов.[1103] В равной мере это можно сказать и о закреплении единой формы обращения в суд, вручения документов, содержания

[1101] ВОРОНОВ, А.Ф. *Гражданский процесс: эволюция диспозитивности*. Москва: Статут, 2007, с. 17.

[1102] БУЧАКОВА, М.А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод в системе источников российского права. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*, 2014, № 3, с. 150.

[1103] ХЕСС, Б. Европейский судебный приказ – модель для модернизации национального права. *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2011, № 9, с. 494-495.

протоколов, поскольку именно унификация этих вопросов способствует целям сближения права – снятию неопределенности и повышению уверенности в судопроизводстве за рубежом.[1104] Образцы соответствующих форм могли бы быть помещены в приложении к тексту Модельного Кодекса.

Вместе с тем, не совсем верным нам представляется навязывание странам определенного видения гражданского правосудия, в том числе его доминирующей модели (типа). Излишними кажутся, в частности, вопросы организации судебной власти, а также попытка установить «особенную часть» гражданского процесса, которая бы включала в т.ч. дела особого производства, которые не имеют, в сущности, частноправовой природы и не составляют сути гражданского судопроизводства как такового. Как было указано зарубежными авторами, гармонизация и унификация в сфере гражданского судопроизводства не должна затрагивать вопросы судоустройства и компетенции судов.[1105] Более того, вполне разумно предположить, что нет нужды в сближении абсолютно во всех областях, поскольку многие из существующих между странами различий не доставляют проблем на практике и не являются основой конфликта.[1106] Тем более не стоит детально регламентировать те правоотношения, которые с большой долей вероятности будут иначе урегулированы на национальном уровне. Гораздо более оправданным виделась бы концентрация на «проблемных сферах», которые в странах СНГ (как и в большинстве других государств мира) касаются доступа в суд, справедливости судебного разбирательства, разумных сроков и своевременного и надлежащего исполнения решения.

[1104] LAPIN, B. A Draft Model Code of Civil Procedure for the CIS: Principal Conceptual Bases. *Review of Central and East European Law*, 2000, Vol. 26(4), p. 482.

[1105] STORME, M. Procedural Law and the Reform of Justice: from Regional to Universal Harmonisation. *Uniform Law Review*, 2001, Vol. 6, p. 776.

[1106] KERAMEUS, K. Procedural Harmonization in Europe. *American Journal of Comparative Law*, 1995, Vol. 43(3), p. 402-403.

Не до конца оправданным видится нам излишний догматизм Модельного кодекса. В Концепции подчеркивается, что данный акт будет раскрывать, что следует понимать под принципами судопроизводства, отграничивать сам термин «судопроизводство» от «процесса» и касаться многих других сугубо теоретических вопросов. По нашему мнению, подобный акт должен был бы скорее концентрироваться на практических нормах, а не на обосновании тех или иных научных конструкций.[1107] Его задача состоит в предложении качественной и современной модели судебного разбирательства, а не в досконального ответе на те вопросы, которые столетиями являются предметом споров среди правоведов.

В научной литературе уделено не слишком много внимания причинам приостановки работы над Модельным кодексом. На наш взгляд, многие из них обусловлены ненадлежащим выбором времени принятия акта и слишком большим объемом предполагаемой работы. Любой модельный инструмент является наиболее эффективным в тот период, когда государство подготавливает и проводит реформу в соответствующей области права и ищет источники для вдохновения. Когда же реформы завершены, государство едва ли будет стремиться к воплощению в своем праве положений модельного акта, поскольку это будет означать пересмотр итогов реформ и дополнительные финансовые, трудовые и временные затраты.[1108] В особенности это справедливо применительно к кодифицированным модельным актам, имеющим большой объем и требующими детального анализа перед их перенесением в национальное право. Так, если мы посмотрим на период принятия такого акта как Модельный гражданский кодекс СНГ, то увидим, что ему удалось добиться наибольшего успеха, а его положения в действительности были реализованы на национальном уровне во

[1107] Постановление МПА СНГ от 16 июня 2003 г. № 21-6 *о Концепции и Структуре модельного Кодекса гражданского судопроизводства для государств-участников СНГ* [электронный ресурс. Дата доступа: 09.12.2016]. Доступ через интернет: <http://docs.cntd.ru/document/901883015>.

[1108] KRONKE, H. Efficiency, Fairness, Macro-Economic Functions: Challenges of the Harmonization of Transnational Civil Procedure. *Uniform Law Review*, 2001, Vol. 4, p. 742.

многом потому, что его принятие совпало по времени с разработкой новых законодательных актов в странах региона.[1109] В то же самое время, в последующем принимались дополнения и изменения к тексту данного Кодекса, которые уже не пользовались подобным успехом и не были имплементированы большим числом стран, поскольку основные реформы к тому моменту уже были завершены. Так обстояло дело и с проектом Модельного кодекса гражданского судопроизводства: он был предложен лишь в 1999 г., а рассмотренные выше Концепция и Структура опубликованы в 2003 г., т.е. к тому моменту, как большая часть стран СНГ уже закончила длившиеся с начала независимости реформы в этой отрасли.[1110]

Впрочем, многие другие модельные акты принимались в СНГ уже после введения во всех или в части государств актов по сходному предмету, что способствовало обмену позитивным опытом. Разработчики Модельного Кодекса были полностью осведомлены об этом, в связи с чем даже отметили в Концепции, что одной из задач акта будет распространение между странами опыта, полученного в ходе недавно проведенных реформ.[1111] Вместе с тем, маловероятно, чтобы подобная цель потребовала именно комплексного кодифицированного акта, а не менее объемных по числу статей актов.

Другое объяснение заключается в том, что страны СНГ начали преследовать свои собственные цели, а роль Содружества неуклонно снижалась.[1112] Многие из них стремились либо начать движение в сторону Европейского Союза, либо осуществить интеграцию в рамках меньших по числу участников объединений. В этой связи они не были

[1109] KORABLEVA, M. A Comparative Study of the Protection of Civil Rights: the Civil Codes of CIS Countries. *Review of Central and East European Law*, 2002-2003, Vol. 28(2), p. 168.

[1110] FILATOVA, M. Model Laws and National Traditions. *XIV Worldwide Conference of the International Association of Procedural Law*, Heidelberg, 2011 [interactive. Accessed on: 10.02.2015]. Access via Internet: <https://www.academia.edu/5358958/Model_Laws_and_National_Traditions_-_National_Report_Russia>.

[1111] *Постановление МПА СНГ «О Концепции и Структуре модельного Кодекса гражданского судопроизводства для государств-участников СНГ»*, с. 3-4.

[1112] МУРЗАКУЛОВА, А.Д. Межпарламентские институты в процессе интеграции СНГ. *Евразийская экономическая интеграция*, 2012, № 2(15), с. 62-63.

готовы тратить существенные ресурсы на подготовку идеального, но нефункционального акта, который никогда не будет использован по назначению.

В то же время неуспех Модельного Кодекса не свидетельствует сам по себе об отсутствии позитивных достижений МПА СНГ в сфере процессуального нормотворчества. Так, ей удалось разработать ряд актов, судьба которых сложилась намного лучше: модельный закон о медиации[1113], кодекс о судоустройстве и статусе судей[1114], модельный исполнительный кодекс,[1115] закон о третейских судах и третейском разбирательстве,[1116] а также словарь юридический терминологии.[1117] Кроме того, в разработке на период 2016-2020 гг. значится работа над модельным законом о нотариате.

Все данные акты (в т.ч. и два кодифицированных) отличаются менее глобальным характером – они затрагивают либо отдельные аспекты гражданского процесса, либо тесно связанные с ним вопросы. Так, закон «о медиации» был разработан для помощи странам СНГ во внедрении соответствующего вида альтернативного разрешения споров в свое национальное законодательство. В этой связи он закрепляет понятие медиации, ее принципы, статус медиатора, порядок проведения медиации и т.д. При этом закон был принят уже после того, как в ряде стран СНГ

[1113] Постановление МПА СНГ от 29 ноября 2013 г. № 39-14 *об утверждении модельного закона о медиации (внесудебном урегулировании споров)* [электронный ресурс. Дата доступа: 10.12.2016]. Доступ через интернет: <http://iacis.ru/upload/iblock/b4f/prilozhenie_k_postanovleniyu_39_14.pdf>.

[1114] Постановление МПА СНГ *от 16 мая 2011 г. № 36-12 об утверждении Модельного Кодекса о судоустройстве и статусе судей для государств-участников СНГ* [электронный ресурс. Дата доступа: 10.12.2016]. Доступ через интернет: <http://iacis.ru/upload/iblock/a60/12a_2011.pdf>.

[1115] Постановление МПА СНГ от 3 декабря 2009 г. № 33-25 *об утверждении Модельного исполнительного кодекса для государств-участников СНГ* [электронный ресурс. Дата доступа: 10.12.2016]. Доступ через интернет: <http://iacis.ru/upload/iblock/1d3/ass_33_22a.pdf>.

[1116] *См.* Постановление МПА СНГ от 25 ноября 2016 г. № 45-6 *о принятии Модельного закона «О третейских судах и третейском разбирательстве»* [электронный ресурс. Дата доступа: 10.12.2016]. Доступ через интернет: <http://iacis.ru/upload/iblock/69d/prilozhenie-k-postanovleniyu-45_6.pdf>.

[1117] Постановление МПА СНГ от 23 ноября 2012 г. № 38-23 *об утверждении Словаря юридической терминологии для государств-участников МПА СНГ* [электронный ресурс. Дата доступа: 10.12.2016]. Доступ через интернет: <http://iacis.ru/upload/iblock/df4/slovar23a.pdf>.

были введены собственные акты о медиации. Можно признать, что модельный акт частично опирался на них (например, на закон о медиации России) при разработке части собственных формулировок. Модельный исполнительный кодекс насчитывает всего 58 статей и закрепляет полномочия, функции, права и обязанности органа исполнения, взыскателя и должника, виды исполнительных документов и исполнительных действий, а также режимы исполнения. Кроме того, данный акт устанавливает и значения используемых терминов.

Что же касается Модельного Кодекса о судоустройстве и статусе судей, то для него характерно наличие большого числа альтернативных норм: так, предусматривается создание Конституционного Суда, однако закрепляется возможность возложения его функций на Верховный Суд или другой орган конституционного контроля. Содержит Кодекс и значительное число отсылочных норм, устанавливающих, что порядок формирования и деятельности судов должен определяться национальным законодательством. В то же время императивно формулируются требования к судье Конституционного суда: возрасту (35 лет), стажу (15 лет), образованию и наличию высокой квалификации в области права. На этом примере мы видим, что модельные акты в СНГ используют три типа регулирования: императивное установление норм, отсылка к национальному праву (коллизионная норма) и альтернативные нормы, из которых соответствующее государство сможет выбрать наиболее приемлемую. При этом сложно сказать, какой из типов установления норм является наиболее оптимальным: уместным является их разумное сочетание.

Позитивный опыт принятия упомянутых выше актов говорит о том, что модельное процессуальное законотворчество не является невозможным в СНГ. На наш взгляд речь идет о том, что страны не рассматривают его как средство решения масштабных проблем в рамках целой отрасли, но вполне благосклонно относятся к его использованию для решения текущих проблем в отдельных подотраслях и институтах

права. В связи с этим можно признать, что создание кодекса, насчитывающего более 1000 статей и полностью охватывающего все аспекты гражданского процесса едва ли по силам МПА. Для этого отсутствует как воля со стороны стран СНГ, так и необходимые ресурсы. Наконец, против Кодекса играет и временной фактор. Гражданский процесс ныне является более динамичной отраслью, чем раньше: в нем вводятся новые процедуры, меняются принципы, более активно используются технологии (*e-justice*).[1118] В итоге любой масштабный модельный акт рискует уже быть устаревшим к моменту своего принятия, а значит будет лишен практического смысла.

Стоит добавить, что модельное законотворчество в целом осуществляется в СНГ хаотично. Практически отсутствует контроль за реализацией вынесенных актов, систематическое обсуждение сильных и слабых сторон уже принятых документов. В результате нельзя быть уверенными в том, что принимаемые акты в действительности достигают своей цели и обеспечивается, как минимум, гармонизация национального ГПП.[1119]

В этой связи, несомненно, приходится обращаться к ЕАЭС. В этом объединении также можно было бы восстановить практику межпарламентского модельного нормотворчества. Более того, высказанный выше тезис о несвоевременности начала работ над Модельным Кодексом был бы не столь актуален здесь, поскольку в ряде стран региона (Россия, Беларусь) вновь начались работы над изменениями в гражданском судопроизводстве. Руководство со стороны наднационального органа, пусть и действующего посредством юридически необязательных актов, могло бы поспособствовать синхронизации результатов реформ.

[1118] ХЕСС, Б. *Европейский судебный приказ*…, с. 497.

[1119] BAYRAKTAROĞLU, G. Harmonization of Private International Law at Different Levels: Communitarization v. International Harmonization. *European Journal of Law Reform*, 2003, Vol. 5, p. 156.

(5) Неформальное сближение. Несомненно, определенную роль в сближении права играют и вспомогательные механизмы, о которых мы уже говорили в разделе I. В рамках СНГ и ЕАЭС регулярно проводятся встречи, совещания и конференции как теоретического, так и практического характера, на которых имеют шанс выступить и представители государственных органов (судьи, прокуроры, судебные исполнители), так и научные сотрудники. Русский язык как единое средство общения обеспечивает больший охват аудитории и доступность полученных выводов. К сожалению, в регионе вспомогательные инициативы находят не слишком большую поддержку со стороны государства и органов интеграции. В итоге, в регионе так и не было создано рабочих групп, подобных группе Сторма или команде, участвовавшей в подготовке Принципов ALI/UNIDROIT. Вместе с тем происходит регулярный обмен информацией между судами, проведение взаимных консультаций и обмен полезным опытом. Остается только надеяться на то, что эффективность неформальных способов сотрудничества будет возрастать, а вопросы гражданского процесса войдут в обязательную повестку дня.

Подводя итоги, следует признать, что сложно говорить о целостности ГПП СНГ или ЕАЭС. Однозначно можно отмечать заинтересованность научных кругов и ряда практикующих юристов в осуществлении определенных преобразований в направлении сближения норм данной отрасли. Однако их предложения во многом оказываются нереализованными из-за медлительности и неразвитости интеграционных институтов, различных политических приоритетов и отсутствия надлежащего финансирования.

Если СНГ является постепенно «отмирающим» союзом и в будущем его нынешние члены присоединятся к тем или иным интеграционным объединениям, то идея дальнейшей процессуальной интеграции и не будет справедлива в отношении стран региона. Скорее

им необходимо ориентироваться на те государства, к которым они стремятся присоединиться в обозримом будущем.[1120]

В то же время ЕАЭС, который декларирует серьезные задачи по построению общего экономического и правового пространства, не может остаться в стороне от необходимости определенным образом урегулировать сферу ГПП: как в интересах участников трансграничной торговли, так и исходя из классических представлений о правах человека, которые не должны страдать от действия сложных бюрократизированных аппаратов на наднациональном уровне.

Правильным подходом, на наш взгляд, является умелое сочетание разных способов сближения: нормативно-обязательных в том, что касается ключевых точек соприкосновения (международная подсудность, получение доказательств и вручение извещений, признание судебных решений и иных актов, предоставление эффективного доступа к правосудию и т.д.) и ненормативных в том, что будет помогать реализовывать положения первой группы – установление общего понимания правовых терминов, цели и задач разбирательства, форм процессуальных документов и других вопросов. Все это особенно актуально, если принять во внимание проводимые в настоящий момент в некоторых странах (Россия, Беларусь) реформы данной отрасли, которые можно было бы использовать как шанс для дальнейшей консолидации, а не дезинтеграции стран региона.

[1120] PETROV, R.; KALINICHENKO, P. On Similarities and Differences of the European Union and Eurasian Economic Union Legal Orders: Is There the 'Eurasian Economic Union Acquis'? *Legal Issues of Economic Integration*, 2016, Vol. 43(3), p. 297.

IV. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКИХ И ЕВРАЗИЙСКИХ ПРОЦЕССОВ СБЛИЖЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРАВА

Как уже говорилось во втором разделе настоящей работы, существующие в европейском регионе механизмы сближения гражданского процесса достаточно давно привлекают исследователей из третьих стран. Как правило, те проводят сравнительные исследования и сопоставляют предложенные европейскими законодателями варианты регулирования с теми, что существуют в их внутреннем праве. Подобные исследования проводились в США,[1121] в Латинской Америке[1122] и, разумеется, в расположенном географически ближе к ЕС евразийском регионе.[1123] При этом авторами делались выводы о степени сходства и различия изучаемых правопорядков, их причинах, о взаимном влиянии и его источниках, а также о необходимости заимствовать отдельные институты или нормы гражданского процесса ЕС. Последнее было особенно актуально для тех стран, которые либо являлись кандидатами в члены ЕС, либо собирались таковыми стать.[1124]

[1121] *See:* ASPINWALL, M. NAFTA-ization: Regionalization and Domestic Political Adjustment in the North American Economic Area. *Journal of Common Market Studies*, 2009, Vol. 47(1), p. 1-24; HALBERSTAM, M. The American Advantage in Civil Procedure? An Autopsy of the Deutsche Telekom Litigation. *Connecticut Law Review*, 2016, Vol. 48(3), p. 819-872; KÖTZ, H. Civil Justice Systems in Europe and the United States. *Center for International & Comparative Law Occasional Papers*, 2009, Vol. 1, p. 1-16; DODSON, S. Global Civil Procedure Trends in the Twenty-First Century. *Boston College International & Comparative Law Review*, 2011, Vol. 34(1), p. 1-26.

[1122] *See:* VESCOVI, E. El Proyecto de Código Procesal Civil uniforme para la América Latina. *XI Congreso Mexicano de derecho procesal*, Durango, México, 28-31 de mayo de 1986, p. 12; *Justicia civil: Perspectivas para una reforma en América Latina*. Eds.: A. Cabezón, S. Araneda. Santiago: CEJA, 2008, 600 p.; FERRER, G. La cooperación jurídica Interamericana en perspectiva comparada con la Unión Europea. *Seminario de derecho internacional "Cooperación jurídica en materia de derecho de familia y niñez"*, 6 octubre 2011.

[1123] *См.* МАКОВСКАЯ, А.А. *Унификация международного частного права в рамках Европейского Экономического Сообщества* (диссертация кандидата юридических наук). Москва: Российская академия наук, 1992, 174 с.; ЕРМАКОВА, Е.П.; СИТКАРЕВА, Е.В. *Право Европейского Союза: порядок разрешения частноправовых споров*. Москва: Юрлитинформ, 2016, 224 с.; МИХАЙЛОВА, С.А. *Правовое регулирование сотрудничества судебных органов по гражданским, торговым и семейным делам в рамках Европейского Союза* (диссертация кандидата юридических наук). Москва: Московская государственная юридическая академия, 2012, 161 с.

[1124] BATMAN, A.; KRAM, D.; LEIFKER, M. European Civil Procedure Law: a Role Model for Potential Candidate States in the Western Balkan region? *THEMIS Competition 2015 (Semi Final C)*. Luxembourg, 2015, p. 14-17; КОМАРОВ, В. Гражданский процесс в глобальном контексте. *Право Украины*, 2011, № 9-10, с. 280; ЦИРАТ, Г.А. Реформа процедур признания и исполнения

Безусловно, интерес к происходящим в ЕС процессам не является удивительным – в начале второго раздела работы нами уже отмечалось несколько причин, делающих его уникальным и самобытным объединением. Помимо особенностей самого объединения следует отметить и неортодоксальность его подхода к развитию гражданского процесса (собственного и стран-участниц), что проявляется в отмеченных нами характере и глубине вторжения в национальные правопорядки, двойственностью целей и задач европейских норм, наличием собственных принципов (взаимного признания и доверия) и особой логикой функционирования всего комплекса норм.[1125] Изучение каждого из названных аспектов нуждается в тщательном сравнительном анализе с привлечением текстов соответствующих правовых актов, решений Суда ЕС, политических программ и доктрины.

Вместе с тем, не совсем корректно, на наш взгляд, проводить сравнение ГПП ЕС и национального процессуального права того или иного государства. Безусловно, учитывая «квазифедеративную» природу ЕС,[1126] т.е. схожесть его институциональной системы и способов распределения компетенции с известными национальными федерациями, в этом есть определенный смысл. Однако получаемые в результате выводы зачастую не учитывают «двойственной природы» ЕС и того факта, что главным образом предлагаемые им законодательные решения являются добавочными по отношению к внутригосударственным[1127] и

судебных решений по гражданским и коммерческим делам в Европейском Союзе. *Закон и жизнь*, 2013, № 8(3), с. 289.

[1125] *See e.g.* HARTNELL, H. *Judicial Cooperation in Civil Matters (EUsticia): the Politics of Civil Justice under the EU's Area of Freedom, Security and Justice (AFSJ)* [interactive. Date of access: 2017-03-12]. Access via Internet: <https://eustudies.org/conference/papers/download/194>; KRAMER, X. *Procedure Matters: Construction and Deconstruction in European Civil Procedure*. Rotterdam: Eleven International Publishing, 2013, p. 24-25.

[1126] UZELAC, A. Harmonised Civil Procedure in a World of Structural Divergences? Lessons Learned from the CEPEJ Evaluation. In: *Civil Litigation in a Globalising World*. Eds. X.E. Kramer, C.H. van Rhee. The Hague: Asser Press, 2012, p. 176; GLENCROSS, A. *Politics of European Integration: Political Union or a House Divided?* Chichester: Wiley Blackwell, 2014, p. 137-140; LAURSEN, F. The EU and Federalism: constitutional Equilibrium or Continued Federalization? In: *The EU and Federalism*. Eds.: F. Laursen, S. Dosenrode. Farnham: Ashgate, 2011, p. 365-272.

[1127] *See:* KRUGER, T. The Disorderly Infiltration of EU Law in Civil Procedure. *Netherlands International Law Review*, 2016, Vol. 63, p. 20.

предназначенными для регулирования отношений нескольких стран-участниц по ключевым процессуальным вопросам. В связи с этим, изучение норм ГПП в связке «право ЕС – национальное право государства Х» будет не совсем корректным, поскольку сравниваться будут изначально неравнозначные феномены.

Намного более актуальным представляется сопоставление европейских механизмов с таковыми в иных региональных интеграционных объединениях. В их рамках также происходит сближение национального права их участников, а значит существует возможность обмена опытом и учет наилучших практик. Поскольку ранее в данной работе были последовательно изложены европейские и евразийские (исходящие от СНГ и ЕАЭС) инициативы в сфере гражданского процесса, в рамках этой завершающей части работы мы попытаемся рассмотреть их совместно, выявив их общие и особенные черты (§ 1), оценив степень их влияния друг на друга и перспективы заимствования норм и/или идей (§ 2) и, наконец, ответив на немаловажный вопрос о перспективах прямого диалога в сфере ГПП между двумя региональными объединениями (§ 3).

1. Сходства и различия европейского и евразийского путей сближения гражданского процессуального права

Европейский Союз и Евразийский Экономический Союз являются двумя действующими объединениями региональной экономической, политической и правовой интеграции. Для них характерно объединение в своем составе государств с похожими устремлениями, распространение на них общего массива права, попытка сближения права своих участников. Оба они напоминают по своей структуре государства, особенно учитывая наличие исполнительных и судебных органов. И то и другое объединение прошли в своем развитии несколько этапов, на которых параллельно с ними существовали и другие формы интеграции

(Европейские Сообщества в Европе и СНГ и другие организации, названные нами в третьем разделе).[1128]

Интересно, что изначальные предпосылки сближения процессуального права и круг вопросов, подлежащих регулированию, в двух регионах были схожими. Речь шла о необходимости обеспечить взаимное признание и исполнение решений.[1129] В ЕС данная цель была провозглашена уже в первом Договоре (1957 г.),[1130] а в евразийском регионе могла быть косвенно выведена из нормы Устава СНГ[1131] (первого масштабного интеграционного образования) о необходимости стран-участниц оказывать друг другу правовую помощь (которая, напомним, понималась достаточно широко[1132]). В итоге обе нормы стали основой действующих и достаточно эффективных международных актов: Брюссельской Конвенции (1968 г.) в ЕЭС и Киевского Соглашения (1992 г.) и Минской Конвенции (1993 г.) в СНГ.

Кроме того, как и в Договоре о ЕЭС, в Уставе СНГ содержалась норма (ст. 20), делающая возможным сближение национального законодательства по широкому кругу вопросов (в т.ч. процессуальных). Разница состояла в том, что в случае с ЕЭС соответствующими полномочиями наделялось непосредственно Сообщество, а в СНГ все должно было происходить на основе многосторонних и двусторонних договоров.[1133]

[1128] BIDELEUX, R. Introduction. In: *European Integration and Disintegration: East and West*. Eds.: R. Bideleux, R. Taylor. London: Routledge, 1996, p. 6-7; MARK, G. *European Integration: a Concise History*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2012, p. 44-65.

[1129] HAZELHORST, M. *Free Movement of Civil Judgments in the European Union and the Right to a Fair Trial*. Dordrecht: Springer, 2017, p. 3; MEEUZEN, J. Instrumentalisation of Private International Law in the European Union: Towards a European Conflicts Revolution? *European Journal of Migration and Law*, 2007, Vol. 9.

[1130] Treaty Establishing the European Economic Community (Rome, 25 March 1957). *Treaty establishing the European Economic Community and connected documents*, Luxembourg: Publishing Services of the European Communities, 378 p., Art. 220, para. 5.

[1131] *см.* Устав Содружества Независимых Государств. Принят в Минске 22 января 1993 г. *Бюллетень международных договоров*, 1994, № 1, ст. 2, ст. 20.

[1132] *Современное международное частное право в России и Евросоюзе (книга 1)*. Под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицина-Светланова, А. Трунка. Москва: Норма, 2013, с. 209.

[1133] *Международное частное право* (том 1). Под ред. С.Н. Лебедева, Е.В. Кабатовой. Москва: Статут, 2011, с. 161; ЖЕЛДЫБИНА, Т.А. Российское законотворчество в условиях сближения законодательства государств-участников СНГ. *Российская юстиция*, 2016, № 10, с. 28.

Длительное время оба названных объединения не интересовались какими-либо аспектами национального ГПП (помимо упомянутых выше). Они признавали за национальными законодателями «процессуальную автономию», т.е. полное право самостоятельно регулировать данную область правоотношений.[1134] Таким образом, на первых этапах своего развития европейский и евразийский подходы к гармонизации и унификации национального гражданского процесса не слишком отличались. Параллели можно обнаружить и в дальнейшем развитии: в 1990-е годы в ЕС произошло осознание необходимости более детального урегулирования процессуальной сферы на уровне Сообщества, что выразилось в масштабной доктринальной работе Комиссии Сторма (которая изначально предполагала возможным кодификацию ГПП на европейском уровне).[1135] В то же время в рамках СНГ возникла идея «модельного кодекса гражданского судопроизводства» (под руководством Б. Лапина), применительно к которому даже были разработаны концепция и структура (но не содержание). Неуспех обоих проектов также подчеркивает определенное сходство рассматриваемых региональных объединений. И в том, и в другом случаях авторы проектов поспешили с соответствующими инициативами и не учли сложившихся политико-правовых реалий. Вместе с тем, ни тот, ни другой проект сами по себе не были неудачными, поскольку основывались на работе коллективов высококвалифицированных юристов и предполагали творческое переосмысление имеющегося регулирования.

Итак, между европейским и евразийским режимами сближения процессуального права, безусловно, на первых этапах развития было немало общих черт. Однако в дальнейшем развитие пошло разными путями, и к настоящему моменту между ними гораздо больше

[1134] DUBOS, O. The Origins of the Proceduralisation of EU Law: a Grey Area of European Federalism. *Review of European Administrative Law*, 2015, Vol. 8(1), p. 7-8; BOLT, J. *Review Essay* – Procedural Laws in Europe. Towards Harmonisation (Marcel Storme ed. 2003). *German Law Journal*, 2005, Vol. 6(4), p. 821.

[1135] NORMAND, J. Le Rapprochement des procédures civiles dans l'Union Européenne. *European Review of Private Law*, 1998, Vol. 6(4), p. 383-384; JUENGER, F. Some Comments on European Procedural Harmonization. *American Journal of Comparative Law*, 1997, Vol. 45(4), p. 932.

фундаментальных различий. Попробуем охарактеризовать наиболее значимые их них.

(1) Используемые механизмы сближения. До Амстердамского договора (1997 г.) источниками гармонизации и унификации процессуального права в ЕС (как и в СНГ/ЕАЭС) выступали лишь международные договоры. Однако после «коммунитаризации» этой сферы и провозглашения «единого пространства правосудия» ЕС обрел непосредственную компетенцию в процессуальной сфере и активно использовал ее для принятия новых Регламентов и Директив. Благодаря этому возникли идеи о «федеральном характере» его власти,[1136] существовании «европейского ГПП» наравне с национальным,[1137] а также многочисленные позиции об их соотношении. Сам же ЕС осознал свою роль «центрального звена» процессуальной системы и начал постепенно расширять свое присутствие в сфере ГПП. Ни в СНГ, ни в ЕАЭС ничего подобного не произошло: процессуальный дискурс так и остался предметом компетенции стран-участниц, боле того – они обладали существенной свободой усмотрения в этой сфере и могли вступать в отношения по своему усмотрению, заменять общие режимы двусторонними конвенциями или вовсе не участвовать ни в одном из инструментов.[1138]

Наделение ЕС соответствующей компетенцией сопровождалось и политическими программами,[1139] которые детально расписывали набор

[1136] BLANKART, Ch. The European Union: confederation, federation or association of compound states? A Hayekian approach to the theory of constitutions. Constitutional Political Economy, 2007, Vol. 18, p. 102-104; BURGESS, M. *Federalism and the European Union: The Building of Europe (1950-2000)*. London: Routledge, 2000, p. 241-247.

[1137] FIORINI, A. The Evolution of European Private International Law. *International and Comparative Law Quarterly*, 2008, Vol. 57(4), p. 974.

[1138] *Современное международное частное право в России и Евросоюзе* (книга I), с. 77-78; БАТЛЕР, У.Э.; ЕРПЫЛЕВА, Н.Ю. Производство по делам с участием иностранных лиц в международном процессуальном праве России и Белоруссии. *Цивилист*, 2013, № 2, с. 98-100.

[1139] *Presidency Conclusions*, Tampere European Council, 15-16 October 1999 [interactive. Accessed on 24.12.2016]. Access via Internet: <http://www.refworld.org/docid/3ef2d2264.html>, paras. 28-37; The Hague Programme: Strengthening Freedom, Security and Justice in the European Union. *Official Journal of the European Union*, 03.03.2005, C 53, p. 11-14; The Stockholm Programme: an open and secure Europe serving and protecting citizens. *Official Journal of the European Union*, 04.05.2010, C 115, p. 11-15.

необходимых мер и последовательность их принятия. В евразийском же регионе гражданский процесс никогда не получал столь заметного влияния, а потому у стран-участниц не было конкретных планов по его дальнейшему развитию. Следствием этого стали и затруднения в привлечении всех государств региона к заключению новых соглашений и пересмотру уже действующих.

Из других механизмов следует отметить судебное нормотворчество, которое было известно и европейскому, и евразийскому правопорядку. В целом следует признать, что Суд ЕС был гораздо более активным участником аппроксимации, чем аналогичные ему институты СНГ и ЕАЭС, поскольку он в своих решениях сформулировал ряд новых норм и принципов (часть из которых носит конституционный характер, а часть имеет значение главным образом для ГПП), тогда как евразийские суды преимущественно занимались толкованием уже существующего права, не принимая на себя роли нормотворцев.[1140]

Наконец, есть и такой механизм, в котором евразийский регион может считаться превзошедшим ЕС. Речь идет, разумеется, о ненормативном сближении, реализуемом через издание модельных (типовых) актов. В ЕС подобные акты известны (Рекомендации и Заключения,[1141] а также акты «мягкого права», такие как выводы Комиссии Сторма или готовящийся проект ELI/UNIDROIT), но используются не столь часто. В сфере ГПП можно привести в качестве примера лишь Рекомендацию о коллективных исках,[1142] которая, к тому

[1140] ШИНКАРЕЦКАЯ, Г.Г. «Классические» международные суды: роль в поддержании правопорядка. *Международное право и международные организации*, 2014, № 3, с. 455-456.

[1141] JASON-LLOYD, L.; BAJWA, S. *The Legal Framework of the European Union*. London: Frank Cass, 1997, p. 47.

[1142] Commission Recommendation 2013/396/EU of 11 June 2013 on common principles for injunctive and compensatory collective redress mechanisms in the Member States concerning violations of rights granted under Union Law. *Official Journal of the European Union*, 26.07.2013, L 201, p. 60-65.

же, не достигла желаемого эффекта.[1143] Вместе с тем в СНГ и ЕврАзЭС (но не в ЕАЭС) существует не только устоявшаяся практика издания модельных актов, но и институционная основа для их разработки – специальный орган (Межпарламентская Ассамблея), которому поручено заниматься сближением законодательства путем разработки типовых (модельных) законодательных актов и направления их на утверждение национальным парламентам.[1144] Несмотря на неуспех столь масштабного проекта как «кодекс гражданского судопроизводства», множество других (более узконаправленных) актов увидело свет и активно способствовало изменению законодательства стран-участниц. Таким образом, сама форма модельного акта является действенной и востребованной, но нуждается в правильной постановке предмета регулирования и в учете политической обстановки принятия соответствующего инструмента. При разрешении этих организационных вопросов данный вид источников мог бы активно использоваться не только в евразийском регионе, но и на пространстве ЕС.

(2) Задачи правового регулирования. С момента принятия Амстердамского договора в ЕС началось строительство «единого пространства правосудия»,[1145] объем и значение которого постепенно менялись, однако ключевые его идеи – обеспечение равного доступа к правосудию всем гражданам ЕС в его границах и установление эффективной системы признания и исполнения решений – сохраняли силу.[1146] В СНГ/ЕАЭС две названные идеи также были известны и приняты за основу: так, *Минская Конвенция* в первой же статье

[1143] *Report II on collective redress*, November 2014 [interactive. Accessed on 12.05.2016]. Access via Internet: <https://www.collectiveredress.org/documents/171_report_ii_on_collective_redress_final.pdf>.

[1144] *См.* Конвенция о Межпарламентской Ассамблее государств-участников Содружества Независимых Государств. Заключена в Минске 26 мая 1995 г. *Собрание законодательства РФ*, 1996, № 50, ст. 5611; *Положение о Межпарламентской Ассамблее Евразийского экономического сообщества*. Утверждено Решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС от 13 мая 2002 г. № 52 [электронный ресурс. Дата доступа: 22.09.2016 г.]. Доступ через Интернет: <http://www.evrazes.com/docs/view/15>.

[1145] HAZELHORST, M. *Op. cit.*, p. 16; СОРОКИНА, Е.М. Правовые основы компетенции Европейского Союза в области пространства свободы, безопасности и правосудия на современном этапе. *Актуальные проблемы российского права*, 2015, № 7, с. 201-202.

[1146] *See: Presidency Conclusions, Tampere European Council,* sections V-VI.

устанавливает национальный правовой режим предоставления правовой защиты гражданам из других договаривающихся стран, а ее статьи 51-55 достаточно детально регулируют процесс признания и исполнения зарубежного решения. Схожие положения были предусмотрены *Киевским Соглашением* (ст. 3, 7-9) в отношении хозяйственных (коммерческих) споров.

Однако важно понимать, что оба названных документа были приняты спустя очень короткое время после распада СССР и были немедленно необходимы для «заполнения правового вакуума»,[1147] образовавшегося в этой связи. В отсутствие подобных актов определение компетентного суда и надлежащее исполнение решений одних «бывших союзных республик» на территории других стало бы невозможным, а без нормы о равном доступе граждан любого из новых независимых государств к суду возможна была бы дискриминация по признаку гражданства и/или домицилия. Таким образом, задаче ЕС по планомерному развитию собственной системы (которая должна была осуществляться в несколько этапов с последовательным совершенствованием регулирования[1148]) в СНГ/ЕАЭС была противопоставлена задача по сохранению существовавших правовых связей в новом (международном) формате. Данное различие особенно наглядно проявляется в дальнейшем развитии правовых инструментов: если ЕС последовательно шел к отмене экзекватуры, упростив ее в Регламенте «Брюссель I» (44/2001), отменив ее для отдельных категорий дел в Регламентах второго поколения (1896/2006 и 861/2007) и, наконец, полностью упразднив ее в реформированном Регламенте «Брюссель Ia» (1215/2012), то в евразийском регионе таких изменений не происходило. Принятые позднее Московское Соглашение (1998 г.) и Кишиневская Конвенция (2002 г.) лишь конкретизировали ранее действовавшие нормы,

[1147] ВЕЛЬЯМИНОВ, Г.М. *Международное право: опыты*. Москва: Статут, 2015, с. 880.

[1148] *See:* HARTNELL, H. *Judicial Cooperation in Civil Matters (EUsticia): the Politics of Civil Justice under the EU's Area of Freedom, Security and Justice (AFSJ)…,* p. 15-16; Draft programme of measures for implementation of the principle of mutual recognition of decisions in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Communities*, 15.01.2001, C 12, p. 9.

но не упрощали порядка признания и исполнения решений. Более того, последний акт даже расширил число оснований для отказа в признании, став явным шагом назад на пути процессуальной интеграции стран-участниц.[1149]

Если ЕС осуществлял экономическую интеграцию, которая со временем переросла в политический и социальный союз, которому потребовалось и собственное «пространство правосудия», то СНГ первоначально был предназначен лишь для упразднения прежних институтов, в связи с чем его деятельность не носила созидательного характера.[1150] Безусловно, страны сотрудничали и обменивались опытом, но вовсе не стремились к построению единого рынка, таможенного и валютного союзов. Можно признать, что они действовали нерешительно и тщательно обдумывали любой шаг, который потенциально мог бы привести к сближению их законодательства. С одной стороны, здесь стоит обратить внимание на особое положение евразийского региона: в нем независимое существование стран насчитывает всего лишь четверть века и для появления непримиримых различий в национальном регулировании такой консервативной отрасли как гражданский процесс[1151] этот срок является ничтожным. С другой же стороны, определенные изменения все же произошли и были отчасти продиктованы необходимостью перехода к рыночным отношениям, а значит и переосмыслением роли и объема прав и обязанностей сторон и суда, а отчасти отказом от идеологизации судебной деятельности (что напрямую нашло выражение в перепостановке вопросов о статусе

[1149] Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. *Содружество*, 2002, № 2(41), ст. 59.

[1150] KUBICEK, P. *Op. cit.*, p. 20-24; ЗОЛОТУХИН, С.А. О новых формах интеграционных процессов на пространстве СНГ. *Общество и право*, 2010, № 5, с. 258-260; КАПУСТИН, А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе – новая страница правового развития евразийской интеграции. *Журнал российского права*, 2014, № 12, с. 99.

[1151] *See*: TULIBACKA. M. Europeanization of Civil Procedures: in Search of a Coherent Approach. *Common Market Law Review*, 2009, Vol. 46, p. 1532.

прокурора в гражданском процессе[1152] и необходимости существования надзорной (ревизионной) инстанции,[1153] для сохранения которых при прежнем режиме были весьма сильные аргументы).

Первые центростремительные намерения были высказаны в регионе лишь в начале 2000-х годов, в рамках ЕврАзЭС, однако здесь проявилась другая крайность: поставив во главу угла теперь уже экономическую интеграцию, страны-участницы совершенно проигнорировали необходимость сближения некоторых опосредующих ее отраслей права,[1154] включая и гражданский процесс. На наш взгляд, для достижения той же эффективности экономической и правовой интеграции, что присуща Европейскому Союзу, необходимо обязательное возвращение процессуального права в повестку законотворческой деятельности ЕАЭС.[1155]

(3) Комплексность и глубина регулируемых правоотношений. Из сказанного выше становится очевидно, что СНГ/ЕАЭС не продвинулись в развитии сближения ГПП далее той стадии, которую мы обозначали во второй части работы (применительно к ЕС) как «неупорядоченное сотрудничество». Налицо было стремление государств сотрудничать по ряду вопросов, но специальной правовой базы для этого в учредительных договорах создано не было. Упоминание в общих терминах о «правовой

[1152] ЖИГУЛЬСКИХ, А.Н. *Указ. соч.*, с. 5-6; ВОРОБЬЕВ, Т.Н. Прокурор в гражданском процессе – страж закона или persona non grata? *Современное право*, 2016, № 12, с. 108-110; АНДРЕЕВА, О.А.; ЯНОВСКИЙ, Е.С. *Указ. соч.*, с. 40-41.

[1153] ПОТАПОВА, А.М. Надзор в гражданском процессе. Позиция Европейского суда по правам человека. *Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ*, 2009, № 2; БЫКОВА, И.Ю. Функции надзорного производства в гражданском процессе. *Журнал российского права*, 2016, № 2, с. 120; БАРСУКОВА, В.Н. Надзорное производство в гражданском процессе в свете реформы проверочных инстанций. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2012, № 9, с. 39-40.

[1154] БАКАЕВА, О.Ю. Таможенный Союз – Единое экономическое пространство – Евразийский экономический союз – этапы интеграции. *Международное публичное и частное право*, 2012, № 4, с. 8-9; ШУМИЛОВ, В.М.; БОКЛАН, Д.С.; ЛИФШИЦ, И.М. Правовые новеллы Договора о Евразийском экономическом союзе. *Российский внешнеэкономический вестник*, 2015, № 4, с. 89.

[1155] *См. напр.* ПОПОВА, О.В. Правовые основы исполнения судебных решений в странах Евразийского экономического союза в свете глобализации. *Современный юрист*, 2014, № 2, с. 26-27; НАХОВА, Е.А. Перспектива гармонизации доказательственного права в гражданском судопроизводстве в процессуальном законодательстве стран-участниц ЕврАзЭС. *Законодательство стран–участниц ЕврАзЭС: сравнительно-правовой анализ и перспективы гармонизации (Материалы Евразийского научного форума 22 – 23 ноября 2012 г.)*. Санкт-Петербург: МИЭП, 2013, с. 161.

помощи» и о «сближении национального законодательства» было явно недостаточным для систематического принятия действенных мер в сфере ГПП. В ЕС же, как мы знаем, статьей 65 Амстердамского договора (1997 г.) были установлены 5 самостоятельных направлений, по которым могло законодательствовать Сообщество. После вступления в силу Лиссабонского договора (2009 г.) их число только увеличилось.[1156] Кроме того, политические программы дополнительно указывали на то, какие именно меры и в какой последовательности необходимы для «пространства правосудия». Немаловажным моментом было и провозглашение принципов взаимного признания и доверия, которые не были известны ни одному другому сообществу, занимавшемуся лишь простым принятиям мер в области МЧП/МГП.[1157] Данные принципы позволили через включение минимальных норм и процедурных требований создать более совершенную систему признания и исполнения решений, а также совершения других процессуальных действий (осуществление возврата незаконно вывезенных детей в соответствии с Регламентом 2201/2003, применение обеспечительных мер к денежным средствам на счете ответчика согласно Регламенту 655/2014 и т.д.). Став основой для всей формирующейся отрасли ГПП, принцип взаимного доверия не раз использовался Судом ЕС для обоснования правомерности тех или иных национальных практик и соответствия их общеевропейским установкам.[1158] Именно этот принцип требовал от государств-участников уважительного отношения к правопорядкам друг друга (поскольку все они опирались для поддержания своей легитимности на право ЕС) и избегать действий, которые могли бы поставить под сомнение их

[1156] *See:* Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union. *Official Journal of the European Union*, 26.10.2012, C 326, p.73, 78-79 (art. 81(g)-(h)).

[1157] LAZIĆ, V.; STUIJ, S. *Brussels Ibis Regulation: Changes and Challenges of the Renewed Procedural Scheme*. Dordrecht: Springer, 2017, p. 23; WELLER, M. Mutual Trust: In Search of the Future of European Union Private International Law. *Journal of Private International Law*, 2015, Vol. 11(1), p. 64-65.

[1158] *See: Gregory Paul Turner v. Felix Fareed Ismail Grovit, Harada Ltd and Changepoint SA*, Case C-159/02 [2004] ECR I-03565, paras. 24, 28; *Allianz SpA and Generali Assicurazioni Generali SpA v. West Tankers Inc.*, Case C-185/07 [2009] ECR I-00663, paras. 15, 29; *Doris Povse v. Mauro Alpago*, Case C-211/10 PPU [2010] ECR I-06673, para. 40; *Joseba Andoni Aguirre Zarraga v. Simone Pelz*, Case C-491/10 PPU [2010] ECR I-14247, paras. 46-56.

эффективное сотрудничество (например, проверок соблюдения тех или иных норм государством вынесения судебного решения, а также отказом в признании решений по мотивам противоречия публичному порядку).[1159] По сути, речь шла об обязанности конституционного характера для стран-участниц ЕС.[1160]

Столь далеко идущее развитие европейских норм и принципов привело к двойственности его роли в регулировании ГПП: с одной стороны ЕС устанавливал правила рассмотрения споров с иностранным элементом (т.н. «трансграничных дел»), которые были добавочными по отношению к национальному регулированию и действовали исключительно на «сверхгосударственном» уровне. С другой же стороны, он принимал немало собственных норм материального права, которые снабжал процессуальными положениями или, как минимум, указаниями национальным судам по их правильному применению. Кроме того, ЕС активно стал проявлять себя и как субъект защиты прав человека (в т.ч. на справедливое судебное разбирательство), а потому возник риск конфликта между собственно европейским («квазифедеральным») и национальным процессуальным правом. Это и стало второй предпосылкой для проведения Союзом мероприятий по гармонизации, на этот раз носящих более общий характер и не ограничивающихся только «трансграничными» делами.[1161]

Важно отметить, что большая часть приведенных выше умозаключений находит закрепление в судебной практике и доктрине, в связи с чем они являются особенно сложными для восприятия представителями евразийских стран. В СНГ/ЕАЭС больше внимания уделяется непосредственно закрепленным в учредительных актах

[1159] Opinion of the Court of Justice of 18 December 2014, *Draft international agreement — Accession of the European Union to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms — Compatibility of the draft agreement with the EU and FEU Treaties*, Opinion Case 2/13, para. 191.

[1160] WELLER, M. *Op. cit.*, p. 97; WISCHMEYER, Th. Generating Trust Through Law? Judicial Cooperation in the European Union and the "Principle of Mutual Trust". *German Law Journal*, 2016, Vol. 17(3), p. 339-341.

[1161] KRAMER, X. Towards ELI-UNIDROIT Model Rules of Civil Procedure: Basic Premises and Challenges. *Bay Area Civil Procedure Forum*, Hastings (San Francisco), 19 April 2016, p. 9.

положениям, а конструкции, не находящие закрепления в позитивном праве, обычно не пользуются популярностью. В этой связи необходимо констатировать, что регулирование ГПП в евразийском регионе не достигло еще той глубины и полноты, чтобы осмыслить идеи «квазифедерализма», «наднационального конституционного правопорядка» и «взаимного доверия». Для стран определяющим остается их суверенитет и самостоятельное решение вопросов о вступлении или невступлении в те или иные соглашения, которые могут лишь весьма ограниченным образом повлиять на их внутреннее право. В данном регионе не было такого мощного катализатора, каким стало для ЕС заседание Совета в Тампере в 1999 г. Многие из сделанных на нем деклараций в последующем стали юридически обязательными принципами ЕГП. Важно отметить, что значительная часть встречи была посвящена вопросам судебного сотрудничества в рамках вновь созданного «пространства правосудия». В ЕАЭС пока что не было приложено должных усилий по вынесению гармонизации и унификации ГПП на повестку дня, где до сих пор доминируют вопросы таможенного, налогового и технического сотрудничества.

(4) Степень упорядоченности. С одной стороны, мы можем заявить, что и европейский, и евразийский правопорядки не достигли успеха в достижении слаженности и организованности устанавливаемых ими норм. Ни в одном из объединений так и не был принят кодифицированный акт, комплексно решающий основные вопросы ГПП.[1162] Не было заметного успеха и в консолидации существующих инструментов – до сих пор регулирование каждой обособленной группы правоотношений осуществляется самостоятельным актом, а иногда в рамках одного института (например, признания решений) принимается сразу несколько инструментов в зависимости от материально-правового характера спора (как это имеет место в ЕС применительно к

[1162] STURNER, R. Principles of European Civil Procedure or a European Model Code: Some Considerations on the Joint ELI-UNIDROIT Project. *Uniform Law Review*, 2014, Vol. 19(2), p. 324-235.

гражданским, семейным, алиментным, наследственным делам и т.д.).[1163] Кроме того, правопорядку ЕС известно как минимум три различные способа признания и исполнения решений, которые зависят уже не только от вида спора, но и от особенностей примененной процедуры, а также от других значимых обстоятельств (например, для алиментного Регламента будет иметь значение то, является ли государство, чье решение подлежит признанию, участником Протокола о праве, применимом к алиментным обязательствам к Гаагской Конвенции 2007 г.[1164]). Условно их можно охарактеризовать как облегченную экзекватуру, частичную отмену экзекватуры и полное упразднение экзекватуры.[1165] При этом, каждый из способов обосновывается степенью развитости «взаимного доверия» и глубиной гармонизации соответствующих правоотношений. Наконец, неупорядоченность проявляется и в том, что ЕС использует два различных «базиса» для принятия новых инструментов: ст. 81 и ст. 114 ДФЕС, сфера действия, круг участников и пределы воздействия на национальное право для которых заметно различаются.[1166] Систематическое использование второй из названных норм может определенным образом угрожать и целостности уже сложившегося массива ЕГП, главным образом основанного на положении о «судебном сотрудничестве по гражданским делам».

[1163] ІЗАРОВА, І.О. *Теоретичні засади цивільного процесу Європейського Союзу*. Київ: Дакор, 2015, с. 26-27.

[1164] Regulation (EC) No 4/2009 of 18 December 2008 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and cooperation in matters relating to maintenance obligations. *Official Journal of the European Union*, 10.01.2009, L 7, p. 9-13.

[1165] KRUGER, T. The Disorderly Infiltration of EU Law in Civil Procedure. *Netherlands International Law Review*, 2016, Vol. 63, p. 13-15; ZILINSKY, M. Mutual Trust and Cross-Border Enforcement of Judgments in Civil Matters in the EU: Does the Step-by-Step Approach Work? *Netherlands International Law Review*, 2017, Vol. 64(1), p. 118-120; FRĄCKOWIAK-ADAMSKA, A. Time for a European "Full Faith and Credit Clause". *Common Market Law Review*, 2015, Vol. 52, p. 194.

[1166] MAŃKO, R. *Europeanisation of Civil Procedure: towards Common Minimum Standards*? [interactive. Accessed on 15.09.2015]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/559499/EPRS_IDA(2015)559499_EN.pdf>, p. 1-29; RADEV, E. *Working Document on establishing common minimum standards for civil procedure in the European Union – the legal basis*. European Parliament, Committee on Legal Affairs, 21.12.2015 [interactive. Accessed on 24.12.2016]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=COMPARL&reference=PE-572.853&format=PDF&language=EN&secondRef=01>.

Безусловно, отмеченные нами в конце второго раздела работы усилия институтов ЕС и неофициальных коллективов по достижению большей слаженности и устойчивости всей системы должны оцениваться позитивно и получать всестороннюю поддержку. Однако результат такой деятельности будет заметен лишь в отдаленном будущем, а до тех пор сторонам и правоприменителям придется иметь дело с запутанной и не всегда логичной системой правового регулирования.[1167]

В евразийском регионе отмеченные выше проблемы не столь актуальны, однако вовсе не по причине их преодоления, а напротив из-за неразвитости соответствующего законодательства. Идея, в соответствии с которой режимы признания и исполнения могут зависеть от глубины достигнутого доверия, не нашла своего воплощения в доктрине и практике СНГ/ЕАЭС. Вместе с тем, положительным моментом является соединение практически всех гражданских дел (включая семейные) в рамках одного инструмента – Минской (Кишиневской) Конвенции. Тем самым уже была достигнута определенная консолидация, и дальнейшее регулирование может осуществляться также путем внесения изменений в существующие нормы, а не путем создания отдельных международных актов по каждому отдельному аспекту частноправовых споров. В то же время неуместная дифференциация произошла и здесь с принятием Киевского Соглашения, которое создало отдельный режим для установления подсудности, доступа к суду и признания решений по коммерческим спорам. Между тем, такие споры отличаются от общегражданских преимущественно субъектным составом участников (предприниматели, а не простые граждане), а потому иное их регулирование (особенно более льготное) может рассматриваться как дискриминация. Более правильным нам видится в этой связи подход Регламента «Брюссель I», который включает в свой предмет как гражданские, так и коммерческие дела. Еще одним недостатком

[1167] STURNER, R. *Principles of European Civil Procedure or a European Model Code...*, p. 324.

евразийского подхода является допущение не только сохранения в силе уже действующих, но и принятия новых международных актов, иначе регламентирующих соответствующие правоотношения.[1168] В результате помимо «главных» многосторонних договоров в регионе действует несколько актов с меньшим числом участников и множество двусторонних договоров (причем последние зачастую заключаются и с третьими странами, в связи с чем целостность евразийских процессуальных механизмов ставится под сомнение). Не стоит забывать и об отсутствии обязанности стран СНГ/ЕАЭС участвовать в каких-либо соглашениях процессуальной направленности. Хотя исключения из «единого пространства правосудия» известны и Евросоюзу (особая позиция Дании, Великобритании и Ирландии), в случае с ним оно не носит столь радикального характера, и большая часть государств все же подпадает под действие общих правил.

Что же касается второй причины неупорядоченности (наличия разных правовых оснований для принятия правовых норм), то нельзя сказать, чтобы СНГ или ЕАЭС удалось полностью его избежать. Так, Устав СНГ упоминал в числе возможных заключение соглашений как «об оказании правовой помощи», так и способствующих «сближению национального законодательства».[1169] На практике это могло вылиться в спонтанное включение в содержание последних отдельных процессуальных норм без должной проработки их места и положения в иерархии правового регулирования. В ЕАЭС подобные нормы отсутствуют, но, учитывая его вовлеченность в различные сектора экономики стран-участниц, вполне логично ожидать появления тех или иных «секторальных» инструментов, которые также не будут способствовать стабильности и понятности регулирования.

[1168] *Минская Конвенция*, ст. 82; *Кишиневская Конвенция*, ст. 118(3); ЗАЦЕПИНА, Т.Н.; НАГОРНАЯ, Э.Н. О некоторых проблемных вопросах исполнения иностранных судебных актов в государствах-участниках СНГ (на примерах правоприменительной практики Экономического Суда СНГ). *Международное право и международные организации*, 2015, № 3, с. 318.

[1169] *Устав СНГ*, ст. 20.

(5) Роль «новых технологий». Отдельно хотелось бы остановиться на подходе двух регионов к использованию в процессе (в т.ч. трансграничном) современных (прежде всего, компьютерных) технологий. В предыдущих частях работы этот вопрос не затрагивался отдельно, поскольку не относился непосредственно к предмету исследования. Однако сам по себе подход соответствующего объединения к использованию в судебной деятельности указанных технологий является весьма показательным, поскольку позволяет судить о том, насколько его политика соответствует требованиям времени, учитывает нужды тяжущихся лиц и судов на национальном уровне и насколько оно в состоянии удовлетворить их.

Не стоит полагать, что использование электронных средств в процессе и тем более ведение самого процесса в электронной форме являются лишь формальными вопросами, представляющими интерес для представителей технических специальностей, а не юристов. В действительности, применение современных технологий вызывает множество вопросов, среди которых и приемлемость доказательств, и надежность извещения, и соблюдение сроков, и возможность воплощения в жизнь классических принципов процесса при проведении заседания посредством средств электронной связи.[1170] Более того, такие проблемы становятся особенно актуальными при трансграничном взаимодействии, когда соприкасаются правопорядки нескольких государств.[1171] Безусловно, современные технологии предназначены для объединения стран (по причине их универсальности), а значит они способствуют делу аппроксимации. В то же время регламентация их использования в

[1170] КАЗАЧКОВА, З.М.; АНОСОВ, А.В. Электронное правосудие: синтез права, технологических прорывов и процессуальных инструментов. *Информационное право*, 2015, № 4, с. 14-15; ОВЧИННИКОВ, В.А.; АНТОНОВ, Я.В. Электронное правосудие как проект электронной демократии: перспективы реализации в России. *Государственная власть и местное самоуправление*, 2016, № 5, с. 4-5.

[1171] Recommendation CM/Rec(2009)1 of the Committee of Ministers to member states on electronic democracy (e-democracy) [interactive. Accessed on 06.09.2016]. Mode of access: <http://www.coe.int/t/dgap/democracy/Activities/GGIS/CAHDE/2009/RecCM2009_1_and_Accomp_Docs/Recommendation%20CM_Rec_2009_1E_FINAL_PDF.pdf>, p. 33-34.

процессе неодинакова в разных странах, равно как и их доступность для тяжущихся лиц и самих судебных органов.

В рамках ЕС последовательно ведется утверждение электронного правосудия: здесь был создан собственный портал электронного правосудия, который предоставляет необходимую информацию о судебных системах стран-участниц и совершенствует доступ к правосудию на 23 официальных языках.[1172] Портал предусматривает удобный интерфейс для подачи заявлений в рамках ключевых «европейских» процедур (приказного производства, производства по небольшим искам и по выдаче исполнительного листа[1173]). Другим проектом ЕС является недавно введенная в действие система альтернативного разрешения споров между потребителями и предпринимателями (коммерсантами) онлайн.[1174] Данная система устанавливает относительно простой способ подачи жалобы, совместного определения сторонами компетентного органа (арбитра) и проведения самой процедуры в короткие сроки.[1175]

Вдобавок к этому европейские институты принимают и ряд политических документов, таких как Резолюция Европейского Парламента, содержащая рекомендации для Комиссии по вопросам электронного правосудия[1176] и План многолетней политики ЕС в области

[1172] VELICOGNA, M. Justice Systems and ICT: What Can be Learned from Europe? *Utrecht Law Review*, 2007, Vol. 3, p. 129; NEAGU, G. Information Society and Education System in Romania. *Revista Romaneasca pentru Educatie Multidimensionala*, 2013, Vol. 5(2), p. 18.

[1173] FRANCESCONI, E. An Interoperability Approach for Enabling Access to e-Justice Systems across Europe. In: *Electronic Government and the Information Systems Perspective*. Eds.: E. Francesconi *et al.* Dordrecht: Springer, 2014, p. 26; FRANCESCONI, E.; PERUGINELLI, G. *et al.* A Semantic Approach to Support Cross Border e-Justice. In: *The Semantic Web: ESWC 2014 Satellite Events*. Eds.: V. Presutti et al. Dordrecht: Springer, 2014, p. 204-205.

[1174] *См.* КАРПЕНКО, О.И. ODR как онлайн-эквивалент методов альтернативного урегулирования споров: опыт Евросоюза. *Актуальные проблемы юридического образования в контексте обучения альтернативному урегулированию споров как подходу к обеспечению прав человека* (материалы международной научно-методической конференции). Минск, 2016, с. 82-83; ЕРМАКОВА, Е.П.; ИВАНОВСКАЯ, Н.В. Онлайн-разрешение споров с участием потребителей в Европейском Союзе: документы 2013 года. *Современное право*, 2014, № 8, с. 128.

[1175] Regulation No 524/2013 of 21 May 2013 on online dispute resolution for consumer disputes and amending Regulation (EC) No 2006/2004 and Directive 2009/22/EC (Regulation on consumer ODR). *Official Journal of the European Union*, 18.06.2013, L 165, p. 5 (Art. 2).

[1176] *European Parliament Resolution of 18 December 2008 with recommendations to the Commission on e-Justice,* 2008/2125(INL) [interactive. Accessed on 14.12.2016]. Access via Internet:

электронного правосудия.[1177] Последний раскрывает, какие меры должны быть приняты для обеспечения доступа к информации широкой общественности в сети Интернет, как осуществить координацию всевозможных национальных регистров, а также каким образом информационные технологии могут быть использованы при подаче документов и в ходе судебного разбирательства. Все это демонстрирует, что электронное правосудие реально является сферой, представляющей интерес для ЕС и претендующей на достаточно комплексное регулирование.

Что же касается евразийского региона, то в нем инициативы в области электронного правосудия реализуются лишь отдельными странами, они слабо скоординированы и лишены единой рамочной основы (*framework*), которая в ЕС представлена порталом электронного правосудия. Так, отдельные страны региона регламентируют возможность применения видеоконференцсвязи, представление судебных документов и доказательств в электронной форме, публикации судебных решений в сети Интернет и т.д.[1178] Однако отсутствуют как юридически обязательные, так и модельные акты, которые бы касались межгосударственного взаимодействия с использованием информационных технологий, объединения реестров, создания централизованных веб-сайтов с детальной информацией по национальным судебным органам и их компетенции. В связи с этим можно констатировать, что в СНГ/ЕАЭС наблюдается не только правовая и идейная, но и технологическая отсталость от ЕС, который со своей программой развития электронного правосудия оказался на годы впереди.

Подводя общие итоги исследованного сходства и различия двух региональных механизмов интеграции, следует, безусловно, признать,

---

<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2008-0637+0+DOC+XML+V0//EN#BKMD-33>.

[1177] Multiannual European e-Justice Action Plan 2014-2018, 2014/C 182/02. *Official Journal of the European Union*, 14.06.2014, C 182/2.

[1178] ЖДАНОВА, Ю.А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества. *Административное право и процесс*, 2015, № 4, с. 83.

что ЕС намного опережает СНГ/ЕАЭС по глубине и осмысленности своего влияния на ГПП. Как и в евразийском регионе, здесь соответствующие субъекты сталкиваются с очевидными сложностями в попытке сближать такую консервативную отрасль как гражданский процесс. Однако очевидно желание стран-участниц преодолевать разногласия и искать пути для дальнейшего прогрессивного развития. В СНГ/ЕАЭС гармонизация и унификация ГПП не являются чуждым понятием: соответствующие инициативы принимались в форме международных соглашений и модельных актов, а также предлагались представителями доктрины. Между тем ныне аппроксимация в рамках СНГ переживает перманентную стагнацию, а ЕАЭС (пожалуй, как и ЕЭС в первые годы своего существования) делает чрезмерный акцент на экономическом развитии и не придает должного значения тем областям права, которые необходимы для формирования и поддержания внутреннего рынка.

2. Направления и способы воздействия европейских инициатив по сближению ГПП на евразийские

Установив схожесть изначальных задач и существование общих потребностей в развитии ГПП, мы не можем обойти стороной вопрос о влиянии двух региональных подходов к сближению ГПП друг на друга. Безусловно, главным образом речь должна идти о влиянии европейского режима на евразийский, поскольку первый является наиболее развитым и перспективным не только в числе соседних, но и в мировом масштабе. Об обратном влиянии пока что речи не идет: перед государствами СНГ/ЕАЭС стоит задача по нахождению эффективной системы сближения собственного права, а также по его постепенному совершенствованию (и приведению в соответствие с потребностями времени), в связи с чем данный регион может восприниматься скорее в

качестве *реципиента*, а не *донора* норм и идей.[1179] Однако в целом нельзя исключать и отдельные направления встречного влияния со стороны СНГ/ЕАЭС.

Говоря о европейском влиянии, нельзя не вернуться к упоминавшемуся ранее понятию «*европеизации*», которое, напомним, означало (в его юридическом понимании) процесс выработки общеевропейских правовых стандартов и их распространения (имплементации) среди отдельных субъектов.[1180] Традиционно он связывался с деятельностью Европейского Союза и его стран-участниц. Однако, как отмечается исследователями, этот термин может иметь и внешнее измерение – распространение европейских норм и ценностей на третьи страны, которые по тем или иным причинам могут быть заинтересованы в их принятии.[1181] Иными словами, это попытка «приблизить к Европе» (*европеизировать*) субъектов, изначально не являющихся ее частью.[1182] Здесь также необходимо отметить, что названные «нормы и ценности» не обязательно должны быть частью правопорядка *Европейского Союза*. Так, деятельность ELI/UNIDROIT по обобщению не связна напрямую с институтами ЕС и потенциально может сформулировать авторитетные положения не только для государств-участниц этого объединения, но и для третьих стран.[1183] Не стоит

[1179] PROKHORENKO, V. Some Aspects of Unification of Civil Procedure Law. *Uniform Law Review*, 2003, Vol. 1(2), p. 493.

[1180] de BÚRCA, G.; CRAIG, P. *EU Law: Text, Cases and Materials*. Oxford: OUP, 2011, p. 605-606; NYLUND, A. European Integration and Nordic Civil Procedure. In: *The Future of Civil Litigation. Access to Courts and Court-annexed Mediation in the Nordic Countries* (eds. L. Ervo, A. Nylund). Heidelberg: Springer, 2014, p. 32.

[1181] LIEBERT, U. Causal Complexities: Explaining Europeanisation. *CEuS Working Paper*, 2002, No. 2002/1 [interactive. Accessed on 31.12.2014]. Access via Internet: <http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2012/3776/pdf/2002_1_Liebert.pdf>; GAWRICH, A.; MELNYKOVSKA, I.; SHWEICKERT, R. Neighbourhood Europeanization through ENP: the Case of Ukraine. *Journal of Common Market Studies*, 2010, Vol. 48, p. 1210.

[1182] SCHIMMELFENNIG, F. Europeanization beyond Europe. *Living Reviews in European Governance*, 2012, Vol. 7(1) [interactive. Accessed on 22.11.2016]. Access via Internet: <http://www.livingreviews.org/lreg-2012-1>; КАЛИНИЧЕНКО, П.А. Европеизация российской судебной практики (на примере влияния права Европейского Союза на решения российских судов). *Lex russica*, 2013, № 11, с. 1224.

[1183] CADIET, L. Sources and Destiny of French Civil Procedure in a Globalized World. In *The Dynamism of Civil Procedure - Global Trends and Developments*. Eds.: C. Picker, G. Seidman. Dordrecht: Springer, 2016, p. 73-77; ІЗАРОВА, І.О. *Теоретичні засади цивільного процесу Європейського Союзу*…, с. 52-55.

забывать и о Европейской Конвенции о правах человека и практике Европейского суда, которые вносят заметный вклад в толкование положений о справедливом суде и об эффективных средствах правовой защиты. Более того, в таких странах СНГ/ЕАЭС как Россия и Армения (которые также являются членами Совета Европы) именно последнее направление влияния и рассматривается как истинная «европеизация», поскольку только она носит для них обязательный характер.[1184] Исследованию прецедентов ЕСПЧ, в особенности принятых в отношении данных стран посвящено огромное число научных работ.[1185]

Обобщив все имеющиеся сведения, можно признать, что любое влияние может происходить в двух основных формах: *нормативно-обязательном* (при котором адресаты тех или иных установок обязаны действовать строго в соответствии с ними) и *неформальном* (при котором распространение стандартов происходит за счет авторитета выработавшего их субъекта, а инициатива главным образом исходит от самого заимствующего нормы субъекта). Кроме того, с первой из них тесно связана такая форма как квазинормативное влияние, т.е. такое, которое осуществляется при помощи не правовых, а скорее программных и политических инструментов (однако предусматривающих те или иные обязательства для подписавших их субъектов). В рамках европейского влияния на СНГ/ЕАЭС можно обнаружить все три эти формы, к рассмотрению которых мы перейдем далее.

[1184] ОВЧАРЕНКО, А.В. Реализация права на устное разбирательство с позиции Европейского суда по правам человека. *Вестник гражданского процесса*, 2013, № 5, с. 218-220; ЛЮБЧЕНКО, М.Я. Взаимодействие Европейского суда и национальных юрисдикций: европейский взгляд на гармонизацию процесса. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2014, № 1, с. 20-25.

[1185] *См. напр.* МАЛЫШЕВА, Ю.В. Право на справедливое судебное разбирательство в практике Европейского Суда по правам человека. *Российский судья*, 2016, № 8, с. 55-60; ШАДРОВА, А.Н. Развитие концепции мотивированности судебных решений в практике Европейского Суда по правам человека. *Прецеденты Европейского суда по правам человека*, 2016, № 5, с. 3-8; НУССБЕРГЕР, А. Независимость судебной власти и верховенство права в практике Европейского Суда по правам человека. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2016, № 2, с. 142-151; СКЛАДАННАЯ, Т.А. О правовых позициях Европейского Суда по правам человека в отношении разумных сроков рассмотрения судебных дел и исполнения судебных актов. *Российский судья*, 2015, № 8, с. 38-42.

2.1. Нормативно-обязательное влияние европейских инициатив на евразийские

Безусловно, те акты, которые принимаются в ЕС, являются обязательными только для государств-участников. Они представляют собой часть европейского *acquis communautaire*[1186] и подлежат применению в соответствующем государстве с момента его присоединения к Союзу (что, в частности, произошло не так давно с Хорватией[1187]). Поскольку евразийские государства (Россия, Беларусь, Армения, Казахстан и Киргизия) не являются участниками ЕС, они не только не обязаны, но и не имеют оснований руководствоваться актами этого объединения, предназначенными сугубо для внутрикоммунитарного пользования.[1188] Дальнейшая их интеграция друг с другом сделает еще менее возможной распространение на них норм права ЕС, поскольку то или иное государство может быть участником лишь одного интеграционного объединения на региональном уровне. Вместе с тем, такие акты могут представлять значение для стран, находящихся с ЕС в ассоциации или являющихся кандидатами на вступление в это объединение.[1189] В данный момент из числа государств евразийского региона к таковым относятся Украина, Молдавия и Грузия, которые одновременно с этим не имеют намерения участвовать в интеграции в формате ЕАЭС, а потому исключаются из предмета нашего исследования.

[1186] PETROV, R. Exporting the *acquis communautaire* into the Legal Systems of Third Countries. *European Foreign Affairs Review*, 2008, Vol. 13(1), p. 33-34; ALIHODŽIĆ, J. The Hague Convention 2005 and Bosnia and Herzegovina. *Anali Pravnog Fakulteta Univerziteta u Zenici*, 2016, Vol. 18, p. 109-110.

[1187] REDING, V. *Croatia on the Way to EU Membership: Challenges and Expectations*. SPEECH/11/142 [interactive. Accessed on 05.02.1017]. Access via Internet: <http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-11-142_en.pdf>.

[1188] HAZELHORST, M. *Op. cit.*, p. 17-21; ИЗАРОВА, И.А. Принцип приоритетности гражданского процесса ЕС и особенности его реализации. *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 5, с. 214-215.

[1189] PETROV, R.; KALINICHENKO, P. The Europeznization of Third Country Judiciaries Through the Application of the EU *acquis*: the Cases of Russian and Ukraine. *International and Comparative Law Quarterly*, 2011, Vol. 60(2), p. 326; MURAVIOV, V. The Acquis Communautaire as a Basis for the Community Legal Order. *Miskolc Journal of International Law*, 2007, Vol. 4(2), p. 39-40; SUBOTIC, J. Europe is a State of Mind: Identity and Europeanization in the Balkans. *International Studies Quarterly*, 2011, Vol. 55(2), p. 311.

Европейский Союз, безусловно, осознает, что выработанные им нормы могут представлять интерес для третьих стран, в связи с чем использует различные механизмы их распространения «вовне», принимая во внимание собственные политические устремления и таковые своих государств-участниц.

Наиболее очевидным способом приобщения к *acquis communautaire* является заключение третьими странами с ЕС соглашений, входящих в предмет «европейского пространства правосудия». Прежде всего здесь идет речь об установлении норм о подсудности, признании решений и взаимном оказании правовой помощи (поскольку остальные положения процессуального права ЕС являются чрезмерно комплексными и требующими гораздо большей степени интеграции сотрудничающих правопорядков, чем могут дать их несистематические контакты по соответствующим вопросам). У ЕС уже есть позитивный опыт заключения таких соглашений с третьими странами: речь, разумеется, идет о Луганской Конвенции (1988 г.) и ее обновленной редакции (2007 г.).[1190] При этом последняя была заключена и подписана со стороны ЕС именно Союзом в целом, а не его отдельными странами-участницами, что свидетельствует об осознании «внешнего направления» процессуальной политики как компетенции «квазифедерального» центра (а не децентрализованного полномочия государств-участников).[1191] Изначально данная Конвенция была заключена с представителями Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), которые были достаточно близки странам ЕС по экономическим, политическим и

[1190] КАЛИНИЧЕНКО, А.А.; МИХАЙЛОВА, С.А. Эволюция норм и стандартов ЕС в сфере признания и исполнения решений по гражданским делам. *Актуальные проблемы российского права*, 2014, № 1, с. 128.

[1191] KOTUBY, Ch. External Competence of the European Community in the Hague Conference on Private International Law: Community Harmonization and Worldwide Unification. *Netherlands International Law Review*, 2001, Vol. 48, p. 21; ПУХАЛЕНКО, В.П. Правовые основы сотрудничества Европейского Союза и Украины по вопросам гражданского правосудия. *Проблемы законности*, 2014, № 126.

правовым показателям.[1192] Однако она является актом «открытого характера», что означает возможность присоединения к ней и иных стран.[1193] По содержанию Луганская Конвенция близка к Регламенту «Брюссель I» и устанавливает аналогичные нормы в области подсудности, *lis pendens*, признания и исполнения решений по гражданским и коммерческим делам.

Безусловно, членство в этой Конвенции не равнозначно нахождению в рамках «единого пространства правосудия». *Во-первых*, Конвенция затрагивает лишь ограниченный предмет регулирования (являющийся схожим с таковым у Регламента «Брюссель I»), а значит ее положения не касаются всего остального европейского *acquis* (включающего в широком своем понимании и нормы об альтернативном разрешении споров, и об «автономных» процедурах). *Во-вторых*, даже в новой своей редакции Конвенция уступает по степени прогрессивности своих норм инструментам ЕГП. Приближение ее к актуальным версиям европейских Регламентов потребует очередного пересмотра, что явно займет значительное время. *В-третьих*, Конвенция лишена эффективной формы трактовки ее положений, которую мог бы обеспечить Суд ЕС.[1194] Те же решения, что принимаются данным органом в отношении «параллельного» брюссельского Регламента, не являются обязательными для участниц Луганской Конвенции.

Тем не менее, данная Конвенция, безусловно является достаточно эффективным способом заинтересованных стран осуществить сближение своего права с правом ЕС, поскольку она предусматривает принятие на себя всеми сторонами равных обязательств (так что и участвующие в ней

[1192] ЕЛИСЕЕВ, Н.Г. История возникновения и общая характеристика Брюссельской и Луганской Конвенций о подсудности и исполнении судебных постановлений по гражданским и торговым делам. *Московский журнал международного права*, 2002, № 3, с. 82-83.

[1193] Конвенция о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам. *Международные конвенции о взаимодействии судов и судебно-правовом сотрудничестве по гражданским и коммерческим делам. Библиотечка журнала «Вестник ВАС РФ». Специальное приложение к № 10, октябрь 2000 г.* Москва: ЮРИТ-Вестник, 2000, с. 29-64 (ст. 60(c)).

[1194] von MEHREN, A. *Adjudicatory Authority in Private International Law*. Leiden: Nijhoff, 2006, p. 72; АНСЕЛЬ, Ж.-П.; АБАССИ, М. Исполнение иностранных судебных решений. *Журнал российского права*, 2006, № 3, с. 39.

страны ЕС, и третьи государства руководствуются одинаковыми правилами определения подсудности и признания и исполнения решений). В связи с этим многие представители стран ЕАЭС высказывают предложения о необходимости присоединения своих государств в данному инструменту.[1195]

В реальности добиться такого присоединения не слишком легко. Несмотря на указанную «открытость» Конвенции, стать ее участником третье государство (не член ЕС или ЕАСТ) может лишь по приглашению одного из участников и с единодушного согласия всех уже участвующих государств.[1196] Новая редакция Конвенции дала право потенциальным кандидатам самим запрашивать членство и присоединяться к Конвенции в отношениях с теми странами, которые не высказали возражения относительно их участия (однако тем самым подрывается единство установленного этим актом режима).[1197] Безусловно, учитывая формирование этой Конвенцией механизма, приближенного к европейскому (основанному на взаимном доверии), рассчитывать на подобное приглашение (и одобрение) может лишь государство, действительно пользующееся уважением и хорошей репутацией среди действующих членов.[1198] Стоит отметить, что за все время существования прежней редакции Луганской Конвенции к ней смогла присоединиться лишь Польша. Из этого следует, что само содержание и «дух» этого

[1195] ГЕРАСИМЧУК, Э.И. К вопросу о присоединении РФ к Луганской Конвенции. *Московский журнал международного права*, 2006, № 2, с. 170; ХАБРИЕВА, Т.Я. Международное сотрудничество в области признания и исполнения иностранных судебных решений. *Журнал российского права*, 2006, № 8, с. 4-6; КОНЕВ, Д.В. Вынесение решения по гражданским и торговым делам как предпосылка для признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений: анализ практики Суда Европейских сообществ. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2008, № 2, с. 35-36.

[1196] *Конвенция о юрисдикции и приведении в исполнение судебных решений по гражданским и коммерческим делам*, ст. 62(1)(b).

[1197] Convention on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Union*, 10.06.2009, L 147, p. 22-23 (Art. 72); ПОПОВ, Е.В. Унификация вопросов исполнения судебных решений и судебного сотрудничества по гражданским делам в ЕС. *Юридический мир*, 2011, № 10, с. 50.

[1198] *См.* КОНЕВ, Д.В. Отдельные вопросы признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2007, № 2, с. 41-45; КАЛИНИЧЕНКО, П.А.; МИХАЙЛОВА, С.А. Эволюция норм и стандартов ЕС в сфере признания и исполнения решений по гражданским делам. *Актуальные проблемы российского права*, 2014, № 1, с. 125-136.

инструмента препятствовали широкому присоединению к нему третьих стран.[1199]

Несомненно, что помимо Луганской Конвенции ЕС может согласовать и другие соглашения с третьими странами (особенно в сферах, касающихся семейных, алиментных и наследственных дел). Однако ожидать того, что страны СНГ/ЕАЭС смогут с большей вероятностью успеха присоединиться к ним, не следует, поскольку они будут либо носить достаточно общий характер (и в таком случае не будут иметь никакого приоритета перед другими международными актами, в частности, заключенными в рамках Гаагской Конференции), либо будут предусматривать более либеральные режимы, но одновременно и будут весьма разборчивы в подборе потенциальных участников. Необходимо отметить, что выходом из положения не будет заключение странами евразийского региона двусторонних или многосторонних соглашений с отдельными странами ЕС, поскольку последние могут считаться утратившими свою компетенцию по вступлению в подобные акты в обход общеевропейских процедур.[1200] Иными словами, ЕС удалось подвергнуть коммунитаризации не только внутреннее сотрудничество по гражданским делам между странами-участницами, но и его внешнее пространство – взаимодействие с третьими государствами. Тем самым, с одной стороны процесс заключения договоров упрощается – договариваться необходимо будет с одним субъектом, а потенциальные последствия будут распространяться на всех его участников. С другой же стороны, ЕС как «федеральный центр» более обдуманно будет подходить к выбору партнеров, а последним для заключения соглашений придется выполнить ряд более строгих условий, включая приведение собственных правопорядков в соответствие с европейскими стандартами.

[1199] HEISS, H.; SUPRÓN-HEIDEL, A. EU Enlargement: Aspects of (International) Procedural Law. *European Journal of Law Reform*, 2002, Vol. 4, p. 152-154.

[1200] ПУХАЛЕНКО, В.П. *Указ. соч.*

2.2. «Квазинормативное» влияние европейских инициатив на евразийские

Помимо заключения юридически обязательных договоров, ЕС активно использует и другие средства воздействия на право третьих стран, носящие в большей мере политический характер. При этом интенсивность их применения с годами только возрастает.[1201] Наибольшую заинтересованность у ЕС вызывают близлежащие («*соседние*») страны, с которыми данное объединение поддерживает тесные связи в разных областях.

Что касается стран СНГ/ЕАЭС, то с самого распада СССР Евросоюз стремился выстраивать с ними партнерские правоотношения. Для этой цели он (как и в случае с другими государствами) использовал традиционные соглашения о партнерстве и сотрудничестве (СПС). Подобные документы были подписаны практически со всеми бывшими союзными республиками в период 1994-1998 гг.[1202] Они не предусматривали присоединения евразийских стран к Союзу, а являлись лишь обычными политико-экономическими договоренностями.[1203] Тем не менее, данные акты содержали определенные положения и о правовых реформах. Так, в ст. 55(1) Соглашения с РФ говорилось о важности сближения законодательства для укрепления экономических связей. При этом далее говорилось об обязанности России стремиться к постепенному достижению совместимости своего законодательства с

[1201] CARDWELL, P. *EU External Relations Law and Policy in the Post-Lisbon Era*. The Hague: Springer, 2012, p. 218.

[1202] *См.* Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими Сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. *Собрание законодательства РФ*, 1998, № 16, ст. 1802; Постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 12.04.1995 г. № 3719-XII «*О ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Европейскими Сообществами и их Государствами-членами и Республикой Беларусь*» [электронный ресурс. Дата доступа: 05.07.2016]. Доступ через Интернет: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/org66/basic/text0442.htm>; *Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Республикой Казахстан, Европейскими Сообществами и их государствами-членами* от 23.01.1995 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 05.07.2016]. Доступ через Интернет: <https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/pca_kazakhstan_ru.pdf>.

[1203] КЕЛЛЕРМАНН, А. Последствия расширения Европейского Союза для Российской Федерации. *Право и политика*, 2005, № 1, с. 95.

законодательством ЕС. Иными словами, в качестве стандарта сближения избиралось именно европейское право (которое рассматривалось как более совершенное по сравнению с лишь недавно избавившегося от пережитков социализма права РФ). Аналогичные положения содержались и в Соглашениях с Казахстаном (ст. 43(1)) и Беларусью (ст. 52(1)). При этом в случае с последним государством текст акта использовал термин «приближение», а не «сближение», что на наш взгляд точнее передает суть происходящих процессов. Использование евразийскими государствами стандартов ЕС в качестве ориентиров для реформирования своего законодательства не порождало равноценных встречных обязанностей у стран-участниц ЕС и не ставило государства СНГ в один ряд с последними.

Разумеется, о заметной роли рассматриваемых Соглашений в развитии ГПП не могло идти речи. Сами данные акты носили комплексный характер и включали более 100 статей и многочисленные приложения, а круг регулируемых ими вопросов простирался от формирования политического диалога и развития трансграничной торговли до получения грантов на экономические реформы и культурного сотрудничества. Даже при наличии желания стран-партнеров урегулировать определенные процессуальные вопросы в рамках этих соглашений, они имели большой риск потеряться в общем массиве норм. Так и произошло, например, с нормой о предоставлении равного доступа к суду и поощрению развития арбитражных институтов (ст. 98 Соглашения с РФ, ст. 84 Соглашения с Казахстаном). Несмотря на ее активное использование во взаимодействии государств, она так и не стала основой для более заметной гармонизации ГПП стран-партнеров.

Не являлись особо полезными и нормы о «сближении права» более общего характера. Во второй части уже упомянутой ст. 55 Соглашения с РФ содержался перечень приведенных отраслей для аппроксимации, который не включал «гражданского процесса» или «судебного сотрудничества». Несмотря на то, что перечень не был закрытым,

становилось очевидно, что упомянутые направления гармонизации и унификации не были в числе приоритетных.

В дальнейшем ЕС представил для стран евразийского региона новую программу сотрудничества – *Европейскую Политику Соседства, ЕПС* (2004 г.). Для постсоветских государств, находящихся в непосредственной близости от ЕС была предусмотрена особая ее форма под названием «*Восточного Партнерства*».[1204] Обе программы предусматривали собой рамочные формы сотрудничества со странами, расположенными в непосредственной близости от ЕС. Их суть состояла в том, что ЕС активно способствовал политическим и правовым преобразованиям, а также приближению участвующих стран к европейским стандартам (*acquis communautaire*).[1205] Таким образом, ЕПС была инструментом распространения европеизации. Взаимен ЕС гарантировал странам-партнерам доступ к рынкам товаров, услуг и капитала (и сам получал доступ на их аналогичные рынки).[1206]

Интересно, что ЕПС изначально рассматривалась как программа для тех стран, которые не собирались (или не могли с точки зрения самого ЕС) стать в среднесрочной перспективе его членами.[1207] Не все страны СНГ/ЕАЭС участвовали в Партнерстве: так, взаимодействие со странами Средней Азии (Казахстан, Киргизия) изначально осуществлялось ЕС в других форматах, а Россия сама отказалась принять

[1204] КУЗНЕЦОВ, А.И. Добрососедство и европейская политика соседства: в чем различие? *Балтийский регион*, 2009, № 2.

[1205] ANDERSON, J.; BERNSTEIN, D.; GRAY, C. *Judicial Systems in Transition Economies*. Washington: World Bank Publications, 2005, p. 16-17; HARPAZ, G. Approximation of Laws under the European Neighbourhood Policy: the Challenges that Lie Ahead. *European Foreign Affairs Review*, 2014, Vol. 19(3), p. 430; ФАРХУТДИНОВ, И.З. Европа без России? Региональный европейский конгресс (2-4 августа 2007 г., Берлин) глазами очевидца. *Право и политика*, 2007, № 12, с. 145-149; ТРУБАЧЕВА, К.И. Правовые основы построения взаимоотношений между Европейским Союзом и Республикой Беларусь. *Актуальные проблемы российского права*, 2014, № 5, с. 972.

[1206] PETROV, R.; KALINICHENKO, P. On Similarities and Differences of the European Union and Eurasian Economic Union Legal Orders: Is There the 'Eurasian Economic Union Acquis'? *Legal Issues of Economic Integration*, 2016, Vol. 43(3), p. 297.

[1207] БРАГИНА, Е.В. Европейская политика соседства и Украина: процесс европеизации. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер. Социально-гуманитарные науки*, 2012, № 32, с. 191.

участие в ЕПС, в связи с чем для нее была разработана в качестве замены так называемая «политика четырех общих пространств».[1208]

ЕПС осуществлялась по установленной ЕС схеме, где в отношении каждого государства готовился отчет о его политическом и экономическом положении, составлялся План действий, в котором определялись приоритеты соответствующих реформ и этапы их осуществления, а также Отчет о прогрессе, в котором выражались достигнутые успехи.

Как и ранее, значительное внимание уделялось экономическому развитию, торговле и инвестициям, регулированию миграции, безопасности, развитию демократии и институтов гражданского общества, а также уголовному сотрудничеству.[1209] ГПП как таковое вновь не попало в число приоритетных направлений сотрудничества. Однако необходимо отметить, что «правосудие» в широком смысле упоминалось в Планах действий как один из объектов взаимодействия.[1210] Более того, для стран Восточного Партнерства ЕС видел одной из значимых задач демократизацию управления, обеспечение верховенства закона, внедрение принципа справедливого судебного разбирательства в процесс и обеспечения надлежащего доступа к суду.[1211] Предлагался список реформ, который мог улучшить положение соответствующего государства и приблизить его к европейским стандартам.[1212]

[1208] BLOCKMANS, S. EU–Russia Relations Through the Prism of the European Neighbourhood and Partnership Instrument. *European Foreign Affairs Review*, 2008, Vol.13, p. 167; ГРЕЦКИЙ, И.; ТРЕЩЕНКОВ, Е. Европейская политика соседства: нюансы восприятия в России [электронный ресурс. Дата доступа: 08.12.2016]. Доступ через Интернет: <www.intertrends.ru/thirtieth/Gretskiy.pdf>, с. 124.

[1209] ПУХАЛЕНКО, В.П. Правовые основы сотрудничества Европейского Союза и Украины по вопросам гражданского правосудия. *Проблемы законности*, 2014, № 126; PETROV, R.; KALINICHENKO, P. The Europeanization of Third Country Judiciaries Through the Application of the EU Acquis: the Cases of Russia and Ukraine. *International and Comparative Law Quarterly*, 2011, Vol. 60(2), p. 328.

[1210] БРАГИНА, Е.В. *Указ. соч.*, с. 192.

[1211] КУЗНЕЦОВ, А.И. Добрососедство и европейская политика соседства: в чем различие? *Балтийский регион*, 2009, № 2, с. 76.

[1212] МИНАСЯН, С. Армения и программа ЕС «политика европейского соседства». *Центральная Азия и Кавказ*, 2005, № 6, с. 88-89.

Хотя проект ЕПС, безусловно, является важным механизмом влияния и распространения ЕС своих нормативных подходов, его значение для преобразования сферы ГПП евразийских стран не следует переоценивать. *Во-первых*, крайне незначительно было участие соответствующих государств в формулировании стандартов. В итоге, у их представителей возникло представление о «силовом навязывании», чего бы не случилось при использовании иных механизмов, дающих возможность высказаться каждому из субъектов.[1213] *Во-вторых*, страны-партнеры не имели большой заинтересованности в изменении собственного законодательства, не имея подтвержденных намерений ЕС принять их в число участников этого объединения. Страны региона, несомненно, могли использовать интересующие их образцы европейского права, но едва ли достичь глубокого осмысления *acquis communautaire*. *Наконец*, был не до конца очевиден нормативный потенциал ЕПС. Многие из предусмотренных им правовых мер являлись лишь отсылками к иным актам (например, к инструментам Гаагской Конференции), тогда как содержание его собственных документов делало упор на изменениях в экономике и политической сфере.

Несмотря на выделенные недостатки, при помощи ЕПС действительно оказывалось возможным распространять знания о европейских нормах, об их толковании и применении, а также об общей логике их функционирования. В этой связи вся соответствующая политика может рассматриваться как разновидность подсобных механизмов сближения права, о необходимости существования которых мы заявляли в первом разделе работы.

Используемые ЕС для сотрудничества с Россией и Казахстаном механизмы сотрудничества едва ли были более продуктивными, чем те, что применялись в рамках ЕПС. Так, в отношениях с Россией ЕС

[1213] BLOCKMANS, S. EU–Russia Relations Through the Prism of the European Neighbourhood and Partnership Instrument. *European Foreign Affairs Review*, 2008, Vol.13, p. 174; МЕЛЬЯНЦОВ, Д. Обновленная политика соседства ЕС: за стабильность старыми методами [электронный ресурс. Дата доступа: 09.03.2017]. Доступ через Интернет: <http://belinstitute.eu/ru/node/2844>.

образовал четыре общих пространства, одно из которых именовалось «пространством свободы, безопасности и правосудия».[1214] Суть партнерства в рамках этого «пространства» раскрывалась в рамках соответствующей Дорожной карты,[1215] в которой вопросам судебного сотрудничества было посвящено лишь небольшое количество положений от общего объема. Данные положения преимущественно говорили о перспективах создания такого «общего пространства» в отдаленном будущем, а также о необходимости более тесного сотрудничества в сфере юстиции в настоящем.[1216] При этом больше внимания уделялось уголовному процессу, а не гражданскому. В качестве задачи называлось повышение эффективности судебной системы России и государств-участников ЕС, а также независимости суда. Предполагалось обмениваться опытом по судебной реформе, проводить профессиональную подготовку должностных лиц и изучать возможность сотрудничества по проектам, направленным на укрепление судебной системы. В плане сотрудничества по гражданским делам было предусмотрено активное участие в уже имеющихся Гаагских Конвенциях (о получении доказательств, о вручении документов). Кроме того, предлагается изучить возможность заключения соглашения между Россией и ЕС о судебном сотрудничестве по гражданским делам.[1217] Последнее положение, однако, не конкретизировало сроки и возможное содержание потенциального инструмента, а также не устанавливало для сторон прямой обязанности начать над ним работу.

[1214] МИХАЙЛОВА, С.А. *Правовое регулирование сотрудничества судебных органов по гражданским, торговым и семейным делам в рамках Европейского Союза*. Москва: Московская государственная юридическая академия, 2012, с. 4.

[1215] РОМАНОВА, Т.А.; ЭНТИН, К.В. Россия и Европейский Союз: политико-правовые аспекты. В: *Россия в современных интеграционных процессах*. Под ред. С.А. Афонцева, М.М. Лебедевой Москва: МГИМО-Университет, 2014; ВОЙНИКОВ, В.В. Перспективы развития общего пространства свободы, безопасности и справедливости между РФ и ЕС. *Современная Европа*, 2015, № 5, с. 59.

[1216] *«Дорожная карта» по общему пространству свободы, безопасности и правосудия, утверждённая на саммите Россия-ЕС*, Москва, 10.05.2005 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 02.05.2017]. Доступ через Интернет: <http://kremlin.ru/supplement/3588>, п. 3.1.

[1217] *Там же,* п. 3.3.

На первое место в «Дорожной карте» ставились вспомогательные, а не нормативные способы сближения. Документ содержал перечень целей и конкретных мероприятий. Устанавливались обязанности практического характера и предусматривались ссылки на иные акты (существующие или подлежащие принятию), которыми и предлагалось урегулировать процессуальную сферу взаимодействия партнеров. Таким образом, данный формат сотрудничества не носил нормативного характера, а сама «Дорожная карта» не могла быть охарактеризована даже как модельный акт (поскольку содержала не конкретные нормы, а лишь общие декларации). В отличие от актов ЕПС, «Дорожная карта» была мягче в оценке российской правовой системы и содержала меньше критики, а местами говорила о том, что обязанности по проведению реформ возлагаются на партнеров «в равной мере».[1218] Связано это было с особым статусом участия РФ во взаимодействии с ЕС и политическими мотивами последнего по отношению к этой стране.

В целом, именно эта политическая составляющая и сводила на нет правовое значение принимаемых в порядке «квазинормативного влияния» мер. Сотрудничество ЕС с тем или иным государством СНГ/ЕАЭС строилось на различных началах и зависело от географического положения, размера его территории, степени вовлеченности в торговлю с европейскими странами, политического режима и других факторов. Особые формы взаимодействия с Россией и Казахстаном также привели к разрозненности и к отсутствию общей повестки у ЕС по вопросу взаимодействия со странами евразийского региона. Евросоюз воспринимал данные страны как отдельных участников диалога, а не объективно составляющих один регион субъектов.[1219] Отчасти это объяснялось неразвитостью интеграционных

[1218] PETROV, R.; KALINICHENKO, P. *The Europeanization of Third Country Judiciaries…*, p. 352.

[1219] ЛОНГХАРСТ, К. Дифференциация европейской политики соседства и ее последствия для Украины [электронный ресурс. Дата доступа: 16.07.2016]. Доступ через Интернет: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_longhurst_enp_rus_june2008.pdf>,

связей, а отчасти стремлением ЕС вовлечь страны СНГ в орбиту собственной политики. Тем не менее, если дифференцированный подход к сотрудничеству и имел смысл в политическом плане, то в правовой сфере он, напротив, препятствовал дальнейшему сближения права на основе единых стандартов. В будущем, с укреплением и расширением Евразийского Экономического Союза, необходимо будет искать формат взаимодействия с данными странами как с частями единого целого.

Следует отметить, что ЕС ни в коем случае не воспринимал ни ЕПС, ни «общие пространства» с Россией, ни партнерство с Казахстаном как «территориальное расширение» своего пространства правосудия (как это имело место, в частности, с «луганским режимом»). Среди предлагаемых им странам-партнерам мер нет взаимных обязательств по заключению новых международных договоров о подсудности или признании решений (лишь указание в отдельных случаях на такую потенциальную возможность в будущем). Напротив, ЕС глубоко озабочен состоянием правосудия в государствах Восточной Европы и стремится предложить варианты его совершенствования.[1220] Только при успешном завершении реформ судебных систем и отраслей страны-партнеры смогут рассчитывать на дальнейший диалог, теперь уже на равных началах.[1221] В настоящий же момент ЕС просто не видит для него предпосылок.

2.3. Ненормативное влияние европейских инициатив на евразийские: заимствование норм и идей

Следует признать, что Европа (в широком смысле) всегда рассматривалась в евразийском регионе как образец для подражания и

с. 13; МАКУХ, В. Сравнительный анализ евроинтеграционной динамики стран-членов Европейской Политики Соседства. *Центральная Азия и Кавказ*, 2008, № 6, с. 25-26.

[1220] PETROV, R.; KALINICHENKO, P. *The Europeanization of Third Country Judiciaries…*, p. 329.

[1221] ПУХАЛЕНКО, В.П. *Указ. соч.*

заимствования ключевых идей.[1222] Именно здесь зародились и получили наивысшее развитие все основные доктрины гражданского процесса. Кроме того, правовые системы стран СНГ/ЕАЭС имеют значительно больше общих черт с доминирующей в континентальной Европе группой семей частного права, чем с какими-либо другими.[1223] Для многих стран региона также характерна именно европейская правовая культура, которая не была забыта за годы советской власти, и ныне вновь определяет направление правовых реформ.

Помимо названных культурно-идеологических предпосылок определенные заимствования происходят и по политическим соображениям: ЕС остается важным торговым партнером и инвестором в экономики евразийских стран, а потому они стремятся сделать свои системы похожими на европейские и понятными европейскому обывателю.[1224] Разумеется, делается это и для того, чтобы убедить зарубежные страны в качестве собственного правосудия, в возможности как разрешать споры в самих евразийских странах, так и признавать их решения за рубежом.[1225]

Таким образом, мы видим две самостоятельные цели заимствования у ЕС: (1) модернизация собственного законодательства с опорой на (предположительно) более совершенный образец; (2) углубление сотрудничества с Евросоюзом, улучшение политических, экономических и правовых связей с ним.[1226] Первая цель может быть

[1222] САЕНКО, А.В. *Принципы международного гражданского процесса*: автореферат дисс. кандидата юридических наук. Москва: РУДН, 2013, с. 23.

[1223] МЕРЕУЦЭ, Р.И. Принципы и нормы международного права в правовых системах стран СНГ. *Российская юстиция*, 2014, № 6, с. 67-68.

[1224] *Интеграционное правосудие: сущность и перспективы*. Отв. ред. С.Ю. Кашкин, Москва: Норма, 2014, с. 6; КРОХАЛЕВ, С.В. *Категория публичного порядка в международном гражданском процессе*. Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006, с. 335.

[1225] ЯРКОВ, В.В. Дискуссионные вопросы международного гражданского процесса в России. *Реформа гражданского процесса в суде первой инстанции в государствах Балтийского моря и Центральной Европы*, 16-19 сентября 2004 г. Вильнюс, 2005, с. 171-172; КОНЕВ, Д.В. Вынесение решения по гражданским и торговым делам как предпосылка для признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений: анализ практики Суда Европейских сообществ. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2008, № 2, с. 35-36.

[1226] ЗАЛОИЛО, М.В.; КОЗЫРЕВА, А.В. Взаимосвязь российского правопорядка и правопорядка Совета Европы. *Актуальные проблемы российского права*, 2015, № 6, с. 216.

обозначена как «внутренне-ориентированная», тогда как вторая как «внешне-ориентированная». При этом в первом случае заимствование будет отличаться от унификации или гармонизации меньшей продуктивностью, поскольку не будет предполагать не только принятия «донором» на себя каких-либо обязательств, но даже участия им в подготовке реформ и корректировке каких-либо неверно понятых положений собственного (заимствуемого) права. Тем не менее, принятие более совершенных стандартов, несомненно, повышает эффективность существующих систем ГПП, делает их более современными и качественными.[1227] В качестве примера подобного заимствования можно привести страны Балканского региона, где входившие в него страны активно рассматривали предложение о принятии в отношениях между собой Конвенции о подсудности и признании решений, подобной тем, что действуют в ЕС. Предполагалось, что это будет не только усиливать текущие связи между ними, но и станет дополнительным плюсом при их дальнейшем потенциальном вступлении в Евросоюз.[1228]

Следует отметить, что существуют две самостоятельные тактики заимствования: восприятие норм и восприятие идей. В первом случае речь идет о возможном принятии органами ЕАЭС или его странами-участницами актов по тем же предметам, что и в ЕС: подсудность и признание/исполнение в отдельных сферах, получение доказательств, вручение документов, медиация и доступ к правосудию. Во втором же случае будет происходить перенос самой *логики* функционирования ЕГП на отечественную почву. Нам кажется наиболее оптимальным именно второй вариант, поскольку он надлежащим образом учитывает *контекст*,

---

[1227] КУДРЯВЦЕВА, Е.В. Гармонизация и унификация гражданского процессуального права в европейских странах. *Реформа гражданского процесса в суде первой инстанции в государствах Балтийского моря и Центральной Европы*, 16-19 сентября 2004 г. Вильнюс, 2005, с. 246; КРЫМСКИЙ, Д.И. Гармонизация гражданского судопроизводства в странах Европейского Союза: достигнутые результаты и перспективы развития. *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2008-2009, № 7, с. 224.

[1228] BATMAN, A.; KRAM, D.; LEIFKER, M. *European Civil Procedure Law: a Role Model for Potential Candidate States in the Western Balkan region?* [electronic. Date of Access: 05.03.2017]. Access via Internet: <www.ejtn.eu/Documents/Themis%20Luxembourg/Written_paper_Germany3.pdf>.

в котором функционируют европейские инструменты. Как мы уже отмечали, все они формируют единую систему,[1229] для которой характерны свои особенности, собственные принципы и идеи. Далеко не все из них становятся ясны читателю при ознакомлении лишь с текстом соответствующего акта: требуется помимо этого проанализировать первичное право ЕС, прецедентную практику Суда ЕС, акты «мягкого права», политические программы (которые закрепляют план действий на определенный период времени и которых страны-участницы должны придерживаться), а также доктринальные представления юристов. Именно в этой связи и необходимо всеми доступными средствами участвовать в «обмене знаниями» с европейскими партнерами, узнавать больше о европейском праве и о среде, в которой оно функционирует. Без помощи и поддержки представителей ЕС не удастся выстроить слаженно работающие системы, такие как трансграничное приказное производство[1230] или производство по небольшим искам.[1231] Они имеют в своей основе принцип «взаимного доверия», значение которого и его соотношение с принципом «взаимного признания» может быть понято только посредством систематического изучения доктрин европейского права. Впрочем, говоря об «автономных» процедурах, следует признать, что их установление и вовсе не выглядит возможным в евразийском пространстве в настоящее время. Дело в том, что регион находится на такой стадии развития, которая условно является аналогичной второй стадии развития сближения гражданского процесса в ЕС (*кооперация*), а в некоторых аспектах (отсутствие общей повестки, стремления к расширению регулирования, малое количество судебных дел) не преодолел даже этап *неупорядоченного сотрудничества*.

[1229] KRAMER, X. *Procedure Matters: Construction and Deconstruction in European Civil Procedure*. Rotterdam: Eleven International Publishing, 2013, 12-19.

[1230] Regulation (EC) No 1896/2006 of 12 December 2006 creating a European order for payment procedure. *Official Journal of the European Union*, 30.12.2006, L 399, p. 1-32.

[1231] Regulation (EC) No 861/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 establishing a European Small Claims Procedure. *Official Journal of the European Union*, 31.07.2007, L 199, p. 1-22.

Другой проблемой являются периодические изменения в процессуальном законодательстве ЕС. Так, в 2015 г. вступила в силу новая редакция Регламента «Брюссель I», предусмотревшая упразднение экзекватуры по гражданским и коммерческим делам, а также внесшая некоторые изменения в нормы о подсудности, однако в странах евразийского региона этому событию было посвящено лишь несколько публикаций[1232] и неофициальный перевод текста самого акта (на русский язык). Вместе с тем, до сих пор нет официального перевода ни на один из языков ЕАЭС Регламентов 655/2014 об ордере по обеспечению счетов, 2015/848 о процедурах банкротства (новой редакции) и некоторых других. Это означает, что при попытке заимствования норм ЕГП за основу будет браться не самое актуальное, а, следовательно, не столь совершенное законодательство.

Следует также заметить, что есть и такие черты ЕГП, копировать которые не следует по причине их негативного характера.[1233] Дело в том, что в европейском регионе ГПП развивалось в значительной мере интуитивно, без надлежащей проработки структуры и логики этого нормативного комплекса, в связи с чем к настоящему моменту накопилось немало проблем.[1234] Речь идет прежде всего об отсутствии четко определенного правового основания для принятия норм в сфере процесса, в связи с которым для этой цели в ЕС используются как ст. 81, так и ст. 114 ДФЕС. Между тем, ни одна из них не содержит самого термина «гражданский процесс»: в первом случае речь идет лишь о «судебном сотрудничестве», а во втором – о гармонизации внутреннего права для нужд единого рынка. Нигде не говорится и о полномочии ЕС устанавливать общие принципы и правила для гражданского процесса как

[1232] *См.* КАЛИНИЧЕНКО, П.А.; МИХАЙЛОВА, С.А. *Указ. соч.*, с. 125-136; ТЕРЕХОВ, В.В. Основные нововведения реформированного Регламента ЕС о юрисдикции и признании и исполнении решений. *Вестник гражданского процесса*, 2014, № 6, с. 204-229.

[1233] КАПУСТИН, А.Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс. *Журнал российского права*, 2015, № 11, с. 65.

[1234] KRAMER, X. *Procedure Matters: Construction and Deconstruction in European Civil Procedure*..., p. 23-26; KRUGER, T. *The Disorderly Infiltration of EU Law in Civil Procedure…*, p. 2-4.

на национальном, так и на европейском уровне. В ЕАЭС предлагается посвятить гражданскому судопроизводству отдельную норму (или главу), где указать на те же самые принципы, а также четко закрепить, какие из процессуальных отношений должны регулироваться нормами наднационального, а какие – внутреннего права (т.е. разграничить определенным образом компетенцию). Это в особенности важно, учитывая доминирующие в евразийских странах позитивистские представления о праве и нежелание наделенных полномочиями субъектов давать расширительную трактовку положениям учредительных договоров.

Не обязательно следовать в евразийском регионе и всем стадиям, которые прошел в своем развитии ЕГП. Так, уже с самого начала можно сформировать рабочую группу для анализа действующего процессуального законодательства стран-участниц и подготовки к принятию минимальных стандартов (правил и принципов) в этой отрасли (подобных тем, которые в настоящий момент – после 15 лет хаотичного развития – активно разрабатывают Европейский институт права и УНИДРУА).[1235]

2.4. Смешанное влияние европейских инициатив на евразийские: роль Европейской Конвенции и практики ЕСПЧ

Как уже отмечалось в первом разделе работы, мощным «орудием» сближения национального права является Европейская Конвенция о правах человека, дополненная судебной практикой ЕСПЧ. В особенности сильна роль этих инструментов в развитии процессуальных прав (доступ к суду, справедливое разбирательство, надлежащее исполнение решений), поскольку закрепляющая их ст. 6 является одной из наиболее часто

[1235] ТЕРЕХОВ, В.В. Гармонизация гражданского процессуального права в Евразийском регионе: постановка проблемы. *Правотворчество и правоприменение в условиях инновационного развития общества: сборник научных статей*, Гродно, 2014, с. 455-456; Он же. Проблемы гармонизации гражданского процессуального права в Евразийском регионе. *Проблемы гражданского судопроизводства в трудах и деятельности М.С. Шакарян. Материалы международной научно-практической конференции*, Москва, 2014, с. 160.

нарушаемых конвенционных норм, предоставляя Суду многочисленные возможности истолковать ее содержание.

Говоря о характере влияния (нормативном или ненормативном) положений Конвенции и постановлений ЕСПЧ на евразийский правопорядок, следует отметить следующее. Прежде всего, ни СНГ, ни ЕАЭС не являются формальными участниками Конвенции. Более того, они едва ли смогут стать ими в обозримом будущем, поскольку членство в ЕКПЧ не является открытым для любого межгосударственного объединения. Принятый в 2004 г. Протокол № 14 пока что сделал исключение лишь для Европейского Союза, прямо предусмотрев, что последний «вправе присоединиться» к ЕКПЧ,[1236] причем к настоящему моменту реализация этого «права» находится под большим вопросом.[1237] На наш взгляд, следует рассматривать положения Протокола как исключение и вынужденный компромисс, обусловленный возникшим дуализмом в защите прав человека в рамках Европы и необходимостью выстроить определенную иерархию между Судами в той сфере, где предмет их деятельности частично пересекается. ЕАЭС же с очевидностью не может претендовать на то, чтобы стать участницей ЕКПЧ, тем более, что многие из стран-членов вовсе не являются «европейскими государствами». Таким образом, контроля за решениями и действиями этого объединения институты Совета Европы лишены.

Вместе с тем, такой контроль имеется у них в отношении двух государств ЕАЭС, являющихся одновременно и участниками Конвенции – России и Армении.[1238] Последние обязаны руководствоваться не только

[1236] *Протокол № 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, вносящий изменения в контрольный механизм Конвенции*, подписан в Страсбурге 13 мая 2004 г., CETS N 194, ст. 17.

[1237] ИСПОЛИНОВ, А.С. Суд Европейского союза против присоединения ЕС к Европейской конвенции по правам человека (причины и следствия). *Международное правосудие*, 2015, № 1, с. 118-134; ЭНТИН, К. Присоединение Европейского союза к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: анализ Заключения Суда ЕС 2/13. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2015, № 3, с. 83-91.

[1238] КОЖЕУРОВ, Я.С. Перспективы взаимоотношений ЕСПЧ и Евразийского экономического союза. *Актуальные проблемы российского права*, 2015, № 11, с. 185; ПОПОВА, О.В. Правовые основы исполнения судебных решений в странах Евразийского экономического союза в свете глобализации. *Современный юрист*, 2014, № 2, с. 25.

теми стандартами, что вырабатываются в ходе евразийской интеграции, но и теми, что созданы в рамках Европейской Конвенции. Впрочем, оставшиеся страны ЕАЭС (составляющие большинство) не являются участниками Конвенции (и членами Совета Европы), поскольку либо не изъявили желания, либо по формальным причинам не могут ими стать.[1239] По этой причине такие нормы Конвенции как ст. 6 (право на справедливое судебное разбирательство) и ст. 13 (право на эффективное средство правовой защиты) для них не являются обязательными. Это представляет собой существенную проблему, поскольку общепризнано, что механизм защиты прав в рамках Совета Европы является наиболее совершенным из всех существующих в мире. ЕСПЧ неоднократно обнаруживал те или иные нарушения в действующем процессуальном законодательстве участвующих в Конвенции стран,[1240] что на практике приводило к определенным позитивным мерам по его реформированию.[1241] Отсутствие обязательности Конвенции для части стран ЕАЭС означает, что деятельность Суда не будет в данном случае способствовать подлинному сближению стран региона, поскольку его постановления не являются формально обязательными для значительной части его представителей. Разумеется, можно согласиться с позицией В. Скобелева, который считает возможным заимствование, в частности Беларусью, тех подходов, которые использует Россия на основании

[1239] *см.* Устав Совета Европы. Принят в Лондоне 5 мая 1949 г., ETS N 1. *Собрание законодательства РФ*, 1997, № 12, ст. 1390 (ст. 4).

[1240] ШИНКАРЕЦКАЯ, Г.Г. Европейский Союз и Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. *Международное право и международные организации*, 2012, № 1, с. 54-64.

[1241] *См: Армения проиграла в Евросуде жертвам «общественного приоритетного интереса»* [электронный ресурс. Дата доступа: 04.04.2017]. Доступ через Интернет: <http://epress.am/ru/2016/10/28/армения-проиграла-в-евросуде-жертвам.html>; ГАСПАРЯН, Н. Какое влияние оказала ЕКПЧ на Армению? *European Human Rights Advocacy Center (Бюллетень)*, 2011, № 2(9), с. 10-11; ШАМШУРИН, Л.Л. Справедливость как принцип российского цивилистического процессуального права. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2016, № 11, с. 16-17; ШЕСТАК, В.А. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. *Российская юстиция*, 2016, № 9, с. 2-4.

вынесенных в ее отношении решений.[1242] Однако такой «неформальной» рецепции едва ли будет достаточно для формирования между странами региона прочного взаимного доверия, основанного на едином понимании базовых процессуальных категорий.

Упомянутая проблема имеет еще один существенный аспект. Согласно практике ЕСПЧ, государства-участники Конвенции не лишены права передавать часть своих полномочий международным организациям, в которых они состоят. Однако при этом они остаются полностью ответственными за любые потенциальные нарушения ЕКПЧ, даже если действуют во исполнение своих обязанностей, предусмотренных правом таких организаций.[1243] Соответственно, по общему правилу государство не может ссылаться в обоснование неисполнения своих обязанностей по Конвенции на какие-либо конкурирующие обязательства по другому международному акту (как универсального, так и регионального характера).[1244]

Из этого вытекает потенциальная возможность обнаружения со стороны ЕСПЧ нарушений в действиях Армении или России по оказанию правовой помощи (например, исполнению зарубежных решений) в соответствии с Минской Конвенций, Киевским Соглашением или любым двусторонним договором с их участием другим странам СНГ или ЕАЭС (в особенности тем, которые не являются участниками Конвенции). Подобная угроза вовсе не является надуманной и умозрительной, поскольку в практике Суда есть примеры подобного привлечения к ответственности.

[1242] СКОБЕЛЕВ, В. Гражданский процесс в Республике Беларусь: становление и развитие в условиях суверенного государства. *Евразийский гражданский процесс: к 25-летию стран СНГ и Балтии*. Под ред. Д.Я. Малешина, Москва: Статут, 2015, с. 42-43.

[1243] *See:* PAVONE, T. *The Past and Future Relationship of the European Court of Justice and the European Court of Human Rights: a Functional Analysis*, Chicago, 2012, p. 22; VIENAŽINDYTĖ, J. *Bosphorus prezumpcija ir Europos Sąjungos prisijungimas prie Europos žmogaus teisių ir pagrindinių laisvių apsaugos konvencijos*. Daktaro disertacija. Vilnius, 2016, p. 32; *Bosphorus Airways v. Ireland*, 30 June 2005, no. 45036/98, para. 153; *Avotiņš v. Latvia*, 23 May 2016, no. 17502/07, para. 101.

[1244] ШАРИФОВ, М. Злоупотребление защитой прав человека Европейским судом по правам человека при определении “суверенных пределов”. *Публично-правовые исследования*, 2011, № 3-4, с. 83.

Так, в деле *Пеллегрини* итальянский суд не удостоверился перед разрешением исполнения суда Ватикана (государства, не участвующего в Конвенции) в том, что ответчику было обеспечено в государстве происхождения справедливое судебное разбирательство.[1245] Существование соглашения между Италией и Ватиканом об исполнении судебных решений не было признано ЕСЧП надлежащим основанием для автоматического (бесконтрольного) исполнения, в связи с чем Италия была признана нарушившей ст. 6(1) Конвенции о праве на справедливый суд.[1246] Вместе с тем, фактически нарушение справедливого судебного разбирательства имело место со стороны ватиканского, а не итальянского суда. Однако Ватикан не является участником Конвенции и не может быть принужден к исполнению ее норм, тогда как на Италию такая обязанность была возложена.[1247] Таким образом, Суд поставил определенный барьер между участвующими и не участвующими странами, косвенно установив необходимость контроля за последними. Халатность в осуществлении подобного контроля фактически может привести к самостоятельному нарушению Конвенции, выражающемуся, в частности, в признании и исполнении нарушающего стандарты ЕКПЧ решения. Несколько позднее ЕСПЧ установил, что и в том случае если оба государства (вынесения и признания акта) были участниками Конвенции, последнее не освобождается от необходимости проверки соблюдения гарантий справедливого суда (хотя интенсивность такой проверки и может различаться в зависимости от обстоятельств).[1248]

Учитывая, что Беларусь, Казахстан и Киргизия не участвуют в Конвенции, оставшиеся участники ЕАЭС обязаны проявлять максимальную степень осмотрительности, исполняя поступающие из них решения или даже предварительные и обеспечительные акты. Вместе с тем, это бы противоречило необходимости стран региона тесно

[1245] *Pellegrini v. Italy*, 20 July 2001, no 30882/96, para. 47.
[1246] *Id.*, para. 48.
[1247] *Id.*, para. 40.
[1248] *Avotiņš v. Latvia*, 23 May 2016, no. 17502/07, para. 98.

сотрудничать и развивать новые, более совершенные и либеральные, чем существующие, инструменты в сфере признания решений и в других направлениях сотрудничества. Поскольку ЕСПЧ осознавал существование данной необходимости в рамках подобных интеграционных объединений и в то же время свою неспособность контролировать напрямую их решения и действия, он разработал достаточно оригинальную доктрину, позволяющую странам-участницам определенного сообщества избежать индивидуальной ответственности за нарушение Конвенции при соблюдении ряда условий. Соответствующая концепция разрабатывалась Судом (а до него предшествовавшей ему Комиссией по правам человека) на протяжении ряда лет и окончательно была сформулирована в деле *Bosphorus Airways v. Ireland*.[1249] Суд установил, что если действие предпринимается в связи с исполнением обязанностей, вытекающих из членства в организации, защищающей основополагающие права (как материальные гарантии, так и механизмы контроля за их соблюдением) в такой мере, которая может быть признана как минимум *эквивалентной* той, что приводится в самой Конвенции, такое действие будет признаваться обоснованным и не нарушающим положений ЕКПЧ.[1250] При этом «эквивалентность» защиты должна была означать *сопоставимость*, а не обязательно полную *идентичность* гарантий.[1251]

Если в конкретном деле Суд устанавливал, что эквивалентная защита в действительности была обеспечена соответствующей организацией, то в действие вступала презумпция того, что государство не нарушило требований Конвенции путем простого исполнения своих обязательств, вытекающих из членства в ЕС и не дающих национальному

[1249] DOUGLAS-SCOTT, S. A Tale of Two Courts: Luxembourg, Strasbourg and the Growing European Human Rights *Aquis*. *Common Market Law Review*, 2006, Vol. 43, p. 630.

[1250] *Bosphorus Airways v. Ireland*, 30 June 2005, no. 45036/98, para. 108.

[1251] *M.S.S. v. Belgium and Greece*, 21 January 2011, no. 30696/09 para. 338.

органу свободы усмотрения в выборе варианта своего поведения.[1252] В то же время государство несомненно оставалось ответственным за любые действия его органов, которые не вытекали с неизбежностью из необходимости выполнить свои международные обязательства.[1253] Кроме того, «*эквивалентность защиты*» является лишь *презумпцией*, в связи с чем вывод о соответствии не был окончательным и мог быть пересмотрен в связи с любым изменением в системе защиты прав.[1254] Суд оставлял за собой право проверки такой презумпции и устанавливал, что в случае обнаружения *явного несоответствия* приоритет будет оставаться за обязательствами по ЕКПЧ, которую следовало рассматривать как «конституционный акт европейского публичного порядка» в сфере прав человека.[1255]

Таким образом, ЕСПЧ установил «доктрину соответствия», суть которой состояла в признании стран не нарушающими Конвенцию при выполнении ими своих обязательств, возникающих из права ЕС. Доктрина могла быть применена при одновременном соблюдении следующих условий: (1) наличии эквивалентной защиты в правопорядке ЕС; (2) наличии у государства-участника обязанности действовать определенным образом и отсутствии возможности усмотрения; (3) отсутствии доказательств «явного несоответствия» защиты в конкретном деле. Любое попадавшее к нему дело, затрагивающее правопорядок ЕС, Европейский Суд по правам человека последовательно проверял на соблюдение всех упомянутых критериев.[1256]

Стоит отметить, что решение ЕСПЧ было вынесено задолго до принятия Хартии основополагающих прав и тем более до обретения ею

[1252] *Michaud v. France*, 6 December 2012, no. 12323/11, para. 103; ШИНКАРЕЦКАЯ, Г.Г. Европейский Союз и Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод. *Международное право и международные организации*, 2012, № 1, с. 58.

[1253] DOUGLAS-SCOTT, S. *Op. cit.*, p. 635; HAZELHORST, M. *Op. cit.*, p. 187.

[1254] VIENAŽINDYTĖ, J. *Bosphorus prezumpcija ir Europos Sąjungos prisijungimas prie Europos žmogaus teisių ir pagrindinių laisvių apsaugos konvencijos*. Daktaro disertacija. Vilnius, 2016, p. 58.

[1255] DOUGLAS-SCOTT, S. A Tale of Two Courts: Luxembourg, Strasbourg and the Growing European Human Rights *aquis*. *Common Market Law Review*, 2006, Vol. 43, p. 638; *Bosphorus Airways v. Ireland*, paras. 152-158; *M.S.S. v. Belgium and Greece*, paras. 338-340.

[1256] HAZELHORST, M. *Op. cit.*, p. 188.

формальной юридической силы, что произошло только в 2009 г. (в этом же году вступил в силу Лиссабонский договор, который объявил, что и положения Конвенции являются обязательными для правопорядка ЕС).[1257] Свой вывод Суд сделал не на пустом месте: он тщательно изучил правопорядок ЕС, который сложился на момент вынесения решения, и обнаружил, что в нем уважение прав человека уже стало условием законности решений ЕС, а Суд ЕС активно ссылался в своих решениях как на Конвенцию, так и на судебную практику ЕСПЧ по ее толкованию и на «общие конституционные традиции стран-участниц» для обоснования многих из принимаемых им решений.[1258] Таким образом, ЕСПЧ посчитал, что право ЕС и существующие институты могут надлежащим образом защитить права человека.[1259]

В ходе любой подобной проверки ЕСПЧ обязательно исследует, есть ли в соответствующей области правоотношений ссылки на нормы Конвенции, есть ли какой-либо уставной документ, похожий по своему статусу на Конвенцию, присутствует ли судебная форма защиты в рамках той или иной организации. Так, в деле *Авотиньш против Латвии* Судом был повторен ранее сделанный вывод о том, что государство лишь исполняло свои обязательства из членства в ЕС. Вместе с тем, Судом была проведена тщательная проверка соответствия именно той ситуации, которая стала поводом для обращения (исполнение судом Латвии судебного решения киприотского суда по гражданскому делу в соответствии с Регламентом «Брюссель I», когда ответчик ссылался на свое ненадлежащее уведомление и отсутствие возможности получить должную правовую защиту в суде государства происхождения),[1260] по результатам которой он пришел к выводу о соответствии действий

[1257] *Michaud v. France*, para. 106.

[1258] Erich Stauder v. City of Ulm – Sozialamt, Judgment of the Court of 12 November 1969, Case 29-69. *European Court Reports*, 1969, p. 419; Internationale Handelsgesellschaft mbH v. Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel, Judgment of the Court of 17 December 1970, Case 11-70. *European Court Reports*, 1970, p. 1126; Liselotte Hauer v. Land Rheinland-Pfalz, Judgment of the Court of 13 December 1979, Case C-44/79. *European Court Reports*, 1979, p. 3737.

[1259] HAZELHORST, M. *Op. cit.*, p. 346.

[1260] *Avotiņš v. Latvia*, para. 36-37.

латвийской стороны, применявшей нормы ЕГП, предписаниям Конвенции.[1261]

По сути дела, это и подобные ему решения ЕСПЧ принял потому, что не хотел вмешиваться в эффективно функционирующую систему права ЕС и допускать конфликта между двумя наднациональными режимами. В противном случае международная кооперация была бы подорвана, а между ЕСПЧ и Судом ЕС неизбежно бы возник глубокий конфликт. Необходимо было найти компромисс между двумя противоречивыми ценностями: свободой стран-участниц передавать свои полномочия международным организациям (с одной стороны) и необходимостью защищать основополагающие права (с другой).

Хотя сформулированная «*босфорская презумпция*» изначально имела отношение только к правопорядку ЕС, в дальнейшем ЕСПЧ использовал сходные критерии для оценки и других региональных и универсальных механизмов защиты прав с тем чтобы определить их соответствие конвенционному режиму.[1262] Подобным образом Суд протестировал, в частности, систему защиты прав в рамках ООН и НАТО.[1263] Аналогичной проверке ЕСПЧ может потенциально подвергнуть и систему защиты прав, сложившуюся в ЕАЭС.[1264] При этом ее результаты едва ли будут позитивными для данного объединения, поскольку есть немало поводов для выдвижения претензий к существующей в нем системе защиты прав.

Если в Евросоюзе присутствуют Хартия основополагающих прав и Суд, который активно толкует нормы права ЕС в соответствии с обязательствами по охране прав человека, то в СНГ/ЕАЭС с этим наблюдаются явные проблемы. Здесь отсутствует как таковой общий

[1261] *Id.*, para. 125-127.

[1262] VIENAŽINDYTĖ, J. *Op. cit.*, p. 82-83; ГУЛИНА, О.Р. Европейская система защиты прав человека: обзор правовых гарантий Совета Европы, Европейского Союза и национального законодательства Германии. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2012, № 1, с. 71-72.

[1263] *Gasparini v. Italy and Belgium*, 12 May 2009, no. 10750/03; *Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland*, 26 November 2013, no. 5809/08, paras 21-27.

[1264] КОЖЕУРОВ, Я.С. Институты международного правосудия и право Евразийского экономического союза: «смотр правых сил». *Российский юридический журнал*, 2016, № 4, с. 103-104.

каталог прав.[1265] В СНГ есть Конвенция о правах человека 1995 г.,[1266] но и она не является оптимальным документом. *Во-первых*, она была принята в рамках СНГ, а не ЕАЭС, а значит не может подтвердить или опровергнуть качество системы защиты прав именно в последнем из названных объединений. *Во-вторых*, она не является общеобязательной – участие в ней (как и в любом ином акте СНГ) основывается на добровольных началах, в связи с чем некоторые страны региона так и не ратифицировали ее. *В-третьих*, этот акт не носит столь совершенного характера, чтобы быть признанным «эквивалентным» Европейской Конвенции. Он не предусматривает судебной формы защиты прав, а наблюдение за его выполнением осуществляется специальной Комиссией по правам человека СНГ (КПЧ СНГ),[1267] которая не является судебным органом (ни по порядку формирования, ни по характеру деятельности), а, следовательно, не гарантирует столь же действенных процедур защиты, как ЕСПЧ.[1268] В ЕАЭС же и вовсе отсутствует собственный «билль о правах». Сам же Суд ЕАЭС не наделен возможностью должным образом защищать права человека. Безусловно, в его защиту может быть сказано то, что в нескольких своих делах он все же приводил ссылки на Конвенцию и решения ЕСПЧ.[1269] Однако последние не носили регулярного характера[1270] и не были сопоставимы с деятельностью того же Суда ЕС, который достаточно оперативно признал права человека важной основой европейского правопорядка и ссылался на «невидимый

[1265] ИСПОЛИНОВ, А.С. Требуются прагматики: Конституционный Суд России и евразийский правопорядок. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2014, № 5, с. 18-19.

[1266] Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека. Минск, 26 мая 1995 г. *Собрание законодательства РФ*, 1999, № 13, ст. 1489.

[1267] *Там же*, ст. 20.

[1268] ЗЕНИН, А.А. Консультативные заключения Европейского Суда по правам человека и Протокол № 16 к Конвенции (к истории вопроса). *Российский ежегодник конвенции по правам человека*, 2015, вып. 1, Москва: Статут, с. 224.

[1269] НЕШАТАЕВА, Т.Н. Европейская конвенция по правам человека и интеграция интеграций: пути преодоления фрагментации международного права. *Международное правосудие*, 2015, № 4, с. 9-10.

[1270] КОЖЕУРОВ, Я.С. *Институты международного правосудия и право Евразийского Экономического Союза: «смотр правых сил»*…, с. 110.

каталог прав» в своих последующих решениях.[1271] В СНГ/ЕАЭС в принципе нет того единого комплекса базовых прав, которые можно было бы назвать «всеобщими», признанными каждым из государств. Что же касается «общих конституционных традиций» стран-участниц, то они вовсе не являются современными, демократическими и справедливыми, а относятся к периоду времени, когда в регионе существовало авторитарное государство. В связи с этим, едва ли подобное единство можно воспринимать как положительный момент. Подводя итоги, следует отметить, что у ЕСПЧ нет никаких оснований считать, что СНГ/ЕАЭС или участники этих объединений в состоянии гарантировать соблюдение конвенционных предписаний или гарантировать своим гражданам требуемый согласно ЕКПЧ уровень защиты.

В итоге ЕСПЧ будет признавать стандарты защиты прав в ЕАЭС не соответствующими Конвенции, а государства нарушившими ее (при исполнении ими соответствующих обязанностей из договоров СНГ/ЕАЭС). При этом негативные последствия будут распространяться только на Россию и Армению, тогда как все остальные государства ЕАЭС, не будучи участниками Конвенции, не понесут никакого вреда и не примут соответствующую информацию от ЕСПЧ «к размышлению». С одной стороны, систематическое признание за Россией и Арменией со стороны Суда нарушений Конвенции может побудить их инициировать необходимые изменения в законодательстве ЕАЭС и влиять положительным образом на других участников евразийской интеграции. Они могут попытаться сделать так, чтобы законодательство других стран более соответствовало ЕКПЧ и практике Суда, но более вероятно, что такая их деятельность вызовет диссонанс, поскольку прямого воздействия на других участников не имеют ни органы Совета Европы, ни две названные страны.

[1271] КОЖЕУРОВ, Я.С. Перспективы взаимоотношений Европейского суда по правам человека и Евразийского экономического союза. *Актуальные проблемы российского права*, 2015, № 11, с. 185.

В связи с вышеизложенным представляется необходимым принятие в рамках ЕАЭС собственных принципов правосудия. Отсутствие подобных стандартов в настоящий момент препятствует в том числе и возможности реализации идеи «взаимного доверия» в отношениях между евразийскими странами.

3. Межрегиональное сотрудничество ЕС и ЕАЭС в сфере гражданского судопроизводства: возможности и перспективы

Несмотря на то, что каждый из рассмотренных регионов прикладывает большие усилия для построения эффективных систем ГПП прежде всего для внутреннего пользования, иногда возникает необходимость урегулирования и внешних связей. Как мы уже отмечали, получивший наивысшее развитие европейский гражданский процесс не заинтересован в простом допуске третьих стран к «единому пространству правосудия». Существующие в его рамках нормы и институты предназначены только для отношений стран-участниц друг с другом.[1272] Лишь между ними сложился необходимый уровень сплоченности и взаимного доверия, которые нельзя беспрепятственно распространить на третьи страны. Это не означает, что лица из третьих стран никак не затрагиваются нормами права ЕС: так, Регламенты «Брюссель I» и «Брюссель II» действуют вне зависимости от гражданства сторон спора, а в исключительных случаях допускают привлечение ответчиков, не имеющих домицилия в ЕС. Аналогичным образом возможно применение европейских норм для обоснования подсудности в трансграничном деле, не связанном с двумя государствами-участниками, но затрагивающем одну страну ЕС и третье государство.[1273] Впрочем, подчеркнем еще раз, что во всех этих случаях речь идет о защите европейскими институтами

[1272] KUIPERS, J-J. The European Union and the Hague Conference on Private International Law – Forced Marriage of Fortunate Partnership? In: *European Union's Emerging International Identity*. Eds.: H. de Waele, J-J. Kuipers. Boston: Nijhoff, 2013, p. 291.

[1273] *Andrew Owusu v. N. B. Jackson*. Judgment of the Court, 1 March 2005, Case C-281/02. *European Court Reports*, 2005, I-01383, para. 34; MONAR, J.; POLI, S. *External Dimension of the European Union's Area of Freedom, Security and Justice*. Brussels: Peter Lang, 2012, p. 282.

своей компетенции – в каждом из случаев ситуация решается в пользу «единого пространства правосудия». Несомненно, что в отношениях, затрагивающих третьи страны, ЕС отстаивает свой собственный интерес, который состоит в сохранении непротиворечивой системы разрешения трансграничных споров между странами-участницами и утверждении общих для них стандартов правосудия.[1274]

В то же время, европейское пространство правосудия существенно страдает из-за отсутствия «внешнего измерения». Европейский Союз не изолирован от остального мира, но активно взаимодействует с ним.[1275] Те частноправовые споры, что возникают на практике, не обязательно замкнуты в рамках внутреннего рынка: зачастую возникает необходимость определения подсудности, признания решений, вручения документов и получения доказательств в более глобальном масштабе.[1276] Особенно актуально это для коммерческих и семейных дел, участники которых крайне мобильны.

На первый взгляд логичным будет предположить, что страны-участницы не ограничены в возможностях заключения двусторонних и многосторонних соглашений с самостоятельно выбранными ими партнерами. С другой же стороны их разрозненные и несогласованные действия не приводят к гармонии в отношениях Союза с окружающим миром и не позволяют сформировать целостное видение сотрудничества по гражданским делам с третьими странами.

Вполне целесообразным могло бы быть наделение ЕС, который уже активен в деле аппроксимации процессуального права стран-участниц, полномочиями по выступлению «общим голосом» стран-

[1274] DYRDA, Ł. Jurisdiction in Civil and Commercial Matters under the Regulation no. 1215/2012: between Common Grounds on Jurisdiction and Divergent National Rules. In *The Interaction of National Legal Systems: Convergence or Divergence?* Vilnius, 2013, p. 88.

[1275] Commission of the European Communities v. Council of the European Communities (European Agreement on Road Transport), Judgment of the Court of 31 March 1971, Case 22-70. *European Court Reports*, 1971, p. 263.

[1276] KRUGER, T. *Civil Jurisdiction Rules of the European Union and Their Impact on Third States* (doctoral thesis). Leuven: Katholieke Universiteit Leuven, 2005, p. 9; БРАНОВИЦКИЙ, К.Л. Тенденции развития гражданского судопроизводства на Евразийском пространстве. В: *Развитие мирового правопорядка: институты и механизмы* (доклады исполнительного комитета к XI сессии Европейско-Азиатского правового конгресса). Екатеринбург, 2017, с. 59.

участниц в переговорах о заключении соглашений в сфере ГПП с другими государствами.[1277] Иными словами, речь идет о передаче компетенции с локального уровня (отдельных государств-участников) на централизованный (или, как мы уже называли его ранее, «квазифедеральный»).[1278] Если ранее ЕС проявлял себя только на внутреннем уровне, то теперь для него пришло время заняться вопросами внешнего взаимодействия.[1279]

Ключевым вопросом является наличие у Союза необходимой компетенции для осуществления подобной деятельности. Безусловно, ныне действующий Договор о Европейском Союзе наделяет его самостоятельной правосубъектностью, включающей способность выступать на мировом уровне как сторона тех или иных соглашений. Однако первичное право непосредственно не наделяет ЕС полномочиями по заключению международных договоров в сфере сотрудничества по гражданским делам, говоря лишь о внутрикоммунитарных аспектах взаимодействия. Впрочем, ныне действующая ст. 81 ДФЕС утверждает, что ЕС может законодательствовать «в частности», когда это необходимо для нужд единого рынка, т.е. предполагает, что он может проявить себя и в других сферах, в том числе в том, что касается правоотношений, имеющих связь с третьими странами.[1280]

Проблема определения точной компетенции ЕС возникла достаточно давно и не раз становилась предметом исследования Суда ЕС. В одном из наиболее известных решений в данной области Суд столкнулся с дилеммой о соотношении полномочий Сообщества и его стран-участниц по заключению международных соглашений с третьими

[1277] HESS, B. Les compétences externes de la Communauté européenne dans le cadre de l'article 65 CE. In *Les conflits de lois et le système juridique communautaire*. Eds.: A. Fuchs at al. Paris: Dallow, 2004, p. 81-100.

[1278] ESTRELLA FARIA, J. Future Directions of Legal Harmonisation and Law Reform: Stormy Seas or Prosperous Voyage? *Uniform Law Review*, 2009, Vol. 14(1-2), p. 7.

[1279] BRODOWSKI, D. Judicial Cooperation between the EU and Non-Member States. *New Journal of European Criminal Law*, 2011, Vol. 2(1), p. 22.

[1280] KUIPERS, J-J. The European Union and the Hague Conference on Private International Law – Forced Marriage of Fortunate Partnership? In: *European Union's Emerging International Identity*. Eds.: H. de Waele, J-J. Kuipers. Boston: Nijhoff, 2013, p. 162.

странами. Проанализировав ситуацию, Суд признал возможным существование у ЕС не только непосредственной (указанной в договорах), но и косвенной компетенции, т.н. «подразумеваемых полномочий».[1281] При этом подразумеваемые «внешние» полномочия следуют из параллельного наличия полномочий Сообщества действовать на «внутреннем уровне». Если какие-либо нормы предусматривают за ЕС право тем или иным образом урегулировать определенную сферу отношений в коммунитарном масштабе, то Сообщество получает и необходимую компетенцию для ее «расширения» вовне там, где такая необходимость настоятельно существует. При этом, если Европейское Сообщество уже приняло единые (унифицированные) нормы, т.е. осуществило сближение, то государства-участники не имели более возможности вступать в соглашения с третьими странами и принимать на себя обязательства, которые бы затрагивали такие нормы или меняли их действие.[1282] Под «едиными нормами» понимались акты вторичного законодательства ЕС, которые в значительной мере охватывали какую-либо определенную область права. Со вступлением этих норм в силу только Сообщество в целом могло принимать на себя обязательства перед третьими странами, которые бы входили в область регулирования этих правил.[1283] Иное противоречило бы целостности «единого рынка» и единообразному толкованию права ЕС.[1284]

Фактически Суд провозгласил важный принцип *in foro interno, in foro externo*, т.е. зависимость внешней компетенции от существующей внутренней. Суд признал не только сам факт наличия компетенции

[1281] Commission of the European Communities v. Council of the European Communities (‘*ERTA case*’), Judgment of the Court of 31 March 1971, Case 22-70. *European Court Reports*, 1971, p. 264-284 (para. 16).

[1282] *Id.*, para. 17; MONAR, J.; POLI, S. *External Dimension of the European Union's Area of Freedom, Security and Justice*. Brussels: Peter Lang, 2012, p. 167.

[1283] KOTUBY, Ch. External Competence of the European Community in the Hague Conference on Private International Law: Community Harmonization and Worldwide Unification. *Netherlands International Law Review*, 2001, Vol. 48, p. 11.

[1284] *ERTA case*, para. 31.

Сообщества, но и ее исключительность. Данный вывод был позднее подтвержден и в других решениях Суда.[1285]

Позднее Судом было принято Заключение 1/76, в котором он пошел еще дальше и указал, что в тех случаях, когда право ЕС установило полномочия для своих институтов в рамках внутренней системы и для достижения определенной цели, у Сообщества появляется право предпринимать и внешние меры, необходимые для ее достижения, даже если непосредственные положения о такой компетенции отсутствуют в действующем праве ЕС.[1286] Таким образом, не только общие внутренние нормы, но и провозглашенные цели могут стать основанием для пространственного расширения компетенции ЕС на принятие соглашений с третьими странами. При этом должно соблюдаться требование о том, что без заключения внешнего соглашения будет невозможно достичь тех специфических целей, что были установлены ЕС для данной области правоотношений.[1287]

Приведенные позиции Суда свидетельствуют, что «подразумеваемые полномочия» ЕС являются достаточно распространенным явлением. В то же время, не всегда очевидно, является ли внешняя компетенция Союза исключительной или совместной с его странами-участницами. Ответ вновь предоставляет Суд: с его точки зрения в тех случаях, когда существует неразрывная связь между внешней компетенцией и целями Договора, возникает исключительная компетенция. Если же речь идет просто об облегчении реализации тех

[1285] Commission of the European Communities v. Kingdom of Belgium, Judgment of the Court of 5 November 2002, Case C-471/98. *European Court Reports*, 2002, p. 9681.

[1286] Opinion of the Court of 26 April 1977 given pursuant to Article 228(1) of the EEC Treaty - 'Draft Agreement establishing a European laying-up fund for inland waterway vessels'. *European Court Reports*, 1977, p. 741 (para. 3).

[1287] Commission of the European Communities v Kingdom of Belgium, Judgment of the Court of 5 November 2002, Case C-471/98. *European Court Reports*, 2002, p. 9714 (para. 56); MONAR, J.; POLI, S. *Op. cit.*, p. 150-170.

или иных целей Договора за счет внешних полномочий – возникает лишь неисключительная компетенция.[1288]

Доктрины о подразумеваемых полномочиях развивались и далее в судебной практике и в конечном счете нашли нормативное закрепление в действующем Договоре о функционировании ЕС. Так, в его ст. 3(2) говорится, что Союз располагает исключительной компетенцией по заключению международных соглашений, когда это предусмотрено в законодательных актах ЕС, когда оно необходимо, чтобы обеспечить возможность Союзу реализовать свою внутреннюю компетенцию, либо в той мере, в которой оно способно затронуть общие правила или изменять их действие. Схожее правило можно обнаружить в ст. 216(1).[1289]

В любом случае, в каждом конкретном случае необходимо было оценивать, может ли соответствующее соглашение затрагивать общие правила или менять их действие и, соответственно, есть ли предпосылки для вмешательства Союза, либо они отсутствуют. Необходимо отметить, что выводы Суда в первоначальном деле *ERTA* не касались процессуальной сферы. Для того, чтобы установить наличие и характер компетенции в последней, необходимо было провести специальный анализ отношений между потенциальным соглашением и действующим правом ЕС, а также тем, насколько такое соглашение будет затрагивать нормы последнего.[1290]

В сфере гражданского судопроизводства длительное время разговор о «внешней компетенции» ЕС был неуместен по причине отсутствия у него до 1999 г. полномочий даже по внутреннему регулированию отрасли.[1291] Соответствующая компетенция появилась у него лишь со вступлением в силу Амстердамского договора (1999 г.), что

[1288] MONAR, J.; POLI, S. *Op. cit.*, p. 166; VILLALTA PUIG, G.; DARCIS, C. The Development of European Union Implied External Competence: the Court of Justice and Opinion 1/03. *Anuario Español de Derecho Internacional*, 2009, Vol. 25, p. 518.

[1289] Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union. *Official Journal of the European Union*, 26.10.2012, C 326, p.73, 78-79 (art. 3(2), art. 216(1)).

[1290] Opinion of the Court 1/03 of 7 February 2006 pursuant to Article 300(6) EC (Competence of the Community to conclude the new Lugano Convention on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters). *European Court Reports*, 2006, p. 1150.

[1291] KRUGER, T. *Civil Jurisdiction Rules of the European Union…*, p. 320.

и привело к обильному нормотворчеству. Однако компетенция в этой сфере являлась смешанной и принадлежала одновременно ЕС и его государствам-участникам (о распределении этой компетенции в европейском «конституционном правопорядке» уже шла речь во второй части работы).[1292] Немаловажным вопросом было то, приобрело ли ЕС исключительную компетенцию по заключению соглашений с третьими странами по предмету их действия.[1293] Сам Договор этого вопроса не прояснял.

Найти решение удалось в связи со стремлением государств-участников внести изменения в Луганскую Конвенцию 1988 г. для приближения ее содержания к новому на тот момент Регламенту «Брюссель I» (44/2001). Перед странами ЕС встал вопрос о субъекте, компетентном подписать ее итоговый текст.[1294] Изначально большинство стран не оспаривало того, что ЕС имеет «внешнюю компетенцию» по подписанию данного акта. Споры вызывало лишь то, является ли такая компетенция исключительной либо совместной со странами-участницами.[1295] Неопределенность в данном вопросе стала основанием обращения Совета в Суд ЕС с официальным запросом о толковании.

В своем Заключении 1/03 от 7 февраля 2006 г. Суд ЕС подтвердил существование «подразумеваемой компетенции».[1296] Он указал, что важно обеспечить единый и последовательный способ применения норм Сообщества и надлежащее функционирование системы, которую они устанавливают для того, чтобы сохранить полноценное действие

[1292] СОРОКИНА, Е.М. Правовые основы компетенции Европейского Союза в области пространства свободы, безопасности и правосудия на современном этапе. *Актуальные проблемы российского права*, 2015, № 7, с. 201-202.

[1293] NIEDŹWIEDŹ, M.; MOSTOWIK, P. Implications of the ECJ 'Lugano II' Opinion for European Union's External Actions Concerning Private International Law. *Yearbook of Polish European Studies*, 2010, Vol. 13, p. 130.

[1294] САВЕЛЬЕВ, А.И. *Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование*. Москва: Статут, 2016, с. 44.

[1295] MONAR, J.; POLI, S. *Op. cit.*, p. 164-165; ROSAS, A. Exclusive, Shared and National Competence in the Context of EU External Relations: Do Such Distinctions Matter? In *The European Union in the World*. Eds.: I. Govaere, E. Lannon et al. Leiden: Nijhoff, 2014, p. 17-43.

[1296] FALLON, M. L'applicabilité du règlement «Bruxelles I» aux situations externes après l'avis 1/03. In: *Vers de nouveaux équilibres entre ordres juridiques*. Eds.: T. Azzi et al. Paris: Dalloz, 2008, p. 241-264.

законодательства ЕС. Все дело в том, что Конвенция и Регламент установили целостную и автономную систему,[1297] эффективность которой может быть поставлена под сомнение, если отдельные государства-участники будут иметь возможность вступать в двусторонние и многосторонние соглашения по ее предмету с третьими странами в обход единых процедур. В этой связи Судом было признано, что компетенция ЕС в данном случае может быть только исключительной.[1298] В итоге, новая Конвенция была принята 30 октября 2007 г. и была подписана с одной стороны ЕС, а с другой – странами ЕАСТ (Исландией, Норвегией, Швейцарией) – с другой.

На наш взгляд, это был совершенно оправданный шаг на пути построения «квазифедеральной» системы гражданского правосудия в Европейском Союзе. К компетенции верхнего уровня этой системы (институтов ЕС) должно быть отнесено не только взаимодействие отдельных субъектов более низких уровней (стран-участниц) друг с другом, но и внешние взаимодействия (с третьими странами.) При этом вступать в такие взаимоотношения должен именно ЕС как единое целое (общее пространство правосудия), а не отдельно то или иное государство. Именно ЕС должен вырабатывать правовую политику относительно условий признания зарубежных решений, оказания правовой помощи и иных подобных аспектов международного гражданского процесса.

В то же время выводы Суда ЕС об исключительности компетенции ЕС касались, строго говоря, только сферы действия Регламента «Брюссель I» (посвященного гражданским и коммерческим делам).[1299] Соответственно, неясным оставалось то, имеет ли ЕС такую же компетенцию в отношении договоров по другим предметам, например, по семейным, алиментным и наследственным правоотношениям (каждому

[1297] Brasserie du Pêcheur SA v. Bundesrepublik Deutschland and The Queen v Secretary of State for Transport. Judgment of the Court of 5 March 1996, Cases C-46/93 and C-48/93. *European Court Reports*, 1996, p. 1029 (para. 17).

[1298] *Opinion of the Court 1/03*, para. 38.

[1299] KOTUBY, Ch. External Competence of the European Community in the Hague Conference on Private International Law: Community Harmonization and Worldwide Unification. *Netherlands International Law Review*, 2001, Vol. 48, p. 21.

из которых посвящен как минимум один самостоятельный Регламент ЕС).

Частично на этот вопрос отвечает особый Регламент 664/2009, устанавливающий процедуру переговоров и заключения соглашений между государствами-участниками и третьими странами о подсудности и признании решений по семейным и алиментным делам (т.е. делам, входящим во «внутреннем европейском» правопорядке в предмет Регламентов 2201/2003 и 4/2009).[1300] Данный акт допускает при соблюдении им же установленной процедуры заключение странами-участницами ЕС двусторонних соглашений с третьими государствами по соответствующим категориям споров.[1301] Общий смысл акта заключается в том, что в ряде случаев определенное государство-участник ЕС может иметь тесные связи с неким третьим государством, а Союз в целом не видит необходимости заключать с ним какого-либо договора. В таком случае государство-участник получает возможность вступления с последним самостоятельного соглашения вне компетенции ЕС, но только с предварительным уведомлением европейского «центра».[1302] Более того, участвующая в процедуре Комиссия может предлагать включение в будущее соглашение определенных положений и формулировок.[1303] Иными словами, ЕС имеет «преимущественное право» урегулирования соответствующей сферы правоотношений, и лишь при снятии им с себя этой обязанности речь может идти о национальном вмешательстве.

С одной стороны, можно рассматривать описанную Регламентом ситуацию как переосмысление тезиса об «исключительном характере» полномочий ЕС. С другой же стороны, мы видим, что в реальности предоставленная сторонам автономия весьма ограничена: она касается

[1300] Regulation 664/2009 of 7 July 2009 establishing a procedure for the negotiation and conclusion of agreements between Member States and third countries concerning jurisdiction, recognition and enforcement of judgments and decisions in matrimonial matters, matters of parental responsibility and matters relating to maintenance obligations, and the law applicable to matters relating to maintenance obligations. *Official Journal of the European Union*, 31.07.2009, L 200, p. 46.

[1301] KUIPERS, J-J. *EU Law and Private International Law*. Leiden: Nijhoff, 2012, p. 18.

[1302] ПУХАЛЕНКО, В.П. Правовые вопросы сотрудничества Европейского Союза и Украины по вопросам гражданского правосудия. *Проблемы законности*, 2014, № 126.

[1303] *Regulation 664/2009*, Art. 5(1).

лишь двусторонних договоров (которые не могут слишком сильно затронуть «единого пространства правосудия») и требует в обязательном порядке одобрения со стороны органов Союза, которые, по сути, делегирует теперь уже «свои» полномочия соответствующему государству-участнику.[1304] Кроме того, заключенное странами-участниками соглашение утрачивает силу как только ЕС в целом решит реализовать свою компетенцию по тому же предмету и с тем же третьим государством. В итоге, стоит признать, что в «конституционном правопорядке» ЕС полномочия по заключению соглашений с третьими странами перешли на «верхний» уровень, но могут в исключительных случаях и в небольшом объеме быть обратно перераспределены в пользу «локального» уровня. Регламент 664/2009, таким образом, является лишь исключением, которое подтверждает правило, согласно которому вся внешняя компетенция в сфере ГПП перешла в исключительное ведение ЕС.[1305]

Что же касается евразийского региона, то многие из сформулированных выше выводов вновь могут оказаться для его правовой системы чрезмерно комплексными на данном уровне развития правовой интеграции. СНГ и ЕАЭС, безусловно, наделены собственной компетенцией, но до ее разграничения дело пока не доходит. Более того, едва ли Суды этих объединений смогут быть настолько активными, чтобы признать за собой компетенцию в этих вопросах. Существующие соглашения в области ГПП здесь не являются эксклюзивными, в этом их отличие от «брюссельского режима». Несмотря на унификацию правил подсудности и признания решений, за государствами признавалось право самостоятельно вступать в новые соглашения, которые бы предусматривали иные режимы. Таким образом, сложно признать, что у СНГ или ЕАЭС есть «подразумеваемая компетенция» по заключению соглашений с третьими странами в этой сфере.

[1304] NIEDŹWIEDŹ, M.; MOSTOWIK, P. *Op. cit.*, p. 141.
[1305] *Id.*, p. 137-138.

Между тем, наделение ЕАЭС (как перспективного проекта интеграции) подобной компетенцией было бы крайне желательным.[1306] Однако вначале требуется в рамках этого объединения создать действительно единый, общий для всех инструмент в области признания и исполнения решения, а уже затем предоставить ЕАЭС необходимые полномочия по заключению международных соглашений и с внешними партнерами.[1307]

При этом региональная консолидация кажется нам вполне обоснованным шагом на пути к следующему этапу развития – *диалогу между отдельными регионами*. На наш взгляд, не является продуктивным заключение договоров действующим от имени всех стран-участниц Евросоюзом, но лишь с каким-то одним зарубежным государством (Россией, Беларусью, Казахстаном). *Во-первых*, это будет означать дополнительные затраты на подготовку и обсуждение нескольких документов (вместо одного). *Во-вторых*, это будет отрицательно сказываться на евразийской интеграции, поскольку не позволит ЕАЭС по аналогии с ЕС продвигать идею собственной «исключительной компетенции» во внешних делах.

Межрегиональное сотрудничество подобного вида не является невозможным. О необходимости постепенной замены международных переговоров межрегиональными пишут Ю. Базедов, Г. Кронке и К. Дютийель. Так, отмечается, что до определенных пределов государства соответствующего региона развиваются самостоятельно, консолидируя общие черты и занимаясь построением единых пространств. Однако на определенной стадии их развития они обращают внимание на существование остального мира и вступают с ним во взаимодействие (через институты своего объединения, которые выражают общий

[1306] ЛЫСАК, В.И.; РЫЖОВ, К.Б. Осуществление правовой помощи по гражданским и уголовным делам (обзор отношений Российской Федерации с государствами СНГ и ЕС). *Закон*, 2012, № 8.

[1307] *Современное международное частное право в России и Евросоюзе (книга 1)*. Под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. Москва: Норма, 2013, с. 270.

интерес).[1308] Отмечается, что как раз активное следование регионов мира примеру ЕС в области интеграции позволит в будущем говорить о реальности межрегионального диалога.[1309] Таким образом нынешняя интеграция в рамках отдельных регионов является необходимой первой стадией, тогда как на втором этапе будет иметь место более масштабная гармонизация и унификация между соседними регионами, а в перспективе – и в глобальных масштабах.[1310]

Ближайшее же будущее должно выглядеть как сотрудничество равноправных региональных объединений, субъектами которых будут государства-представители соответствующей общности. Такие объединения будут эффективно представлять и защищать интересы своих участников на мировой арене и от их имени вступать в договорные отношения. Договориться по наиболее важным вопросам будет проще двум (или более) взаимодействующим межгосударственным объединениям, чем всем входящим в них странам друг с другом по отдельности. В практике ЕС уже есть прецеденты такого взаимодействия: так, ЕАСТ, объединяющий не входящие в ЕС страны (Норвегия, Исландия, Швейцария) заключил в 1992 г. договор о создании единого экономического пространства с ЕС и в настоящее время эти объединения эффективно развивают сотрудничество по целому ряду областей. Аналогичные проекты ЕС продвигает в отношении сформированного под его руководством Средиземноморского Союза.

Ничто не препятствует ЕС и ЕАЭС осуществлять сотрудничество, в том числе в привычном для ЕС формате ЕПС/Восточного партнерства, либо «общих пространств», которые ранее он выстраивал только с РФ.[1311]

[1308] GOODE, R.; KRONKE, H. *et al. Transnational Commercial Law: Text, Cases and Materials*. Oxford: OUP, 2015, p. 181.

[1309] BASEDOW, J. Worldwide Harmonisation of Private Law and Regional Economic Integration: General Report. *Uniform Law Review*, 2003, Vol. 31, p. 44; ESTRELLA FARIA, J. *Op. cit.*, p. 7.

[1310] DUTILLEUL, F. L'harmonisation internationale du droit privé, *Revue Générale de Droit*, 1993, Vol. 24, p. 233.

[1311] ТРЕБКОВ, А.А. *Право СНГ: проблемы развития и совершенствования* [электронный ресурс. Дата доступа: 16.07.2016]. Доступ через Интернет: <http://sudsng.org/download_files/publication/konf/konf4.pdf>.

Политический диалог может (и должен) со временем перерасти в принятие на себя странами двух регионов (через уполномоченные ими центральные органы ЕС/ЕАЭС) взаимных правовых обязательств.

Стоит отметить, что в числе предметов для межрегионального сотрудничества мы называли, главным образом, подсудность и признание решений. Более того, единственный пример такого успешного взаимодействия к настоящему дню – Луганская Конвенция – посвящен именно этому вопросу. Это не является удивительным, поскольку именно разрешение этих двух вопросов подталкивает страны ко вступлению в соглашения друг с другом. Именно они являются наиболее значимыми и насущными как для отдельных государств, так и для их объединений. Это не означает, что в будущем нельзя будет говорить и о других направлениях процессуального сотрудничества между отдельными регионами. Однако подготовить для них должную правовую базу должны будут как раз соглашения о подсудности и признании.

Несколько слов необходимо сказать и о предстоящей глобализации. Региональный и даже межрегиональный диалоги не должны вводить в заблуждение относительно природы и направленности мировых процессов. Государства и их правовые системы неизбежно сближаются, а значит, взаимодействие на более высоком уровне должно быть в числе их приоритетов. Если говорить о международном процессуальном сотрудничестве, то наиболее значимой площадкой для него является упомянутая в первой части работы *Гаагская Конференция*. К настоящему моменту в ней участвует 81 государство мира, а в 2007 г. к ней присоединился Европейский Союз в целом.[1312] Это стало возможным за счет изменения Устава, который в настоящее время открыт для подписания не только суверенными государствами, но и «организациями региональной экономической интеграции».[1313] Данное определение

[1312] KUIPERS, J-J. *EU Law and Private International Law*. Leiden: Nijhoff, 2012, p. 16-18.

[1313] McELEAVY, P.; SCHULZ, A. The Accession of the European Community to the Hague Conference on Private International Law. *International and Comparative Law Quarterly*, 2007, Vol. 56(4), p. 949.

является достаточно широким и, несомненно, охватывает и объединения, подобные ЕАЭС. Впрочем, к настоящему моменту последнее не проявляло заинтересованности в присоединении к работе Гаагской Конференции. Кроме того, такие представители региона как Казахстан и Киргизия не участвуют в ее работе.

Европейский Союз участвует в работе Конференции не как простой наблюдатель, а как активный участник, обеспечивающий донесение до соответствующих субъектов общей позиции стран-участниц.[1314] В 2009 г. он подписал как самостоятельная сторона первую Конвенцию (о выборе суда 2005 г.).[1315] Остается надеяться на возможное присоединение к Конференции и других региональных объединений, которые бы донесли до сведения мировой общественности потребности своих стран-участниц и должным образом защищали их в переговорах о заключении новых конвенций. На подобном этапе будет представляться возможным вернуться к обсуждению и общемирового соглашения о подсудности и о взаимном признании странами решений друг друга (которое мы ранее охарактеризовали как преждевременное).[1316] Таким образом, перспективы глобализации гражданского процесса не видятся столь пессимистичными. В то же время, все зависит от инициативности региональных объединений и их стран-участниц, готовности не замыкаться на внутренних проблемах, а активно участвовать в происходящем на мировом уровне взаимодействии. Если для ЕС такой уровень осознанности является в какой-то мере уже достигнутым, то ЕАЭС предстоит длительная работа по отысканию собственных целей, ценностей и основополагающих принципов, которые позволят сплотить его участников и превратить объединение из площадки экономического сотрудничества в «более тесный союз», которым уже некоторое время назад успешно смог стать ЕС.

[1314] GOODE, R.; KRONKE, H. *Op. cit*, p. 188.

[1315] NIELSEN, P. The Hague Judgments Convention. *Nordic Journal of International Law*, 2011, Vol. 80, p. 119.

[1316] ЗАЙЦЕВ, Р.В. Понятие признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2005, № 5, с. 38.

Выводы

1. Национальный гражданский процесс современности существует в ином социально-политическом контексте, нежели в предшествующие эпохи. С одной стороны, это проявляется в увеличении споров с иностранным элементом (и с необходимостью установить единые и справедливые нормы для их регулирования в каждой из стран). С другой стороны, гражданский процесс вынужден подчиняться сформулированным на конституционном и международном уровне стандартам прав человека, которые обладают высоким уровнем императивности и должны реализовываться сходным образом вне зависимости от юрисдикции. Все сказанное не мешает отрасли оставаться под контролем национальных государств и не приводит к полной замене национального ГПП регулированием на международном или региональном уровнях.

2. Глобализация и регионализация гражданского процесса означают его сближение – приобретение процессуальными правопорядками разных государств сходных черт или установление ими общих институтов. Сближение может осуществляться при помощи двух способов: унификации и гармонизации, последний из которых является приоритетным для ГПП. Тем не менее, есть и области процесса, в которых необходима именно унификация для гарантирования эффективности регулирования (подсудность, признание решений, стандарты доступа к суду).

3. Используемые механизмы сближения включают международное договорное, наднациональное, судебное и ненормативное правотворчество. Они отличаются разной степенью эффективности, временем, которое затрачивается на подготовку и имплементацию стандарта, а также глубиной вторжения в национальное регулирование. Установлено, что наиболее перспективным для ГПП является наднациональное правотворчество, которое состоит в создании

интеграционной организацией актов прямого действия, обязательных как для государств-участников, так и для частных лиц. Вместе с тем, такие акты не являются доступными во всех регионах мира, а государства-участники объединений стремятся держать под контролем компетенцию последних, что обычно включает в себя исключение или ограничение возможности законодательствовать в процессуальной сфере.

4. Привлекающая наибольшее внимание исследователей процессуальная гармонизация и унификация в Европейском Союзе возникла не на пустом месте и развивалась постепенно, начиная с конца 1950-х годов. Изначально стандарты сближения имели весьма ограниченную сферу применения и носили прикладной характер по отношению к общей политике построения единого рынка. Со временем ГПП в ЕС получило собственную политику (единое пространство правосудие), которое последовательно наполнялось содержанием и со временем стало означать целостную и непротиворечивую совокупность норм, – *европейский гражданский процесс* – существующую наряду с национальным ГПП и подчиненную собственным целям и задачам.

5. Европейский гражданский процесс имеет двойственный характер: с одной стороны, это самостоятельная отрасль наднационального права (единая для всех стран-участниц), которая опосредует рассмотрение трансграничных дел в пределах ЕС. С другой же стороны, это совокупность императивно изложенных принципов и общих правил, которые высшие органы этого объединения принимают как для своего собственного правопорядка, так и для правопорядка каждой из стран-участниц. Последняя компетенция была приобретена ЕС далеко не сразу и связана с его постепенной трансформацией из организации экономической интеграции в политико-правовой союз, имеющий отдельные признаки федерации, главным из которых является вертикальное разграничение полномочий (между центром (ЕС) и составными частыми (государства-участники)).

6. Несмотря на свой прогрессивный характер, европейский гражданский процесс имеет немало недостатков, отмечаемых теми или иными авторами. На наш взгляд, значимыми из них являются исключения действия общего процессуального режима для трех стран (Великобритания, Ирландия, Дания) и отсутствие систематизации, а также до сих пор не изложенные официально в рамках одного документа принципы и общие правила. Последние могут быть, впрочем, извлечены из постановлений Суда ЕС, политических программ и иных актов «мягкого права», но для должной правовой определенности и успешного усвоения каждым из государств-участников нуждаются в более «осязаемом» источнике.

7. Сближение гражданского процесса в евразийском регионе характеризуется двойственностью: с одной стороны, в нем доступны все названные выше механизмы гармонизации и унификации и имеется как потребность в принятии мер (в условиях более глубокой экономической интеграции), так и указание на нее со стороны научного сообщества. Тем не менее, в силу бюрократических причин и нежелания стран приносить в жертву части своей суверенной компетенции регулирование ГПП в регионе остается недостаточно эффективным. Странам региона требуется задействовать весь потенциал наднационального и судебного нормотворчества, учитывая позитивный опыт ЕС, но не повторяя его ошибок. Отдельно отмечается, что в регионе достаточно успешно происходило сближение на основании ненормативных (модельных) актов, для принятия которых даже был образован собственный орган – Межпарламентская Ассамблея. Высокий авторитет актов и их гибкий (а не принудительно-властный) характер позволяли добиться большего успеха при воздействии на традиционно консервативные отрасли национального права. Вместе с тем, для модельных актов крайне важно правильное определение времени их принятия, которое должно совпасть с проведением реформ на национальном уровне. В противном случае страны не будут заинтересованы в принятии внешнего юридически

необязательного стандарта, особенно если он представляет собой большой и комплексный по содержанию документ.

8. Европейский и евразийский регионы не существуют обособленно, но находятся в тесном взаимодействии. Нормы и практики ЕС (и ЕКПЧ/ЕСПЧ) находят восприятие в СНГ/ЕАЭС как за счет одностороннего заимствования, так и за счет политики ЕС по распространению своего нормативного влияния на третьи страны. Отдельное значение имеет влияние судебной практики ЕСПЧ, которая для части стран региона является обязательной. Для устранения всех противоречий и недостатков правового регулирования в рамках ЕАЭС необходимо формирование собственной политики в сфере ГПП, принятие ключевых актов в этой сфере, а также учет необходимости защиты прав человека (возможно, за счет принятия собственной региональной конвенции или иного «билля о правах»). В будущем процессуальное сотрудничество должно строиться уже между двумя региональными блоками (а не их отдельными странами): это существенно сэкономит время и деньги, приведет к принятию стандартов, общих для большего количества стран и отражающих совместные наработки.

Перечень использованных источников

I. Правовые акты

Международные договоры

1. Agreement on a Unified Patent Court. *Official Journal of the European Union*, 20.06.2013, C 175/1.

2. Charter of Fundamental Rights of the European Union. *Official Journal of the European Union*, 26.10.2012, C 326, p. 405.

3. Consolidated Version of the Treaty on European Union. *Official Journal of European Union*, 26.10.2012, C 325, p. 13-45.

4. Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union. *Official Journal of the European Union*, 26.10.2012, C 326, p. 47-199.

5. Convention on Jurisdiction and the Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters (Brussels, 1968). *Official Journal of the European Communities*, 1972, L 299, p, 32-42.

6. Convention on Jurisdiction and the Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters (Lugano, 1988). *International Law Materials*, 1989, Vol. 28, p. 620.

7. Convention on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters (Lugano, 2007). *Official Journal of the European Union*, 10.06.2009, L 147

8. Convention on the International Recovery of Child Support and Other Forms of Family Maintenance (Hague, 23 November 2007) [interactive. Accessed on 12.05.2016]. Access via Internet: <https://www.hcch.net/en/instruments/conventions/full-text/?cid=131>.

9. Treaty Establishing the European Economic Community (Rome, 25 March 1957). *Treaty establishing the European Economic Community and connected documents*, Luxembourg: Publishing Services of the European Communities, 378 p.

10. Treaty of Amsterdam Amending the Treaty on European Union (Amsterdam, 1997). *Official Journal of the European Communities*, 10.11.1997, C 340/1.

11. Treaty on European Union (Consolidated Version) (Maastricht, 7 February 1992). *Official Journal of the European Communities*, 24.12.2002, C 325/5.

12. Protocol (No 21) on the Position of the United Kingdom and Ireland in Respect of the Area of Freedom, Security and Justice. *Official Journal of the European Union*, 07.06.2016, C 202, p. 295-297

13. Protocol (No 22) on the position of Denmark. *Official Journal of the European Union*, 26.10.2012, C 326, p. 299-303.

14. Protocol of 3 June 1971 on the interpretation by the Court of Justice of the Convention of 27 September 1968 on jurisdiction and the enforcement of judgments in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Communities*, 1975, L 204, p. 28-31.

15. Американская конвенция о правах человека, заключена в Сан-Хосе 22 ноября 1969 г. *Международные акты о правах человека (Сборник документов)*. Москва: Норма, 1998, с. 720-736.

16. Африканская хартия прав человека и народов, принята в Найроби 26 июня 1981 г. *Международные акты о правах человека (Сборник документов)*. Москва: Норма, 1998, с. 737-747.

17. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.). *Российская газета*, 1995, № 67.

18. Договор между Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой об оказании взаимной правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 26 августа 1996 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 22.11.2016]. Доступ через интернет: <http://kazakhstan.news-city.info/docs/sistemsl/dok_pegyuz.htm>.

19. Договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь от 08 декабря 1999 г. «О создании Союзного государства». *Бюллетень международных договоров РФ*, 2000, № 3.

20. Договор между Российской Федерацией и Республикой Кыргызстан о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 14 сентября 1992 г. *Бюллетень международных договоров*, 1995, № 3.

21. *Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС)* от 29 мая 2014 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 05.07.2016]. Доступ через Интернет: <https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/0003610/itia_05062014>.

22. Договор о Таможенном Союзе и Едином Экономическом Пространстве от 26 февраля 1999 г. *Собрание законодательства РФ*, 15.10.2001, № 42, ст. 3983.

23. Договор об учреждении Евразийского экономического сообщества от 10 октября 2000 г. *Бюллетень Суда Евразийского экономического сообщества*, 2013, № 1, ст. 8.

24. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (ETS No 5), заключена в Риме 4 ноября 1950 г. *Собрание законодательства РФ*, 1998, № 20, ст. 2143.

25. *Конвенция в отношении соглашений о выборе суда*, заключена в Гааге 30 июня 2005 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 16.05.2016]. Доступ через интернет: <http://www.chinaruslaw.com/RU/International/2015930130210_656063.htm>.

26. Конвенция о вручении за границей судебных и внесудебных документов по гражданским и торговым делам, заключена в Гааге 15 ноября 1965 г. *Собрание законодательства РФ*, 2004, № 50, ст. 4951.

27. *Конвенция о международном доступе к правосудию*, Заключена в Гааге 25 октября 1980 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 16.05.2016]. Доступ через интернет: <http://ppt.ru/newstext.phtml?id=28402>.

28. Конвенция о Межпарламентской Ассамблее государств-участников СНГ от 26 мая 1995 г. *Собрание законодательства РФ*, 1996, № 50, ст. 5611.

29. Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров, заключена в Вене 11 апреля 1980 г. *Международные коммерческие транзакции*, Москва: Инфотропик Медиа, 2011.

30. Конвенция о получении за границей доказательств по гражданским и торговым делам, Заключена в Гааге 18 марта 1970 г., *Международное частное право (сборник документов)*. Москва: БЕК, 1997, с. 737-744.

31. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. *Собрание законодательства РФ*, 1995, № 17, ст. 1472.

32. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 7 октября 2002 г. *Содружество*, 2002, № 2(41), с. 82-130.

33. *Конвенция о признании и исполнении зарубежных решений по гражданским и коммерческим делам*, заключена в Гааге 1 февраля 1971 г.

34. Конвенция по вопросам гражданского процесса, заключена в Гааге 1 марта 1954 г. *Собрание постановлений Правительства СССР*, 196, № 20, ст. 145.

35. Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах». *Бюллетень Верховного Суда РФ*, 1994, № 12, с. 5-11.

36. *Положение о Межпарламентской Ассамблее Евразийского экономического сообщества* от 13 мая 2002 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 21.07.2016]. Доступ через Интернет: <http://www.evrazes.com/docs/view/15>.

37. Положение об Экономическом Суде СНГ от 6 июля 1992 г. *Бюллетень международных договоров*, 1993, № 9.

38. Постановление Верховного Совета Республики Беларусь от 12.04.1995 г. № 3719-XII «*О ратификации Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между Европейскими Сообществами и их Государствами-членами и Республикой Беларусь*» [электронный ресурс. Дата доступа: 05.07.2016]. Доступ через Интернет: <http://pravo.levonevsky.org/bazaby/org66/basic/text0442.htm>.

39. *Протокол № 14 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод, вносящий изменения в контрольный механизм Конвенции*, подписан в Страсбурге 13 мая 2004 г., CETS N 194.

40. *Протокол № 15, вносящий изменения в Конвенцию о защите прав человека и основных свобод*. Страсбург, 24 июня 2013 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 21.02.2017]. Доступ через Интернет: <http://www.threefold.ru/ru/protokol-№-15-k-konventsii-o-zashchite-prav-cheloveka-i-osnovnykh-svobod-ne-vstupil-v-silu>.

41. Протокол от 28 марта 1997 г. к Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам от 22 января 1993 г. *Собрание законодательства РФ*, 2008, № 4, ст. 224.

42. Протокол от 1 июня 2001 г. к Соглашению о размере государственной пошлины и порядке ее взыскания при рассмотрении хозяйственных споров между субъектами хозяйствования разных государств от 24 декабря 1993 г. *Собрание законодательства РФ*, 2003, № 4, с. 268.

43. Протокол от 10 декабря 2010 г. о внесении изменений в Соглашение о размере государственной пошлины и порядке ее взыскания при рассмотрении хозяйственных споров между субъектами хозяйствования разных государств от 24 декабря 1993 г. *Собрание законодательства РФ*, 2014, № 25, ст. 3146.

44. Регламент Экономического Суда СНГ. Утвержден 5 июля 1994 г. Постановлением Пленума Экономического Суда СНГ. *Закон*, 1994, № 11.

45. *Соглашение о партнерстве и сотрудничестве между Республикой Казахстан, Европейскими Сообществами и их государствами-членами* от 23.01.1995 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 05.07.2016]. Доступ через Интернет: <https://eeas.europa.eu/sites/eeas/files/pca_kazakhstan_ru.pdf>.

46. Соглашение о партнерстве и сотрудничестве, учреждающее партнерство между Российской Федерацией, с одной стороны, и Европейскими Сообществами и их государствами-членами, с другой стороны. *Собрание законодательства РФ*, 1998, № 16, ст. 1802.

47. Соглашение о порядке взаимного исполнения судебных актов арбитражных судов Российской Федерации и хозяйственных судов Республики Беларусь, заключено в Москве 17 января 2001 г. *Собрание законодательства РФ*, 2003, № 7, ст. 550.

48. Соглашение о статусе Экономического суда СНГ. Заключено в г. Москве 06 июля 1992 г. *Бюллетень международных договоров*, 1994, № 9.

49. Соглашение Правительств государств-участников СНГ «О порядке взаимного исполнения решений арбитражных, хозяйственных и

экономических судов на территориях государств-участников Содружества» от 6 марта 1998 г. *Содружество*, 1998, № 1, с. 38-45.

50. Соглашение стран СНГ от 20 марта 1992 г. «О порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности». *Закон*, 1993, № 1.

51. Соглашение стран СНГ от 24 декабря 1993 г. «О размере государственной пошлины и о порядке ее взыскания при рассмотрении хозяйственных споров между субъектами хозяйствования разных государств» *Бюллетень Международных договоров*, 1994, № 7.

52. Устав Совета Европы. Принят в Лондоне 5 мая 1949 г., ETS N 1. *Собрание законодательства РФ*, 1997, № 12, ст. 1390.

53. Устав Содружества Независимых Государств. *Российская газета*, 12.02.1993 г., № 29, ст. 2.

Акты Европейского Союза

1. Council Directive 93/13/EEC of 5 April 1993 on unfair terms in consumer contracts. *Official Journal of the European Communities*, 21.04.1993, L 95, p. 29-34.

2. Council Directive 2002/8/EC of 27 January 2003 to improve access to justice in cross-border disputes by establishing minimum common rules relating to legal aid for such disputes. *Official Journal of the European Communities*, 31.01.2003, L 26, p. 41-47.

3. Council Regulation (EC) 1346/2000 of 29 May 2000 on insolvency proceedings. *Official Journal of the European Communities*, 30.06.2000, L 160, p. 1-18.

4. Council Regulation (EC) 1347/2000 of 29 May 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in matrimonial matters and in matters of parental responsibility for children of both spouses. *Official Journal of the European Communities*, 30.06.2000, L 160, p. 19-36.

5. Council Regulation (EC) 44/2001 of 22 December 2000 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Communities*, 16.01.2001, L 012, p. 1-23.

6. Council Regulation (EC) 2201/2003 of 27 November 2003 concerning jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in matrimonial matters and the matters of parental responsibility, repealing Regulation (EC) No 1347/2000. *Official Journal of the European Union*, 23.12.2003, L 338, p. 1-29.

7. Council Regulation (EC) 4/2009 of 18 December 2008 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and cooperation in matters relating to maintenance obligations. *Official Journal of the European Union*, 10.01.2009, L 7, p. 1-79.

8. Council Regulation 664/2009 of 7 July 2009 establishing a procedure for the negotiation and conclusion of agreements between Member States and third countries concerning jurisdiction, recognition and enforcement of judgments and decisions in matrimonial matters, matters of parental responsibility and matters relating to maintenance obligations, and the law applicable to matters relating to maintenance obligations. *Official Journal of the European Union*, 31.07.2009, L 200, p. 46-51.

9. Council Regulation (EU) 2016/1103 of 24 June 2016 implementing enhanced cooperation in the area of jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of matrimonial property regimes. *Official Journal of the European Union*, 08.07.2016, L 183, p. 1-29.

10. Council Regulation (EU) 2016/1104 of 24 June 2016 implementing enhanced cooperation in the area of jurisdiction, applicable law and the recognition and enforcement of decisions in matters of the property consequences of registered partnerships. *Official Journal of the European Union*, 08.07.2016, L 183, p. 30-56.

11. Directive 2004/48/EC of the European Parliament and of the Council of 29 April 2004 on the enforcement of intellectual property rights. *Official Journal of the European Union*, 30.04.2004, L 157, p. 45-86.

12. Directive 2008/52/EC of the European Parliament and of the Council of 21 May 2008 on certain aspects of mediation in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Union*, 24.05.2008, L 136, p. 3-8.

13. Directive 2009/22/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on injunctions for the protection of consumers' interests. *Official Journal of the European Union*, 01.05.2009, L 110, p. 30-36.

14. Directive 2013/11/EU of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 on alternative dispute resolution for consumer disputes and amending Regulation (EC) No 2006/2004 and Directive 2009/22/EC. *Official Journal of the European Union*, 18.06.2013, L 165, p. 63-79.

15. Directive 2014/104/EU of the European Parliament and of the Council of 26 November 2014 on certain rules governing actions for damages under national law for infringements of the competition law provisions of the Member States and of the European Union. *Official Journal of the European Union*, 05.12.2014, L 349, p. 1-19.

16. Regulation (EC) 805/2004 of the European Parliament and of the Council of 21 April 2004 creating a European Enforcement Order for uncontested claims. *Official Journal of the European Union*, 30.04.2004, L 143, p. 15-39.

17. Regulation (EC) 1896/2006 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2006 creating a European order for payment procedure. *Official Journal of the European Union*, 30.12.2006, L 399, p. 1-32.

18. Regulation (EC) 861/2007 of the European Parliament and of the Council of 11 July 2007 establishing a European Small Claims Procedure. *Official Journal of the European Union*, 31.07.2007, L 199, p. 1-22.

19. Regulation (EU) 650/2012 of the European Parliament and of the Council of 4 July 2012 on jurisdiction, applicable law, recognition and enforcement of decisions and acceptance and enforcement of authentic instruments in matters of succession and on the creation of a European Certificate of Succession. *Official Journal of the European Union*, 27.07.2012, L 201, p. 107-134.

20. Regulation (EU) 1215/2012 of the European Parliament and of the Council of 12 December 2012 on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Union*, 20.12.2012, L 351, p. 1-32.

21. Regulation (EU) 524/2013 of the European Parliament and of the Council of 21 May 2013 on online dispute resolution for consumer disputes and amending Regulation (EC) No 2006/2004 and Directive 2009/22/EC (Regulation on consumer ODR). *Official Journal of the European Union*, 18.06.2013, L 165, p. 1-12.

22. Regulation (EU) 655/2014 of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 establishing a European Account Preservation Order procedure to facilitate cross-border debt recovery in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Union*, 27.06.2014, L 189, p. 59-92.

23. Regulation (EU) 2015/2421 of the European Parliament and of the Council of 16 December 2015 amending Regulation (EC) No 861/2007 establishing a European Small Claims Procedure and Regulation (EC) No 1896/2006 creating a European order for payment procedure. *Official Journal of the European Union*, 21.12.2015, L 341, p. 1-13.

24. Regulation (EU) 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal data and on the free movement of such data, and repealing Directive 95/46/EC. *Official Journal of the European Union*, 04.05.2016, L 119, p. 1-88.

Национальные правовые акты

1. Lietuvos Respublikos Konstitucija, įsigaliojo 1992 m. lapkričio 2 d. *Valstybės Žinios*, 1992, Nr. 33-1014.

2. Гражданский процессуальный кодекс Казахской ССР от 28 декабря 1963 г. *Свод законов Казахской ССР*, 1964, т. 11, с. 178.

3. Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан от 31 октября 2015 г. № 377-V. *Казахстанская правда*, 2015, № 210(28086).

4. Гражданский процессуальный кодекс РСФСР от 11 июня 1964 г. *Ведомости Верховного Совета РСФСР*, 1964, № 24, ст. 407.

5. Закон СССР от 11 февраля 1957 г. «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов». *Ведомости Верховного Совета СССР*, 1957, № 4, ст. 63.

6. Конституция Российской Федерации, 12 декабря 1993 г. *Собрание законодательства РФ*, 2014, № 31, ст. 4398.

7. Основы гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик от 8 декабря 2964 г. *Свод законов СССР*, 1990, т. 10, с. 133.

8. Федеральный закон РФ от 5 апреля 2009 г. «О внесении изменений в статьи 45 и 131 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». *Собрание законодательства РФ*, 2009, № 14, ст. 1578.

II. Ненормативные акты, планы действий и политические программы

1. Action Plan of the Council and the Commission on how best to implement the provisions of the Treaty of Amsterdam on an area of freedom, security and justice. *Official Journal of the European Communities*, 23.01.1999, C 019, p. 1-15.

2. Draft Programme of measures for implementation of the principle of mutual recognition of decisions in civil and commercial matters. *Official Journal of the European Union*, 15.01.2001, C 12, p. 1-9.

3. Draft Report with recommendations to the Commission on common minimum standards of civil procedure in the EU (2015/2084(INL) [interactive. Accessed on: 16.05.2017]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+COMPARL+PE-593.974+01+DOC+PDF+V0//EN&language=EN>.

4. Commission Recommendation 2013/396/EU of 11 June 2013 on common principles for injunctive and compensatory collective redress mechanisms in the Member States concerning violations of rights granted under Union Law. *Official Journal of the European Union*, 26.07.2013, L 201, p. 60-65.

5. *European Parliament Resolution of 18 December 2008 with recommendations to the Commission on e-Justice*, 2008/2125(INL) [interactive. Accessed on 14.12.2016]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//TEXT+TA+P6-TA-2008-0637+0+DOC+XML+V0//EN#BKMD-33>.

6. *Explanatory Memorandum to the Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council establishing a European Small Claims Procedure* (presented by the Commission). Brussels, 15.03.2005, COM(2005) 87 final, 2005/0020, p. 5-6.

7. Multiannual European e-Justice Action Plan 2014-2018, 2014/C 182/02. *Official Journal of the European Union*, 14.06.2014, C 182/2.

8. *Presidency Conclusions, Tampere European Council*, 15-16 October 1999 [interactive. Accessed on 24.12.2016]. Access via Internet: <http://www.refworld.org/docid/3ef2d2264.html>.

9. Recommendation CM/Rec(2009)1 of the Committee of Ministers to member states on electronic democracy (e-democracy) [interactive. Accessed on 06.09.2016]. Mode of access: <http://www.coe.int/t/dgap/democracy/Activities/GGIS/CAHDE/2009/RecCM2009_1_and_Accomp_Docs/Recommendation%20CM_Rec_2009_1E_FINAL_PDF.pdf>.

10. The Hague Programme: Strengthening Freedom, Security and Justice in the European Union. *Official Journal of the European Union*, 03.03.2005, C 53.

11. The Stockholm Programme: an open and secure Europe serving and protecting citizens. *Official Journal of the European Union*, 04.05.2010, C 115.

12. *Алма-Атинская декларация*, 21 декабря 1991 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 10.01.2017]. Доступ через интернет: <http://gaidar-arc.ru/databasedocuments/theme/details/2880>.

13. *«Дорожная карта» по общему пространству свободы, безопасности и правосудия, утверждённая на саммите Россия-ЕС*, Москва, 10.05.2005 г. [электронный ресурс. Дата доступа: 02.05.2017]. Доступ через Интернет: <http://kremlin.ru/supplement/3588>.

14. Постановление МПА СНГ от 16 июня 2003 г. № 21-6 *о Концепции и Структуре модельного Кодекса гражданского судопроизводства для государств-участников СНГ* [электронный ресурс. Дата доступа: 09.12.2016]. Доступ через интернет: <http://docs.cntd.ru/document/901883015>.

15. Постановление МПА СНГ от 3 декабря 2009 г. № 33-25 *об утверждении Модельного исполнительного кодекса для государств-участников СНГ*. [электронный ресурс. Дата доступа: 10.12.2016]. Доступ через интернет: <http://iacis.ru/upload/iblock/1d3/ass_33_22a.pdf>.

16. Постановление МПА СНГ от 16 мая 2011 г. № 36-12 *об утверждении Модельного Кодекса о судоустройстве и статусе судей для государств-участников СНГ* [электронный ресурс. Дата доступа: 10.12.2016]. Доступ через интернет: <http://iacis.ru/upload/iblock/a60/12a_2011.pdf>.

17. Постановление МПА СНГ от 23 ноября 2012 г. № 38-23 *об утверждении Словаря юридической терминологии для государств-*

участников МПА СНГ [электронный ресурс. Дата доступа: 10.12.2016]. Доступ через интернет: <http://iacis.ru/upload/iblock/df4/slovar23a.pdf>.

18. Постановление МПА СНГ от 29 ноября 2013 г. № 39-14 *об утверждении модельного закона о медиации (внесудебном урегулировании споров)* [электронный ресурс. Дата доступа: 10.12.2016]. Доступ через интернет: <http://iacis.ru/upload/iblock/b4f/prilozhenie_k_postanovleniyu_39_14.pdf>.

19. Постановление МПА СНГ от 25 ноября 2016 г. № 45-6 *о принятии Модельного закона «О третейских судах и третейском разбирательстве»* [электронный ресурс. Дата доступа: 10.12.2016]. Доступ через интернет: <http://iacis.ru/upload/iblock/69d/prilozhenie-k-postanovleniyu-45_6.pdf>.

20. Протокол Консультативного Совещания Председателей Верховных Советов (Парламентов) Содружества Независимых Государств от 27 марта 1992 года «О подготовке рекомендательных законодательных актов (модельных) государств - участников Содружества независимых государств». *Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ*, 1992, № 1.

II. Специальная литература

Книги, монографии и пособия

1. ALLAN, T. *The Sovereignty of Law. Freedom, Constitution, and Common Law*. Oxford: OUP, 2015.

2. ANDERSON, J.; BERNSTEIN, D.; GRAY, C. *Judicial Systems in Transition Economies*. Washington: World Bank Publications, 2005, 110 p.

3. AUST, A. *Handbook of International Law*. Cambridge: CUP, 2010, 497 p.

4. BARTON, J.; GREELY, H.; STACY, H. *International Law and the Future of Freedom*. Stanford: California, 2014.

5. BENACCHIO, G.-A.; PASA, B. *Common Law for Europe*. Budapest: CEU Press, 2005, 323 p.

6. BOELE-WOELKI, K. *Unifying and Harmonizing Substantive Law and the Role of Conflict of Laws*. Leiden: Brill, 2010, 288 p.

7. BOGDAN, M. *Private International Law as Component of the Law of the Forum: General Course.* The Hague: Hague Academy of International Law, 2012, 360 p.

8. BÖRZEL, T.; GOLTERMANN, L., *et al.* (eds.) *Roads to Regionalism. Genesis, Design and Effects of Regional Organizations.* Surrey: Ashgate, 2012, 294 p.

9. BURGESS, M. *Federalism and the European Union: The Building of Europe (1950-2000)*. London: Routledge, 2000, 290 p.

10. CAENEGEM, R. *European Law in the Past and the Future: Unity and Diversity over Two Millennia*. Cambridge: CUP, 2001, 175 p.
11. CARDWELL, P. *EU External Relations Law and Policy in the Post-Lisbon Era*. The Hague: Springer, 2012, 433 p.
12. CHALMERS, D.; TOMKINS A. *European Union Public Law*. Cambridge: CUP, 2007, 501 p.
13. CHODOSH, H. *Global Justice Reform: a Comparative Methodology*. New York: NYU Press, 2005, 227 p.
14. COLLIER, J. *Conflict of Laws*. Cambridge: CUP, 2001, 460 p.
15. CONFORTI, B.; LABELLA, A. *An Introduction to International Law*. Leiden/Boston: Nijhoff, 2012, 172 p.
16. CZEREWACZ-FILIPOWICZ, K.; KONOPELKO, A. *Regional Integration Processes in the Commonwealth of Independent States: Economic and Political Factors*. Dordrecht: Springer, 2017, 348 p.
17. de BÚRCA, G.; CRAIG, P. *EU Law: Text, Cases and Materials*. Oxford: OUP, 2011, 1155 p.
18. DEDMAN, M. *The Origins and Development of the European Union 1945-1995: a History of European Integration*. London: Routledge, 2006, 158 p.
19. DOSENRODE, S. *Approaching the European Federation?* London: Routledge, 2007, 232 p.
20. *Droit processuel civil de l'Union Européenne*. Eds.: L. Cadiet, E. Jeuland et S. Amrani-Mekki. Paris: Lexis Nexis, 2011, 358 p.
21. FARRELL, M.; HETTNE, B.; van LANGENHOVE, L. *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. London: Pluto Press, 2005.
22. FASCHING, H. *Kommentar zu den Zivilprozeßgesetzen*. Wien: MANZ, 2010, 1902 s.
23. GALETTA, D-U. *Procedural Autonomy of EU Member States: Paradise Lost?* Berlin: Springer, 2010, 145 p.
24. GLENCROSS, A. *Politics of European Integration*. Chichester: Wiley, 2014, 344 p.
25. GOLDMANN, K. *Transforming the European Nation-State: Dynamics of Internationalization*. London: SAGE Publications, 2001, 224 p.
26. GOODE, R.; KRONKE, H. *et al. Transnational Commercial Law: Text, Cases and Materials.* Oxford: OUP, 2015, 784 p.
27. GRANT, J. *International Law Essentials*. Dundee: DUP, 2010, 702 p.
28. GUTTERIDGE, H. *Comparative Law.* Cambridge: CUP, 1949, 226 p.
29. HAZARD, G. Civil Litigation without Frontiers: Harmonization and Unification of Procedural Law, *XI World Congress on Procedural Law*, 1999, p. 578.
30. HAZELHORST, M. *Free Movement of Civil Judgments in the European Union and the Right to a Fair Trial*. Dordrecht: Springer, 2017, 448 p.

31. JAREMBA, U. *National Judges as EU Law Judges: the Polish Civil Law System*. Leiden: Nijhoff, 2014, 421 p.

32. JASON-LLOYD, L.; BAJWA, S. *The Legal Framework of the European Union*. London: Frank Cass, 1997, 104 p.

33. JOLOWICZ, J.A. *On Civil Procedure*. Cambridge: CUP, 2000, 425 p.

34. JONES, A. *Glossary of the European Union*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2008, 177 p.

35. *Justicia civil: Perspectivas para una reforma en América Latina*. Eds.: A. Cabezón, S. Araneda. Santiago: CEJA, 2008, 600 p.

36. KIM, N-K. *Globalization and Regional Integration in Europe and Asia*. Farnham: Routledge, 2016.

37. KLABBERS, J. *An Introduction to International Institutional Law*. Cambridge: CUP, 2002, 399 p.

38. KRAMER, X. *Procedure Matters: Construction and Deconstruction in European Civil Procedure*. Rotterdam: Eleven International Publishing, 2013, 30 p.

39. KUIPERS, J.-J. *EU Law and Private International Law: the Interrelationship in Contractual Obligations*. Leiden: Brill, 2012, 384 p.

40. LAUŽIKAS, E.; MIKELĖNAS, V.; NEKROŠIUS, V. *Civilinio proceso teisė (I tomas).* Vilnius: Justicia, 2003, 531 p.

41. LAZIĆ, V.; STUIJ, S. *Brussels Ibis Regulation: Changes and Challenges of the Renewed Procedural Scheme*. Dordrecht: Springer, 2017, 152 p.

42. LIBMAN, A.; VINOKUROV, E. *Holding-Together Regionalism: Twenty Years of the Post-Soviet Integration*. London: Palgrave Macmillan, 2012, 273 p.

43. MAGNUS, U.; MANKOWSKI, P. (eds.). *Brussels I Regulation*. Munich: Sellier, 2007, 1000 p.

44. MALANCZUK, P. *Akehurst's Modern Introduction to International Law* (7th edition). London: Routledge, 2002, 449 p.

45. MARK, G. *European Integration: a Concise History*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2012, 292 p.

46. MILLER, L. *The Emergence of EU Contract Law: Exploring Europeanization*. Oxford: OUP, 2011, 280 p.

47. MONAR, J.; POLI, S. *External Dimension of the European Union's Area of Freedom, Security and Justice*. Brussels: Peter Lang, 2012, 438 p.

48. NEKROŠIUS, V. *Civilinis procesas: koncentruotumo principas ir jo igyvendinimo galimybes*. Vilnius: Justitia, 2002, 247 p.

49. NEKROŠIUS, V. *Europos Sąjungos civilinio proceso teisė (pirma dalis).* Vilnius: Justitia, 2009, 304 p.

50. PAGE, S. *Regionalism among Developing Countries*. London: Palgrave Macmillan, 2000, 322 p.

51. PAVONE, T. *The Past and Future Relationship of the European Court of Justice and the European Court of Human Rights: a Functional Analysis*, Chicago, 2012, 33 p.

52. PINDER, J.; USHERWOOD, S. *European Union*. Oxford: OUP, 2007, 224 p.

53. POWELL, R. *Law Today*, London: Longman, 1994, 128 p.

54. SHAW, M. *International Law*. Cambridge: CUP, 2008, 1542 p.

55. SIMONS, T. *Eurasia's New Frontiers: Young States, Old Societies, Open Futures*. London: Cornell University Press, 2008, 177 p.

56. SITARAMAN, S. *State Participation in International Treaty Regimes*. Farnham: Ashgate, 2009, 346 p.

57. STONE SWEET, A. *The Judicial Construction of Europe*, Oxford: OUP, 2004, 294 p.

58. STORSKRUBB, E. *Civil Procedure and EU Law: a Policy Area Uncovered*. Oxford: OUP, 2008, 521 p.

59. STORME, M. *Approximation of Judiciary Law in the European Union*. Dodrecht: Kluwer, 1994, 225 p.

60. ŠÍNOVÁ, R.; VALENTOVÁ, L. *Handbook of European Civil Procedure Law*. Olomouc, 2012, 176 p.

61. *Tarybinė civilinio proceso teisė*. Ats. red. A. Žeruolis. Vilnius: Mintis, 1983, 310 p.

62. TELÒ M.; SHAW T. *European Union and New Regionalism*. Farnham: Ashgate, 2014, 429 p.

63. VARELLA, M.D. *Internationalization of Law. Globalization, International Law and Complexity*. Heidelberg: Springer, 2014, 343 p.

64. von MEHREN, A.T. *Adjudicatory Authority in Private International Law*. Leiden: Nijhoff, 2006, 409 p.

65. WATSON, A. *Legal Transplants: an Approach to Comparative Law*, Athens: University of Georgia Press, 1993, 144 p.

66. WEERAMANTRY, C. *Universalizing International Law*. Leiden: Nijhoff, 2004, 538 p.

67. WERLAUFF, E. *Civil Procedure in Denmark*. Copenhagen: Kluwer Law International, 2001, 152 p.

68. АБОЛОНИН, В.О. *Судебная медиация: теория, практика, перспективы*. Москва: Инфотропик Медиа, 2014, 408 с.

69. БИРЮКОВ, М.М. *Европейское право: до и после Лиссабонского договора*. Москва: Статут, 2016, 240 с.

70. БОГУСЛАВСКИЙ, М.М. *Международное частное право: учебник*. Москва: Юрист, 2005, 604 с.

71. БРАНОВИЦКИЙ, К.Л.; КОТЕЛЬНИКОВ, А.Г.; РЕШЕТНИКОВА, И.В. *Гражданское судопроизводство за рубежом*. Москва: Инфотропик Медиа, 2013, 248 с.

72. БЫКОВА, Е.В. *Современные процессы сближения и размежевания основных правовых систем*. Москва: Юрлитинформ, 2012, 232 с.

73. ВЕЛЬЯМИНОВ, Г.М. *Международное право: опыты*. Москва: Статут, 2015, 1006 с.

74. ВИКУТ, М.А.; ИСАЕНКОВА, О.В. *Исполнительное производство*. Москва: Юрист, 2001, 254 с.

75. ВОРОНОВ, А.Ф. *Гражданский процесс: эволюция диспозитивности*. Москва: Статут, 2007, 149 с.

76. ГЕТЬМАН-ПАВЛОВА, И.В. *Международное частное право*. Москва: Эксмо, 2005, 752 с.

77. *Евразийская интеграция: роль Суда*. Под ред. Т.Н. Нешатаевой. Москва: Статут, 2015, 304 с.

78. *Евразийский гражданский процесс: к 25-летию стран СНГ и Балтии*. Под ред. Д.Я. Малешина. Москва: Статут, 2015, 448 с.

79. *Европейское право. Право Европейского Союза и правовое обеспечение защиты прав человека*. Под ред. Л.М. Энтина, Москва: Эксмо, 2007, 960 с.

80. ЕРМАКОВА, Е.П.; СИТКАРЕВА, Е.В. *Право Европейского Союза: порядок разрешения частноправовых споров*. Москва: Юрлитинформ, 2016, 224 с.

81. ЖИЛИН, Г.А. *Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы*. Москва: Проспект, 2010, 576 с.

82. ЗДРОК, О.Н. *Гражданский процесс зарубежных стран*. Москва: Издательство деловой и учебной литературы, 2005, 176 с.

83. *Интеграционное право в современном мире: сравнительно-правовое исследование*. Отв. ред. С.Ю. Кашкин, Москва: Проспект, 2015, 416 с.

84. *Интеграционное правосудие: сущность и перспективы*. Отв. ред. С.Ю. Кашкин, Москва: Норма, 2014, 112 с.

85. ІЗАРОВА, І. *Науково-практичний коментар до цивільного процесуального законодавства Європейського Союзу (Частина 1)*. Київ: ВД Дакор, 2016, 308 с.

86. КАЛАШНИКОВ, С.В. *Применение общепризнанных принципов и норм в сфере защиты прав человека в России: вопросы теории и практики*. Москва: ДМК Пресс, 2010, 162 с.

87. КАШИРКИНА, А.А.; МОРОЗОВ, А.Н. *Россия, Евразийский экономический Союз и Всемирная торговая организация*. Москва: Инфра-М, 2014, 295 с.

88. КАШКИН, С.Ю. *Интеграционное право в современном мире. Сравнительно-правовое исследование*. Москва: Проспект, 2015, 416 с.

89. КОВАЛЕВ, А.А. *Международное экономическое право и правовое регулирование международной экономической деятельности*. Москва: Научная книга, 2007, 432 с.

90. КОСОВ, Ю.В.; ФОКИНА В.В. *Политическая регионалистика*. Санкт-Петербург: Питер, 2009.

91. КОХ, Х.; МАГНУС, У. и др. *Международное частное право и сравнительное правоведение*. Москва: Международные отношения, 2003, 480 с.

92. КРОХАЛЕВ, С.В. *Категория публичного порядка в международном гражданском процессе*. Санкт-Петербург, 2006, 472 с.

93. ЛАЗАРЕВ, В.В. (ред.) *Общая теория права и государства: учебник*. Москва: Юрист, 2002, 520 с.

94. ЛЕБЕДЕВ М.Ю. *Гражданский процесс: учебник*. Москва: Юрайт, 2010, 382 с.

95. ЛЕЖЕ, Р. *Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход*. Москва: Волтерс Клувер, 2009, 584 с.

96. ЛУКАШУК, И.И. *Международное право в судах государств*. Санкт-Петербург: Нева, 1993, 302 с.

97. МАЛЕШИН, Д.Я. *Гражданская процессуальная система России*. Москва: Статут, 2011, 496 с.

98. МАЛЕШИН, Д.Я. Методология гражданского процессуального права. Москва: Статут, 2010, 208 с.

99. *Международное частное право* (том 1). Под ред. С.Н. Лебедева, Е.В. Кабатовой. Москва: Статут, 2011, 400 с.

100. *Международное частное право: учебник*. Под ред. Г.К. Дмитриевой. Москва: Проспект, 2004, 688 с.

101. *Наднациональное и национальное регулирование в Таможенном союзе ЕврАзЭС: на примере таможенной пошлины*. Под ред. А.Н. Козырина, Москва: Институт публично-правовых исследований, 2014, 233 с.

102. НЕРСЕСЯНЦ, В.С. *Общая теория права и государства*. Москва: Норма, 2001, 560 с.

103. *Оптимизация гражданского правосудия в России*. Под ред. В.В. Яркова, Москва: Волтерс Клувер, 2007, 177 с.

104. ОСМИНИН, Б.И. *Заключение и имплементация международных договоров и внутригосударственное право*. Москва: Инфотропик Медиа, 2010, 383 с.

105. *Правовые проблемы формирования межгосударственных объединений (на примере зоны свободной торговли и Таможенного союза ЕврАзЭС*. Под ред. В.Ю. Лукьяновой, Москва: Анкил, 2012, 336 с.

106. *Принципы трансграничного гражданского процесса*. Москва: Инфотропик Медиа, 2011, 240 с.

107. *Проблемы унификации международного частного права*. Отв. ред. А.Л. Маковский, И.О. Хлестова, Москва: Юриспруденция, 2012, 488 с.

108. САВЕЛЬЕВ, А.И. *Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование*. Москва: Статут, 2016, 543 с.

109. *Современное международное частное право в России и Евросоюзе* (кн. 1). Под ред. М.М. Богуславского, А.Г. Лисицына-Светланова, А. Трунка. Москва: Норма, 2013, 656 с.

110. ТЕРЕХОВА, Л.А. *Надзорное производство в гражданском процессе: проблемы развития и совершенствования*. Москва: Волтерс Клувер, 2009, 174 с.

111. ТИХИНЯ В.Г. *Гражданский процесс: учебник*. Минск: ТетраСистемс, 2013, 496 с.

112. ТРЕУШНИКОВ, М.К. Гражданский процесс: учебник. Москва: Городец, 2007, 784 с.

113. ЩУКИН, А.И. *Вопросы подсудности в международных договорах с участием России*. Москва: Проспект, 2015, 184 с.

114. ЭНГЕЛЬМАН, И.Е. *Курс русского гражданского судопроизводства*. Юрьев, 1912, 647 с.

Диссертации и авторефераты

1. GUMULIAUSKIENĖ, L. *Užsienio teismų sprendimų pripažinimas ir vykdymas civiliniame procese* (Daktaro disertacija). Vilnius: Mykolo Romerio Universitetas, 2008, 216 p.

2. KRUGER, T. *Civil Jurisdiction Rules of the European Union and Their Impact on Third States* (Doctoral thesis). Leuven: Katholieke Universiteit Leuven, 2005, 367 p.

3. LASSERRE, M.-C. *Le droit de la procédure civile de l'Union Européenne forme t-il un ordre procédural?* Thèse pour le doctorat en Droit. Nice: Université de Nice Sophia-Antipolis, 2013, 657 p.

4. VĖBRAITĖ, V. *Conciliation of Parties in Civil Procedure* (Summary of doctoral dissertation). Vilnius: Vilnius University, 2009, 28 p.

5. VERNADAKI, Z. *EU Civil Procedure and Access to Justice after the Lisbon Treaty. Perspectives for a Coherent Approach* (PhD thesis). London: University College London, 2013, 296 p.

6. VIENAŽINDYTĖ, J. *Bosphorus prezumpcija ir Europos Sąjungos prisijungimas prie Europos žmogaus teisių ir pagrindinių laisvių apsaugos konvencijos*. Daktaro disertacija. Vilnius, 2016, 252 p.

7. БАХИН, С.В. *Сотрудничество государств по сближению национальных правовых систем* (диссертация доктора юридических наук). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2003, 360 с.

8. ВОРОНЦОВА, И. *Нормы международного права как источник гражданского процессуального права* (диссертация доктора юридических наук). Саратов: Саратовская юридическая академия, 2015, 433 с.

9. ГУРБАНОВ, Р.А. Взаимодействие судебных органов на европейском пространстве: вопросы теории и практики (автореферат диссертации доктора юридических наук). Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2016, 53 с.

10. ЖАРКО, А.Л. *Признание и исполнение иностранных судебных решений в Англии* (диссертация кандидата юридических наук). Москва: Российский университет дружбы народов, 2006, 187 с.

11. ЗАЙЦЕВ, Р.В. *Признание и приведение в исполнение в России иностранных судебных актов* (автореферат диссертации кандидата

юридических наук). Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2005, 25 с.

12. ИЗАРОВА, И.А. *Теоретические и практические основы гармонизации гражданского процесса Европейского Союза и Украины* (автореферат диссертации доктора юридических наук). Киев: Институт государства и права им. В.М. Корецкого Национальной академии наук Украины, 30 с.

13. КРОХАЛЕВ, С.В. *Категория публичного порядка в международном гражданском процессе. Сравнительное исследование на основе правовых систем России и Франции* (автореферат диссертации кандидата юридических наук), Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2005, 30 с.

14. КРЫМСКИЙ, Д.И. *Упрощенные производства в гражданском процессе зарубежных стран* (автореферат диссертации кандидата юридических наук). Москва: Московский государственный университет, 2011, 216 с.

15. КУРАШВИЛИ, А.Ю. *Заключение и имплементация международных договоров по Венской конвенции о праве международных договоров и законодательству государств-участников СНГ: сравнительно-правовой анализ* (автореферат диссертации кандидата юридических наук). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2007, 28 с.

16. ЛИСИЦЫН-СВЕТЛАНОВ, А.Г. *Тенденции развития международного гражданского процесса* (диссертация доктора юридических наук). Москва: Российская академия наук, 2002, 280 с.

17. ЛУЦЬ, Л.А. *Європейські міждержавні правові системи: загальнотеоретична характеристика* (дисертація доктора юридичних наук). Львів: Львівський національний університет ім. Франка, 2004, 448 с.

18. МАКОВСКАЯ, А.А. Унификация международного частного права в рамках Европейского сообщества (автореферат диссертации кандидата юридических наук). Москва: Институт государства и права РАН, 1992, 19 с.

19. МИХАЙЛОВА, С.А. *Правовое регулирование сотрудничества судебных органов по гражданским, торговым и семейным делам в рамках Европейского Союза* (диссертация кандидата юридических наук). Москва: Московская государственная юридическая академия, 2012, 161 с.

20. МИХАЙЛОВА С.А. *Правовое регулирование сотрудничества судебных органов по гражданским, торговым и семейным делам в рамках Европейского Союза* (автореферат диссертации кандидата юридических наук). Москва: Московская государственная юридическая академия, 2012, 25 с.

21. САЕНКО, А.В. *Принципы международного гражданского процесса* (автореферат диссертации кандидата юридических наук). Москва: РУДН, 2013, 27 с.

Статьи и другие публикации в сборниках, тексты докладов с конференций

1. BATMAN, A.; KRAM, D.; LEIFKER, M. European Civil Procedure Law: a Role Model for Potential Candidate States in the Western Balkan region? *THEMIS Competition 2015 (Semi Final C)*. Luxembourg, 2015, p. 14-17.

2. BIDELEUX, R. Introduction. In: *European Integration and Disintegration: East and West*. Eds.: R. Bideleux, R. Taylor. London: Routledge, 1996, 311 p. (p. 1-21).

3. BIUKOVIĆ, L. Regional Streamlining of International Trade and International Human Rights Norms. In: *International Law in the New Age of Globalization*. Eds.: C. Michaelsen, M. Hayashi, A. Byrnes. Leiden: Brill, 2013.

4. BOELE-WOELKI, K. Unification and Harmonization of Private International Law in Europe. In: *Private Law in the International Arena: Liber Amicorum Kurt Siehr*. Ed.: J. Basedow. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2000, 910 p. (p. 61-77).

5. BRABANDERE, E. The Impact of 'Supranationalism' on State Sovereignty from the Perspective of the Legitimacy of International Organisations. In: *Statehood and Self-Determination: Reconciling Tradition and Modernity in International Law*. Ed.: D. French. Cambridge: CUP, 2013, 586 p. (p. 450-470).

6. BYRNES, A. *et al.* Conclusion. In: In: *International Law in the New Age of Globalization*. Eds.: C. Michaelsen, M. Hayashi, A. Byrnes. Leiden: Brill, 2013, 464 p. (p. 425-429).

7. CADIET, L. Sources and Destiny of French Civil Procedure in a Globalized World. In: *The Dynamism of Civil Procedure – Global Trends and Developments*. Eds.: C. Picker, G. Seidman. Dordrecht: Springer, 2016, 283 p. (p. 63-84).

8. COHEN, J. Sovereignty in the Context of Globalization: a Constitutional Pluralist Perspective. In: *Philosophy of International Law*. Eds.: S. Besson, J. Tasioulas. Oxford: OUP, 2010.

9. DYRDA, Ł. Jurisdiction in Civil and Commercial Matters under the Regulation no. 1215/2012: between Common Grounds on Jurisdiction and Divergent National Rules. In: *The Interaction of National Legal Systems: Convergence or Divergence?* Vilnius, 2013, 422 p. (p. 87-93).

10. FALLON, M. L'applicabilité du règlement «Bruxelles I» aux situations externes après l'avis 1/03. In: *Vers de nouveaux équilibres entre ordres juridiques*. Eds.: T. Azzi et al. Paris: Dalloz, 2008, 839 p. (p. 241-264).

11. FERRER, G. La cooperación jurídica Interamericana en perspectiva comparada con la Unión Europea. *Seminario de derecho internacional "Cooperación jurídica en materia de derecho de familia y niñez"*, 6 octubre 2011.

12. FRANCESCONI, E. An Interoperability Approach for Enabling Access to e-Justice Systems across Europe. In: *Electronic Government and the*

Information Systems Perspective. Eds.: E. Francesconi *et al.* Dordrecht: Springer, 2014, 265 p.

13. FRANCESCONI, E.; PERUGINELLI, G. *et al.* A Semantic Approach to Support Cross Border e-Justice. In: *The Semantic Web: ESWC 2014 Satellite Events.* Eds.: V. Presutti et al. Dordrecht: Springer, 2014, 423 p.

14. GAMBLE, A. Regional Blocks, World Order and the new Medievalism. In: *Globalisation, Multilateralism, Europe: Towards a Better Global Governance?* Ed.: M. Telò. Ashgate: Farnham, 2013.

15. GASCÓN, F. Electronic Service of Documents National and International Aspects. In: *Electronic Technology and Civil Procedure*. Eds.: M. Kengyel, Z. Nemessányi. Dordrecht: Springer, 2012, 329 p. (p. 137-180).

16. GAUDEMET-TALLON, H. Les frontières extérieures de l'espace judiciaire européen: quelques repères. In: *E Pluribus unum. Liber Amicorum G. Droz*. Eds.: A Borrás et al. The Hague: Nijhoff, 1996, 580 p.

17. GENN, H. Judging Civil Justice. In: *The Hamlyn Lectures*. Cambridge: CUP, 2008, 228 p.

18. GILLES, P. Skirtingų nacionalinių teisės normų vienodinimas ir derinimas remiantis civilinio proceso teisės europeizacijos pavyzdžiu. *Civilinio proceso pirmosios instancijos teisme reforma Baltijos Jūros regiono valstybėse ir Centrinėje Europoje*, 2004 m. rugsėjo 16-19 d., Vilnius: Vilniaus universiteto leidykla, 2005, 279 p. (p. 60-87).

19. GILLES, P. Some Reflections on the Keywords of the General Topic. In: *Civil Procedure in Cross-cultural Context (IAPL 2012 Conference Book)*. Ed.: D. Maleshin. Moscow: Statut, 2012, 608 p. (p. 31-36).

20. GORYWODA, L.; HATZIMIHAIL, N.; NUYTS, A. Introduction: Market Regulation, Judicial Cooperation and Collective Redress. In: *Cross-Border Class Actions: The European Way*. Eds.: A. Nuyts, N. Hatzimihail. Munich: Sellier European Law Publishers, 2013, 352 p. (p. 1-55).

21. HETTNE, B. Regionalism and World Order. In: *Global Politics of Regionalism: Theory and Practice*. Eds.: M. Farrell. B. Hettne and L. Van Langenhove. London: Pluto Press, 2005, 336 p. (p. 269-286).

22. HESS, B. Les compétences externes de la Communauté européenne dans le cadre de l'article 65 CE. In: *Les conflits de lois et le système juridique communautaire*. Eds.: A. Fuchs *at al.* Paris: Dalloz, 2004, 302 p. (p. 81-100).

23. HESS, B. Procedural Harmonisation in a European Context. In: *Civil Litigation in a Globalising World.* Eds.: X.E. Kramer, C.H. van Rhee, The Hague: Asser Press, 2012, 387 p. (p. 159-173).

24. HEUKELS, T.; TIB, J. Towards Homogeneity in the Field of Legal Remedies: Convergence and Divergence. In: *New Directions in European Public Law*. Eds.: J. Beatson, T. Tridimas, London: Hart Publishing, 1998, 224 p.

25. JUNNE, G. International Organizations in a Period of Globalization: New (Problems of) Legitimacy. In: *Legitimacy of International Organizations*. Eds.: J-M. Coicaud, V. Heiskanen. New York: United Nations University Press, 2001, 585 p. (p. 181-220).

26. KARALIUK, M. The Eurasian Economic Union: an EU-like Legal Order in the Post-Soviet Space? *Basic Research Program Working Papers. Series: Law*, WP BRP 53/LAW/2015, p. 2-21.

27. KIM, M.; CAPORASO, J. Globalisation: Trends, Limits, and Controversies. In: *Globalisation, Multilateralism, Europe: Towards a Better Global Governance?* Ed.: M. Telò. Ashgate: Farnham, 2013.

28. KELMEN, R. Build to Last? The Durability of EU Federalism? In: *Making History: State of the European Union*. Eds.: S. Meunier, K. McNamara. Oxford: OUP, 2007, 376 p. (p. 51-66).

29. KLABBERS, J. The Changing Image of International Organizations. In: *Legitimacy of International Organizations*. Eds.: J-M. Coicaud, V. Heiskanen. New York: United Nations University Press, 2001, 585 p. (p. 221-255).

30. KOMAROV, V. Harmonisation of civil procedural law in Eurasia: Ukrainian Report. In: *Civil Procedure in Cross-cultural Dialogue: Eurasia Context (IAPL World Conference on Civil Procedure, September 18–21, 2012, Moscow, Russia).* Ed.: D. Maleshin. Moscow: Status, 2012, 608 p. (p. 401-412).

31. KRAMER, X. Enhancing Enforcement in the European Union. The European Order for Payment Procedure and Its Implementation in the Member States, Particularly in Germany, the Netherlands, and England. In: *Enforcement and Enforceability. Tradition and Reform*. Eds.: C.H. van Rhee, A. Uzelac. Antwerp: Intersentia, 2010, 334 p. (p. 17-40).

32. KRAMER, X. European Private International Law: the Way Forward. *Workshop on Upcoming Issues of EU Law: Compilation of In-Depth Analyses*. Brussels: European Parliament, 2014, p. 77-105.

33. KRAMER, X. Harmonisation of Civil Procedure and the Interaction with Private International Law. In: *Civil Litigation in a Globalising World*. Eds.: X.E. Kramer, C.H. van Rhee. The Hague: Asser Press, 2012, 387 p. (p. 121-139).

34. KRAMER, X. Towards ELI-UNIDROIT Model Rules of Civil Procedure: Basic Premises and Challenges. *Bay Area Civil Procedure Forum*, Hastings (San Francisco), 19 April 2016, p. 1-10.

35. KUIPERS, J-J. The European Union and the Hague Conference on Private International Law – Forced Marriage of Fortunate Partnership? In: *European Union's Emerging International Identity*. Eds.: H. de Waele, J-J. Kuipers. Boston: Nijhoff, 2013, 278 p. (p. 159-186).

36. KUIPERS, J-J. The Exclusive External Competence of the Community under Article 81 TFEU: Lugano Re-opened? In: *External Dimension of the European Union's Area of Freedom, Security and Justice*. Eds.: J. Monar, S. Poli. Brussels: P.I.E. Peter Lang, 2011, 438 p. (p. 287-320).

37. LAURSEN, F. The EU and Federalism: constitutional Equilibrium or Continued Federalization? In: *The EU and Federalism*. Eds.: F. Laursen, S. Dosenrode. Farnham: Ashgate, 2011, 304 p. (p. 265-271).

38. ŁAZOWSKI, A. From EU with Trust: the Potential and Limits of the Mutual Recognition in the Third Pillar from the Polish Perspective. In: *The Future of Mutual Recognition in Criminal Matters in the European Union*. Eds.: G. Vernimmen-Van Tiggelen, L. Surano, A. Weyembergh. Brusells: Editions de l'Université de Bruxelles, 2009, 608 p. (p. 419-444).

39. MALESHIN, D. The Russian Style of Civil Procedure. *Purpose of Modern Civil Procedural Law: the material of the International Scientific Conference (5-6 June 2008)*, Vilnius: VĮ Registrų centras, 2008, 603 p. (p. 480-503).

40. MARKS, S. Democracy and International Governance. In: *Legitimacy of International Organizations*. Eds.: J-M. Coicaud, V. Heiskanen. New York: United Nations University Press, 2001, 587 p. (p. 47-68).

41. MIKELĖNAS, V. Civil Procedure as a Legal Form of Judicial Law-Making. In: *Purpose of Modern Civil Procedural Law*. Vilnius: VĮ Registrų Centras, 2008, 603 p. (p. 176-193).

42. MORAVCSIK, A. Federalism in the European Union: Rhetoric and Reality. In: *The Federal Vision: Legitimacy and Levels of Governance in the United States and the European Union*. Ed. by: K. Nicolaidis, R. Howse. Oxford: OUP, 2001, 556 p. (p. 161-190).

43. NEKROŠIUS, V. Europos Sąjungos sumariniai procesai - ar esame kelyje į bendrą Europos Sąjungos civilinį procesą? In: *Teisė besikeičiančioje Europoje. Liber Amicorum Pranas Kūris*. Vilnius: Mykolo Romerio universitetas, 2008, 945 p. (p. 787-797).

44. NORKUS, R. Nauji teisiniai instrumentai civilinio proceso srityje: ar bus sukurtas Europos Sąjungos civilinis procesas? *Teisė ir teisminę gynybą ir jos realizavimo praktiniai aspektai*, Vilnius, 2006, 489 p. (p. 124-140).

45. NYLUND, A. European Integration and Nordic Civil Procedure. In: *The Future of Civil Litigation. Access to Courts and Court-annexed Mediation in the Nordic Countries*. Eds.: L. Ervo, A. Nylund. Heidelberg: Springer, 2014, 431 p. (p. 31-51).

46. PICKER, C. Comparative Law as an Engine of Change for Civil Procedure. In: *The Dynamism of Civil Procedure: Global Trends and Developments*. Eds.: C. Picker, G. Seidman, Dordrecht: Springer, 2016, 283 p. (p. 45-59).

47. ROSAS, A. Exclusive, Shared and National Competence in the Context of EU External Relations: Do Such Distinctions Matter? In: *The European Union in the World*. Eds.: I. Govaere, E. Lannon *et al.* Leiden: Nijhoff, 2014, 705 p. (p. 17-43).

48. SCHEBESTA, H. Procedural Theory in EU Law. In: *Varieties of European Economic Regulation*. Eds.: K. Purnhagen, P. Rott. Springer: New York, 2014, 892 p. (p. 851-862).

49. SCHMITTER, P. Examining the Present Euro-Polity with the Help of Past Theories. In: *Governance in the European Union*. Eds.: G. Marks, F.W. Scharpf *et al*. London: SAGE Publications, 1996, 193 p. (p. 1-14).

50. SEIDMAN, G. The New Comparative Civil Procedure In*: The Dynamism of Civil Procedure – Global Trends and Developments*. Eds.: C. Picker, G. Seidman. Dordrecht: Springer, 2016, 283 p. (p. 19-44).

51. STORME, M. Introduction. The Coming Together of Procedural Laws in Europe. In: *Procedural Laws in Europe: Towards Harmonization*, ed. by M. Storme. Maklu: Antwerp/Apeldoorn, 2003, 472 p.

52. STORSKRUBB, E. Civil Justice – a Newcomer and an Unstoppable Wave. In: *The Evolution of EU Law*. Eds.: G. de Búrca, P. Craig. Oxford: OUP, 2011, 984 p. (p. 299-321).

53. TARUFFO, M. Harmonisation in a Global Context: the ALI/UNIDROIT Principles. In: *Civil Litigation in a Globalising World*. Eds. X.E. Kramer, C.H. van Rhee. The Hague: Asser Press, 2012, 387 p. (p. 207-219).

54. TÖMMEL, I. The European Union – a Federation *sui generis*? In: *The EU and Federalism: Polities and Policies Compared*. Ed.: F. Laursen. Farnham: Ashgate, 2011, 304 p. (p. 41-56).

55. TRYKHLIB, K. The Doctrine of the "Margin of Appreciation" in the Case-Law of the European Court of Human Rights. In: *Interdisciplinary Approach to Law in Modern Social Context (4th International Conference of PhD Students and Young Researchers Conference Materials).* Vilnius, 21-22 April 2016, 379 p. (p. 339-348).

56. UZELAC, A. Harmonised Civil Procedure in a World of Structural Divergences? Lessons Learned from the CEPEJ Evaluation. In: *Civil Litigation in a Globalising World*. Eds. X.E. Kramer, C.H. van Rhee. The Hague: Asser Press, 2012, 387 p. (p. 175-205).

57. van RHEE, C.H. Civil Procedure in a Globalizing World. In: *Globalization and Private Law. The Way Forward*. Eds.: M. Faure, A. van der Walt. Cheltenham: Elgar, 2010.

58. van RHEE, C.H. Harmonisation of Civil Procedure: An Historical and Comparative Perspective. In: *Civil Litigation in a Globalizing World*. Eds.: C.H. van Rhee, X.E. Kramer. The Hague: Asser Press, 2012, 387 p. (39-63).

59. VESCOVI, E. El Proyecto de Código Procesal Civil uniforme para la América Latina. *XI Congreso Mexicano de derecho procesal*, Durango, México, 28-31 de mayo de 1986, p. 10-36.

60. WAGNER, G. Harmonization of Civil Procedure: Policy Perspectives. In: *Civil Litigation in a Globalising World*. Eds.: X.E. Kramer, C.H. van Rhee. The Hague: T.M.C. Asser Press, 2012, 387 p. (p. 93-119).

61. WIEDEMANN, D. Convergence and Divergence in the EU's Judicial Cooperation in Civil Matters: Pleading for a Consolidation through a Uniform European Conflict's Codification. *Católica Graduate Legal Research Conference 2014 – Conference Proceedings*, p. 175-198.

62. WOLINETZ, S. Comparing the Incomparable: Treating the EU in Comparative Context. In: *The EU and Federalism: Polities and Policies Compared*. Ed.: F. Laursen. Farnham: Ashgate, 2011, 304 p. (p. 27-39).

63. WOUTERS, J. *et al.* The European Union: a Federation in All but Name. In: *Federalism and Legal Unification*. Eds.: D. Halberstam, M. Reimann. Dordrecht: Springer, 2014, 559 p. (p. 191-235).

64. YARKOV, V. Harmonization of Civil Procedural Law in Eurasia (General Report). In: *Civil Procedure in Cross-cultural Dialogue: Eurasia Context*. Ed.: D. Maleshin. Moscow: Statut, 2012, 608 p. (p. 335-365).

65. БЕЗБОРОДОВ, Ю.С. Международно-правовая интеграция. В: *Развитие мирового правопорядка: институты и механизмы* (доклады исполнительного комитета к XI сессии Европейско-Азиатского правового конгресса). Екатеринбург, 2017, с. 102-104.

66. БОЧАРОВА, Н. Международный гражданский процесс в нормах Устава гражданского судопроизводства 1864 г. В: *Судебные Уставы Российской Империи 1864 года: влияние на современное законодательство Литвы, Польши, России, Украины, Финляндии (к 150-летию Судебной Реформы. 20 ноября 1864 г. - 20 ноября 2014 г.).* Ред.: Д.Я. Малешин, Москва: Статут, 2014, 128 с. (с. 55-69).

67. БРАНОВИЦКИЙ, К.Л. Тенденции развития гражданского судопроизводства на Евразийском пространстве. В: Развитие мирового правопорядка: институты и механизмы (доклады исполнительного комитета к XI сессии Европейско-Азиатского правового конгресса). Екатеринбург, 2017, с. 57-64.

68. ван РЕЕ, К.Х. Гармонизация гражданского процесса в глобальном масштабе. В: *Европейский гражданский процесс и исполнительное производство*. Сборник материалов Международной научно-практической конференции. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 25 марта 2011 г., 333 с. (с. 8-25).

69. ДАЛЛАКЯН, В. Развитие гражданского процесса в Республике Армения с 1990 г. В: *Евразийский гражданский процесс: к 25-летию стран СНГ и Балтии*. Под ред. Д.Я. Малешина, Москва: Статут, 2015, 448 с. (с. 11-32).

70. ДРОБЯЗКО, С.Г. Юридическая природа гармонизации законодательства в процессе его совершенствования. В: *Национальная государственность и европейские интеграционные процессы*: сборник научных трудов (т. 1). Минск: БГУ, 2008, 293 с.

71. ЗЫБАЙЛО, А.И. Источники права ЕврАзЭС и способы их имплементации в законодательство государства-членов. В: *Труды факультета международных отношений: научный сборник (вып. 4)*. Минск: изд-во БГУ, 2013, с. 47-54.

72. КАМЕНКОВА, Л.Э. Экономический Суд СНГ как гарант обеспечения принципа доступности международного правосудия на пространстве Содружества. В: *Международное правосудие в XXI веке*. Под ред. Т.Н. Михалевой, Минск: Бизнесофсет, 2016, 472 с.

73. КАРПЕНКО, О.И. ODR как онлайн-эквивалент методов альтернативного урегулирования споров: опыт Евросоюза. В: *Актуальные проблемы юридического образования в контексте обучения*

альтернативному урегулированию споров как подходу к обеспечению прав человека (материалы международной научно-методической конференции). Минск, 2016, 359 с. (с. 81-88).

74. КОМАРОВ, В. Актуальные проблемы реформы гражданского процессуального и арбитражного процессуального законодательства Украины. В: *СНГ: реформа гражданского процессуального права*, Москва: Городец, 2002, 256 с. (с. 74-106).

75. Концептуальный проект структуры модельного кодекса гражданского судопроизводства для стран СНГ. В: *СНГ: реформа гражданского процессуального права*. Москва: Городец, 2002, 256 с. (с. 213-248).

76. КУДРЯВЦЕВА, Е.В. Гармонизация и унификация гражданского процессуального права в европейских странах. В: *Реформа гражданского процесса в суде первой инстанции в государствах Балтийского моря и Центральной Европы*, 16-19 сентября 2004 г., Вильнюс, 2005, 279 с. (с. 246-249).

77. ЛЮБЧЕНКО, М.Я. К вопросу о принципах взаимодействия Европейского суда по правам человека и национальных юрисдикций (в контексте гармонизации гражданского процесса). В: *Проблемы гражданского судопроизводства в трудах и деятельности М.С. Шакарян*. Материалы международной научно-практической конференции, Москва: Университет им. О.Е. Кутафина, 2014.

78. МАЛЕШИН, Д.Я. Методологические аспекты реформы гражданского судопроизводства в России. В: *Реформа гражданского процесса в суде первой инстанции в государствах Балтийского моря и Центральной Европы*, 16-19 сентября 2004 г., Вильнюс, 2005, 279 с. (с. 201-206).

79. МИХАЛЕВА, Т.Н. О целевых установках в контексте формирования интеграционного права. В: *Актуальные проблемы международного публичного и международного частного права: сборник научных трудов*. Выпуск 5, Минск: БГУ, 2013, 272 с. (с. 231-238).

80. МОСКАЛЕВИЧ, Г.Н. Общие тенденции интеграции и глобализации международного гражданского процесса как составной части международного частного права. В: *Беларусь в современном мире (материалы X Международной конференции, посвященной 90-летию образования Белорусского государственного университета, 28 октября 2011 г.)*. Ред. В.Г. Шадурский, Минск: Изд. центр БГУ, 2011, 303 с. (с. 112-113).

81. НАХОВА, Е.А. Перспектива гармонизации доказательственного права в гражданском судопроизводстве в процессуальном законодательстве стран-участниц ЕврАзЭС. В: *Законодательство стран–участниц ЕврАзЭС: сравнительно-правовой анализ и перспективы гармонизации (Материалы Евразийского научного форума 22 – 23 ноября 2012 г.)*. Санкт-Петербург: МИЭП, 2013.

82. ПАНФЕРОВА, Л.А.; КОРОЧКИН, А.Ю. Оказание правовой помощи по гражданским делам в Содружестве Независимых Государств:

международно-правовой аспект. В: *Проблемы гражданского права и процесса: сборник научных статей*, Гродно: ГрГУ, 2013, 496 с.

83. РОМАНОВА, Т.А.; ЭНТИН, К.В. Россия и Европейский Союз: политико-правовые аспекты. В: *Россия в современных интеграционных процессах*. Под ред. С.А. Афонцева, М.М. Лебедевой Москва: МГИМО-Университет, 2014, 312 с.

84. СИТКАРЕВА, Е.В. Общее пространство сотрудничества в области правосудия: опыт Европейского Союза и Российской Федерации. В: *Защита прав в России и других странах Совета Европы: современное состояние и проблемы гармонизации*, Санкт-Петербург, 2011, 805 с. (с. 228-236).

85. СКОБЕЛЕВ, В. Гражданский процесс в Республике Беларусь: становление и развитие в условиях суверенного государства. В: *Евразийский гражданский процесс: к 25-летию стран СНГ и Балтии*. Под ред. Д.Я. Малешина, Москва: Статут, 2015, 448 с. (с. 33-62).

86. *Судебные Уставы Российской Империи 1864 года: влияние на современное законодательство Литвы, Польши, России, Украины, Финляндии (к 150-летию Судебной Реформы. 20 ноября 1864 г. - 20 ноября 2014 г.)*. Ред.: Д.Я. Малешин, Москва: Статут, 2014, 128 с.

87. ТЕРЕХОВ, В.В. Гармонизация гражданского процессуального права в Евразийском регионе: постановка проблемы. В: *Правотворчество и правоприменение в условиях инновационного развития общества: сборник научных статей*, Гродно, 2014, 464 с. (с. 453-456).

88. ТЕРЕХОВ, В.В. Проблемы гармонизации гражданского процессуального права в Евразийском регионе. В: *Проблемы гражданского судопроизводства в трудах и деятельности М.С. Шакарян. Материалы международной научно-практической конференции*, Москва, 2014, с. 156-162.

89. ТИХОНЧУК И.К. Трансформация внутренних функций государства в условиях глобализации. В: *Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов*, Вып. 15. Минск, БГУ, 2016.

90. ТРУНК, А. Проблемы интеграции правовой системы в Европейское Сообщество: международный гражданский процесс. В: *Международное сотрудничество в нотариальной и судебной сфере*. Под ред. В.В. Яркова, И.Г. Медведева. Санкт-Петербург: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006, 232 с.

91. ЯРКОВ, В.В. Развитие гражданского процессуального права России сквозь призму общемировых тенденций. В: *Предназначение современного гражданского процессуального права*, Вильнюс, 2008, 603 с. (с. 583-603).

92. ЯРКОВ, В.В.; НЕЗНАМОВ, А.В. Современное состояние гражданского и административного судопроизводства на постсоветском пространстве. В: *Право, политика и экономика в современном мире: вызовы XXI века* (доклады исполнительного комитета к X сессии

Европейско-азиатского правового конгресса). Екатеринбург: УрГЮА, 2016, 120 с. (с. 65-74).

Статьи в периодических изданиях

1. ALIHODŽIĆ, J. The Hague Convention 2005 and Bosnia and Herzegovina. *Anali Pravnog Fakulteta Univerziteta u Zenici*, 2016, Vol. 18, p. 93-113.

2. ANDERSON, K. Testing the Model Soft Law Approach to International Harmonisation: a Case-Study Examining the UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency. *Australian Year Book of International Law*, 2004, Vol. 23, p. 1-24.

3. ARENAS, R. Abolition of Exequatur: Problems and Solutions. Mutual Recognition, Mutual Trust and Recognition of Foreign Documents: Too Many Words in the Sea. *Yearbook of Private International Law*, 2010, Vol. 12, p. 351-375.

4. ASPINWALL, M. NAFTA-ization: Regionalization and Domestic Political Adjustment in the North American Economic Area. *Journal of Common Market Studies*, 2009, Vol. 47(1), p. 1-24.

5. AVBELJ, M. Differentiated Integration – Farewell to the EU-27? *German Law Journal*, 2013, Vol. 14, p. 191-212.

6. BAAMONDE, X.; GARCÍA, N. La armonización del derecho procesal civil en Europa. *Justicia. Revista de derecho procesal*, 2010, No. 3-4, p. 141-204.

7. BAYRAKTAROĞLU, G. Harmonization of Private International Law at Different Levels: Communitarization v. International Harmonization. *European Journal of Law Reform*, 2003, Vol. 5, p. 127-172.

8. BASEDOW, J. The Communitarisation of Private International Law – Introduction. *Rabels Zeitschrift für ausländisches und internationales Privatrecht*, 2009, Vol. 73, p. 455-460.

9. BASEDOW, J. Worldwide Harmonisation of Private Law and Regional Economic Integration – General Report. *Uniform Law Review*, 2003, Vol. 1(2), p. 31-49.

10. BEAUMONT, P.; JOHNSTON, E. Can exequatur Be Abolished in Brussels I whilst Retaining a Public Policy Defence. *Journal of Private International Law*, 2010, Vol. 6(2), p. 249-279.

11. BENVENISI, E. Margin of Appreciation, Consensus, and Universal Standards. *New York University Journal of International Law and Politics*, 1998, Vol. 31, p. 843-854.

12. BERGER, S. Globalization and Politics. *Annual Review of Political Science*, 2000, Vol. 3, p. 43-62.

13. BERMAN, F. Treaty-Making within the British Commonwealth. *Melbourne University Law Review*, 2014, Vol. 38(3), p. 897-925.

14. BIAVATI, P. Judicial Cooperation in Europe: Is Exequatur Still Necessary? *International Journal of Procedural Law*, 2011, Vol. 1(2), p. 403-431.

15. BLANKART, Ch. The European Union: confederation, federation or association of compound states? A Hayekian approach to the theory of constitutions. *Constitutional Political Economy*, 2007, Vol. 18, p. 99-106.

16. BLOCKMANS, S. EU–Russia Relations Through the Prism of the European Neighbourhood and Partnership Instrument. *European Foreign Affairs Review*, 2008, Vol.13, p. 167-187.

17. BOLT, J. *Review Essay* – Procedural Laws in Europe. Towards Harmonisation (Marcel Storme ed. 2003). *German Law Journal*, 2005, Vol. 6(4), p. 817-826.

18. BOODMAN, M. The Myth of Harmonization of Laws. *American Journal of Comparative Law*, 1991, Vol. 39(4), p. 699-724.

19. BRAND, R. European Union's New Role in International Private Litigation. *Loyola University Chicago International Law Review*, 2005, Vol. 2, p. 277-293.

20. BRAUCH, J. The Margin of Appreciation and the Jurisprudence of the European Court of Human Rights: Threat to the Rule of Law. *Columbia Journal of European Law*, 2005, Vol. 11, p. 113-150.

21. BRODOWSKI, D. Judicial Cooperation between the EU and Non-Member States. *New Journal of European Criminal Law*, 2011, Vol. 2(1), p. 21-45.

22. BUČINSKAITĖ, R. ES integracijos galimybės piliečiams ir verslui: naujas teismų sprendimų civilinėse ir komercinėse bylose pripažinimo bei vykdymo reglamentavimas. *Tiltai*, 2015, t. 3, p. 41-64.

23. BURMESTER, H. National Sovereignty, Independence and the Impact of Treaties and International Standards. *Sydney Law Review*, 1995, Vol. 17, p. 127-149.

24. BUSCH, C.; SCHULTE-NÖLKE, H.; ZOLL, A. *EU Compendium – Fundamental Rights and Private Law*. Eds.: C. Busch *et al.* Munich: Sellier, 2010, 137 p.

25. BUSSANI, M.; MATTEI, U. Common Core Approach to European Private Law. *Columbia Journal of European Law*, 1996, Vol. 3, p. 339-356.

26. BUYSE, A. The Pilot Judgment Procedure at the European Court of Human Rights: Possibilities and Challenges. *Greek Law Journal*, 2009, Vol 57(8), p. 125-141.

27. CADIET, L. The ALI–UNIDROIT Project: From Transnational Principles to European Rules of Civil Procedure. *Uniform Law Review*, 2014, Vol. 19, p. 292-294.

28. CAPPELLETTI, M. Social and Political Aspects of Civil Procedure: Reforms and Trends in Western and Eastern Europe. *Michigan Law Review*, 1971, Vol. 69(5), p. 847-886.

29. CARBONARA, E.; PARISI, F. The Paradox of Legal Harmonization. *Public Choice*, 2007, Vol. 132, p. 367-400.

30. CARTER, C., SCOTT, A. Legitimacy and Governance Beyond the European Nation State: Conceptualizing Governance in the European Union. *European Journal of International Law*, 1998, Vol. 4, p. 429-446.

31. CERQUEIRA, G. La Conférence de La Haye de droit international privé. Une nouvelle voie pour le développement du droit international privé des organisations régionales d'intégration économique. *Uniform Law Review*, 2007, Vol. 12(4), p. 761-793.

32. CHASE, O. American 'Exceptionalism' and Comparative Procedure. *American Journal of Comparative Law*, 2002, Vol. 50(2), p. 277-301.

33. CLERMONT, K. Integrating Transnational Perspectives into Civil Procedure: What not to Teach. *Journal of Legal Education*, 2006, Vol. 56(4), p. 524-538.

34. COLLINS, H. European Private Law and the Cultural Identity of States. *European Review of Private Law*, 1995, Vol. 3, p. 353-366.

35. COSTACHE, M. Aspects Regarding the Judicial Cooperation in Civil and Commercial Matters. *EIRP Proceedings*, 2009, Vol. 4, p. 473-477.

36. CUNIBERTI, G. The First Stage of the Abolition of the Exequatur in the European Union. *Columbia Journal of European Law*, 2007-2008, Vol. 14, p. 371-376.

37. ÇAKMAK, C. The Problem Relating to the Margin of Appreciation Doctrine under the European Doctrine under the European Convention of Human Rights. *Usak Yearbook*, 2008, Vol. 1, p. 89-102.

38. DANILENKO, G. The Economic Court of the Commonwealth of Independent States. *New York University Journal of International Law and Politics*, 1998-1999, Vol. 31, p. 893-918.

39. DELCOUR, L. Between the Eastern Partnership and Eurasian Integration. Explaining Post-Soviet Countries' Engagement in (Competing) Region-Building Projects. *Problems of Post-Communism*, 2015, Vol. 62, p. 316-327.

40. del DUCA, L. Developing Global Transnational Harmonization Procedures for the Twenty-First Century: The Accelerating Pace of Common and Civil Law Convergence. *Texas International Law Journal*, 2007, Vol. 42, p. 625-660.

41. di MARIO, A. The Principle of Procedural Autonomy and the Principle of Effectiveness of the Judicial Protection in the Recent ECJ Case-Law: the Issue of Jurisdictional Rules. *King's Student Law Review*, 2011-2012, Vol. 3, p. 227-253.

42. DICKSON, A. The Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Jurisdiction and the Recognition and Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters (Recast) ("Brussels I bis" Regulation). *Legal Studies Research Paper*, No. 11/58, September 2011.

43. DODSON, S. Global Civil Procedure Trends in the Twenty-First Century. *Boston College International & Comparative Law Review*, 2011, Vol. 34(1), p. 1-26.

44. DODSON, S. The Challenge of Comparative Civil Procedure. *Alabama Law Review*, 2008, Vol. 60(1), p. 133-150.

45. DODSON, S.; KLEBBA, J. Global Civil Procedure Trends in the Twenty-First Century. *Boston College International and Comparative Law Review*, 2011, Vol. 34, p. 1-26.

46. DOUGLAS-SCOTT, S. A Tale of Two Courts: Luxembourg, Strasbourg and the Growing European Human Rights *Aquis*. *Common Market Law Review*, 2006, Vol. 43, p. 629-665.

47. DRAGNEVA, R. Is Soft Beautiful – Another Perspective on Law, Institutions, and Integration in the CIS. *Review of Central and East European Law*, 2004, Vol. 29(3), p. 279-324.

48. DRAGNEVA, R. The Reality of Models: Reflections on the CIS Model Law on the Limited Liability Company. *Review of Central and East European Law*, 2001, Vol. 27(1), p. 113-132.

49. DRAGNEVA, R., KORT, J. The Legal Regime for Free Trade in the Commonwealth of Independent States. *International and Comparative Law Quarterly*, 2007. Vol. 56(2), p. 233-266.

50. DROZ, G. A Comment on the Role of The Hague Conference on Private International Law. *Law and Contemporary Problems*, 1994, Vol. 57(3), p. 3-11.

51. DRYZEK, J. Global Civil Society: the Progress of Post-Westphalian Politics. *Annual Review of Political Sciences*, 2012, Vol. 15, p. 101-119.

52. DUBOS, O. The Origins of the Proceduralisation of EU Law: a Grey Area of European Federalism. *Review of European Administrative Law*, 2015, Vol. 8(1), p. 7-25.

53. DUTILLEUL, F. L'harmonisation internationale du droit privé, *Revue Générale de Droit*, 1993, p. 227-235.

54. EHRENZWEIG, A. The *lex fori* – Basic Rule in the Conflict of Laws. *Michigan Law Review*, 1960, Vol. 58(5), p. 637-688.

55. ELMER, M. Brief Considerations on the Harmonisation of Civil Procedure in Europe and Worldwide. *Uniform Law Review*, 2003, Vol. 1(2), p. 461-463.

56. ESTRELLA FARIA, J. Future Directions of Legal Harmonisation and Law Reform: Stormy Seas or Prosperous Voyage? *Uniform Law Review*, 2009, p. 5-34.

57. ESENOV, M. Globalization and the Problems of National Sovereignty. *The Caucasus and Globalization*, 2006, Vol. 1(1), p. 38-40.

58. FARROW T. Globalization, International Human Rights, and Civil Procedure. *Alberta Law Review*, 2003, Vol. 41(3), p. 671-712.

59. FERRAND, F. The ALI/UNIDROIT Civil Procedure Principles for Transnational Disputes in Commercial Matters. *International Business Law Journal*, 2006, Vol. 1, p. 21-36.

60. FIORINI, A. The Evolution of European Private International Law. *International and Comparative Law Quarterly*, 2008, Vol. 57(4), p. 970-977.

61. FLYNN, L. Taking Remedies Too Seriously? National Procedural Autonomy in the European Court of Justice. *Irish Jurist*, 1996, Vol. 31, p. 110-132.

62. FOLLESDAL, A.; HIX, S. Why There is a Democratic Deficit in the EU: A Response to Majone and Moravcsik. *Journal of Common Market Studies*, 2006, Vol. 44(3), p. 533-562.

63. FOX, E. Harmonization of Law and Procedures in a Globalized World: Why, What and How?, *Antitrust Law Journal*, 1991-1992, Vol. 60, p. 593-599.

64. FRĄCKOWIAK-ADAMSKA, A. Time for a European "Full Faith and Credit Clause". *Common Market Law Review*, 2015, Vol. 52, p. 191-218.

65. HALBERSTAM, M. The American Advantage in Civil Procedure? An Autopsy of the Deutsche Telekom Litigation. *Connecticut Law Review*, 2016, Vol. 48(3), p. 819-872.

66. HEISS, H.; SUPRÓN-HEIDEL, A. EU Enlargement: Aspects of (International) Procedural Law. *European Journal of Law Reform*, 2002, Vol. 4, p. 147-164.

67. GALIAKBEROV, A.; ABDULLIN, A. Theory and practice of regional integration based on the EurAsEC model (Russian point of view). *Journal of Eurasian Studies*, 2014, Vol. 5, p. 116-121.

68. GARCIA, F. Globalization and the Theory of International Law. *Boston College Law School Research Paper*, 2005, No. 75.

69. GAWRICH, A.; MELNYKOVSKA, I.; SHWEICKERT, R. Neighbourhood Europeanization through ENP: the Case of Ukraine. *Journal of Common Market Studies*, 2010, Vol. 48, p. 1209-1235.

70. GEIMER, R. The Brussels Convention – Successful Model and Old-timer. *European Journal of Law Reform*, 2002, Vol. 4(1), p. 19-35.

71. GENN, H. ALI/UNIDROIT Principles of Transnational Civil Procedure as Global Standards for Adjudication. *Uniform Law Review*, 2004, Vol. 9(3), p. 829-845.

72. GENN, P. Globalization and Dispute Resolution. *Civil Justice Quarterly*, 2000, Vol. 19, p. 136-153.

73. GIDI, A. Notes on Criticizing the Proposed ALI/UNIDROIT Principles and Rules of Transnational Civil Procedure. *Uniform Law Review*, 2001, Vol. 4, p. 819-826.

74. GIELEN, P. Guide pratique de la procédure européenne d'injonction de payer. *Journal des tribunaux*, 2009, Vol. 35 (128), p. 661-671.

75. GILLES, P. Civil Justice Systems and Civil Procedures in a Changing World: Main Problems, Fundamental Reforms and Perspectives – A European View. *Russian Law Journal*, 2014, Vol. 2(1), p. 41-56.

76. GOETZ K. National Governance and European Integration: Intergovernmental Relations in Germany. *Journal of Common Market Studies*, 1995, Vol. 33(1), p. 91-116.

77. GOLDSTEIN, S. Proposed ALI/UNIDROIT Principles and Rules of Transnational Civil Procedure: the Utility of Such a Harmonization Project. *Uniform Law Review*, 2001, Vol. 6(4), p. 789-802.

78. GOTTWALD, P. Comparative Civil Procedure. *Ritsumeikan Law Review*, 2005, Vol. 22, p. 23-35.

79. GOTTWALD, P. The European Law of Civil Procedure. *Ritsumeikan Law Review*, 2005, Vol. 22, p. 37-67.

80. GREER, S. The Interpretation of the European Convention of Human Rights: Universal Principle or Margin of Appreciation. *UCL Human Rights Review*, 2010, Vol. 3, p. 1-14.

81. GRININ, L.E. State Sovereignty in the Age of Globalization: Will it Survive? *Globalistics and Globalization Studies*, 2012, p. 211-237.

82. GSOVSKI, V. The Soviet Concept of Law. *Current Legal Thought*, 1937-1938, Vol. 4(6), p. 349-354.

83. GSOVSKI, V.; GRZYBOWSKI, K. Civil Procedure. *Government Law and Courts in the Soviet Union and Europe*, 1960, Vol. 1.

84. GUINCHARD, E. L'Europe, la procédure civile et le créancier: l'injonction de payer européenne et la procédure européenne de règlement des petits litiges. *Revue trimestrielle de droit commercial et de droit économique*, 2008, p. 465-482.

85. GUSEINOV, A. Some Trends in Developments in the Field of Law in Post-Industrial Societies. *Law and Modern States*, 2013, Vol. 4, p. 25-29.

86. Hague Conference Approves Uniform Rules of Enforcement for International Forum Selection Clauses. *Harvard Law Review*, 2006, Vol. 119(3), p. 931-938.

87. HALLIDAY, T.; OSINSKY, P. Globalization of law. *Annual Review of Sociology*, 2006, Vol. 32.

88. HARMATHY, A. The Impact of the Practice of the European Court of Justice on the Civil and Commercial Law of the Member States of the European Union. *European Review of Private Law*, 2010, Vol. 3, p. 429-442.

89. HARPAZ, G. Approximation of Laws under the European Neighbourhood Policy: the Challenges that Lie Ahead. *European Foreign Affairs Review*, 2014, Vol. 19(3), p. 429-452.

90. HARTLEY, T. Unnecessary Europeanisation under the Brussels Jurisdiction and Judgments Convention: the Case of the Dissatisfied Sub-purchaser. *European Law Review*, 1993, Vol. 18(6), p. 506-516.

91. HARTNELL, H. EUstitia: Institutionalizing Justice in the European Union. *Northwestern Journal of International Law and Business*, 2002-2003, Vol. 23,

92. HAZARD, G. Some Preliminary Observations on the Proposed ELI/UNIDROIT Civil Procedure Project in the Light of the Experience of the ALI/UNIDROIT Project. *Uniform Law Review*, 2014, Vol. 19, p. 176-178.

93. HAZARD, J. Soviet Law: an Introduction. *Columbia Law Journal*, 1936, Vol. 36, p. 1236-1266.

94. HELD, D; McGREW, A. Globalization. *Global Governance*, 1999, Vol. 5(4), p. 483-496.

95. HESS, B. The Brussels I Regulation: Recent Case Law of the Court of Justice and the Commission's Proposed Recast. *Common Market Law Review*, 2012, Vol. 49, p. 1075-1112.

96. HESS. B. The Integrating Effect of European of European Civil Procedure Law. *European Journal of Law Reform*, 2002, Vol. 4, p. 3-18.

97. HODGES, C. Europeanization of Civil Justice: Trends and Issues. *Civil Justice Quarterly*, 2007, Vol. 1, p. 96-123.

98. HUANG, J. Interregional Recognition and Enforcement of Civil and Commercial Judgments: Lessons for China from US and EU Laws. *Journal of Private International Law*, 2010, Vol. 6(1), p. 109-154.

99. HUMPHERY-JENNER, M. The Desirability of 'Weak' Form Legal Harmonization: Perspectives from Statutory Interpretation and Legal Coherence, *German Law Journal*, 2012, Vol. 13, p. 808-828.

100. IZAROVA, I.A. The European Regional Rules of Civil Procedure and Deepening Economic Relations between Ukraine and the European Union. *European Journal of Law and Political Sciences*, 2015, Vol. 2, p. 13-16.

101. JACKSON, G.; SZIKLAI, P. Russia and the Commonwealth of Independent States. *Journal of International Law and Practice*, 1993, Vol. 2, p. 173-186.

102. JANO, D. Understanding the "EU Democratic Deficit". A Two Dimension Concept on a Three Level-of-analysis. *Politikon: The IAPSS Journal of Political Science*, 2008, Vol. 14(1), p. 61-74.

103. JOERGES, C. Europeanization as Process: Thoughts on the Europeanization of Private Law. *Duke University School of Law Center for International & Comparative Law Occasional Papers*, 2009, Vol. 1, p. 17-40.

104. JOLOWICZ, J. Adversarial and Inquisitorial Models of Civil Procedure, *International and Comparative Law Quarterly*, 2003, Vol. 52(2), p. 281-295.

105. JUENGER, F. Some Comments on European Procedural Harmonization. *American Journal of Comparative Law*, 1997, Vol. 45(4), p. 931-937.

106. JUSTICE, J. Towards a European Civil Procedural Code. *Law Teacher*, 1998, Vol. 32, p. 125-136.

107. KARALIUK, M. Russian Legal Order and the Legal Order of the Eurasian Economic Union: an Uneasy Relationship. *Russian Law Journal*, 2017, Vol. 5(2), p. 33-52.

108. KENNETT, W. The Treaty of Amsterdam. *International and Comparative Law Quarterly*, 1999, Vol. 48(2), p. 465-466.

109. KERAMEUS, K. Procedural Harmonization in Europe. *American Journal of Comparative Law*, 1995, Vol. 43(3), p. 401-416.

110. KERAMEUS, K. Some Reflections on Procedural Harmonisation: Reasons and Scope. *Uniform Law Review*, 2003, Vol. 8, p. 443-451.

111. KERAMEUS, K.D. Une Procédure Civile Sans Frontières Harmonisation et Unification du Droit Procédural. *Revue Hellénique de Droit International*, 1999, Vol. 52, p. 515-534.

112. KHITAKHUNOV, A.; MUKHAMEDIYEV, B.; POMFRET, R. Eurasian Economic Union: Present and Future Perspectives. *Economic Change and Restructuring*, 2016, Vol. 49, p. 59-77.

113. KHODAKOV, A. The Commonwealth of Independent States as a Legal Phenomenon. *Emory International Law Review*, 1993, Vol. 7, p. 13-34.

114. KHODYKIN, R. Interaction between Russia and England in Civil Procedure. *European Business Law Review*, 2014, Vol. 25(4), p. 499-516.

115. KNILL, C., LEHMKUHL, D. The National Impact of European Union Regulatory Policy: Three Europeanization Mechanisms, *European Journal of Political Research*, 2002, Vol. 41(2), p. 255-280.

116. KOCH H. Einführung in das europäische Zivilprozessrecht, *Juristische Schulung*, 2003, Aufl. 2, s. 105-111.

117. KOMAROV, V. The Civil Procedure in the Global Context. *Law of Ukraine*, 2011, Vol. 9-10, p. 246-268.

118. KONTRAUSKAS, R. Tarptautinis civilinis procesas: samprata ir vieta nacionalinės teisės sistemoje. *Jurisprudencija*, 2008, n. 7(109), p. 70-76.

119. KORABLEVA, M. A Comparative Study of the Protection of Civil Rights: the Civil Codes of CIS Countries. *Review of Central and East European Law*, 2002-2003, Vol. 28(2), p. 167-182.

120. KOTUBY, Ch. External Competence of the European Community in the Hague Conference on Private International Law: Community Harmonization and Worldwide Unification. *Netherlands International Law Review*, 2001, Vol. 48, p. 1-30.

121. KÖTZ, H. Civil Justice Systems in Europe and the United States. *Center for International & Comparative Law Occasional Papers*, 2009, Vol. 1, p. 1-16.

122. KÖTZ, H. Contract Law in Europe and the United States: Legal Unification in the Civil Law and Common Law. *Tulane European & Civil Law Forum*, 2012, Vol. 27, p. 1-16.

123. KRAMER, X. Cross-border Enforcement and the Brussels I-bis Regulation (Towards a new balance between Mutual Trust and National Control over Fundamental Rights. *Netherlands International Law Review*, 2013, Vol. 60(3), p. 343-373.

124. KRAMER, X. Cross-Border Enforcement in the EU: Mutual Trust Versus Fair Trial? Towards Principles of European Civil Procedure. *International Journal of Procedural Law*, 2011, Vol. 2, p. 202-230.

125. KRAMER, X. The Structure of Civil Proceedings and Why it Matters: Exploratory Observations on Future ELI-UNIDROIT European Rules of Civil Procedure. *Uniform Law Review*, 2014, Vol. 19(2), p. 218-238.

126. KRAMER, X.; KAKIUCHI, S. Austerity in Civil Procedure and the Role of Simplified Procedures. *Erasmus Law Review*, 2015, Vol. 8(4), p. 139-146.

127. KRANS, B. EU Law and National Civil Procedure Law: an Invisible Pillar. *European Review of Private Law*, 2015, Vol. 4, p. 567-587.

128. KRATOCHVIL, J. The Inflation of the Margin of Appreciation by the European Court of Human Rights. *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 2011, Vol. 29(3), p. 324-357.

129. KROLL, D.; LEUFFEN, D. Enhanced Cooperation in Practice: an Analysis of Differentiated Integration in EU Secondary Law. *Journal of European Public Policy*, 2015, Vol. 22(3), p. 353-373.

130. KRONKE, H. Efficiency, Fairness, Macro-Economic Functions: Challenges for the Harmonisation of Transnational Civil Procedure. *Uniform Law Review*, 2001, Vol. 6, p. 740-886.

131. KRUGER, T. The Disorderly Infiltration of EU Law in Civil Procedure. *Netherlands International Law Review*, 2016, Vol. 63, p. 1-22.

132. KRUGER, T. The South African Litigant and European Union Rules of Civil Procedure. *Comparative and International Law Journal of South Africa*, 2005, Vol. 38, p. 75-98.

133. KRYGIER, M. The Fall of European Communism: 20 Years After. *Hague Journal on the Rule of Law*, 2009, Vol. 1, p. 195-214.

134. KRYGIER, M.; CZARNOTA, A. After Postcommunism: the Next Phase. *Annual Review of Law and Social Sciences*, 2006, Vol. 2, p. 299-340.

135. KU, J. The Delegation of Federal Power to International Organizations: New Problems with Old Solutions. *Minnesota Law Review*, 2000-2001, Vol. 85, p. 71-146.

136. KUBICEK, P. End of the Line for the Commonwealth of Independent States. *Problems of Post-Communism*, 1999, Vol. 46(2), p. 15-24.

137. KUX, S. Confederalism and Stability in the Commonwealth of Independent States. *New Europe Law Review*, 1993, Vol. 1(2), p. 387-420.

138. LADRECH, R. Europeanization of Domestic Policies and Institutions: the Case of France. *Journal of Common Market Studies*, 1994, Vol. 32(1), p. 69-88.

139. LAGUTINA, M. A Global Eurasian Region in a "Regiopolar" World-Order. *Russian Analytical Digest*, 2015, Issue 170, p. 5-8.

140. LANGBEIN, J. Comparative Civil Procedure and the Style of Complex Contracts. *American Journal of Comparative Law*, 1987, Vol. 35, p. 381-394.

141. LAPIN, B. A Draft Model Code of Civil Procedure for the CIS: Principal Conceptual Bases. *Review of Central and East European Law*, 2000, Vol. 26(4), p. 475-497.

142. LEEBRON, D. Claims for Harmonization: A Theoretical Framework. *Canadian Business Law Journal*, 1996, Vol. 27(1), p. 63-107.

143. LEGRAND, P. Against a European Civil Code. *Modern Law Review*, 1997, Vol. 1, p. 44-63.

144. LENAERTS, K. The Contribution of the European Court of Justice to the Area of Freedom, Security and Justice. *International and Comparative Law Quarterly*, 2010, Vol. 59(2), p. 255-301.

145. LETSAS, G. The Truth in Autonomous Concepts: How to Interpret the ECHR? *European Journal of International Law*, 2004, Vol. 15(2), p. 279-305.

146. LIPPOTT, J. The Commonwealth of Independent States as an Economic and Legal Community. *German Yearbook of International Law*, 1996, Vol. 39, p. 334-360.

147. LIUBERTAITĖ, L. Europos Sąjungos kompetencija tarptautinės privatinės teisės srityje: ribų beieškant. *Teisė*, 2011, t. 79, p. 92-106.

148. LOREDO, M. ¿Hacia un Derecho procesal europeo? *InDret*, 2006, Vol. 1, p. 2-24.

149. LYUBCHENKO, M.Y. Mechanism of the Procedural Law Globalization or 29-th Regime of Procedural Law in European Community. *Teisė*, 2014, t. 92, p. 177-182.

150. MAGGS, P. Unification of Law in Eastern Europe. *American Journal of Comparative Law*, 1968, Vol. 16, p. 107-126.

151. MAK, V. A Shift in Focus: Systematization in European Private Law through EU Law. *European Law Journal*, 2011, Vol. 17(3), p. 403-428.

152. MALESHIN, D. Overview of Russian Civil Justice. *BRICS Law Journal*, 2016, Vol. 3(4), p. 41-70.

153. MAN, S-E. Globalization in Facts: the Union of South American Nations and the Eurasian Union. Political Parallels to the European Example. *Research and Science Today*, 2014, Vol. 2(8), p. 103-111.

154. MARCHADIER, F. La suppression de l'exequatur affaiblit-elle la protection des droits fondamentaux dans l'espace judiciaire européen? *Journal européen des droits de l'homme*, 2013, No. 3, p. 348-380.

155. MARCUS, R. Procedural Postcard from America. *Russian Law Journal*, 2013, Vol. 1(1), p. 9-25.

156. MARCUS, R. Putting American Procedural Exceptionalism into a Globalized Context. *American Journal of Comparative Law*, 2005, Vol. 53(3), p. 709-740.

157. MARQUES, C. Procédure civile internationale et MERCOSUR: pour un dialogue des règles universelles et régionales. *Uniform Law Review*, 2003, Vol. 8(1-2), p. 465-484.

158. McAULEY, S. Achieving the Harmonization of Transnational Civil Procedure: Will the ALI/UNIDROIT Project succeed? *American Review of International Arbitration*, 2004, Vol. 2, p. 231-252.

159. McELEAVY, P.; SCHULZ, A. The Accession of the European Community to the Hague Conference on Private International Law. *International and Comparative Law Quarterly*, 2007, Vol. 56(4), p. 939-949.

160. MEEUZEN, J. Instrumentalisation of Private International Law in the European Union: Towards a European Conflicts Revolution? *European Journal of Migration and Law*, 2007, Vol. 9.

161. MENDELSKI, M. The EU's Rule of Law Promotion in Post-Soviet Europe: What Explains the Divergence between Baltic States and EaP countries? *Eastern Journal of European Studies*, 2016, Vol. 7(2), p. 111-114.

162. MICHAELS, R. Global Legal Pluralism. *Annual Review of Law and Social Sciences*, 2009, Vol. 5, p. 243-262.

163. MICHAELS, R.; JANSEN. N. Private Law Beyond the State? Europeanization, Globalization, Privatization. *Duke Law School Legal Studies Research Paper Series*, 2007, Research Paper No. 137.

164. MIHALACHE, C-M. National versus European versus International. *SEA - Practical Application of Science*, 2015, Vol. 3(1).

165. MIKELĖNAS, V. Civilinio proceso teisės vienodinimas bei derinimas ir naujasis Lietuvos Civilinio Proceso Kodeksas. *Jurisprudencija*, 2002, t. 28(20), p. 178-183.

166. MIKĖLENAS, V. The Proposed ALI/UNIDROIT Principles and Rules of Transnational Civil Procedure and the New Code of Civil Procedure in Lithuania. *Uniform Law Review*, 2001, Vol. 6(4), p. 981-994.

167. MILTON, C. Lawyers, Globalization, and Transnational Governance Regimes. *Annual review of Social Sciences*, 2016, Vol. 12, p. 133-152.

168. MIRATE, S. The ECtHR Case Law as a Tool for Harmonization of Domestic Administrative Laws in Europe. *Review of European Administrative Law*, 2012, Vol. 5(2), p. 47-60.

169. MOUMOUTZIS, K. Still Fashionable Yet Useless? Addressing Problems with Research on the Europeanization of Foreign Policy, *Journal of Common Market Studies*, 2011, Vol. 49(3), p. 607-629.

170. MÜLLER, W., BOVENS, M. *et al.* Legal Europeanization: Comparative Perspectives. *Public Administration*, 2010, Vol. 88(1), p. 75-87.

171. MURAVIOV, V. The Acquis Communautaire as a Basis for the Community Legal Order. *Miskolc Journal of International Law*, 2007, Vol. 4(2), p. 38-45.

172. NADELMANN, K. Status of Hague Conventions on Private International Law. *American Journal of Comparative Law*, 1971, Vol. 19(3), p. 587-592.

173. NEAGU, G. Information Society and Education System in Romania. *Revista Romaneasca pentru Educatie Multidimensionala*, 2013, Vol. 5(2), p. 17-39.

174. NEKROŠIUS, V. Francas Kleinas apie civilinio proceso tikslus ir principus bei jų įgyvendinimo metodus. *Teisė*, 1999, t. 33(1), p. 43-51.

175. NIEDŹWIEDŹ, M.; MOSTOWIK, P. Implications of the ECJ 'Lugano II' Opinion for European Union's External Actions Concerning Private International Law. *Yearbook of Polish European Studies*, 2010, Vol. 13, p. 129-148.

176. NIELSEN, P. The Hague Judgments Convention. *Nordic Journal of International Law*, 2011, Vol. 80, p. 95-119.

177. NORMAND, J. Le Rapprochement des procédures civiles dans l'Union Européenne. *European Review of Private Law*, 1998, Vol. 6(4), p. 383-399.

178. O'BRIEN, W. The Hague Convention on Jurisdiction and Judgments: the Way Forward. *Modern Law Review*, 2003, Vol. 66(4), p. 401-509.

179. O'KEEFEE, D. Current Issues in European Integration. *Pace International Law Review*, 1995, Vol. 7, p. 1-55.

180. OLSEN, J. The Many Faces of Europeanisation. *Journal of Common Market Studies*, 2002, Vol. 40(5), p. 921-952.

181. O'NEILL, M. The Brussels Convention: a Still Born Child? *Northern Ireland Legal Quarterly*, 1999, Vol. 50, p. 243-253.

182. PARKER, J. Comparative Civil Procedure and Transnational "Harmonization": a Law-and-Economics Perspective. *George Mason University Law and Economics Research Paper Series*, 2009, Vol. 3, p. 1-32.

183. PELLIS, L. All Roads Lead to Brussels: towards a Uniform European Civil Procedure. *Netherlands International Law Review*, 1990, Vol. 37(3), p. 372-396.

184. PETROV, R. Exporting the *acquis communautaire* into the Legal Systems of Third Countries. *European Foreign Affairs Review*, 2008, Vol. 13(1), p. 33-52.

185. PETROV, R. Regional Integration in the Post-USSR Area: Legal and Institutional Aspects. *Law and Business Review of the Americas*, 2004, Vol. 10(3), p. 631-646.

186. PETROV, R.; KALINICHENKO, P. On Similarities and Differences of the European Union and Eurasian Economic Union Legal Orders: Is There the 'Eurasian Economic Union Acquis'? *Legal Issues of Economic Integration*, 2016, Vol. 43(3), p. 295-308.

187. PODAREVA RIVERA, P.; GARASHCHUK, A. The Eurasian Economic Union: Prospective Regional Integration in the Post-Soviet Space or Just Geopolitical Project? *Eastern Journal of European Studies*, 2016, Vol. 7(2), p. 91-110.

188. POLACH, J. Harmonization of Laws in Western Europe. *American Journal of Comparative Law*, 1959, Vol. 8(2), p. 148-167.

189. POLLACK, M. Theorizing the European Union: International Organization, Domestic Polity, or Experiment in New Governance? *Annual Review of Political Science*, 2005, Vol. 8, p. 357-398.

190. POLAKIEWICZ, J. The Implementation of the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in the Field of Private Law. *Tel Aviv University Studies in Law*, 1994, Vol. 12, p. 181-208.

191. PRECHAL, S.; CATH, K. The European Acquis of Civil Procedure: Constitutional Aspects. *Uniform Law Review*, 2014, Vol. 19(2), p. 179-198.

192. PROKHORENKO, V. Some Aspects of Unification of Civil Procedure Law. *Uniform Law Review*, 2003, Vol. 1(2), p. 493-498.

193. QUIGLEY, J. Socialist Law and the Civil Law Tradition. *American Journal of Comparative Law*, 1989, Vol. 37, p. 781-808.

194. RESHETNIKOVA, I. Judicial Reforms in Russia: 1864 to 2014. *Russian Law Journal*, 2015, Vol. 3(2), p. 109-118.

195. RÜHL, G. The common European Sales Law: 28-th regime, 2-nd regime or 1-st regime? *Maastriht Journal of European and Comparative Law*, 2012, Vol. 19(1), p. 148-164.

196. SAKWA, R.; WEBBER, M. The Commonwealth of Independent States, 1991-1998: Stagnation and Survival. *Europe-Asia Studies*, 1999, Vol. 51(3), p. 379-415.

197. SASSEN, S. State and Globalization: Denationalized Participation. *Michigan Journal of International Law*, 2004, Vol. 25, p. 1141-1158.

198. SCHOLTE, J.A. Defining Globalisation. *The World Economy*, 2008, Vol. 31(11).

199. SCHWARTZE, A. Enforcement of Private Law: The Missing Link in the Process of European Harmonisation. *European Review of Private Law*, 2000, Vol. 8(1), p. 135-146.

200. SCUTARU, M.S. Globalization and Interregionalism. *Research and Science Today*, 2014, Vol. 7(1), p. 81-88.

201. SHAFFER, G.; POLLACK, M. Hard vs. Soft Law: Alternatives, Complements, and Antagonists in International Governance. *Minnesota Law Review*, 2010, Vol. 94, p. 706-799.

202. SNYDER, F. Soft Law and Institutional Practice in the European Community. *EUI Working Paper (Law)*, 1993, no. 93/5, p. 1-36.

203. SPREEUW, M. Do as I Say, not as I Do. The Application of Mutual Recognition and Mutual Trust. *Croatian Yearbook of European Law and Policy*, 2012, Vol. 8, p. 505-530.

204. STADLER, A. From the Brussels Convention to Regulation 44/2001: Cornerstones of a European Law of Civil Procedure. *Common Market Law Review*, 2005, Vol. 42, p. 1637-1661.

205. STAUDINGER, A.; LEIBLE, S. Article 65 of the EC Treaty in the EC System of Competencies. *The European Legal Forum*, 2000, Vol. 4(1), p. 225-235.

206. STEWART, D. Private International Law: a Dynamic and Developing Field. *University of Pennsylvania Journal of International Law*, 2009, Vol. 30(4), p. 1121-1131.

207. STORME, M. A Single Civil Procedure for Europe: a Cathedral Builders' Dream. *Ritsumeikan Law Review*, 2005, Vol. 22, p. 87-100.

208. STORME, M. Improving Access to Justice in Europe, *Teka Komisji Prawniczej*, 2010, Vol. 3, p. 207-217.

209. STORME, M. Procedural Law and the Reform of Justice: from Regional to Universal Harmonisation. *Uniform Law Review*, 2001, Vol. 6, p. 763-777.

210. STRONG, S. Limits of Procedural Choice of Law. *Brooklyn Journal of International Law*, 2014, Vol. 39(3), p. 1028-1121.

211. STURNER, R. Principles of European Civil Procedure or a European Model Code: Some Considerations on the Joint ELI-UNIDROIT Project. *Uniform Law Review*, 2014, Vol. 19(2), p. 322-328.

212. SUBOTIC, J. Europe is a State of Mind: Identity and Europeanization in the Balkans. *International Studies Quarterly*, 2011, Vol. 55(2), p. 309-330.

213. SULIMA, A. The Normativity of the Principle of Mutual Trust between EU Member States within the Emerging European Criminal Area. *Wroclaw Review of Law, Administration & Economics*, 2013, Vol. 3(1), p. 72-89.

214. TANGNEY, P. The New Internationalism: The Cession of Sovereign Competences to Supranational Organizations and Constitutional Change in the United States and Germany. *Yale Journal of International Law*, 1996, Vol. 21, p. 395-458.

215. TEITZ, L. The Hague Choice of Court Convention: Validating Party Autonomy and Providing an Alternative to Arbitration. *American Journal of Comparative Law*, 2005, Vol. 53(3), p. 543-558.

216. TERRILL, R. What does Globalization mean? *Transnational Law & Contemporary Problems*, 1999, Vol. 9(1).

217. TIMMER, L. Abolition of exequatur under the Brussels I Regulation: Ill Conceived and Premature? *Journal of Private International Law*, 2013, Vol. 9(1), p. 129-147.

218. The Hague Convention on the Taking of Evidence Abroad in Civil or Commercial Matters: the Exclusive and Mandatory Procedures for Discovery Abroad. *University of Pennsylvania Law Review*, 1984, Vol. 132(6), 1461-1485.

219. TULIBACKA. M. Europeanization of Civil Procedures: in Search of a Coherent Approach. *Common Market Law Review*, 2009, Vol. 46, p. 1527-1565.

220. ULRICH, S. Legal Order in a Global World – the Development of a Fragmented System of National, International, and Private Norms, *Max Planck Yearbook of United Nations Law*, 2010, Vol. 14.

221. UZELAC, A. Survival of the Third Legal Tradition? *Supreme Court Law Review*, 2010, Vol. 49(2), p. 377-396.

222. van BOESCHOTEN, C. Hague Conference Conventions and the United States: a European View. *Law and Contemporary Problems*, 1994, Vol. 57(3), p. 47-58.

223. van der GRINTEN, P. Challenges for the Creation of a European Law of Civil Procedure. *Tijdschrift voor Civiele Rechtspleging*, 2007, Vol. 3, p. 65-70.

224. van RHEE, C.H. Civil Procedure: a European ius commune? *European Review of Private Law*, 2000, p. 589-611.

225. VĖBRAITĖ, V. Šalių sutaikymas kaip civilinio proceso tikslas ir jo galimybės Lietuvoje. *Teisė*, 2008, t. 69, p. 106-115.

226. VELICOGNA, M. Justice Systems and ICT: What Can be Learned from Europe? *Utrecht Law Review*, 2007, Vol. 3, p. 129-147.

227. VERNADAKI, Z. Civil procedure Harmonisation in the EU: Unravelling the Policy Considerations. *Journal of Contemporary European Research*, 2013, Vol. 9(2), p. 298-312.

228. VILLALTA PUIG, G.; DARCIS, C. The Development of European Union Implied External Competence: the Court of Justice and Opinion 1/03. *Anuario Español de Derecho Internacional*, 2009, Vol. 25, p. 501-519.

229. VINOKUROV, E. Eurasian Economic Union: Current State and Preliminary Results. *Russian Journal of Economics*, 2017, Vol. 3, p. 54-70.

230. VLAS, P. On the Development of Private International Law in the Netherlands: from Asser's Days to the Codification of Dutch Private international law (1910-2010). *Netherlands International Law Review*, 2010, Vol 57(2), p. 167-182.

a. VOET, S.; GIDI, A. Civil Procedure in Cross-Cultural Dialogue: Eurasia Context. *Russian Law Journal*, 2014, Vol. 2(1), p. 125-135.

231. von LUTTICHAU, A.M. What is the Meaning and Effect of the Principle of "Margin of Appreciation" within the Jurisprudence of the European Convention on Human Rights? Is This Principle Compatible with the Concept of Effective Protection of Rights? *Bracton Law Journal*, 1994, Vol. 26, p. 99-107.

232. von MEHREN, A. Drafting a Convention on International Jurisdiction and the Effects of Foreign Judgments Acceptable World-Wide: Can the Hague Conference Project Succeed? *American Journal of Comparative Law*, 2001, Vol. 49(2), p. 191-202.

233. von MEHREN R. International Control of Civil Procedure: Who Benefits? *Law and Contemporary Problems*, 1994, Vol. 57(3).

234. WAGNER, R. Do We Need a Rome 0 Regulation? *Netherlands International Law Review*, 2014, Vol. 61(2), p. 225-242.

235. WALKER, J. The Utility of the ALI/UNIDROIT Project on Principles and Rules of Transnational Civil Procedure, *Uniform Law Review*, 2001, Vol. 6(4), p. 803-818.

236. WALLERMAN, A. Harmonization of Civil Procedure: Can the European Union Learn from Swiss Experiences? *European Review of Private Law*, 2016, Vol. 5, p. 855-876.

237. WERLAUFF, E. Towards a Common European Procedural Law (Part 2). *European Business Review*, 1999, Vol. 10(1/2), p. 8-12.

238. WISCHMEYER, Th. Generating Trust Through Law? Judicial Cooperation in the European Union and the "Principle of Mutual Trust". *German Law Journal*, 2016, Vol. 17(3), p. 339-382.

239. YESDAULETOVA, A.; YESDAULETOV, A. The Eurasian Union: Dynamics and Difficulties of the Post-Soviet Integration. *TRAMES: A Journal of the Humanities & Social Sciences*, 2014, Vol. 18, p. 3-17.

240. ZAHARIA, A. Considerations on Revising the Council Regulation (EC) No 44/2001 on Jurisdiction Enforcement of Judgments in Civil and Commercial Matters. *Acta Universitatis Danubius*, 2009, Vol. 1, p. 154-160.

241. ZERILLI, F. Non-binding Coercions: Ethnographic Perspectives on Soft Law. *Focaal—Journal of Global and Historical Anthropology*, 2010, Vol. 56, p. 3-18.

242. ZICK, T. Are the States Sovereign? *Washington University Law Quarterly*, 2005, Vol. 83, p. 229-337.

243. ZILINSKY, M. Abolishing Exequatur in the European Union: the European Enforcement Order. *Netherlands International Law Review*, 2006, Vol. 53(3), p. 471-492.

244. ZILINSKY, M. Mutual Trust and Cross-Border Enforcement of Judgments in Civil Matters in the EU: Does the Step-by-Step Approach Work? *Netherlands International Law Review*, 2017, Vol. 64(1), p. 115-139.

245. ZVEREV, A. Afterword: EBRD Support for CIS Model Laws. *Review of Central and East European Law*, 2011, Vol. 36, p. 501-504.

246. АБДИШЕВ, Б.Т. Таможенный Союз трех стран как фактор формирования и развития международной экономической региональной интеграции. *Российский внешнеэкономический вестник*, 2011, № 3, с. 61-71.

247. АВЕРЬЯНОВ, М.Л. Фрагментация постсоветского пространства: пути, формы и перспективы реструктуризации региона. *Общество: политика, экономика, право*, 2016, № 7, с. 5-7.

248. АЛЕКСЕЕВСКАЯ, В.И. Новый кодекс гражданского судопроизводства: каким ему быть? *Право (журнал Высшей школы экономики)*, 2015, № 2, с. 4-16.

249. АЛИСИЕВИЧ, Е.С. Система правовых стандартов Европейского суда по правам человека. *Юрист-международник*, 2006, № 4, с. 29-41.

250. АМОНОВ, А.Д. Роль унификации и гармонизации законодательства в осуществлении экономических интеграционных процессов. *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Сер. гуманитарных наук*, 2010, № 4, с. 22-27.

251. АНДРЕЕВА, О.А.; ЯНОВСКИЙ, Е.С. Институт участия прокурора в гражданском процессе Российского государства и права. *История государства и права*, 2012, № 21, с. 38-41.

252. АНСЕЛЬ, Ж.-П.; АБАССИ, М. Исполнение иностранных судебных решений. *Журнал российского права*, 2006, № 8, с. 23-46.

253. БАБЫНИНА, Л.О. Применение продвинутого сотрудничества – новый тренд развития Европейского Союза. *Вестник МГИМО(У)*, 2014, № 4(37), с. 148-154.

254. БАЗЕДОВ, Ю. Европейский Суд и частное право: неопределенность, общие принципы и архитектура европейской судебной системы. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 2012, № 3, с. 116-142.

255. БАКАЕВА, О.Ю. Таможенный Союз – Единое экономическое пространство – Евразийский экономический союз – этапы интеграции. *Международное публичное и частное право*, 2012, № 4, с. 7-10.

256. БАЛЬХАЕВА, С.Б. Вступление международных договоров в силу в результате присоединения. *Журнал российского права*, 2015, № 7, с. 131-141.

257. БАРАНОВ, В.М.; ПШЕНИЧНОВ М.А. Гармонизация законодательства как общеправовой феномен. *Журнал российского права*, 2009, № 6, с. 41-46.

258. БАРКОВ, А.В. Проблемы гармонизации в Евразийском экономическом сообществе, *Журнал российского права*, 2003, № 8, с. 137-144.

259. БАРСУКОВА, В.Н. Надзорное производство в гражданском процессе в свете реформы проверочных инстанций. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2012, № 9, с. 38-40.

260. БАТЛЕР, У.Э.; ЕРПЫЛЕВА, Н.Ю. Производство по делам с участием иностранных лиц в международном процессуальном праве России и Белоруссии. *Цивилист*, 2013, № 3, с. 87-96.

261. БАТЛЕР, У.Э.; ЕРПЫЛЕВА, Н.Ю.; МАКСИМОВ, Д.М. Производство по делам с участием иностранных лиц в международном процессуальном праве России, Казахстана и Узбекистана. *Законодательство и экономика*, 2016, № 11, с. 67-93.

262. БАХЛОВА, О.В. Политическое измерение интеграционных систем: опыт Европейского Союза и Содружества Независимых Государств. *Вестник Мордовского университета*, 2010, № 3, с. 103-110.

263. БЕЗБАХ, В.В., БЕЛИКОВА, К.М. Европейский Суд Правосудия: общая характеристика и значение принципов, закрепляемых им в области правового регулирования отношений в сфере гражданского и торгового оборота. *Адвокат*, 2012, № 2, с. 71-75.

264. БЕЗБОРОДОВ, Ю.С. Методы международно-правовой конвергенции. *Российский юридический журнал*, 2015, № 4, с. 30-37.

265. БЕЗБОРОДОВ, Ю.С. Универсализация и локализация международно-правового регулирования в условиях глобализации. *Российский юридический журнал*, 2013, № 3, с. 26-30.

266. БЕЛОВ, А.П. Исполнение иностранных судебных решений по гражданским и торговым делам. *Право и экономика*, 2002, № 3.

267. БИДА, Д.А. Концепция наднациональной верховной власти: формирование и правовое оформление в процессе европейской интеграции в 50-е годы XX века. *История государства и права*, 2015, № 16, с. 42-47.

268. БИРЮКОВА, О. Содружество Независимых Государств: поиск оптимальной модели интеграции. *Власть*, 2008, № 8, с. 89-92.

269. БЛАЖЕЕВ, В.В. О механизме гармонизации практики Европейского Суда по правам человека и российского гражданского процессуального права. *Российская юстиция*, 2010, № 12, с. 22-27.

270. БОГУСТОВ, А.А. Проблемы взаимодействия модельного и национального гражданского законодательства стран СНГ. *Российская юстиция*, 2012, № 3, с. 21-24.

271. БОНДАРЕНКО, Т.А. Генезис принципа «объективной истины» в гражданском процессе. *Вестник Поволжского института управления*, 2015, № 5, с. 50-55.

272. БОННЕР, А.Т.; ФУРСОВ, Д.А. История развития отечественной гражданской процессуальной мысли. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2012, № 3, с. 42-47.

273. БОРОДАЕВ, В.Е.; ЖУМАБАЕВА, М.Е. О признании и исполнении решений иностранных судов в рамках Евразийского экономического сообщества. *Вестник Института законодательства и правовых исследований Республики Казахстан*, 2014, № 3, с. 138-140.

274. БОШНО, С.В. Свойства права. *Право и современные государства*, 2014, № 2, с. 62-67.

275. БОШНО, С.В. Система права и система законодательства. *Право и современные государства*, 2013, № 5, с. 52-60.

276. БРАГИНА, Е.В. Европейская политика соседства и Украина: процесс европеизации. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 2012, № 32, с. 191-193.

277. БРАНОВИЦКИЙ, К.Л. Принцип взаимности в международном гражданском процессе. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2005, № 8, с. 27-34.

278. БРИЗКУН, К.А. О видах рекомендательных актов международных организаций и формах их влияния на национальное законодательство. *Журнал российского права*, 2010, № 8, с. 111-119.

279. БУКОВЕЦЬКА, Н.В. Визнання і виконання рішень іноземних судів у Франції. *Юридична наука*, 2011, № 2, с. 211-215.

280. БУРКЕЕВА, Р.Г. Природа и функции естественных монополий. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2010, № 8(114), с. 9-13.

281. БУТОРИНА, О.В. Европейский Союз после кризиса: упадок или возрождение? *Вестник МГИМО(У)*, 2013, № 3(31), с. 71-81.

282. БУЧАКОВА, М.А. Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод в системе источников российского права. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*, 2014, № 3, с. 150-153.

283. БЫКОВА, Е.В. О ратификации Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. *Российский судья*, 2013, № 9, с. 39-42.

284. БЫКОВА, И.Ю. Функции надзорного производства в гражданском процессе. *Журнал российского права*, 2016, № 2, с. 117-126.

285. ВАЛОВАЯ, М.Д. Тернистый путь Евразии: от скифского союза к единому экономическому пространству. *Пространство и время*, 2010, № 1, с. 18-21.

286. ВИЗИРЕНКО, Е.В. Некоторые проблемные акценты в слиянии гражданского и арбитражного процессов в рамках судебной реформы Российской Федерации. *Царскосельские чтения*, 2014, № 18(3), с. 12-16.

287. ВЛАСОВ, А.А. Катаракта на «око государево». *Российская юстиция*, 2001, № 8, с. 35-37.

288. ВОЙНИКОВ, В.В. Перспективы развития общего пространства свободы, безопасности и справедливости между РФ и ЕС. *Современная Европа*, 2015, № 5, с. 59-68.

289. ВОЛКОВ, Ю.Г. Современные исследования сущности глобализации: мировой и отечественный опыт, *Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа*, 2011, № 4, с. 10-15.

290. ВОПЛЕНКО, Н.Н.; РУДКОВСКИЙ, В.А. Понятие и классификация принципов права. *Ленинградский юридический журнал*, 2014, № 4(38), с. 35-48.

291. ВОРОБЬЕВ, В.В. Этапы формирования Содружества Независимых Государств в 1990-е годы. *Вестник Челябинского государственного университета*, 2011, № 34, с. 90-96.

292. ВОРОБЬЕВ, Т.Н. Прокурор в гражданском процессе – страж закона или persona non grata? *Современное право*, 2016, № 12, с. 108-110.

293. ВОРОНЦОВА, И.В. Об обязательности постановлений Европейского суда. *Российский судья*, 2009, № 6, с. 46-48.

294. ГАВРИЛОВ, В.В. Взаимодействие международной и национальной правовых систем и правосознание. *Журнал российского права*, 2006, № 2, с. 131-138.

295. ГАЛКИН, А.Г. Судебная реформа 1864 г. и формирование нового правового поля России: исторический опыт имперской модернизации. *Научные проблемы гуманитарных исследований*, 2011, № 6, с. 15-25.

296. ГАСАНОВА, А.Н. Принципы права: современные подходы. *Вестник Поволжского института управления*, 2014, № 5, с. 41-45.

297. ГАСПАРЯН, Н. Какое влияние оказала ЕКПЧ на Армению? *European Human Rights Advocacy Center (Бюллетень)*, 2011, № 2(9), с. 10-11.

298. ГЕРАСИМЧУК, Э.И. К вопросу о присоединении РФ к Луганской Конвенции. *Московский журнал международного права*, 2006, № 2, с. 168-177.

299. ГОЛОВИНА, С.Ю.; ЛЮТОВ, Н.Л. Трудовые споры в государствах ЕАЭС: понятийный аппарат и классификация. *Российский юридический журнал*, 2016, № 6, с. 115-123.

300. ГРАЧЕВА, С.А.; РАФАЛЮК, Е.Е. Обеспечение прав человека в рамках европейской и межамериканской интеграции (компаративистский анализ). *Журнал российского права*, 2014, № 12, с. 107-125.

301. ГРЕБЕНИЧЕНКО, С.Ф.; САГИНДИКОВ, Р.Е. Евразийская идея Н.А. Назарбаева в условиях Содружества Независимых Государств. *Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Всеобщая история*, 2015, № 1, с. 65-73.

302. ГРЕБЕНЦОВ, А.М. Унификация правил подсудности гражданских дел международного характера в странах Европы. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2003, № 1, с. 34-37.

303. ГРИБОВА, С.Н. Глобализация и регионализация: детерминанты мирового экономического развития. *Экономический журнал*, 2005, № 9, с. 1-22.

304. ГРИГОРЬЕВА, О. Развитие правовых основ международной помощи по гражданским делам в рамках Союза Независимых Государств. *Право и экономика*, 2011, № 1, с. 72-75.

305. ГРИГОРЬЕВА, О.Г. Понятие международной правовой помощи по гражданским делам в юридической науке советского государства. *Бизнес в законе*, 2013, № 6, с. 19-22.

306. ГРИГОРЬЕВА, О.Г. Становление и развитие цивилистических основ международной правовой помощи по гражданским делам в советском праве. *Вестник РУДН. Серия «Юридические науки»*, 2013, № 1, с. 5-12.

307. ГРИГОРЯН, С.А., ГРИГОРЯН, А.С. Европейский опыт экономической интеграции и возможность его применения в рамках ЕврАзЭС. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 2011, № 8(14), с. 10-11.

308. ГРИНИН, Л.Е. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность*, 2005, № 1, с. 6-32.

309. ГРОМОЗДИН, С.А.; ГРОМОЗДИНА, М.В. Правовые основания для отказа в признании и исполнении решений иностранных судов по семейным делам на территории России. *Инновационная наука*, 2016, № 8-3, с. 89-92.

310. ГУЛИНА, О.Р. Европейская система защиты прав человека: обзор правовых гарантий Совета Европы, Европейского Союза и национального законодательства Германии. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2012, № 1, с. 61-72.

311. ГУРБАНОВ Р.А. Глобализация, регионализация и взаимодействие органов правосудия в современном мире. *Пробелы в российском законодательстве*, 2011, № 5, с. 274-278.

312. ГУРЕЕВ, В.А. Признание и принудительное исполнение иностранных судебных решений: российское законодательство и европейский опыт. *Современное право*, 2010, № 4, с. 132-140.

313. ДАНИЛОВ, Н.А. Проблемы гармонизации национальных законодательств государств-участников Евразийского экономического сообщества. *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*, 2011, № 1(4), с. 108-121.

314. ДАРГЕЛЬ, В.В. Соотношение наднационального и межнационального начал в Евросоюзе. *Власть*, 2011, № 10, с. 146-150.

315. ДЕГТЯРЕВ, К.И.; О'МАРА, Н. «Консультативные заключения 2»: реформирование компетенции Европейского суда по правам человека по вынесению консультативных заключений. *Международное правосудие*, 2014, № 2, с. 71-85.

316. ДЕМИН, А.В. Феномен «мягкого права»: pro et contra. *Вестник Омского университета. Серия «Право»*, 2014, № 4(41), с. 6-10.

317. ДОРОНИНА, Н.Г. Гармонизация права как альтернатива наднациональности в правовом регулировании экономических отношений. *Журнал российского права*, 2013, № 10, с. 134-138.

318. ДОРОНИНА, Н.Г. Унификация и гармонизация права в условиях международной интеграции. *Журнал российского права*, 1998, № 6, с. 53-55.

319. ДОРОТЕНКО, Е.В. Порядок взаимодействия компетентных органов иностранных государств при оказании правовой помощи по гражданским и семейным делам. *Российская юстиция*, 2012, № 1, с. 68-70.

320. ДОРСКАЯ, А.А.; ДОРСКИЙ, А.А. Международные интеграционные организации и проблема формирования наднационального права. *Юридическая наука*, 2016, № 4, с. 105-110.

321. ЕЛИСЕЕВ, Н.Г. История возникновения и общая характеристика Брюссельской и Луганской Конвенций о подсудности и исполнении судебных постановлений по гражданским и торговым делам. *Московский журнал международного права*, 2002, № 3, с. 81-95.

322. ЕРЕМИН, А.Р.; ЕФРЕМОВА, А.С. Глобализация как тенденция развития современного права. *Социально-политические науки*, 2014, № 4, с. 34-36.

323. ЕРМАКОВА, Е.П. Унификация правил о порядке рассмотрения гражданских споров в Европейском Союзе и США и ее влияние на эволюцию принципов гражданского судопроизводства в странах Латинской Америки. *Вестник РУДН. Сер. Юридические науки*, 2009, № 5, с. 139-149.

324. ЕРМАКОВА, Е.П.; ИВАНОВСКАЯ, Н.В. Онлайн-разрешение споров с участием потребителей в Европейском Союзе: документы 2013 года. *Современное право*, 2014, № 8, с. 128-132.

325. ЕРПЫЛЕВА, Н.Ю.; КЛЕВЧЕНКОВА, М.Н. Унификация норм о международной судебной юрисдикции в международном процессуальном праве. *Международное право и международные организации*, 2013, № 3, с. 343-378.

326. ЕФРЕМОВА, Н.А. Международная экономическая интеграция государств в эпоху глобализации. *Юриспруденция*, 2010, № 3, с. 31-38.

327. ЄМЕЦЬ, І.О. Природа там міжнародно-правова сутність міжнародної правової допомоги у цивільних справах. *Проблеми законності*, 2015, № 128, с. 230-236.

328. ЖДАНОВА, Ю.А. Правовая природа электронного правосудия и его место в системе институтов информационного общества. *Административное право и процесс*, 2015, № 4, с. 80-83.

329. ЖЕЛДЫБИНА, Т.А. Российское законотворчество в условиях сближения законодательства государств-участников СНГ. *Российская юстиция*, 2016, № 10, с. 27-32.

330. ЖИГУЛЬСКИХ, А.Н. Прокурор в гражданском процессе: позиция Европейского суда по правам человека. *Административное и муниципальное право*, 2012, № 7, с. 5-8.

331. ЖИЛИН, Г.А. Решения Европейского суда по правам человека в системе источников гражданского и арбитражного процессуального права. *Журнал конституционного правосудия*, 2009, № 1, с. 23-29.

332. ЖОФФРУА, К. Новый Регламент ЕС о подсудности, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам – шаг к окончательной отмене экзекватуры в Европе. *Закон*, 2013, № 11, с. 130-134.

333. ЖУЧКОВ, А.Ю. Роль естественных монополий в национальной экономике. *Социально-экономические явления и процессы*, 2013, № 9, с. 42-46.

334. ЗАДОРИНА, А.М. Трансграничные (глобальные) партнерства и сотрудничество евразийских государств с латиноамериканскими интеграционными сообществами. *Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право*, 2016, № 1, с. 27-37.

335. ЗАЙЦЕВ, Р.В. Понятие признания и приведения в исполнение иностранных судебных актов. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2005, № 5, с. 35-40.

336. ЗАЛОИЛО, М.В.; КОЗЫРЕВА, А.В. Взаимосвязь российского правопорядка и правопорядка Совета Европы. *Актуальные проблемы российского права*, 2015, № 6, с. 214-218.

337. ЗАХАРОВ, В.В. Суд и исполнение судебных решений в дореволюционной России (1864-1917 гг.). *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*, 2008, № 66, с. 186-192.

338. ЗАЦЕПИНА, Т.Н.; НАГОРНАЯ, Э.Н. О некоторых проблемных вопросах исполнения иностранных судебных актов в государствах - участниках СНГ (на примерах правоприменительной практики Экономического суда СНГ). *Международное право и международные организации*, 2015, № 3, с. 313-330.

339. ЗЕНИН, А.А. Консультативные заключения Европейского Суда по правам человека и Протокол № 16 к Конвенции (к истории вопроса). *Российский ежегодник конвенции по правам человека*, 2015, вып. 1, Москва: Статут, с. 398-415.

340. ЗОЛОТОВА, О.И. Либеральный тип состязательной модели гражданского судопроизводства по Уставу гражданского судопроизводства 1864 года. *Auditorium*, 2014, № 2, с. 7-14.

341. ЗОЛОТУХИН, С.А. О новых формах интеграционных процессов на пространстве СНГ. *Общество и право*, 2010, № 5, с. 258-260.

342. ИВАННИКОВА, О.И. Систематизация отечественного законодательства. *Правовая информатика*, 2012, № 1, с. 36-38.

343. ИВАНОВ, Р.Л. Круглый стол «Советское государство и право: вопросы теории и истории». *Вестник Омского университета. Серия «Право»*, 2014, № 1(38), с. 237-250.

344. ИВАНОВА, Е.М. Евразийская интеграция: путь от СНГ к ЕАЭС. *Российский внешнеэкономический вестник*, 2015, № 6, с. 112-119.

345. ИЗАКСОН, Р.А. Актуальные проблемы источников права. *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*, 2014, № 3(70), с. 12-20.

346. ИЗАРОВА, И.А. Принцип приоритетности гражданского процесса ЕС и особенности его реализации. *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 5, с. 212-225.

347. ИСАКОВА, Д.С. Модель советского гражданского процесса. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2016, № 3, с. 59-63.

348. ИСПОЛИНОВ, А.С. Первое решение Суда ЕАЭС: ревизия наследства и испытание искушением. *Российский юридический журнал*, 2016, № 4, с. 85-93.

349. ИСПОЛИНОВ, А.С. Прецедент в практике Суда Европейского союза. *Международное правосудие*, 2016, № 3, с. 64-77.

350. ИСПОЛИНОВ, А.С. Суд Европейского союза против присоединения ЕС к Европейской конвенции по правам человека (причины и следствия). *Международное правосудие*, 2015, № 1, с. 118-134.

351. ИСПОЛИНОВ, А.С. Судебный активизм и судебное нормотворчество Суда Европейского Союза. *Международное правосудие*, 2016, № 1, с. 81-94.

352. ИСПОЛИНОВ, А.С. Требуются прагматики: Конституционный Суд России и евразийский правопорядок. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2014, № 5, с. 14-20.

353. ІЗАРОВА, І.О. Європейські правила цивільного судочинства в світлі інтеграції України до ЄС. *Журнал східноєвропейського права*, 2015, № 19, с. 47-53.

354. КАЗАЧКОВА, З.М.; АНОСОВ, А.В. Электронное правосудие: синтез права, технологических прорывов и процессуальных инструментов. *Информационное право*, 2015, № 4, с. 13-16.

355. КАЛИНИЧЕНКО, П.А. Европеизация российской судебной практики (на примере влияния права Европейского Союза на решения российских судов). *Lex russica*, 2013, № 11, с. 1224-1234.

356. КАЛИНИЧЕНКО, П.А.; МИХАЙЛОВА, С.А. Эволюция норм и стандартов ЕС в сфере признания и исполнения решений по гражданским делам, *Актуальные проблемы российского права*, 2014, № 1, с. 125-136.

357. КАМЕНКОВА, Л. Современные тенденции правосудия на пространстве СНГ. *ЭЖ-Юрист*, 2016, № 39, с. 8.

358. КАПУСТИН, А.Я. Договор о Евразийском экономическом союзе – новая страница правового развития евразийской интеграции. *Журнал российского права*, 2014, № 12, с. 98-107.

359. КАПУСТИН, А.Я. Международно-правовые основы институционной системы евразийской интеграции. *Журнал российского права*, 2013, № 10, с.116-121.

360. КАПУСТИН, А.Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс. *Журнал российского права*, 2015, № 11, с. 59-69.

361. КАШИРКИНА, А.А.; МОРОЗОВ, А.Н. Международные рекомендательные акты в российской правовой системе: пределы и возможности использования. *Журнал российского права*, 2015, № 2, с. 135-147.

362. КАШИРКИНА, А.А.; МОРОЗОВ, А.Н. Правовые аспекты интеграции на постсоветском пространстве в рамках ЕврАзЭС: проблемы и перспективы. *Журнал российского права*, 2010, № 2, с. 91-103.

363. КЕЛЛЕРМАНН, А. Последствия расширения Европейского Союза для Российской Федерации. *Право и политика*, 2005, № 1, с. 94-120.

364. КЕМБАЕВ, Ж.М. 25 лет Единому европейскому акту: причины принятия, основные положения и значение для европейской интеграции. *Международное публичное и частное право*, 2011, № 5, с. 2-6.

365. КЕМБАЕВ, Ж.М. Региональная интеграция в Евразии: основные признаки, проблемы и перспективы. *Российский юридический журнал*, 2016, № 2, с. 32-45.

366. КЛОЧКОВА, Ю.А. Проблемы правового статуса Европейского Союза: между федерацией и международной организацией. *Известия Южного федерального университета. Технические науки*, 2005, № 6(50), с. 207-211.

367. КОВАЛЬКОВА, Е.Ю. К вопросу о сближении и гармонизации законодательств. *Внешнеторговое право*, 2011, № 2, с. 28-31.

368. КОВЛЕР, А.И. Герасимов и другие против России - новое "пилотное постановление" Европейского Суда. *Международное правосудие*, 2014, № 3, с. 3-10.

369. КОЖЕУРОВ, Я.С. Институты международного правосудия и право Евразийского Экономического Союза: «смотр правых сил». *Российский юридический журнал*, 2016, № 4, с. 94-112.

370. КОЖЕУРОВ, Я.С. Перспективы взаимоотношений Европейского суда по правам человека и Евразийского экономического союза. *Актуальные проблемы российского права*, 2015, № 11, с. 183-190.

371. КОЗЫРИН, А.Н. Пределы наднационального регулирования в Едином экономическом пространстве ЕврАзЭС. *Реформы и право*, 2013, № 3, с. 3-8.

372. КОЛЬЦОВ, А.Н. О глобализации и суверенитете государств. *Вестник Чувашского университета*, 2004, № 1, с. 50-53.

373. КОМАРОВ, В. Гражданский процесс в глобальном контексте. *Право Украины*, 2011, № 9-10, с. 279-303.

374. КОМАРОВА, Т.В. Суд ЕС и единство судебной практики. *Современное право*, 2013, № 11, с. 143-148.

375. КОНЕВ, Д.В. Вынесение решения по гражданским и торговым делам как предпосылка для признания и приведения в исполнение судебных решений: анализ практики суда Европейских сообществ. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2008, № 2, с. 34-37.

376. КОНЕВ, Д.В. Отдельные вопросы признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2007, № 2, с. 41-45.

377. КОРОЛЕВ, А.А.; МУХАМЕДЖАНОВ, М.М. Содружество Независимых Государств: история создания, проблемы, перспективы развития. *Знание. Понимание. Умение*, 2012, № 4, с. 106-111.

378. КОПИНА, А.А. О перспективах наднационального регулирования налоговых отношений в Евразийском экономическом союзе. *Налоги*, 2016, № 24, с. 15-17.

379. КОТОВА, Н.Е. Евразийский экономический союз: совершенствование нормативно-правовой базы. *Вестник Финансового университета*, 2016, № 5(95), с. 126-132.

380. КОШЕЛЬ, А. Политические детерминанты евразийской интеграции. *Международная жизнь*, 2014, № 11, с. 42.

381. КРАСУХИНА, Ю.Б. Государственная Дума РФ и модельные акты Межпарламентской Ассамблеи СНГ. *Знание. Понимание. Умение*, 2006, № 3, с. 209-216.

382. КРОХАЛЕВ, С.В. Современная доктрина публичного порядка. *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2002-2003, № 2, с. 289-306.

383. КРУТИЙ, Е.А. Соотношение понятий унификации и кодификации в современном международном частном праве, *Международное публичное и частное право*, 2012, № 3, с. 7-9.

384. КРЫМСКИЙ, Д.И. Гармонизация гражданского судопроизводства в странах Европейского Союза: достигнутые результаты и перспективы развития, *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2008-2009, № 7, с. 218-233.

385. КРЫМСКИЙ, Д. И. Разработка нового ГПК Швейцарии: сохранение национальных традиций и ответ на вызовы времени. *Законодательство*, 2010, № 10, с. 80-87.

386. КУДЕЛИЧ, Е.А. Арбитрабельность: в поисках баланса между частной автономией и публичным порядком. *Закон*, 2014, № 4, с. 94-111.

387. КУДЕЛИЧ, Е.А. Трансграничное исполнение судебных решений в России: в плену устоявшихся стереотипов или поступательное движение вперед? *Закон*, 2015, № 5, с. 143-157.

388. КУДРЯВЦЕВ, И.С. Постсоветское пространство как отдельный регион: интеграционные перспективы. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена*, 2011, № 130, с. 260-265.

389. КУЗНЕЦОВ, А.И. Добрососедство и европейская политика соседства: в чем различие? *Балтийский регион*, 2009, № 2, с. 76-86.

390. КУЗЬМИН, Э.Л. О государственном суверенитете в современном мире. *Журнал российского права*, 2006, № 3, с. 84-94.

391. КУКУШКИНА, С.М. Государственный суверенитет в современном мире: актуальные проблемы. *Пробелы в российском законодательстве*, 2011, № 3, с. 84-86.

392. КУНИБЕРТИ, Ж. Право, устанавливающее сроки давности в отношении арбитражных решений. *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 1, с. 169-187.

393. КУРАС, Т.Л. Рассмотрение гражданских дел судебными палатами России (1864-1917 гг.). *Власть*, 2009, № 7, с. 119-121.

394. ЛАПИН, Б.Н. О проблемах реформирования гражданского судопроизводства в странах Содружества Независимых Государств. *Правоведение*, 2000, № 4, с. 131-145.

395. ЛАТЫЕВ, А.Н. Конвенция единого Гражданского процессуального кодекса России: взгляд с другой стороны. *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 1, с. 46-70.

396. ЛИТВИНСКИЙ, Д.В. Новый «формат» Брюссельских правил, регулирующих признание и исполнение судебных решений между государствами ЕС. *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2004, № 3, с. 342-397.

397. ЛИТВИНСКИЙ, Д.В. Регламент Европейского Парламента и Совета ЕС № 805/2004 от 21 апреля 2004 г., устанавливающий Европейский исполнительный лист для бесспорных требований. *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2005, № 4, с. 614-664.

398. ЛИЦАРЕВА, Е.Ю. Причины и сущность интеграционных процессов на Европейском и Азиатском континентах в конце XX века, *Вестник Томского государственного университета*, 2003, № 276.

399. ЛУЦЕНКО, С.И. Расстановка приоритетов в соотношении норм федерального конституционного законодательства и международного права. *Современное право*, 2016, № 10, с. 28-31.

400. ЛЫСАК, В.И.; РЫЖОВ, К.Б. Осуществление правовой помощи по гражданским и уголовным делам (обзор отношений Российской Федерации с государствами СНГ и ЕС). *Закон*, 2012, № 8, с. 28-32.

401. ЛЮБЧЕНКО, М.Я. Взаимодействие Европейского суда и национальных юрисдикций: европейский взгляд на гармонизацию процесса. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2014, № 1, с. 20-25.

402. ЛЯХОВА, А.И. Тенденции развития современного российского права и законодательства, *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия Социология Право*, 2010, № 14(20), с. 260-265.

403. МАКОГОН Б.В. Способы интернационализационного национального права в условиях глобализации, *Общество и право*, 2012, № 2, с. 36-41.

404. МАКУХ, В. Сравнительный анализ евроинтеграционной динамики стран-членов Европейской Политики Соседства. *Центральная Азия и Кавказ*, 2008, № 6, с. 18-27.

405. МАЛАШКО, А.П. К вопросу о компетенции Экономического Суда СНГ в условиях реализации положений Договора о зоне свободной торговли от 18 октября 2011 г. *Евразийский юридический журнал*, 2014, № 2, с. 35-39.

406. МАЛЕШИН, Д.Я. Наследие судебной реформы 1864 г. *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 6, с. 10-22.

407. МАЛЕШИН, Д.Я. Самобытность российского гражданского процесса. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*, 2010, № 1, с. 11-23.

408. МАЛЬКО, А.В.; ЕЛИСТРАТОВА, В.В. Об использовании правового опыта межгосударственной интеграции при создании Евразийского Экономического Союза. *Евразийский юридический журнал*, 2014, № 2, с. 40-43.

409. МАЛЫШЕВА, Ю.В. Право на справедливое судебное разбирательство в практике Европейского Суда по правам человека. *Российский судья*, 2016, № 8, с. 55-60.

410. МАРИНОВА, С.Ш.; ЯВОРСКАЯ, С.А. Становление системы права и правосознания в советский период времени. *Социально-политические науки*, 2012, № 1, с. 115-118.

411. МАРЫШЕВ, А.А. Основные итоги и уроки интеграционных преобразований постсоветских государств. *Проблемы современной экономики*, 2012, № 1, с. 328-330.

412. МЕНГЛИЕВ, Ш.М. Объективная необходимость гармонизации правовых систем стран СНГ. *Вестник международного коммерческого арбитража*, 2012, № 2, с. 156-165.

413. МЕРЕУЦЭ, Р.И. Принципы и нормы международного права в правовых системах стран СНГ. *Российская юстиция*, 2014, № 6, с. 66-69.

414. МИНАСЯН, С. Армения и программа ЕС «политика европейского соседства». *Центральная Азия и Кавказ*, 2005, № 6, с. 80-94.

415. МИНДУБАЕВ, Р.Р. Проблема имплементации международных договоров в ЕС. *Актуальные проблемы экономики и права*, 2011, № 3(19), с. 276-280.

416. МИХАЙЛЕНКО, Н.М. Трансформация национальных правовых систем в условиях глобализации (проблемы теории). *Известия*

Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки, 2014, № 3-2, с. 183-187.

417. МИХАЙЛОВА, Е.В. О единой правовой природе гражданского, уголовного и административного судопроизводств. *Вестник Самарского государственного университета*, 2014, № 11-1, с. 203-208.

418. МОРЩАКОВА, Т. Новый порядок взаимного исполнения Россией и Беларусью судебных актов по хозяйственным спорам. *Российская юстиция*, 2002, № 12, с. 12-14.

419. МУНТИЯН, В.И. Риски от интеграции Украины с Европейским Союзом. *Проблемы современной экономики*, 2013, № 4(48), с. 32-37.

420. МУРАТОВА, О.В. Направления и пределы гармонизации частного права в условиях региональной экономической интеграции. *Журнал российского права*, 2015, № 12, с. 139-149.

421. МУРЗАКУЛОВА, А.Д. Межпарламентские институты в процессе интеграции СНГ. *Евразийская экономическая интеграция*, 2012, № 2(15), с. 62-67.

422. МУСАЕЛЯН, Л.А. Исторический процесс и глобализация, *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*, 2014, № 1(17), с. 17-22.

423. МЫСЛИВСКИЙ, П.Г. Признаки и определения понятия «наднациональная международная организация». *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 2015, № 6-1, с. 364-367.

424. НАГОРНАЯ, Э.Н. Правовая природа судебного приказа в арбитражном процессе (на основании решения Экономического Суда СНГ от 17 июня 2016 года). *Вестник арбитражной практики*, 2016, № 3, с. 13-20.

425. НАГОРНАЯ, Э.Н.; ЗАЦЕПИНА, Т.Н. Значение соотношения соглашений государств-участников СНГ и национального законодательства при исполнении судебных актов. *Вестник института законодательства Республики Казахстан*, 2015, № 2(38), с. 83-92.

426. НАЗАРОВА, Н.А. Реформирование российского гражданского судопроизводства в пореформенный период. *Известия высших учебных регионов. Поволжский регион*, 2007, № 2, с. 106-111.

427. НАХОВА, Е.А. Перспективы гармонизации доказательственного права в арбитражном судопроизводстве в процессуальном законодательстве стран-участниц ЕврАзЭС. *Человек и закон*, 2014, № 1, с. 36-42.

428. НЕШАТАЕВА, Т.Н. Европейская конвенция по правам человека и интеграция интеграций: пути преодоления фрагментации международного права. *Международное правосудие*, 2015, № 4, с. 3-10.

429. НЕШАТАЕВА, Т.Н. Интеграция и наднационализм. *Вестник Пермского университета (юридические науки)*, 2014, № 2, с. 243-248.

430. НИКОГОСЯН, С.А. Коллизионное регулирование семейно-брачных отношений с участием иностранных лиц и лиц без гражданства. *Актуальные проблемы экономики и права*, 2011, № 2(18), с. 191-195.

431. НОСЕНКО, Л.И.; ЛЕВИНА, Л.К. Некоторые размышления об унификации процессуального законодательства. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2015, № 3, с. 126-129.

432. НОСОВА, Е.С. Влияние решений Суда ЕС на становление права Европейского Союза. *Международное право и международные организации*, 2016, № 1, с. 50-59.

433. НУССБЕРГЕР, А. Независимость судебной власти и верховенство права в практике Европейского Суда по правам человека. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2016, № 2, с. 142-151

434. ОВЧАРЕНКО, А.В. Реализация права на устное разбирательство с позиции Европейского суда по правам человека. *Вестник гражданского процесса*, 2013, № 5, с. 218-228.

435. ОВЧИННИКОВ, В.А.; АНТОНОВ, Я.В. Электронное правосудие как проект электронной демократии: перспективы реализации в России. *Государственная власть и местное самоуправление*, 2016, № 5, с. 3-7.

436. ОРДИНА, О.Н. Решения Европейского суда по правам человека. *Российский судья*, 2013, № 7, с. 45-47.

437. ОРЛОВА, Ю.М. Суд ЕС и правовая интеграция государств-членов Европейского Союза. *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*, 2014, № 6, с. 142-145.

438. ПАВЛОВА, Н.В. Наднациональное регулирование таможенных отношений и национальное правосудие. *Судья*, 2016, № 1, с. 16-22.

439. ПАПИНА, М.А. Международные договоры РФ по правовой помощи: проблемы применения. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2014, № 4(60), с. 265-269.

440. ПЕТРОВ, А.А. Основы законодательства СССР и союзных республик в контексте развития идеи формального приоритета кодифицированных актов. *Ленинградский юридический журнал*, 2016, № 2(44), с. 19-27.

441. ПЕТРОВ, А.В. Глобализация и социальные основы экономического суверенитета России, *Terra Humana*, 2009, № 1, с. 81-99.

442. ПЕТРОВА, М.М. Тенденции развития правового регулирования в сфере оказания международной правовой помощи по сбору и получению доказательств, находящихся на территории иностранных государств, по гражданским делам. *Адвокат*, 2011, № 11, с. 73-77.

443. ПИВОВАР, Е.И.; ГУЩИН, А.В.; ЛЕВЧЕНКОВ, А.С. Интеграция на постсоветском пространстве: новый век – новые горизонты изучения. *Новый исторический вестник*, 2013, № 36, с. 43-55.

444. ПИМЕНОВА, О.И. Наднациональная правовая интеграция на евразийском пространстве: анализ реалий и оценка возможностей использования опыта Европейского Союза. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2014, № 5, с. 21-28.

445. ПОЛЯКОВ И.Н. О цивилистическом процессе и реформе российской судебной системы (вопросы гармонизации). *Арбитражный и гражданский процесс*, 2014, № 8, с. 51-56.

446. ПОПКОВА, Е.А. Понятие гармонизации гражданского процесса. *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 4, с. 30-47.

447. ПОПОВ, Е.В. Гаагская конвенция о соглашениях по выбору суда от 30 июня 2005 года. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2015, № 9, с. 19-26.

448. ПОПОВ, Е.В. Унификация вопросов исполнения судебных решений и судебного сотрудничества по гражданским делам в ЕС. *Юридический мир*, 2011, № 10, с. 49-53.

449. ПОПОВА, О.В. Правовые основы исполнения судебных решений в странах Евразийского экономического союза в свете глобализации. *Современный юрист*, 2014, № 2, с. 18-32.

450. ПОСТНИКОВА, Е.В.; ЭЙМАНН, Ж. Федерализм в международном частном праве Европейского Союза. *Право. Журнал Высшей школы экономики*, 2015, № 4, с. 147-164.

451. ПОТАПЕНКО, С.В. От концепции единой науки процессуального права до создания нового «единого» гражданского процессуального кодекса. *Российская юстиция*, 2014, № 9, с. 2-5.

452. ПОТАПОВА, А.М. Надзор в гражданском процессе. Позиция Европейского суда по правам человека. *Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ*, 2009, № 2.

453. ПУХАЛЕНКО, В.П. Правовые основы сотрудничества Европейского Союза и Украины по вопросам гражданского правосудия. *Проблемы законности*, 2014, № 126.

454. ПШЕНИЧНОВ, М.А. К вопросу об аргументации гармонизации законодательства. *Юридическая техника*, 2013, № 7-1, с. 303-305.

455. РАДЮКОВА, Я.Ю. Естественные монополии в системе экономических отношений национального хозяйства. *Социально-экономические явления и процессы*, 2013, № 2, с. 96-101.

456. Развитие международно-правовой системы Евразийского экономического союза. *Журнал российского права*, 2013, № 10.

457. РАССКАЗОВ, Л.П. К вопросу о месте Российской правовой системы в юридической географии мира. *Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета*, 2014, № 95, с. 1-15.

458. РАССКАЗОВ, О.Л.; МАНТУЛ, Г.А. Институт судебного рассмотрения торговых (хозяйственных) споров в пореформенный период. *Общество и право*, 2012, № 1(38), с. 22-24.

459. РАФАЛЮК, Е.Е. Международная интеграция: методологические проблемы исследования. *Журнал российского права*, 2014, № 3, с. 42-52.

460. РЕУТОВ, В.П. К вопросу о консолидации как форме систематизации законодательства. *Право и современное государство*, 2013, № 3, с. 16-20.

461. РЕХТИНА, И.В. Процедура применения постановлений Европейского Суда по правам человека в гражданском судопроизводстве судьями Российской Федерации. *Российский судья*, 2014, № 9, с. 35-38.

462. РЕШЕТНИКОВА, И.В. Эволюция гражданского судопроизводства в России. *Российская юстиция*, 2013, № 1, с. 36-39.

463. РОЖКОВ, А.Ю. Необходимость и целесообразность участия прокурора в гражданском и арбитражном процессе. *Вестник Воронежского института МВД России*, 2014, № 2, с. 57-60.

464. РОМАНОВА, О.Н. Некоторые вопросы международного гражданского процесса Республики Беларусь. *Вестник гражданского процесса*, 2012, № 2, с. 186-223.

465. РЫБАКОВ, В.А. Рецепция и правотворчество. *Вестник Омского университета. Сер. «Право»*, 2012, № 2, с. 16-23.

466. САГДЕЕВА, Л.В. Статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российской действительности. *Вестник Пермского университета. Юридические науки*, 2010, № 4, с. 146-153.

467. САЕНКО, А.В. Источники международного гражданского процессуального права. *Пробелы в российском законодательстве*, 2012, № 3, с. 92-95.

468. САЛМА, М. О еволуцији концепта европског грађанског процесног права. *Зборник радова Правног факултета у Новом Саду*, 2007, № 1-2, с. 187-199.

469. САЛОМАТИН, А.Ю. Интернационализация права в условиях глобализации (на примере трудового права). *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*, 2007, № 2, с. 85-91.

470. САЛОМАТИН, А.Ю.; МЕЩЕРЯКОВА, А.Ф. Социально-правовой мониторинг интеграционного правосудия и задачи его развития в эпоху глобализации. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*, 2015, № 4(36), с. 84-95.

471. САМАТОВ, О.Ж. Современная правовая помощь и иные формы правового сотрудничества стран СНГ. *Вестник Оренбургского государственного университета*, 2006, № 3, с. 145-151.

472. САФАРОВ, Б.А. Всеобщая декларация прав человека как основополагающий документ международной стандартизации прав человека. *Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Сер. гуманитарных наук*, 2013, № 2, с. 9-15.

473. САХНОВА, Т.В. *Actio-litis contestatio-res iudicata-jus*: современный контекст. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2011, № 4, с. 41-46.

474. САХНОВА, Т.В. Континентальный процесс: итоги и перспективы. *Teisė*, 2011, t. 79, p. 200-208.

475. САХНОВА, Т.В. О концепте единого Гражданского процессуального кодекса России (заметки по поводу). *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 1, с. 9-27.

476. САХНОВА, Т.В. Право на судебную защиту как субстантивное процессуальное право: эффект глобализации. *Вестник гражданского процесса*, 2014, № 3, с. 11-25.

477. СВИРИН, Ю.А. Некоторые размышления о концепции единого Гражданского процессуального кодекса России. *Актуальные проблемы российского права*, 2015, № 4(53), с. 161-166.

478. СЕМУШКИНА, Н.И. К вопросу о кодификации норм европейского международного частного права. *Вопросы экономики и права*, 2016, № 4, с. 62-64.

479. СЕМУШКИНА, Н.И. Роль принципа взаимного доверия в развитии общего пространства правосудия в Европейском Союзе. *Вопросы экономики и права*, 2016, № 3, с. 55-58.

480. СЕРГУНИН, А.А. Суверенитет: современные дискуссии в теории международных отношений. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика*, 2010, № 19 (90), с. 231-236.

481. СИЛЬВЕСТРИ, Э. По направлению к европейскому гражданскому процессуальному кодексу? Последние инициативы по разработке европейских правил гражданского судопроизводства. *Вестник гражданского процесса*, 2016, № 1, с. 162-174.

482. СИМНОВА, Н.С. Оговорки в механизме обеспечения выполнения международных договорных обязательств: контекст добросовестности. *Юридический мир*, 2015, № 2, с. 40-44.

483. СКИТОВИЧ, В.В.; СЕДЕЛЬНИК, В.В. Гражданское право и гражданский процесс: взаимозависимость и самостоятельность. *Журнал российского права*, 2011, № 5, с. 40-48.

484. СКЛАДАННАЯ, Т.А. О правовых позициях Европейского Суда по правам человека в отношении разумных сроков рассмотрения судебных дел и исполнения судебных актов. *Российский судья*, 2015, № 8, с. 38-42.

485. СМИРНОВ, Д.А. О понятии принципов права. *Общество и право*, 2012, № 4(41), с. 29-37.

486. СОКОЛОВА, Н.В. К дискуссии об интеграционных ресурсах развития Содружества Независимых Государств. *Вестник Воронежского государственного университета. Сер. «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*, 2010, № 1, с. 183-185.

487. СОЛИЕВ, И.М. О предпосылках зарождения и развития доктрины международного частного права. *Вестник Таджикского*

государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук, 2009, № 4, с. 32-42.

488. СОРОКИНА, С.С. Особенности признания и приведения в исполнение решений, вынесенных судами в государствах-участниках Содружества Независимых Государств. *Вестник Мордовского университета*, 2004, № 1-2(14), с. 30-34.

489. СОРОКИНА, Е.М. Правовые основы компетенции Европейского Союза в области пространства свободы, безопасности и правосудия на современном этапе. *Актуальные проблемы российского права*, 2015, № 7, с. 201-207.

490. СТЕПИН, А.Б. Место и роль международных стандартов в современной системе российского законодательства. *Современное право*, 2016, № 9, с. 59-63.

491. СТРАШУН, Б.А. Суверенитет государства в современном национальном, международном и наднациональном праве. *Lex russica*, 2016, № 7, с. 167-176.

492. СУЛТАНОВ, И.Р. К вопросу о воздействии международных интеграционных организаций на внутреннее право государств. *Вестник Башкирского университета*, 2011, № 3(16), с. 864-870.

493. СУЛТАНОВ, И.Р. Роль международных интеграционных объединений в сближении международного и национального права. *Вестник Южно-Уральского государственного университета*, 2009, № 40(173), с. 100-104.

494. СУХОВА, Н.В. Вопросы развития гражданского процесса. *Вестник Тюменского государственного университета*, 2014, № 3, с. 106-116.

495. СУХОВА, Н.В. Проблемы развития гражданского процессуального права: тенденции и традиции. *Вестник Омского университета. Сер. «Право»*, 2014, № 3(40), с. 154-162.

496. ТАРАСОВ, В.Н. Преемственность и традиции принципов русского гражданского процесса. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 2015, № 2(30), с. 196-200.

497. ТЕРЕХИН, В.А. Реформа Европейского суда по правам человека как фактор повышения эффективности судебной защиты. *История государства и права*, 2010, № 8, с. 23-25.

498. ТЕРЕХОВ, В.В. Основные нововведения реформированного Регламента ЕС о юрисдикции и признании и исполнении решений. *Вестник гражданского процесса*, 2014, № 6, с. 204-229.

499. ТЕРЕХОВА, Л.А. Прокурор в гражданском процессе. *Вестник Омского государственного университета (Серия «Право»)*, 2011, № 2, с. 124-129.

500. ТИУНОВ, О.И. Об особенностях развития интеграционных процессов на постсоветском пространстве. *Журнал российского права*, 2012, № 8, с. 92-98.

501. ТИУНОВ, О.И.; КАШИРКИНА, А.А.; МОРОЗОВ, А.Н. Влияние норм международного права на развитие национального законодательства. *Журнал российского права*, 2010, № 6, с. 35-44.

502. ТИХОМИРОВ, Ю.А. Новые векторы регулирования – «другое» право? *Журнал российского права*, 2016, № 4, с. 5-15.

503. ТКАЧЕНКО, С.В. Идеологический компонент рецепции права. *Юридические записки*, 2014, № 2, с. 21-27.

504. ТКАЧЕНКО, С.Л.; ГУЛЯЕВА, К.В. Реформирование СНГ и перспективы его развития. *Власть*, 2009, № 7, с. 100-103.

505. ТОМИЛОВ, А.Ю. К вопросу о роли прокурора в гражданском процессе. *Вестник Челябинского государственного университета*, 2011, № 4, с. 43-49.

506. ТРУБАЧЕВА, К.И. Правовые основы построения взаимоотношений между Европейским Союзом и Республикой Беларусь. *Актуальные проблемы российского права*, 2014, № 5, с. 970-974.

507. УЛТАНБАЕВ, Р. Евразийское экономическое сообщество в новых условиях интеграции. *Центральная Азия и Кавказ*, 2006, № 4(46), с. 39-50.

508. ФАРХУТДИНОВ, И.З. Европа без России? Региональный европейский конгресс (2-4 августа 2007 г., Берлин) глазами очевидца. *Право и политика*, 2007, № 12, с. 145-149.

509. ФЕДОСЕНКО, В.А. О явлении наднационального права и правотворчества. *Вестник Кемеровского государственного университета*, 2010, № 1, с. 162-168.

510. ФИЛАТОВА, В. Пилотные постановления ЕСПЧ: проблемы исполнения. *ЭЖ-Юрист*, 2016, № 23, с. 6-7.

511. ФИЛАТОВА, М.А. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса: о целях судопроизводства и его модернизации. *Законы России: опыт, анализ, практика*, 2015, № 3, с. 34-40.

512. ФИЛАТОВА, М.А. О заимствованиях процессуальных институтов в современном российском праве (на примере процессуальных санкций). *Законы России: опыт, анализ, практика*, 2015, № 12, с. 71-81.

513. ФИЛАТОВА, М.А. Принципы трансграничного гражданского процесса ALI/UNIDROIT: путь к гармонизации. *Ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2006, № 5, с. 375-388.

514. ФИЛАТОВА, М.А. Фундаментальные гарантии сторон в гражданском процессе: способы закрепления и тенденции развития. *Журнал российского права*, 2007, № 5, с. 96-106.

515. ФИРСОВ, В.А. Глобализация как фактор усиления традиционных и возникновения новых вызовов и угроз экономической безопасности государства, *Бизнес в законе*, 2009, № 5.

516. ФОЛКЕР, Б. Унифицированное и гармонизированное европейское право и его влияние на третьи государства, *Балтийский регион*, 2011, № 3, с. 13-24.

517. ХААС, У. Единое европейское правовое пространство по делам о наследстве. *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2002-2003, № 2, с. 477-539.

518. ХАБРИЕВА, Т.Я. Международное сотрудничество в области признания и исполнения иностранных судебных решений. *Журнал российского права*, 2006, № 8, с. 4-6.

519. ХАЛИЕВ, К.Р. Нормативная сила «Директив» ЕС. *Актуальные проблемы экономики и права*, 2008, № 3(7), с. 163-166.

520. ХАПУГИНА, Л.В. История становления международного гражданского процесса: международный и российский пути – поиски частного и общего. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 2015, № 10-1, с. 220-222.

521. ХАУСТОВА, М.Г. Проблемы организационно-правового обеспечения гармонизации законодательства Украины с законодательством Европейского Союза. *Проблемы законности*, 2012, № 121, с. 23-36.

522. ХАУСТОВА, М.Г. Тенденции развития права в условиях глобализации. *Проблемы законности*, 2013, № 124.

523. ХАУСТОВА, М.Г. Тенденція універсалізації та унифікації права як один із напрямів впливу глобалізації на національну правову систему, *Теорія і практика правознавства*, 2013, № 2(4), с. 1-16.

524. ХЕСС, Б. Европейский судебный приказ – модель для модернизации национального права. *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2011, № 9.

525. ХМЕЛЕВСКИЙ, С.В. Влияние глобализации на национальную правовую систему постсоветской России: формы, методы, коллизии, *Социально-политические науки*, 2012, № 1.

526. ЦИРАТ, Г.А. Реформа процедур признания и исполнения судебных решений по гражданским и коммерческим делам в Европейском Союзе. *Закон и жизнь*, 2013, № 8(3), с. 289-293.

527. ЦЫРУЛЬНИКОВА, С.А. Право на судебную защиту и его реализация в гражданском процессе. *Вестник Пензенского государственного университета*, 2015, № 3(11), с. 80-86.

528. ЧЕВИЧАЛОВА, Ж.В. Уніфікація колізійних норм у праві Європейського Союзу. *Теорія і практика правознавства*, 2013, № 2(4), с. 1-5.

529. ЧЕМЫХИНА, Ю.В. Признание и исполнение судебных решений в рамках Конвенции о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам. *Исполнительное право*, 2011, № 3, с. 17-20.

530. ЧЕРНЯВСКИЙ, С.И. СНГ: от истории к будущему. *Вестник МГИМО(У)*, 2011, № 6, с. 31-35.

531. ЧИРКИН, В.Е. Постсоциалистическое государство XXI века. *Журнал российского права*, 2008, № 5(137), с. 3-17.

532. ЧУДИНОВСКИХ, К.А. Новый Регламент Совета Европейского Сообщества о юрисдикции, признании и принудительном исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам (краткий комментарий). *Российский ежегодник гражданского и арбитражного процесса*, 2002-2003, № 2, с. 578-581.

533. ШАДАРОВА, А.Н. Развитие концепции мотивированности судебных решений в практике Европейского суда по правам человека. *Прецеденты Европейского суда по правам человека*, 2016, № 5, с. 3-8.

534. ШАМШУРИН, Л.Л. Справедливость как принцип российского цивилистического процессуального права. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2016, № 11, с. 15-20.

535. ШАРИФОВ, М. Злоупотребление защитой прав человека Европейским судом по правам человека при определении "суверенных пределов". *Публично-правовые исследования*, 2011, № 3-4, с. 78-93.

536. ШЕВЧЕНКО, Е.Б. Вызовы глобализации и идеи федерализма. *Основы экономики, управления и права*, 2014, № 6(18).

537. ШЕСТАК, В.А. О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок. *Российская юстиция*, 2016, № 9, с. 2-4.

538. ШИНКАРЕЦКАЯ, Г.Г. Европейский Союз и Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод. *Международное право и международные организации*, 2012, № 1, с. 54-64.

539. ШИНКАРЕЦКАЯ, Г.Г. «Классические» международные суды: роль в поддержании правопорядка. *Международное право и международные организации*, 2014, № 3, с. 452-457.

540. ШИНКАРЕЦКАЯ, Г.Г. Суд СНГ – не судебной учреждение? *ЭЖ-Юрист*, 2005, № 42.

541. ШИНКОВСКИЙ, М.Ю. Глобализация как предмет научного исследования. *Известия Дальневосточного федерального университета. Экономика и управление*, 2007, № 4, с. 66-81.

542. ШПАКОВИЧ, О.М. Роль суду Європейського Союзу в становленні та розвитку європейського права. *Порівняльноправові дослідження*, 2009, № 1, с. 58-63.

543. ШУМИЛОВ, В.М.; БОКЛАН, Д.С.; ЛИФШИЦ, И.М. Правовые новеллы Договора о Евразийском экономическом союзе. *Российский внешнеэкономический вестник*, 2015, № 4, с. 88-100.

544. ЭНТИН, К. Присоединение Европейского союза к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод: анализ Заключения Суда ЕС 2/13. *Сравнительное конституционное обозрение*, 2015, № 3, с. 83-91.

545. ЯРКОВ, В.; МЕДВЕДЕВ, И.; ТРУШНИКОВ, С. Некоторые проблемы интернационализации цивилистического процесса и

гражданских юрисдикций в России. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2006, № 1, с. 40-46.

546. ЯРКОВ, В.В. Развитие цивилистического процесса в России: отдельные вопросы. *Вестник гражданского процесса*, 2011, № 1, с. 17-53.

547. ЯТМАНОВА, В.В. Содружество Независимых Государств: проблемы интеграции и дезинтеграции. *Вестник СПбГУ. Сер. 7*, 2005, № 3, с. 132-134.

Словари и энциклопедии

1. van RHEE, C.H.; VERKERK, R. Civil Procedure. In: *Elgar Encyclopedia of Comparative Law*, Second Edition, 2012, p. 140-156.

2. ОЖЕГОВ, С.И., ШВЕДОВА, Н.Ю. *Толковый словарь русского языка*. Москва, 1993.

3. *Толковый словарь русского языка*. Под ред. Д.Н. Ушакова. Москва: Государственный институт «Советская энциклопедия», 1940.

Интерактивные ресурсы

1. *Assises de la Justice. Discussion Paper 1: EU Civil Law* [interactive. Accessed on: 31.10.2016]. Access via Internet: <http://ec.europa.eu/justice/events/assises-justice-2013/files/civil_law_en.pdf>.

2. BACA, W.M.K. *The Principle of Mutual Recognition of Judicial Decisions in EU Law in the Light of the 'Full Faith and Credit' Clause of the US Constitution* [interactive. Accessed on: 21.12.2015]. Access via Internet: <http://www.comunidadandina.org/BDA/docs/CAN-INT-0061.pdf>.

3. BAUMGARTNER, S. The External Dimensions of the European Law of Civil Procedure – a Transatlantic Perspective [interactive. Accessed on: 01.12.2016]. Access via Internet: <https://ssrn.com/abstract=2742330>.

4. BÖRZEL, T., RISSE T. When Europe Hits Home: Europeanization and Domestic Change, *European Integration Online Papers*, 2000, Vol. 4(15) [interactive. Accessed on 13.06.2016]. Access via Internet: <http://eiop.or.at/eiop/texte/2000-015a.htm>.

5. BUX, U. The European Law Institute/UNIDROIT Civil Procedure Projects as a Soft Law Tool to Resolve Conflicts of Law [interactive. Accessed on 12.01.2017]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2017/556972/IPOL_IDA(2017)556972_EN.pdf>.

6. CARTY, H. European Account Preservation Orders: Must Try Harder [interactive. Accessed on: 26.10.2016]. Access via Internet: <https://www.cliffordchance.com/briefings/2014/09/european_accountpreservationordersmusttr.html>.

7. *Civil Procedure: an Overview* [interactive. Accessed on 23.08.2016]. Access via Internet: <https://www.law.cornell.edu/wex/civil_procedure>.

8. DUCHÂTEL, M.; GODEMENT, F. *et al*. *Eurasian Integration: Caught between Russian and China* [interactive. Accessed on: 07.01.2017]. Access via Internet: <http://www.ecfr.eu/article/essay_eurasian>.

9. ELIANTONIO, M. The Future of National Procedural Law in Europe: Harmonisation vs. Judge-made Standards in the Field of Administrative Justice. *Electronic Journal of Comparative Law*, 2009, Vol. 13(3) [interactive. Accessed on: 15.01.2017]. Access via Internet: <https://www.ejcl.org//133/art133-4.pdf>.

10. ELI-UNIDROIT workshop on civil procedure held in Vienna [interactive. Accessed on: 22.04.2015]. Access via Internet: <http://www.europeanlawinstitute.eu/news-events/news-contd/article/eli-unidroit-workshop-on-civil-procedure-held-in-vienna>.

11. FILATOVA, M. Model Laws and National Traditions. *XIV Worldwide Conference of the International Association of Procedural Law*, Heidelberg, 2011 [interactive. Accessed on: 10.02.2015]. Access via Internet: <https://www.academia.edu/5358958/Model_Laws_and_National_Traditions_-_National_Report_Russia>.

12. FREUDENTHAL, M. The Future of European Civil Procedure. *Electronic Journal of Comparative Law*, 2003, Vol. 7.5 [interactive. Accessed on: 26.01.2014]. Access via Internet: <http://www.ejcl.org/ejcl/75/art75-6.html>.

13. HARTNELL, H. *A Bird's Eye View of the EU's Civil Justice Policy Field: Discursive and Institutional Dimensions* [interactive. Accessed on: 25.09.2016]. Access via Internet: <https://eustudies.org/conference/papers/download/86>.

14. HARTNELL, H. 'Judicial Cooperation in Civil Matters' (EUstitia): the Politics of Civil Justice under the EU's Area of Freedom, Security and Justice (AFSJ) [interactive. Accessed on: 16.08.2016]. Access via Internet: <https://eustudies.org/conference/papers/download/194>.

15. HESS, B. *Harmonized Rules and Minimum Standards in the European Law of Civil Procedure* [interactive. Accessed on: 16.05.2015]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2016/556971/IPOL_IDA(2016)556971_EN.pdf>.

16. HRADILOVÁ, V. The Free Movement of Judgments within the European Union: Process of Recognition and Enforcement of Foreign Judgments [interactive. Accessed on: 10.03.2016]. Access via Internet: <http://www.law.muni.cz/sborniky/dp08/files/pdf/mezinaro/hradilova.pdf>.

17. KRAMER, X. Current Gaps and Future Perspectives in European Private International Law: towards a Code on Private International Law? *DG for Internal Policies Policy Department C: Citizens' Rights and Constitutional Affairs* [interactive. Accessed on: 12.04.2015]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/note/join/2012/462476/IPOL-JURI_NT%282012%29462476_EN.pdf>;

18. LELIEUR, J. *Approche critique du vocabulaire juridique européen: la reconnaissance mutuelle à l'épreuve de la coopération judiciaire* [interactive. Accessed on: 17.10.2016]. Access via Internet: <http://cejec.u-paris10.fr/wp-content/uploads/2009/11/wp-2009_6-j-lelieur-l-sinopoli-rce-mutuelle.pdf>.

19. LIEBERT, U. Causal Complexities: Explaining Europeanisation. *CEuS Working Paper*, 2002, No. 2002/1 [interactive. Accessed on 31.12.2014]. Access via Internet: <http://edoc.vifapol.de/opus/volltexte/2012/3776/pdf/2002_1_Liebert.pdf>.

20. MAŃKO, R. *Europeanisation of Civil Procedure: towards Common Minimum Standards*? [interactive. Accessed on: 15.09.2015]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2015/559499/EPRS_IDA(2015)559499_EN.pdf>.

21. MILLER, V. *The EU's acquis communautaire* [interactive. Accessed on: 14.03.2016]. Access via Internet: <http://researchbriefings.files.parliament.uk/documents/SN05944/SN05944.pdf>.

22. RADEV, E. *Working Document on establishing common minimum standards for civil procedure in the European Union – the legal basis*. European Parliament, Committee on Legal Affairs, 21.12.2015. [interactive. Accessed on: 15.02.2017]. Access via Internet: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=COMPARL&reference=PE-572.853&format=PDF&language=EN&secondRef=01>.

23. REDING, V. *Croatia on the Way to EU Membership: Challenges and Expectations*. SPEECH/11/142 [interactive. Accessed on: 05.02.1017]. Access via Internet: <http://europa.eu/rapid/press-release_SPEECH-11-142_en.pdf>.

24. *Report II on collective redress*, November 2014 [interactive. Accessed on: 12.05.2016]. Access via Internet: <https://www.collectiveredress.org/documents/171_report_ii_on_collective_redress_final.pdf>.

25. ROTH, C. Le Règlement 805/2004 portant création d'un Titre Exécutoire Européen: un pas décisif vers la création d'un «code européen de procédure civile» [interactive. Accessed on: 10.07.2016]. Access via Internet: <http://www.creda.ccip.fr>.

26. SCHIMMELFENNIG, F. Europeanization beyond Europe. *Living Reviews in European Governance*, 2012, Vol. 7(1) [interactive. Accessed on: 22.11.2016]. Access via Internet: <http://www.livingreviews.org/lreg-2012-1>.

27. SILVESTRI, E. *Towards a European Code of Civil Procedure? Recent Initiatives for the Drafting of European Rules of Civil Procedure* [interactive. Accessed on: 21.06.2016]. Access via Internet: <https://www.academia.edu/18086809/Towards_a_European_Code_of_Civil_Procedure>.

28. STORME, M. General Introductory Report (MS/EURPROC) [interactive. Accessed on: 31.07.2016]. Access via Internet: <https://www.law.kuleuven.be/web/mstorme/Eu.Harmonis.Proced.intro.pdf>.

29. Tampere: Kick-start to the EU's policy for justice and home affairs. *European Commission Fact Sheet # 3.1* [interactive. Accessed on: 04.10.2016]. Access via Internet: <http://ec.europa.eu/councils/bx20040617/tampere_09_2002_en.pdf>.

30. TULIBACKA, M. *Common minimum standards of civil procedure: European Added Value Assessment* [interactive. Accessed on: 03.01.2017]. Access via Internet: <https://polcms.secure.europarl.europa.eu/cmsdata/upload/2acbea7f-82ef-433b-9723-8e5140a20db7/EPRS_CIVIL_PROCEDURE.pdf>.

31. WELLER, M. *The ELI-UNIDROIT Project: From Transnational Principles to European Rules of Civil Procedure – First Exploratory Workshop* [interactive. Accessed on: 20.04.2015]. Access via Internet: <http://conflictoflaws.net/2013/the-eli-unidroit-project-from-transnational-principles-to-european-rules-of-civil-procedure-1st-exploratory-workshop>.

32. *Армения проиграла в Евросуде жертвам «общественного приоритетного интереса»* [электронный ресурс. Дата доступа: 04.04.2017]. Доступ через интернет: <http://epress.am/ru/2016/10/28/армения-проиграла-в-евросуде-жертвам.html>.

33. ГРЕЦКИЙ, И.; ТРЕЩЕНКОВ, Е. Европейская политика соседства: нюансы восприятия в России [электронный ресурс. Дата доступа: 08.12.2016]. Доступ через интернет: <www.intertrends.ru/thirtieth/Gretskiy.pdf>.

34. ДРОБЯЗКО, С.Г. Юридическая природа гармонизации законодательства в процессе его совершенствования [электронный ресурс. Дата доступа: 03.12.2015]. Доступ через интернет: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/33502/1/14_Дробязко.pdf>.

35. ЕФРЕМОВА, Т.Ф. *Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный*. Москва: Русский язык, 2000 [интерактивный ресурс. Дата доступа: 24.08.2016]. Доступ через интернет: <http://www.efremova.info/>.

36. ЛОНГХАРСТ, К. Дифференциация европейской политики соседства и ее последствия для Украины [электронный ресурс. Дата доступа: 16.07.2016]. Доступ через интернет: <https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/ifri_longhurst_enp_rus_june2008.pdf>.

37. МЕЛЬЯНЦОВ, Д. Обновленная политика соседства ЕС: за стабильность старыми методами [электронный ресурс. Дата доступа: 09.03.2017]. Доступ через интернет: <http://belinstitute.eu/ru/node/2844>.

38. НАЗАРБАЕВ, Н.А. Евразийский Союз: от идеи к истории будущего [электронный ресурс. Дата доступа: 10.02.2014]. Доступ через интернет: <http://izvestia.ru/news/504908>.

39. ТРЕБКОВ, А.А. *Право СНГ: проблемы развития и совершенствования* [электронный ресурс. Дата доступа: 16.07.2016]. Доступ через интернет: <http://sudsng.org/download_files/publication/konf/konf4.pdf>.

IV. Судебная практика

Решения Европейского Суда по правам человека

1. *Airey v. Ireland*, 9 October 1979, no. 6289/73.
2. *Al-Dulimi and Montana Management Inc. v. Switzerland*, 26 November 2013, no. 5809/08.
3. *Ashingdane v. The United Kingdom*, 28 May 1985, no 8225/78.
4. *Avotiņš v. Latvia*, 23 May 2016, no. 17502/07.
5. *Baraona v. Portugal*, 8 July 1987, no. 10092/82.
6. *Belev and Others v. Bulgaria*, 2 April 2009, no 16354/02.
7. *Bellet v. France*, 4 December 1995, no 23805/94.
8. *Bosphorus Airways v. Ireland*, 30 June 2005, no. 45036/98.
9. *Brumărescu v. Romania*, 28 October 1999, no. 28342/95.
10. *Brunet-Lecomte and Others v. France*, 5 February 2009, no 42117/04.
11. *Burdov v. Russia*, 7 May 2002, no. 59498/00.
12. *Burdov v. Russia (N 2)*, 15 January 2009, no. 33509/04.
13. *Dudgeon v. the United Kingdom*, 24 February 1983, no. 7525/76.
14. *Evans v. the United Kingdom*, 10 April 2007, no. 6339/05.
15. *Ferenc Rózsa and István Rózsa v. Hungary*, 28 April 2009, no 30789/05.
16. *Ferrazzini v. Italy*, 12 July 2001, no. 44759/98.
17. *Gasparini v. Italy and Belgium*, 12 May 2009, no. 10750/03.
18. *Golder v. the United Kingdom*, 21 February 1975, no. 4451/70.
19. *Handyside v. the United Kingdom*, 7 December 1976, no. 5493/72.
20. *Hornsby v. Greece*, 19 March 1997, no. 18357/91.
21. *Kehaya et al. v. Bulgaria*, 14 June 2007, nos. 47797/99 and 68698/01.
22. *König v. Germany*, 28 June 1978, no. 6232/73.
23. *Kress v. France*, 7 June 2001, no. 594/98.
24. *Loizidou v. Turkey*, 18 December 1996, no. 15318/89.
25. *Marckx v. Belgium*, 13 June 1979, no. 6833/74.
26. *Michaud v. France*, 6 December 2012, no. 12323/11.
27. *M.S.S. v. Belgium and Greece*, 21 January 2011, no. 30696/09.
28. *Nideröst-Huber v. Switzerland*, 18 February 1997, no. 18990/91.
29. *Pellegrini v. Italy*, 20 July 2001, no. 30882/96.

30. *Petkoski and Others v. Macedonia*, 8 January 2009, no. 27736/03.
31. *Ryabykh v. Russia*, 24 July 2003, no. 52854/99.
32. *Tyrer v. the United Kingdom*, 25 April 1978, no. 5856/72.

Решения Суда Европейского Союза

1. Judgment of the European Court of Justice of 5 February 1963, case no. 26/62 NV Algemene Transporten Expeditie Onderneming van Gend & Loos v. Netherlands Inland Revenue Administration. *European Court Reports*, 1963, p. 1.

2. Judgment of the European Court of Justice of 15 July 1964, case no. 6/64 Flaminio Costa v. E.N.E.L. *European Court Reports*, 1964, p. 1141.

3. Judgment of the European Court of Justice of 12 November 1969, case no. 29-69 Erich Stauder v. City of Ulm – Sozialamt. *European Court Reports*, 1969, p. 419.

4. Judgment of the European Court of Justice of 6 October 1970, case no. 9/70 Franz Grad v. Finanzamt Traunstein. *European Court Reports*, 1970, p. 838.

5. Judgment of the European Court of Justice of 17 December 1970, case no. 11-70 Internationale Handelsgesellschaft mbH v. Einfuhr- und Vorratsstelle für Getreide und Futtermittel. *European Court Reports*, 1970, p. 1126.

6. Judgment of the European Court of Justice of 31 March 1971, case no. 22-70 Commission of the European Communities v. Council of the European Communities (‘ERTA case’). *European Court Reports*, 1971, p. 263.

7. Judgment of the European Court of Justice of 14 October 1976, case no. 29/76 LTU Lufttransportunternehmen GmbH & Co. KG v. Eurocontrol. *European Court Reports*, 1976, p. 1541.

8. Judgment of the European Court of Justice of 16 December 1976, case no. 33/76 Rewe-Zentralfinanz eG and Rewe-Zentral AG v. Landwirtschaftskammer für das Saarland. *European Court Reports*, 1976, p. 1989.

9. Judgment of the European Court of Justice of 16 December 1976, case no. 45/76 Comet BV v. Produktschap voor Siergewassen. *European Court Reports*, 1976, p. 2043.

10. Judgment of the European Court of Justice of 20 February 1979, case no. C-120/78 Rewe-Zentral AG v. Bundesmonopolverwaltung für Branntwein. *European Court Reports*, 1979, p. 664.

11. Judgment of the European Court of Justice of 5 April 1979, case no. 148/78 Criminal proceedings against Tullio Ratti. *European Court Reports*, 1979, p. 1641.

12. Judgment of the European Court of Justice of 13 December 1979, case no. C-44/79 Liselotte Hauer v. Land Rheinland-Pfalz. *European Court Reports*, 1979, p. 3727.

13. Judgment of the European Court of Justice of 15 May 1986, case no. C-222/84 Marguerite Johnston v. Chief Constable of the Royal Ulster Constabulary. *European Court Reports*, 1986, p. 1651.

14. Judgment of the European Court of Justice of 15 May 1990, case no. C-365/88 Kongress Agentur Hagen GmbH v. Zeehaghe BV. *European Court Reports*, 1990, I-01845.

15. Judgment of the European Court of Justice of 19 November 1991, cases nos. 6/90, 9/90 A. Francovich et al. v. Italian Republic. *European Court Reports*, 1991, p. I-05357.

16. Judgment of the European Court of Justice of 21 April 1993, case no. C-172/91 Volker Sonntag v. Hans Waidmann and Others. *European Court Reports*, 1993, p. I-01963.

17. Judgment of the European Court of Justice of 19 December 1995, case no. C-364/93 Antonio Marinari v. Lloyds Bank plc and Zubaidi Trading Company. *European Court Reports*, 1995, I-02719.

18. Judgment of the European Court of Justice of 5 March 1996, cases nos. C-46/93 and C-48/93 Brasserie du Pêcheur SA v. Bundesrepublik Deutschland and The Queen v Secretary of State for Transport. *European Court Reports*, 1996, p. I-1029.

19. Judgment of the European Court of Justice of 28 March 2000, case no. C-7/98 Dieter Krombach v. André Bamberski. *European Court Reports*, 2000, p. I-01935.

20. Judgment of the European Court of Justice of 5 October 2000, case no. C-376/98 Federal Republic of Germany v. European Parliament and Council of the European Union (Action for annulment). *European Court Reports*, 2000, p. 8419.

21. Judgment of the European Court of Justice of 10 May 2001, case no. C-144/99 Commission of the European Communities v. Kingdom of the Netherlands. *European Court Reports*, 2001, p. I-03541.

22. Judgment of the European Court of Justice of 5 November 2002, case no. C-471/98 Commission of the European Communities v. Kingdom of Belgium. *European Court Reports*, 2002, p. 9681.

23. Judgment of the European Court of Justice of 27 April 2004, case no. C-159/02 Gregory Paul Turner v. Felix Fareed Ismail Grovit, Harada Ltd and Changepoint SA. *European Court Reports*, 2004, p. I-03565.

24. Judgment of the European Court of Justice of 1 March 2005, case no C-281/02 Andrew Owusu v. N. B. Jackson. *European Court Reports*, 2005, p. I-01383.

25. Judgment of the European Court of Justice of 11 July 2008, case no. C-195/08 Inga Rinau. *European Court Reports*, 2008, p. I-05271.

26. Judgment of the European Court of Justice of 10 February 2009, case no. C-185/07 Allianz SpA and Generali Assicurazioni Generali SpA v. West Tankers Inc. *European Court Reports*, 2009, p. I-00663.

27. Judgment of the European Court of Justice of 1 July 2010, case no. C-211/10 PPU Doris Povse v. Mauro Alpago. *European Court Reports*, 2010, p. I-06673.

28. Judgment of the European Court of Justice of 22 December 2010, case no. C-491/10 PPU Joseba Andoni Aguirre Zarraga v. Simone Pelz. *European Court Reports*, 2010, p. I-14247.

29. Judgment of the European Court of Justice of 9 October 2014, case no. C-376/14 PPU C. v. M. *European Court Reports*, 2014, p. 2268.

30. Judgment of the European Court of Justice of 13 May 2015, case no. C-536/13 "Gazprom" OAO v. Lietuvos Respublika. *European Court Reports*, 2015, p. 316.

31. Judgment of the European Court of Justice of 19 November 2015, case no. C-455/15 PPU P v. Q. *European Court Reports*, 2015, p. 763.

Заключения Суда Европейского Союза

1. Opinion of the European Court of Justice of 26 April 1977 no. 1/76 given pursuant to Article 228(1) of the EEC Treaty - 'Draft Agreement establishing a European laying-up fund for inland waterway vessels'. *European Court Reports*, 1977, p. 741.

2. Opinion of the European Court of Justice of 7 February 2006 no. 1/03 given pursuant to Article 300(6) EC (Competence of the Community to conclude the new Lugano Convention on jurisdiction and the recognition and enforcement of judgments in civil and commercial matters). *European Court Reports*, 2006, p. I-01145.

3. Opinion of the European Court of Justice of 18 December 2014 no. 2/13 *Draft international agreement — Accession of the European Union to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms — Compatibility of the draft agreement with the EU and FEU Treaties*. European Court Reports, 2014, p. 2454.

Заключения Генеральных Адвокатов Суда ЕС

1. Opinion of Advocate General Wahl delivered on 16 May 2013, case no C-157/12 *Salzgitter Mannesmann Handel GmbH v. SC Laminorul SA* (Request for a preliminary ruling from the Bundesgerichtshof, Germany). European Court Reports, 2013, p. 322.

Судебная практика Экономического Суда СНГ

1. Консультативное заключение Экономического Суда Содружества Независимых Государств «*О толковании ст. 9 Соглашения о порядке разрешения споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20 марта 1992 года*» от 20 июня 2011 года № 01-1/3-10.

2. Консультативное Заключение Экономического Суда СНГ «*О толковании пункта г) статьи 9 Соглашения о порядке разрешения*

споров, связанных с осуществлением хозяйственной деятельности от 20 марта 1992» года от 26 апреля 2014 г. № 01-1/4-13.

3. *Определение Верховного Суда РФ* от 19.08.2008 № 91-Г08-6.

4. *Решение Экономического Суда СНГ от 21 февраля 2007 г.* No 01–1/2–06.

Перечень публикаций автора по теме работы

Основные публикации

1. TEREKHOV, V. The Tendencies of Globalization and Regionalization of Civil Procedural Law in the Countries Comprising the Community of Independent States. *Teisė*, 2015, t. 95, p. 168-181.

2. TEREKHOV, V. The Model Code of Civil Litigation of the Commonwealth of Independent States as a Way of Civil Procedure Harmonization. *Teisė*, 2015, t. 96, p. 238-248.

Другие публикации

1. TEREKHOV, V. 'Europeanization': From Political Idea to the Legal Concept. In: *Integrating Social Sciences into Legal Research* (Conference papers). Vilnius, 2014, p. 295-302.

2. TEREKHOV, V. Transnational Movement of Judgments in Civil and Commercial Matters: Public and Private Interests. In: *Citizen – State – International Community (Collection of Studies)*. Eds.: E. Cała-Waconkiewicz, K. Flaga-Gieruszyńska, D. Wacinkiewicz. Warsaw: C.H. Beck, 2014, p. 446-453.

3. ТЕРЕХОВ, В. Гармонизация гражданского процессуального права: проблемы и перспективы. In: *World & Science: Materials of the international Research and Practice Conference*. Brno, 2014, p. 37-45.

4. ТЕРЕХОВ, В.В. Гармонизация гражданского процессуального права в Евразийском регионе: постановка проблемы. В: *Правотворчество и правоприменение в условиях инновационного развития общества (сборник научных статей)*. Гродно, 2014, с. 453-456.

5. ТЕРЕХОВ, В.В. Взаимное доверие государств к судебным системам друг друга как предпосылка для взаимного признания судебных решений: опыт стран ЕС. В: *Європейські стандарти захисту прав у цивільному судочинстві: випробування часом* (сборник материалов международной научно-практической конференции). Киев, 2014, с. 315-317.

6. ТЕРЕХОВ, В.В. Проблемы гармонизации гражданского процессуального права в Евразийском регионе. В: *Проблемы гражданского судопроизводства в трудах и деятельности М.С. Шакарян* (сборник материалов научно-практической конференции). Отв. ред. С.М. Михайлов. Москва: Проспект, 2014, с. 156-162.

7. ТЕРЕХОВ, В.В. Трансграничное действие национальных судебных актов и концепция государственного суверенитета. В: *Научные труды РАЮН. (Выпуск 14, том 1).* Москва, 2014, с. 1030-1034.

8. TEREKHOV, V.V. Presentazione dottrinale di responsabilità Stato riconosca atti giudiziari stranieri. *Italian Science Review*. 2014, Vol. 1(10), p. 100-104

9. TEREKHOV, V.V. Argomenti a favore della necessità di armonizzazione del sistema di civile-processuale nazionale. *Italian Science Review*, 2014, Vol. 12(21), p. 54-57.

10. ТЕРЕХОВ, В.В. Основные нововведения реформированного Регламента ЕС о юрисдикции и признании и исполнении решений. *Вестник гражданского процесса*, 2014, № 6, с. 204-229.

11. ТЕРЕХОВ, В.В. Гармонизация гражданского процессуального права: о возможности и необходимости. *Вестник Гродненского государственного университета им. Я. Купалы. Сер. 4 «Правововедение»*, 2015, № 2, с. 56-62.

12. ТЕРЕХОВ, В.В. О необходимости либерализации подходов к основаниям признания зарубежных судебных актов. В: *Сборник научных статей студентов, магистрантов, аспирантов БГУ (выпуск 13, том 2)*. Минск, 2015, с. 158-160.

13. TEREKHOV, V. European Civil Procedure in Maintaining Security of Private Law Relations. In: *Security as a Purpose of Law* (Conference papers). Vilnius, 2015, p. 230-237.

14. ТЕРЕХОВ, В.В. Европейский и международный гражданский процесс: проблема соотношения. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2015, № 6, с. 34-39.

15. ТЕРЕХОВ, В.В. О понятии европейского гражданского процесса. *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 4, с. 84-112.

16. TEREKHOV, V. Law and Modern Technologies in Cross-Border Judicial Cooperation. In: *Interdisciplinary Approach to Law in Modern Social Context* (Conference papers). Vilnius, 2016, p. 322-330.

17. ТЕРЕХОВ, В.В. Проблемы преподавания европейского гражданского процесса в ВУЗах постсоветских государств. В: *Актуальные проблемы юридического образования в контексте обучения альтернативному урегулированию споров как подходу к обеспечению прав человека* (материалы конференции). Минск, 2016, с. 101-108.

18. ТЕРЕХОВ, В.В. Перспективы дальнейшего сближения гражданского процессуального права в Европейском Союзе. *Арбитражный и гражданский процесс*, 2017, № 4, с. 59-64.

19. ТЕРЕХОВ, В.В. Европейский подход к сближению гражданского процессуального права в исторической перспективе. *Вестник гражданского процесса*, 2017, № 3, с. 154-187.

Перечень выступлений автора по теме работы на международных конференциях

Результаты диссертационного исследования были представлены на следующих международных конференциях и семинарах:

1. Международная конференция аспирантов и молодых ученых «*Правотворчество и правоприменение в условиях инновационного развития общества*» (27 февраля 2014 г.), организованная Гродненским государственным университетом им. Я. Купалы (Республика Беларусь) – выступление с докладом «*Гармонизация гражданского процессуального права в Евразийском регионе: постановка проблемы*»;

2. Международная конференция докторантов и молодых ученых "*Integrating Social Sciences into Legal Research*" (11 апреля 2014 г.), организованная Юридическим факультетом Вильнюсского университета – выступление с докладом "*Europeanisation: from Political Idea to the Legal Concept*";

3. Международная конференция докторантов и молодых ученых "*Security as the Purpose of Law*" (10 апреля 2015 г.), организованная Юридическим факультетом Вильнюсского университета – выступлени с докладом "*European Civil Procedure in Maintaining Security of Private Relations*";

4. Круглый стол "*Impact of European Court of Human Rights Decisions on Domestic Law*" (10 марта 2016 г.), организованный университетом Западный Париж – Нантер-ля-Дефанс (Франция) – выступление с презентацией на тему "*Influence of the ECHR on the Evolution of Domestic Civil Procedure*";

5. Международная конференция докторантов и молодых ученых "*Interdisciplinary Approach to Law in Modern Social Context*" (22 апреля 2016 г.), организованная Юридическим факлуьтетом Вильнюсского

университета – выступление с докладом “*Law and Modern Technologies in Cross-Border Judicial Cooperation*”;

6. Международная научно-практическая конференция «*Актуальные проблемы юридического образования в контексте обучения альтернативному урегулированию споров как подходу к обеспечению прав человека*» (30 ноября 2016 г.), организованная Белорусским государственным университетом (Минск, Республика Беларусь) – выступление с докладом «*Проблемы преподавания европейского гражданского процесса в ВУЗах постсоветских государств*».